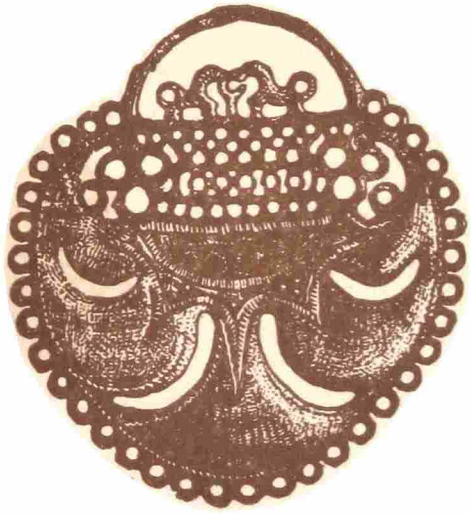
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1

1989

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1989 1

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан
в 1957 году

Выходит
4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор)

А. А. Аскаров, А. В. Виноградов, В. И. Гуляев,
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, В. И. Козенкова (отв. секретарь),
Г. А. Кошеленко, В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон,
Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев, Т. М. Потемкина,
Д. С. Раевский, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко,
Е. Н. Черных (зам. главного редактора), В. Л. Янин

СОДЕРЖАНИЕ

Вишняцкий Л. Б. (Ленинград). Изучение палеолита Средней Азии (материалы, методы, концепции) . . . 5
Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. (Москва) Опыт датирования по ^{14}C погребений Прибайкалья эпохи голоцена 19
Качалова Н. К. (Ленинград). О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья (к постановке проблемы) 33
Ольховский В. С. (Москва). Оленные камни (к семантике образа) 48
Дубовская О. Р. (Донецк). К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада 63
Щукин М. Б. (Ленинград). Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе . . . 70
Сазанов А. В., Иващенко Ю. Ф. (Москва). К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора 84
Белецкий С. В., Мокеев Г. Я. (Москва). Клети Псковского Крома 103

Публикации

Колесник А. В. (Жданов). Мустьерская кремнеобрабатывающая мастерская Звановка в Донбассе 117
Гадзяцкая О. С., Уткин А. В. (Москва, Иваново). Новые раскопки Вашутинской стоянки . . . 125
Исаков А. И., Потемкина Т. М. (Пенджикент, Москва) Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане 145

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1989 г

Спиридонова Е. А. (Москва). Результаты палинологического изучения образцов из толщ четвертичных отложений могильника Дашти-Козы . . . 167
Братченко С. Н., Швецов М. Л., Дубовская О. Р. (Киев, Донецк). Курган IV в. до н. э. в бассейне Северского Донца . . . 170
Зайцева К. И. (Ленинград). Ольвийская расписная амфора III в. до н. э. . 178
Гопак В. Д. (Винница). Кузнечное ремесло постзарубинецких памятников Среднего Поднепровья и Подесенья . 190
Слонов В. Н. (Саратов). К проблеме хронологии и локализации места производства эмалевых подвесок-лунниц . 199
Моргунов Ю. Ю. (Москва). К изучению летописного города Римова . 206
Панова Т. Д. (Москва). Погребальные комплексы на территории Московского Кремля 219

Дискуссии

Гуляев В. И., Черных Е. Н. (Москва). Перспективы марксизма в западной археологии (Marxist perspectives in archaeology / Ed. Spriggs M. Cambridge, 1984) 235
Захарук Ю. Н. (Москва). О марксистских позициях в работах западных археологов (Marxist perspectives in archaeology / Ed. Spriggs. M. Cambridge, 1984) 247

Заметки

Сериков Ю. Б. (Нижний Тагил). Мезолитические памятники реки Баранчи (Среднее Зауралье) . . . 253
Чежина Е. Ф. (Ленинград). Уникальная надпись на раннескифском псалии из Южного Приуралья 261
Косяненко В. М., Максименко В. Е. (Ростов-на-Дону). Комплекс вещей из сарматского погребения у хутора Виноградный на Нижнем Дону . 264
Шавкунов Э. В. (Владивосток). Бронзовая верительная бирка в виде рыбки из Николаевского городища . 267
Смагулов Е. А. (Алма-Ата). Средневековый шлем из Мерке 270

Критика и библиография

Иванов В. А. (Уфа). *Р. Д. Голдина.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985 274
Краснов Ю. А., Флёров В. С. (Москва). *В. К. Михеев.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985 . 279
Рнер Я. Г. (Могилев). Проблемы средневековой аграрной археологии Чехословакии в сборнике «Archaeologia Historica». N 10. Brno, Nitra, 1985 285

Хроника

Буряков Ю. Ф., Филонович М. И. (Самарканд). Первый советско-французский коллоквиум по проблемам истории городской культуры Бактрии и Согда 291
Щапова Ю. Л. (Москва). Второй Международный симпозиум археологов и историков стекла в Торуни . 293
Шилов В. П., Массон В. М. (Москва, Ленинград). Всемирный археологический конгресс 296

Обращение к читателям и авторам 301

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

1989 1

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Vishnyatsky L. B. (Leningrad). The Palaeolithic of Central Asia 5
Mamonova N. N., Sulerzhitski L. D. (Moscow). An Attempt to Date Some Holocene Burials in the Baikal Region According to C_{14} 19
Kachalova N. K. (Leningrad). On the Concluding Phase of the Bronze Age in the Lower Volga Area . . . 33
Olkhovsky V. S. (Moscow). The Menhirs «Olennye Kamny» (On the Image Semantics) 48
Dubovskaya O. R. (Donetsk). On the Interpretation of the Complexes of the Novocherkassk Hoard Types . . 63
Shchukin M. B. (Leningrad). Sarmatians in the Lands West of the Dnieper and Certain Events in Central and Eastern Europe in the 1st Century A. D. . 70
Sazanov A. V., Ivashchenko Y. F. (Moscow). On the Dates of the Late Antiquity Levels in the Bosporan Cities 84
Beletsky S. V., Mokeev G. Y. (Moscow). Store-Rooms of the Pskov Kremlin 103

Publications

Kolesnik A. V. (Zhdanov). Zvanovka, a Mousterian Flint-Processing Shop in Donbass 117
Gadzyatskaya O. S., Utkin A. V. (Moscow, Ivanovo), New Diggings at the Vashutino Camp . . . 125
Isakov A. I., Potemkina T. M. (Pendjikent, Moscow). A Burial Ground of a Steppe Tribe of the Bronze Age in Tajikistan 145
Spiridonova E. A. (Moscow). The Results of Palinological Study of Samples from the Quaternary Deposits of Dashti-Kozi Cemetery 167
Bratchenko S. N., Shvetsov M. L., Dubovskaya O. R. (Kiev, Donetsk) A Mound of the 4th Century B. C. in the basin of Seversky Donetz 170
Zaitseva K. I. (Leningrad). A 3rd-Century B. C. Painted Amphora from Olbia 178
Gopak V. D. (Vinnitsa) Smithcraft on the Post-Zarubintsy Sites of the Middle Dnieper and the Desna 190
Slonov V. N. (Saratov) On the Classification of Enamelled Pendants 199
Morgunov Y. Y. (Moscow). On the Studies of the Town of Rimov Mentioned in Chronicles . 206
Panova T. D. (Moscow). Burial Complexes in the Moscow Kremlin . 219

Discussions

Gulyaev V. I., Chernykh E. N. (Moscow). Survey of the book: M. Spriggs (ed). Marxist Perspectives in Archaeology. Cambridge, 1984 . . 235
Zakharuk Y. N. (Moscow). Review of the book: M. Spriggs (ed). Marxist Perspectives in Archaeology. Cambridge, 1984 247

Notes

Serikov Y. B. (Nizhny Tagil). Mesolithic Sites on the Baranchi River (Middle Trans-Ural Area) 253
Chezina E. F. (Leningrad). A Unique Inscription on an Early Scythian Cheek-Piece from Southern Urals 261
Kosyanenko V. M., Maximenko V. E. (Rostov-on-Don). A Complex of Finds from a Sarmatian Burial at the Vinogradny Village in the Lower Don 264
Shavkunov E. V. (Vladivostok). A Bronze Plate of Credentials Shaped as a Fish from the Nikolaevsky Fortified Settlement (8th c.) . . 267
Smagulov E. A. (Alma-Ata). A Mediaeval Helmet from Merke 270

Reviews of Literature and Bibliography

Ivanov V. A. (Ufa). *R. D. Goldina.* Lomovatovskaya Culture in the Upper Kama Region, Irkutsk, 1985 274
Krasnov Y. A., Flerov V. S. (Moscow). *V. K. Mikheev.* The Don Region in the Khazar Kaganate, Kharkov, 1985 279
Rier Y. G. (Mogilev). Problems of Mediaeval Agrarian Archaeology of Czechoslovakia in the Collection «Archaeologia Historica». № 10. Brno, Nitra, 1985 285

Chronicle

Buryakov Y. F., Filanovich M. I. (Samarkand). The First Soviet-French Symposium on the Problems of the History of Bactrian and Sogdian Urban Culture . 291
Shchapova Y. L. (Moscow). The Second International Symposium of Archaeologists and Historians of Glass in Torun 293
Shilov V. P., Masson V. M. (Moscow, Leningrad). The World Archaeological Congress 296

To the Readers and Our Contributors 301

Л. Б. ВИШНЯЦКИЙ

ИЗУЧЕНИЕ ПАЛЕОЛИТА СРЕДНЕЙ АЗИИ (МАТЕРИАЛЫ, МЕТОДЫ, КОНЦЕПЦИИ)

За полстолетия, миновавших со дня открытия А. П. Окладниковым стоянки неандертальцев в гроте Тешик-Таш, изучение палеолита Средней Азии заметно продвинулось вперед. Если еще в середине 1930-х годов в регионе практически не было известно памятников древнекаменного века [1, с. 9; 2, с. 383], то спустя четверть века, согласно известной сводке, на среднеазиатской территории было открыто около 40 памятников, представлявших все эпохи палеолита: раннюю, среднюю и позднюю [3] Еще через 10 лет в одном только Узбекистане, по некоторым подсчетам, было более 100 пунктов, давших палеолитические находки [4, с. 35]; согласно же второму изданию справочника Н. А. Береговой, для региона в целом число таких пунктов возросло с 1958 по 1970 г. почти на 50 [5] Таким образом, если не включать единичные или сомнительные находки, то, очевидно, можно считать, что сейчас в Средней Азии имеется около 100 таких палеолитических памятников, материалы которых не могут не принимать в расчет исследователи древнейшего прошлого региона.

По мере увеличения корпуса археологических данных, разумеется, росло и количество проблем, связанных с атрибуцией и интерпретацией этих материалов, и соответственно число публикаций, посвященных различным аспектам изучения среднеазиатского палеолита. По подсчетам автора, в справочниках «Советская археологическая литература» учтено 239 наименований работ по палеолитической тематике Средней Азии, вышедших с 1939 по 1975 г. (работы по территории Казахстана не учитывались). Более 30 работ из этого числа посвящены аспектам естественнонаучным: геологическим, палеонтологическим, антропологическим. В настоящее время общее число публикаций превысило 300, причем среди них возрос удельный вес естественнонаучных.

Помимо публикаций материала и исследований, предметом которых являлись разного рода частные вопросы, выходили и работы, носившие характер сводок и обзоров. Интересно, что первая статья такого рода написана зарубежным археологом [2, 6] В этих работах рассматривались и суммировались данные по многим проблемам, как собственно археологическим, так и решаемым в ходе комплексных исследований (хронология, палеогеография, антропология и т. д.). Кроме того, детально описывалась история изучения среднеазиатского палеолита [7, 8], что можно сказать далеко не о каждом регионе.

В итоге сегодня специалист, желающий получить целостное представление о палеолите Средней Азии и состоянии его изученности, без труда может удовлетворить свой интерес, обратившись к легкодоступным и весьма информативным обобщающим публикациям, которые выходили не только на русском, но и на других европейских языках [9—14]

Настоящая работа также в большой степени носит обзорный характер, но рассматриваться в ней будут не отдельные памятники, а различные обобщающие построения, в которых материалы Средней Азии соотносятся не только между собой, но и с материалами других территорий в культурном отношении. Иными словами, речь пойдет о концепциях культурного членения палеолита Средней Азии и методиках такого членения, нашедших отражение в археологической литературе.

Благодаря наличию уже упомянутых обобщающих трудов А. П. Окладникова, З. А. Абрамовой и прежде всего В. А. Ранова автор настоящей статьи избавлен от необходимости приводить характеристики множества памятников, перечислять существующие точки зрения на их культурно-хронологическую атрибуцию[1] и имеет возможность полностью сосредоточиться на указанном круге вопросов, которым до сих пор уделялось недостаточное внимание и без обсуждения которых, с точки зрения автора, теряет смысл само накопление материалов.

Может показаться странным, что здесь предлагается рассмотреть вопросы, история изучения которых насчитывает уже не один десяток лет. В самом деле, в ряде выходивших в разные годы хорошо известных специалистам работ в той или иной мере затрагивается проблематика культурного членения среднеазиатского палеолита и его положения в более широком археологическом контексте — азиатском, евразийском или панойкуменном. Однако очень часто в этих работах на суд читателя выносятся лишь итоговые схемы, обоснование которых остается за рамками публикаций. В тех же случаях, когда обоснование дается, требуют специального разбора методические основания проводимых построений, поскольку у каждого автора свой подход к материалу и разобраться в них и выбрать между ними — дело далеко не простое. Наконец, ждет специального изучения история становления концепций культурного членения среднеазиатского палеолита, поскольку все существующие труды по истории изучения палеолита Средней Азии при всей их добросовестности, скрупулезности и несомненной ценности являются историями исключительно полевых открытий и археологических учреждений и не затрагивают процесса смены теорий и гипотез, объясняющих и интерпретирующих материалы, появляющиеся в итоге этих открытий.

Таким образом, ниже рассматриваются и сопоставляются выделяемые разными авторами в палеолите Средней Азии культурные единства, а также анализируются методические основания и история становления таких построений[2].

Начнем с общего обзора концепций. В палеолитоведении Средней Азии существует несколько концепций соотношения памятников этой территории между собой и их положения в более широком контексте. Свои точки зрения на рассматриваемую проблематику излагали А. П. Окладников, В. А. Ранов, Р. Х. Сулейманов, М. Р. Касымов, Н. Х. Ташкенбаев, З. А. Абрамова. Ряд высказываний по интересующей нас тематике можно найти и в публикациях некоторых других авторов. Предлагаются следующие варианты культурного членения палеолита Средней Азии.

1. Концепция А. П. Окладникова — В. А. Ранова (разработана А. П. Окладниковым и затем дополнена В. А. Рановым) предполагает существование в Средней Азии двух разнокультурных зон, тяготеющих соответственно к Передней и Восточной Азии.

2. Концепция В. А. Ранова. Касается только материалов среднего палеолита. Уживается в построениях В. А. Ранова с первой концепцией. Постулируется существование четырех фаций (леваллуа-мустьерской, леваллуазской, мустьерской, мустьеро-соанской), допускается выделение новых (зубчатой, в частности).

3. Концепция Р. Х. Сулейманова. Касается в основном материалов среднего палеолита. Выделяются два пути развития: особый (все памятники, кроме Кульбулака) и зубчатый (Кульбулак). Кроме того, постулируются и археологические культуры, из которых основная — обирахматская включает множество памятников, представляющих различные хронологические этапы ее развития.

4. Концепция М. Р. Касымова ограничена территорией Узбекистана и мустьерской эпохой. Изложена лишь в тезисной форме. По части группировки памятников во многом совпадает с предыдущей концепцией. Далее рассматривается вместе с ней.

5. Концепция З. А. Абрамовой разработана на основе схемы В. А. Ранова с внесением в последнюю некоторых изменений.

Как видно из приведенного перечня концепций, они сводятся к трем основным; четвертая и пятая в общем примыкают соответственно к третьей и второй. Анализ этих трех основных концепций и составляет главную часть данной работы.

История становления концепций. 1. *Концепция А. П. Окладникова — В. А. Ранова* в своем происхождении и развитии тесно связана с широко известной теорией Х. Мовиуса, которая, как будет показано, играла и играет до сих пор весьма значительную роль в объяснении разнообразия среднеазиатского палеолита. Достаточно бегло взглянуть на составленную Х. Мовиусом карту распространения «культур рубил» и «культур чопперов», чтобы заметить, что территория от Каспийского моря до Гиндукуша является пограничной между этими двумя зонами [17, с. 103]. Отмеченное обстоятельство не могло не повлиять на исследователей.

А. П. Окладников еще в 1956 г. писал о соприкосновении на территории Средней Азии двух больших культурных областей палеолитического человечества. «Первая из них простиралась к востоку и северу от Киргизии, вторая — к югу и к западу от нее» [18, с. 19], причем в первой «широко пользовались древними восточными приемами изготовления каменных орудий из расколотых галек» [18, с. 22]. Правда, в цитированных отрывках речь идет лишь о верхнем палеолите, но в этой же работе внимание специалистов обращается на большое сходство некоторых находок А. П. Окладникова на востоке Средней Азии, относимых им к нижнему палеолиту, с известными галечными орудиями юго-востока Азии [18, с. 11].

Однако «генеральная примерка» теории Х. Мовиуса к палеолиту Средней Азии состоялась лишь в середине 1960-х годов. Именно к этому времени благодаря открытию в регионе множества разновременных и разнохарактерных палеолитических памятников появилась возможность проанализировать имеющиеся материалы на широком фоне палеолита других территорий с уделением первоочередного внимания характеристике особенностей и связей древнейших культур региона. Тон в исследованиях подобного рода задавался А. П. Окладниковым и позже В. А. Рановым.

В 1966 г. в итоговом сборнике по камню и бронзе Средней Азии А. П. Окладников выступил с большим обобщающим обзором палеолита [9] Главу, посвященную нижнему палеолиту, он завершил рассмотрением вопроса «о двух культурных традициях и связи с соседними странами». Исследователь пришел к выводу о том, «что уже в это время обнаруживается расхождение путей развития культуры на западе и на востоке Средней Азии». Он отметил, что орудия типа ручного рубила обнаружены в Средней Азии лишь в двух экземплярах, оба на крайнем западе региона, тогда как на востоке рубил нет совсем, но зато уже с весьма раннего времени появляются орудия иного рода — чопперы. Вывод из этого делается прямо по Мовиусу. «Влияние нижнепалеолитической культуры ручного рубила,— пишет А. П. Окладников,— прослеживается, таким образом, лишь на крайнем юго-западе Средней Азии, в Туркмении. На востоке же и на севере... как будто обнаруживается известное влияние культуры чопперов. Очень вероятно, что первобытные люди, впервые заселившие восточные области Средней Азии, в своем большинстве были скорее в родстве с синантропами — первобытным населением Юго-Восточной и Восточной Азии, чем с шельскими и ашельскими людьми — жителями Европы, Африки и Передней Азии» [9, с. 22].

С близкими взглядами выступил В. А. Ранов, который, однако, подключил к концепции и более поздние, чем нижнепалеолитические, материалы. Взяв на вооружение сначала идею С. Н. Замятнина о существовании трех больших культурных областей в верхнем палеолите и высказав предположение, что следы этих областей можно проследить и в среднем и в нижнем палеолите, он отметил, что Средняя Азия находится на стыке этих областей [19, с. 35], и выделил на ее территории две группы палеолитических памятников[3] Первая группа (А)

связывается с памятниками, расположенными к западу от Средней Азии, в основном с культурами Передней Азии, вторая (Б) — с памятниками, лежащими на востоке (культуры восточноазиатского типа) [20, с. 97]. Параллельное развитие культур групп А и Б прослеживается В. А. Рановым «начиная с нижнего палеолита и кончая временем перехода к раннему металлу» [20, с. 104] Для памятников первой группы характерны на самых ранних этапах рубила (предположительно), а затем леваллуа-мустьерский облик культуры; памятники второй группы объединяются прежде всего галечной техникой, набором «грубых рубящих орудий».

Трудно не предположить, что в данном случае именно идеи Х. Мовиуса, воспринятые уже А. П. Окладниковым, послужили той канвой, в которую была вплетена нить рассуждений В. А. Ранова, и предопределили в значительной мере характер решения вопроса.

Кроме А. П. Окладникова и В. А. Ранова в свете концепции Мовиуса воспринимал палеолит Средней Азии в 1960-е годы и В. Е. Ларичев [21]

Таким образом, видно, что авторы, впервые серьезно рассматривавшие вопрос о характере культур палеолита Средней Азии, шли по пути, проложенному Мовиусом. Было ясно, что палеолит огромного региона неоднороден и не может быть однороден; направление же поисков различий подсказывала получившая широкую известность схема[4] Она без существенных натяжек накладывалась на имеющийся материал, объясняя при этом его разнообразие.

Вскоре, однако, рассматриваемая концепция вступает в период кризиса, подвергается критике и частичному или полному пересмотру. Этому способствовали как ряд поражений теории Мовиуса на отдаленных от Средней Азии «фронтах», так и распространение у нас во второй половине 1960-х — начале 1970-х годов некоторых новых методических и теоретических веяний, прежде всего взглядов Ф. Борда. Главным объектом критики стали построения В. А. Ранова.

Хотя все критики выступали с различных позиций и истоки их несогласия с точкой зрения В. А. Ранова также различны, можно отметить две черты, общие для работ, где доказывалась неправомерность построений, восходящих к теории Мовиуса и касающихся Средней Азии. Во-первых, во всех этих работах в части доказательств основной упор делается на то, что новые открытия в разных частях света не всегда укладываются в слишком теперь жесткие рамки схемы американского ученого, а во-вторых, нигде важнейшая проблема палеолитоведения Средней Азии не решается на материалах самой Средней Азии. Иными словами, аргументы приводили против теории Мовиуса, а вывод делали против концепции А. П. Окладникова — В. А. Ранова [24, с. 112, 113; 25, с. 110—112; 26, с. 184—186]

Тем не менее критика оказала известное влияние (влияние, очевидно, во многом стимулирующее) на взгляды В. А. Ранова. Начиная с 1968 г. тезис о сосуществовании в Средней Азии двух групп памятников палеолита — А и Б, западной и восточной, сочетается в его работах с констатацией и критикой некоторых крайностей в воззрениях Мовиуса [27, с. 7; 28, с. 189] [5] Кроме того, в некоторых работах в качестве поля притяжения памятников группы Б называется не восточноазиатская, а сибирско-монгольская зона [29, с. 22], что, правда, существа дела не меняет, а лишь несколько запутывает[6] В большой обзорной статье о палеолите Средней Азии, написанной В. А. Рановым совместно с Р. Дэвисом [15], вообще отсутствует развитие идеи о двух группах культур (А и Б), однако эта сдержанность, можно думать, отражает больше точку зрения Р. Дэвиса, которому вообще представление о двух «гомогенных культурно-исторических сферах, которые каким-то образом поддерживали свои границы на протяжении сотен тысячелетий», кажется «совершенно фантастическим» [30, с. 267]. Что же касается точки зрения самого В. А. Ранова, то она вполне определенно выражена в последнем из опубликованных им обзоров палеолита Средней Азии, где вновь говорится о переднеазиатской группе А и восточноазиатской группе Б, причем как о «двух самобытных, не переходящих друг в друга традициях» [13, с. 306, 313]

В настоящее время рассматриваемая концепция не входит в круг вопросов, активно обсуждаемых специалистами по палеолиту. В обобщающих же работах последних лет она, по крайней мере в своей нижнепалеолитической версии, находит поддержку [14, с. 136] и излагается весьма сочувственно [31, с. 79]

Таким образом, судьба концепции двухзональности и двухлинейности развития палеолита Средней Азии была довольно сложной, а дискуссия вокруг нее подчас просто запутанной. Поэтому имеет смысл в качестве заключения анализа истории концепции попытаться наметить основные периоды ее развития. По мнению автора, периоды эти таковы: 1) 50-е — первая половина 60-х годов. Эмбриональный период. Ознакомление советских исследователей с идеями Х. Мовиуса. Ряд эмпирических наблюдений, наводящих на мысль о приложимости этих идей к палеолиту Средней Азии; 2) середина 60-х годов. Рождение и утверждение. Монопольное положение в объяснении разнообразия среднеазиатского палеолита; 3) конец 60-х — начало 70-х годов. Кризис. Утрата монопольного положения. Некоторые уступки критикам; 4) середина и конец 70-х годов. Депрессия. Перестает быть центром обсуждения, уступая эту роль другим концепциям; 5) 80-е годы. Начало возрождения?

Разумеется, о правомерности выделения последнего периода можно будет уверенно судить лишь по прошествии некоторого времени, продолжительность которого будет зависеть от интенсивности работы специалистов по палеолиту.

2. *Концепция В. А. Ранова.* В археологии палеолита рождались и развивались новые тенденции, изменялся в количественном и, что особенно важно, в качественном (благодаря совершенствованию методики полевых исследований) отношении материал, утверждались новые взгляды на проблему существования и характера культурных единств. Все это не могло не повлиять на обобщающие разработки в среднеазиатском палеолитоведении.

К началу 1970-х годов в советской археологической литературе под влиянием в первую очередь идей Ф. Борда получает широкое распространение точка зрения о существовании уже по крайней мере в мустьерскую эпоху целого ряда «культурных групп» (в иной терминологии «фаций», «вариантов культур» и т. д.). Они были выделены на Кавказе [32, 33], на Русской равнине и в Крыму [34] Г П. Григорьев выделял собственно археологические культуры в мустье ряда областей Европы [35] «В результате казавшаяся ранее единой или почти единой мустьерская культура распалась на несколько групп, отличающихся друг от друга по ряду признаков» [27, с. 3] И вот, пересмотрев под новым углом зрения старые материалы, В. А. Ранов приходит к выводу, что «леваллуа-мустьерская группа (т. е. группа А.— *Л. В.*) не является такой однородной, как это казалось до сих пор. Внутри этой группы между памятниками намечаются различия, которые по всем данным можно поставить в ранг „культурных групп“ или „технических вариантов“» [10, с. 21] В. А. Ранов выделяет четыре таких варианта, упомянув, что намечается уже и пятый[7] Первые четыре — это леваллуазский, леваллуа-мустьерский, мустьерский и мустьеро-соанский, пятый — зубчатый. Характеристики этих вариантов даны В. А. Рановым во многих работах [10, с. 23—25; 27, с. 9; и др.], так что здесь нет необходимости повторять их.

Излагая впервые свою новую схему членения среднеазиатского мустье, В. А. Ранов писал, что «накопление новых данных, безусловно, приведет не только к открытию новых фаций, но и к уточнению характеристики старых» [27, с. 10] Однако ни того, ни другого за почти 20 лет, прошедших с тех пор, не произошло. Несмотря на то, что корпус материалов, относящихся к эпохе палеолита Средней Азии, действительно значительно увеличился, не было выделено не только новых фаций, но даже и списки относимых к каждой фации памятников изменились очень мало. Так, для леваллуазской фации с 1968 по 1984 г. неизменно указывались три памятника: Ходжикент, Джар-Кутан и Обирахмат; в леваллуа-мустьерской фации место неупомянутого в последнем обзоре

Капчигая заняла индустрия Худжи [36]; для мустьеро-соана предполагается (со знаком вопроса) включение Георгиевского Бугра [13, с. 314] и только лишь в мустье типичное добавлено два памятника: в 1973 г. Огзи-Кичик [10, с. 23] и в 1984 г. Кутурбулак [13, с. 314] Общие характеристики фаций, как уже было сказано, тоже не изменились.

Единственным элементом рассматриваемой концепции, демонстрирующим некоторую изменчивость, является терминология, применяемая для обозначения выделяемых культурных единств, но и здесь изменения носят скорее колебательный, чем направленный, характер. Очевидно, не решаясь остановиться на каком-то одном термине и тем самым придать бóльшую определенность характеру общности, объединяющей памятники, В. А. Ранов пользуется почти всеми терминами, существующими в современной науке о палеолите: «локальные культуры», «локальные варианты или фации» , «локальные (фациальные) группы (варианты) и индустрии» (1968 г.) [8], «варианты мустье» (1971 г.), «культурные группы», «технические варианты» (1972 г.), «технологические варианты» (1979 г.), не поясняя нигде, какое содержание он в них вкладывает. Некоторую направленность терминологических изменений можно усмотреть лишь в намечающейся в работах последних лет тенденции говорить вместо «локальных вариантов» о вариантах «технических» или «технологических», что, очевидно, означает отход от первоначальной цели «установить локальные культуры внутри палеолита Средней Азии» [27, с. 4] [9], подчеркивая лишь суть отличий (технические показатели) между разными группами. Объясняемый, возможно, слабой разработанностью теоретического языка палеолитоведения и археологии вообще, этот терминологический разнобой делает отдельные места в работах В. А. Ранова труднопонимаемыми и затрудняет анализ его концепции вообще[10]

Кстати, примеров такого анализа в литературе и нет. Разумеется, это не означает отсутствия у концепции В. А. Ранова слабых мест. Археологам, привыкшим работать с конкретным материалом, часто трудно судить об обобщающих построениях их коллег из-за разобщенности, а нередко и недоступности коллекций и из-за явной недостаточности публикаций последних. Кроме того, сказалось, видимо, и то обстоятельство, что сегодня среднеазиатскую палеолитическую проблематику разрабатывает весьма ограниченный круг исследователей и многие из них более или менее равнодушны к работам, хоть сколько-нибудь поднимающимся над эмпирическим уровнем.

Итак, в итоге анализа истории развития концепции В. А. Ранова можно констатировать ее неподверженность сколько-нибудь существенным изменениям на протяжении всего ее существования.

Следует отметить, что сейчас концепции В. А. Ранова принадлежит господствующее место в объяснении разнообразия среднеазиатского среднего палеолита и не существует конкурирующих концепций, сопоставимых с ней по четкости основных положений и широте охвата материала.

Очевидно, именно поэтому обсуждаемую концепцию взяла за основу З. А. Абрамова, подводя итоги своего обзора раннего и среднего палеолита азиатской части СССР. Схема В. А. Ранова представляется ей наиболее приемлемой [14, с. 146]. Тем не менее З. А. Абрамова вносит в нее некоторые изменения. В частности, Обирахмат она включает не в леваллуазскую группу, а в группу типичного мустье.

3. *Концепция Р. Х. Сулейманова.* Эта концепция возникла на гребне той же волны новаций, что породила и концепцию В. А. Ранова. Изложенные впервые в кандидатской диссертации, взгляды Р. Х. Сулейманова нашли затем выражение в его известной монографии [25] и, наконец, в книге, написанной совместно с Н. Х. Ташкенбаевым [38]

Р. Х. Сулеймановым было выдвинуто положение, что «мустьерские стоянки Средней Азии по характеру индустрии можно разделить на две большие группы, различающиеся по техническим традициям, приемам расщепления

и набору орудий» [25,с. 101]. К первой группе были отнесены Кульбулак и Бозсу, ко второй — Обирахмат, Тешик-Таш, Ходжикент и местонахождения Южной Ферганы. Для каменного инвентаря памятников первой группы характерны прежде всего выемчато-зубчатые формы, второй — дисковидные нуклеусы, скребла, резцы, струги, причем выемчатых орудий почти нет. Памятники второй группы объединяются затем Р. Х. Сулеймановым в обирахматскую культуру, к которой он относит также Кайрак-Кумы, Джар-Кутан и ряд других комплексов. Далее по ходу изложения своей концепции ее автор как бы забывает о высказанном положении о двух группах памятников, исчерпывающих все разнообразие среднеазиатского мустье, и, обозначая обе группы уже как локальные культуры, добавляет к ним третью (Учтут, Вауш, Иджонт, Тутли), намечает четвертую (Кара-Бура) и заключает, что «такова в общих чертах еще далеко не полная картина мустьерских локальных культур в Средней Азии» [25, с. 117, 118] Как следует из контекста, все эти «локальные культуры» рассматриваются как явления однопорядковые и, следовательно, остаются, кроме двух первых, за рамками первоначально намеченных групп.

С близкой схемой членения мустье Узбекистана выступил в 1972 г. и М. Р. Касымов [4] «Три варианта или культуры», выделенные им, практически полностью совпадают по составу входящих в них памятников с тремя из «локальных культур» Р. Х. Сулейманова.

В позднейшей работе Р. Х. Сулейманова, написанной совместно с Н. Х. Ташкенбаевым, не добавляется ничего качественно нового к соображениям, изложенным в монографии 1972 г.

Таким образом, за время своего существования концепция Р. Х. Сулейманова, подобно концепции В. А. Ранова, не претерпела сколько-нибудь существенных изменений.

Методика, аргументированность концепций. 1. *Концепция А. П. Окладникова — В. А. Ранова.* Для обоснования этой концепции не потребовалось какой-то специальной, изощренной методики обработки коллекций каменных орудий. Можно считать, что она построена в основном на старом принципе «руководящего ископаемого», в качестве которого выступают в данном случае, с одной стороны, галечные орудия и нуклеусы, а с другой — рубила и бифасы (т. е. двусторонне обработанные орудия) вообще. Здесь советские археологи следовали за Х. Мовиусом.

2. *Концепция В. А. Ранова.* Как уже говорилось в историографическом разделе, почвой для возникновения этой концепции послужили прежде всего идеи Ф. Борда, а также общие умонастроения в среде советских исследователей палеолита, сложившиеся во многом под влиянием этих идей.

В основу группировки мустьерских памятников Средней Азии В. А. Рановым были положены технические признаки, поскольку имевшиеся коллекции не давали «достаточного числа типологически выраженных орудий» [39, с. 32] Этот принцип неоднократно подчеркивался исследователем (например, [10, с. 22; 28, с. 188]), как и то, что осуществленное им группирование стало возможным благодаря развивающимся статистическим методам [40, с. 279]

Основным критерием для В. А. Ранова, по его словам, служила степень развития леваллуазской техники и ее соотношение с собственно мустьерскими элементами [41, с. 32] Этот критерий отразился и в названиях выделенных в итоге его применения групп памятников.

Естественно, необходимо проследить, как работает этот критерий. Однако здесь автор настоящей работы встретился с совершенно непредвиденным затруднением. Оказалось, что широкоизвестные построения В. А. Ранова, с которыми сейчас не может не считаться ни один исследователь палеолита Средней Азии, до сих пор остаются практически необоснованными. Существует итоговая схема, повторенная и повторяемая во множестве публикаций, а выведение этой схемы остается каждый раз за рамками печатных работ. Единственное, как кажется, исключение представляет собой опубликованная в 1971 г. статья «К изучению мустьерской культуры в Средней Азии», но и она не может

удовлетворить читателя, стремящегося пройти вместе с автором путь от конкретного материала к итоговой схеме.

Построена статья следующим образом. Материалы 10 памятников рассматриваются в ней по группам: сначала нуклеусы каждого памятника, затем заготовки и в заключение орудия (остроконечники, скребла, галечные). Анализ изделий каждой группы завершается выводами, где определяются наиболее распространенные типы, а также памятники, обнаруживающие близость по данной группе; причем последнее делается не всегда и лишь для двух — четырех памятников в каждом случае. Затем приводятся примеры группирования мустьерских памятников различными исследователями и перечисляются названия выделяемых в разных регионах групп. После же этого, без всякой связи с той частью статьи, где анализировался материал, провозглашается выделение «в предварительном рабочем порядке» известных уже по более ранним работам четырех групп[11]

Впрочем, может быть, такой вывод автоматически вытекает из предшествующего анализа? Посмотрим.

Итак, сначала рассматриваются нуклеусы, среди которых выделяется пять типов. Для каждого из 10 памятников определен основной тип и данные эти сведены в специальную таблицу. Из нее явствует, что для всех однофациальных, по В. А. Ранову, памятников, кроме Ходжикента и Джар-Кутана, характерны разные типы нуклеусов. Данное обстоятельство, особенно если вспомнить, что в основе анализа технические признаки, не может не удивить. Но возможно, это объясняется тем, что учитывался прежде всего леваллуазский или нелеваллуазский характер нуклеусов. Ведь именно этого следует ожидать, зная исходные установки В. А. Ранова. Вот что пишет по этому поводу сам исследователь: «Выше не рассматривались так называемые леваллуазские нуклеусы», поскольку их определение «довольно сложно, но... на ряде памятников их преобладание безусловно, в других же случаях они играют если не первостепенную, то во всяком случае значительную роль» [42, с. 217]. При этом ни один конкретный памятник не назван и раздел, посвященный нуклеусам, на этом кончается. Нельзя не заметить, что для статистического метода подобных заверений недостаточно.

Далее анализируются заготовки. Здесь в таблицу сведены некоторые метрические показатели и имеющиеся данные по трем индексам Борда. В таблице учтено лишь шесть памятников, так как данных по остальным четырем к моменту написания статьи не было. Настораживает то, что по всем индексам, как ни странно, Ходжикент получается у В. А. Ранова явно ближе к Кара-Буре, чем к Джар-Кутану или Обирахмату, с которыми он тем не менее в итоге оказывается в одной фации. Что же касается индексов леваллуа, то и в данном случае их нет. Они не были определены ни В. А. Рановым, ни теми исследователями, данные которых он использовал «потому, что выделение технического индекса леваллуа является практически довольно сложным делом», а «само понятие „заготовки леваллуа" очень расплывчато» [42, с. 218]. Причины, конечно, уважительные, но все это снова не вяжется, как и в случае с нуклеусами, с провозглашением в качестве главного критерия степени развития техники леваллуа. Правда, В. А. Ранов пишет, что «можно заранее ожидать высокий индекс леваллуа» для Кайрак-Кумов, Джар-Кутана и Обирахмата[12], а более низкий индекс мы вправе ожидать в Тешик-Таше и Кара-Буре» [42, с. 219], но аргументация в данном случае не выдерживает никакой критики. Оказывается, дело в том, что инвентарь первых трех памятников «ясно несет на себе черты леваллуа-мустьерских традиций — высокий процент технических приемов леваллуа» [42, с. 219]. Таким образом, основной аргумент — неподсчитанные проценты. Таков на поверку «статистический метод», сведенный в данном случае к простой тавтологии: индексы не определены, но следует ожидать, что они высоки, потому что... они высоки (хотя и не определены). Тем не менее на основе этой тавтологии делается заключение о наличии леваллуазской и нелеваллуазской фаций в среднеазиатском мустье. Это заключение, как и ито-

говая схема в конце статьи, никоим образом не вытекает из ее содержания и существует отдельно от него.

Здесь следует подчеркнуть, что, излагая свои критические соображения, я вовсе не стремлюсь доказать, что основные положения концепции В. А. Ранова неверны (хотя и, с другой стороны, вовсе не исключают этого). Нет, я лишь пытаюсь показать, что под положениями этими нет достаточного обоснования, что с точки зрения методической выверенности и аргументированности они просто повисают в воздухе. В. А. Ранов предварил рассматриваемую статью замечанием, что ее задача «не сравнительный анализ полученных данных, а в основном только констатирование фактов». Эту оговорку трудно понять. Можно ли констатировать как факт выделение каких бы то ни было культурных единств в палеолите, не обосновав это предварительно (или даже впоследствии) сравнительным анализом?!

Можно было бы привести еще немало замечаний по поводу обсуждаемой статьи, в частности по разделу, посвященному орудиям, да и по другим разделам. Но, думается, сказанного достаточно для того, чтобы прийти к выводу о совершенно неудовлетворительном обосновании В. А. Рановым своих построений. Как уже было сказано, они просто повисают в воздухе, если судить по имеющимся на настоящий момент публикациям. В данном случае это не значит, что плохи именно методы и критерии, которыми собирался руководствоваться В. А. Ранов, хотя само по себе это вполне возможно. Дело лишь в том, что все эти методы по сути просто не нашли применения в его единственной работе, где делается некоторая попытка подкрепить схемы фактами.

3. *Концепция Р. Х. Сулейманова.* Работы Р. Х. Сулейманова отличаются прежде всего широким использованием математического аппарата, а именно двух общеизвестных статистических критериев — Робинсона и Пирсона. Первый из этих критериев исследователь применяет для относительно-хронологического распределения пяти комплексов: Тешик-Таш, мустье Ферганской долины, Ходжикент, Обирахмат Б (слои 14—9) и Обирахмат Г (слои 6—4); а второй — для доказательства однокультурности тех же комплексов.

Конечный вывод Р. Х. Сулейманова о том, что пять указанных комплексов «представляют собой единую локальную культуру, которую по наиболее крупной стоянке можно назвать обирахматской» [25, с. 111], кажется на первый взгляд весьма солидно обоснованным, а путь автора к этому выводу можно проследить от начальных этапов представленного в книге анализа (классификация материала) [13] и до конечных (проверка нулевой гипотезы). Правда, классификация Р. Х. Сулейманова, судя по рисункам в его книге, на мой взгляд, не вполне удовлетворительна. Недостаточно разработанной считает ее В. А. Ранов [43, с. 9] Но, не имея в руках самого материала, судить уверенно о его классификации нельзя, и тем более нельзя на этом основании судить обо всей концепции в целом. Что же касается применения критерия Пирсона, то он используется археологами довольно часто, причем для тех же целей, для каких использовал его и Р. Х. Сулейманов, и, очевидно, с методической точки зрения такая практика допустима. Таким образом, в принципе в методическом отношении построения Р. Х. Сулейманова кажутся будто бы правомерными. Вполне понятно поэтому возникновение мнения, что ему удалось «с помощью методов математической статистики» показать «общность кремневых индустрий памятников Тешик-Таш, Ходжикент, Обирахмат и мустье Южной Ферганы» [44, с. 20]

Дело, однако, в том, что если против самого применения статистических формул возразить как будто нечего, то порядок их применения, как и интерпретация полученных данных, выглядят довольно тенденциозно и, по мнению автора настоящей работы, совершенно неубедительно.

Сначала с помощью критерия Робинсона устанавливается взаимная последовательность памятников, т. е. относительная хронология; при этом, следовательно, они заранее рассматриваются в качестве разновременных проявлений одной культурной традиции, т. е. их однокультурность принимается почему-то

априори, без какого бы то ни было обоснования. О последнем исследователь вспоминает, лишь завершив операции с критерием Робинсона. Он пишет: «Мы установили последовательность ряда комплексов, где они встречены в порядке наибольшей близости один к другому, но это еще не является доказательством их культурной общности» [25, с. 108] И далее предпринимается попытка такого доказательства. С помощью критерия Пирсона определяется вероятность культурной общности пар памятников, но не всех возможных пар, а лишь памятников, хронологически следующих, по Р. Х. Сулейманову, друг за другом. Таким образом, в итоге получается не 10 значений критерия, а лишь четыре для следующих пар: Тешик-Таш — Фергана, Фергана — Ходжикент, Ходжикент — Обирахмат Б, Обирахмат Б — Обирахмат Г Однако и такой анализ дает весьма неоднозначные, противоречивые результаты. Для каждой пары общность подтверждается либо по сколам (в трех случаях), но тогда не подтверждается по орудиям, либо, наоборот (в одном случае), подтверждается по орудиям и не подтверждается по сколам. Но эта трудность, оказывается, «легко преодолима». Там, где «различия в соотношении количества основных типов орудий и сколов значимы и выходят за пределы случайных вариаций», налицо просто «сильный эволюционный процесс» и, таким образом, все пять комплексов «представляют собой единую локальную культуру» [25, с. 111]

Думается, нет нужды специально доказывать порочность подобной аргументации, достаточно простого ее изложения, лишенного камуфляжа формул и цифр. Следуя путем, избранным Р. Х. Сулеймановым, легко вообще все палеолитические памятники Земли зачислить в одну культуру. Ведь для каждой пары сравниваемых комплексов найдется что-то общее — или орудия, или заготовки, или, на худой конец, сырье, а остальное, непохожее, ясное дело,— результат эволюции.

В заключение раздела следует подчеркнуть, что и в данном случае доказательство совершенной необоснованности итоговой схемы концепции не означает доказательства неверности этой схемы. Возможно, Тешик-Таш, Ходжикент, мустье Ферганской долины и Обирахмат и составляют в культурном отношении некоторое единство, но обосновано это ни Р. Х. Сулеймановым, ни кем-либо другим не было.

Некоторые замечания о приложимости итоговых схем к имеющимся материалам. До сих пор все концепции рассматривались здесь вне связи их с тем материалом, разнообразие которого они призваны объяснить. Тем не менее в двух случаях из трех такой анализ позволил, как считает автор, дать достаточно обоснованную оценку логичности и аргументированности выдвигавшихся схем членения среднеазиатского палеолита. Что же касается концепции А. П. Окладникова — В. А. Ранова, то она в силу своей специфики, заключающейся в относительной простоте принципа, положенного в основу выделения культурных общностей, пока может быть оценена лишь в свете конкретных материалов. В настоящей статье, разумеется, не место для конкретного анализа множества палеолитических индустрий огромного региона. Можно привести лишь некоторые замечания предварительного характера.

1. *Концепция А. П. Окладникова — В. А. Ранова.* Когда А. П. Окладников выдвигал свою концепцию, он мог опереться лишь на единичные находки, причем достоверность некоторых из них ставится сейчас под сомнение. Так, например, показано, что из двух «ашельских ручных рубил» А. П. Окладникова, которые были обнаружены им в Западной Туркмении, одно «вообще не является бифасом», а второе, по-видимому, имеет более молодой возраст [45, с. 35] Между тем эти изделия были единственным аргументом в пользу существования западной зоны среднеазиатского нижнего палеолита. В распоряжении В. А. Ранова, распространившего концепцию и на более поздние эпохи, также, за исключением Кара-Буры, не было представительных комплексов «галечного» облика.

Однако открытия последних десятилетий как на западе Средней Азии

и Казахстана, так и на востоке подводят под концепцию А. П. Окладникова — В. А. Ранова новую фактическую базу. Среди находок в западных районах уже немало крупных двусторонне обработанных орудий (бифасов), среди которых есть и рубила. Последние, в частности, обнаружены А. Г Медоевым на Мангышлаке [46] и Е. Б. Бижановым на Устюрте [47] Несколько орудий этого типа найдено Х. Юсуповым (неопубликованные материалы) в Северо-Западной Туркмении. Автором и С. Хамракулиевым на южной окраине Красноводского плато также собрано несколько бифасов, близких по своей морфологии к рубилам, но находящихся еще, очевидно, в промежуточной стадии изготовления [48] [14] Все эти находки сделаны на поверхности и не могут быть надежно датированы геологическими методами, но морфологическая выразительность многих из них вполне позволяет говорить о мустьерском, а предположительно и о более древнем возрасте.

На востоке, в горных районах Таджикистана и Киргизии, получены, напротив, материалы, относящиеся к «галечной» традиции. Это коллекции с лёссовых памятников, изучаемых В. А. Рановым (Каратау, Лахути, Хонако), а также, возможно, и материалы Сель-Унгура — очень интересной пещерной стоянки, изучаемой У. И. Исламовым и Т. Оманжуловым [49]

Разумеется, все это не значит, что в ближайшие же годы новые открытия не могут значительно изменить и усложнить картину. Но пока домустьерские и мустьерские материалы Средней Азии «работают» на концепцию А. П. Окладникова — В. А. Ранова (и тем самым на Мовиуса); их географическое распространение на сегодняшний день находится в соответствии с этой концепцией.

2—3. Концепция В. А. Ранова и концепция Р. Х. Сулейманова. Обе концепции относятся к мустьерской эпохе, более полно, чем другие, представленной в Средней Азии. Остается пока неясным, можно ли вообще говорить для этого времени о каких-то четко прослеживаемых археологически локальных культурных образованиях или же пространственно не ограниченных «путях развития». Автор больше склоняется к положительному ответу на этот вопрос, но, разумеется, для выделения таких общностей требуются критерии гораздо более специфические и методика более утонченная, нежели те, что понадобились для обоснования существования восточной и западной зон или групп памятников А и Б. Не обладая такими критериями и такой методикой, а также не будучи знакомым со многими важнейшими коллекциями среднеазиатского мустье, не опубликованными монографически, автор не может, следовательно, и подвергнуть здесь итоговые схемы В. А. Ранова и Р. Х. Сулейманова сколько-нибудь основательной проверке с точки зрения их приложимости к материалам. Можно высказать лишь частичные суждения о сходстве или несходстве различных групп инвентаря памятников, о большей или меньшей их близости и т. д., но все это имело бы в данном случае малую доказательную силу.

На основании приведенного в настоящей статье материала автор считает возможным сделать вывод, что все нашедшие отражение в археологической литературе попытки осмыслить и описать разнообразие среднеазиатского палеолита в понятиях менее общих и более точных, чем «восточная группа А» и «западная группа Б», являются неудовлетворительными в силу методической несостоятельности и совершенно недостаточной аргументированности выдвигавшихся концепций.

Каждая из них имеет не только слабые, но и сильные стороны, однако пока соотношение сил явно в пользу первых, а вторые пребывают больше в потенции.

О слабостях каждой из рассмотренных концепций здесь было уже сказано достаточно. Но, кроме того, как кажется, можно говорить и об общей причине, многие из этих слабостей порождающей. Дело в том, что до сих пор палеолит Средней Азии являлся своего рода полигоном для испытания различных методик и теорий, возникавших на иной, часто совершенно чуждой ему основе. И если теория Мовиуса, носящая чрезвычайно общий характер и не предполагающая использования какой-либо изощренной методики, в целом успешно

прошла эти испытания, то применение к среднеазиатскому палеолиту идей Ф. Борда и используемых им понятий пока ожидаемых результатов не дало. Последнее можно сказать и о попытках решить проблему с помощью довольно простых статистических формул, ничего в принципе не доказывающих и к тому же применяемых довольно волюнтаристски.

Некоторые исследователи сетуют на то, что до сих пор тип-лист Ф. Борда в полном объеме не применялся для анализа палеолитических индустрий Средней Азии. Однако вряд ли с таким применением в будущем следует связывать слишком большие надежды. Описание палеолита Средней Азии посредством терминологии Ф. Борда, за которой стоят понятия, выведенные в основном на французских материалах, хотя и может быть весьма полезным,— не панацея. По этому поводу справедливо сказано, что «обработка материалов по одной схеме и одинаковым критериям... всегда приведет к результатам, которые предусмотрены этой системой. Именно поэтому... и возникают одинаковые „пути" или „линии" развития мустьерских культур на различных территориях» [50]. В одной из своих последних статей сам Ф. Борд писал: «Реальность сложней, чем казалось поначалу, и она не поддается втискиванию в то подобие корсета, каковым являются классификации» [51, с. 39]. Речь здесь идет именно о случаях, когда типологические схемы и аналитические понятия переносятся на чуждую им почву.

Сказанное, разумеется, не означает, что следует заранее отказаться от любой методики и любого понятия, если они разработаны на несреднеазиатских материалах. Но совершенно некритическое, прямолинейное их использование, когда материал практически просто подгоняется под имеющуюся схему, втискивается в имеющиеся понятия, должно быть изжито.

Проблемы культурного членения палеолита любого региона, в том числе и Средней Азии, должны решаться на основе использования прежде всего специфических понятий, адекватных материалу и описывающих его без насилия над ним. Путь же привнесения извне готовых схем и прямолинейного их использования ведет в конечном счете в тупик. Пересмотр имеющихся материалов под таким углом зрения есть, по мнению автора, первоочередная задача среднеазиатского палеолитоведения.

---

[1] Разумеется, без такой информации здесь не обойтись, и в данном случае я хочу лишь подчеркнуть, что составление очередной сводки не является целью работы. Оценивая известную статью В. А. Ранова и Р. Дэвиса [15], М. Габори писал, что «в ближайшие десятилетия нельзя ожидать лучшего обобщения по среднеазиатской территории» [16], и эта оценка, столь же высокая, сколь и категоричная, не лишена оснований.

[2] В силу ограниченности объема данной статьи в ней не затрагиваются некоторые существенные для такой тематики вопросы. В частности, очень мало будет сказано о верхнепалеолитической эпохе, а также о проблемах генезиса среднеазиатского палеолита.

[3] Так, одна из основных идей С. Н. Замятнина, непримиримого противника взглядов Мовиуса, послужила, чтобы проложить теории американского ученого путь к среднеазиатским материалам.

[4] То, что схема эта в главном удовлетворяла А. П. Окладникова и В. А. Ранова, показывает, в частности, ее повторение в одной из их совместных работ [22, с. 46] и в самостоятельных работах [23, с. 15]. О связи построений В. А. Ранова с теорией Мовиуса писали уже П. И. Борисковский [24, с. 111], Р. Х. Сулейманов [25] и другие авторы.

[5] П. И. Борисковский даже приветствовал это как отход «от концепции Мовиуса» [24, с. 111]

[6] Видимо, В. А. Ранов так и не решил для себя до конца вопрос о зонах, влиявших на среднеазиатский палеолит. Неопределенность, наметившаяся еще в работе 1962 г., где зон «две, а может быть, даже и три» [19, с. 35], сохраняется и в последующем. Например, в статье 1970 г. [29] на с. 18 читаем, что «Средняя Азия является зоной контакта трех больших провинций» (палеолитической культуры.— *Л. В.*), а на с. 22 она уже является «зоной контакта между двумя провинциями». Не имея принципиального значения, эти разночтения все же несколько мешают лучшему пониманию вопроса.

[7] Интересно, что, продолжая отстаивать свой изначальный тезис о двух группах культур — А и Б, Ранов явно вопреки себе в одной из основных своих работ находит возможным «объединить первые два варианта в леваллуа-мустьерский вариант..., а два других — в мустьерский» [10, с. 25] В принципе следование Борду вовсе не означает неминуемого противоречия с Мовиусом, и в остальной

ных работах В. А. Ранова его первая и вторая концепции мирно уживаются, но в цитированном отрывке, объединив свои мустьерский и мустьеро-соанский варианты, В. А. Ранов, видимо, невольно, и сам того не заметив, стер грань между постулируемыми им же группами А и Б.

[8] Здесь и далее указан год первого применения В. А. Рановым данного термина для обозначения выделяемых им единств.

[9] «Мы не считаем технологические варианты представляющими отдельные культурные группы» [15, с. 256]. «Мы считаем такое выделение (локальных культур.— *Л. В.*) необоснованным для данного (мустьерского.— *Л. В.*) времени» [13, с. 313].

[10] Не может не озадачить читателя (даже хорошо знакомого с концепцией В. А. Ранова), например, следующее место в одной из его статей, где говорится о том, что Семиганч принадлежит к мустьерской локальной группе. Это мустье в леваллуазской фации, отличное от леваллуазского технического варианта Средней Азии» [37, с. 110]. Сбиты с толку и авторы, воспринявшие выделенные В. А. Рановым группы памятников как «археологические культуры» [31, с. 123]

[11] Правда, делается оговорка, что для окончательного решения вопроса необходим пересмотр и новый анализ всех коллекций Средней Азии. Но до сих пор о такой работе ничего неизвестно, а схема «предварительная», «рабочая» стала между тем как будто окончательной. К ней лишь было добавлено еще несколько памятников (см. выше).

[12] По мнению исследователя этого памятника, ожидания не подтвердились: «Как явствует из описания индустрии Обирахмата, индекс левалуа ее низок» [25, с. 113].

[13] Значительное неудобство возникает, правда, в связи с тем, что количественные результаты этой классификации не отражены в специальной сводной таблице и общее число вещей того или иного типа установить довольно трудно.

[14] Весной 1987 г., когда настоящая статья уже находилась в редакции, автором на Красноводском плато была собрана коллекция палеолитических бифасов, включающая и несомненные рубила.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефименко П. П.* Палеолит СССР. Итоги и перспективы его изучения // Сообщ. ГАИМК. 1931. № 3.
2. *Movius H.* Paleolithic and Mesolithic Sites in Soviet Central Asia // Proc. Amer. Philos. Soc. 1953. Т. 97.
3. *Береговая Н. А.* Палеолитические местонахождения СССР // МИА. 1960. Т. 81.
4. *Касымов М. Р.* Культуры и варианты палеолита Узбекистана // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент: Фан, 1972.
5. *Береговая Н. А.* Палеолитические местонахождения СССР. Л.: Наука, 1984.
6. *Movius H.* The Mousterian Cave of Teshik-Tash, South-Eastern Uzbekistan, Central Asia // Bull. Amer. School Prehistoric Res. 1953.
7. *Джуракулов М. Д.* История изучения каменного века Средней Азии: Автореф. дис. канд. ист. наук. Самарканд, 1966.
8. *Ранов В. А.* Изучение каменного века Средней Азии за двадцать лет (1945—1965) // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1968.
9. *Окладников А. П.* Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.: Наука, 1966.
10. *Ранов В. А., Несмеянов С. А.* Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.
11. *Ranov V A.* Palaeolits from Soviet Central Asia // Perspectives in Palaeoanthropology. Calcutta, 1973.
12. *Ранов В. А.* Основные черты периодизации палеолита Средней Азии // Палеоэкология древнего человека. М.: Наука, 1977.
13. *Ranov V A.* Zentralasien // Neue Forshungen Altsteinzeit, 1984.
14. *Абрамова З. А.* Ранний палеолит азиатской части СССР // Палеолит СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1984.
15. *Ranov V A., Davis R. S.* Toward a New Outline of the Soviet Central Asian Paleolitic // CAn. 1979. V. 20. № 2.
16. *Gabori M.* Comments // CAn. 1979. V. 20. № 2.
17. *Movius H.* The Lower Paleolithic Cultures of Southern and Eastern Asia. Philadelphia, 1949.
18. *Окладников А. П.* Палеолитическое время на Тянь-Шане и Енисее // История Киргизии. Т. 1. Фрунзе, 1956.
19. *Ранов В. А.* О стратиграфическом положении палеолита Средней Азии // Новейший этап геологического развития территории Таджикистана. Душанбе, 1962.
20. *Ранов В. А.* Каменный век Таджикистана. Палеолит. Душанбе, 1965.
21. *Ларичев В. Е., Волков В. В.* Мустьерские и неолитические памятники Южной Гоби // Древняя Сибирь. 1964. Вып. 1.
22. *Окладников А. П., Ранов В. А.* Каменный век // История таджикского народа. Т. 1. М.: Наука, 1963.
23. *Окладников А. П.* Палеолит СССР. Итоги и перспективы // СА. 1957. № 2.
24. *Борисковский П. И.* Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1971.
25. *Сулейманов Р. Х.* Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент: Фан, 1972.
26. *Алпысбаев Х. А.* Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата, 1979.

27. *Ранов В. А.* О возможности выделения локальных культур в палеолите Средней Азии // Изв. АН ТаджССР. Отд. обществ. наук. 1968. № 3.
28. *Ранов В. А., Несмеянов С. А.* Совещание по каменному веку Средней Азии // БКИЧП. 1974. № 41.
29. *Ранов В. А.* Галечная техника в культурах каменного века Сибири и Средней Азии // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск: Наука, 1970.
30. *Davis R. S.* Reply // CAn. 1979. V. 20. № 2.
31. *Гвоздовер М. Д.* // Природа и древний человек. М.: Мысль, 1981.
32. *Коробков И. И.* К вопросу о дивергентном характере эволюции древнепалеолитических индустрий // Тез. докл. VII Междунар. конгр. доисториков. М., 1966.
33. *Любин В. П.* Исследование Малой Воронцовской и Навалишенской пещер // АО — 1965. М., 1966.
34. *Григорьев Г. П.* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo Sapiens. Л.: Наука, 1968.
35. *Гладилин В. Н.* Различные типы каменной индустрии в мустье Русской равнины и Крыма и их место в раннем палеолите СССР // Тез. докл. VII Междунар. конгр. доисториков. М., 1966.
36. *Ранов В. А., Амосова А. Г* Раскопки мустьерской стоянки Худжи в 1978 г. // АРТ — 1978. Душанбе, 1984.
37. *Ранов В. А.* Семиганч — новое мустьерское местонахождение в Южном Таджикистане // МИА. 1972. № 185.
38. *Ташкенбаев Н. Х., Сулейманов Р. Х.* Культура древнекаменного века долины Заравшана. Ташкент: Фан, 1980.
39. *Ранов В. А.* К проблеме выделения локальных палеолитических культур в Средней Азии // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972.
40. *Ранов В. А.* Средняя Азия и Индия в эпоху палеолита (опыт сравнения археологической периодизации) // Страны и народы Востока. 1972. Т. 12.
41. *Ранов В. А.* К проблеме выделения локальных палеолитических культур в Средней Азии // Каменный век Средней Азии и Казахстана (тезисы докладов). Ташкент, 1972.
42. *Ранов В. А.* К изучению мустьерской культуры в Средней Азии // МИА. 1971. № 173.
43. *Ранов В. А.* О некоторых вопросах, связанных с выделением локальных вариантов (фаций) в эпоху палеолита // УСА. 1972. № 2.
44. *Массон В. М.* Каменный век Средней Азии и понятие археологической культуры // ИМКУз. 1974. Вып. 11.
45. *Любин В. П.* Палеолит Туркмении // СА. 1984. № 1.
46. *Медоев А. Г.* Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата, 1982.
47. *Бижанов Е. Б.* О находках памятников каменного века в районе впадины Шахпахты на Устюрте // ВКФАНУзССР. 1983. № 1.
48. *Вишняцкий Л. Б., Хамракулиев С.* Мастерские каменного века в районе Янгаджи // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1986. № 2.
49. *Исмалов У. И., Оманжулов Т.* Пещерная стоянка Сель-Унгур // ИМКУз. 1984. Вып. 19.
50. *Праслов Н. Д.* Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1984.
51. *Bordes F* Time and Space Limits of the Mousterian // Stone Tools as Cultural Markers. New Jersey, 1977.

L. B. Vishnyatsky

THE PALAEOLITHIC OF CENTRAL ASIA

Summary

Cultural entities defined by different authors in the Palaeolithic of Soviet Central Asia are considered and their reliability is assessed from the methodological point of view. The emergence and development of the cultural-differentiating conceptions is traced. The conclusion is made, that from such conceptions only the simplest one, based on an opposition between biface-tools, on the one hand, and pebble-tools, on the other, is well-founded and is in accordance with the empirical data obtained so far. The necessity to elaborate terms and methods more suitable for the Central Asian Palaeolithic is claimed.

Н. Н. МАМОНОВА, Л. Д. СУЛЕРЖИЦКИЙ

ОПЫТ ДАТИРОВАНИЯ ПО ^{14}C ПОГРЕБЕНИЙ ПРИБАЙКАЛЬЯ ЭПОХИ ГОЛОЦЕНА

Решение расо- и этногенетических проблем эпохи неолита, энеолита и бронзы осложняется не только малочисленностью и фрагментарностью палеоантропологических материалов, представляющих тот или иной регион, археологические культуры или отдельные могильники, но и отсутствием независимых количественных датировок погребений, а соответственно и сведений о длительности функционирования древних могильников и периодов существования культур в календарном летоисчислении. Наличие таких данных дало бы возможность с большей объективностью судить о скорости и направлении изменений антропологических признаков во времени и их пространственной вариабельности на различных хронологических уровнях.

В значительной мере из-за отсутствия таких данных до сих пор остается дискуссионным вопрос о генезисе антропологического типа древнего населения Прибайкалья. Одни исследователи рассматривают антропологический тип древних прибайкальцев как недифференцированный тип протомонголоидной расы [1, с. 93], другие в антропологическом типе прибайкальцев отмечают наличие европеоидной примеси [2, с. 59, 61; 3, с. 161, 177; 4, с. 35] Г Ф. Дебец, который в продолжение всей своей деятельности возвращался к этой проблеме, так и не подошел к ее решению [1, 2, 4]

При изучении краниологических материалов из могильников Прибайкалья выяснилось, что величина межгрупповых различий территориальных групп больше, чем между хронологическими группами: величина различий между ангарской и ленской группами меньше, чем величина различий между каждой из них и забайкальской группой (рис. 1). Величина межгрупповых различий на разных хронологических уровнях неодинакова; так, различия между серовскими группами из могильников Приангарья и Лены больше, чем между глазковскими. В Приангарье китойская группа почти в равной степени отличается от более сходных между собой серовской и глазковской групп [5, с. 24; 6, с. 87; 7, с. 96]

Величины квадратического уклонения при внутригрупповом анализе оказались выше стандартных значений, что свидетельствует о повышенной внутригрупповой изменчивости [8, с. 33]. В глазковское время во всех территориальных группах резко возросло и количество пунктов местонахождения глазковских могильников, и количество погребений, хотя продолжительность существования этой культуры в 400 лет, согласно принятой периодизации, незначительна по сравнению с длительностью существования неолитических культур Прибайкалья [9, с. 139] Одновременно с этим следует отметить, что резкого изменения в антропологическом типе глазковцев, которое могло бы свидетельствовать о притоке нового населения, не отмечается.

Представляется интересным сопоставление наиболее древних синхронных краниологических серий из могильников европейской и азиатской частей СССР с целью выявления архаичных европеоидных и монголоидных комплексов антропологических признаков. Для этого опять-таки необходимы определения возраста погребений не только относительными методами, в том числе типологическим, но и методами точных наук.

Нами был применен радиоуглеродный метод, что для исследования материалов могильников Прибайкалья оказалось весьма плодотворным, так как по ним

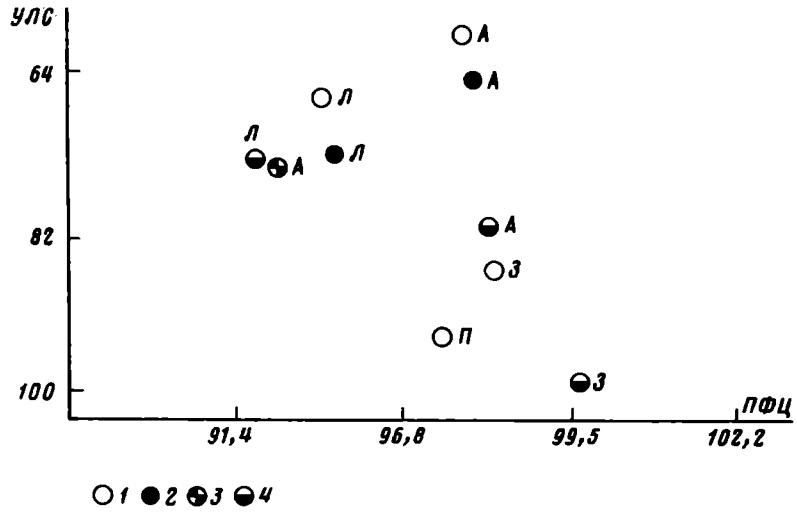


Рис. 1. Соотношение между преаурикулярным-фациоцеребральным указателем (ПФЦ) и указателем общей утолщенности лица (УЛС). *А* — Ангара; *Л* — Лена; *П* — Приольхонье; *З* — Забайкалье. *1* — глазково; *2* — серово, *3* — исаково; *4* — китой

разработана периодизация культур эпох неолита и бронзы, они изучены антропологически и, наконец, число раскопанных погребений с обширной территории южных районов Восточной Сибири превышает 1300.

Поскольку настоящая работа посвящена определению возраста погребений, большей частью принадлежащих к определенным археологическим культурам, а следовательно, связана с проблемой периодизации последних, то кажется целесообразным привести периодизацию А. П. Окладникова и кратко остановиться на некоторых вопросах дискуссии, возникшей в связи с положением китойской культуры в системе неолитических культур Прибайкалья [9, с. 139]:

Ранний железный век	— 300 лет до н. э.— первые века н. э.
Бронзовый век	— 800—300 лет до н. э.
Шиверский этап	— около 1300—900 лет до н. э.
Глазковский этап	— около 1700—1300 лет до н. э.
Китойский этап	— вторая половина III — начало II тыс. до н. э.
Серовский этап	— III тыс. до н. э.
Исаковский этап	— IV тыс. до н. э.
Хиньский этап (ранний неолит)	— V тыс. до н. э.
Мезолит (поздний палеолит)	— VIII—VI тыс. до н. э.

М. М. Герасимов, отмечая своеобразие и отличие китойской культуры от более близких между собой глазковской и серовской культур, отнес ее к доседовскому времени, объединив исаковскую и серовскую культуры в одну — серовскую [10, с. 415, 445].

Л. П. Хлобыстин считал, что китойская культура возникла в конце серовского времени. Он связывал ее происхождение с Забайкальем [11, с. 14]. Позже В. Н. Чернецов пришел к аналогичному выводу, считая, что китойская культура появилась на территории Прибайкалья в средне- и позднесеровское время и просуществовала недолго. Ее происхождение исследователь объяснял проникновением даурских племен на территорию Прибайкалья [12, с. 17]

М. М. Герасимов и Е. Н. Черных на основании стратиграфических данных, а также в результате анализа погребального инвентаря вновь высказали точку

Таблица 1

Использованные материалы

Регион	Плиточные могильники	Ранняя бронза	Глазково	Китой	Поздний неолит	Серово	Исаково	Неолит без определения культуры	Культурный слой
Приангарье	—	—	25	13	—	8	2	1	2
Верховья Лены	—	—	16	1	—	4	—	2	—
Приольхонье	—	—	10	1	—	1	—	—	—
Забайкалье	6	1	3	11	9	—	—	3	—
Всего	6	1	54	26	9	13	2	6	2

зрения о древности китойской культуры и отсутствии генетической связи между ней, глазковской и шиверской культурами [13, с. 47].

Наконец, А. К. Конопацкий, занимаясь проблемами периодизации древних памятников Приольхонья, опубликовал ряд радиоуглеродных дат погребений, среди которых погребение китойской культуры было наиболее древним [14, с. 16, 17].

Для настоящей работы использовано более 120 образцов от костяков из погребений Прибайкалья, которые представляют четыре территориальные группы: Приангарье, верховье Лены с ее притоками, Приольхонье и Забайкалье (Бурятская АССР) (табл. 1, 2). Кроме того, был определен радиоуглеродный возраст 15 погребений из могильника на Южном Оленьем острове [1] (табл. 2).

Кратко остановимся на использованной методике подготовки проб углерода, получении и интерпретации дат.

Датирование велось по образцам от костяков, по органической части кости. Для выделения и очистки последней был отработан вариант методики деминерализации костей соляной кислотой. Костная ткань человека большей частью более рыхлая, чем у животных, и ее коллаген в ходе такой обработки при комнатной температуре в значительной мере распадается. Однако понижение температуры процесса до 3—0° С резко снизило разложение органики, в то время как скорость растворения неорганической части осталась удовлетворительной. Деминерализация не менее чем 200 г кости (без дробления, кусками до 10—20 см) шла в бытовом холодильнике 1,5—2 недели в 3—4 л 2—3%-ного раствора соляной кислоты, который за это время 2—3 раза менялся, с промывкой образца на сите водой, и ежедневно перемешивался. Через 6—8 сут размягченная часть кости отделялась от еще твердой, деминерализация которой продолжалась. Полностью размягченный образец разделывался ножом или ножницами на кусочки и отмывался от растворенной и терригенной минеральных составляющих, что сочеталось с последней сменой раствора теперь 0,5—1%-ной HCl. Через несколько дней весь мягкий органический остаток тщательно промывался водой и растворялся на водяной бане в стеклянном стакане при 100° С с добавлением воды до уровня насыпанного вещества и помешиванием, сохраняя слабокислую реакцию.

Полученный раствор коллагена охлаждался и 20 мин центрифугировался (2800 *g*). Осадок, состоящий из корней, песка, глины, недорастворившейся гелеобразной органики, возможно, гуминовых кислот, остатков материалов, использовавшихся при реставрации и т. п., выбрасывался. Раствор фильтровался через тонкую капроновую сетку, высушивался в выпарительной фарфоровой чашке под зеркальной лампой (300—500 Вт) до полного высыхания и приобретения хрупкости, способствующей извлечению органики из чашки. Далее образец обугливался (800° С), при этом на фланец реактора возгонялись неорганические вещества, что также способствовало очистке углерода, из которого синтезировался бензол. Концентрация ^{14}C в последнем измерялась в сцинтилляционных бета-счетчиках в виде стандартного счетного вещества,

Таблица 2

Радиоуглеродные даты погребений

№ п.п.	Лаб. № ГИН	Название могильника, № погребения и костяка	Ссылка на источник информации о погребении	^{14}C Даты от 1950 г. (Период полураспада — 5568 лет)	Калиброванный возраст до н. э.
		Ангара			
1	4518	Шумилиха (5)		3730±40	2250
2	4125	Шумилиха, 1	[15]	3900±40	2470
3	4514	Шумилиха (18)		4020±50	2630
4	4516	Шумилиха, (9)		4030±30	2650
5	4515	Шумилиха, 29	[15]	4040±40	2660
6	4521	Шумилиха, 24	[15]	4060±120	2680
7	4065	Шумилиха, 37*	[15]	4100±50	2720
8	4520	Шумилиха (23)		4100±70	2720
9	4519	Шумилиха, ?		4170±70	2820
10	4066	Шумилиха, 13, 31*, 33*	[15]	4210±50	2870
11	3884	Шумилиха, 40 (образец 1)	[15]	4260±90	2930
12	4523	Шумилиха (42)		4290±40	2970
13	4517	Шумилиха, ?		4340±70	3030
14	4069	Шумилиха, 12	[15]	4360±70	3060
15	3332	Шумилиха, 40 (образец 2)**	[15]	4500±600	3230
16	4068	Шумилиха, 32-2*	[15]	4660±80	3430
17	4064	Шумилиха, 10	[15]	4850±70	3650
18	4067	Шумилиха, р. IV, сл. 4		4350±50	3050
19	4799	Устье р. Белая, 2	[16]	3650±50	2150
20	4798	Устье р. Белая, р. III, 2		4120±70	2750
21	4047	Устье р. Белая, 1	[16]	4590±70	3340
22	4370	В. Буреть, свинарник		4260±130	2930
23	4054	Семеново, 7—2	[16]	4030±60	2650
24	3877	Семеново, 2	[16]	4240±50	2910
25	4053	Семеново, 5*	[16]	4340±70	3050
26	4049	Н. Середкино, остров, 1957		3640±80	2150
27	3885	Н. Середкино, 2	[16]	4600±100	3350
28	3881	Усть-Уда, 2*	[16]	4080±100	2710
29	4366	Горелый лес, сл. 5	[17]	4880±180	3690
30	4052	Семеново, I, 11	[16]	4790±100	3580
31	3879	Семеново, I, 12	[16]	5100±50	3940
32	3880	Семеново II, 1	[16]	5120±100	3960
33	3875	Серово, 12	[18]	4530±60	3260
34	3874	Серово, 10	[18]	4820±60	3610
35	4467	Серово, 11	[18]	5170±180	4010
36	4468	Братский камень, 18-2	[18]	4790±50	3580
37	4045	Братский камень, 21	[18]	5000±70	3840
38	4044	Братский камень, 20	[18]	5320±160	4190
39	3878	Семеново, 6	[16]	6040±100	4890
40	4486	Усть-Белая, 11**	[19]	6170±400	5020
41	4810	Усть-Белая, 3	[16]	6200±80	5080
42	4365	Усть-Белая, 4	[19]	6560±80	5410
43	4126	Усть-Белая, 10	[19]	6760±160	5610
44	4100	Шумилиха, 3, 1977	[20]	6370±60	5220
45	4032	Устье Китоя,Ярки, 1982		6640±50	5490
46	4469	Устье Китоя, Ярки, 6**	[21]	7990±350	6840
47	3333	«Локомотив», 22 (образец 1)	[22]	6700±150	5550
48	3331	«Локомотив», 22 (образец 2)	[22]	6740±180	5590
49	4033	«Локомотив», 23	[22]	6750±60	5600
50	330	«Локомотив», 10	[22]	6780±80	5630
51	4035	«Локомотив», 28	[22]	6820±100	5670
52	4034	«Локомотив», 24	[22]	6830±80	5680
53	3329	«Локомотив», 8	[22]	6870±70	5720
		Лена			
54	4556	Усть-Ямное, 4, 1978	[23]	3390±60	1820
55	3882	Усть-Ямное, 2, 1977	[23]	3640±140	2150
56	4555	Усть-Ямное, 3, 1978	[23]	3690±90	2210

№ п.п.	Лаб. № ГИН	Название могильника, № погребения и костяка	Ссылка на источник информации о погребении	^{14}C Даты от 1950 г. (Период полураспада — 5568 лет)	Калиброванный возраст до н. э.
57	4368	Усть-Ямное, 6, 1982	[23]	3910±100	2500
58	4106	Обхой, 4, 1971 (образец 1)	[24]	3760±40	2290
59	4096	Обхой, 1, 1976		3790±50	2340
60	4103	Обхой, 3, 1971	[24]	3880±50	2460
61	4101	Обхой, 4, 1971 (образец 2)	[24]	3980±60	2590
62	4121	Обхой, 7, 1971	[24]	4180±50	2840
63	4120	Обхой, 3, 1976		4280±50	2960
64	4122	Обхой, 13, 1971	[24]	4360±50	3060
65	4123	Обхой, 1-2, 1971	[24]	4430±50	3150
66	4104	Борки, 1, 1971*	[24]	3920±100	2450
67	4124	Степное-Картухай, 1973		3980±80	2580
68	4364	Макарово, 1, 1980		3980±50	2580
69	4369	Хапцагай, 1, 1983		4030±100	2630
70	4444	Верхоленск, 14	[25]	4390±80	3110
71	4445	Верхоленск, 11	[25]	4650±50	3410
72	4460	Верхоленск, 30в	[25]	4810±100	3610
73	4441	Верхоленск, 30б ***	[25]	3340±100	1750
74	4371	Мыс Никольский, 2-1, 1982		4940±70	3760
75	4367	Коркино, 1-2, 1983		5250±130	4100
76	4553	Никольская скала, 1981		6300±50	5150
		Приольхонье			
77	4094	Кулгана	[14]	4050±100	2680
78	4098	Хужир, 2, 1973	[14]	3980±40	2590
79	4099	Хужир, 2, 1972	[14]	4140±50	2780
80	4483	Улярба I, 3*	[26]	3840±50	2410
81	4481	Улярба II, 3*	[26]	3850±100	2410
82	4475	Улярба II, 13-1*	[26]	3890±40	2450
83	4484	Улярба I, 16	[26]	4290±80	2970
84	4070	Улярба II (сборный обр.) **	[26]	4190±70	2840
85	4071	Улярба II (сборный обр.) **	[26]	4600±100	3350
86	3873	Харанса I, 29	[27]	4860±40	3670
87	4107	Хоторук, 2а **	[14]	7370±250	6220
		Забайкалье			
88	4417	Ацай II, 5	[28]	2450±80	620
89	4415	Ацай II, 4 (верхний костяк)	[28]	2500±30	700
90	4416	Ацай II, 4 (нижний костяк)	[28]	2530±50	730
91	4414	Н. Бургултай, плиточная могила, 2		2810±70	1080
92	4419	Пестерево, плиточная могила, 2		2940±100	1260
93	4418	Пестерево, фигурная могила		3170±50	1540
94	4404	Бухусан, 4	[29]	860±30	
95	4407	Бухусан, 11	[29]	1070±40	
96	4403	Бухусан, 1	[29]	2620±70	850
97	4406	Бухусан, 8*	[29]	2940±100	1260
98	4412	Бухусан, 22	[29]	3020±50	1350
99	4473	Фофаново, 27	[13]	3670±40	2180
100	4474	Фофаново, 36	[13]	3740±50	2280
101	4485	Фофаново, 25*	[13]	3890±50	2470
102	4803	Фофаново, 10		4100±100	2750
103	4405	Бухусан, 6	[29]	4520±50	3260
104	4408	Бухусан, 13-2	[29]	4670±90	3440
105	4409	Бухусан, 13-1	[29]	4780±80	3570
106	4410	Бухусан, 20	[29]	6430±100	5280
107	4411	Бухусан, 21	[29]	6650±90	5500
108	4413	Заган		5410±80	4280

№ п.п.	Лаб. № ГИН	Название могильника, № погребения и костяка	Ссылка на источник информации о погребении	^{14}C Даты от 1950 г. (Период полураспада — 5568 лет)	Калиброванный возраст до н. э.
109	4128	Фофаново, р. 4, уступ 3, 5	[13]	6350±50	5220
110	4470	Фофаново, 5	[13]	6640±140	5490
111	4472	Фофаново, 6	[13]	6670±100	5520
112	4127	Фофаново, 2	[13]	6720±70	5570
113	4131	Фофаново, 7-7 (образец 1)	[13]	6450±50	5300
114	4478	Фофаново, 7-7 (образец 2)	[13]	6780±110	5630
115	4471	Фофаново, 7-3	[13]	6780±120	5630
116	4476	Фофаново, 7-1	[13]	6830±60	5680
117	4130	Фофаново, 7-6	[13]	7000±60	5850
118	4129	Фофаново, 7-5	[13]	7040±100	5890
119	4477	Фофаново, 7-4**	[13]	7610±210	6460
120	4051	Н. Джилинда, 1	[30]	7230±40	6080
121	4046	Ключнево, канава 188		7490±120	6340
		Европейский Север			
122	4458	Олений остров, 16	[31]	6790±80	5640
123	4459	Олений остров, 3	[31]	6830±100	5680
124	4457	Олений остров, 19	[31]	6870±200	5720
125	4456	Олений остров, 10	[31]	6950±90	5800
126	4841	Олений остров, 73	[31]	6960±100	5810
127	4453	Олений остров, 151	[31]	6980±200	5830
128	4838	Олений остров, 108	[31]	7070±100	5920
129	4840	Олений остров, 118	[31]	7080±80	5930
130	4454	Олений остров, 158	[31]	7130±170	5980
131	4449	Олений остров, 71	[31]	7130±140	5980
132	4452	Олений остров, 153	[31]	7140±140	5990
133	4839	Олений остров, 85	[31]	7210±50	6060
134	4451	Олений остров, 142	[31]	7220±110	6070
135	4450	Олений остров, 70**	[31]	7470±240	6320
136	4836	Олений остров, 100	[31]	9910±80	

Примечание. В скобках — полевые номера погребений. № 1—28 — глазково; 30—36 — серово; 37—38 — исаково; 29, 39 — неолит; 40—54 — китой; 54—69, 77—85 — глазково; 70—73, 86 — серово; 74, 75 — неолит; 76, 87 — китой; 88—90 — конец бронзового века; 91—93 — бронза; 94—96, 98, 103—107 — поздний неолит; 97 — ранняя бронза; 99—102 — глазково; 108 — неолит; 109—119 — китой; 120 — неолит; 121 — без вещей.

---

* Погребения, в которых обнаружены медные вещи или следы окиси меди.

** Даты, менее надежные по каким-либо причинам.

качество которого не вызывало каких-либо претензий. Методика оказалась пригодной для всех образцов охваченного ареала: они по-разному, но в достаточной мере сохранили не потерявший структуры коллаген.

Обработка материала шла небольшими группами произвольно взятых образцов. Обугливание и приготовление бензола велось вперемешку с иными образцами разного генезиса и возраста. Измерение активности ^{14}C производилось, исходя из удобства эксплуатации радиометрической аппаратуры, но не менее 2 раз по 20 ч, большей частью на разных установках.

Попытаемся пояснить принятый нами способ подачи дат и оценить достоверность полученных результатов. Общеизвестно несоответствие радиоуглеродной и календарной шкал времени [32, с. 1157], обусловленное некоторым непостоянством во времени концентрации ^{14}C в CO_2 атмосферы. Соответственно собственно радиоуглеродные даты, для которых первоначальная концентрация ^{14}C принимается постоянной, могут быть переведены в календарные калибровкой, учитывающей первоначальную концентрацию радиоуглерода, посредством

таблиц, полученных при изучении последней в дендрохронологически датированных образцах древесины. Сейчас таких таблиц уже несколько. Для подачи нашего материала в сопоставимом с календарной хронологией виде мы воспользовались наиболее доступной таблицей, приведенной в упомянутой работе Х. А. Арсланова [32, с. 1160]. К сожалению, таблицы не охватывают даже всего голоцена, и нам повезло, что бóльшую часть приведенных в настоящей работе радиоуглеродных дат оказалось возможным перевести в календарные. Для дат, которые древнее возможностей этой поправочной таблицы, мы условно приняли единую поправку, равную ± 800 годам.

В табл. 2 даты, прошедшие калибровку, даны без указания доверительного интервала (последний может быть вычислен по радиоуглеродной дате и данным таблиц календарных поправок). Сделано это, во-первых, для того, чтобы корректированные даты визуально отличались в этой статье от собственно радиоуглеродных (и соответственно не путались разные шкалы), а во-вторых, чтобы не перегружать текст и графику отображением погрешностей. Следует отметить, что 65%-ный вероятностный доверительный интервал радиоуглеродных дат (статистическая ошибка измерения) при введении календарной поправки заметно возрастает за счет неточности дендрохронологического датирования использованных для составления поправочных таблиц образцов древесины древних деревьев и погрешностей измерения в них концентрации ^{14}C. Величина доверительного интервала для корректированных дат в нашем случае бóльшей частью близка к 150 годам (существенно бóльшие ошибки специально отмечены). Полученная точность, видимо, удовлетворительна для достижения целей настоящей работы, в том числе обзора полученных дат, группы которых различаются на тысячи лет, и грубой оценки времени существования археологических культур. Отметим, что при интерпретации полученных радиоуглеродным методом дат, используемых для детального изучения отдельных могильников и погребений, видимо, может быть принята тактика, при которой для оценки взаимоотношений возраста отдельных костяков, отличающихся на десятки и первые сотни лет, можно учитывать только статистическую ошибку измерения концентрации ^{14}C.

Многолетние, до сего времени проводящиеся исследования основ метода радиоуглеродного датирования и вообще геохимии углерода и его изотопов, убеждают, что в принципе ^{14}C даты должны быть надежны, т. е. радиоуглерод достаточно равномерно распределен в CO_2 атмосферы, незначительно и однонаправленно фракционирует при фотосинтезе, его концентрация практически не меняется по трофическим цепям. И поскольку захороненное органическое вещество в диагенезе только убывает за счет деструкции, не изменяя изотопных отношений, а от загрязняющего внесенного в захоронении углерода большей частью удается избавиться при очистке образца, постольку мы получаем для датирования углерод с концентрацией ^{14}C, обычно соответствующей первоначальной. И основными причинами возникновения невалидных дат оказываются: 1) несинхронность момента (или времени) образования образца датируемому с его помощью событию; 2) необратимое загрязнение образцов в природе посторонним углеродом; 3) лабораторные ошибки, возникающие с момента, когда образец попадает в руки человека. Отметим, что неверным может быть и традиционное представление о возрасте объекта.

Опыт датирования показывает, что время от времени получаются даты, которые резко отличаются от ожидаемого возраста. Они нечасты, одна на 10—15 и реже, для разных коллекций по-разному. Очевидно, причины этого могут быть различными. Вскрыть их бывает трудно, а часто и невозможно, и такие даты обычно просто отбрасываются, хотя они могут нести существенную информацию. Но круг возможных искажающих причин может быть сужен, если имеется материал для повторного датирования и оно проводится. Неожиданный возраст органического материала может оказаться подтвержденным, и тогда следует искать причины несоответствий вне геохронологической лаборатории. В частности, они могут возникать от неверного представления о тафономической истории образца,

что возможно даже и в нашем, казалось бы, благоприятном случае, когда мы датируем человека по его собственным костям. Кости эти могут быть перезахоронены, захоронены вместе с более древними костями, в образец может попасть и более поздний материал. Также следует отметить, что значительная часть наших образцов представляет собой груду обломков, подолгу, иногда с 1930-х годов хранившихся в коллекциях, и обнаружить случайный материал в них обычно нереально. Однако был случай, когда при разработке вновь присланных образцов обратил на себя внимание обломок кости явно иной сохранности, чем весь образец. При дальнейшей разработке в другом образце по счастливой случайности была обнаружена вторая половинка этой кости, да и весь образец был идентичной с ней сохранности. Ясно, что, попав в хранящийся костяк, отдельная посторонняя кость может исказить дату ^{14}C. Для ^{14}C-датирования пригодны любые незасоренные костные обломки. Но поскольку указанные случаи, видимо, достаточно редки, как и случаи ошибок при приготовлении счетных препаратов, возможна отбраковка дат по статистическим соображениям. Когда имеются для одновозрастных по археологическим данным образцов компактные группы дат (случайное совпадение нескольких дат маловероятно), мы, видимо, вправе не принимать во внимание до дополнительного подтверждения отдельные «отскочившие» даты, если они не поддаются какой-либо интерпретации.

Реальность ошибок при хранении подтверждается, например, тем, что в свежем материале из комплекса «Локомотива» (табл. 2, *47—53*) отскочивших дат нет, равно как, видимо, и в «Обхойском» (табл. 2, *58—65*). Плачевная история хранения коллекции «Фофаново» приводит к тому, что неясно, как трактовать семь дат по шести костякам (табл. 2, *113—119*) китойского группового погребения 7. Одна дата (119), видимо, может не рассматриваться как имеющая большую погрешность измерения и соответственно малонадежная, но остальные также дают разброс значительно больший, чем это можно допустить при реальных погрешностях измерения. Так, по костяку 7 имеются две даты (113, 114), дающие для образцов, взятых из разных упаковок, разницу в 330 лет, значительно превышающую ошибки измерений. Обратила на себя внимание сохранность одновременно проходивших обработку образцов (113, 117, 118), имевших соответственно светлый, темный и черный цвета, а образец 116 оказался сильнокальцинированным. Как кости из одного захоронения могут быть столь разной сохранности, если были захоронены одновременно, непонятно, но возможно, что это и соответственно разброс дат в данном случае объясняются ошибками этикетирования внутри одной коллекции. Тем не менее все же эти, равно как и остальные, китойские даты (их еще 13 из 5 могильников: 41—45, 47—53, 76) образуют довольно компактную группу диапазоном около 700 лет.

Сильно «отскочила» и одна из 12 серовских дат (73), но она малонадежна и также может не учитываться. Из глазковской совокупности дат могут быть отброшены 2 или 3 (17, 54, возможно, 16). Остальная группа заполнена датами достаточно равномерно, хотя сама весьма протяженна (около 1200 лет). Это, по-видимому, соответствует длительности существования культуры. По исакову и бронзе слишком мало дат, чтобы говорить о длительности существования этих культур.

Мы не располагаем материалом для какой-либо корреляции дат недифференцированного неолита с археологическими или иными представлениями, исключая, возможно, бухусанские погребения (94—98, 103—107), возраст которых дает четыре группы близких дат. Эти группы (их общий диапазон — около 6000 лет) обособлены и на плане могильника, и нет оснований сомневаться в их реальности.

Для полноты информации о проделанной работе следует упомянуть о пяти полностью исключенных из рассмотрения датах: 1) ГИН-3876 650 ± 40 лет назад, 2) ГИН-4048 300 ± 100 лет назад, 3) ГИН-3889 1080 ± 40 лет назад, 4) ГИН-4097 530 ± 30 лет назад и 5) ГИН-4102 12800 ± 700 лет назад. Соответственно две первые характеризуют погребения из Серовского могильника,

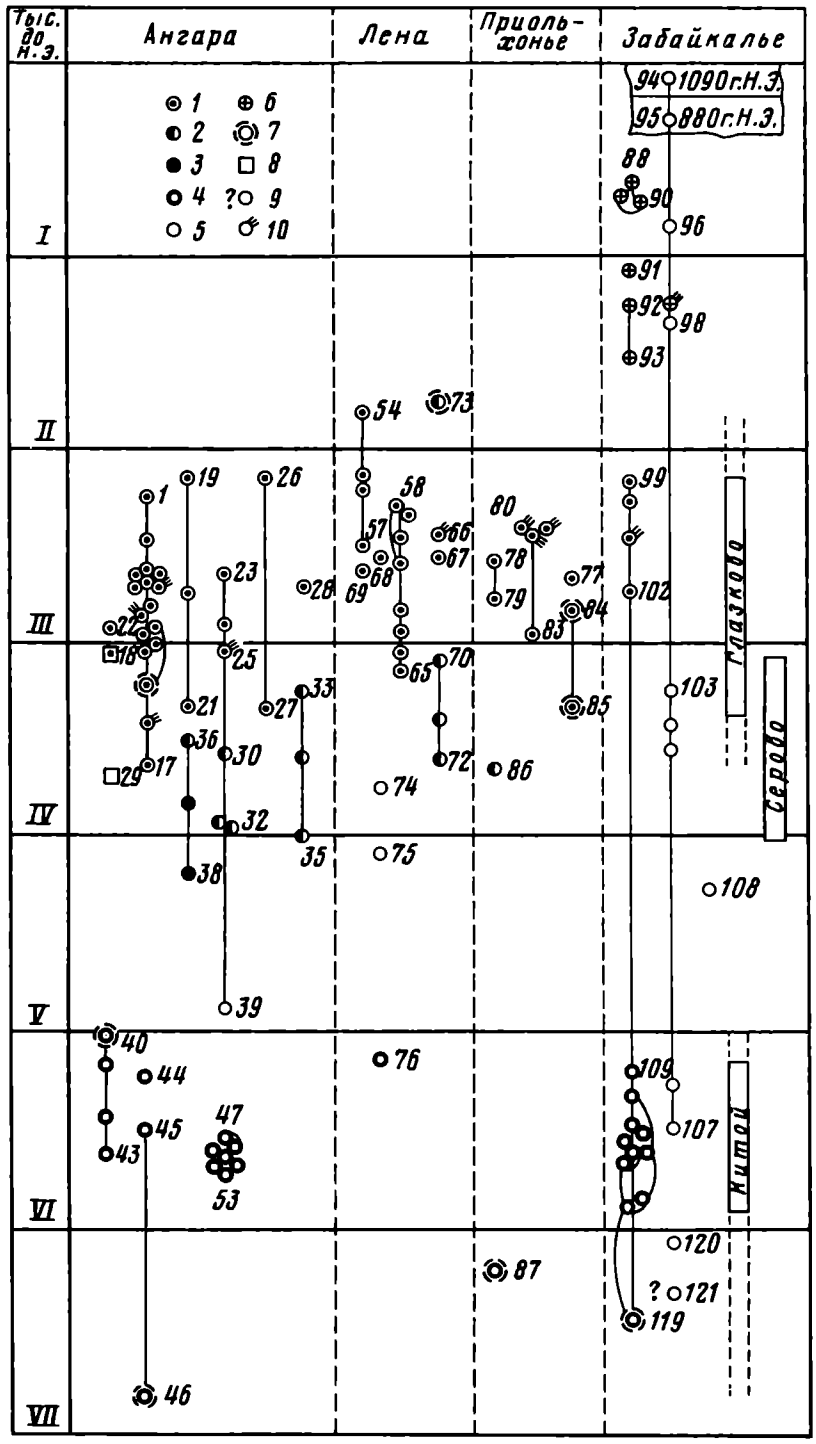


Рис. 2. Даты погребений. *1* — глазково; *2* — серово; *3* — исаково; *4* — китой; *5* — поздний неолит (по. Л. Г Ивашиной); *6* — раннее железо; *7* — китойские погребения с большой величиной ошибки определения даты; *8* — определение по образцу из культурного слоя; *9* — неолит без уточнения культурнсй принадлежности; *10* — погребения, в которых обнаружены следы бронзы

третья — из Усть-Нарына (Красный Чикой), все три погребения безынвентарные и, видимо, поздние. О четвертой (Хужир, 1973, погр. 1) есть основания предполагать, что спутан образец. Пятую дату (Хужир, 1973, погр. 1), возможно, следует признать ошибкой датирования, да и доверительный интервал у нее велик — почти 6%, но чтобы убедиться в том, что это действительно так, четвертую дату и пятую следовало бы передатировать, если найдется еще материал.

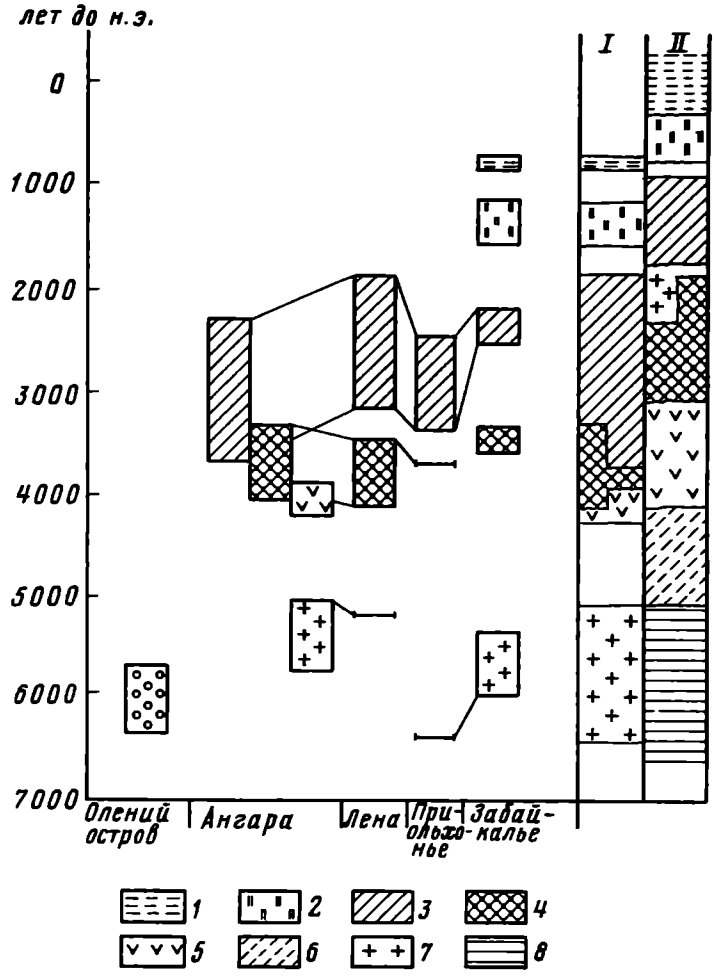


Рис. 3. Пределы колебаний возраста погребений в территориально-хронологических группах. I — полученные даты; II — датировка по А. П. Окладникову. *1* — раннее железо; *2* — плиточные могилы; *3* — глазково; *4* — серово; *5* — исаково; *6* — хинь; *7* — китой; *8* — мезолит

Полученные результаты представлены в табл. 2 и на графике (рис. 2). Картина расположения дат здесь неслучайная: существует четкая временная корреляция с археологическими данными, и, видимо, подавляющее большинство их отвечает действительности. Культуры занимают определенные хронологические диапазоны, сходные для всех территориальных групп (табл. 3; рис. 3). Судя по датам, имеет место «сосуществование» культур глазковской и серовской, серовской и исаковской, но в то же время между датировками исаковской и китойской культур имеется разрыв более чем в 1000 лет (рис. 4). Однако следует учесть малочисленность исаковской группы и отсутствие дат по погребениям хиньского времени.

Уже ограниченное количество сделанных определений отражает длительный период существования могильников, даже если они принадлежат к одной культуре [33, с. 15]. В могильнике Шумилиха, судя по датам, захоронения производились на протяжении почти 1200 лет, при этом наибольшее количество погребений падает на период 2620—2720 и 2870—3060 лет до н. э. (рис. 2). Необходимо отметить, что следы окислов меди имеются на костяках 7, 10, 16 (рис. 2.). В погребении 37 (рис. 2, *7*) в грудной области костяка находится бронзовый кельт, а в наиболее раннем погребении 10 (рис. 2, *17*) обнаружен фрагмент керамики с отпечатком сетки-плетенки, принадлежность которого к этому погребению у авторов раскопок вызывала сомнение [17, с. 9, 13, 14]

Таблица 3

Пределы колебаний полученного возраста погребений (лет до нашей эры) в пределах выделенных культур

Хронологическая группа, культура	Приангарье	Верховья Лены	Приольхонье	Забайкалье
Раннее железо				620—730
Бронза				1080—1540
Глазковская культура	2150—3350	2150—3150	2410—3370	2180—2750
Серовская »	3260—4010	3110—3610	3670	
Исаковская »	3840—4190			
Китойская »	5080—5720	5150		5220—5890

Согласно приведенным в табл. 2 датам, в могильнике глазковской культуры (Обхой) размах возраста составляет около 300 лет, Усть-Ямный — около 700 лет, Улярба II — около 450 лет. В могильнике Серово различия в датах между погребениями серовской культуры — около 750 лет, что согласуется с высказываниями А. П. Окладникова о том, что в этом могильнике представлены погребения разных этапов серовской куьтуры: раннего, развитого и позднего [18, с. 82]. В могильниках китойской культуры разброс дат составляет: «Локомотив» — всего 170 лет, Фофоново — почти вдвое больше, причем наиболее древним оказалось расположенное особняком групповое погребение 7 (рис. 2, *113—118*). Несколько неожиданным оказался разброс дат могильника Бухусаг (о чем уже говорилось выше), который Л. Г Ивашина датировала эпохой позднего неолита, синхронного с китойской культурой Приангарья [29, с. 71]. Радиоуглеродный возраст погр. 20 и 21 (рис. 2, *106, 107*), расположенных рядом, оказался синхронным погребениям китойской культуры. Возрасты трех костяков из погр. 6 и 13, 1 и 2 (рис. 2, *103—105*) синхронны погребениям серовской культуры Приангарья и верховьев Лены 3260—3670 лет до н. э.; даты погр. 1, 8 и 22 (рис. 2, *96—98*) близки к датам погребений из плиточных могил (Пестерево, Бургултай). И наконец, последние две даты погр. 4 и 11 (рис. 2, *94, 95*) — еще почти на 2 тыс. лет моложе, что интерпретировать мы не беремся. Но любопытно, что даты образуют, видимо, неслучайные четыре группы дат, разделенные приблизительно 2000-летними интервалами, которые соответствуют «ведущему» 1950-летнему циклу динамики озер, по А. В. Шнитникову [34, с. 303—312].

Возраст погребений архаического комплекса из Верхоленского могильника, которые А. П. Окладников синхронизировал с исаковско-серовскими погребениями Приангарья [25, с. 69, 70], совпадает с наиболее поздними серовскими погребениями Приангарья, размах дат — около 500 лет. Само собой разумеется, что еще больший размах в датах отмечается в случае, когда погребения относились к разным культурам (Семеновский, Серовский, Фофановский, Бухусанский и другие могильники). Такая возрастная структура древних могильников коррелирует с их топографией: погребения располагались небольшими группами, часто на значительном расстоянии друг от друга (Пономаревский, Усть-Удинский, Улярбинский, Бухусанский и многие другие могильники); стратиграфией, что особенно наглядно прослеживается в Фофановском могильнике, в могильниках «Локомотив» и Братский камень; в некоторых могильниках, относимых к одной культуре, отмечалась значительная неоднородность в элементах погребального обряда (Улярба II, Фофаново). Таким образом, большинство древних могильников Прибайкалья представляло собой места, где на протяжении многих сотен лет многократно, часто с большими перерывами, производились захоронения. Некоторое исключение составляют могильники китойской культуры («Локомотив», Фофаново). Они, как правило, обособлены [9, с. 89], в них обычно не встречались погребения иных культур. Если судить по датам могильников «Локомотив» и Фофаново, период их функционирования был значительно короче, чем это было отмечено для других могильников.

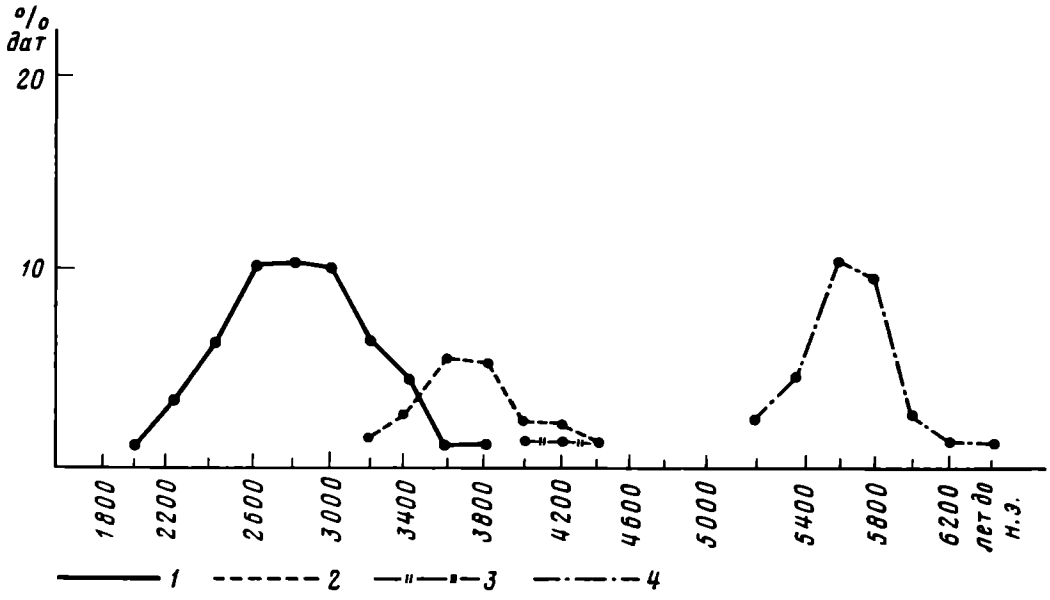


Рис. 4. Распределение частот дат погребений (лет до нашей эры). *1* — глазково; *2* — серово; *3* — исаково; *4* — китой

Размах вариации возраста погребений в пределах выделенных культур и территориальных групп показан в табл. 3 и на соответствующем ей графике (рис. 3).

На рис. 3 даны пределы вариаций дат основной массы погребений из могильника Южный Олений остров — 5640—6320 лет до н. э. Погребения датируются несколько более древними датами, чем погребения китойской культуры. Для выявления соотношения архаических монголоидных и европеоидных комплексов антропологических признаков интерес представляет сравнительный анализ китойской и оленеостровской краниологических серий, близких по уровню древности.

Рисунок 4 демонстрирует время существования культур и периоды, на которые приходится наибольшее число определений. На графиках прослеживаются периоды «сосуществования» культур: глазковской и серовской, серовской и исаковской. Являются ли они действительно периодами сосуществования культур или это объясняется иными причинами — вопрос, который требует уточнения. Видна обособленность группы дат китойской культуры.

Погребения раннего железного века из могильников Забайкалья (рис. 2, *88—90*) датируются 620—730 гг. до н. э., но истинную протяженность его установить из-за малочисленности определений нельзя. Плиточные могилы, представленные всего пятью образцами (рис. 2, *91—93*), датируются 1080—1540 гг. до н. э., охватывая период около 500 лет.

Подведем итоги.

1. Существенно удревнились датировки выделенных А. П. Окладниковым культур.

2. Значительно увеличился период существования глазковской культуры. Археологическую датировку наиболее ранних погребений глазковской культуры из могильников Приангарья и наиболее поздних погребений из могильника Усть-Ямное следует уточнить. Период существования глазковской культуры увеличился в 2,5—3 раза по сравнению с протяженностью существования этой культуры, согласно периодизации А. П. Окладникова.

3. Резко изменились датировка китойской культуры и ее место в системе периодизации неолитических культур Прибайкалья: она датируется VI тыс. до н. э. и предшествовала исаковской культуре (определение возраста хиньской

культуры отсутствует). Таким образом, подтверждается точка зрения М. М. Герасимова о большей древности китойской культуры и ее положении в системе неолитических культур Прибайкалья.

4. В общих чертах можно представить периоды существования энеолитических и неолитических культур:

глазковская культура	— конец IV — конец III тыс. до н. э.
серовская культура	— IV тыс. до. н. э.
исаковская культура	— конец V — начало IV тыс. до н. э.
китойская культура	— VI тыс. до н. э.

Полученные результаты в какой-то мере отвечают на вопросы, возникшие в процессе антропологических исследований палеоантропологических материалов. Так, согласно вновь полученным данным, обособленное положение китойской культуры на хронологической шкале делает понятным отличие китойцев от более близких между собой серовцев и глазковцев.

Продолжительность существования культур, большой промежуток времени функционирования могильников в какой-то мере объясняют повышенную внутригрупповую вариабельность антропологических признаков, так как за период длительного существования могильников, а тем более отдельных культур, сменился не один десяток поколений и за это время могли произойти морфологические изменения в пределах одного и того же антропологического типа.

Значительное увеличение численности погребений глазковской культуры становится более понятным, поскольку период ее существования увеличился почти в 3 раза.

5. Применение метода радиоуглеродного датирования погребений (по костям), на наш взгляд, весьма перспективно и для археологических, и для антропологических исследований.

---

[1] Авторы приносят глубокую благодарность М. М. Герасимовой, Ю. Д. Беневоленской, А. Г. Козинцеву (ИЭ АН СССР), А. К. Конопацкому (ИЯФЛ СО АН СССР), В. И. Базолийскому и В. М. Ветрову (Лаборатория археологии ИГУ), Л. Г Ивашиной и П. Б. Коновалову (Отдел археологии ИОН СО АН СССР) за большую помощь в работе по отбору материалов для анализов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дебец Г Ф.* Антропологические исследования в Камчатской области // Тр. ИЭ. Нов. сер. 1951. Т. XVII.
2. *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР // Тр. ИЭ. Нов. сер. 1948. Т. IV.
3. *Левин М. Г* Антропологический тип древнего населения Прибайкалья // Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. Тр. ИЭ. Нов. сер. 1958. Т. XXXV.
4. *Дебец Г. Ф.* Антропологический состав древнего населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита // РАЖ. Т. XIX. Вып. 1—2. М., 1930.
5. *Мамонова Н. Н.* К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
6. *Мамонова Н. Н.* Древнее население Ангары и Лены в серовское время по данным палеоантропологии (к вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита) // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980.
7. *Мамонова Н. Н.* К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья // Вопр. антропологии. 1983. Вып. 71.
8. *Герасимова М. М.* Краниологические материалы из могильника Шумилиха // Бронзовый век Приангарья. Могильник Шумилиха. Иркутск, 1981.
9. *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. 1950. Т. 18. Ч. 1.
10. *Герасимов М. М.* Основы восстановления лица по черепу // Тр. ИЭ. Нов. сер. 1955. Т. XXVIII.
11. *Хлобыстин Л. П.* Древние культуры побережья озера Байкал (Каменный и бронзовый век): Автореф. дис... канд. ист. наук: 07 00. 06. Л., 1964.
12. *Чернецов В. Н.* Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1972.
13. *Герасимов М. М., Черных Е. Н.* Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975.
14. *Конопацкий А. К.* Древние Культуры Байкала. Новосибирск: Наука, 1982.
15. *Савельев Н. А., Михнюк Г Н., Леженко И. Л., Горюнова О. И., Петрова Н. А., Панковская Г И.*

Бронзовый век Приангарья, Могильник Шумилиха. Иркутск, 1981.
16. *Окладников А. П.* Неолитические памятники Средней Ангары (от устья Белой до Усть-Уды). Новосибирск: Наука, 1975.
17. *Савельев Н. А., Горюнова О. И., Генералов А. Г* Раскопки многослойной стоянки Горелый лес (предварительное сообщение) // Древняя история народов юга Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1974.
18. *Окладников А. П.* Неолитические памятники нижней Ангары (от Серова до Братска). Новосибирск: Наука, 1976.
19. *Георгиевская Г М.* Неолитический могильник на Усть-Белой // Изв. СО АН СССР. 1974. № 6. Сер. обществ. наук. Вып. 2.
20. *Окладников А. П., Конопацкий А. К.* Погребения эпохи неолита и ранней бронзы на Ангаре (по материалам раскопок 1977 г.) // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1984.
21. *Окладников А. П.* Неолитические памятники Ангары (от Шукино до Бурети). Новосибирск: Наука, 1974.
22. *Кононова Т. Н.* Отчет о спасательных раскопках неолитического могильника Локомотив в г. Иркутске. Иркутск, 1981 // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 10528.
23. *Зубков В. С.* О погребальном обряде на могильнике Усть-Ямный (Верхняя Лена) // Археология и этнография Восточной Сибири. Тез. докл. к региональной конференции. 5—7 апреля 1978. Иркутск, 1978.
24. *Окладников А. П.* Археологические исследования в верховья р. Лены в 1971 // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 4485.
25. *Окладников А. П.* Верхоленский могильник — памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1978.
26. *Зяблин Л. П.* Могильник Улярба // Отчет Иркутской экспедиции ЛОИА АН СССР о раскопках на Байкале в 1959 г. под общим руководством М. П. Грязнова // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 2023 в.
27. *Базилийский В. И.* Новые неолитические погребения на о. Ольхон в бухте Булук // Отчетная научная конференция. Археология, этнография, источниковедение. Тез. докл. Иркутск, 1979.
28. *Коновалов П. Б., Свинин В. В., Зайцев М. А.* Могильник Ацай II и некоторые вопросы изучения плиточных могил Прибайкалья // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1983.
29. *Ивашина Л. Г.* Неолит и энеолит лесной зоны Бурятии. Новосибирск: Наука, 1979.
30. *Ветров В. М.* Стратиграфия и проблемы периодизации археологических памятников Верхнего Витима // Тез. докл. Всесоюз. конф. «Четвертичная геология и первобытная археология южной Сибири». Улан-Удэ, 1986.
31. *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник // МИА. 1956. № 47.
32. *Арсланов Х. А.* О поправках к радиоуглеродному возрасту // Геохимия. 1978. № 8.
33. *Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д.* Возраст некоторых неолитических и энеолитических погребений Прибайкалья по радиоуглеродным данным // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. Тез. докл. Иркутск, 1986.
34. *Шнитников А. В.* Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Зап. Геогр. о-ва СССР. Нов. сер. 1957. Т. XVI.

N. N. Mamonova, L. D. Sulerzhitski

AN ATTEMPT TO DATE SOME HOLOCENE BURIALS IN THE BAIKAL REGION ACCORDING TO C_{14}

Summary

The authors cite the C_{14} dates and the corresponding calibrated age B. C. for 121 burials from Neolithic, Eneolithic and Bronze burial grounds in the Baikal area and 15 age definitions for Yuzhni Oleni Island burials. The results pushed the earliest cultures in the region into still earlier periods. The Kitoiskaya culture is now dated to the sixth millennium B. C. within the periodisation of the Baikal region cultures and precedes the Isakovo culture.

Н. К. КАЧАЛОВА

О ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ПЕРИОДЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

(к постановке проблемы)

В современной проблематике археологии бронзового века Нижнего Поволжья вопрос о его заключительном периоде стоит наиболее остро. Всевозрастающая интенсивность полевой деятельности, вследствие которой резко увеличилась и продолжает увеличиваться источниковедческая база, а также изменение методики анализа материалов позволили более детально подойти к изучению культур эпохи бронзы. В итоге их исследование вышло на качественно новый уровень, с позиций которого стали возможными постановка новых проблем, поиски решений, ранее недоступных. Опираясь на опыт и разработки предшественников, развивая их положения, исследователи проводят более углубленный анализ. Археологические культуры рассматриваются при этом не только изолированно, в пределах своих ареалов, но и во взаимосвязи, что способствует в целом лучшему пониманию хода исторических процессов в степях Евразии. Примером тому может служить наметившаяся с конца 1970-х годов резкая активизация работ по тематике срубной культуры.

Всесоюзное совещание 1982 г. в г. Куйбышеве практически было посвящено итогам разработок периодизаций региональных групп срубных древностей, их последующему сопоставлению в общих границах, а также соотношению с кругом андроновских памятников. Доклады, сделанные на совещании, дискуссии при их обсуждении предусматривали целый ряд серьезных положений, сводившихся к пересмотру прежних представлений о характере срубной культурно-исторической общности и ее роли в истории древнего населения евразийских степей и сопредельных территорий. Кроме того, стало очевидным, что в каждом регионе своего ареала культура срубных племен имеет специфичность, которую необходимо учитывать и при рассмотрении памятников последующего времени. Применительно к археологическим материалам Нижнего Поволжья это выражается в следующем.

Согласно имеющимся на сегодняшний день данным, срубная культура представлена здесь четырьмя этапами развития [1, с. 28—59] Главными источниками для построения периодизационной схемы срубных памятников в этом районе являются в настоящее время курганные могильники. Подобный выбор обусловлен наличием курганной стратиграфии, поскольку многослойные поселения здесь пока не обнаружены. Основой выделения хронологических горизонтов послужили стратифицированные курганы, встречающиеся почти в каждой большой группе. Как показало изучение комплексов, особое значение имели те из них, которые давали факты горизонтальной стратиграфии, внесшие много корректив в прежние хронологические оценки. Так, например, оказалось, что практически одновременными могут быть погребения, совершенные в материковых могильных ямах, на древнем горизонте и в насыпи. Последние, как известно, еще со времени В. А. Городцова считались заведомо поздними. В целом анализ погребального обряда явился в методическом отношении дальнейшей модификацией системного подхода, примененного Н. Я. Мерпертом к срубным и древнеямным памятникам [2, с. 45—156; 3, с. 30—74] Категории инвентаря, главным образом керамика, были также подвергнуты типологическому анализу. Корреляция типологических групп керамики с об-

рядовыми группами захоронений, сопряженная с курганной стратиграфией, дала хронологию погребальных комплексов. В свою очередь керамика из курганных погребений, получившая привязку к стратиграфической колонке, позволила соотнести другие категории срубных памятников, в первую очередь грунтовые погребения и поселения. В итоге проделанной работы было выделено четыре этапа развития культур срубных племен в Нижнем Поволжье.

Определение времени существования культуры в целом и границ ее этапов намечено на основе взаимосочетаемости определенных находок вещей в комплексах, имеющих прочное обоснование в системе относительной хронологии. Но хронологические свидетельства инвентаря в ряде случаев весьма ограниченны для нижневолжских древностей. Поэтому особое значение приобретают привязки к коррекции срубных комплексов с памятниками сопредельных территорий, что устанавливает перекрещивающиеся линии синхронизаций. Крайне важны в этом плане материалы, которые позволяют по данным стратиграфии соотнести собственно срубные погребения, относящиеся к определенным этапам, с погребениями инокультурного облика, находящимися с ними в одной хронологической позиции. Прежде всего это относится к абашевским и андроновским (в широком смысле) памятникам, что дает возможность использовать давний, традиционный метод перекрестного датирования. Базируясь на вышеизложенном, первый этап срубной культуры Нижнего Поволжья определяется в настоящее время в пределах XVI—XV вв. до н. э., второй — XV—XIV, третий — XIII в. до н. э. В материалах четвертого этапа пока полностью отсутствуют датирующие показатели, поэтому его хронологические границы определяются сейчас ретроспективно и ориентировочно. Верхняя граница третьего этапа означает одновременно начало четвертого — видимо, на рубеже XII в. до н. э. Что же касается конца этого периода, то его верхняя граница пока остается открытой.

Но при определении временно́й продолжительности периода следует учитывать и косвенные свидетельства. Статистический подсчет комплексов, распределяющихся по этапам, дает следующую картину: I — 16%, II — 44, III — 32, IV — 6% от общего количества. Анализ всех источниковедческих категорий показывает, что четвертый этап характеризуется не только малочисленностью памятников, но и их невыразительностью, пестротой погребальной обрядности, что явно указывает на затухающий характер былого культурного единства. Это дает основания предполагать, что, очевидно, в XII в. до н. э. культура срубных племен перестает существовать в Нижнем Поволжье Конечно, будущие исследования, когда будут получены новые археологические материалы, уточнят датировку. Но уже сегодня исходя из оценки общей исторической ситуации в евразийских степях в эпоху поздней бронзы, которая реконструируется по имеющимся данным, становится очевидным, что в дальнейшем речь может идти лишь о ее удревнении, но никак не об ее омоложении.

По существующим сейчас представлениям, в Нижнем Поволжье непосредственно за срубными следуют памятники так называемого переходного типа, которые принято датировать VIII—VII вв. до н. э. Следовательно, между ними образуется хронологический разрыв, как минимум, в три — четыре века. Это порождает целый ряд вопросов, связанных с проблематикой заключительного периода бронзового века в данном регионе, имеющих отношение и к памятникам переходного типа.

Как известно, такое понятие было введено в археологическую литературу в середине 1960-х годов К. Ф. Смирновым [4, с. 5—8, 5, с. 26—33]. Выделяя их, он преследовал совершенно конкретную цель — наметить местные истоки сложения культуры савроматов. Тем самым термин «переходные» изначально нес смысловую нагрузку, подразумевающую некую культурную преемственность. Срубные, а также андроновские памятники были для К. Ф. Смирнова своего рода отправным моментом анализа. Поэтому его интересовал лишь общий фон, который рассматривался как бы «сверху», со стороны явлений и фактов эпохи раннего железа. Такая авторская позиция вполне понятна, но ее

исходная суммарность породила и некоторую упрощенность трактовки проблемы. В результате то, что именуется сейчас «срубными чертами» в комплексах переходного типа, являет собой крайне аморфную массу, лишенную должной региональной и хронологической определенности. Сами памятники, объединяемые этим понятием, также представлены не очень конкретно как в территориальном, так и в культурном отношении. Несмотря на то что имеются интересные работы, посвященные их анализу, главное внимание в них уделяется все же именно переходному характеру комплексов, а не выявлению общей культурной самобытности. Этому способствует и сам термин. О его неточности и даже опасности уже говорилось в археологической литературе [6, с. 48, 49] Короче говоря, на сегодняшний день остается неясным, чем же характеризуется комплекс переходного типа, как сочетаются в нем ведущие показатели, а именно погребальный обряд и керамика.

Расплывчатость критериев оценки становится наиболее ощутима по мере продвижения к западу от Волги, уже на материалах Волго-Донского междуречья. Случается и так, что одни и те же комплексы фигурируют как переходные у К. Ф. Смирнова и как киммерийские у А. И. Тереножкина. Так, например, Бережновка II, кург. 63, погр. 6 [5, рис. 60,*2*; 7, с. 35, 36, рис. 10,*7*]; с. Верхнее Погромное, кург. 15, погр. II [5, с. 30, рис. 59, *3—4*; 7, с. 37, рис. 10,*8*]; ст. Норка, кург. 6, погр. «h» [5, с. 28, рис. 60,*1*; 7, с. 53, 54, рис. 27,*7*]; хут. Веселый, кург. 1, погр. 2 [5, с. 30; 7, с. 38]; хут. Жирноклеевский, кург. 6, погр. 5 [5, с. 29; 7, с. 43]; там же, погр. 9 [5, с. 29, рис. 2, 3, *а, б*; 7, с. 43, 44, рис. 14, *9—13*]; хут. Соленый, кург. 1, погр. 1 или 20, поскольку имеются расхождения у авторов в нумерации одного и того же комплекса [5, с. 28, рис. 60,*4*; 7, с. 59, рис. 25,*9*]

Даже этот краткий перечень весьма характерен. Он свидетельствует о недостаточной разработанности комплекса проблем, связанных с памятниками заключительного периода бронзового века в южнорусских степях. Прежде всего остается неясным, чем различаются между собой и различаются ли вообще памятники, именуемые «киммерийскими», «предскифского времени» и «переходного типа». Сходны ли они в культурном отношении при различной территории распространения? Разные ли они по культуре, если относятся к одному времени? Насколько возможна замена одного термина другим при учете территориального фактора?

Обращает на себя внимание крайне парадоксальная ситуация. Несмотря на то что киммерийская проблема имеет длительную и обширную историографию, практически отсутствует четкое определение комплекса, который принадлежит к этому культурному пласту в его археологическом понимании. Ареал богатого вещевого инвентаря, представленного предметами конской узды, оружия, украшений, оставляет такие важнейшие этнокультурные показатели, как погребальный обряд и керамику. Нельзя сказать, что этот вопрос был обойден полностью. Он анализировался в работах А. И. Тереножкина [7, с. 90—103, 167—171], А. М. Лескова [8, с. 87—91; 9, с. 19—25], обращаются к нему и сейчас [10, с. 129—132] Но пока не предъявлены исследования, в которых была бы обоснована корреляция вещевого инвентаря с погребальным обрядом и керамикой. В результате создается впечатление, что культурно-хронологический пласт, который связывается в Причерноморье с киммерийцами, представлен исключительно богатыми погребениями всадников и воинов при отсутствии массовых рядовых погребений этого времени. Невычлененность рядовых погребений этого пласта, отсутствие их сопряженности по обряду и керамике с богатыми порождает ряд дополнительных трудностей. Во-первых, значительно осложняется, а возможно, и искажается общая характеристика культуры данной эпохи; во-вторых, ограничивается тем самым возможность сопоставимости с аналогичными историческими образованиями на сопредельных территориях.

Изложенное показывает, что в изучении заключительного периода бронзового века степей Восточной Европы имеются сейчас сложности общего порядка, которые необходимо учитывать, обращаясь к материалам Нижнего Поволжья, в том числе к памятникам переходного типа. Прежде всего следует от-

метить, что территорию их распространения, видимо, пока приходится очерчивать весьма условно по причинам, о которых говорилось выше. Поэтому, чтобы не вносить дополнительных осложнений, следует обратиться лишь к первоисточнику, т. е. к разработкам К. Ф. Смирнова. Согласно им, территория, на которой распространены памятники переходного типа в Нижнем Поволжье, представленные погребальными комплексами, включает собственно Заволжье, правобережье низовий Волги и восточную часть Волго-Донского междуречья, вплоть до р. Маныч. По сводкам К. Ф. Смирнова [4, с. 5—8; 6, с. 26—33], В. И. Мамонтова [11, с. 175—194], В. В. Дворниченко [12, с. 59—64; 13, с. 60—64] и В. А. Кореняко [14, с. 64—70] таких погребений насчитывается здесь 71. Из них лишь 33 погребения содержат инвентарь. Очевидно, только они могут являться сейчас объектом анализа. Безынвентарные погребения, датируемые тем же временем, еще нельзя относить к числу полноценных источников, что с наибольшей полнотой обосновано В. А. Кореняко [15, с. 54—57]. Всегда желательное расширение источниковедческой базы в данном случае весьма опасно, учитывая фактологическую сложность переходного этапа от эпохи бронзы к раннему железу, а также все аспекты общей проблематики.

Все рассматриваемые погребения являются впускными в курганах предшествующих периодов эпохи бронзы. Захоронения обнаружены в материке, на уровне древнего горизонта и в насыпи. Могильные ямы прослежены в 17 захоронениях. Чаще всего они имели прямоугольно-вытянутую форму, размеры их колеблются от 2,20×0,95 до 1,80×0,75 м. Иногда встречаются ямы овальной или неправильной формы. Заглубленность в материке обычно незначительная — 0,3—0,4 м. В трех погребениях было подбойно-катакомбное устройство могил: Чограй I, кург. 23, погр. 1 [16, с. 52—63, рис. 9, *1, 2*]; Кривая Лука XXXIV, кург. 5, погр. 9 [13, с. 62, рис. 2,*5—7*]; Бережновка I, кург. 4, погр. 3 [17, с. 62—64, рис. 9,*4*, 13,*1*]. Положение погребенных различно. В 16 погребениях они были положены скорченно на левом боку, в трех — скорченно на правом боку. Степень скорченности варьирует от средней (прямой угол в тазобедренном суставе) до слабой (тупой угол), преобладает последняя. В большинстве случаев руки слегка согнуты в локтях и протянуты вперед или к коленям, в трех захоронениях руки погребенных были сильно согнуты в локтях и кистями помещались у черепа: Бережновка I, кург. 4, погр. 3 [17, с. 72—64, рис. 9,*4*], Чограй I, кург. 23, погр. 1 [16, с. 52, 53, рис. 9, *1, 2*], Химкомбинат, кург. 1, погр. 1 [11, с. 179, рис. 2,*4*]. Второй по численности (13) является положение погребенных на спине с прямыми или слегка согнутыми в коленях ногами. Чаще одна рука вытянута, а другая согнута в локте и кистью лежит на тазе; значительно реже обе руки вытянуты вдоль туловища. В одном случае погребенный был обнаружен лежащим ничком, грудью вниз: Кривая Лука IX, курган 1, погр. 1 [12, рис. 1,*10*].

В ориентировке преобладает широтное направление с некоторыми отклонениями к северу и югу. Корреляция положения погребенных с ориентировкой выявляет среди учтенных две группы (таблица). К первой относятся погребения, в которых умершие находились в скорченном положении на боку, как правило на левом (16), иногда на правом (3). Ориентировка — головами на восток (7), восток — северо-восток (6), северо-восток (2), северо-запад (2),

Положение скелета	Ориентировка									Форма	
	В	В—СВ	СВ	СЗ	З	З—СЗ	З—ЮЗ	ЮЗ	Ю	прямоугольная	
На левом боку скорченно	6	4	2	2				1	1	4	
На правом боку скорченно	1	2								2	
На левом боку вытянуто						1				1	
На спине вытянуто				2	4	1	1	1			
На спине скорченно	1	1		1	1					1	

юго-запад (1), юг (1). Вторую группу составляют захоронения, в которых погребенные оказывались лежащими в вытянутом положении на спине (9), а также на спине с подогнутыми ногами (4) и вытянуто на левом боку (1) Ориентировка: западная (5), северо-западная (3), западная — северо-западная (1), западная — юго-западная (1), юго-западная (1), восточная (1), восточная — северо-восточная (1). Следовательно, при положении погребенных скорченно на боку преобладает восточная ориентировка, а при положении на спине — западная. Нужно отметить, что такое же распределение дают безынвентарные погребения, которые относят к комплексам данного времени. В целом никакой связи с полом и возрастом погребенных пока не наблюдается. Конечно, полученные результаты подлежат в дальнейшем проверке, особенно учитывая современную малочисленность памятников.

Корреляция положения скелетов с формой могильной ямы обнаруживает следующее. Могилы прямоугольной, овальной, подбойно-катакомбной и неправильной форм зафиксированы в 13 из 19 погребений первой группы (таблица). Для погребений второй группы он зафиксированы в трех случаях из 11 (прямоугольная, овальная и неправильной формы). Остальные представляют собой захоронения в насыпи или на древнем горизонте.

В погребениях обеих групп, чаще в первой, встречаются подсыпки мела, иногда кусочки краски, а также остатки подстилок из органических материалов. В качестве заупокойной пищи довольно часто использовали мясо барана. Кости животных находятся обычно около черепа или рук погребенных.

Вещевой инвентарь рассматриваемых погребений немногочислен и почти весь происходит из комплексов первой группы. Он представлен бронзовыми однолезвийными ножами с горбатой спинкой и пластинчатым черенком (Кривая Лука IX, кург. 2, погр. 16 [12, рис. 2,*4*]; Кривая Лука XXXIV, кург. 5, погр. 9 [13, рис. 1,*7*]; там же, кург. 2, погр. 5 [13, рис. 1,*4*]; Чограй III, кург. 8, погр. 3 [14, рис. 2,*8*]) или с узким клинком и вогнутым лезвием (с. Красная Деревня, кург. 7, погр. 5 [18, рис. 1,*1*]; Могута, кург. 10, погр. 1, [11, рис. 5,*2*]). Тип ножей, у которых сохранилась только черенковая часть, установить довольно трудно (Химкомбинат, кург. 1, погр. 1 [11, рис. 5,*4*]; Чограй III, кург. 10, погр. 5 [14, рис. 2,*2*] К предметам украшения и быта относятся бронзовые проволочные закрепки (Чограй III, кург. 8, погр. 3 [14, рис. 2, *5, 6*], пластинки-накладки (Кривая Лука XXXIV, кург. 5, погр. 9 [13, рис. 1, *5, 6*]; Могута, кург. 10, погр. 1 [11, рис. 5, *11*], глиняное (Чограй III, кург. 9, погр. 12 [14, рис. 2, *9*]) и костяное пряслица (Восточный Маныч, кург. 2, погр. 8 [11, рис. 5, *5*]). В трех захоронениях были найдены каменные оселки: Могута, кург. 10, погр. 1 [11, рис. 5, *6*]; Кривая Лука VIII, кург. 2, погр. 12 [12, рис. 2, *1*]; с. Красная Деревня, кург. 7, погр. 5 [18, рис. 1, *2*] Курганное погребение у с. Красная Деревня занимает особое место по составу инвентаря. В нем сочетаются бронзовые трехдырчатые псалии и однокольчатые удила, костяные бляшки от уздечного набора типа жирноклеевских, костяная трехжелобчатая застежка, обломок бронзовой двойной полусферической бляшки и лощеный сосуд.

Среди погребений второй группы лишь в одном захоронении (Кривая Лука IX, кург. 1, погр. 22) были обнаружены костяные предметы: втульчатое острие (14, рис. 2, *8*), пулевидный наконечник стрелы с закрытой втулкой

Таблица

могильной ямы				Керамика	
овальная	неправильной формы	подбойно-катакомбная	насыпь	лощеная	нелощеная
1	2	3	6	5	9
1					
				1	
1			4		3
	1		3	1	4

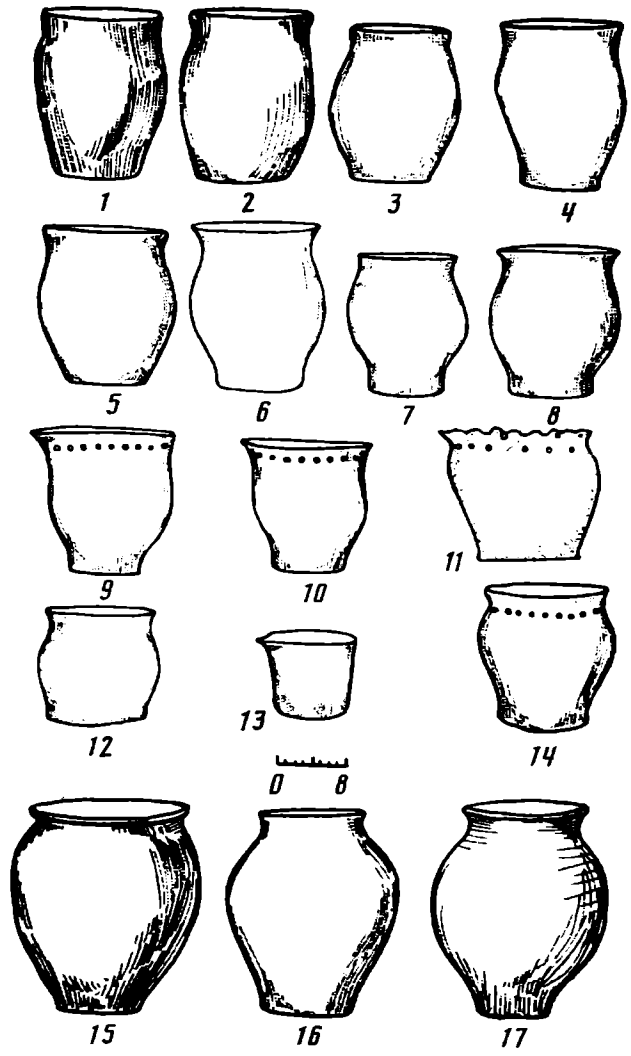


Рис. 1. Нелощеная керамика из погребений переходного типа. *1* — Жутово I, кург. 68, погр. 2; *2* — Старица, кург. 7, погр. 12; *3* — Химкомбинат, кург. 1, погр. 1; *4* — Бережновка I, кург. 4, погр. 3; *5* — Бережновка II, кург 94, погр. 1; *6* — Чоград III, кург 14, погр. 1; *7* — Быково I, кург. 4, погр. 8; *8* — Восточный Маныч, кург 2, погр. 8; *9* — Бородаевка, кург. 97, погр. 3; *10* — Максютово, кург. 2, погр. 6; *11* — Кривая Лука XXXIV, кург. 2, погр. 5; *12* — Чоград IV, кур. 4, погр. 4; *13* — Чоград I, кург. 34, погр. 1; *14* — Быково I, кург. 17, погр. 7; *15* — Заплавное, кург. 2, погр. 2; *16* — Чоград I, кург 23, погр. 1; *17* — там же, кург. 56, погр. 1

[14, рис. 2, *9*] и каменная точильная плитка [14, рис. 2, *7*]

Наиболее массовой категорией инвентаря обеих групп является керамика. По обработке поверхности она представлена двумя типами: лощеная и нелощеная. Если нелощеные сосуды встречаются в равной мере в погребениях той и другой группы, то лощеные — преимущественно в первой (таблица), в которой преобладает положение умерших скорченно на левом боку при восточной ориентировке. За исключением сосуда, происходящего из погр. 12 кургана могильника Чоград III, который, по мнению исследователя [14, с. 68], находит аналоги в кобанской керамике, остальная посуда характеризуется корчагами с эллипсовидным корпусом, узким дном и невысоким горлом. Иногда корчаги орнаментированы в верхней части тулова налепными шишечками или косыми налепами: Бережновка II, кург. 63, погр. 6 [19, рис. 25, *4*]; Кривая Лука II, кург. 1, погр. 7 [12, рис. 2, *2*]. Им близок по общим пропорциям и орнаментации сосуд из погр. 1 кург. 1 у хут. Соленый, включенный А. И. Тереножкиным в число киммерийских комплексов [7, рис. 25, *9*]

Во второй группе погребений лощеная керамика обнаружена в двух комплексах: Кривая Лука IX, кург. 2, погр. 13 — неорнаментированный сосуд с округлыми боками и невысоким отогнутым венчиком [12, рис. 2, *6*]; Кривая Лука II, кург. 1, погр. 6 — сосуд с раздутым корпусом и невысоким прямым горлом, украшенный резной сеткой по всей поверхности тулова [12, рис. 2, *5*]

Нелощеная керамика, обнаруженная в погребениях обеих групп, одинакова по глиняному тесту (плотное, комковатое, со значительной примесью песка и шамота), формовке и обжигу (неравномерный, наружные поверхности красновато-красных тонов). Она представлена сосудами нескольких форм. Среди них преобладают горшки с раздутым в средней части корпусом, выделенной придонной частью и невысоким, слегка отогнутым венчиком (рис. 1, *1—8, 14—17*); сосуды баночных форм с расширением в придонной части и немного отогнутым венчиком, иногда снабженным сливом (рис. 1, *9—13*); и, наконец, сосуды типа корчаг с резко отогнутым краем на невысоком горле. Большинство керамики неорнаментировано. Лишь некоторые экземпляры украшены рядом жемчужин, опоясывающих горло. На одном сосуде жемчужины сочетались с защипами по краю венчика: Кривая Лука XXXIV, кург. 2, погр. 5 [13, рис. 3] Сосуды первых двух форм встречаются в погребениях обеих групп, третьи — только в первой.

Картирование комплексов с лощеной и нелощеной керамикой обнаруживает следующее. Погребения, в которых найдена лощеная керамика, распространены в основном на правобережье Волги; в Заволжье они единичны: Бережновка II, кург. 63, погр. 6; с. Красная Деревня, кург. 7, погр. 5. Нелощеная же керамика более характерна для заволжских комплексов. Находки ее на правобережье тяготеют к Волге.

Даже столь суммарный анализ материалов дает основания для некоторых выводов, которые кратко сводятся к следующему. Памятники, именуемые переходными, территория распространения которых была очерчена выше, очевидно, составляют единое культурное образование. Прежде всего это подтверждается хотя и немногочисленной, но достаточно устойчивой серией сочетаний погребального обряда и керамики. Поэтому они должны в первую очередь рассматриваться с данных позиций, и все поиски в них либо «срубоидности», либо протосавроматских черт в таком случае оказываются вторичными. На современном этапе изучения подобные изыскания могут быть в известной мере даже опасными, так как уводят в сторону от главной задачи — детальной характеристики культурного ядра.

В пределах этого образования выявляются сейчас две группы комплексов, которые различаются по обряду и инвентарю. Пока еще мало прямых свидетельств для утверждения, что различия носят хронологический характер. Но имеются данные для предположений о возможности такого понимания. Так, например, находки бронзовых однолезвийных ножей разных видов в первой группе погребений переходного типа синхронизируют ее с памятниками черногоровской ступени киммерийского пласта, для которой они характерны [7, с. 162; 13, с. 63]. Подкрепляет синхронизацию и сходство черт погребального обряда. Преимущественное положение погребенных скорченно на левом боку при восточной ориентировке, как в первой группе, аналогично черногоровскому обряду, согласно разработкам А. М. Лескова [8, с. 86—89], А. И. Тереножкина [7, с. 92—95], Э. С. Шарафутдиновой и О. Р. Дубовской [10, с. 130, 131] В настоящее время черногоровская ступень датируется IX — первой половиной VIII в. до н. э., что недавно было вновь обосновано Г И. Смирновой [20, с. 33—53, рис. 4] на базе широких параллелей в комплексах Центральной Европы, Балкан, Эгейского бассейна и Трои. Это фактически возвращает нас к датировкам, предложенным ранее А. И. Тереножкиным [7, с. 186—207] Учитывая вышесказанное, дата черногоровской ступени может быть распространена и на первую группу комплексов переходного типа.

К сожалению, памятники второй группы, из числа переходных, еще не дают каких-либо хронологических индикаторов, которые могли хотя бы ориентиро-

вочно наметить их датировку. По обряду (положение погребенных преимущественно на спине при западной ориентировке) они аналогичны погребениям новочеркасской ступени киммерийского пласта [7, с. 93—99; 10, с. 130] Но синхронизация в данном случае требует подкрепления археологическими фактами, поэтому является делом будущего. Верхняя хронологическая граница памятников переходного типа VII в. до н. э., предложенная еще К. Ф. Смирновым, не вызывает возражений и у последующих исследователей [12, с. 59—64] Но пока не будут открыты новые прямые реалии, проблематичность датировки памятников переходного типа остается, поскольку главные ее источники опосредственны. Сейчас она может быть в целом намечена в пределах IX—VIII вв. до н. э.

Время существования памятников переходного типа, казалось бы, снимает вопрос о прямом контакте их носителей с племенами срубной культуры, так как хронологический разрыв в три века подтверждается с обеих сторон. Однако тезис о срубной подоснове настолько прочно вошел в археологическую литературу, что стал своего рода аксиомой, переходящей из работы в работу. При этом культуре срубных племен отводится далеко не ретроспективная роль. Непосредственно с продвижением срубного населения из Поволжья в причерноморские области, существованием их там и дальнейшим развитием связывается появление киммерийцев на исторической арене. В Поволжье савроматы трактуются как прямые потомки срубных племен. Следовательно, срубному субстрату придается решающее значение в определении автохтонности последующих культур. Признание этого факта крайне существенно для воссоздания исторической ситуации конца бронзового века в евразийских степях, а значит, требует самого пристального и всестороннего внимания к исходным предпосылкам. Между тем, если отказаться от весьма туманного понятия «срубная подоснова» и обратиться к археологической конкретизации, то нетрудно убедиться, что кажущаяся очевидность не выдерживает проверки фактами и ставит ее под очень большое сомнение.

Вещевой инвентарь погребений переходного типа (бронзовые однолезвийные ножи, предметы украшений, каменные оселки, пряслица и т. д.) резко отличается от срубного и не имеет в нем никаких прототипов. Сходное явление наблюдается и при сопоставлении керамики. Производство лощеной посуды совершенно несвойственно срубным племенам, особенно обитавшим в Нижнем Поволжье. Подлощенность, точнее — специальное заглаживание поверхности сосудов, ее имитирующее, встречается в керамике срубного населения поволжской лесостепи. Но это технологический прием иного порядка, что вряд ли нуждается в пояснении. Что же касается нелощеной керамики, обнаруженной в погребениях переходного типа, то она принципиально отличается от срубной по технологии керамического производства (тесту, примесям, обработке поверхности и обжигу). Не наблюдается также и общей типологической сопоставимости в формах сосудов, за исключением простейших, типа банок. Но их вариации настолько общераспространены, что встречаются вплоть до средневековья и славянской эпохи, поэтому не могут быть опорными и служить каким-либо культурным индикатором.

В погребальном обряде комплексов переходного типа прослеживаются, на первый взгляд хотя и редко (три случая из 30), срубные реминисценции. Речь идет только о положении погребенных скорченно на левом боку с руками, согнутыми в локтях, и кистями, протянутыми к черепу. В двух погребениях они находились в подбойных могилах (Чограй I, кург. 23, погр. 1; Бережновка I, кург 4, погр. 3), ориентировка южная и восточная. Третье захоронение было совершено в прямоугольной яме (Химкомбинат, кург. 1, погр. 1), ориентировка северо-западная. Хотя поза погребенных характерна для срубного обряда, но только один раз она совпадает с также типичной ориентировкой (северо-западной). Но этот случай пока единичен. В целом же при сравнительном анализе срубного обряда и обряда погребений переходного типа необходимо учитывать следующее. Как показывает современное изучение культуры срубных

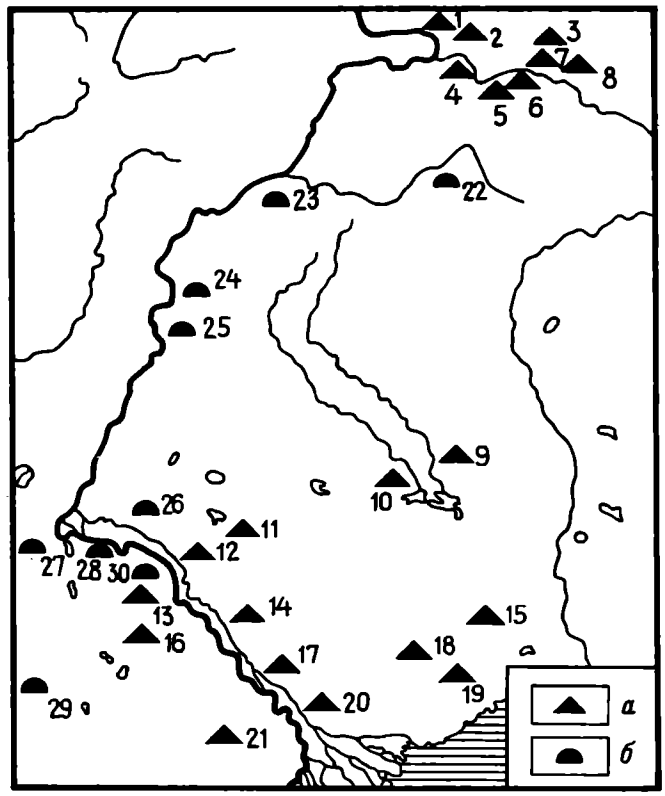


Рис. 2. Распространение нурских поселений (*1—21*) и погребений переходного типа (*22—30*) с нелощеной керамикой. *1* — Царевщина; *2* — Белозерское; *3* — Кочиваловка; *4* — Нур; *5* — Максимовка; *6* — Вилфватое; *7* — Захар-Калма; *8* — Немчанка; *9* — Новая Казанка; *10* — оз. Сара-Дин; *11* — Урда; *12* — Болхуны; *13* — Заханата; *14* — Басинские дюны; *15* — Тюкей-Молла; *16* — Сарпа; *17* — Сероглазово; *18* — Конур-Кудук; *19* — Сазды; *20* — Досанг; *21* — Комсомольское; *22* — Максютово; *23* — Бородаевка; *24* — Бережновка; *25* — Быково; *26* — Заплавное; *27* — Химкомбинат; *28* — Старица; *29* — Чограй; *30* — Кривая Лука; *а* — поселения; *б* — погребения

племен Нижнего Поволжья, она на всем протяжении своего существования проявляется очень монолитно и стандартизованно по всем ведущим показателям, в том числе и по погребальному обряду. Его хронологическая модификация идет в рамках неизменного общего стандарта: положение погребенных скорченно на левом боку, руки согнуты в локтях и кистями протянуты к черепу. Преобладающая ориентировка — меридиональная (на позднем этапе — северная или северо-западная). Все отклонения от нормы статистически очень невелики и находят свое конкретное обьяснение. Именно поэтому попытка типологически вывести позу погребенных (в слабоскорченном или вытянутом положении, с руками, протянутыми к коленям, при широтной ориентировке) из срубного обряда, видимо, изначально обречена на неудачу. Очевидно, как свидетельствуют многочисленные примеры из предшествующих и последующих эпох, здесь имеют место широкие хронологические закономерности, а не культурные, генетические. Не исключено, что какие-то отдельные импульсы культуры срубных племен, несмотря на временной разрыв, нашли отголоски в последующих периодах, но пока уловить их почти невозможно.

Суммируя все сказанное, видимо, следует признать, что фактической твердой срубной основы, в генетическом ее понимании, в памятниках переходного типа не наблюдается. Это означает, что савроматская культура не может являться прямым продолжением срубной и, следовательно, должно существовать культурное промежуточное звено между ними. В таком случае требуется установить, имеют ли к нему отношение комплексы переходного типа.

В настоящее время в Нижнем Поволжье намечается выделение самостоятельного культурного пласта эпохи финальной бронзы, представленного па-

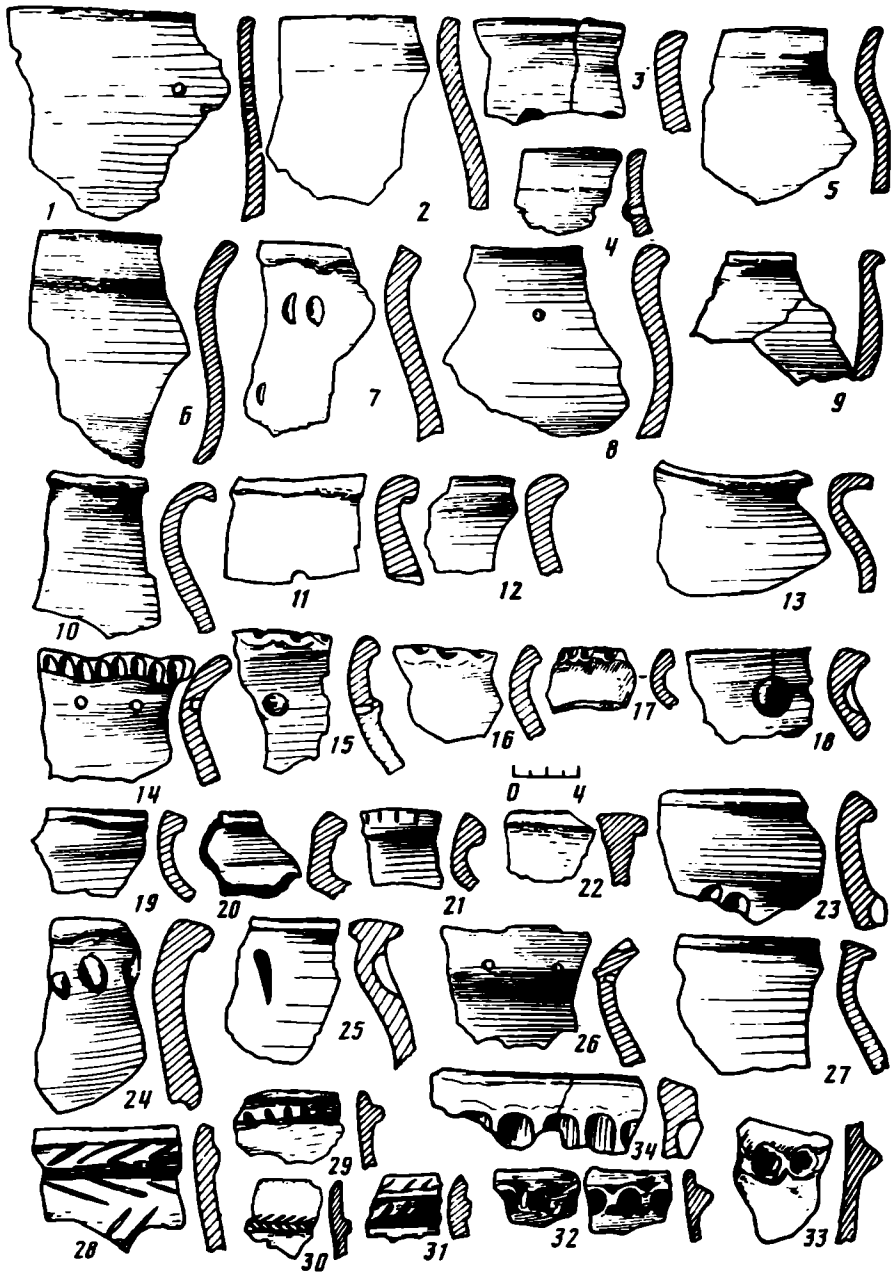


Рис. 3. Керамика нурских поселений. *1, 9, 19,* 25, 30 — Михайловка; *2, 5, 16, 29, 31, 32* — Новая Казанка; *3, 4, 12, 14, 21, 26* — Сероглазово; *6, 8, 10, 13, 20, 23, 24, 27, 34* — Басинские дюны; *7, 11, 15, 22* — Досанг; *17, 18, 28, 33* — Болхуны

мятниками нурского типа. В 1976 г. С. А. Агаповым и И. Б. Васильевым [21, с. 121, 122] было обследовано поселение у с. Нур на юге Куйбышевской обл., содержащее очень своеобразный керамический комплекс и давшее название аналогичным памятникам. Как показывает их картирование, они занимают степные и полупустынные районы Заволжья, низовий правобережья Волги и представлены в основном открытыми стоянками (рис. 2). В лесостепных районах такие памятники не встречаются.

Нурская керамика изготовлена из плотного глиняного теста со значительной примесью песка, шамота, иногда дресвы. Черепок в изломе сплошной. Обжиг высокотемпературный, наружная поверхность варьирует от желтовато-серых до кирпично-красных тонов. Керамика представлена несколькими группами (рис. 3). Самую малочисленную составляют баночные сосуды закрытого профиля (рис. 3, *1, 2*). Вторую группу образуют горшки с широким невысоким

горлом (рис. 3, *3—9, 14—18*). Третья представлена узкогорлыми, редко — профилированными горшками, обычно имеющими грибовидные венчики (рис. 3, *10—13, 19—27*). Нурская керамика орнаментирована довольно бедно. Лаконичные узоры составляют различного вида наколы, прочерченные линии, «жемчужины», пальцевые защипы по краю горла или на валике, его опоясывающем.

По технологии изготовления, формам и орнаментации нелощеная посуда, обнаруженная в погребениях переходного типа, находит полное соответствие среди керамики нурских поселений. Сопоставление обоих керамических комплексов хотя и устанавливает их полную идентичность, но и фиксирует большую вариабельность нурской. Кстати, уместно вспомнить, что в круг памятников переходного типа К. Ф. Смирнов [5, с. 32] включал и стоянки у ст. Сероглазово, обследованные П. С. Рыковым на р. Ахтубе. Та керамика, которую имел в виду К. Ф. Смирнов [5, рис. 4], в настоящее время и называется нурской. Совмещение карт распространения нурских поселений и памятников переходного типа, в трактовке К.Ф Смирнова, обнаруживает единство их ареалов (рис. 2) Учитывая все сказанное, очевидно, целесообразнее в дальнейшем в целях упорядочения терминологии именовать памятники переходного типа, территория распространения которых была оговорена выше, нурскими.

Проработка материалов нурских поселений выявляет ряд моментов, которые сейчас могут быть лишь отмечены для будущих исследований. Современная сложность их изучения заключается и в том, что ни одна нурская стоянка Нижнего Поволжья не дает еще датирующих вещей. Основным и в настоящее время единственным источником анализа материалов является керамика. Она достаточно информативна и позволяет сделать ряд наблюдений. Прежде всего обращает на себя внимание то, что наряду с сосудами, подобными обнаруженным в погребениях переходного типа, встречаются типологически близкие по форме и орнаментации савроматским. При этом необходимо иметь в виду, что в технологическом отношении нурская и савроматская керамика имеют много общего. Расчленить нурскую керамику во времени еще не представляется возможным. Но, очевидно, именно нурские памятники необходимо учитывать при попытках установить местные истоки культуры савроматов.

Если рассматривать нурские поселения на фоне памятников смежных территорий, то обнаруживается следующее. К западу от Волги они не встречают себе аналогов, за исключением северо-западного побережья Каспия и прилегающих районов Калмыкии. Так, например, керамика нурского облика встречена здесь на поселениях Садовое, Заханата, Комсомольское[1] (рис. 2). Совершенно иная картина вырисовывается при сопоставлении с памятниками, расположенными к востоку от Поволжья, в районах Казахстана и Средней Азии. По всем ведущим показателям (технология, форма, орнаментация) нурская керамика имеет прямые соответствия в материалах Восточного Казахстана. Они обнаруживаются прежде всего в комплексах, которые С. С. Черников включил в трушниковский этап: поселения Трушниково [22, с. 52—62, табл. IX, X], Усть-Нарым [22, с. 35—40, табл. XXX]; а также на поселениях Центрального Казахстана: Тагибай-Булак [23, с. 225—233, рис. 174], Каркаралинское II [24, с. 229—238, табл. XXXIV—XXXVII] и др. По мере продвижения на юг нурская керамика оказывается подобной керамике ранних комплексов кокча-тингизской культуре Хорезма и джетыасарской — Восточного Приаралья [25, рис. 8, 9; 26, рис. 8, 9], а также материалами поздних кайракумских поселений северо-западной Ферганы [27, с. 239—257, табл. 66, 68, 69, 71, 82, 86, 96, 108[.

Восточные параллели нурским комплексам Поволжья чрезвычайно важны в разных планах, в том числе и для вопросов хронологии. Согласно суммированным датировкам С. С. Черникова [22, с. 102], А. Х. Маргулана [23, с. 159 сл.], С. П. Толстова [25, с. 136, 137], Б. А. Литвинского [27, с. 251, 257], памятники, в которых обнаружены аналоги нурским, относятся к IX—VIII вв. до н. э. Это фактически соответствует тому хронологическому определению, кото-

рое намечается им по комплексам переходного типа, входящим в круг нурских.

Почти полное совпадение западных и восточных датировок, спроецированное на нурские памятники, лишний раз подчеркивает наличие временно́го разрыва, который образуется в Нижнем Поволжье между ними и срубными. Отсюда проистекает предположение, что для заключительного периода бронзового века данного региона не выявлено еще какое-то культурное звено, которое предстоит установить. Существенную помощь в поисках может оказать здесь следующий факт. В подавляющем большинстве нурских поселений встречаются отдельные находки горшков, орнаментированных под венчиком рассеченным валиком или покрытых елочным узором крупнозубчатого штампа (рис. 3, *29—31*). Хотя в процентном отношении подобная керамика очень немногочисленна по отношению к основному комплексу, она важна в другом плане. Как по технологии изготовления, так и по формам и орнаментации она отличается от общей массы нурской и типична для памятников хвалынского (ивановского) круга. В настоящее время в Поволжье предпринимаются исследования по выделению подобных памятников в самостоятельную культурную группу, непосредственно наследующую срубной [28, с. 27, 28] Хотя изучение поволжских памятников с валиковой керамикой, к которым, как известно, и принадлежат комплексы ивановского круга, с таких позиций находится в самом начале, полученные результаты весьма перспективны. Так, например, Н. М. Малову удалось не только охарактеризовать их как культурную группу, но и расчленить во времени [29, 30]. Конечно, здесь еще имеется много дискуссионных моментов и нерешенных проблем, которые предстоит разрешить, в частности определение временны́х границ их существования. Но уже сейчас становится очевидной несомненная принадлежность памятников ивановского типа к единому хронологическому пласту, представленному на востоке алексеевскими и саргаринскими комплексами.

На всех восточных памятниках, которые приводились выше в качестве аналогов нурским, также неизменно присутствует керамика, относящаяся к так называемому валиковому комплексу. Следовательно, это явление общего порядка. Но каково хронологическое соотношение ивановских и нурских памятников в Поволжье, как и их культурных эквивалентов в Казахстане и Средней Азии, пока остается неясным. Исходя из логики исторического развития, можно предположить, что памятники с керамикой, типологически близкой в Поволжье савроматской, а на востоке — сакской, как это предполагается исследователями [23, с. 57, 159, 332; 31, с. 21—36], должны непосредственно предшествовать им во времени, а значит, быть относительно поздними. Но одной логике здесь явно недостаточно, и требуется обоснованность археологическими фактами. В этом плане крайне важны наблюдения С. С. Черникова, сделанные им в процессе раскопок поселения у с. Трушниково. Он установил, что жилище 2, содержащее керамику третьей группы, по его классификации, (аналог Нуру) перекрывает жилище 1, в котором находилась керамика, по современной терминологии, саргаринская [22, с. 53, табл. XV]. Хотя данный случай прямой стратиграфии является пока единственным, во всяком случае из опубликованных, его трудно переоценить. Он дает уже фактические основания предполагать, что нурские памятники и их прямые восточные параллели предстают в свите культур эпохи финальной бронзы более поздними, чем те, что именуются сейчас ивановскими, алексеевскими и саргаринскими. Естественно, данное положение можно рассматривать в настоящее время лишь в виде рабочей гипотезы, которая ни в коей мере не сводится к повсеместному однозначному решению. Необходимы конкретные разработки для каждого региона из перечисленных. Сейчас речь идет только об одном возможном пути исследовательских поисков.

Таким образом, современное изучение материалов Нижнего Поволжья намечает схему последовательности культурных групп, характеризующих здесь заключительный период бронзового века. Непосредственно за срубными следуют памятники ивановского типа, а за ними — нурские. Как всякая схема,

она достаточно условна, особенно учитывая ряд объективных трудностей, стоящих сейчас перед исследователями. Окончательное установление хронологического соотношения и культурного взаимодействия на всех этапах заключительного периода бронзового века является задачей будущего. Отнюдь не претендуя на категоричность суждений и ограничиваясь лишь постановкой вопроса, уже теперь можно отметить некоторые общие моменты. В связи с выделением нурских памятников проблематика культур финальной бронзы в целом получает несколько иное освещение. Последовательная связь региональных объединений, близость которых устанавливается по несомненному сходству керамики, указывает на то, что на огромной территории Поволжья, Казахстана и Средней Азии намечается выявление единого культурно-хронологического пласта. В географическом отношении он совпадает с той территорией, на которой в последующие исторические периоды формировались культуры савроматов и саков. Очевидно, памятники этого пласта в какой-то мере и составляли базовую основу их сложения, о чем свидетельствует керамика.

В свою очередь аналогичность погребального обряда и тождество некоторых категорий вещей делает правомочным, с одной стороны, сопоставимость нурских памятников с причерноморскими, которые именуются киммерийскими; а с другой стороны, подчеркивает их отличие в разных планах. Не имея в виду этнической принадлежности и касаясь лишь археологического выражения, киммерийский пласт, очевидно, получает в нурских комплексах свое продолжение на востоке. Это подтверждает и конкретизирует уже неоднократно высказываемый тезис о культурном единстве поясов евразийских степей на грани двух веков — бронзового и раннежелезного. Однако изложенное показывает, что предлагаемое единство нельзя преувеличивать. В сходных условиях сложения принципиально новой социально-экономической структуры общества, все возрастающей активизации и мобильности населения происходит коренная ломка прежних форм материальной культуры, прочно устоявшейся на протяжении предшествующих столетий. Несмотря на аналогичность исторической ситуации, она порождает различные культурные образования. Формирование и сложение их идет в русле местных, региональных своеобразий. Очень показательна, например, разная степень уловимости культурной преемственности, которая наблюдается в западных и восточных областях степей Евразии в период перехода к раннежелезному веку. Если рассматривать археологические материалы НижнегоПоволжья в ретроспективном плане, то обнаруживается, что и в эту эпоху сохраняется традиционная преемственность культур, так отличающая данный регион с глубочайшей древности. В то же время для степей Причерноморья в целом более характерны миграционные процессы, что, естественно, не снимает полностью положения о культурном наследии. Поэтому современные исследовательские поиски прежде всего, очевидно, должны быть сфокусированы на выявлении самобытности в целях воссоздания всей сложности и многогранности древнейшей истории. Смещение акцентов изучения лишь на выделение аналогичных явлений может сейчас привести к нежелательной нивелировке. Следовательно, и для этой эпохи первоочередной становится задача детального и углубленного исследования отдельных регионов с последующим их сопоставлением.

---

[1] Материал не опубликован. Приношу глубокую благодарность Е. В. Цуцкину, сообщившему мне эти сведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Качалова Н. К.* Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1985.
2. *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. 1958. № 61.
3. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
4. *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. 1963. Вып. Д1-9.
5. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
6. *Кореняко В. А.* О погребениях времени перехода от бронзы к железу в приуральских степях // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа: Изд-о БФАН СССР, 1982.
7. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
8. *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971.
9. *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук.: 07.00.06. М., 1975.
10. *Шарафутдинова Э. С., Дубовская О. Р.* Киммерийская проблема и две группы погребений предскифского времени в Северном Причерноморье // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. докл. Ереван, 1982.
11. *Мамонтов В. И.* О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье // С. 1980. № 1.
12. *Дворниченко В. В.* Погребения предскифского времени на Нижней Волге // КСИА. 1982. Вып. 170.
13. *Дворниченко В. В.* Погребения с бронзовыми однолезвийными ножами в могильнике Кривая Лука XXXIV // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
14. *Кореняко В. А.* Погребения предскифского времени на Восточном Маныче // КСИА. 1982. Вып. 170.
15. *Кореняко В. А.* Погребения эпохи перехода от бронзы к железу в степях Юго-Восточной Европы (состояние источников и проблема отбора фактов) // СА. 1985. № 4.
16. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста, 1979.
17. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда // МИА, 1959. № 60.
18. *Лукашов А. В.* Новый памятник VIII—VII вв. до н. э. в Заволжье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
19. *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА. 1960. № 78.
20. *Смирнова Г И.* Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. 1985. № 4.
21. *Агапов С. А., Васильев И. Б.* Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья. Труды Средневолжской археологической экспедиции. Вып. 2. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1976.
22. *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 88.
23. *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979.
24. *Маргулан А. Х., Акишев К. М., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966.
25. *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962.
26. *Левина Л. М.* Поселения VII—V вв. до н. э. и «шлаковые» курганы южных районов Сырдарьинской дельты // Кочевники на границах Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XI. М.: Наука, 1979.
27. *Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А.* Древности Кайрак-Кумов. Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1962.
28. *Агапов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П.* Срубная культура лесостепного Поволжья (итоги работ Средневолжской археологической экспедиции) // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1903.
29. *Малов Н. М.* Памятники хвалынской культуры и некоторые проблемы их связи с восточными культурами эпохи поздней бронзы // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Тез. докл. Омск, 1987.
30. *Малов Н. М.* Хвалынская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы в Поволжье // Всесоюзная археологическая конференция. Тез. докл. Суздаль, 1987.
31. *Кадырбаев М. К.* Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968.

N. K. Kachalova

ON THE CONCLUDING PHASE OF THE BRONZE AGE IN THE LOWER VOLGA AREA

Summary

A need has arisen to revise the view that the timber-grave culture survived in the Lower Volga practically till the end of the Bronze Age. Its concluding stage should be related to the period not later than the 11th c. B. C. and, perhaps, to a still earlier time. The author looks at the sites of a transitional type, the supposed connecting link between the timber-grave and Sauromate cultures. Two groups with different rites and burial goodscan be identified. They exhibit no traits of the timber-grave culture; according to the position and orientation of the buried and some types of grave goods they are analogous to Chernogorovka and Novocherkassk Cimmerian sites.

The non-burnished vessels from the transitional type burials correspond, where their technology, shapes and ornamentation are concerned, to Nur pottery. When mapped, the burials of the transitional type with non-burnished vessels and the settlements with Nur pottery turned out to exist on one and the same territory. The Nur sites of the Lower Volga have direct analogies in East and Central Kazakhstan and Central Asia. The combined dates for their Oriental analogies relate them between the 10th and 8th cc. B. C. There is another connecting cultural link between the Nur sites and the Looer Volga timber-grave culture. It is the complexes with pottery with rollers, their cultural affiliation and chronological brackets are still to be defined.

В. С. ОЛЬХОВСКИЙ

ОЛЕННЫЕ КАМНИ (к семантике образа)

Оленные камни — памятники древнего монументального искусства, представляющие собой каменные блоки или плиты удлиненно-уплощенной формы, несущие обычно зооморфные и иные изображения и устанавливаемые вертикально. С момента обнаружения первых оленных камней в Центральной Азии они постоянно привлекают внимание исследователей. Подавляющее большинство открытых к настоящему времени оленных камней сконцентрировано в Западной и Центральной Монголии (более 500 экз.); не менее 50 их найдено на Алтае, около 40— в Туве, около 10— в Забайкалье. В более западных районах, в частности в Европе, памятники подобного рода очень редки; к их числу относят «киммерийские» стелы [1; 2, с. 81; 3, с. 3], общее число которых приближается к 15. Первые опыты сравнительного анализа «киммерийских» стел и оленных камней [2; 4, с. 17—22] выявили сходство указанных групп памятников. При этом, однако, стал достаточно очевидным и факт острой дискуссионности основных аспектов проблемы собственно оленных камней. Несмотря на появление в последнее время ряда специальных работ ([5—11] и др.), все еще, на наш взгляд, недостаточно разработанными остаются вопросы хронологии, типологии и семантики оленных камней.

Задача данной работы — выявление морфологического канона оленных камней Центральной Азии и его семантическая интерпретация[1]

Пропорциональность. Признак, присущий практически всем оленным камням,— их вытянутость по вертикали. Высота (длина) камня всегда превышает, иногда в 8—9 раз, ширину его широкой грани. Следовательно, главной является длинная вертикальная ось стелы, перпендикулярная поверхности земли.

Форма. Как уже отмечалось в литературе, морфологически оленные камни могут быть отнесены к двум группам — блокам и плитам [12, с. 32]; некоторые исследователи выделяют также группу аморфных глыб [5, с. 70] Более дробна классификация Ю. С. Худякова, по поперечному сечению выделяющего прямоугольные, плоские, многогранные и округлые оленные камни [13, с. 151] Данная классификация вполне возможна, хотя отсутствие мерных границ групп затрудняет ее использование. Для решения поставленных в данной работе задач более удобно традиционное деление стел на блоки, плиты и аморфные глыбы, соответствующее I и IV, II, III группам, по Ю. С. Худякову.

Большинство оленных камней Азии представляет собой каменные блоки столбообразной, сигаровидной или саблевидной формы (рис. 1, *2*). В сечении они подпрямоугольные, овальные, подквадратные. Длина их достигает 4 м, ширина граней 0,3—0,8 м. При этом отношение параметров (ширины) граней (сторон) стел колеблется от 1:1 до 1:3 (условная граница). Итак, оленный камень-блок представляет собой столбообразное либо саблевидное объемное тело. Некоторая изогнутость (во втором случае) вертикальной оси камня — результат специальной доработки заготовки, а не случайное явление. Нижняя часть стелы, вкапывавшаяся в грунт, обычно обработана грубее; верхушка камня, как правило, более или менее косо срезана. Стелы с горизонтально срезанной (рис. 2, *2*) либо скругленной верхушкой относительно редки.

Обычны оленные камни и иной формы — сравнительно тонкие плиты вытянутых пропорций. При длине 2—3 м ширина их узких граней составляет 0,1—0,4, широких — до 1,5 м; отношение параметров граней — от 1:4 до 1:9 (рис. 2, *3*). Со стороны своей широкой грани стелы-плиты имеют серповидную, луновидную, подпрямоугольную со срезанной вершиной, трапециевидную (широким основанием вверх) форму. Камни иной формы крайне редки. Это удлиненные аморфные обломки скал[2], причем в ряде случаев грань их, обращенная вверх, скошена так же, как и у остальных оленных камней (рис. 2, *4*).

Использование для оленных камней, кроме блоков, и плит свидетельствует о том, что создателей памятников по какой-то причине удовлетворяла уплощен-

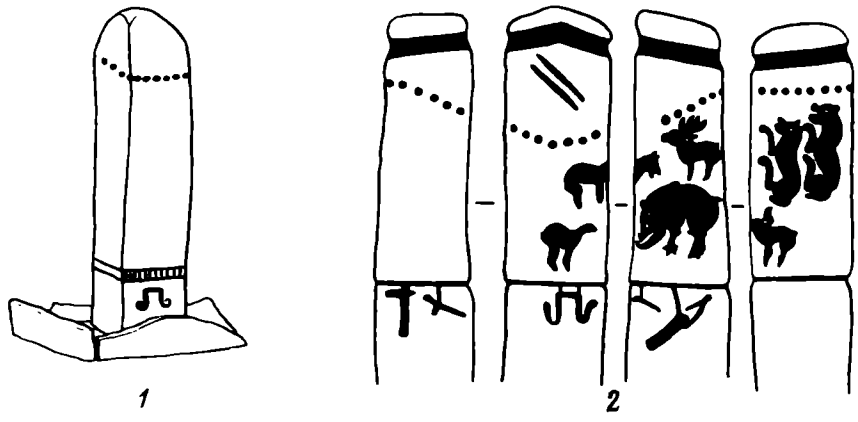


Рис. 1. Оленные камни Монголии. *1* — Угей-нор (по В. В. Радлову); *2* — Урьд Хураин ам (по В. В. Волкову)

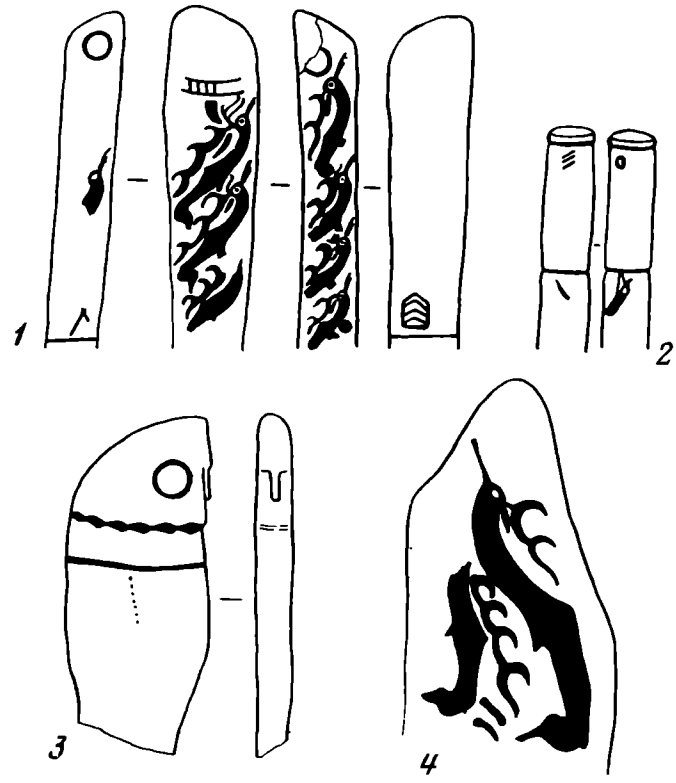


Рис. 2. Оленные камни Монголии и Алтая. *1* — Худер гол (по В. В. Волкову), *2* — Кобдо (по М. П. Грязнову); *3* — Кызыл-Джар IV (по В. А. Могильникову); *4* — Цаган нур (по В. В. Волкову)

ная форма многих стел, отличающаяся от более распространенной столбообразной. Следует предполагать, что плитообразность многих оленных камней объясняется приемами скалывания камня в процессе изготовления стелы, во многом зависящими от физических характеристик скального массива[3] Нетрудно заметить, что скалывание тонкой плиты с помощью простейших инструментов и деревянных клиньев требовало значительно меньше времени и усилий, чем изготовление массивного блока; очевидно, поэтому тонкие плиты широко использовались в конструкции погребальных сооружений ряда центральноазиатских культур (окуневской, карасукской, плиточных могил и др.) Для придания же плите необходимой формы требовалось лишь незначительная доработка.

Итак, рассмотрение морфологических особенностей оленных камней позволяет сделать следующее заключение: при различии в поперечном сечении форма стел-плит со стороны широкой грани идентична форме стел-блоков. Главными признаками, объединяющими обе разновидности стел, являются вертикальная, нередко слегка изогнутая ось и косо срезанная верхушка. Указанные признаки в совокупности образуют устойчивую морфологическую схему («архетип») оленных камней.

Фронтальность. Наличие на многих стелах изображений предметов, характер их размещения уже давно позволили установить, что каждый оленный камень имеет переднюю (лицевую), заднюю и две боковые грани (стороны). Как правило, у стел-плит лицевой (и задней) является узкая грань, у стел-блоков — более узкая либо одна из равных граней. Лишь изредка передняя грань шире боковых [6, табл. 36, *2*, 46, *2*, 68, *1, 2*]. При этом верх стелы всегда имеет скос от лицевой грани к задней, т. е. передняя сторона стелы всегда оказывается выше (длиннее) задней. По мнению Н. Л. Членовой, на оленных камнях боковые грани делались широкими потому, что на них требовалось разместить больше изображений предметов [4, с. 44]. На наш взгляд, это было связано с необходимостью наиболее выразительного воплощения изобразительного канона — столба (в профиль прямоугольника) с косо срезанной верхушкой. Если каменный блок в сечении близок к квадрату, лицевой (передней) может быть любая грань; если же стела изготовлена из плоской плиты, узкие грани которой значительно у́же широких боковых, для получения заданной формы стелы проще и эффективнее срезать верхушку заготовки наискось от одной из узких сторон, которая при этом автоматически становилась лицевой. Проделать подобную операцию, избрав в качестве лицевой широкую грань, труднее; к тому же получившийся скос верхушки стелы из-за своей незначительной длины, едва превышающей ширину узкой грани камня, уже с расстояния в несколько метров будет почти не заметен. Данный вывод подтверждается следующим наблюдением: в тех редких случаях, когда в качестве лицевой выбрана широкая грань стелы, скос делается именно он нее к задней, тоже широкой грани, причем он едва заметен (рис. 2, *1*). Итак, выбор узкой грани плиты в качестве лицевой обеспечивал придание заготовке нужной формы путем сравнительно небольшой доработки. В условиях степного ландшафта профиль стелы — саблевидный либо подпрямоугольный со скошенной верхушкой — хорошо «читался» даже с большого расстояния.

Зональность. Каждая из четырех сторон (грани четко выделяются у подавляющего большинства стел) является своего рода орнаментальным полем. Характеристика репертуара изображений не входит в задачи данной работы; отметим лишь следующее. Если на стелу нанесено много изображений, они занимают все четыре орнаментальных поля, если немного — одно — три поля.

Орнаментальное поле каждой грани обычно делится на две-три расположенные по вертикали зоны [12, с. 30; 17, с. 30]. Наиболее часто в качестве разделителя зон выступает изображение пояса, размещаемое в нижней трети длины стелы и проходящее по периметру либо по одной — трем сторонам оленного камня (рис. 1). Верхнюю треть стелы отграничивает «ожерелье». Подобные «ожерелья» встречаются реже поясов и изображаются по одной — четырем сторонам стелы. Весьма редки «ленты-диадемы», отграничивающие макушку стелы и проходящие выше «ожерелий» параллельно верхней грани стелы (рис. 1, *2*; 2, *2*). Итак, деление граней стелы по вертикали на две-три зоны[4] является еще одной характерной чертой оленных камней; стелы без поясов, «ожерелий» и «диадем» редки (рис. 3, *1*).

Образ. В течение длительного времени вопрос о том, кого или что изображают оленные камни, оставался открытым. Определенное распространение имела точка зрения о «рыбообразности» если не всех, то многих оленных камней [18]; их сближали или отождествляли с вишапами — каменными изваяниями рыб, известными в некоторых районах Кавказа и Закавказья [19, 20]

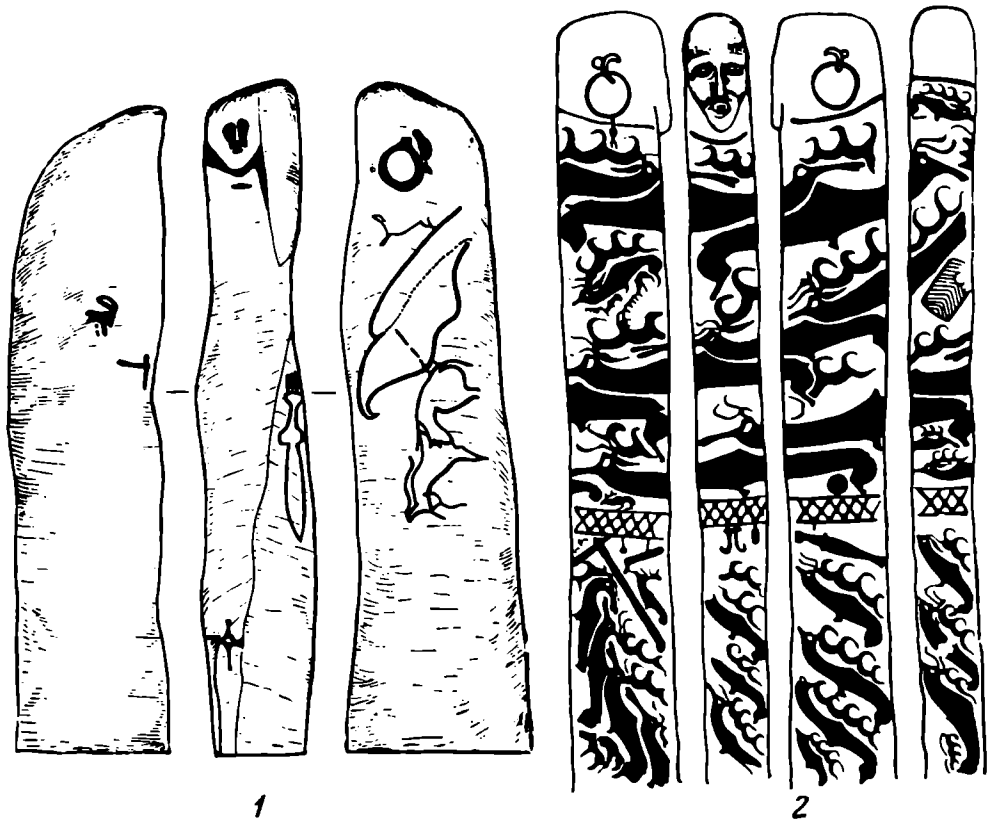


Рис. 3. Антропообразные оленные камни. *1* — Чуйский камень (по В. Д. Кубареву); *2* — Ушкийн-Увэр, камень № 14 (по В. В. Волкову и Э. А. Новгородовой)

«Рыбообразность» оленных камней Монголии и Тувы отмечается и в некоторых работах последних лет [10, с. 27—29; 21, с. 28]. Н. Н. Диков, однако, заметил, что «все оленные камни являются олицетворением человека, очевидно погребенного воина» [22, с. 45] Н. Л. Членова, считая, что оленные камни «изображали, по крайней мере первоначально, человеческую фигуру» [12, с. 30], привела ряд аргументов в пользу указанной точки зрения. Вывод об антропоморфности стел был поддержан большинством специалистов; при этом Д. Г Савинов отметил, что оленные камни, «изображая человеческую фигуру, лишены признаков антропоморфности» [23, с. 127]

Мнение, что морфологию стел определяет образ человека, основывалось главным образом на анализе набора предметов, изображенных на оленных камнях, и характера их размещения по сторонам и зонам памятников. Действительно, изображения прежде всего украшений и оружия в «подвешенном» состоянии обычно в определенных местах не оставляют сомнения в том, что верхняя часть стелы отождествлялась с головой, средняя — с торсом, нижняя — с чреслами и ногами человека. Достаточно очевидна соотнесенность трех «антропоморфных» частей стелы с ее тремя расположенными по вертикали зонами: от вершины до «ожерелья» — голова, ниже до пояса — торс, ниже — ноги. Однако отметим: как разграничительные линии зон не всегда присутствуют на стелах, так и изображения предметов не всегда занимают фиксированное и логически оправданное место; нередко они разбросаны по всем сторонам стелы вне связи с определенной зоной или предметом (например, поясом), как и ряд изображений, не имеющих прямого отношения к атрибутам человеческой фигуры (зоо- и антропоморфные изображения и сценки, повозки, ритуальные символы и т. д.). Отсюда следует, что изображения бытовых предметов и оружия не являлись безусловно необходимыми элементами оформления оленного камня, в том числе — и для придания ему антропоморфности. Вместе с тем репертуар изображаемых предметов, безусловно свидетельствует о стремлении соз-

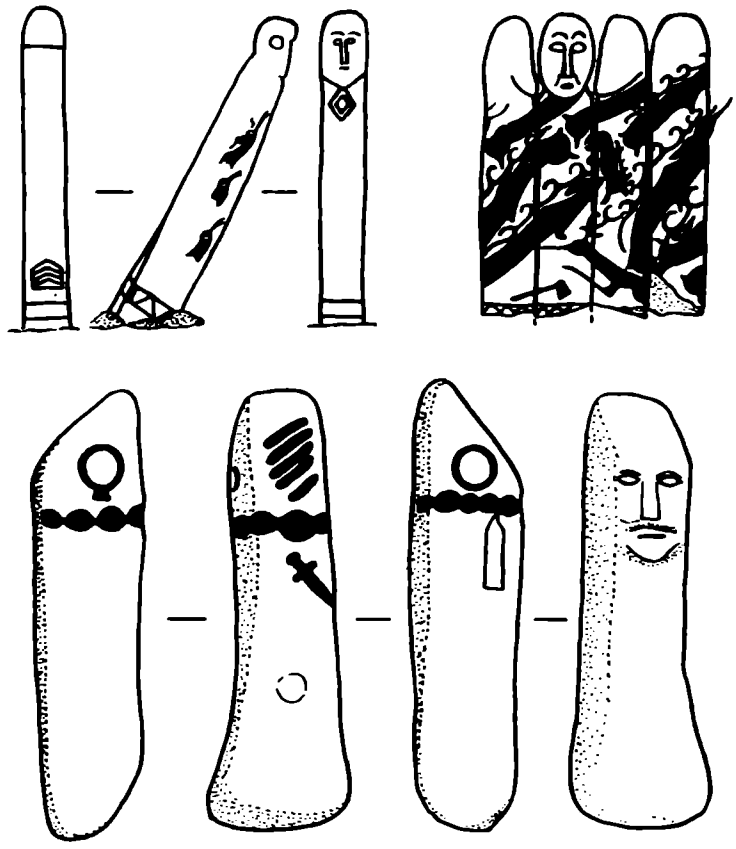


Рис. 4. Оленные камни, переиспользованные в раннетюркское время. *1* — Чандмань сомон, Монголия (по В. В. Волкову); *2* — Унгету, изваяние № 15 (20), Монголия (по В. Е. Войтову); *3* — Халыр, Тува (по Ю. А. Плотникову)

дателей оленных камней подчеркнуть антропоморфность образа, не изменяя при этом заданной неантропоморфной формы стелы. Дело здесь, конечно, не в неумении изобразить фигуру человека, а в исполнении ваятелем определенной религиозно-мифологической установки.

Однако не менее десятка оленных камней азиатского региона (Монголия— 8, Алтай —2, Забайкалье —1, Тува —1[5]) имеют несомненные признаки антропоморфности: на верхней части их лицевой (в двух случаях — верхней) грани воспроизведены черты человеческого лица. Сама голова при этом скульптурно не выделяется; исключение составляет стела из Ушкийн-Увэра (рис. 3, *2*), уникальная также и изображением ушей. Помимо указанных на четырех оленных камнях человеческие личины были выбиты в тюркское время (рис. 4); в дальнейшем они не учитываются. Это две стелы из Тувы [24, с. 225], стелы из Унгету и Чандмань сомона в Монголии [6, табл. 67, *1*; 25, с. 328] (иконографическая близость личин на двух последних стелах подтверждает мнение [6, с. 84; 17, с. 31] о придании антропоморфности чандманьскому камню тюрками)[6] Иные части тела человека плечи, руки, ноги — на стелах никогда не изображались. Мнение, что на широких гранях оленного камня из Самагалтая показаны правая и, возможно, левая рука [15, с. 17; 27, с. 17], ошибочно: на прорисовках той же стелы, опубликованных М. П. Грязновыми Л. Р. Кызласовым, на месте «рук» отчетливо видны фигуры оленей, выполненные в контррельефе. Подобная техника изображения конечностей человека абсолютно несвойственна евразийской скульптуре всех эпох; для этой цели всегда использовался выпуклый рельеф либо гравировка, что делало изваяние и восприятие его более естественным.

Моделировка личин [7] на оленных камнях выполнена в трех разных художественных стилях: упрощенно-геометризованном (Кызыл-Джар IV и др.; рис. 2, *3*), упрощенно-реалистическом (Чуйский камень и др.; рис. 3, *1*), реалистическом (Ушкийн-Увэр и др.; рис. 3, *2*).

Факт подобной «антропоморфности» оленных камней не остался без внимания специалистов. Н. Л. Членовой была высказана мысль о том, что оленные камни I типа, «отчетливо изображающие человеческую фигуру», являются хронологически более ранними [28, с. 53]; в изваяниях другого типа «не так отчетливо можно видеть человеческую фигуру» [12, с. 32] По мнению В. В. Волкова, «отчетливо выраженные антропоморфные черты» являются характерной особенностью более ранней группы стел [5, с. 70, 71]. «Если первоначально оленные камни напоминали человеческую фигуру, то постепенно идея, заложенная в антропоморфной скульптуре, была утрачена (или была малопонятна с самого начала) и оленные камни превратились в каменные блоки, где главное место заняли изображения солнечного диска и его символа — оленя» [5, с. 78],— считает В. В. Волков. Явно антропоморфной признает лишь одну группу оленных камней В. Д. Кубарев [9, с. 3] Таким образом, указанные авторы, говоря об антропоморфности оленных камней в целом [2, с. 81; 6, с. 96; 9, с. 3], собственно антропоморфными считают стелы лишь одной — ранней группы. В. П. Белозор же отмечает, что часть оленных камней со стилизованными изображениями оленей «эволюционирует в сторону антропоморфности» [29, с. 53], т. е., очевидно, считает стелы с изображением человеческого лица относительно более поздними. Существует также мнение об изначальной антропоморфности всех типов оленных камней [15, с. 17; 30, с. 71]

Отметим, что почти все исследователи признают стелы со стилизованными изображениями оленей относительно более поздними [5, с. 86; 13, с. 153; 22, с. 45 и др.]. Из учтенных нами 11 оленных камней с человеческими личинами (без стелы из Самагалтая) 7 несли стилизованные изображения оленей, т. е. относились к хронологически более поздней группе, что не подтверждает вывод о «большей антропоморфности» ранних стел. Однако личины есть и на стелах без оленей (рис. 2, *3*; 3, *1*), и с реалистическими изображениями оленей (Дурульжин ам). До выяснения хронологии оленных камней делать определенные выводы преждевременно; пока же представляется, что личины изображались, но крайне редко, на протяжении почти всего периода бытования стел.

Однако наличие личин на отдельных оленных камнях не объясняет общего мнения об антропоморфности стел, хотя и свидетельствует в его пользу. Подчеркнем следующий факт: нанесение на оленные камни изображений личин (а также бытовых предметов и оружия) не приводило к изменению неантропоморфной — столбообразной формы стелы. К тому же значительно чаще роль личины исполняли одна — три косые параллельные линии, нанесенные на верхнюю часть лицевой грани стелы (рис. 1, *2*; 2, *2*). В этом отношении примечательна стела из Дурульжин ам, совмещающая оба приема обозначения лица: две косые черты и личину [6, табл. 92, *3*]. Но и подобное дублирование не привело к скульптурной моделировке головы, а также плеч.

Итак, имеющийся материал свидетельствует о том, что на протяжении длительного периода бытования центральноазиатские оленные камни демонстрируют устойчивость своей основной — неантропоморфной — формы. Характер репертуара наносимых на стелы изображений, появление на них атрибутов, свойственных человеку, и даже личин, безусловно, способствовало восприятию оленных камней как антропоморфов, но не привело к пластическому воплощению антропоморфности в камне. Отсюда вывод: оленные камни не изображают человека, обычно воина, а обозначают, маркируют его посредством нанесения на камень определенных изображений.

Что же в таком случае оленные камни изображают? Как показано выше, единственными универсальными морфологическими признаками оленных камней являются вытянутость по вертикали и скошенность верхней грани[8]

Подобная форма, на наш взгляд, в наибольшей степени соответствует форме фаллоса. Изображения «ожерелий» и поясов, порой легкая изогнутость вертикальной оси стелы (саблевидность) лишь усиливают сходство. Фалломорфные либо воспринимаемые как фалломорфные стелы известны среди евразийских памятников. Так, К. Э. Гриневич упоминает о находке на Кавказе двух «менгиров» в виде фаллоса, один из которых был врыт вертикально [4, с. 17] Стоявший в с. Мурджахети (Кавказ) прямоугольный в сечении каменный столб считался изваянием фаллоса и служил объектом поклонения [31, с. 28, рис. 13]. Подобные четырехугольные каменные столбы, символизирующие фаллос, особо почитались женщинами в средневековой Чечено-Ингушетии; устанавливались они и около святилищ [32, с. 91]. В Армении «имеется много погребений, где обнаружены фаллические изваяния», относящиеся скорее всего к концу II—I тыс. до н. э. [33, с. 229—231] Прямоугольные в сечении каменные столбы и реалистически выполненные каменные фаллосы (сэкибо) найдены на поселениях эпохи среднего дземона в Японии; известны они и на Дальнем Востоке [34, с. 68, рис. 7] Приведенные примеры далеко не исчерпывают всех свидетельств бытования фаллических изваяний у многих древних и современных народов Евразии.

Косвенное подтверждение вывода о связи оленных камней с культом фаллоса дали раскопки Центрального оленного камня 6 на р. Юстыд (Алтай). В ямке у основания стелы лежала целая серия каменных пестов и камней фаллического облика, среди которых находился камень, «природной формой своей удивительно напоминающий фаллос» [9, с. 20, 22, рис. 11, *1—7*]. Там же обнаружен и обломок каменного куранта (?) — скорее миниатюрная модель стелы с нанесенными на один из ее концов тремя параллельными линиями [9, с. 23, рис. 11, *9*]. Несколько конических пестиков было найдено в слое золы и у основания оленного камня в Даган дель (Монголия) [6, с. 80]. Прием дублирования подобного подобным, частью его либо не подобным, но семантически эквивалентным, достаточно часто выявляется при анализе ранних религиозно-мифологических представлений и произведений искусства.

Фалломорфность оленных камней, очевидно, связана с материальным воплощением идеи мировой оси — мирового древа. Специалисты в области палеолингвистики и сравнительной мифологии на многих примерах доказали [35—38], что образ мирового дерева, имевший широчайшее распространение в мифологических системах древности (с эпохи бронзы [36, с. 398]) и доживший до этнографической современности, воплощал универсальную концепцию упорядоченного по вертикали и горизонтали мира (космоса). Семантическим эквивалентом мирового дерева в разных религиозно-мифологических системах выступают мировой (жертвенный) столп, мировая гора, ось мира, первочеловек, лестница, обелиск, стела и т. д. Указанные изоморфы обязательно помещаются в сакральном центре мира и занимают вертикальное положение. Объединяет их также подчеркнутая зональность — членение по вертикали обычно на три яруса, соотносимых с зонами Вселенной (небесное — земное — подземное «царства»); первоначальным, очевидно, было двучленное деление [39, с. 13] Горизонтальная структура модели мира при этом определяется четырмя сторонами (углами), число которых может быть и бóльшим. «Четыре или восемь равнозначных друг другу члена всей модели располагаются симметрично по сторонам от центрального элемента» [40, с. 92]. Для многих архаических культур Старого и Нового Света «характерно также наличие пятого (или девятого) члена — центра, который может быть выражен мировым деревом... стелой, шестом, столбом, богом, царем, мировым животным» [40, с. 92]. Иногда упорядоченность мира по горизонтали выражается системой из четырех мировых деревьев с пятым центральным.

Универсальность, изоморфность и фиксированная структурность образа мирового древа обусловливали возможность «свертывания» передаваемой мифологической информации до уровня кода, а также допускали использование нескольких кодов в рамках одного памятника.

Вертикальность длинной оси, тернарность (бинарность) структуры оленных камней, их форма в наибольшей степени соответствуют образу мирового столпа, мирового древа (подробно описанных, в частности, в ведийских и иных текстах), а также фаллоса, ибо «именно фалл в самых разных архаических культурах воспринимался как один из эквивалентов космического столпа» [41, с. 53]. При этом оленные камни — блоки, круглые или подквадратные в сечении, отдельные экземпляры которых имеют не косо, а плоско спиленную (рис. 2, *2*) либо скругленную верхушку, полностью соответствуют «морфологическому архетипу» образа мирового дерева — круглому или квадратному в сечении деревянному столбу (в «Ригведе»: «Эти срубленные, установленные над землей (столбы), к которым подносят жертвенную чашу» [39, с. 82]). Проведенный специалистами анализ ведийских ритуально-космогонических текстов показал изоморфность и изофункциональность образов мирового (жертвенного) столба, первочеловека Пуруши, фигуры женщины, брахмана, а также Индры (Парджаньи). Образ Парджаньи в его аспекте божества плодородия, помогающего земле семенем [39, с. 67], примечателен не только наличием фаллического мотива. «Индра охватил землю точно поясом. Он, одаренный (огромной) своей силой, несет, словно шапку волос, Небо» [32, с. 45] Данный пассаж из «Ригведы» наглядно демонстрирует соответствие частей тела Индры зонам жертвенного столба и ведийской вселенной, т. е. соотнесенность анатомического, топографического (зонального) и пространственного (космического) кодов. Примечательно, что разделителем зон здесь выступает пояс, обычно встречаемый в том же значении и на оленных камнях, а верхняя часть жертвенного столба (=голова Индры) отождествляется с Небом, верхней зоной структурированного мира. Отметим, что именно верхняя треть оленных камней несет изображения одного либо нескольких кругов, которые независимо от их интерпретации (серьги, зеркала) многими исследователями связываются и с небесной символикой (солнце, луна). Иногда символ солнца представлен на стелах и более конкретно — в виде круга с лучами [6, с. 234, табл. 111; 17, с. 29, рис. 22, *2*].

Таким образом, можно допустить, что хронологически более ранней формой оленных камней являются камни-блоки, морфологически соответствующие образу круглого или прямоугольного в сечении жертвенного столба (=мирового древа). Стелы-плиты получают распространение, вероятно, несколько позже (ср.: [12, с. 32; 13, с. 153]), причем в них резче выражена фалличность образа благодаря обязательной скошенности верхушки. Это не означает изменения семантики основного образа: триединость «столб (жертвенный, мировой) — фаллос — фигура богочеловека», несомненно, существовала в восприятии современников оленных камней.

Итак, столбообразные (=фалломорфные) оленные камни все же обладали «скрытой антропоморфностью», которая изредка и частично воплощалась в реальность (стелы с личинами). В связи с этим интересные параллели можно найти в этнографическом материале. В арауканском шаманском ритуале «мировое древо» изготовлялось следующим образом. На высоте около 3 м верхушка живого дерева срубалась, ствол отесывался на четыре грани (по одной грани вырубались ступени лестницы), а верх столба превращался в изваяние человеческой головы, иногда увенчанной шапкой [38, с. 85] (ср.: рис. 3, *2*). Примечательно, что «подобные лестницы вырубались шаманами шорцев и алтайцев в виде поперечных зарубок... на стволах священных берез» [42, с. 196], воплощавших все то же мировое древо[9]

Культ мирового дерева достаточно ясно выявляется при анализе центральноазиатской шаманской ритуалистики, сохранившей «в значительном объеме многие реалии культовой практики... восходящие к глубокой древности, к началу III тыс. до н. э.» [42, с. 240] Так, каждый шаман имел свое дерево (лиственницу, кедр или березу), именовавшееся «дерево-шаман», которое он ежегодно посещал с целью освящения (смысл: восстановление дезорганизуе-

мого к концу каждого года универсума путем утверждения и обновления его центральной оси). При этом по четырем сторонам от дерева и у его корня ставились курильницы, а ветви украшались лентами [44, с. 31] (горизонтальная модель упорядоченного мира с его вертикальной осью). Четыре шеста ставились шаманом и вокруг чума больного с целью его излечения [45, с. 191] (центр — максимум сакральности). После смерти шамана западный конец помосса с его телом должен был соприкасаться с ветвями лиственницы или кедра [45, с. 193] (дерево как средство коммуникации с иными мирами; особая сакральность восточной от дерева стороны). Примечательно, что иногда вместо священного дерева-шамана использовалось древнее каменное изваяние; при этом соблюдался тот же ежегодный ритуал камлания [44, с. 32, 33] (изваяние — семантический эквивалент мирового древа).

Вопрос, кого же конкретно изображают «антропоморфные» оленные камни, в литературе решается неоднозначно. В них видят либо «человеческую фигуру» [12, с. 30], «воина» [15, с. 15], «погребенного воина» [22, с. 45], изображения знатных людей [30, с. 71], «воинов, стоящих на колесницах» [13, с. 158], либо «идеальный образ героизированного предка — вождя и покровителя» [6, с. 96], «особо почитаемых, героизированных предков с подчеркнутыми признаками мужской силы» [9, с. 86] Высказано также мнение, что оленные камни, изображая фигуру мужчины-воина, могут нести и более сложную семантическую нагрузку [46, с. 325; 47, с. 160]. Перечисленные точки зрения в определенной степени верны, так как отражают разные «грани» восприятия оленных камней их создателями и современниками.

Исходя из ведийских аналогий, отразивших универсальную концепцию архаического мировосприятия, заключаем, что в основе антропоморфности или антропообразности эквивалентов мирового древа должен лежать «образ, лишенный сюжетности, воплощающий не действие, а мифологическое представление о мироздании во всем его объеме» [41, с. 59] Такими образами в ведийских текстах являются первочеловек Пуруша, Индра, брахман и т. д. Д. С. Раевский, отметивший скрытую фалломорфность скифских изваяний, считает, что в основе их антропоморфности лежит образ Таргитая — первого скифского царя либо его предка [41, с. 57]. Антропообразность оленных камней скорее всего также объясняется реализацией идеи (полу)божественного первопредка — возможно, солярного героя, мифического родоначальника господствующей династии, рода, племени. С развитием социальной и имущественной дифференциации, формированием раннеклассовых и раннегосударственных структур неизбежна дальнейшая антропоморфизация изобразительного канона, насыщение его чертами конкретного, обычно только что умершего владыки, являвшегося в то же время и воплощением своего божественного предка. При этом восприятие памятника как изоморфа мирового древа либо фаллоса, возможно, ослабевало, не исчезая, однако, полностью.

Итак, оленные камни, воплощая идею мирового древа — оси мира, изображали фаллос, обозначающий также и фигуру определенного мифологического персонажа. При этом для передачи мифологической информации применено как минимум четыре взаимосвязанных кода: топографический (зональный), пространственный (космический), анатомический (телесный) и атрибутивный (предметный). Использование в рамках одного памятника разных кодов обеспечивало ему огромную информационную емкость и «выживаемость» образа в изменяющейся социально-экономической ситуации. В то время как у скифов Причерноморья «изваяние как вещь окончательно победило исходный концепт изваяния» [41, с. 59] сравнительно быстро, трансформации оленных камней в антропоморфные изваяния мы не наблюдаем до конца их существования. Впрочем, это может объясняться и неполнотой наших знаний: на территории Монголии найдено около 500 явно антропоморфных изваяний, среди которых могут оказаться не только средневековые [6, с. 118].

Семантика стел, очевидно, должна обусловливать их ритуальное исполь-

зование. Большинство исследователей относят оленные камни к числу памятников поминальных [13, с. 156; 48, с. 237], иногда допускается их связь и с погребениями [6, с. 83; 49, с. 203]; есть мнение и об их полифункциональности [47, с. 160]

Оленные камни, как правило, располагаются на открытых местах с хорошим обзором либо в лесных долинах, обычно среди каменных набросок, выкладок, возле каменных курганов, керексуров, плиточных могил, восьмикаменных колец, на четырехугольных каменных площадках (редко), в каменных кольцах, квадратных и прямоугольных каменных оградах [6, с. 80, 82; 9, с. 36, 37] Отметим, что последний случай (рис. 1, *1*) является удивительно лаконичной и точной моделью 4—5-членной вселенной [40, с. 92] вертикальная ось+четыре стороны горизонтальной сферы мира. Эквивалентом данной модели являются и обычно не датируемые стелы без изображений в подобных оградках (рис. 5); в ряде случаев фиксируется их несомненная синхронность оленным камням [49, с. 205]. Все ту же идею мировой упорядоченности, несомненно, воплощают

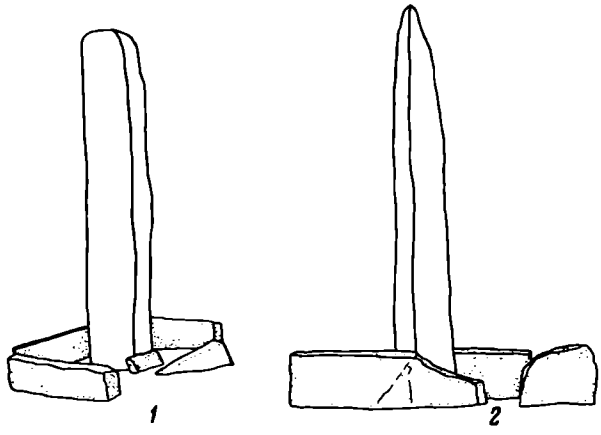


Рис. 5. Стелы в квадратных оградках (Монголия). *1* — Орхон; *2* — Хангай (по В. В. Радлову)

и восьмикаменные кольца (иногда камней 7, 9, 14—18 [9, с. 16, 40]), представляющие собой наглядную (одинарную или удвоенную) модель 8—9-членной вселенной [40, с. 92] (ср. [9, с. 88]). В восьмикаменных и иных «поминальных» кольцах роль центральной вертикальной оси играли оленный камень, стела без изображений, возможно, деревянный, затем сжигаемый столб или просто огонь (в центре подобных колец в небольших ямках находились угли и кости животных [9, с. 16—20, 90]). Там же схема 4—8-членной модели мира (с обязательным пятым или девятым членом — курганом — в центре), безусловно, воплощена и в известных керексурах независимо от их прямого назначения (храм, святилище, поминальное или погребальное сооружение). Универсальный принцип дублирования макрокосма в микрокосме, фиксируемый в погребально-поминальных комплексах многих центральноазиатских культур, соблюдался также при создании культовых и жилых построек: погребения и жилища моделировали традиционную схему упорядоченного мира как «гарантию» возрождения и благополучия. Явные следы этого дублирования выявлены даже в современном этнографическом материале Тувы, Монголии, Алтая [45, с. 93—100; 50, с. 245]

Располагаются оленные камни одиночно, группами по 2 в спаренных оградках, меридиональными рядами по 4—20 стел, сочетаясь со стелами без изображений [5, с. 79; 9, с. 14; 49, с. 203]. Описание подобного же размещения символов мировой оси содержат ведийские тексты, недвусмысленно отождествляющие жертвенный столб с брахманом (ср.: дерево-шаман). Вместе с тем под брахманом «понималось особое сооружение, функционально тождественное мировому древу (одиночный bráhman) или спаренному его варианту (двойной bráhman) ...Не исключено, что bráhman мог воплощаться в конструкции из двух или четырех столбов или шестов, соединенных в своей верхней части пе-

рекладиной» (ср.: эвенкийские двойные тууру, соединяемые поперечиной [37, с. 70, 67]). Последний же вариант (ряды) находит точное соответствие в «Ригведе»: «Слово гуси, летящие сомкнутым строем, жертвенные столбы, пышно убранные, пришли (к нам). Установленные певцами с восточной стороны, идут боги путем богов» [37, с. 65].

Ведийская цветовая символика белый — сакральный — цвет прочно связывает с востоком, восточной стороной мира [40, с. 95, 103]. Примечательно, что оленные камни (и, несомненно, близкие им по семантике стелы без изображений) стоят обычно к востоку от керексуров, плиточных могил, разного рода выкладок [9, с. 14; 22, с. 27], причем лицевая грань их обращена к востоку [6, с. 80; 9, с. 12].

Как отмечалось, многие оленные камни на передней грани вместо человеческого лица несут изображения одной — трех косых линий, обозначающих, по мнению разных авторов, татуировку или боевую раскраску лица, символ звезд Ориона, границу мира живых и мертвых, знак божества — шайтанскую рожу, ритуальную маску [6, с. 86]. В связи с этим напомним, что одна из разновидностей шаманского (мирового) дерева у долган «состоит из шеста, венчаемого плоскостью (из трех досок) в виде столешницы, на ней деревянное изображение птицы, на шесте — *три нарезки* (ср. тройной bráhman), на задней и передней гранях вырезаны четыре человеческих лица [37, с. 66]. В Туве при обращении к «хозяину тайги» шаман устанавливал 4-метровый шест (= мировое дерево) с *тремя* привязанными к нему ленточками (трансформация тройной нарезки) к востоку от входа в свой чум [45, с. 185]. Заметим, что на лице бронзового идола из Новообинцевского клада кулайской культуры (конец IV—III в. до н. э.), в фас имеющего вид столба с раслющенной вершиной и украшенного изображениями трех мировых деревьев, рельефом показаны две косые черты [51, с. 98, рис. 2, *1*], как и на личине оленного камня из Дурульжим ам [6, табл. 92, *3*],— прямая «расшифровка» срытого антропоморфизма стел.

Представляется, что косые линии в верхней части оленного камня обозначали количество сфер (миров), на которые распространялось «влияние» конкретной стелы. Обычно таких линий две-три, редко — одна или пять. В последнем случае (рис. 4, *3*), очевидно, подчеркнута особая «мощь» изваяния, влиявшего «на все четыре стороны» горизонтального мира, находясь в его сакральном центре (пятая линия; в целом —4—5-членная модель вселенной).

Известно, что многие оленные камни к моменту обнаружения были переиспользованы в конструкции плиточных могил и других погребально-поминальных памятников [6, с. 81]. Если между временем создания оленных камней[10] и плиточных могил был существенный хронологический разрыв либо создатели тех и других были разнокультурны, переиспользование стел объясняется чисто практическими причинами (готовый строительный материал). Если же оленные камни «создавались и переиспользовались в относительно короткий промежуток времени: вначале в качестве стел на жертвенниках, а затем в качестве элементов погребальных сооружений» [6, с. 82] одним и тем же этносом, этому можно дать следующее объяснение: «С точки зрения архаического мировоззрения, смерть члена социума есть нарушение порядка (космического, социального и т. п.), нарушение стабильной структуры, требующее скорейшего устранения» [41, с. 56]. При этом смерть человека, особенно возглавлявшего и, следовательно, олицетворявшего определенный коллектив как центр упорядоченного мира (ср. современное выражение «столп общества»), ассоциировалась с ломкой мирового столба, нарушением равновесия в мире. Поэтому восстановление мирового порядка (и благосостояния коллектива) должно было «выразиться в воздвижении... предмета, являющегося материальным воплощением мирового столба» [34, с. 56], в частности в установке стелы, балбала, фаллолибо антропоморфного изваяния, изготовленного из камня или дерева. Отсюда «приходим к выводу об одномоментном, кратковременном „сроке действия" изваяний... После выполнения своей сугубо практической задачи изваяние

становилось ненужным и могло быть использовано в качестве материала для сооружения новой гробницы или для иных целей» [34, с. 56]

Итак, морфология оленных камней, характер их размещения (возле погребальных и явно культовых памятников), связь их с жертвоприношениями (скопления углей, золы, костей животных, конских черепов возле стел и под связанными с ними каменными набросками [6, с. 80; 9, с. 19]) с учетом приведенных аналогий позволяют рассматривать оленные камни (в их первичном использовании) в качестве ключевого элемента ритуалов, связанных с идеей периодической деструктуризации и интеграции вселенной,— погребально-поминального культа и культа циклического времени, периодического обновления жизни (суть: к исходу года мир приходит в состояние хаоса; восстановление порядка и начало нового годового цикла связывается с завоеванием — добычей — солнца путем ритуальных состязаний и обрядов [52, с. 49, 52, 79, 99, 100], а также с восстановлением оси мира (по «Ригведе», брахман и мировое древо равны году [35, с. 32]; ср.: камлание раз в год у дерева-шамана). Этим, кстати, объясняется многочисленность оленных камней.

Указанные аспекты мифологических представлений тесно переплетены. Наши выводы подтверждают мнения ряда исследователей о связи оленных камней с культом предков либо героизированного родоначальника [6, с. 81; 9, с. 86], культом плодородия [9, с. 32] с фаллическими мотивами [9, с. 87], культом Солнца, Неба и Земли [6, с. 96; 9, с. 41, 44], дуалистическими представлениями о борьбе добра со злом [9, с. 87; 46, с. 326]

Выполнение любых ритуальных действий у материального воплощения оси мира предполагало принесение жертвы, первоначально, очевидно, человеческой. В ведийском обряде «ашвамедха» в жертву приносился конь, привязанный к жертвенному столбу «ашваттха» — символу мирового древа. При этом конь (жертва) отождествлялся и с жертвенным столбом, а тот — с путем, «по которому (и с помощью которого) жертва, привязанная к нему, направляется к богам» [38, с. 92]. Аналогичные представления (шаманское дерево-дорога, лестница на небо) бытуют и у многих сибирских народов (например, обряд посвящения коня или его изображения в тувинском лечебном камлании: деревянную копию коня привязывали к жерди (=мировой столб), поддерживающей свод юрты [44, с. 32]). В представлении народов Алтая и Якутии мировое древо (мировая гора) тождественно коновязи, к которой боги привязывают своих коней [38, с. 126]. В подобном же значении (мировой столб — «ашваттха» — коновязь) использовали жертвенные столбы, очевидно, и скифы Предкавказья [53, с. 121]. Примечательно, что этнографически засвидетельствовано использование оленного камня в качестве коновязи для «свещенной» лошади на ламаистском религиозном празднике в Забайкалье [54, с. 292]. Вышесказанное позволяет предположить, что оленные камни, а также стелы и балбалы (?) воспринимались (и использовались?) также и как коновязи — средство связи с иными сферами космоса для «доставки» туда жертвы. Этнографические материалы свидетельствуют и о том, что коновязные столбы маркировали присутствие на похоронах, поминках, религиозных праздниках отдельных семей или родов (ср.: [6, с. 81]; также [55, с. 37] [11]). В подобном значении использовали столбы-коновязи тюркоязычные народы Центральной и Северной Азии в раннем и позднем средневековье, устанавливая их рядами восточнее или южнее могил и жилищ (коновязь=сэргэ=«ряд»). Существовал также своеобразный культ коновязи [9, с. 94—96], связанный с идеей дома, очага [55, с. 30—37]. Но, возможно, здесь отражен более поздний пласт представлений, связанный с идеей мирового столба.

Таким образом, оленные камни Азии, воплощавшие основополагающую концепцию мировосприятия древних обществ, обладали широким семантическим полем: мировое древо (гора) — упорядоченная вселенная, родоплеменная территория, социум — богочеловек, первопредок, солярный герой либо его воплощение — фаллос — жертвенный столб, способный сакрализовать при-

косновением — жертва (часто — конь) — путь («лестница в небо» — способ и средство коммуникации с иными сферами мира) — коновязь (священная) — «коммуникатор» (жрец, шаман). Подобная многозначность, вполне естественная для столь глобального символа, обеспечивала функционирование целого комплекса ритуалов, связанных с идеей поддержания равновесия структурированного мира. Приведенные выше данные также подтверждают вывод, что «мифология „Ригведы" по своему характеру типологически близка к мифологии евразийского шаманизма» [39, с. 78].

Развитая семантика оленных камней позволяет предполагать наличие в Центральной Азии их предшественников или прототипов [46, с. 326]; есть мнение, что ими являются «окуневские» стелы [47, с. 159]. Осуществленный Л. Р. Кызласовым анализ этих памятников, датированных концом IV — началом III тыс. до н. э. и отнесенных к выделяемой тазминской культуре, позволяет видеть в них изваяния фаллосов (бычьих), обладающих трехчастной по вертикали структурой и воплощающих идею мировой горы, мирового древа, главного божества [42, с. 191—198] Примечательно, что помимо формы, структурности и основной семантики тазминские стелы имеют много общего с оленными камнями несут изображения солярных знаков, изредка — кольцевых серег, человеческих лиц (на узкой грани); устанавливаются меридиональными рядами узкой лицевой гранью на восток; связаны в первую очередь не с погребальными, а с культовыми памятниками — святилищами, жертвенниками, выкладками; сопровождаются остатками жертвоприношений в виде костей животных, золы, изредка — скоплением фалломорфных галек и пестов; сочетаются с менгирами — стелами без изображений. Кроме того, на боковых гранях отдельных стел выбиты ступеньки «небесной лестницы» [42, с. 196]. Вместе с тем значительно большее типологическое и иконографическое разнообразие свидетельствует, возможно, о большей семантической сложности тазминских стел; существен и значительный хронологический разрыв между ними и оленными камнями. Представляется также, что в семантике тазминских стел как эквивалента мировой оси превалирует образ мировой горы — фалла, в семантике же оленных камней — образ мирового дерева — фалла, вероятно, стадиально более поздний. Будущие исследования, по-видимому, уточнят наши представления о возможной взаимосвязи трех сильнейших культурных «всплесков», отразившихся в ярких монументальных памятниках Центральной Азии и Южной Сибири — тазминских стелах, оленных камнях и раннетюркской антропоморфной скульптуре.

---

[1] «Киммерийские» стелы в статье специально не рассматриваются, однако их морфологическое сходство с оленными камнями Азии позволяет констатировать сходство и их семантики.

[2] Валун с горы Кызыл-Хая в Туве, несмотря на наличие изображений животных и пятиугольных фигур [14, с. 48, рис. 29], оленным камнем не является.

[3] Центральноазиатские оленные камни высекались из гранита, сланца, песчаника, мрамора, базальта, мраморовидной породы. Вполне вероятно, изготовлялись они и из дерева [15, с. 15; 16, с. 79]

[4] При наличии на стеле (помимо пояса) и «ожерелья», и «диадемы» роль разделителя зон играет один из этих предметов.

[5] Прорисовки стелы из Самагалтая, опубликованные разными авторами, различаются степенью антропоморфности [2, с. 78, рис. V, *3*; 15, с. 16, рис. 4, *9*], вплоть до ее полного отсутствия [10, с. 28, рис. 3, *2*]

[6] Высказывалось мнение о тюркском происхождении и личины Чуйского камня [26, с. 164].

[7] «Рогатая личина» на левой грани сушинской стелы [12, с. 32] в действительности является неточно воспроизведенной в публикации кольцевой серьгой [17, с. 31].

[8] Скошенность верхней грани Н. Л. Членова объясняет стремлением ваятеля показать головной убор, подобный изображенному на статуе VI в. до н. э. из Гордиона [4, с. 49]. Как частный случай этот вывод может быть верным, но перенос его на «киммерийские» стелы и тем более оленные камни не представляется возможным.

[9] Антропофалломорфные символы, изофункциональные мировому столбу, известны в ряде культур древности и средневековья (например, Збручский идол [43, с. 460—463]).

[10] Их относят к эпохе развитой [13, с. 156, 157], поздней [7, с. 84; 49, с. 205] бронзы, переходному [47, с. 159] либо скифскому [9, с. 3] времени; иногда подчеркивается длительность периода их бытования [6, с. 111; 10, с. 26, 29].

[11] Признать вслед за С. С. Сорокиным оленные камни исключительно коновязями трудно: их семантика явно гораздо богаче.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тереножкін О. І.* Кіммерійські стели // Археологія. 1978. Вып. 27.
2. *Членова Н. Л.* О связях Северо-Западного Причерноморья и нижнего Дуная с востоком в киммерийскую эпоху // Studia Thracica. 1. Sofia, 1975.
3. *Савинов Д. Г., Членова Н. Л.* Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии // КСИА. 1980. Вып. 162.
4. *Членова Н. Л.* Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск: Наука, 1984.
5. *Волков В. В.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967.
6. *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981.
7. *Волков В. В., Новгородова Э. А.* Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975.
8. *Окладников А. П.* Оленный камень с реки Иволги // СА. 1954. Т.XIX.
9. *Кубарев В. Д.* Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979.
10. *Кызласов Л. Р.* К изучению оленных камней и менгиров // КСИА. 1978. Вып. 154.
11. *Маннай-оол М. Х.* Оленные камни Тувы // Уч. зап. ТНИИЯЛИ. 1968. Вып. XIII.
12. *Членова Н. Л.* Об оленных камнях Монголии и Сибири // Монгольский археологический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
13. *Худяков Ю. С.* Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987.
14. *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува. М.: Изд-во МГУ, 1979.
15. *Грязнов М. П.* К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. 1978. Вып. 154.
16. *Грязнов М. П.* О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии // АСГЭ. 1984. Вып. 25.
17. *Вайнштейн С. И.* История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974.
18. *Мещанинов И. И.* Каменные статуи рыб — вишапы на Кавказе и в Северной Монголии // ЗКВ. 1925. Т. I.
19. *Марр Н. Я., Смирнов Я. И.* Вишапы // Тр. ГАИМК. 1931. Т. 1.
20. *Пиотровский Б. Б.* Вишапы. Каменные статуи в горах Армении. Л., 1939.
21. *Маннай-оол М. Х.* Тува в скифское время (уюкская культура). М.: Наука, 1970.
22. *Диков Н. Н* Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958.
23. *Савинов Д. Г.* О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977
24. *Плотников Ю. А.* Разведка по южным склонам Танну-Ола // АО-1981. М., 1983.
25. *Войтов В. Е.* Каменные изваяния из Унгету // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
26. *Кубарев В. Д.* Оленный камень с р. Чуи // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск: Наука, 1979.
27. *Савинов Д. Г., Членова Н. Л.* Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978.
28. *Членова Н. Л.* Первые комплексы раннескифского времени из Тувы // КСИА. 1966. Вып. 107
29. *Белозор В. П.* Оленные камни и киммерийские стелы // Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Ужгород, 1978.
30. *Могильников В. А.* Два оленных камня с Алтая // КСИА. 1980. Вып. 162.
31. Материалы по археологии Кавказа. Вып. XII. М., 1909.
32. *Мужухоев М. Б.* Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии (по материалам раскопок автора в 1970—1980 годах) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
33. *Есаян С. А.* Древняя культура племен Северо-Восточной Армении (III—I тыс. до н. э.). Ереван, 1976.
34. *Бродянский Д. Л.* Антропоморфные мифологические образы в системе неолита и палеометалла Дальнего Востока // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. Новосибирск, 1987.
35. *Топоров В. Н.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» // Уч. зап. Тартус. ун-та. 1971. Вып. 284.
36. *Топоров В. Н.* Древо мировое // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1980.
37. *Топоров В. Н.* О брахмане. К истокам концепции // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М.: Наука, 1974.
38. *Иванов Вяч. В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от aśva — «конь» (жертвоприношение коня и дерево aśvattha в древней Индии) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974.
39. *Огибенин Б. Л.* Структура мифологических текстов «Ригведы» (Ведийская космогония). М.: Наука, 1968.
40. *Семека Е. С.* Антропоморфные и зооморфные символы в четырех- и восьмичленных моделях мира // Уч. зап. Тартус. ун-та. 1971. Вып. 284.
41. *Раевский Д. С.* Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный

Восток в древности. М.: Наука, 1983.
42. *Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во МГУ, 1986.
43. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
44. *Кенин-Лопсан М. Б.* Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX — начало XX в. Новосибирск: Наука, 1987
45. *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
46. *Савинов Д. Г* Изображеия собак на оленных камнях // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
47. *Килуновская М. Е.* Оленные камни как памятники монументального искусства культур скифского облика // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Тез. докл. обл. науч. конф. по разделам: «М. П. Грязнов и его место в археологии», «Теория и методология археологии», «Каменный и бронзовый века», «Скифская проблема». Омск, 1987.
48. *Савинов Д. Г* Антропоморфные изваяния и вопрос о ранних тюрко-кыргызских связях // Тюркологический сборник—1977.М, 1981.
49. *Новгородова Э. А.* Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНР // Тюркологической сборник-1977. М., 1981.
50. *Жуковская Н. Л.* Число в монгольской культуре // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987.
51. *Бородаев В. Б.* Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1987.
52. *Кёйпер Ф. Б. Я.* Труды по ведийской мифологии. М.: Наука, 1986.
53. *Лелеков Л. А.* Проблема индоиранских аналогий к явлениям скифской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
54. *Хороших П. П.* Оленнй камень из Забайкалья // СА. 1962. № 3.
55. *Сорокин С. С.* К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // АСГЭ. 1981. Вып. 22.

V S. Olkhovsky

THE MENHIRS «OLENNYE KAMNY»

(ON THE IMAGE SEMANTICS)

Summary

The subject of the article is the Central Asian menhirs of the first millennium B.C. The author has identified their morphological pattern: the stone column with a slanted top and, in most cases, with zones delineated from the lower end upwards.He writes that the menhirs embodied the universal idea of world tree (pillar), were the phallic symbol and possessed a concealed anthropomorphic meaning. Ancient Indian (Vedic) and other parallels have helped reconstruct the petroglyphs' semantic field: the world tree—the organised universe—the divine ancestor—the phallos—a sacrificial stone—a sacrifice (often a horse)—a road (a way and means of communication with other worlds)—the sacred tethering-post. The plurality of meanings maintained an entire set of rituals designed to ensure the stability of the structuralised world (the cult of the hero ancestor, of fertility, of the regular renovation of life).

О. Р. ДУБОВСКАЯ

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОМПЛЕКСОВ ТИПА НОВОЧЕРКАССКОГО КЛАДА

В настоящее время для территории Северного Причерноморья общепризнанным считается существование двух групп предскифских памятников — типа Черногоровки и Новочеркасского клада. Выделение групп основано прежде всего на типологии узды: для группы Черногоровки характерны стремечковидные удила и трехдырчатые псалии, для группы Новочеркасского клада — двукольчатые удила и трехпетельчатые псалии [1—6 и др.] Открытие могильника на р. Фарс в Закубанье, давшего сочетание стремечковидных и двукольчатых удил в одних комплексах [7, с. 151, рис. 2, *1—5*], погребение на Ставропольщине, где двукольчатые удила сочетаются с псалием типа Черногоровки [8, с. 71, рис. 1,*2*], удила из могильника Пседах в Чечено-Ингушетии, у которых одно звено двукольчатое, а второе имеет внешнее окончание в виде стремечка [9, с. 137, рис. 3,*3*] позволяют говорить о существовании обоих типов узды на одном хронологическом этапе.

В связи с этим особо актуальным становится вопрос о территориальном соотношении групп Черногоровки и Новочеркасского клада, поскольку их степное происхождение у большинства исследователей сомнений не вызывает. По А. И. Тереножкину, черногоровские и новочеркасские памятники занимают одну территорию — всю причерноморскую степь и южную часть лесостепной зоны [4, с. 15, 25, рис. 1]. По А. М. Лескову, памятники черногоровского типа распространены в степях Причерноморья; памятники типа Новочеркасского клада дают наибольшее скопление в предкавказских степях и на Нижнем Дону, хотя есть и в лесостепи [10, с. 95, 100]. По сути, четкая картина территориального распределения предскифских памятников отсутствует. На наш взгляд, это объясняется тем, что до сих пор такие виды источников, как всаднические погребения обеих групп, с одной стороны, случайные находки и клады уздечных принадлежностей новочеркасского облика — с другой, картографировались в совокупности [4, с. 15, рис. 1]. Иной результат дает дискретное картографирование названных источников.

Погребений с уздой черногоровского типа насчитывается 10: Балабинский [11, с. 147], Ростов-на-Дону, Черногоровка, Камышеваха, Веселая Долина, Луганское, Жирноклеевский, Малая Цимбалка [4, с. 58, 59, рис. 26, *9*, с. 67—68, рис. 35, *3—8*, с. 48, рис. 19, *1—7*, с. 49, рис. 20, *4—8*, с. 51, рис. 24, *1—14*; 12, с. 228, рис. 2], Эльтон [13, с. 158] и Чечелиевка [14, с. 224—228, рис. 1, 2]. Отмечается локализация их в степной части Северного Причерноморья к востоку от Днепра (рис. 1, *1—9*). На правобережье Днепра известно лишь одно погребение — Чечелиевка (рис. 1, *10*). Западнее — на Южном Буге, Днестре, Пруте — погребения с уздой черногоровского типа пока не встречены.

Картографирование погребений с уздой типа Новочеркасского клада показало их локализацию за пределами степной зоны Северного Причерноморья: в Днепровской лесостепи — Носачево, Бутенки, Константиновка, курганы 375 и 376, Рыжановка, Квитки, Шевченковка, Ольшана; Днестровской лесостепи — Шолданешты; предгорьях — Зольное, Енджа (Рис. 1, *12—22*) [4, с. 78—80, рис. 45, с. 69—70, рис. 38, с. 75—77, рис. 41, *3—5*, с. 80—81, рис. 42, *1—2*, с. 44—45, рис. 17, с. 42, 43, рис. 15, 16.; 15, с. 44, рис. 5; 16. с. 108, 109, рис. 1, *1—4*; 17, с. 248; 18, с. 66—70, рис. 22, *7*]. До недавнего времени погребения из Енджи и

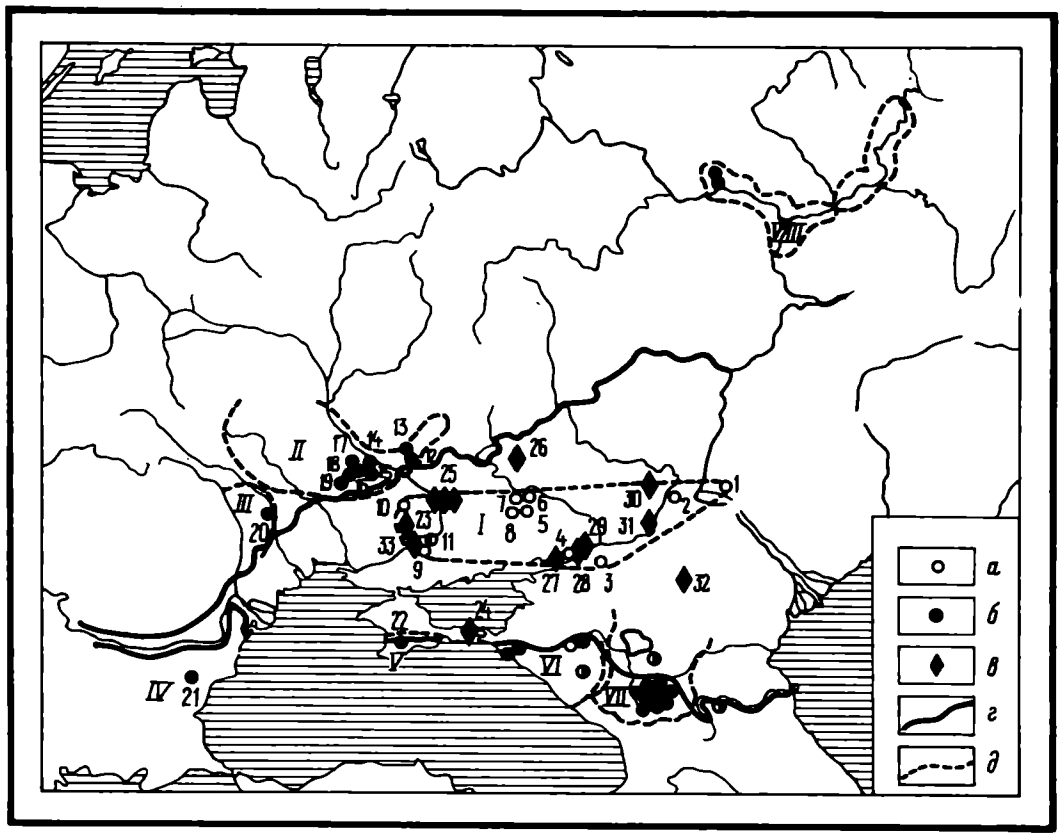


Рис. 1. Карта-схема погребений с уздой типа Черногоровки и Новочеркасского клада; случайных находок, кладов уздечных принадлежностей новочеркасского типа. *а* — погребения с уздой типа Черногоровки; *б* — погребения с уздой типа Новочеркасского клада; *в* — клады и случайные находки уздечных принадлежностей новочеркасского типа в степи; *г* — граница степи с лесостепью и предгорьями; *д* — границы культур. *I* — территория, занимаемая черногоровскими погребениями с уздой: *1* — Эльтон; *2* — Жирноклеевский; *3* — Балабинский; *4* — Ростов-на-Дону; *5* — Луганское; *6* — Камышеваха; *7* — Черногоровка; *8* — Веселая Долина; *9* — Малая Цимбалка; *10* — Чечелиевка; *11* — Высокая Могила, погр. 5. *II* — чернолесская культура (по А. И. Тереножкину): *12* — Бутенки; *13* — Шевченковка; *14, 15* — Константиновка, курганы 375 и 376; *16* — Носачево; *17* — Квитки; *18* — Ольшана; *19* — Рыжановка, кург II. *III* — молдавская группа фракийского гальштата (по А. И. Тереножкину): *20* — Шолданешты. *IV* — фракийский гальштат: *21* — Енджа. *V* — кизил-кобинская культура (по А. И. Тереножкину): *22* — Зольное. *VI* — протомеотская культура; *VII* — западный вариант кобанской культуры (по В. И. Козенковой); *VIII* — ананьинская культура, могильники (по В. С. Патрушеву, А. Х. Халикову). Степные комплексы типа Новочеркасского клада: *23* — Родионовка; *24* — Керчь; *25* — Днепропетровск; *26* — Преображенное; *27* — Ливенцовка; *28* — Аксай; *29* — Новочеркасск; *30* — Обрывский; *31* — Филипповская; *32* — Кише; *33* — Каменка-Днепровская

Зольного относили к степным. На внестепное расположение погребения у с. Енджа обратил внимание В. А. Кореняко, указав, что оно фиксируется в районе гор Стара Планина [19, с. 57] Что касается погребения у с. Зольное близ Симферополя, то при публикации А. А. Щепинский отметил его местонахождение в предгорном Крыму [20, с. 57]. Это подтверждает и современное физико-географическое районирование УССР, согласно которому Симферополь и прилегающие к нему районы в радиусе не менее 15—20 км относятся к предгорной области Крыма [21, с. 542, рис. 18].

Единственное погребение в степи — Высокая Могила 5, где обнаружены удила, сопоставимые с двукольчатыми по наличию дополнительных звеньев и рубчатому орнаменту на стержне, является эталонным памятником черногоровской группы [4, с. 155; 10, с. 88; 22, с. 152—155, рис. 8; 23, с. 176] и лишний раз свидетельствует о синхронности с группой Новочеркасского клада, но не о культурной принадлежности к последней. К тому же цилиндрические муфты удил Высокой Могилы 5 находят соответствие в костяных псалиях из Чечелиевки

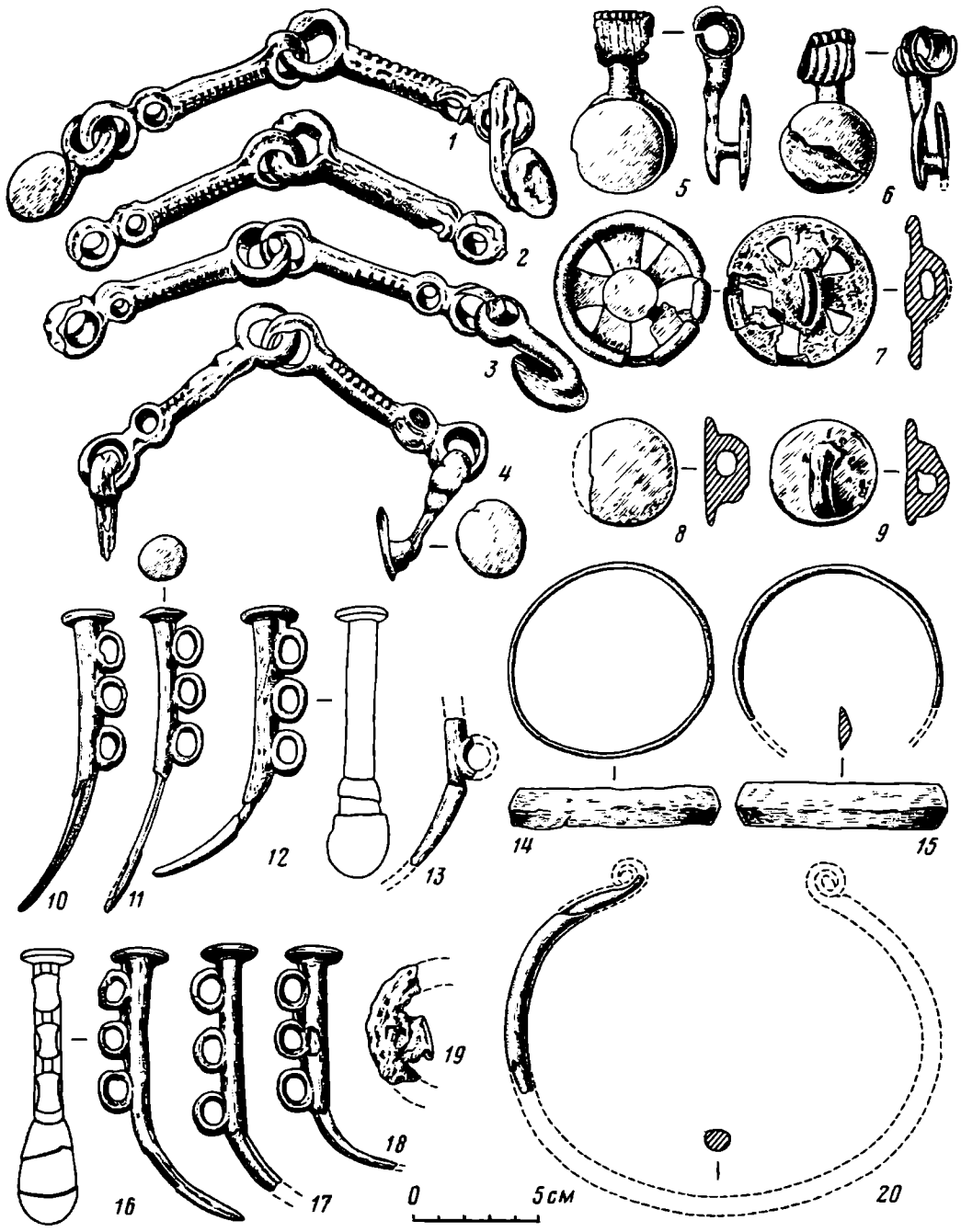


Рис. 2. Клад из с. Преображенное Ворошиловградской обл. *1—4* — удила; *5—9, 14, 15, 19* — предметы конского снаряжения; *10—13, 16—18* — псалии; *20* — гривна

[14, с. 226, 227] Возможно, данный тип псалиев, неизвестный пока за пределами Нижнего Поднепровья, отражает местную специфику уздечного набора.

По каталогу А. И. Тереножкина, в степи насчитывается 11 комплексов (из 9 пунктов) случайных находок и кладов, содержавших двукольчатые удила и трехпетельчатые псалии. 12-й комплекс происходит из с. Преображенное Сватовского р-на Ворошиловградской обл. В 1975 г. при строительных работах был разрушен курган, в южной поле которого найдены предметы конской сбруи. По свидетельству тракториста В. Черного, обнаружившего вещи, какие-либо кости (человека или животного), следы огня (зола, угли) отсутствовали. При доследовании кургана Северско-донецкой экспедицией ИА АН УССР в 1977 г. от-

крыты только погребения ранней и средней бронзы [1], что дает все основания считать найденный комплекс кладом. Находки принесли в клуб, где часть из них была разобрана местными жителями. Оставшиеся вещи попали в краеведческие музеи Сватова и Ворошиловграда. Впоследствии вещи из Сватовского музея и предметы, которые удалось собрать у жителей села (вероятно, не все), были переданы в Институт археологии АН УССР. В Ворошиловградском музее хранятся одна пара удил, псалий и фрагмент бляхи [2]. Каждое изделие носит следы механических повреждений зубилом, напильником, ножовкой и другими современными инструментами.

Состав собранного комплекса следующий.

1. Удила бронзовые двукольчатые — 5 экз. (рис. 2, *1—4*). Стержни четырех из них покрыты двойным рядом рубчатых насечек, одного экземпляра — тройным (рис. 2, *2*). 3 экземпляра удил снабжены дополнительными звеньями для крепления повода. Все звенья имеют по одному щитку. Длина удил — от 18 до 19 см. Длина дополнительных звеньев 5,2—5,6 см, диаметр щитков 3 см.

2. Бронзовые псалии размерами от 8,5 до 11,5 см с тремя боковыми петлями, плоской шляпкой и изогнутой расширенной лопастью — семь целых, один фрагментирован (рис. 2, *10—13, 16—18*).

3. Бронзовые ребристые муфты с двойным округлым щитком (2 экз.). Длина изделий 6,3—7,2 см, диаметр щитка 3,6 см (рис. 2, *5, 6*).

4. Бронзовые бляхи в виде плоских кружков диаметром 4,2 см, с массивной петлей на обороте — одна целая, две фрагментированы (рис. 2, *8, 9*).

5. Бронзовая круглая прорезная бляха с пятилучевой розеткой в центре, диаметром 6 см, с петлей на обороте и фрагмент от подобной же бляхи (рис. 2, *7, 19*).

6. Бронзовые пластинчатые кольца с ребром в средней части (2 экз.), поверхностный слой полностью оббит, диаметр 8,0 см, высота 1,5—1,8 см (рис. 2, *14, 15*). Подобные изделия из Бутенок и Квиток трактуются как браслеты чернолесского типа [4, с. 70; 15, с. 54] Наличие аналогичных предметов во всаднических комплексах Баксана и Герпегежа (Кабардино-Балкария) [24, табл. 6, *5*, табл. 7, *13*] позволяет относить их к предметам конского снаряжения [3]

7 Фрагмент бронзовой гривны из округлого в сечении стержня с суженными и оформленными в спираль (петлю) концами. Сохранившаяся длина 9,5 см, диаметр стержня 0,7 см (рис. 2, *20*).

13-й комплекс, клад вещей, среди которых были и двукольчатые удила, найден в 1986 г. экспедицией В. В. Отрощенко в г. Каменка-Днепровская Запорожской обл. (рис. 1, *33*) [4]

Из 13 имеющихся комплексов о характере обнаружения 5 из них ничего не известно: это находки из Днепропетровска (3 комплекса), Кише и Керчи [4, с. 41, 42, 48]. Еще два — из Ливенцовки и Филипповской — относятся к категории случайных находок, так как удила из Ливенцовки найдены в верхней части рва, относящегося к эпохе средней бронзы, на глубине 0,8 м от поверхности [4, с. 49], а удила и псалий из ст. Филипповская — на песках правого берега Дона [1, с. 64; 4, с. 66]. 4 комплекса, безусловно, относятся к разряду кладов: Новочеркасский, Аксайский, Преображенский и Каменко-Днепровский [1, с. 64; 4, с. 53; 25, с. 38] Остаются 2 комплекса, которые могут быть приравнены в какой-то мере к погребальным,— Родионовка и Обрывский [4, с. 54, 58]. Однако отсутствие каких-либо сведений о захоронении не позволяет говорить об этом утвердительно и допускает трактование их как кладов.

Все перечисленные комплексы, за исключением Родионовки, локализуются в степной зоне Северного Причерноморья к востоку от Днепра (рис. 1, *24—33*). Но на этой же территории фиксируются и погребения с уздой черногоровского типа. Таким образом, всаднические погребения черногоровского типа и синхронные им случайные находки, клады новочеркасских удил и псалиев территориально перекрывают друг друга (рис. 1). Такое положение наряду с ло-

кализацией всадниических погребений новочеркасского типа за пределами степи заставляет видеть в факте нахождения новочеркасской узды на территории степной зоны Северного Причерноморья *только* в качестве единичных находок и кладов не случайность, а закономерность. Отсутствие уздечных принадлежностей новочеркасского типа в степных погребениях является, видимо, показателем их чужеродности для этноса, населявшего данный регион и пользовавшегося уздой типа Черногоровки. Другими словами, в степной зоне, занимаемой погребениями с черногоровской уздой, погребения с двукольчатыми удилами и трехпетельчатыми псалиями принципиально маловероятны.

Единичный случай обнаружения разновидности двукольчатых удил в погребении — Высокая Могила 5 — представляется исключением, дополняющим правило, поскольку культурная принадлежность последнего к черногоровской группе сомнений не вызывает. Если же принять во внимание, что двукольчатые удила и трехпетельчатые псалии в Днепровской лесостепи концентрируются на территории чернолесской культуры, в Ендже и Шолданештах — фракийской, в Зольном — кизил-кобинской [26, с. 15, 24, 169, карта-вкладыш на с. 32, 33], а также широко распространены в ряде синхронных культур — протомеотской (могильники на р. Фарс, Кубанский [7; 27, с. 64, рис. 14, 15; 28; 29, с. 45, рис. 3; 30, с. 129, табл. 1, *1, 2*]), ананьинской (могильники Ахмыловский, Акозинский [31, с. 161, табл. 24, *4д*, с. 214, табл. 77, *1а*]), кобанской (могильники Пятигорья, Зандакский, Пседах и др. [9; 32, с. 184—199; 33, с. 82, табл. XXI, *27—29*; 34, с. 27, 28]), то общекультурный характер данного типа узды становится очевиден. В этом случае естественно допустить существование единого центра возникновения ее на территории одной из упомянутых культур с последующим проникновением или заимствованием остальными культурами.

Еще в 50-х годах в работах А. А. Иессена таким центром был назван Северный Кавказ [1, с. 70, 104, 109; 2, с. 127] Е. И. Крупнов полностью поддержал выводы А. А. Иессена о местном (кавказском) производстве двукольчатых удил и трехпетельчатых псалиев, но рассматривал его как прямое следствие взаимоотношений северокавказских племен со степными киммерийцами, познакомившими местные племена с этим типом узды [35, с. 127, 128] Сделанный Е. И. Крупновым акцент получил дальнейшее развитие в работе В. В. Виноградова, Л. С. Дударева, А. П. Рунича, где удила и псалии могильников Пятигорья называются «степными элементами» процесса «инфильтрации достижений культуры степняков в местную кобанскую среду» [32, с. 184, 185, 196] Отсутствие двукольчатых удил и трехпетельчатых псалиев в степных погребениях Северного Причерноморья, а значит, невозможность соотнесения их с каким-либо степным этносом конкретно, показывает несостоятельность данного тезиса и подтверждает правоту тех исследователей, которые связывают происхождение узды типа Новочеркасского клада с Кавказом [1; 2; 16, с. 108—110, 36, с. 29, 31; 37].

В этом случае клады, случайные находки в степи типа Новочеркасского следует интерпретировать как импортные изделия преимущественно кавказского производства, что кроме уздечного набора подтверждается топором (Новочеркасский клад) и гривной (Преображенное) кобанских типов, а также длинновтульчатыми наконечниками стрел, центр распространения которых исследователи также связывают с Северным Кавказом [5, с. 368, 369; 38, с. 22—26]. Характеристику степных кладов как собраний импортных изделий дополняет копье среднеевропейского типа из Родионовки [4, с. 58, рис. 26, *11*] Предложенная интерпретация комплексов типа Новочеркасского клада подвергает сомнению существование той культурной и хронологической «стерильной прослойки» в степи [39, с. 17], заключающейся в понятиях «культура Новочеркасского клада», «новочеркасский культурный пласт», «новочеркасская ступень» и т. п., которая отделяет черногоровские памятники от раннескифских в степном Причерноморье.

Вопрос: кто и зачем оставлял в степи комплексы типа Новочеркасского кла-

да — остается открытым. Являются ли они кладами металлического лома для переплавки, в пользу чего свидетельствуют сломанные звенья удил, псалий-«полуфабрикат» из Новочеркасского клада [1, с. 64; 40, с. 35], изношенность и дефекты на предметах Аксайского клада [25]? Либо их надо рассматривать как клады «престижных вещей», о чем говорят широкое распространение двукольчатых удил и трехпетельчатых псалиев и сосредоточение их прежде всего в погребениях «военной аристократии»? Или же сокрытие этих комплексов означает существование у степняков или их противников особого ритуала, совершаемого, возможно, после военного столкновения? Обращают на себя внимание характер местоположения комплексов (компактной кучкой в южном секторе насыпи курганов, на небольшой глубине), специфичность и повторяемость набора с иной, чем у степняков, уздой, иными наконечниками стрел и копьями, не встреченными пока вообще в погребальных комплексах черногоровской группы. Эти и другие возможные предположения нуждаются в дальнейшем специальном исследовании.

---

[1] *Писларий И. А., Дубовская О. Р.* Отчет Северскодонецкой экспедиции об исследовании кургана у с. Преображенное Сватовского р-на в 1977 г. // Архив ИА АН УССР. Фс 8324. 77/13, с. 2—10.

[2] Учтены при описании комплекса.

[3] Выражаю глубокую признательность В. И. Козенковой, обратившей мое внимание на эту аналогию.

[4] Пользуясь случаем, искренне благодарю В. В. Отрощенко, предоставившего возможность использовать неопубликованный материал своих раскопок.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР // СА. 1953. Т. XVIII.

2. *Иессен А. А.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

3. *Тереножкин А. И.* Черногоровская и новочеркасская ступени киммерийской культуры // Новейшие открытия советской археологии. Тез. докл. конф. Ч. II. Киев, 1976.

4. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.

5. *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины: Автореф. дис. д-ра. ист. наук. М., 1975.

6. *Шарафутдинова Э. С., Дубовская О. Р.* Киммерийская проблема и две группы погребений предскифского времени в Северном Причерноморье // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тез. докл. Всесоюз. симпоз. Ереван, 1982.

7 *Лесков А. М.* О хронологическом соотношении памятников начала железного века на юге европейской части СССР // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.

8. *Петренко В. Г.* Комплекс VIII—VII вв. до н. э. из Ставрополья // КСИА. 1982. Вып. 170.

9. *Козенкова В. И.* Пседахский могильник кобанской культуры (по раскопкам 1976—1977 гг.) // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986.

10. *Лесков А. М.* Курганы: находки, проблемы. Л., 1981.

11. *Узянов А. А.* Нижнесальские курганы // АО-1975. М., 1976.

12. *Татаринов С. И.* Раннескифское погребение из Приазовья // СА. 1982. № 1.

13. *Лукашов А. В.* Новый памятник VIII—VII вв. до н. э. в Заволжье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.

14. *Бокий Н. М., Горбул Г. П.* Могила киммерийского всадника у села Чечелиевка Кировоградской области // СА. 1985. № 4.

15. *Ковпаненко Г. Т., Гупало Н. Д.* Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наук. думка, 1984.

16. *Буйнов Ю. В., Грубник-Буйнова Л. П.* Бронзовые изделия предскифского периода из днепровского лесостепного Левобережья // Проблемы археологии Поднепровья. Вып. 2. Днепропетровск, 1985.

17. *Ковпаненко Г. Т.* Работы на Днепровском Правобережье // АО—1984. М., 1986.

18. *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА. 1958. № 64.

19. *Кореняко В. А.* Погребения эпохи перехода от бронзы к железу в степях Юго-Восточной Европы (состояние источников и проблема отбора фактов) // СА. 1985. № 4.

20 *Щепинский А. А.* Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА АН УССР. 1962. Вып. 12.

21. Физико-географическое районирование Украинской ССР. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1968.

22. *Бидзиля В. И., Яковенко Э. В.* Киммерийские погребения Высокой Могилы // СА. 1974. № 1.

23. *Гошко Т. Ю., Отрощенко В. В.* Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях // СА. 1986. № 1.
24. *Батчаев В. М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Т. 2. Нальчик: Эльбрус, 1985.
25. *Мелентьев А. Н.* Некоторые детали конской упряжи киммерийского времени // КСИА. 1967. Вып. 112.
26. Археологія Української РСР. Т. II. Киев: Наук. думка, 1971.
27. Сокровища курганов Адыгеи: Каталог выставки. М.: Сов. художник, 1985.
28. *Анфимов Н. В.* Сложение меотской культуры и ее связи со степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971.
29. *Анфимов Н. В.* Новый памятник древнемеотской культуры (могильник хут. Кубанского) // Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
30. *Дитлер П. А.* Могильники в районе поселка Колосовка на р. Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп, 1961.
31. *Патрушев В. С., Халиков А. Х.* Волжские ананьинцы. М.: Наука, 1982.
32. *Виноградов В. Б., Дударев Л. С., Рунич А. П.* Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
33. *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. 1977. Вып. В2-5.
34. *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. 1982. Вып. В2-5.
35. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
36. *Котович В. Г* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука, 1982.
37. *Абрамова М. П., Козенкова В. И.* Предисловие // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Нальчик: Эльбрус, 1985.
38. Іллінська В. А. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркасского типів // Археологія. 1973. № 12.
39. *Клочко В. И., Мурзин В. Ю.* О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1987.
40. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.

O. R. Dubovskaya

ON THE INTERPRETATION OF THE COMPLEXES OF THE NOVOCHERKASSK HOARD TYPES

Summary

The author turns to the territorial correlation between the burials of horsemen of the Chernogorovka and Novocherkassk hoard groups, which coexisted at a definite period of their history. The former were localised in the North Pontic steppes, the latter in the forest-steppe and piedmont areas. In the steppe area (with the burials yielding the Chernogorovka type bridles) bridles of the Novocherkassk type can be found either in hoards or are chance finds. This fact seems to be of a stable pattern: in the zone occupied by the people who used the Chernogorovka bridle, there is little possibility of finding burials with bits and cheek-pieces belonging to another culture.

This casts doubt on the opinion that the bridle of the Novocherkassk hoard type originated in the steppes. The existence of a "steppe ethnos" also seems doubtful. This indirectly supports the hypothesis on the Caucasian origin of the Novocherkassk bridle. The hoards of the Novocherkassk type found in the steppe should be interpreted as collections of imported, mainly Caucasian, objects. The places where the Novocherkassk hoards are found, their specific features and more or less uniform sets of objects leads to the conclusion that there existed a special ritual of their burial in the steppe.

М. Б. ЩУКИН

САРМАТЫ НА ЗЕМЛЯХ К ЗАПАДУ ОТ ДНЕПРА И НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ I В. В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Свидетельства о ранних этапах проникновения сарматов на Днепровское правобережье смутны и противоречивы. Д. А. Мачинский, проанализировав данные письменных источников, показал, что уже в 330—310 гг. до н. э. сарматы проникли на территорию Скифии [1. с. 45, 46]. На Правобережье лишь один комплекс мог бы в какой-то мере подтвердить эту идею. И расположен он в непосредственной близости от Днепра (Грушевка). Несколько остальных сомнительны [2, с. 34, 36, 68, рис. 25, *1*—*7*].

Страбон (64 г. до н. э.— 24 г. н. э.) при описании Северного Причерноморья пользовался в основном информацией, полученной во время митридатовских войн рубежа II—I вв. до н. э., и размещал где-то в степях Днестровско-Днепровского междуречья «языгов сарматов так называемых царских и ургов» (Страбон, VII, 17). Как соотносятся этнонимы этого списка — установить трудно. Возможны разночтения: «языги-сарматы, царские...» или «языги, сарматы царские...» и т. д. Хронологически этим страбоновским сарматам могли бы соответствовать лишь два погребения у с. Кут на Днепре [2, с. 62, 63, рис. 25, *8*—*10*], два из Новогригорьевки на Южном Буге [2, с. 114, рис. 28, *44*], комплекс из Марьевки [3], да клад в Бравиченах в Молдавии [4, с. 9, 10, рис. 1]. Но дата первых не очень определенна, вторые еще не опубликованы [2, с. 179], а сарматская принадлежность двух последних более чем сомнительна. Идея Я. Харматы о существовании в 125—161 гг. до н. э. огромной державы Сарматов Царских между Днепром и Дунаем [5, с. 16—39] археологического подтверждения не находит.

Является ли несоответствие письменных источников и археологических лишь результатом слабой изученности Правобережья или за этим кроются какие-то причины исторического характера, сказать трудно. Может быть, Правобережье было лишь зоной экспансии и кочевок сарматских племен, а хоронили они сородичей главным образом на своей основной территории — Левобережье.

Немногим более ясна и ситуация на рубеже нашей эры. Судя по письменным источникам (правда, поздним), первое непосредственное столкновение римлян с сарматами произошло в 16 г. до н. э. (Dio Cass., LX, 30, 3), когда эти кочевники впервые перешли Дунай и вторглись в Добруджу и Мезию. Археологическим отражением этого рейда могли бы быть находки фаларов из Галиче в Болгарии и Шёрца-Суркеа в Румынии [6], а также найденная в «Соколовой могиле» на Южном Буге золотая норицкая фибула с ажурным приемником, близкая к варианту J позднелатенских фибул, по классификации Й. Костшевского [7, рис. 5, *15*; 8 рис. 16]. Фибулы варианта J в современной хронологической системе центральноевропейских древностей относятся к середине I в. до н. э. [9], хотя декор приемника может указывать скорее на августовское время, на рубеж эр [10, рис. 4] Сам комплекс «Соколовой могилы», возможно, еще более поздний. Фалары, судя по аналогичным находкам в сарматском мире, датирующимся II—I вв. до н. э. [2, с. 112, 113], тоже были изготовлены по крайней мере за несколько десятилетий до 16 г. до н. э. Данные, таким образом, не очень надежные, хотя привязка этих находок к 16 г. до н. э. и не исключается. Возможно, к этому же времени относится и погребение 4 более позднего в целом могильника Холмское в Буджаке [11, с. 21—24]

В 8 г. н. э. Август сослал в Томы Овидия, где тот прожил 10 лет. Поэт видел на улицах города сарматских всадников, выучил язык сарматов, был свидетелем, как языги зимой постоянно переходят Дунай по льду (Tr. III, 10, 34, V, 7, 13—14, 56, V, 12, 58; Ep. III, 2, 40, IV, 7, 9—10). Но ни в Добрудже, ни в ближайшей округе за Дунаем пока не обнаружено сарматских памятников времени Овидия.

Хотя многие свидетельства поэта действительно являются не более чем «литературной фикцией» [12, с. 129], но факт проникновения языгов через замерзший Дунай в Добруджу отрицать не приходится. Овидий в данном случае ссылается на авторитетных очевидцев (Ep. IV, 7, 9—10, IV, 9, 85). Не исключено, что действительно 3 года подряд, в 10—12 гг. н. э., Дунай замерзал (Tr. V, 10, 1—2) и, гонимые стужей и бескормицей, языги продвигались на юг в поисках зимних пастбищ. Судя по скудным археологическим данным, им приходилось гнать свои воловьи упряжки издалека, с севера Молдавии и из Прикарпатья, потому что только там известны сарматские памятники, синхронные жизни Овидия в Томах. Из них более или менее надежно датированы лишь три комплекса: погребение 2 в Островце с позднелатенской фибулой варианта О [13], захоронения в Скаенах-Безенах и Новых Костештах [14, рис. 2; 15, с. 8, 10] В Верхнем и Среднем Поднестровье имеются и другие сарматские памятники: Ленковцы [16], Бурякивка [17], Киселов [18] Но дата их не определяется с достаточной точностью, лишь в пределах I—II вв. В середине I в. н. э., вероятно, именно с этими сарматами имели тесные контакты представители группы Гринев-Звенигород [19, 20], образованной своеобразным сплавом элементов пшеворских, дакийских и сарматских. В одном из трупосожжений был найден согнутый в соответствии с пшеворским ритуалом сарматский меч с кольцевым навершием. На могильнике в Звенигороде есть и два женских трупоположения (№ 15 и 17 из раскопок 1954 г.) с сарматскими зеркалами и остатками шкатулки с румянами, датированные фибулами Альмгрен 68 40—70-х годов н. э. [9; 19, рис. 53, *1—6, 7—14*] Возможно, это прямое археологическое подтверждение свидетельства Тацита о бастарнах, «обезображенных браками с сарматками» (Тацит, Германия, 46).

К той же группе верхнеднестровских сарматских памятников, вероятно, относятся и северомолдавские Ханкауцы [15, с. 11], и Изворы [21, с. 44, 45], но они датируются широко, в пределах всего I в. н. э. Как и расположенные южнее захоронения в Толмазах, Селиште и Глубоком [15, с. 12—14], их с равным основанием можно соотнести и с овидиевскими языгами, и со следующей волной сарматского проникновения на запад в середине I в.

Некоторые погребения Румынии с находками мечей, имеющих кольцевое навершие [22, рис. 15] и обычно датируемых сарматологами I в. до н. э.— I в. н. э., тоже можно было бы отнести к овидиевскому времени, но на западе этот вид оружия, по всей вероятности, существовал дольше, вплоть до маркоманнских войн 166—180 гг., потому что именно тогда римские и германские кавалеристы позаимствовали у сарматов кольцевое навершие для своих тяжелых рубящих спат [23]. Судя по другим данным, за Прутом сарматы появились лишь после поражения царя Децебала в 106—107 гг. и римского завоевания Дакии [22].

Итак, датированные сарматские памятники первой половины I в. н. э. немногочисленны и концентрируются в Среднем и Верхнем Поднестровье (рис. 1). В степных районах они пока отсутствуют. Скрываются ли за этим какие-то исторические причины? Ответить пока трудно.

О проникновении отдельных сарматских групп в чуждую им среду знал и Страбон, хотя и смутно: «Но что находится за Германией, нужно ли принять, что там живут бастарны (как думает большинство), что между ними обитают другие народности — языги или роксоланы, или какие-либо другие из кочующих в кибитках, сказать трудно» (Страбон, VII, 7, 4). В данном пассаже о Германии географ пользовался информацией, полученной римлянами во время войн за

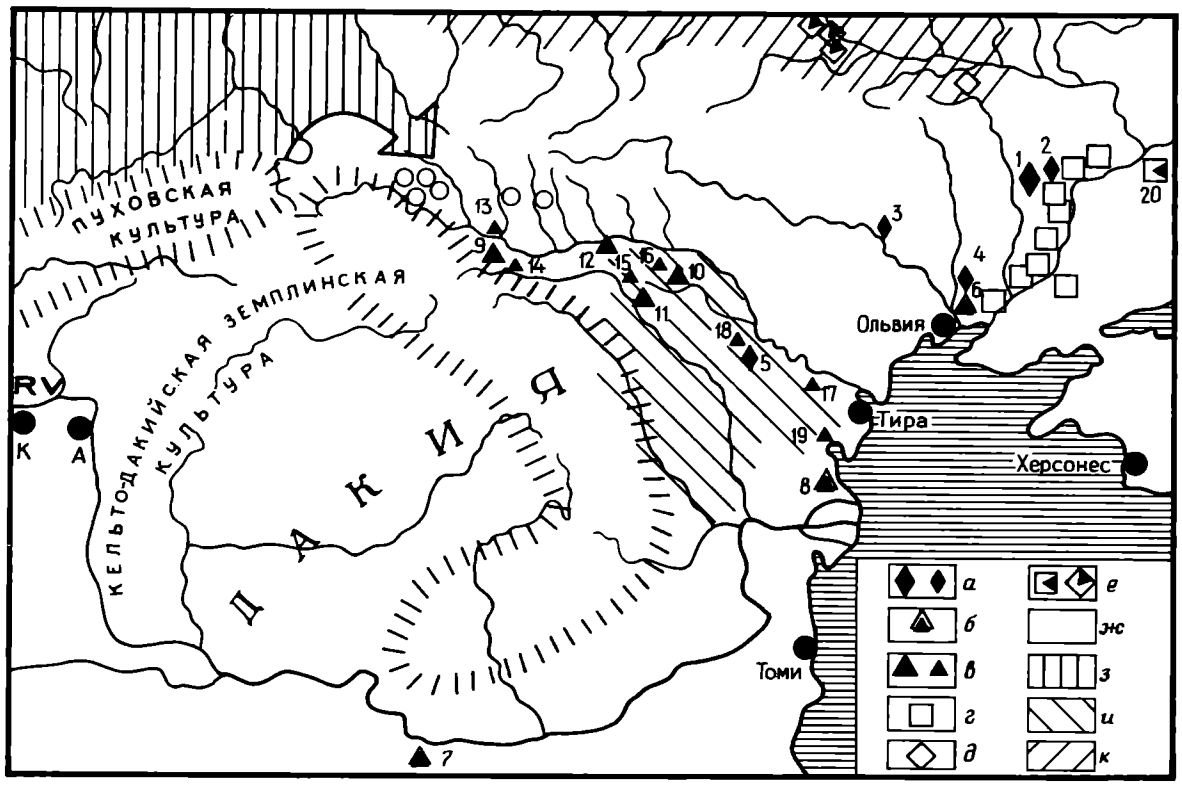


Рис. 1 Археологическая карта Днепро-Дунайского междуречья III в. до н. э.— начала — середины I в. н. э. *а* — сарматские памятники IV—III вв. до н. э.; *б* — памятники, связанные (?) с рейдом сарматов в Мёзию в 16 г. до н. э.; *в* — сарматские памятники рубежа и первой половины I в. н. э. Овидиевские язуги (?); *г* — позднескифские городища; *д* — зарубинецкие городища; *е* — городища со следами разрушений около середины I в. н. э.; *ж* — памятники звенигородской группы; *з* — пшеворская культура; *и* — культура Поянешты-Лукашевка; *к* — зарубинецкая культура. Больший размер значка указывает на бóльшую надежность датировки и сарматской принадлежности памятника. *RV* — царство Ванния; *А* — Аквинк; *К* — Карнунт. *1* — Грушевка; *2* — Кут; *3* — Ново-Григорьевка; *4* — Марьевка; *5* — Бравичены; *6* — «Соколова могила»; *7* — Галиче; *8* — Холмское; *9* — Островец; *10* — Безены-Скаены; *11* — Новые Костешты; *12* — Ленковцы; *13* — Бурякивка; *14* — Киселев; *15* — Ханкауцы; *16* — Изворы; *17* — Толмаз; *18* — Селиште; *19* — Глубокое; *20* — Знаменка

Рейном с 15 г. до н. э. по 18 г. н. э., т. е. современной времени погребений в Островце и Безенах.

Начиная с середины I в. н. э. ситуация резко меняется (рис. 2). Только для Молдавии, Молдовы и Мунтении в 1977 г. Г Бикир насчитал 159 сарматских пунктов [22], а с тех пор число их значительно возросло [11, 21, 24], и почти все датируются или второй половиной — концом I в. н. э., или еще позже, II—III вв. н. э.

О напряженной обстановке, возникшей около I в. н. э. в Нижнем Поднепровье, свидетельствуют следы разрушения на самом северном из позднескифских городищ — Знаменском. На его развалинах было совершено несколько сарматских захоронений [25, с. 115, 126—129, 235—236] В то же время остальные городища укрепляются. Было возрождено разрушенное в середине I в. до. н. э. городище Золотая Балка, во всяком случае только с середины I в. н. э. начинаются погребения относящегося к городищу могильника [26—28]. В Гавриловке строится новая линия стен [25, с. 217], производящих впечатление возведенных поспешно [29, с. 72].

В непосредственной близости от городищ на правом берегу Днепра появляются новые сарматские памятники. Где-то в пределах первой половины — середины I в. н. э. был заложен могильник Усть-Каменка [30]. Во второй половине I в. н. э. было совершено погребение около Ново-Петровки, датирован-

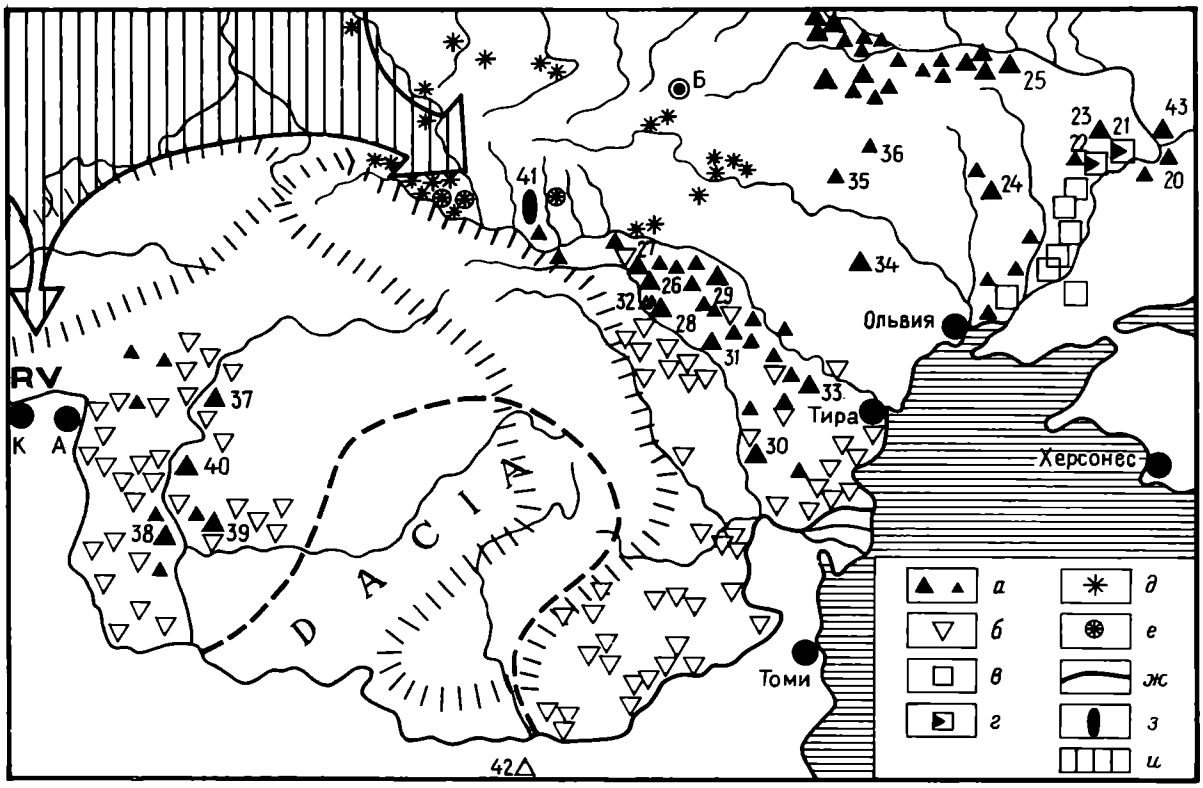


Рис. 2. Археологическая карта Днепровско-Дунайского междуречья середины I в. до н. э.— начала II в. н. э. *а* — сарматские памятники середины — второй половины I в. н. э.; *б* — сарматские памятники II—III вв. н. э.; *в* — позднескифские городища; *г* — городища со следами перестроек около середины I в. н. э.; *д* — памятники постзарубинецкого горизонта Рахны-Почеп (волыно-подольская группа, по Д. Н. Козаку); *е* — памятники звенигородской группы; *ж* — границы римской провинции Дакия; *з* — стела из Задрости; *и* — пшеворская культура; *RV* — царство Ванния; *А* — Аквинк; *К* — Карнунт; *Б* — Бердичев. *20* — Знаменка; *21* — Золотая Балка; *22* — Гавриловское городище; *23* — Усть-Каменка; *24* — Новопетровка; *25* — Калантаево; *26* — Куконешты; *27* — Старые Куконешты; *28* — Костешты; *29* — Негурены; *30* — Зырнешты; *31* — Рысипены; *32* — Бутешты; *33* — Кобуска Веке; *34* — Траяны; *35* — Могильно; *36* — Колодистое; *37* — Эрвень; *38* — Сегед-Фельшёпустасер; *39* — Ходмёзевашархей-Фехерто; *40* — Сентеш-Киштоке; *41* — Задрость; *42* — Рошава Драгана; *43* — Запорожье

ное золотыми сережками с фигурками птичек, золотым туалетным флакончиком и бронзовым римским ковшом типа Эггерс 142 [28, с. 66] Остальные сарматские погребения, достаточно плотным кольцом окружающие территорию позднескифских городищ, не поддаются надежной датировке [28, с. 66, рис. 2], но большинство из них вряд ли далеко отстоит по времени от вышеназванных памятников.

На самих городищах, кроме Знаменского, нет следов разрушений середины I в. н. э. Более того, прослеживаются интенсивные торговые контакты с греко-римским миром [28]. Но материальная культура поздних скифов и сарматов в это время имеет много общих черт. Если любое захоронение Золотой Балки рассматривать вне контекста, их вполне можно было бы считать сарматскими. Невольно напрашивается предположение о тесном культурном взаимодействии этих народов. Не была ли безопасность городищ куплена ценой добровольного политического подчинения или политического союза? Аналогичные процессы можно наблюдать в это же время и в среде крымских скифов [31]

В течение первой половины, а скорее в середине I в. н. э., проникают сарматы и в Среднее Поднепровье, но здесь их отношения с местной зарубинец-

кой культурой сложились иначе. На среднеднепровских зарубинецких городищах в районе Канева прослеживаются следы пожарищ, в сгоревших остатках найдены сарматские стрелы [32, с. 78—103] Около середины того же столетия прекращают функционировать все крупнейшие зарубинецкие могильники Среднего Поднепровья и Полесья [33, 34] В ареале зарубинецкой культуры появляются достигающие широты Киева сарматские памятники, в том числе Калантаевский могильник [35], могильник у с. Подгородное [36] и отдельные погребения, всего около 30 пунктов. К уже рассматривавшимся в литературе [33, 37] можно добавить еще погребение в кургане 361 около Смелы с норико-паннонской фибулой Альмгрен 236 середины I в. н. э. [38].

Разгром сарматами носителей зарубинецкой культуры имел далеко идущие последствия, вызвал целый ряд перемещений населения не только в лесостепной, но и в лесной полосе Восточной Европы. Начался сложный процесс взаимодействия и интеграции различных групп, приведший в конечном итоге к появлению славянства на исторической арене. Сарматский удар середины I в. н. э. оказался одним из стимулов славянского этногенеза [39].

Деятельность сарматов в середине I в. н. э. не ограничилась Поднепровьем. Во второй половине I в. н. э. были совершены захоронения в Старых Куконештах 4, в Костештах, в Негуренах, в Зырнештах, в Рысипенах [15], в Бутештах, в Кобуска-Веке [21], возникли могильники в Старых Куконештах I и II [15, 40]. Дата последних, впрочем, спорна. А. В. Гудкова и М. М. Фокеев на основании сходства с материалами некоторых сарматских могильников Буджака (Холмское, Алияга и др.) относят и Куконешты ко второй половине II—III в. н. э. [11, с. 32] Вопрос нуждается в специальном рассмотрении, но в целом картину не меняет. Увеличение числа сарматских памятников в Молдавии с середины I в. н. э. налицо.

Сарматские памятники промежуточной территории между Поднепровьем и Днестром пока изучены слабо. Можно назвать лишь погребения в Могильно [41], в Траянах [42, с. 201, рис. 255; 43] и Колодистом [44, с. 120]. Первое, с фаянсовыми скарабеями, датировано I—II вв., второй комплекс по сочетанию бронзового зеркала и ковша Эггерс 140 — второй половиной I в. н. э., третье не имеет определенной даты.

Таким образом, археологически можно констатировать резкое увеличение сарматских памятников к западу от Днепра приблизительно около середины I в. н. э. Нижняя хронологическая граница этих памятников в значительной мере «размыта», так же как и даты разрушения Знаменки, зарубинецких городищ и строительства новых укреплений в низовьях Днепра. Но если допустить приблизительную одновременность отражаемых археологическими явлениями исторических событий, то середина I в. н. э. будет наиболее реальным временем их свершения.

Не исключено, что значительная часть сарматов, погребения которых были совершены на землях к западу от Днепра, во второй половине I в. н. э. входила в состав политического объединения, возникшего в 49 г. и просуществовавшего около 30 лет. Имеется в виду царство Фарзоя и Иненсимея, чеканивших свои монеты в Ольвии. Историки и нумизматы обычно считали их царями крымских скифов, но есть достаточно оснований думать, что они были представителями каких-то сарматских племен [45—48] Приблизительные границы этого объединения очерчивают находки монет Фарзоя — «в реке Прут», у с. Брынзены на севере Молдавии, где наблюдается скопление сарматских памятников второй половины I в. н. э. (рис. 2, *26—28, 32*), затем «около Бердичева» и «в Херсонской губернии, на левой стороне Днепра». Не фиксирует ли северо-западный угол этого «царства» находка в Задрости в Тернопольской обл. 5-метровой каменной стелы с «сарматскими знаками», один из которых напоминает тамгу Фарзоя, известную по монетам [49]? О том, что сарматы бывали в самой Ольвии, свидетельствуют две фигуры каменных львов, испещренные «сарматскими знаками» [50]

По расчетам П. О. Карышковского, чеканка новых медных денег в попав-

шей в зависимость от Фарзоя Ольвии началась или в 49 г. [45, с. 119], или в начале 50-х годов [46, с. 14, табл. I].

Таким образом, возникновение нового политического организма, каким было царство Фарзоя, приходится или на тот же год, или на ближайшие последующие годы после еще одного важного политического события, происшедшего в другой части сарматского мира. Это война между сираками и аорсами, втянутыми в конфликт боспорских царей Митридата и Котиса (Тацит, Анналы, XII, 15—21).

Напомним кратко ход событий. В 38 г. царем Боспора стал Митридат, праправнук Митридата Евпатора. Он тайно лелеял планы своего великого пращура о создании в Причерноморье эллинско-варварской державы, способной противостоять Риму. Его младший брат Котис, посланный в Рим, «проговорился» об этих планах Клавдию. Принцепс действовал решительно, и в Пантикапее в 45 г. неожиданно высадился римский десант. Царем был объявлен Котис, а Митридат бежал к варварским племенам Северного Кавказа, начал вербовать в их среде сторонников. Союзниками Митридата, кстати, были и жители Ольвии. Они наградили его золотым венком и оповестили об этом специальным декретом [51]. Поддержали Митридата и северокавказские сарматы — сираки. Тем временем большая часть римских войск вернулась в Мёзию. Остался лишь ограниченный контингент в несколько когорт во главе с Юлием Аквилой. Этих сил было слишком мало, чтобы противостоять объединенным войскам сторонников Митридата и сираков. Тогда Аквила обратился за помощью к аорсам, старым врагам и соседям сираков. Совместными усилиями аорсы, Котис и римляне в 49 г. разгромили противника, с помощью римской осадной техники взяли и сожгли крепость сираков Успу, вырезали защитников. Царь сираков Зорсин сложил оружие, а Митридат сдался царю аорсов Эвнону. Тот выдал его римлянам, обратившись к Клавдию с просьбой сохранить жизнь пленнику. Просьбу нового соратника уважили, и опальный боспорский царь еще около 20 лет прожил в Риме как частное лицо. Здесь с ним мог встречаться и беседовать Плиний Старший [52, с. 9], от которого, вероятно, и получил информацию об этих событиях Тацит.

Археологи и историки много спорят о возможном местонахождении Успы, о местах обитания сираков и аорсов, о возможностях их археологического отождествления.

Пока ясно лишь одно: события происходили где-то между Доном, Каспием и Кавказом, здесь обитали обе группировки племен, причем аорсы заселяли земли к северу и к востоку от сираков. Все остальное спорно. Важно, что конфликт был и имел, по всей вероятности, далеко идущие последствия. Во всяком случае, Плиний Старший, описывая Северное Причерноморье всего 10—20 лет спустя, помещает сираков уже не на Кавказе, а в Крыму, в районе «Ахиллова бега» (Плиний, IV, 83).

Аорсов-гамаксобиев, роксоланов и язигов он тоже помещает значительно западнее, чем его предшественник Страбон. У Страбона язиги размещаются где-то между Истром и Борисфеном, роксоланы кочуют между Борисфеном и Танаисом (Страбон; VII, 3, 17), а аорсы — между Танаисом, Меотидой и Каспийским морем (Страбон, XI, 5, 7).

У Плиния же и аорсы, и роксоланы размещаются непосредственно к северу от Истра, т. е., если следовать тексту точно, в Буджаке и Молдавии. Где-то по соседству с последними находятся и впервые появляющиеся на этнокарте аланы (Плиний, IV, 80). Язигов же Плиний помещает «между Данувием и Геркинским лесом вплоть до паннонских зимних стоянок в Карнунте и тех мест, где граница германцев» (Плиний, IV, 80), т. е. на Большой Венгерской низменности. Сопоставление этнокарт Страбона и Плиния, таким образом, отчетливо фиксирует сдвиг сарматских племен на запад. Когда это произошло?

Страбон делал последние вставки в свою книгу в 18 г. Здесь есть упоминания о триумфе Германика после побед над германцами в 17 г. и о начавшейся

тогда же вражде германских вождей Ариминия и Маробода, но нет данных о разгроме последнего готонами Катуальды в 19 г. Плиний погиб в 79 г. при извержении Везувия. Таким образом, перемещение сарматских племен на запад произошло где-то между 18 и 79 гг. К аналогичному выводу уже приходил ранее Д. А. Мачинский [53], а приведенные выше археологические данные достаточно выразительно эту картину подтверждают. Остается уточнить время и пути продвижения языгов в Венгрию.

По тайному наущению Друза, сына Тиберия, Катуальда в 19 г. разбил вождя маркоманнов Маробода, центр «царства» которого находился в Чехии. Сам Катуальда был вслед за тем разбит гермундурами. Остатки дружин того и другого укрылись на территории империи. Римляне поселили их «между Маром и Кузом», в Юго-Западной Словакии, создав здесь «буферное государство» во главе с Ваннием из племени квадов (Тацит, Анналы, II, 62, 63). Через 30 лет против Ванния двинулись «несметные силы» его северных соседей — гермундуров и лугиев. «Пехота у Ванния была собственная, а конница — из сарматского племени языгов», но несмотря на их поддержку, Ванний был разгромлен (Тацит, Анналы, XII, 29—30). Это первое достоверное свидетельство об участии языгов в реальных событиях в Центральной Европе. Произошло это в 50 г., через год после аорсо-сиракской войны.

Некоторые венгерские исследователи считают, что языги проникали в пушту и раньше. Краеугольным камнем этой гипотезы служила строительная надпись о возведении каменных укреплений в Аквинке на Дунае. Считалось, что надпись сделана в 17—20 гг., во время деятельности здесь Друза, и укрепления строились якобы именно в связи с языгской угрозой [54, с. 267, 268] Но оказалось, что надпись из Аквинка более поздняя, времени Веспасиана, 73—76 гг. [55]

В распоряжении сторонников ранней даты остаются два упоминания источников о нападениях сарматов в 6 и 7 гг., во время паннонско-далматинского восстания. Но свидетельства эти имеются лишь у поздних авторов — у Диона Кассия и в «Хронике» Евсебия. Ни современник событий Велий Патеркул, сам служивший под командованием Тиберия в Паннонии, ни Плиний, получавший информацию от таких компетентных людей, как наместник Паннонии и Мёзии Флавий Сабин и Плавтий Сильван, ничего не говорят об этих набегах.

А. Мочи приводит еще такой довод. Друз, проводя политику создания буферных государств вдоль доверенной ему границы по Дунаю, должен был кроме царства Ванния создать «буфер» и против беспокойных даков, отдав пушту языгам [56] Логично, но прямого подтверждения в источниках этот тезис не находит. А. Мочи пытался обосновать раннее появление языгов и археологическим путем, но опять же опираясь больше на логику, чем на реальные материалы [57]. Он рассуждал так: только что появившиеся в пуште языги не успели еще установить тесных контактов с Паннонией, откуда к сарматам попадали фибулы. Поэтому языгов следует искать в памятниках без фибул и с вещами греческого причерноморского происхождения. Таковыми являются мелкие золотые украшения — бляшки, подвески и т. д. В 87 г. в связи с приходом в Дакии к власти Децебала, враждебного сарматам, контакты языгов с Причерноморьем должны были прерваться. А. Мочи причислил к этой группе 20—80-х годов могильники Сегед-Фельшёпустасер, Кишкёрёш-Чукашто, а также ряд отдельных погребений и случайных находок. Датировки вещей этой группы он, однако, подробно не рассматривал. Сам факт наличия мелких золотых украшений и отсутствие фибул служило достаточным аргументом. Но среди мелких золотых украшений, найденных на памятниках, отмеченных А. Мочи, есть одна категория находок, позволяющая установить дату достаточно четко. Это маленькие подковообразные подвески из благородных металлов, иногда со вставками голубой эмали на концах [58, табл. X, *9*, XXII, *22*, XXVIII, *9*, XXIX, *29*, XXXI, *1, 5, 7, 61;* 59, табл. I, *7;* 60, табл. XIV, *1*]. Такие подвески достаточно широко распространены во всем античном Средиземноморье. Самые ранние происходят из Помпей, Геркуланума и Боскореале, погибших под пеплом Везувия в 79 г.

Известны они в Салониках, на Кипре и в Элевтерполисе в Палестине, где относятся уже ко II в. [61, с. 186]. Носили их в римское время и в Египте. Изображения таких украшений мы находим на женских портретах II—III вв. из Фаюма [62, табл. 36, 75]. Аналогичные известны также на сарматских памятниках Румынии [22, рис. 1] и на постзарубинецком могильнике Рахны на Южном Буге. Можно заметить их эволюцию во времени от конца I в. до начала III в. Ранние — у́же, изящнее, со вставками эмали или с зернью на концах, поздние — грубее, шире, с большим расстоянием между концами, которые уже не орнаментированы.

Оказывается, что венгерские погребения с мелкими золотыми украшениями и бляшками не оправдывают ожиданий А. Мочи, большинство их совершено не между 20—80 гг., а позже — в конце I или даже во II в. Проблема выделения язигов из более чем 450 сарматских памятников, собранных в работах М. Пардуца, остается нерешенной и на пути, предложенном А. Мочи. Во всяком случае, у нас не больше оснований думать, что бесфибульные захоронения совершены в 10—20-е, чем в 50—70-е годы.

Если же отказаться от идеи раннего поселения язигов в Венгрии и допустить, что они появились здесь около 50 г. именно в связи с упомянутыми событиями в Словакии, то среди материалов М. Пардуца можно найти и погребения современников Ванния. Это погр. 17 могильника Сегед-Фельшёпустасер с браслетами с завязанными концами и с фибулой типа Ауцисса первой половины I в. [57, табл. XIII, *2—5, 11, 13*, табл. XIV, *1—7, 11*] Затем — погр. 22 могильника Ходмёзевашархей-Фехерто, где найдено зеркало из числа производившихся в римских лагерях Нижней Германии в течение I в. н. э., а особенно интенсивно в клавдиевское время [59, табл. L, *3;* 63].

Ко времени, близкому к событиям в Словакии, могут относиться и случайные находки из Эрвень [64, табл. I, *6, 7, 12, 13,* II, *1, 3*] — бронзовое зеркало с концентрическими кругами и дырочками по краю [65, с. 35], золотая подковообразная подвеска, пирамидальный колокольчик и фибула Альмгрен 69 флавиевского времени, а также погр. 145 могильника Сентош-Киштоке с трубовидной фибулой [66, табл. XXII, *2*; 67, с. 157]

Оживленно дискутируется в венгерской и румынской литературе вопрос о пути движения язигов в междуречье Тиссы и Дуная — с юга, через Мунтению, Олтению и Банат, или с севера — через горные перевалы Карпат и Верхнее Потисье [54, с. 268] Последнее представляется более правдоподобным. Ближайшие хронологически и территориально сарматские памятники найдены в Верхнем и Среднем Поднестровье. Памятники же Молдавии и Румынии не раньше венгерских, в Банате они не ранее III в. [68]

Можно ли обнаружить какие-либо следы взаимодействия язигов-переселенцев с местным населением Центральной Европы? Они не многочисленны. У германцев раннеримского времени не было обычая носить браслеты, поэтому находки браслетов с шишечками или змеиными головками на концах на могильнике подданных Ванния в Абрахаме и браслеты с завязанными концами в некоторых погребениях носителей пшеворской культуры лугиев исследователи рассматривают как результат контактов с сарматами [67, рис. 7, *2, 3;* 69, с. 55] Результатом этих же контактов может быть и находка плоского зеркальца-кружочка в погр. 73 могильника гермундуров Кляйн-Цербст в междуречье Эльбы — Заале [70, табл. 118] С другой стороны, распространение в сарматском мире длинных восьмерковидных «маркоманнских» пряжек тоже может быть свидетельством германско-сарматского взаимодействия [71, рис. 2, *12*; 72; 73] Это взаимодействие, возможно, находит и еще одно выражение. Приблизительно во второй четверти I в. в Западном Польском Поморье начинается процесс формирования новой вельбаркской культуры. Из ее среды позже вышли те готы, которые в начале III в. переселились в Причерноморье. Но уже на ранней, любовидзьской стадии [74] этой культуры (до переселения готов) наблюдаются некоторые элементы, связываемые с Причерноморьем. Здесь представлены

разного рода браслеты, много золотых и серебряных изделий с зернью, встречаются бусины-подвески в металлической оплетке, известные в эллинистическое время в Причерноморье [75, табл. V, *28*; 76, с. 227, № 8, 9] и на сарматских памятниках Венгрии.

Уже высказывалось предположение о своеобразии окраски культур балтийского побережья за счет контактов с венгерскими сарматами [77, с. 417, 422—428], что и подтвердилось находкой в Венгрии характерных вельбаркских браслетов [78]. Не были ли привнесены причерноморско-сарматские элементы в вельбаркскую культуру потомками дружинников Катуальды, вернувшимися после разгрома Ванния в свой хинтерланд и сохранившими связи с венгерскими языгами?

Совпадение трех дат — аорско-сиракской войны 49 г., образования царства Фарзоя и появления языгов в Венгрии и Словакии в 50 г.— делает вполне реальным предположение, что мы имеем дело с цепочкой взаимосвязанных событий, с одноразовым массированным передвижением различных сарматских племен в западном направлении по принципу «падающего домино».

Археологические даты более «размыты» и менее определенны по своей природе. В археологии всякая дата, даже такого одноразового события, как совершение захоронения, представляет собой некий интервал во времени, более или менее широкий. Лишь изредка удается определить его с большей точностью, чем полстолетие, а максимально доступная на сегодня археологам точность — 20—30 лет. В приведенных выше археологических материалах, как нам кажется, нет данных, прямо противоречащих предположению об одновременности событий, происшедших за несколько лет в интервале, обозначенном как «середина I в.». Во всяком случае, изменения в расселении сарматских племен и в расстановке политических сил произошли в рамках жизни одного поколения.

Не исключено, что и сам сирако-аорский конфликт не был начальным звеном в цепи событий, а был лишь одним из эпизодов. Начало же цепи следует искать где-нибудь на востоке. На эту мысль наводит распространение изделий бирюзово-золотого звериного стиля — фалары «Садового кургана» и «Сибирской коллекции», вещи из «Хохлача» на Дону и из Тилля-Тепе в Афганистане, Р-видные бляхи из Запорожья и той же «Сибирской коллекции», малые фалары из Запорожья, «Садового» и из Гонийского клада в Закавказье [79—85; 86, табл. XVII, XVIII] (рис. 3). Стилистическое сходство всех этих находок, удаленных друг от друга на тысячи километров, столь велико, что не остается сомнений — они имели единое происхождение и разнесены на огромные расстояния за сравнительно короткий промежуток времени.

Точную дату изделий «Сибирской коллекции» и их происхождение установить трудно. М. И. Артамонов отметил их стилистическое сходство с произведениями древнеалтайских мастеров из Пазырыка [79]. Возможно, в искусстве бирюзово-золотого стиля действительно имеется «алтайский корень», но он, вероятно, не единственный, и в связи с новыми находками этот вопрос следовало бы рассмотреть заново на более широком историко-археологическом фоне. Комплексы, имеющие более точную датировку, дают следующее: в Тилля-Тепе позднейшая монета — ауреус Тиберия 16—21 гг. [83, рис. 34, 35], захоронения в «Садовом» и в «Хохлаче» были совершены в конце I или начале II в., вскоре после опустошительного набега аланов на Закавказье и Переднюю Азию в 72 г. [87], в Запорожье — где-то в пределах I в. [84].

Таким образом, хотя время происхождения бирюзово-золотого стиля остается неясным, широкое его распространение приходится на время, близкое к отмеченной выше подвижке сарматских племен. Носители этого стиля движутся как бы в арьергарде сарматского потока, «подталкивая» и его, и предваряя следующую волну движения на запад.

Сведения о том, что на северных границах Парфянской державы в I в. происходили какие-то бурные процессы, доходили и до Рима. О них могли информировать Нерона прибывшие в 60 г. послы гирканцев, жителей юго-восточного побережья Каспия, восставших против парфянского царя Вологеза.

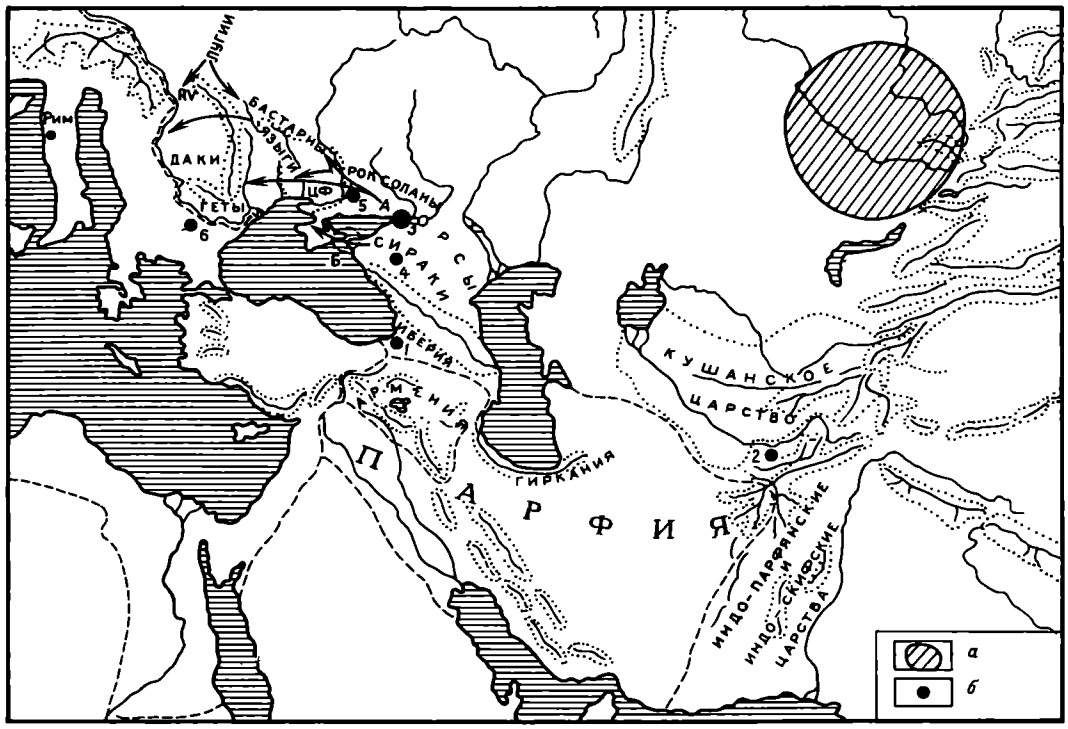


Рис. 3. Распространение находок бирюзово-золотого звериного стиля и этнополитическая ситуация I в. н. э. *а* — места сбора основной части «сибирской коллекции»; *б* — пункты находок вещей бирюзово-золотого стиля. *1* — Гонийский клад; *2* — Тилля-Тепе; *3* — «Хохлач»; «Садовый» и другие курганы Нижнего Подонья; *4* — Зубовский хутор и другие места находок Прикубанья; *5* — Запорожье; *6* — Рошава-Драгана. *Б* — Боспорское царство; *ЦФ* — царство Фарзоя; *RV* — царство Ванния

«Корбулон при возвращении послов дал им охрану, чтобы, переправившись через Евфрат, они не были схвачены вражескими отрядами: их проводили до берегов Красного моря, откуда, избегая пределов парфян, они возвратились на родину» (Тацит, Анналы, XIV, 25). Возвращаться им пришлось, очевидно, через Индию.

Тогда и мог Нерон возродить вынашиваемый еще Цезарем (Плутарх, Цезарь, 48) план далекого восточного похода через Кавказ. Для его реализации была создана отборная группа войск —«фаланга Александра» (Светоний, Нерон, 19). План этот, хотя и малореальный, не был пустой прихотью деспота. На востоке зрели «новые силы», и вмешательство римлян могло бы враз покончить со старым врагом, парфянами, и приостановить опасные действия этих новых сил [88, с. 209] Не было ли конечным результатом действия этих сил образование Кушанского царства, о хронологии которого ведутся столь оживленные споры [89], и не они ли подтолкнули носителей бирюзово-золотого стиля на запад? Но все эти вопросы находятся вне компетенции автора и поэтому вернемся в Причерноморье, которое по планам Цезаря — Нерона должно было бы стать базой восточного похода.

Возникшее здесь самостоятельное царство Фарзоя планам Нерона явно мешало. Последовала акция Плавтия Сильвана. Эпитафия этого наместника Мёзии с его послужным списком содержит целый ряд любопытных сведений из истории Северного Причерноморья (CIL, XIV, 3608). Став легатом Мёзии, «он переселил из племен, обитавших за Дунаем, более ста тысяч человек с женами и детьми, со знатью и царями». Не бежали ли эти сто тысяч от нашествия сарматов в 49—50 гг.? Далее, «отправив бо́льшую часть своего войска в Армению, он все же сумел подавить начавшееся волнение сарматов, привел на свой берег из-за реки царей, прежде римскому народу неведомых или ему враждебных, дабы они склонились перед его знаменами». Фраза об отправке

войск позволяет точно определить хронологию событий. Из других источников известно, что в Армению был направлен из Мёзии V Македонский легион для усиления армии Цезания Пета, который начал действовать в конце 61 — начале 62 г., не дождавшись прибытия легиона (Тацит, Анналы, XV, 6). Так что поход Сильвана состоялся скорее всего летом-осенью 62 г. По окончании его он отправил в Рим транспорт с хлебом.

В чем заключались «волнения сарматов»? Не посчитали ли в Риме за них выпуск золотых монет Фарзоя на шестом году его царствования? Выпуск золотой монеты был актом политическим, он символизировал независимость государства. За это же в свое время поплатилась боспорская царица Динамия. И не был ли Фарзой среди «неведомых прежде» царей, которых Сильван привел в Мёзию и заставил склониться перед знаменами? После акции Сильвана чеканка монет прекратилась вплоть до 69 г. [45, с. 120, 121; 48] В последних работах П. О. Карышковский [46, 47], правда, отказался от мысли о перерыве в чеканке, но, на наш взгляд, есть возможность так согласовать данные, что и разрыв, сократившись, сохранится, и сочетаемость штемпелей не будет этому противоречить. Это, однако, тема специального разговора.

Плавтий Сильван также «раздвинул пределы провинции, ибо осадой заставил царя скифов отступить от Херсонеса, что находится по ту сторону Борисфена». Значит, римские войска по пути к Херсонесу переходили Днепр и не миновали, таким образом, и Тиры, и Ольвии. По логике событий здесь должны быть оставлены гарнизоны, а все Северо-Западное Причерноморье вошло в состав провинции, правда, всего на 6—7 лет. Из текста эпитафии ясна и расстановка политических сил этой кампании. Сильван «возвратил царям бастарнов и роксоланов их сыновей, а царю даков — братьев, взятых ранее в плен или захваченных врагами», т. е. бастарны, роксоланы и даки были союзниками римлян, а война велась против тех сарматов, которые появились здесь после аорско-сиракского конфликта, и против скифов.

Когда в 68 г. Нерон покончил с собой и началась гражданская война, мёзийские войска приняли в ней активное участие, покинув не только северопричерноморские города, но и саму провинцию. Во всяком случае, в 69 г. Фарзой возобновил чеканку монет, а роксоланские катафрактарии вторглись в Мёзию и не встретили бы сопротивления, не окажись здесь совершенно случайно III Галльского легиона, передислоцировавшегося из Сирии в Италию (Тацит, История, I, 79). Возможно, археологическим выражением этого роксоланского рейда является находка захоронения катафрактария в Рошава Драгана [85, рис. 18; 90; 91] Навершие меча из погребения украшено «сарматскими знаками», среди которых и тамга Фарзоя, а наконечник ножен меча — в зверином бирюзово-золотом стиле.

В самом конце I или начале II в. по землям к западу от Днепра прокатывается следующая волна сарматского нашествия. В начале II в. прекратились погребения на могильнике Золотая Балка, бóльшая часть нижнеднепровских городищ была покинута [28]. Ольвия к 83 г. освободилась от власти «скифских» царей. На Днестровском лимане появились памятники типа Мологи, оставленные беженцами из Нижнего Поднепровья [92]. В Буджаке появились новые сарматские памятники [11, 93], в Молдавии был заложен могильник в Боканах [4, 15], совершены погребения в Корпаче [94], Первомайском [15, 95], Пашканах [21], Олонештах [15, 96].

Во II в. сарматами была занята и достаточно плотно заселена Молдова и Мунтения [22] Появляются новые памятники в Венгрии [54].

Более подробному рассмотрению обстоятельств новой волны проникновения сарматов на запад и сложившейся во II в. в Северном Причерноморье исторической ситуации следовало бы посвятить специальную работу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. 1971. Вып. 13.
2. *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984.
3. *Jakounina-Ivanova L.* Une trouville de l'age de la Tène dans la Roussie meridionale // ESA. 1927. V. I.
4. *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья // МИА. 1960. № 89.
5. *Harmatta J.* Studies on the History of Sarmattians. Budapest, 1950.
6. *Fettich N.* Archäologische Beiträge zur Geschichte der sarmatisch-dakischen Beziehungen // AAH. 1953. B. III. Fasc. 1—4.
7. *Ковпаненко Г Т* Сарматское погребение в Соколовой могиле (Предварительная публикация) // Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
8. *Kostrzewski J.* Die ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit // Mannus-Bibliothek. 1919. № 18—19.
9. *Shchukin M.* Rome and Barbarians in Eastern and Central Europe. 1st Century BC — 1st Century AD // BAR. Int. S. (in print)
10. *Werner J.* Spätlatène-Schwerter norischer Herkunft // Symposium. 1977.
11. *Гудкова А. В., Фокеев М. М.* Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э. Киев: Наук. думка, 1984.
12. *Подосинов А. В.* Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1983 г. М.: Наука, 1984.
13. *Смішко М. Ю.* Сарматські поховання біля с. Острівець, Станіславськоі обл. // МДАПВ. 1962. Вип. 4.
14. *Рикман Э. А.* Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья // СЭ. 1966. № 1.
15. *Гросу В. И.* Периодизация памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья // АИМ — 1977—1978. Кишинев, 1982.
16. *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИИМК. 1953. Вып. 51.
17. *Малеев Ю. М., Піоро І. С.* Сарматське поховання в с. Буряківка на Тернопільщине // Археологія. 1973. Вип. 12.
18. *Винокур И. С., Вакуленко Л. В.* Киселовский могильник I—II вв. н. э. // КСИА. 1967. Вып. 112.
19. *Свешников И. К.* Могильники липицкой культуры в Львовской обл. (раскопки у сел Звенигород и Болотное) // КСИИМК. 1957. Вып. 68.
20. *Кропоткин В. В.* Пшеворское погребение I в. н. э. из с. Звенигород (Львовская область) // КСИА. 1974. Вып. 140.
21. *Гросу В. И.* Новые сарматские памятники на территории Молдавии // АИМ — 1979—1980. Кишинев, 1983.
22. *Bichir G.* Les sarmates au Bas-Danube // Dacia. 1977. T. XXI.
23. *Raddatz K.* Ringknaufschwerten aus germanischen Kriegergräbern // Offa. 1959—1961. B. 17—18.
24. *Дзиговский А. Н.* Сарматские памятники степей Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
25. *Погребова Н. Н.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. 1958. № 64.
26. *Вязмітіна М. І.* Золота Балка. Киев: Наук. думка, 1962.
27. *Вязмитина М. И.* Золотобалковский могильник. Киев: Наук. думка, 1972.
28. *Щукин М. Б.* К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры // АСГЭ. 1970. Вып. 12.
29. *Раевский Д. С.* Некоторые вопросы Малой Скифии в свете изучения позднескифской фортификации // Сб. докладов на IX и X ВАСК. М., 1968.
30. *Махно Е. В.* Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці // АП. 1960. Т. IX.
31. *Раевский Д. С.* Скифы и сарматы в Неаполе (по материалам некрополя) // Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971.
32. *Максимов Е. В.* Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев: Наук. думка, 1982.
33. *Щукин М. Б.* Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ. 1972. Вып. 14.
34. *Каспарова К. В.* О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья // СА. 1976. № 3.
35. *Покровська Е. Ф., Ковпаненко Г Т* Могильник біля с. Калантаево // Археологія. 1961. Т. XII.
36. *Ковалева И. Ф., Костенко В. И.* Новые источники по истории сарматских племен Северного Причерноморья // Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения. Вып. 3. Днепропетровск, 1976.
37. *Симоненко А. В.* Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка, 1981.
38. *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смела. Т. III. СПб, 1901.

39. *Щукин М. Б.* О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути // АСГЭ. 1987 Вып. 28.
40. *Дергачев В. А.* Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975—1976). Кишинев. Штиница, 1982.
41. *Сымонович Э. А.* Погребение I—II вв. н. э. в с. Могильне в Подолии // КСИА. 1966. Вып. 107.
42. ОАК за 1913—1915. СПб., 1916
43. *Скалон К. М.* Изображения животных на керамике сарматского периода // Тр. ОИПК. 1941. Т. 1.
44. *Спицын А.* Раскопка курганов близ с. Колодистого Киевской губ. // ИАК. 1904. Вып. 12.
45. *Каришковський П. Й.* З історії греко-скіфських відносин у північно-західному Причерномор'і // АП. 1962. Т. XI.
46. *Карышковский П. О.* О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
47 *Карышковский П. О.* Ольвия и Рим в I в. н. э. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наук. думка, 1982.
48. *Щукин М. Б.* Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. 1982. Вып. XLVII.
49. *Драчук В. С.* Стела со знаками из Теребовельщены // СА. 1967. № 2.
50. *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев: Наук. думка, 1975.
51. *Болтунова А. И.* К надписи IPE, II, № 400 // ВДИ. 1954. № 1.
52. *Скржинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев: Наук. думка, 1977.
53. *Мачинский Д. А.* Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н. э.— I в. н. э. // АСГЭ. 1974. Вып. 16.
54. *Partducz M.* Einige Probleme der Sarmatenforschungen des Karpatenbeckens // Actes du VIIIe CISPP. 1971. T. 1.
55. *Tóth E., Vekony G.* Zu Pannoniens Geschichte im Zeitalter des Vespasianus // AAH. 1970. T. 22.
56. *Moscy A.* Die Einwanderung der Jazygen // Acta Antiqua. 1977. T. XXV. Fasc. 1—4.
57. *Мочи А.* К вопросу о периодизации раннесарматской эпохи // ААН. 1954. Т. IV Fasc. 1—4.
58. *Parducz M.* Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. B. 1 // AH. 1941. B. XXV
59. *Parducz M.* Szarmta temető Hódmezővasarhely-Fehérton // Archaeologiai Erstesitő. Budapest, 1946—1948.
60. *Parducz M.* Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. B. III. // AH. 1950. B. XXX.
61. *Higgins R. A.* Greek and Roman Jewellery. L., 1961.
62. *Павлов В. В.* Египетский портрет I—IV вв. М.: Искусство, 1967.
63. *Lloyd-Morgan G.* Some Bronze Mirrors in the Collection of the Rijksmuseum // BMR. 1974. 6e ser., 46e année.
64. *Parducz M.* Az Őrvényi Jazig lelet // Folia Archaeologica. 1941, T. III—IV.
65. *Roth-Rubi K.* Zur Typologie römischer Griffspiegel // BMR. 1974. 6e ser. 46e année.
66. *Parducz M.* Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. B. II // AH. 1944. B. XXVIII.
67 *Kolnik T* Anfänge der germanischen Besiedlung in der Südwestslowakej und das Regnum Vannianum // Symposium. 1977
68. *Барачки Ст.* Накит сармата у Банату са прегледом сарматских налазишта. Каталог уз изложбу. Вршац., 1975.
69. *Newegętowski A.* Obrzadek pogrzebowy ludności kultury przeworskiej na przełomie er. «Ossolenium», 1981.
70. *Schmidt-Thielbeer E.* Das Gräberfeld von Wahlitz. B., 1967.
71. *Абрамова М. П.* Предварительные итоги исследования Подкумского могильника близ г. Кисловодска // История и культура сарматов. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1980.
72. *Степанов П. Д.* Андреевский курган. Саранск, 1980.
73. *Raddatz K.* Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck // Offa-Bücher. 1957. B. 13.
74. *Wołagiewocz R.* Zagadnienie stylu wczesnorzymskiego w kulture wielbarskiej // Studia Archaeologica Pomeranica. Koszalin, 1974.
75. *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Л.: Искусство, 1980.
76. *Максимова М. И.* Амулет из Горгиппии и так называемые шарики-подвески // СА. 1962. № 2.
77. *Kolnik T.* Honòsny spony mladsej doby rimskej vo svetle nalezóv z juhozapadnèho Slovenska // SlA. 1964. B. XII.
78. *Hadhazy-Vaday A.* Neure Angaben zur Frage der Verbreitung der sog. Schildkopfarmringes // SlA. 1980. R. XXVIII. Č. 1.
79. *Артамонов М. И.* Сокровища саков. Л.: Искусство, 1973.
80. *Клейн Л. С.* Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
81. *Засецкая И. П.* Изображения «пантеры» в сарматском искусстве // СА. 1980. № 1.
82. *Раев Б. А.* Пазырык и «Хохлач»: некоторые параллели // Тез. докл. второй археологической конференции «Скифо-сарматский мир». Кемерово, 1984.
83. *Сариаиди В. И.* Афганистан: сокровища безымянных царей. М.: Наука, 1983.
84. *Шилов В. П.* Запорожский курган. (К вопросу о погребениях аорской знати) // СА. 1983. № 1.
85. *Манцевич А. П.* Находка в Запорожском кургане. (К вопросу о сибирской коллекции Петра I) // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
86. *Лордкипанидзе О. А., Микеладзе Т. К., Хухтайшвили Д. Д.* Гонийский клад. Тбилиси:

Мецниереба, 1980.
87. *Raev B. A.* Roman Imports in the Lower Don Basin // BAR. Int. Ser. 1986. V 278.
88. *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим. Ч. II. Система политического дуализма в Передней Азии. М.: Наука, 1966.
89. *Зеймаль Е. В.* Кушанская хронология (материалы по проблеме). Л.: Наука, 1968.
90. *Буюклиев Х.* За наличнето на тежко въоръжени конници в римска Тракия // Музеи и паметници на културата. Кн. 2. София, 1976.
91. *Николов Д., Буюклиев Хр.* Тракийски могилни гробове от Чаталка, Старозагорско // Археология. 1967. № 1.
92. *Гудкова А. В., Фокеев М. М.* Поселение и могильник римского времени Молога II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наук. думка, 1982.
93. *Дзиговский А. Н.* Сарматские памятники II—III вв. в низовьях Днестра // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.
94. *Гросу В. И.* Сарматский курган у с. Корпач // СА. 1979. № 2.
95. *Рикман Э. А., Хынку И. Г* Погребение II в. н. э. у с. Первомайск // МИА. 1970. № 176.
96. *Мелюкова А. И.* Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты // СА. 1962. № 1.

M. B. Shchukin

SARMATIANS IN THE LANDS WEST OF THE DNIEPER AND CERTAIN EVENTS IN CENTRAL AND EASTERN EUROPE IN THE 1st CENTURY A. D.

Summary

Written sources assert that between 330 and 310 B. C. the Sarmatians appeared in Scythia. At the turn of the 1st c. B. C. they roamed between the Dnieper and the Danube. The archaeological sites which would support written evidence are amazingly scarce, however Ovid, who from A. D. 8 to 18 lived in Tomi, watched the Sarmatians-Yazyges crossing the Danube more than once. Synchronous Sarmatian sites, however, are limited to the upper and middle Dnester The number of Sarmatian sites steeply increases to the west of the Dnieper about the mid-1st c. A. D. This led the author to the supposition that the conflict between the Aorses and Siraks in the Northern Caucasus (Tacitus, Annales, XII, 15—21) in A. D. 49, destruction of the Zarubintsy settlements in the middle Dnieper, the formation of the Farzoi kingdom near Olbia and the appearance of the Yazugs in Central Europe (Tacitus, Annales, II, 29—30) in A. D. 50 are links of one and the same chain. Judging by the distribution of turquoise and gold objects of the animal style, the Sarmatians came from the East, from Partia's northern boundaries.

А. В. САЗАНОВ, Ю. Ф. ИВАЩЕНКО

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКАХ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ СЛОЕВ ГОРОДОВ БОСПОРА

Концепция истории Боспора IV—VI вв. н. э. связана с именем крупного советского археолога и историка средневекового Крыма А. Л. Якобсона, чьи выводы основывались на результатах работ русских дореволюционных исследователей (Ю. Кулаковский, В. Латышев, А. Васильев), советских археологов-античников (В. Ф. Гайдукевич, Н. И. Сокольский, В. Д. Блаватский) и медиевистов (в данном случае М. И. Артамонов) [1, с. 459—467; 2, с. 7; 3, с. 7; 4; 5; с. 85—116; 6, с. 265—344; 7, с. 478—483; 8; 9, с. 251—256; 10, с. 41, 88]

Напомним основные звенья этой концепции. В 370—380 гг. н. э. племена гуннов, пройдя через земли алан и разгромив готский племенной союз, через азово-прикубанские степи обрушились на Боспор. В огне гуннского нашествия погибли города и поселения Боспора: Фанагория, Кепы, Тиритака, Батарейка I, Батарейка II, Красноармейская, Тирамба, Ильичевское городище, поселения Восточного Крыма. Боспорское царство перестало существовать, вся его территория перешла под власть гуннов. Пантикапей и окружающие его поселения были разорены, но город уцелел. За ним закрепилось название бывшего царства — Боспор. Во второй половине V в. н. э. гуннские племена занимали не только степи Приазовья, они господствовали в степях Таврики и во всем Северном Причерноморье. Власть гуннской знати на Боспоре продолжалась до начала VI в. н. э., когда при императоре Юстине I (518—527 гг.) Боспор был подчинен Византийской империи [1, с. 459; 2, с. 7; 3, с. 7; 6, с. 289, 296, 297; 7, с. 478—483; 8; 9, с. 251—256; 10, с. 41, 88; 11, с. 5]

Такова в основных чертах сформировавшаяся в 1950-х — начале 1970-х годов картина истории Боспора ранневизантийского времени. Общая оценка периода весьма однозначна: это время общего упадка Боспора, разрухи и варваризации, свертывания экономических связей. «С гуннами кончается история Боспора»— таков конечный вывод исследователей [12, с. 24].

В центре данной концепции стоит определенная хронология вещей и памятников IV—VI вв. н. э. Однако возникает вопрос: на каких материалах была создана приведенная выше схема? Рассмотрение истоков этих датировок показывает, что современные исследователи ссылаются на работы А. Л. Якобсона, который в свою очередь ссылается на статью Н. И. Сокольского по Ильичевскому городищу [11, с. 12, 13] Н. И. Сокольский строил хронологию слоев Ильичевки и памятников Таманского полуострова, опираясь на работу И. Б. Зеест [13]. Также поступали и другие исследователи [12, с. 150; 14, с. 184; 15, с. 82] И. Б. Зеест, приводя в книге амфоры IV в. н. э., датировала их по аналогиям или с учетом комплексов Тиритаки раскопок 1948—1951 гг. [16, с. 119, 121] Таким образом, первичными в конечном счете являются даты позднеантичных слоев Тиритаки.

Даты, предложенные В. Ф. Гайдукевичем, были позже распространены и на другие памятники: Пантикапей, Фанагорию, Гермонассу, Ильичевское городище, Кепы — и после выхода книги И. Б. Зеест и статьи Н. И. Сокольского стали общепринятыми [13; 14, с. 172, 185, 186; 17, с. 214; 18, с. 28—30, 63—65; 19, с. 100; 20, с. 93—95; 21, с. 114, 129, 121; 22, с. 61, 62; 23, с. 70, 71; 24, с. 87, 88; 25, с. 60—63] В последние годы тезис о гуннском погроме в конце IV в. н. э. и соответствующие датировки получили распространение на памятниках Восточного

Крыма [15, с. 82; 26, с. 55]. В целом при существующей концепции образуется значительный хронологический разрыв между античностью и ранним средневековьем на Боспоре. Характерно заключение А. Л. Якобсона: «Вся совокупность имеющихся данных приводит к заключению, что восточная Таврика в V—VI вв. н. э. была довольно пустынной в противовес западной части с центром в Херсоне, переживавшим в это время экономический подъем» [1, с. 467]

К каким последствиям для истории средневекового Боспора приводит тезис о запустении Восточного Крыма в V—VI вв. н. э., ясно из следующего высказывания И. А. Баранова: «Для районов Крыма, заселенных болгарами в VII—VIII вв. н. э., характерно почти полное отсутствие аборигенного населения в период, предшествовавший оседанию... В центральном и восточном Крыму жизнь прекратилась за три столетия до появления здесь памятников салтово-маяцкой культуры. После гуннского разгрома этой территории в IV в. жизнь теплилась лишь в Пантикапее, который превратился в заштатную византийскую крепость. В третьей четверти VI в. н. э. крымские степи покинули даже гунны... Следовательно, болгары в момент появления в Крыму застали лишь следы поселений Боспорского царства и никак не могли воспринять здесь сугубо местные античные традиции... Более того, анализ районирования раннеболгарских памятников в Крыму дает основание предполагать, что отсутствие аборигенного населения было одним из условий первоначального оседания тюрок именно в районах Центральной и Восточной Таврики» [27, с. 2, 3]

Следует отметить, что сомнения в приведенной выше традиционной хронологии высказывались неоднократно. Так, в 1971 г., в немецком издании монографии «Боспорское царство» В. Ф. Гайдукевич практически отказался от предложенной им в 1948—1951 гг. датировки позднеантичных слоев Тиритаки, говоря о V—VI вв. н. э. как о послегуннском периоде городов Боспора [28, с. 513] Даты погребений некрополя Пантикапея были пересмотрены А. К. Амброзом и А. И. Айбабиным [29, с. 88; 30, рис. 1]. Э. Я. Николаева пересмотрела дату разгрома Ильичевского городища, отнеся его к 576 г. н. э. [16; 31, с. 8, 10; 32, с. 110] Принципиально важен ее вывод о том, что в литературе сильно преувеличены сила и последствия гуннского разгрома, а также вывод о непрерывности традиции в материальной культуре Боспора вплоть до тюркского разгрома [31, с. 21] В 1986 г одним из авторов этой статьи были пересмотрены даты позднеантичных слоев Тиритаки и хронология амфор этого времени [33, с. 128, 129] Однако и сегодня исследователи по-прежнему ссылаются на работу В. Ф. Гайдукевича и предложенные им в 1948—1951 гг. датировки, а также на даты соответствующих типов в книгах И. Б. Зеест и А. Л. Якобсона. Из всего сказанного вытекают задачи исследования Боспора ранневизантийского времени: 1) рассмотрев позднеантичные слои базовых памятников с привлечением материалов хорошо датированных комплексов Средиземноморья и Причерноморья, выделить датирующие вещи, которые могут послужить основой при датировке позднеантичных слоев боспорских городов; 2) на основании этих вещей (признаков) синхронизировать позднеантичные слои городов и поселений Европейского и Азиатского Боспора; 3) сопоставив полученные данные с письменными источниками, реконструировать историю Боспора конца IV — VI в. н. э.

Данная статья посвящена рассмотрению базовых памятников. Ими по историографической традиции и полноте комплексов являются Тиритака и Зенонов Херсонес (мыс Зюк).

Как известно, хронология позднеантичных слоев Тиритаки была разработана В. Ф. Гайдукевичем на участке XV после завершения здесь в 1946 г. работ. В. Ф. Гайдукевичем были выделены слой с постройками III—IV вв. н. э., слой пожара 70-х годов IV в. н. э., связанный с гуннским нашествием, слой конца IV — начала V в. н. э., времени возобновления жизни на городище. Общий вывод исследователя: нет оснований говорить о непрерывности жизни города с конца IV в. н. э. [33; 34, с. 105—127, 133, 134]

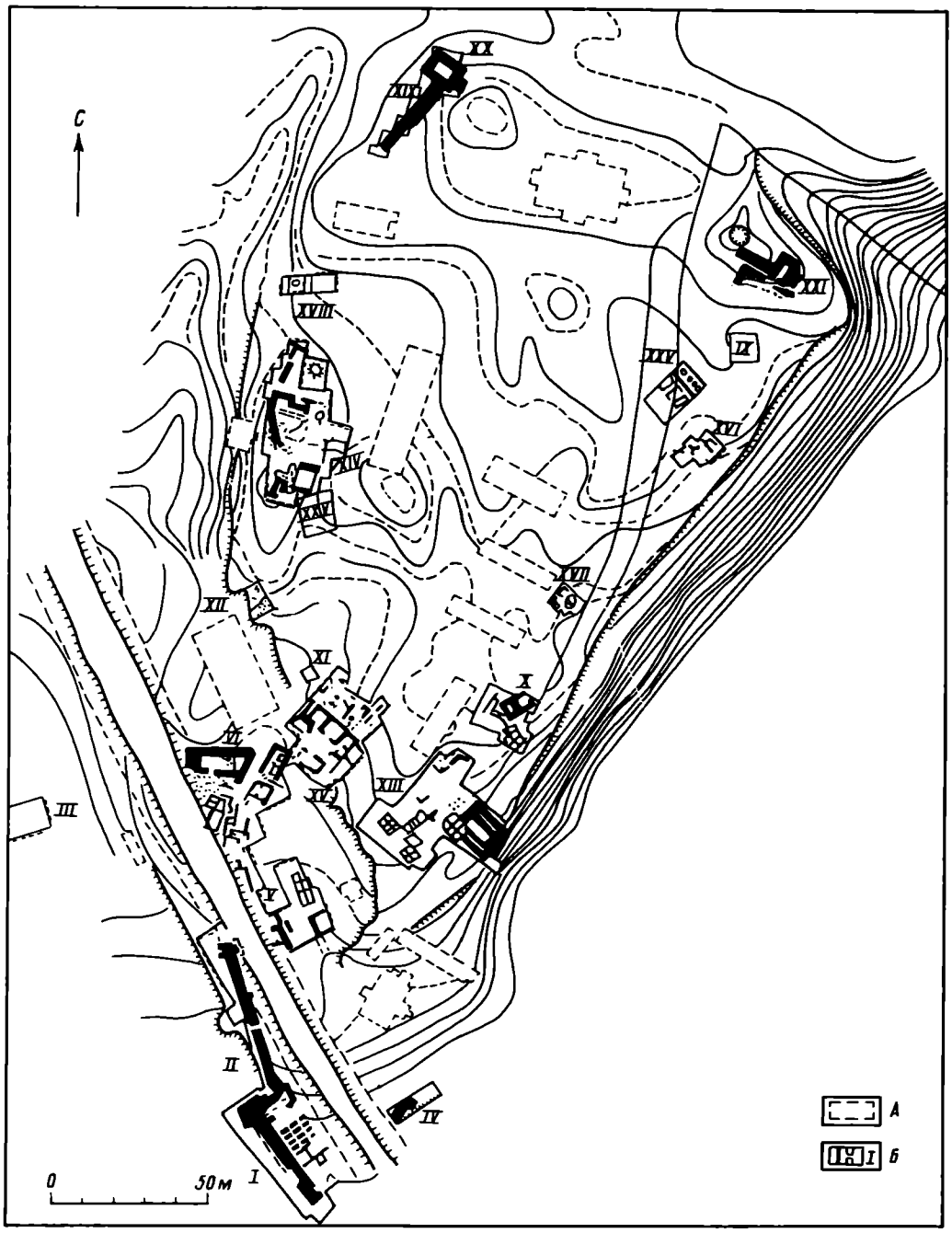


Рис. 1. Топографический план городища Тиритака с нанесенными на него участками раскопов. План опубликован в 1952 г. [34, с. 16, рис. 1] *А* — фундаменты XX в., *Б* — раскопанные участки

Соответственно слоям была датирована и керамика. А. Л. Якобсон писал: «Получить сколько-нибудь ясное представление о жизни в Тиритаке в V—VI вв. н. э. пока невозможно. Как показали раскопки, ведущиеся с 1932 г., слои этого времени выделить оказалось невозможно. Есть основания полагать, что в V—VI вв. н. э. жилая застройка Тиритаки сократилась. На это указывает то обстоятельство, что стены жилищ VIII—IX вв. н. э. нередко лежат непосредственно на стенах домов III—IV вв. н. э., которые в последующее время, следовательно, были заброшены» [1, с. 467]

Рассмотрение материалов раскопок 1983—1985 гг. [1], а также привлечение материалов В. Ф. Гайдукевича позволяют, на наш взгляд, кардинально пересмотреть хронологию В. Ф. Гайдукевича [33, с. 128, 129]

В 1983—1985 гг. исследовались участки XXIV (150 м^2) и XXV (200 м^2) (рис. 1). На обоих участках зафиксированы четко выраженные слои позднеримского и ранневизантийского времени. Наибольший интерес вызывает слой, датированный нами концом IV — второй четвертью VI в. н. э., к которому относятся выразительные архитектурные остатки, особенно на участке XXV, где был исследован дом, погибший в пожаре.

Участок XXIV. Предварительно необходимо сделать несколько вводных замечаний о стратиграфии участка. К интересующему нас периоду на нем относится несколько слоев общей толщиной около 2 м (с учетом слоя второй-третьей четверти VI в.), что свидетельствует о высокой интенсивности жизни в этой части городища.

Верхний слой относится к новому и новейшему времени и содержит небольшое количество античного материала (начиная с V—IV вв. до н. э.), указывающего на значительные перекопы в разные периоды жизни городища. По всему участку непосредственно под дерном залегает горелый слой толщиной в среднем 0,2 м, времени последней войны, когда городище сильно пострадало от перекопов. Несколько ям начала XX в. нанесли значительный урон ранневизантийским слоям. Видимо, в это время были выбраны кладки второй половины VI—VII в. н. э.

Пострадал также и слой, скорее всего незначительный на данном участке, который можно датировать VIII—IX вв. н. э.: это в основном сероглиняные горшки салтовского типа с линейно-зональным и волнистым орнаментом, красноглиняные амфоры причерноморского типа [11, рис. 12, 13; 35, с. 20, 21, тип А].

На рубеже IV—V вв. н. э. в западной части городища была проведена перепланировка кварталов, однако, как показали дальнейшие работы на этом участке, сохранилось основное направление улицы с востока на запад. Но в отличие от улицы античного времени с вымосткой крупными камнями в ранневизантийское время здесь был очень узкий переулок — шириной 1 м.

В юго-западной части участка XXIV вскрыта мощная субструкция толщиной от 0,4 до 0,8 м, состоящая в основном из кусков цемянки, большого кличества керамики, костей и камней [2] Позже эту субструкцию перекрыла вымостка 1, которая вплотную подходила к углу большой постройки 1 (рис. 2).

Переулок выходил на эту вымостку, не связанную с какой-либо постройкой и скорее всего представлявшей собой небольшую мощеную площадь. Вымостка состояла из камней окатанного керченского известняка размерами 0,60×0,70××0,08; 0,85×0,70×0,10; 0,50×0,45×0,05 м и более мелких (рис. 2).

От постройки 1 сохранился юго-западный угол, образованный стенами 7 и 9, сложенный впереплет на глиняном растворе. Угол фундамента здания выявлен на отметке —66 от репера. Обращает на себя внимание способ его сооружения. Угол сложен из двух плотно подогнанных друг к другу огромных известняковых блоков размером 1,2×0,6×0,4; 0,8×0,6×0,4 м. Блоки подтесаны так, что вместе составляют угол 90° К ним примыкают более мелкие камни.

Лучше всего сохранился отрезок фундамента стены 7 длиной 6,4 м. Далее кладка полностью разобрана при сооружении дома последующего периода. По направлению этой стены можно судить об общей ориентации всего здания. Кладка иррегулярная, двухлицевая, двухфасная. Часть кладки постелистая, некоторые крупные камни уложены тычком. Между двумя панцирями — бут из мелких фрагментов известняковых камней, забитых на глиняном растворе с примесью мелкой ракушки и небольшого количества толченой керамики.

Западный фас четкий, восточный плохо сохранился, частично разрушен. Стена 7 сохранилась на высоту 0,55—0,72 м, в среднем примерно на четыре ряда кладки. Ширина стены составляет около 1,4 м. Подошва стены покоится на культурном слое, утрамбованном с углями, мелкими фрагментами керамики и костями животных. Видимо, недостаточной прочностью подобного основания объясняются некоторый завал стены к востоку и нарушение целостности восточного фаса.

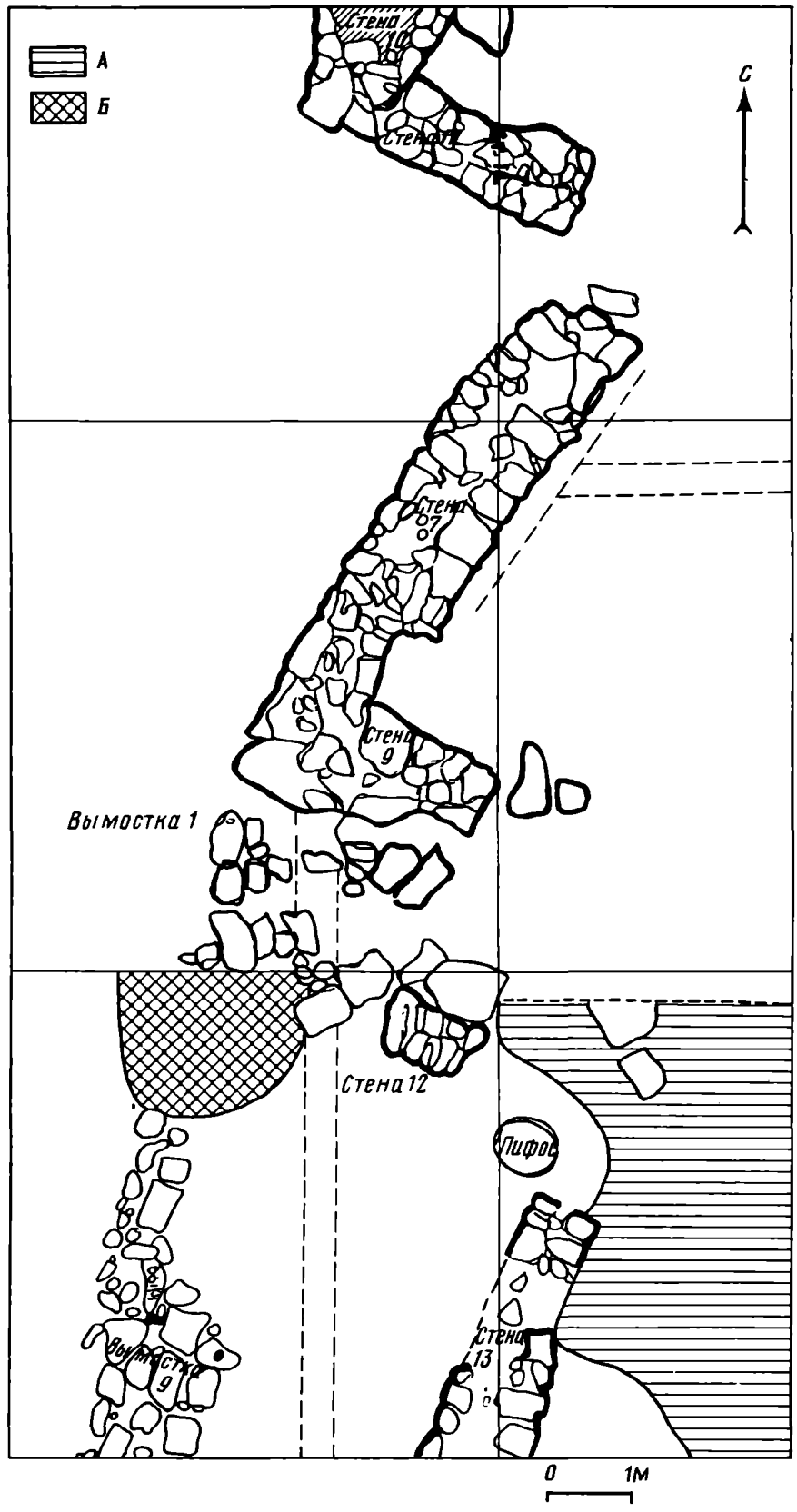


Рис. 2. План строительных остатков V — второй четверти VI в. н. э. на участке XXIV *А* — цемянка; *Б* — современная выборка

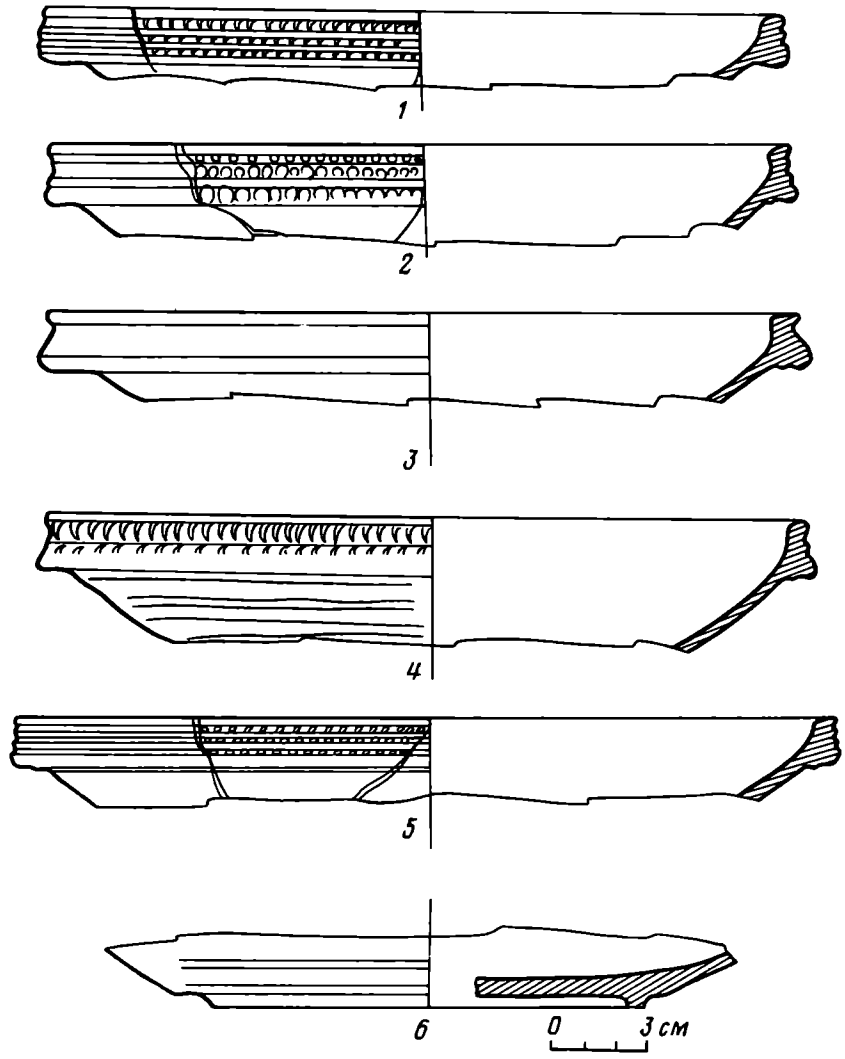


Рис. 3. Краснолаковая керамика с участка XXIV из комплексов конца V — второй четверти VI в. н. э. [1—6] Группа «Поздний римский С»

Стена 9 сохранилась в высоту на один ряд кладки, в длину — на 1,4 м и сильно разрушена. Из кладки происходит несколько обработанных блоков, например часть архитрава, из разрушенных построек античного времени.

Остатки фундаментов стен 12 и 13 относятся к другой, сильно разрушенной постройке 3. Кладка сохранилась в высоту на один-два ряда, ширина кладки 12—0,7 м, кладки 13—1,2 м. В углу постройки 3, образованном кладками 12 и 13 (полностью выбранном), сохранилась нижняя часть коричневоглиняного пифоса на небольшой плоской ножке.

Постройки в целом выполнены в традиционной для Тиритаки римского и ранневизантийского времени технике. Фундаменты стен сооружались из серого керченского известняка на глиняном растворе с добавлением песка, ракушки и битой керамики [34, с. 50]

В северной части участка открыт угол постройки 4, при сооружении которой была разрушена постройка 1. Кладка этой постройки выполнена в другой технике и датируется по аналогиям с Ильичевкой второй-третьей четвертью VI в. н. э. [3]

С остатками построек 1 и 3 связан культурный слой, содержащий материал конца V — второй четверти VI в. н. э.

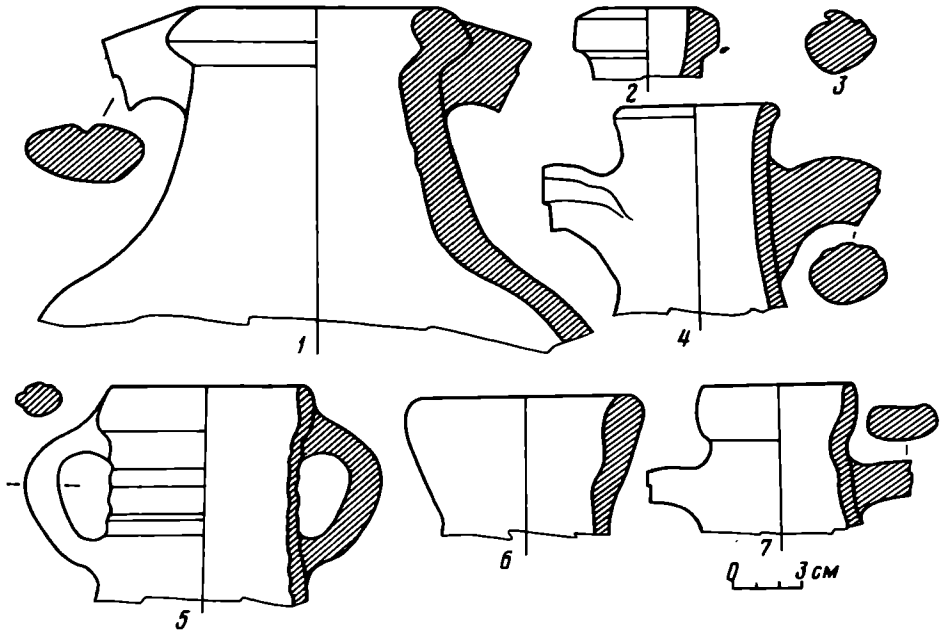


Рис. 4. Амфорная керамика с участка XXIV из слоя и комплексов V — второй четверти VI в. н. э. [1—6]

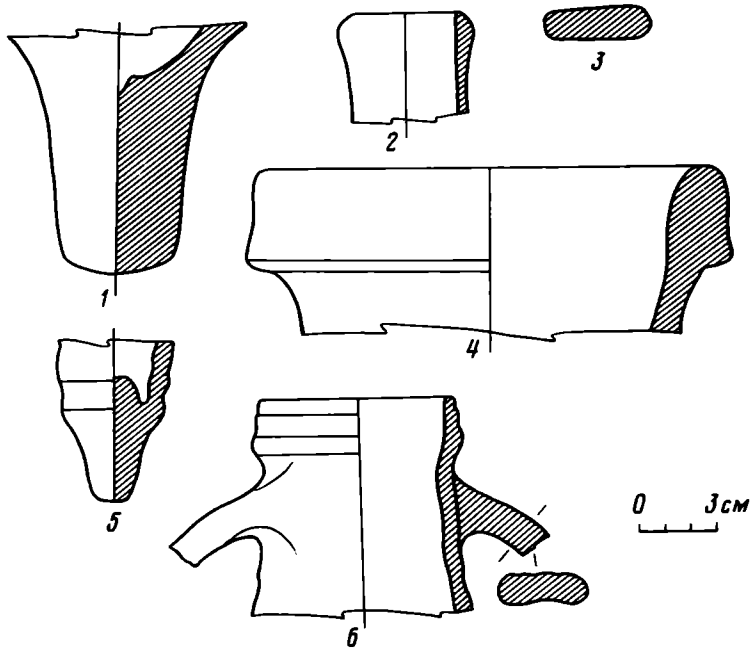


Рис. 5. Амфорная керамика с участка XXIV из слоя конца V — второй четверти VI в. н. э.

Керамика, найденная в этом слое, имеет аналогии на обширной территории: в Средиземноморье, Северной Африке, Малой Азии. Укажем на обилие красно-лаковых мисок группы «Поздний римский С» формы 3 (рис. 3, *1—6*) [36, с. 329—333, рис. 67, *2, 4, 7, 9*, 68, *14—16, 28—29*]. Наиболее ранние серии этих сосудов относятся к 460—490 гг. н. э., большая же часть мисок датируется концом V — второй четвертью VI в. н. э. [36, с. 337, 338]. Довольно многочисленны в слое различные варианты амфор с веретенообразным корпусом. Глина этих амфор варьирует от красновато-терракотового до оттенков коричневого

цвета с примесью мелкого песка и мельчайших пластинок слюды. Датируются эти амфоры также V — началом VI в. н. э. [37, табл. 23, 277; 38, табл. 12, *20*; 39, табл. XI, A 113, с. 22 тип XV (рис. 4, *5, 7,* 5, *6*)].

К VI в. н. э. относятся также амфоры с большим количеством мелких пластинок слюды в глине коричневато-красного цвета. Они хорошо известны по раскопкам Афинской агоры (рис. 5, *5*) [40, с. 118, табл. 40, *M 373*, табл. 41]

Другой тип амфор из плотной бежевой глины известен в комплексах конца V — третьей четверти VI в. н. э. (Ильичевка, Ятрус, Зенонов Херсонес) (рис. 5, *2*) [33; 38, с. 275, табл. XIV, *48*; 41, с. 72, 87, табл. 27, *7—10*] В интересующем нас слое Тиритаки найден также фрагмент довольно редкого типа амфоры желтовато-бежевой глины (рис. 4, *1*). Этот тип известен в Западном Причерноморье, где датируется VI в. н. э. [42, тип XX, рис. 24, *3*]

Наряду с этими относительно редкими для Боспора типами амфор довольно частой находкой являются фрагменты крупных красноглиняных амфор боспорского производства (рис. 5, *1, 4*) [16, № 96—97], узкогорлых светлоглиняных, типа Е (рис. 4, *2, 3*) [43, с. 102, 104; 44, с. 19], коричневоглиняных с перехватом (рис. 5, *3*) [45, тип 1, с. 83, рис. 1, *2*), амфор с воронковидным горлом (рис. 4, *6*) [11, рис. 2, *7*].

Сочетание таких датирующих материалов, как узкогорлые светлоглиняные амфоры типа Е, амфоры с воронковидным горлом, амфоры с веретенообразным корпусом, с краснолаковой керамикой группы «Поздний римский С», формы 3, типа F, датирующегося в рамках второй четверти VI в. н. э., позволяет отнести гибель указанных помещений ко второй четверти VI в. н. э.

Участок XXV. Самый ранний слой (слой 7) на этом участке, лежащий непосредственно на материке, относится к середине V — второй четверти VI в. н. э. До середины V в. н. э. этот участок был необитаем, хотя и входил в городскую черту, о чем говорит его местоположение между оборонительной стеной города IV—III вв. до н. э. и предполагаемой В. П. Толстиковым архаической стеной (рис. 1) [46, с. 34, рис. 4] Чем объяснить почти тысячелетнее пустование участка, пока не ясно.

Первые постройки, относящиеся к слою 7 на участке XXV, появляются в середине V в. н. э., они функционируют во второй половине V — начале VI в. н. э. и гибнут где-то во второй четверти VI в. н. э. Это — постройка 2 и связанный с ней хозяйственный комплекс, постройки 3 и 4, водосток 2. Лучше всего сохранились постройка 2 и примыкающий к ней хозяйственный комплекс — ямы 19—22, 24, ограниченные сырцовыми стенами 8 и 9 (рис. 6).

Постройка представляет собой однокамерный дом, прямоугольный в плане, размером примерно 6×7 м, ориентированный по оси В—З, со входом с востока. Постройка принадлежит к типу домов со внутренним двориком (вымостка 4), отграниченным от жилого помещения плитами, поставленными на ребро. Такое решение встречается в Илурате [47, с. 82]. Стены 10, 11, 16, 17 каменно-сырцовые без фундамента [48, с. 50, 51]. Каменные цоколи высотой 0,5—0,7, максимум 0,9 м — пять рядов кладки. Они состоят из плит керченского известняка-ракушечника прямоугольной и неправильной формы средних размеров, сложенных на глине. Кладка цоколей иррегулярная, двухлицевая, постелистая, притеска швов неплотная [49, с. 24, 36, рис. 5, *1—2,* 12, *5*]. На каменных цоколях были возведены сырцовые стены, рухнувшие при пожаре внутрь и частично наружу помещения (стена 17). Как известно, сооружение каменно-сырцовых стен было распространено в античном Средиземноморье и Причерноморье [48, с. 50]. Используя методику, предложенную А. Н. Щегловым, удалось рассчитать примерную высоту сырцовых стен постройки (сумма объемов сырцовых завалов внутри и снаружи помещения, деленная на суммарную площадь цоколей; прибавление к полученному результату максимальной высоты каменного цоколя) [48, с. 52—54].

При максимальной высоте каменного цоколя 0,9 м, высота сырцовых стен постройки 2 составила примерно 1,17 м — 13 рядов кладки сырцовых кирпичей. Таким образом, общая высота стен постройки 2 составила примерно 2,07 м, что

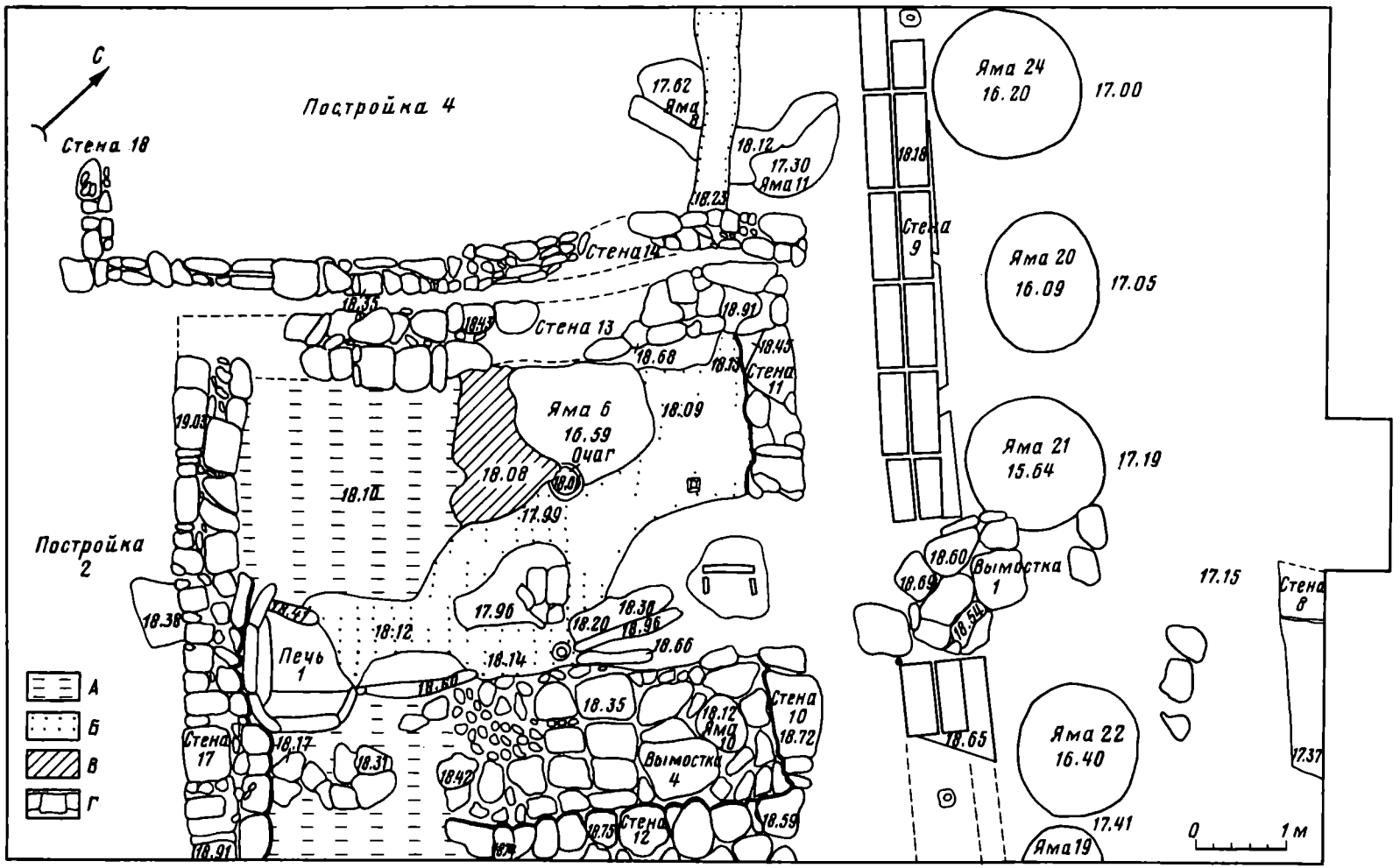


Рис. 6. План строительных остатков на участке XXV. *А* — глинобитный пол, *Б* — пол из известняковой крошки, *В* — пол из монтмориллонитовой глины, *Г* — номера каменных кладок

хорошо согласуется с реконструкциями построек близкого типа (Ольвия, Козырское городище) [49, с. 83, рис. 30, 7]. Дом имел бесчерепичную крышу, утепленную слоем камки, которая была обнаружена в верхней части сырцовых завалов в помещении [50, с. 91]

В доме выявлены полы двух хронологических уровней. Самый ранний — пол 1 толщиной 8 см из известняковой крошки (70%) с мелкотолченой керамикой (30%) на глине — относится ко времени сооружения дома. Спустя какое-то время пол 1 перестает функционировать и перекрывается слоем глины и золы с битой керамикой, толщиной 18 см, на котором сооружаются полы второго хронологического уровня. Ко времени гибели здания полы второго уровня функционируют. Сначала одновременно сооружаются пол 2 из известняковой крошки толщиной 8 см и глинобитый пол толщиной 10 см. На полу из известняковой крошки сооружается очаг, рядом с очагом — яма 6, у западной стены здания — печь 1 (рис. 6).

Печь 1 была пристроена к западной стене дома (стена 17). В этом месте прослежен сквозной проем длиной 1,4—1,2 м, видимо, представлявший собой окно, используемое также для вытяжки дыма из находившейся за ним печи. Пристройка печи к стене дома находит параллели в Илурате [51, с. 76, 77]

Печь 1, в плане овальная, размером 1,2×1,4 м, состоит из плит известняка-ракушечника, поставленных на ребро. Устье печи, диаметром 0,6 м, ориентировано на восток. Заполнение верхней части топки составляли сырцовые кирпичи печного свода размерами 0,17×0,20×0,08 м, рухнувшего при пожаре внутрь печи. Ниже лежал слой пепла с ракушками и костями курицы.

С востока к юго-западной плите печи 1 примыкает плита известняка размером 0,8×1,00×0,08 м, поставленная на ребро и составляющая как бы продолжение устья печи. Прямо у подошвы этой плиты с севера в небольшом углублении, сделанном в полу второго хронологического уровня из известняковой крошки, был обнаружен скелет поросенка, лежащий в анатомическом порядке. Эти находки свидетельствуют, что печь использовалась для приготовления пищи.

Яма 6, расположенная у небольшого очага с глинистыми стенками, диаметром 0,4 м, служила для сброса золы, костей, пепла, шлака, битой посуды. Яма в разрезе грушевидная, глубиной примерно 2 м, диаметр горловины — 1,5, дна — 1,7 м. До глубины 0,15 м от горловины яма была заполнена золой, шлаком, пемзой, костями рыб, курицы, собаки, крупной птицы. Найдены также рога со следами работы. Ниже лежала битая посуда: фрагменты пифосов, амфор, краснолаковых мисок. Наличие ямы и печи в одном помещении находит аналогии в Ильичевке и на Козырском городище [50, с. 91; 52, с. 19, 20, 26; 53, с. 49].

Через какое-то время очаг перестает функционировать и перекрывается полом из монтмориллонитовой глины, толщиной 8 см, состоящим из пяти подмазок по 1,5 см каждая, а яма 6 служит для сброса золы и мусора из печи 1. Таким образом, к моменту гибели здания функционируют полы второго хронологического уровня, вымостка 4, яма 6 и печь 1.

С востока к постройке примыкает связанный с ней хозяйственный комплекс — ямы 19—22, 24, ограниченный с запада сырцовой стеной 9, с востока — сырцовой стеной 8.

Сырцовая стена 8 сохранилась на высоту 0,6—0,7 м (семь-восемь рядов сырцовых кирпичей), она сооружена на подрезанном слое погребенной почвы толщиной 0,4 м. Подошва стены 9 лежит на 30 см ниже подошвы стены 11 постройки 2. Кладка двухлицевая, состоит из двух рядов сырцовых кирпичей размером 0,20×1,00×0,08 и 0,15×0,30×0,08 м, сложенных на глиняном растворе. В северном и южном концах стены были сделаны ниши, в которых стояли два пифоса. Стена 8, идущая параллельно стене 9, также сырцовая, сооружена на материке.

Между этими двумя сырцовыми стенами располагались ямы 19—22, 24, лежащие на одной оси в направлении С—Ю. Все перечисленные ямы соору-

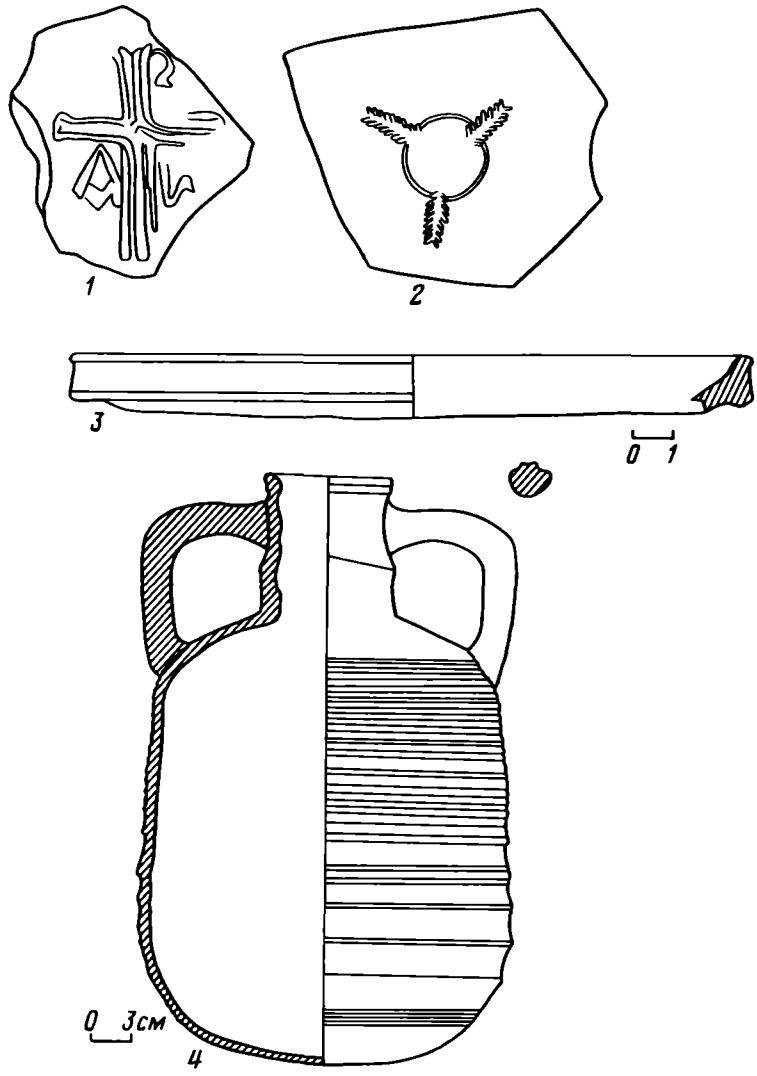


Рис. 7 Керамика с участка XXV *1* — краснолаковое клеймо в виде греческого «монограмматического креста», *2* — клеймо в виде пальмовых ветвей (яма 22), *3* — миска группы «Поздний римский С» формы 3 (с пола помещения), *4* — светлоглиняная амфора с рифлением типа набегающей волны (район печи 1)

жены в материковой глине, в разрезе грушевидные. Наибольший интерес представляет яма 21, дно которой на 20 см заглублено в песчаник. Горловина — диаметром 1,6, дно — 2,2, глубина — 2,44 м, стенки обмазаны глиной.

Заполнение верхней части ямы до глубины 30 см от горловины составляли зола, мелкий бут, рушеный сырец, печина, известняковая крошка. Почти у самой горловины ямы было найдено донце краснолаковой миски с клеймом в виде греческого «монограмматического креста» (рис. 7, *1*). Ниже керамический материал представлен венчиками и стенками красноглиняных пифосов с обручами-валиками, профильными частями амфор, простой гончарной керамикой. Необходимо отметить, что в ямах были обнаружены фрагменты, относящиеся к эллинистическому и позднеэллинистическому времени: пантикапейский солен с клеймом «ΒΑΣΙΛΙΚΗ» (яма 22), фрагменты синопских амфор I в. до н. э.— I в. н. э. (яма 20).

В целом все ямы использовались для сброса мусора из постройки 2.

Выход из постройки 2 в хозяйственный комплекс осуществлялся по вымостке 1 через проход в сырцовой стене 9. В сырцовой стене южную границу прохода фиксировал деревянный столб, от которого сохранилась ямка диаметром 0,3 м. Вымостка 1 подводила к краю ямы 21.

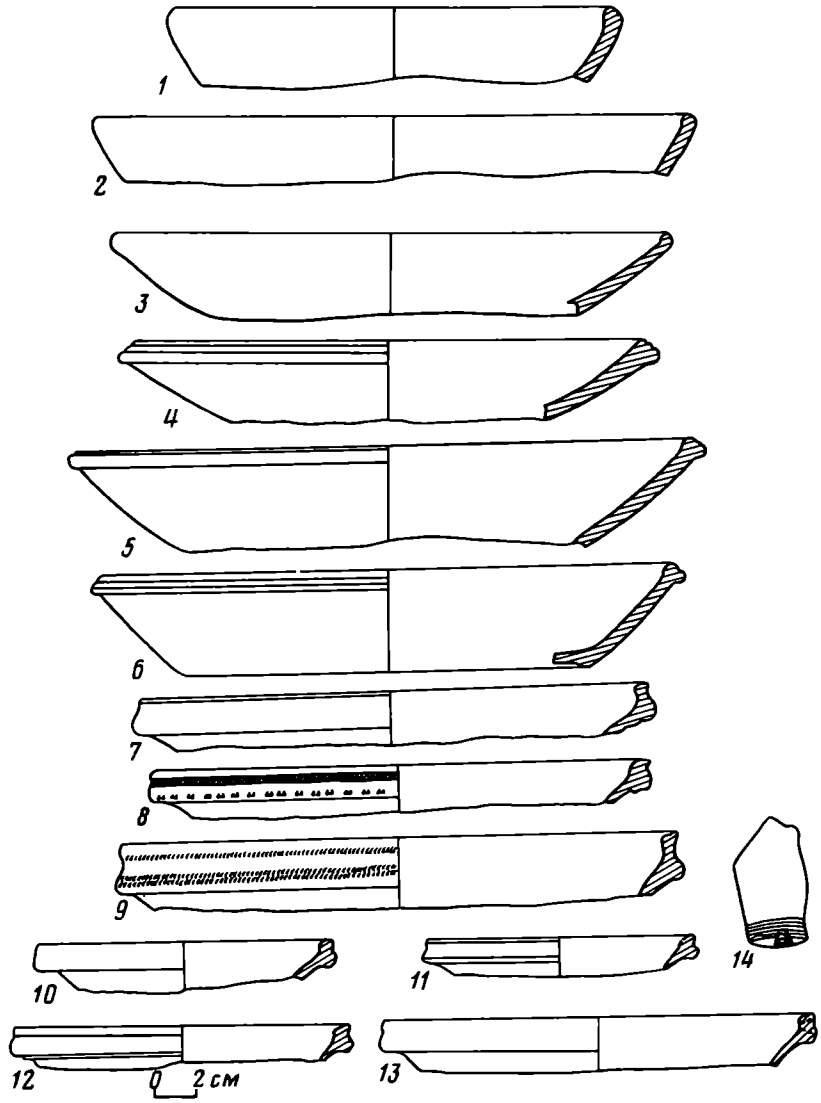


Рис. 8. Краснолаковая керамика с участка XXV *1, 3, 6, 7, 9, 11* — из комплексов, отражающих время функционирования постройки; *2, 4, 14* — из субструкции; *8, 12, 13* — с пола помещения (время гибели)

Постройка 2 и хозяйственный комплекс гибнут в пожаре. Слой пожара толщиной 0,7 м четко прослеживается в постройке. Все помещение было заполнено горелым сырцом, обломками обгорелых деревянных конструкций, сажей и золой. На полах и вымостке 4 лежала керамика, находившаяся в доме в момент гибели. Выяснить время функционирования и гибели дома позволяет анализ керамики.

Время возникновения постройки определяет материал из субструкции под постройкой, возведенной как своего рода глинобитное основание для постройки. Этот материал представлен бортиками краснолаковых мисок группы «Африканские краснолаковые сосуды» формы 62 А, краснолаковыми донцами с прочерненным гребенчатым орнаментом группы «Поздний римский С», формы 2, а также венчиками узкогорлых светлоглиняных амфор типа Е.

Начало производства краснолаковых мисок группы «Африканские краснолаковые сосуды» (рис. 8, *2*) приходится на 350-е годы н. э., однако расцвет производства относится к концу IV — середине V в. н. э. [36, рис. 18, форма 62 А, № 14] Именно к этому времени относится их массовое распространение в Северном Причерноморье. Они зафиксированы в комплексах типа IV — середины V в. н. э. в Танаисе, Фанагории [54, с. 44, рис. 1, *1—3*; 55, с. 98, рис. 6, *2*] Тип, однако, продолжает существовать во второй половине V — первой четверти

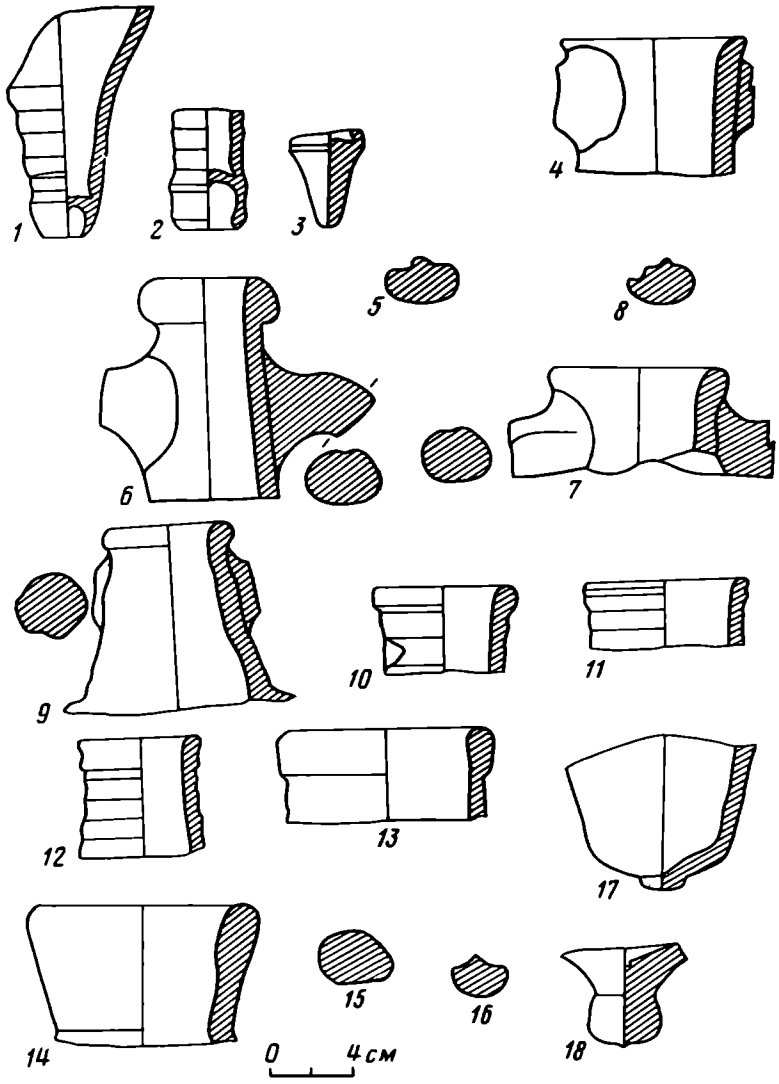


Рис. 9. Амфорная керамика с участка XXV. *1* — из субструкции; *2, 13, 18* — из комплексов, отражающих время функционирования; *3—12, 14—17* — с пола (время гибели)

VI в. н. э., доживая до третьей четверти VI в. н. э., на что указывают комплексы Карфагена, Ильичевки, а также кавказские могильники [30, с. 115, 116, признак 16; 56, с. 73, рис. 21, 65. *10*; 57, с. 311, рис. 74, *в*, с. 313, рис. 76, *а*].

Краснолаковые миски с прочерченным гребенчатым орнаментом, относящиеся к группе «Поздний римский С», форме 2 (рис. 8, *14*), также встречены в комплексах конца IV — середины V в. н. э. в Танаисе, Фанагории, могильнике «Совхоз 10», комплексах Средиземноморья того же времени [30, с. 116, признак 27; 36, с. 328, 329; 54, с. 46, рис. 2, *2*; 55, с. 97, 98].

Краснолаковые миски с клеймом в виде цветка датируются 410—470 гг. н. э. [36, рис. 47, *j*, с. 219, 238; 58, с. 89, 90, рис. 8, 34, с. 104]. Узкогорлые светлоглиняные типа Е, появляясь в конце IV — начале V в. н. э., продолжают существовать весь V в. н. э. [43, с. 102, 104; 44, с. 19] (рис. 9, *6*). Корректирует весь этот материал миска группы «Поздний римский Д» (рис. 8, *4*), датирующаяся 450-ми годами н. э. [36, рис. 80, форма 2, № 1, с. 375]. Таким образом, время возникновения постройки относится к середине V в. н. э.

Время функционирования определяет материал из ям. Краснолаковые миски представлены группами «Африканские краснолаковые сосуды» формы 62 А, о дате которых уже говорилось выше (рис. 8, *1, 3*). «Поздний римский Д» середи-

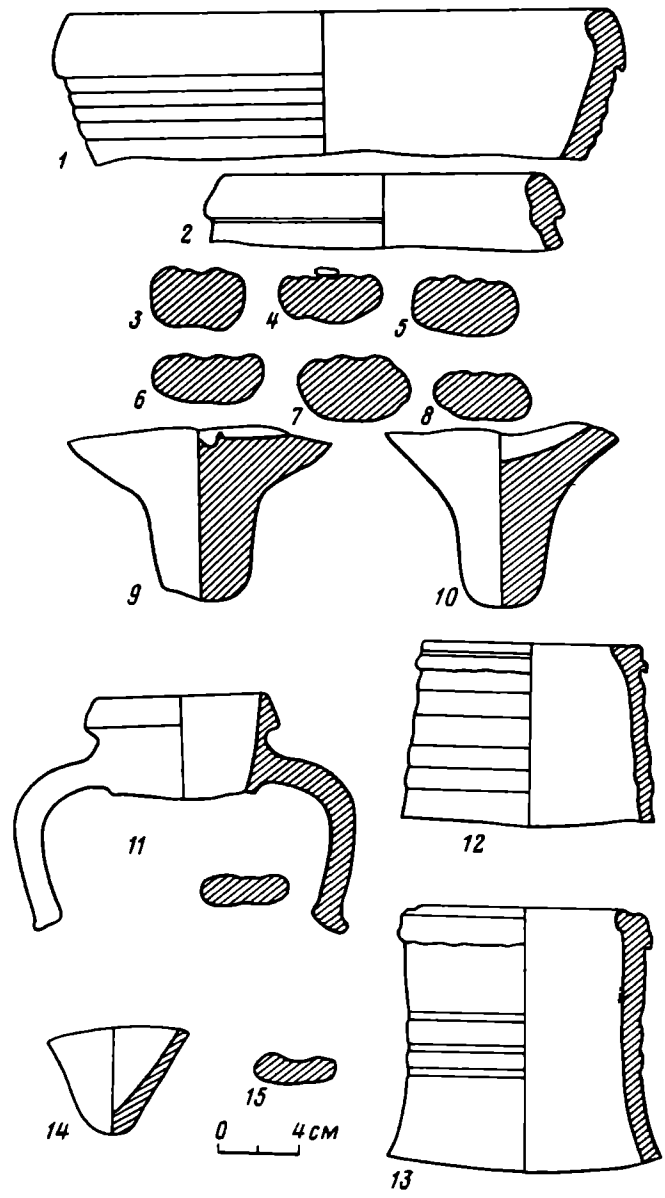


Рис. 10. Аморфная керамика с участка XXV *1—11, 14, 15* — с пола (время гибели), *12, 13* — из комплексов, отражающих время функционирования постройки 2

ны V — начала VI в. н. э. (рис. 8, *6*). Наиболее многочисленны фрагменты краснолаковых мисок группы «Поздний римский С», относящиеся к 460—475 гг. н. э. (рис. 8, *9—11*) [36, форма 3, с. 337, рис. 67, *2, 4, 5,* 68, *10,* 69, *32*], 460—490 гг. н. э. (рис. 8, *12*) [36, рис. 68, *40*, с. 337] (рис. 7, *3*) [36, рис. 69, *31*), концу V в. н. э. (рис. 8, *7*) [36, тип Д, с. 337, № 13]. Амфоры представлены тонкостенными красноглиняными с открытой снизу полой ножкой V в. н. э. (рис. 9, *1—2*) [11, с. 11, рис. 2, *2*, тип 6; 16, табл. XXXVIII, 95; 40, табл. 41, М 282, с. 110; 56, с. 121] и сплошной конической (рис. 9, *3*) [40, табл. 40, Р. 12861, табл. 41, М 373; 42 тип 7, № 6)] VI в. н. э., красноглиняными — типов 96 и 97, по И. Б. Зеест, мелкими амфорками конца V — начала VI в. н. э. (рис. 9, *13*) [56, рис. 42, 104], амфорами типа Делакеу (рис. 10, *12, 13*) [16, тип 100]

Уточнить дату гибели дома позволяет материал с пола, а также некоторые находки из верхнего слоя ям (уровень горловины). В целом можно выделить следующие группы материала: амфоры с рифлением типа набегающей волны, коричневоглиняные с перехватом амфоры типа 95, по И. Б. Зеест, амфоры с веретенообразным корпусом, краснолаковые миски группы «Поздний римский

С» формы 3 типа краснолаковое клеймо в виде греческого «монограмматического креста».

Светлоглиняные амфоры с рифлением типа набегающей волны хорошо известны в литературе (рис. 7, *4*, 9, *4, 7, 8*). Они достоверно зафиксированы в комплексах от первой половины V в. н. э. до первой половины VII в. н. э. [11, с. 13, тип 9; 56, с. 119; 59, с. 62, рис. 40; 60, тип XIII А; 61, рис. 6 в; 62, рис. 5, *6*, с. 162]

В постройке 2 светлоглиняная амфора с рифлением типа набегающей волны, заполненная золой и скрепленная толстыми свинцовыми скрепами, была найдена к северу от печи 1 (рис. 7, *4*). Эту амфору отличают следующие признаки: небольшая высота — 43,5 см, корпус, расширяющийся в нижней части, характерная профилировка венчика, форма и место крепления ручек, профилировка их. Морфологически по всем этим признакам она близка амфоре из Сучидавы VI в. н. э. [38, табл. XIII, 27, с. 267].

Краснолаковая миска с клеймом в виде греческого «монограмматического креста» также датируется концом V в. н. э. (рис. 7, *1*) [36, рис. 78, *д*, мотив 65, с. 363]. Коническая ножка амфор типа 95, по И. Б. Зеест, сменяет полую в начале VI в. н. э. (рис. 9, *3*) [40, табл. 41 М 282, М 373; 42, тип 7 № 5—6).

Амфоры с веретенообразным корпусом и характерной «пуговкой» на дне (рис. 9, *17*) встречены в слоях Ятруса конца V — 530-х годов н. э. [37, с. 251; № 2, с. 247, № 8; 50, с. 260, № 9, с. 264, табл. XI, *5, 6*]. Коричневоглиняные амфоры с перехватом представленного на таблице типа относятся к V—VI вв. н. э. (рис. 10, *11, 14, 15*) [11, с. 12, тип 7], красноглиняные амфоры типов 96—97, по И. Б. Зеест, следует относить к концу IV — началу V — третьей четверти VI в. н. э. (рис. 10, *1—10*) [33, с. 129].

Итак, гибель дома произошла в тот момент, когда светлоглиняная амфора уже какое-то время находилась в постройке, о чем свидетельствуют следы ремонта, краснолаковая миска с клеймом в виде креста недавно вышла из употребления, смена ножек тонкостенных амфор только что произошла, амфоры с пуговкой начинают входить в употребление. Весь этот материал в сочетании с краснолаковыми мисками группы «Поздний римский С» формы 3 типа F второй четверти VI в. н. э. показывает, что комплекс мог образоваться только в тот промежуток времени, когда все находки из слоя гибели были в единовременном употреблении. Это могло быть только в короткий промежуток времени — во второй четверти VI в. н. э. [36, рис. 69, форма 3, № 16, с. 338].

Здание погибло в пожаре, охватившем большую часть города. Слой пожара, по данным В. Ф. Гайдукевича, прослеживается на различных участках городища. Как уже говорилось, хронология В. Ф. Гайдукевича основывалась на материалах участка XV, где сохранились наиболее выразительные остатки дома-усадьбы, состоящего из семи помещений [34, с. 106, 107]. Дом погиб в пожаре; все находки, о которых пойдет речь, были сделаны или на полу помещений, или в слое пожара, что дает основание рассматривать их не отдельно по каждому из помещений, а по всему комплексу дома в целом [34, с. 110, 112, 119, 121, 122].

Создается впечатление, что количественно преобладали большие красноглиняные амфоры, относящиеся к разновидностям типов 96—97, по И. Б. Зеест, близкие или аналогичные амфорам с участка XXV [34, с. 112, 113, 118, рис. 138]. Кроме этого типа были найдены: коричневоглиняные амфоры с перехватом, узкогорлые светлоглиняные типов Е и F, светлоглиняная амфора с рифлением типа набегающей волны [34, с. 119, рис. 149, *1*, 150, *1, 2*].

Из простой гончарной керамики датирующим является плоскодонный гончарный кувшин, найденный в пифосе [34, рис. 137]. Краснолаковая керамика представлена мисками группы «Африканские краснолаковые сосуды» формы 62 В, «Поздний римский С» формы 3, миской с клеймом в виде цветка на дне, а также краснолаковым блюдом с греческим крестом в центре и пальметками по краям [34, рис. 153, 154, 161].

В швах кладки были найдены фрагменты ламп с каплями синего стекла а также стеклянная трехручная лампада со сферическим дном [34, с. 119, 146]

Следует отметить находку бронзового зеркала, аналогичного танаисским и ильичевским [34, с. 113].

Красноглиняные амфоры типов 96—97, по И. Б. Зеест, традиционно датировались III—IV вв. н. э. [16, с. 119, 120] Пересмотреть эту дату позволяют аналогичные находки в слоях и комплексах конца IV — второй четверти VI в. н. э. (Тиритака) и третьей четверти VI в. н. э. (Ильичевка) [4] Их следует отнести к концу IV — началу V — третьей четверти VI в. н. э. Печи для их обжига известны в Пантикапее и Фанагории, где датируются концом IV — началом V — второй четвертью VI в. н. э. [5] [33, с. 129].

Светлоглиняная амфора с рифлением типа набегающей волны близка херсонесской из комплекса V — первой половины VI в. н. э., на что указывал сам В. Ф. Гайдукевич [34, с. 122] Коричневоглиняные амфоры с перехватом с такой морфологией датируются А. Л. Якобсоном V—VI вв. н. э. [11, рис. 2, *3*, с. 12]. Гончарный кувшин из пифоса аналогичен кувшину из погребения 510 могильника Дюрсо, относящегося к первому этапу функционирования могильника, т. е. к последней трети V в. н. э. [34, рис. 137; 58, рис. 9, *31*, с. 103]

Краснолаковая керамика в подавляющей части идентична керамике из постройки 2 на участке XXV, датирующейся серединой V — второй четвертью VI в. н. э. Новой формой здесь является лишь миска из помещения VII с клеймом в виде греческого креста в центре и радиально расположенными пальметками [34, рис. 161] Такое сочетание мотивов 59 и 8, по Дж. Хэйсу, принадлежит к группе IIa, относящейся ко второй половине V в. н. э. [36, табл. 78, 69 f], группа IIa.

Необходимо также отметить находку на вымостке в кв. 2 византийской монеты Льва I (?) — 454—474 гг. н. э. [63, с. 358, 372, № 2342]

Как мы видим, материалы с участка XV синхронны керамике с участков XXIV и XXV из комплексов середины V — второй четверти VI в. н. э. Кроме того, и в том, и в другом случае четко прослеживается слой пожара [33, с. 110, 112—119, 121, 122]. Наиболее поздние материалы из слоя — краснолаковые миски группы «Поздний римский С» формы 3 типа F — позволяют отнести пожар не к концу IV в. н. э., как считал В. Ф. Гайдукевич, а ко второй четверти VI в. н. э. Эту дату подтверждает и аморфный материал, рассмотренный выше.

Синхронизация слоя пожара на участке XV со слоями на других участках городища была фактически уже сделана В. Ф. Гайдукевичем [34, с. 52, 55] На участке X к этому времени относится винодельня, раскопки которой «обнаружили явные следы пожара. Слои золы и углей толстым слоем лежали на давильной площадке, особенно в северо-западной ее части» [34, с. 55]

На участке XIII к этому времени относятся ванны «В», винодельня «Д». В постройке рядом с комплексом ванн «В» был прослежен толстый слой золы и углей — «следов пожарища, которые заставляют думать о каком-то внезапно обрушившемся на Тиритаку бедствии» [34, с. 60] На некоторых участках найдены человеческие останки — отрубленная голова [34, с. 35, 53, 55, 119, 121; 64, с. 180] В этом же слое были найдены так называемый «гуннский амулет» в виде пляшущего бронзового человечка и «гуннский» лук [64, с. 173, рис. 27; 65; 66, с. 200, рис. 7]

В постройке 2 в слое пожара обнаружено значительное количество камней для пращи, бронзовые, железная и одна костяная стрела. Все это свидетельствует о гибели города в результате нападения извне.

Таким образом, тот слой, который В. Ф. Гайдукевич датировал III—IV вв. н. э., следует датировать концом IV — началом V — второй четвертью VI в. н. э. Гибель города произошла где-то во второй четверти VI в. н. э.

Другим опорным памятником Европейского Боспора является городище на мысе Зюк (предполагаемый Зенонов Херсонес). Слой, синхронный слою 7 на участке XXV в Тиритаке, был первоначально датирован А. А. Масленниковым

II—IV вв. н. э. [15, с. 82]. Он образовался в результате разрушения городища, вызванного сильным пожаром. Время гибели определяется амфорным и краснолаковым материалом, который в подавляющей части идентичен тиритакскому [6]

Из амфор доминировали красноглиняные, типов 96—97, по И. Б. Зеест, относящиеся к концу IV — началу V — второй четверти VI в. н. э. светлоглиняные амфоры с рифлением типа набегающей волны середины V — начала VI в. н. э. Была найдена также светлоглиняная амфора с вытянутым горлом, типа 1, по классификации А. Л. Якобсона, датирующаяся концом V — первой половиной VI в. н. э. [11, с. 9, 13, 14, типы 1, 9, рис. 1, *1*; 16, с. 119, 120, типы 96—97].

Кроме этого, обнаружены тонкостенные красноглиняные амфоры типа инкерманской со все теми же двумя хронологическими вариантами ножек: открытой снизу полой конца IV — начала V — начала VI в. н. э. и сплошной конической закрытой VI в. н. э. [40, с. 83, 110, 119, М 282, М 325, табл. 41; 42, с. 272, 273, табл. 7, *5, 6*]; узкогорлые светлоглиняные типа Е конца IV/начала V — начала VI в. н. э. [43, с. 102, 104; 44, с. 19], красноглиняные круглодонные амфоры типа V — третьей четверти VI в. н. э. [16, табл. XXXIX, 99, с. 120; 50, табл. XIV, *48*, с. 275; 57, с. 59 альбом, рис. 31, *а, б* — тип V], коричневоглиняные амфоры с перехватом V—VI вв. н. э. [11, с. 12; 43, с. 281]

Уточнить дату пожара позволяет хорошо разработанная краснолаковая керамика. Она представлена помимо уже рассматривавшихся типов, идентичных тиритакским, мисками группы «Поздний римский С» формы 3, типов С, Е, F [36, с. 336, 337].

Краснолаковые миски типа С датируются Дж. Хэйсом 460—475 гг. н. э. [36, рис. 69, форма 3, № 31] Их находки в одном комплексе с мисками типа F второй четверти VI в. н. э., позволяют продлить время их существования до второй четверти VI в. н. э. [36, с. 338]. Миски типа Е датируются последней четвертью V — началом VI в. н. э. [36, рис. 68, *15, 16*, с. 337], миски типа F — 525—550 гг. н. э. [36, рис. 69, форма 3, № 25, с. 338]

Таким образом, пожар на мысе Зюк также следует относить ко второй четверти VI в. н. э. Заметим, что и на мысе Зюк в слое пожара были найдены костяные наконечники стрел. Материал позволяет синхронизировать эти пожары и соответствующие слои. Следовательно, выяснилось, что позднеантичные слои двух важнейших опорных памятников Европейского Боспора — Тиритаки и Зенонова Херсонеса — были датированы III—IV вв. н. э. ошибочно. Анализ материала показал, что этот слой на обоих памятниках синхронен и относится к концу IV/началу V — второй четверти VI в. н. э. Сами же пожары, которые ранее датировали концом IV в. н. э. и связывали с гуннским нашествием, на самом деле относятся ко второй четверти VI в. н. э. и связаны, на наш взгляд, с событиями истории Боспора 528 или 534 гг. н. э., зафиксированными в письменных источниках (история Горда) [67, с. 58, 59].

Такая передатировка памятников, на основании которых строилась хронология слоев позднеантичного Боспора, создает основу для кардинального пересмотра хронологии Боспора IV—VII вв. н. э., ведущего к резкому изменению изложенной в начале работы концепции. Но это — тема следующей статьи.

---

[1] Раскопки Керченского музея. Участки велись авторами. Авторы благодарят О. Д. Чевелева за возможность издания материала.

[2] Куски разной величины облицовки розового цвета, которой покрывались цистерны, рыбосолочные ванны, винодельни в позднеантичное время.

[3] Особенность постройки заключается в использовании в кладке наряду с известняковыми камнями крупных фрагментов толстостенных красноглиняных амфор и черепиц. Материал из слоя, связанного с ней, идентичен ильичевскому.

[4] Помещение II (1965 г.), VI (1966 г.). Авторы благодарят Э. Я. Николаеву за предоставленные материалы.

[5] Авторы благодарят М. М. Кобылину за предоставление материалов раскопок Фанагорийского Керамика.

[6] Амфорный материал с городища на мысе Зюк лег в основу статьи А. В. Сазанова и А. А. Масленникова по проблемам датировки этого городища, сданной в печать в 1987 г. Здесь даются лишь краткие выводы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА, 1958. № 85.
2. *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. М.: Наука, 1963.
3. *Якобсон А. Л.* Крым в средние века. М.: Наука, 1973.
4. *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды. СПб., 1914.
5. *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.
6. *Васильев А. А.* Готы в Крыму. I. Ранняя пора христианства и эпоха переселения народов // Изв. РАИМК. 1921. Т. 1.
7. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
8. *Сокольский Н. И.* Гунны на Боспоре // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Bucarest, 1968.
9. *Блаватский В. Д.* Боспорское царство в позднеантичное время // Блаватский В. Д. Античная археология и история. М.: Наука, 1985.
10. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
11. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство Средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
12. *Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время. М.: Наука, 1966.
13. *Сокольский Н. И.* Ильичевское городище // СА. 1966. № 4.
14. *Кобылина М. М.* Керамическое производство в Фанагории в IV веке // СА. 1966. № 3.
15. *Масленников А. А., Чевелев О. Д.* Новые памятники античного времени на северном побережье Керченского полуострова // КСИА. 1981. Вып. 168.
16. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1961. № 83.
17. *Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964.
18. *Блаватский В. Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952, 1953 гг // МИА. 1962. № 103.
19. *Кобылина М. М.* Раскопки центральной части Фанагории в 1959—1960 гг. // КСИА. 1963. Вып. 95.
20. *Кобылина М. М.* Фанагория // МИА. 1956. № 57
21. *Зеест И. Б.* Раскопки Гермонассы // КСИА. 1955. Вып. 58.
22. *Сокольский Н. И.* Раскопки в Кепах в 1957 г. // КСИА. 1960. Вып. 78.
23. *Сокольский Н. И.* Работы в Кепах в 1958 г. // КСИА. 1961. Вып. 83.
24. *Сокольский Н. И.* Раскопки в Кепах в 1960 г. // КСИА. 1962. Вып. 91.
25. *Сокольский Н. И.* Раскопки в Кепах в 1959 г. // КСИА. 1961. Вып. 86.
26. *Масленников А. А., Чевелев О. Д.* Разведочные раскопки на городище Генеральское // КСИА. 1985. Вып. 182.
27. *Баранов И. А.* Ранние болгары в Крыму: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Киев, 1977
28. *Gaidukevic V F.* Das Bosporische Reich. B., 1971.
29. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-30.
30. *Айбабин А. И.* Проблемы хронологии могильников Крыма позднеантичного периода // СА. 1984. № 1.
31. *Николаева Э. Я.* Боспор после гуннского нашествия: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М.: ИА АН СССР, 1984.
32. *Николаева Э. Я.* Пифосы Ильичевского городища // КСИА. 1983. Вып. 174.
33. *Сазанов А. В.* Боспор в ранневизантийское время // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. III конференции молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986.
34. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—40 гг. // МИА. 1952. № 25.
35. *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Наука, 1963.
36. *Hayes J W* Late Roman Pottery. L., 1972.
37. *Böttger B., Bockisch G.* Spätromische und frühbyzantinische Keramik // Klio. 1966. № 47
38. *Böttger B.* Die Keramikfunde aus dem Kastell Jatrus und ihr entwicklunggeschichtlicher Zusammenhang mit der Spätantiken Keramik der Balkanländer // Klio. 1967 № 48.
39. *Кузманов Г.* Ранновизантийска керамика от Тракия и Дакия (IV — н. VII вв.) София, 1985.
40. *Robinson H. S.* Pottery of the Roman Period. Chronology // Athenian Agora. 1959. V. 5.
41. *Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х.* Материалы по археологии Цебельды. Тбилиси: Мецниереба, 1985.
42. *Scorpan C.* Contribution a la connaissance de certain types ceramiques romano-byzantins (IV—VII siecles) dans L'espace Istro-Pontique // Dacia. N. S. 1977. T. XXI.
43. *Деопик Д. В., Круг О. Ю.* Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками // СА. 1972. № 3.
44. *Шелов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156.
45. *Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашуто Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7.
46. *Толстиков В. П.* К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ. 1984. № 3.
47. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорские города. Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат. Л.: Наука, 1981.
48. *Щеглов А. Н.* Об определении высоты построек по развалам сырцовых стен // КСИА. 1982. Вып. 172.
49. *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
50. *Николаева Э. Я.* Поселение у д. Ильич // КСИА. 1981. Вып. 168.

51. *Гайдукевич В. Ф.* Илурат // МИА. 1958. № 85.
52. *Бураков А. В.* Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев: Наук. думка, 1976.
53. *Книпович Т. Н., Славин Л. М.* Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА. 1941. № 4.
54. *Арсеньева Т. М.* Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV—начала V в. н. э. // КСИА. 1981. Вып. 168.
55. *Сорокина Н. П.* О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4.
56. *Fulford M., Peacock D.* The Pottery and Other Ceramic Objects from the Site // Excavations at Carthage: The Britisch mission. V. I. Part 2. Scheffield, 1984.
57. *Николаева Э. Я.* Боспор после гуннского нашествия: Дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1985 // Архив ИА АН СССР Р-2, № 2333, 2333[а]
58. *Дмитриев А. В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на реке Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V — VII вв. н. э. М.: Наука, 1982.
59. *Kauffmann K. M.* Die Menasstadt und das Nationalheiligtum des Altcristlichen Aegypter. B. 1. Leipzig, 1910.
60. *Кузманов Г.* Типология и хронология на ранновизантийските амфори (IV—VI вв.) // Археология. 1973. Кн. 1.
61. *Bass G. F* Underwater Excavations at Yassi Ada: a byzantine shipwreck // Arch. Anz. 1962. H. 3.
62. *Кутайсов В. А.* Четырехстолпный храм Херсонеса // СА. 1982. № 1.
63. *Зограф А. Н.* Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг // МИА. 1952. № 25.
64. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. // МИА. 1985. № 85.
65. *Шелов Д. Б.* Антропоморфный амулет из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
66. *Гайдукевич В. Ф.* Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия // ВДИ. 1947. № 3.
67 *Сазанов А. В.* Боспор и гунны // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1988.

A. V. Sazanov, Y F. Ivashchenko

ON THE DATES OF THE LATE ANTIQUITY LEVELS IN THE BOSPORAN CITIES

Summary

Historical and archaeological works on the Bosporan history of the late 4th to 6th cc. B. C. favour the idea that the Hunns defeated Bosporus in the late 4th c. A careful analysis of the origins of this date has revealed the fact that it rests on V. Gaidukevish's materials from Tiritaka and N. Sokolsky s materials from the Ilichevsky settlement. Studies of the Tiritaka materials have shown that Gaidukevich was wrong when he related the late antiquity levels to the 3rd-4th cc. A. D. Northern Pontic and Mediterranean analogies suggest the period between the late 4th/early 5th cc. and the second quarter of the 6th c. A. D. for the Tiritaka level dated to the 3rd-4th cc. The materials from the Zyuk cape (Eastern Crimea) testify that it has a synchronous level also related to the late 4th/early 5th cc.-the second quarter of the 6th cc. A. D. Thus, the cities of the European Bosporus were destroyed in the second quarter of the 6th c. which was associated with king Gord. This revision of the traditional dates leads to similar revision of dates for other sites and alters our ideas of Bosporus of late antiquity.

С. В. БЕЛЕЦКИЙ, Г. Я. МОКЕЕВ

КЛЕТИ ПСКОВСКОГО КРОМА

Клети Псковского Крома — один из интереснейших, до конца не понятых микротопонимов средневекового Пскова. Впервые кромские клети Пскова упоминаются на страницах летописи под 1314 г.: «Въ Пльскове почали бяху грабити недобрии людие села и дворы в городе и клети на городе, и избиша их пльсковичи с 50 человек, и потом бысть тихо» [1, с. 9, 335, 336] На протяжении XV в. клети упомянуты в летописи еще дважды — под 1421/1422 и 1496 гг. [2, с. 82; 3, с. 38, 39]. В 1510 г. клети Псковского Крома были уничтожены по распоряжению великого князя московского Василия III Ивановича; «и Кром бысть поуст» [3, с. 225; 4, с. 194].

Из летописи и актового материала известны функции клетей Псковского Крома: склады для хранения зерна [2, с. 82; 3, с. 38, 39; 4, с. 194], платья и прочей «рухледи» [2, с. 82; 4, с. 194; 5, № 33]. Часть клетей находилась в личном владении псковичей [4, с. 194; 5, № 30, 33—35], какая-то часть их, вероятно, являлась государственными амбарами [3, с. 38, 39] Располагались клети в северной части территории Псковского Кремля — на участке от Кутнего костра до буевища собора св. Троицы [2, с. 82; 5, № 33]

Историко-топографический анализ сведений, перечисленных выше, был дан в диссертационном исследовании И. К. Лабутиной [6, л. 269—271] Исследовательница отметила, что археологическими раскопками в Псковском Кремле клети обнаружены не были и связывала это с уничтожением части культурного слоя при насыпке бастиона Красной батареи в 1701 г [6, с. 269—271] Одним из подтверждений предположению, по мнению И. К. Лабутиной, явилась находка в насыпи бастиона значительного количества обгорелого зерна [7]

«Археологическая неуловимость» клетей, однако, была лишь кажущейся. Еще довоенными раскопками в Псковском Кремле были получены некоторые (правда — ограниченные) данные о застройке Крома в позднее средневековье. Н. Н. Чернягин писал в отчете о раскопках 1936 г., что в западной части раскопа были открыты скопления булыжников и известняковых плит, между которыми находился настил из истлевших деревянных плах. Эти остатки сопровождались обломками «средневековой круговой керамики» и были интерпретированы исследователем как фрагменты сухой кладки фундамента, частично нарушенного перекопами более позднего времени. Н. Н. Чернягин подчеркивал, что обнаруженные остатки являлись фундаментом одного из амбаров-клетей, известных по письменным источникам. Подтверждением наблюдению, по мнению исследователя, были находки обугленных зерен ржи [8, л. 2, 3] Остатки нежилой деревянной постройки были обнаружены в шурфе 1 (1930 г.), что отмечено в отчете К. К. Романова [9] О плитняковых вымостках, открытых на границе пластов 1 и 2 в раскопах 1947—1949 гг., писала и С. А. Тараканова [10—13]. Но все эти наблюдения остались вне поля зрения исследователей.

Раскопками 1977—1978 гг. в Псковском Кремле (рис. 1, *9*) были получены некоторые новые данные [14, с. 40—62], позволившие уточнить и дополнить намеченную ранее картину культурной стратиграфии Пскова [15, 16] Среди раскрытых при этих раскопках строительных горизонтов для рассматриваемой в настоящей статье темы наибольший интерес представляет горизонт 1, получивший в полевой документации также наименование «горизонт камней» [14, с. 40, 41].

«Горизонт камней» залегал в основании рыхлого слоя темно-серого цвета, содержащего включения щебня, частиц строительного мусора (позиция V в сводной стратиграфической колонке памятника [17, с. 51]). Он представлял собой вымостки из плитняковых камней, являвшихся подкладками под нижние венцы наземных срубных построек. Всего в площадь раскопа 1977—1978 гг. попали своими частями остатки четырех (пяти?) построек (рис. 2, *I*).

Обращение к материалам раскопок предшествующих лет позволило убедиться, что «горизонт камней» был открыт в большинстве раскопов на западной половине площадки Крома. Описания культурного слоя, приведенные

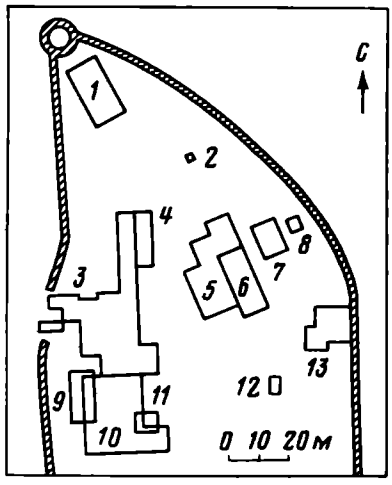


Рис. 1. План раскопок на территории мысовой части Псковского Крома. *1* — раскоп 1960 г.; *2* — шурф 2 (1930 г.); *3* — раскоп 5 (1948 г.); *4* — раскоп 4 (1947 г.); *5* — раскоп 3 (1947 г.); *6* — раскоп 2 (1941, 1946 г.); *7* — раскоп 1936 г.; *8* — шурф 1 (1930 г.); *9* — раскоп 1977—1978 гг.; *10* — раскоп 6 (1949 г.); *11* — раскоп 1 (1946 г.); *12* — шурф 1972 г.; *13* — раскоп 1961 г

в отчетах С. А. Тараканової, фиксируют наличие плитняковых вымосток и скоплений плитняковых камней, открывавшихся на границе пластов 1 и 2 культурного слоя в раскопах 3, 4 и 10 (рис. 1). К сожалению, большая часть чертежей по этим двум пластам культурного слоя не сохранилась[1], поэтому с уверенностью фиксировать топографию вымосток теперь уже невозможно. Но на сохранившихся чертежах по раскопу 3[2] (рис. 1) зафиксированы фрагменты ряда вымосток[3], аналогичных вымосткам из раскопа 1977—1978 гг. В площади раскопа 1947—1949 гг. удается восстановить топографию не менее чем для пяти построек (рис. 2, *III*).

О находках остатков аналогичных вымосток на восточной стороне площадки Крома говорилось выше. К сожалению, культурный слой здесь сильно нарушен и обследован значительно меньше, поэтому любые попытки представить топографию и взаимное расположение открытых фрагментов вымосток в любом случае будут носить случайный характер.

Наиболее сохранившиеся остатки «горизонта камней» открыты в раскопе 1960 г. на стрелке кремлевского мыса близ Кутнего костра (рис. 1, *1*). Г П. Гроздилов, публикуя планы двух строительных горизонтов этого раскопа, сопроводил планы краткими текстовыми комментариями. Исследователь полагал, что на раскрытом участке выявлены остатки «каменной вымостки, образующей правильную площадку, которая могла служить фундаментом для деревянной постройки. Обнаружены также остатки слабо сохранившегося дерева от каких-то сооружений, может быть — наземных деревянных жилищ небольшого размера. Такого рода остатки построек прослеживаются несколькими ярусами и, очевидно, являются разновременными» [18, с. 142, 143, рис. 3].

Изучение полевой документации по раскопу 1960 г.[4] позволило установить следующее: объекты, открытые в пластах VII и VIII, относятся к одному строительному горизонту; они залегали в слое на границе пластов и были искусственно «разнесены» при фиксации на два строительных горизонта. Деревянные конструкции, залегавшие в слое ниже «горизонта камней» и оставшиеся

Таблица 1

Ориентировочные размеры построек «горизонта камней»

Постройка *	Фасад, м	Боковая стена, м
2	Около 4	?
3	» 4	?
6	» 4	?
8	» 4,5	Около 5
9	4,6	» 5
10	?	» 4,2
12	4,5	5,7
13	?	5,7

* Номера построек соответствуют номерам на рис. 2, *III*.

в площади раскопа недоследованными, не имеют отношения к этому горизонту. Деревянные конструкции, открытые в слое вместе с плитняковыми вымостками «горизонта камней», частью принадлежат конструкциям построек этого горизонта, а частью относятся к слабо сохранившемуся замощению уличного проезда между постройками, ведущему к воротам в крепостной стене Крома, выходящим рядом с Кутним костром к берегу р. Псковы. Сопоставление объектов, обозначенных на планах пластов VII и VIII между собой позволило восстановить сводный план «горизонта камней» в площади раскопа 1960 г.: здесь оказались частично вскрыты фундаментные основания трех построек, расположенных по обе стороны от деревянной мостовой уличного проезда (рис. 2, *II*).

Параметры построек, размеры которых по сохранившимся остаткам удалось выявить более или менее определенно, для удобства сведены в табл. 1. Разумеется, все приведенные в ней размеры лишь приблизительно соответствуют реальным размерам построек, поскольку замеры брались по контурам фундаментных выкладок. Венец постройки необязательно должен был соответствовать границе вымостки, он мог быть несколько смещен в ее пределах, тем более что и сами границы вымосток не всегда имели правильные прямоугольные очертания.

Хронология «горизонта камней» была определена первоначально по материалам раскопок 1977—1978 гг. [14, с. 40, 41, рис. 25] При расчистке и разборке в раскопе 1977—1978 гг. остатков построек и слоя, отложившегося в период их функционирования, были найдены следующие предметы: пластины от панцирного доспеха, датирующиеся, по А. Н. Кирпичникову, XIV—XVI вв. [19, с. 37, рис. 11, *2*; 20, с. 119—134], подпружные пряжки, наконечник стрелы типа 87— по А. Ф. Медведеву [21, с. 82], вток копья, наконечник дротика, сходный с наконечниками копий типа IV-А — по А. Н. Кирпичникову [22, с. 15], ледоходные шипы, ручка от ларца, ушко от железного котла, обломок дужки от ведра, звено бронзовой цепи от хороса, цилиндрические замки типа В-1 и Г — по Б. А. Колчину и ключи от этих замков [23, с. 162, рис. 3], железные светцы, многочисленные железные скобы, костыли, петли от дверных запоров, обгорелые зерна ржи. Среди керамики, датирующейся XIV—XV вв. [14, рис. 5,*1*], найдены обломки от сосудов первой половины XV в., принадлежащих к продукции прирейнских ремесленных центров [14, рис. 6, *1, 2*; 24, с. 292—294]

Из числа наиболее примечательных находок в слое «горизонта камней» в раскопе 1977—1978 гг. следует назвать печать псковских посадников [14, рис. 10] В. Д. Белецкий прочитал дату, содержащуюся в круговой надписи на аверсе печати,— 1416 г. Он определил, что матрицы, которыми оттиснута печать, разновременны: матрица реверса принадлежит первоначальному комплекту, изготовленному в 1416 г., а матрица аверса изготовлена позднее

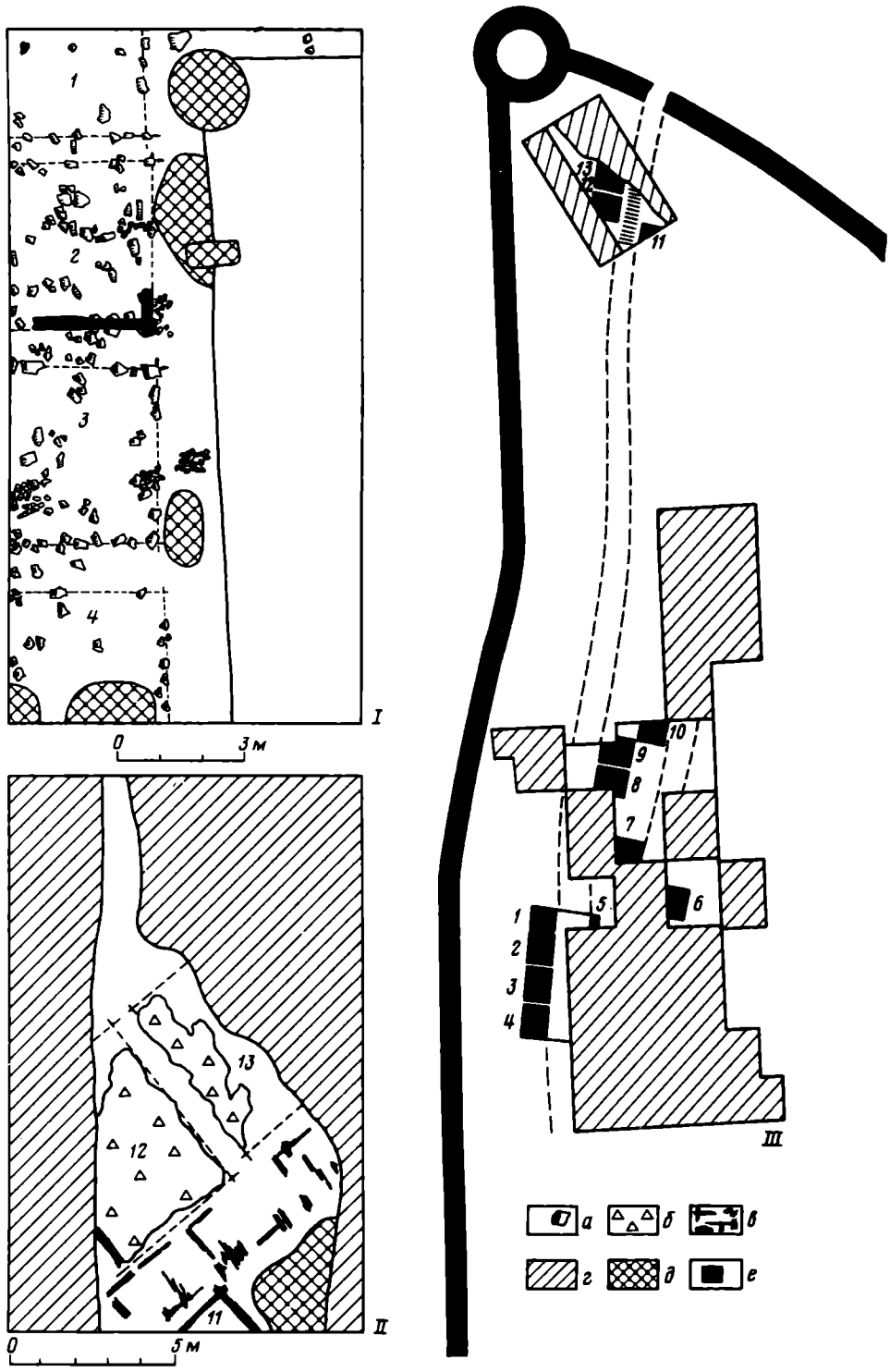


Рис. 2. «Горизонт камней» Псковского Крома. *I* — раскоп 1977—1978 гг.; *II* — раскоп 1960 г.; *III* — раскопы на западной половине площадки Крома (постр. 1—10 — раскоп 1948, 1977, 1978 гг., постр. 11—13 — раскоп 1960 г.). *а* — плитняковые камни; *б* — вымостки из плитняковых камней; *в* — дерево; *г* — слой не доследован либо не сохранилась графическая документация; *д* — перекопы; *е* — постройки

по образцу утраченной первоначальной матрицы, но с сохранением даты-символа, обозначенного на последней. Датировку печати можно определить временем, более поздним, чем включенная в круговую надпись на аверсе дата-символ (конец 1460-х годов?) [25, с. 19—21]

Таким образом, время функционирования построек, остатки которых дошли до нас в виде «горизонта камней», определяется в пределах XIV—XV вв.

Существенно, что нижележащий строительный горизонт в раскопе 1977—1978 гг. датируется по составу находок временем не позднее XII в. [14, с. 60, рис. 25]. «Спрессованность» двух горизонтов между собой не оставляет места для слоев второй половины XII—XIII в. Это наблюдение позволило высказать гипотезу о проведении на рубеже XIII—XIV вв. или в XIV в. значительных по объему земляных работ на площадке Крома, связанных с нивелировкой и понижением уровня дневной поверхности на площадке Крома перед застройкой ее постройками «горизонта камней» [14, с. 61]

Анализ материалов раскопок 1946—1949 гг. подтвердил высказанную гипотезу. Слой с находками керамики и предметов XI—XIII вв. отсутствовал практически во всех раскопах; обнаружены лишь отдельные предметы и незначительное количество керамики этого времени, в основном происходящие из ям-перекопов, произведенных в древности [17, с. 78, 79] Во всех случаях «горизонт камней» подстилался либо отложениями, содержащими материалы конца I тыс. н. э., либо слабо сохранившимися остатками слоя X — начала XI в.

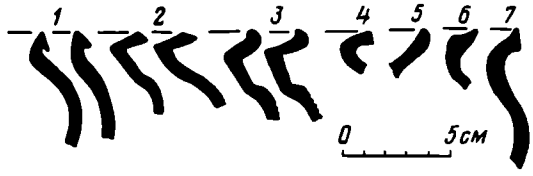


Рис. 3. Круговая керамика из раскопа 1960 г. Основные типы венчиков сосудов. Номера соответствуют номерам в табл. 3

Наибольший интерес представляют материалы раскопок 1960 г., поскольку на этом участке выявлен наиболее сохранившийся слой с находками круговой керамики. Хорошая сохранность слоя неудивительна: в 1701 г. этот участок был перекрыт насыпью бастиона Красной батареи и с тех пор нарушениям не подвергался. Не пострадал он и при выборке грунта в 1701 г. при насыпке бастиона.

Г П. Гроздилов так характеризовал хронологию культурного слоя в раскопе 1960 г.: «Найденная керамика из слоя древнего поселения представлена двумя типами лепной техники и наряду с ней кружальной, но преимущественно X—XII вв.» [18, с. 142].

Соотношение лепной и круговой керамики в слое раскопа 1960 г. наглядно демонстрирует таблица, составленная по данным отчета И. К. Лабутиной, проводившей на этом раскопе полевые наблюдения (табл. 2) [7] Нетрудно заметить, что во всех пластах культурного слоя, кроме самого нижнего, преобладают находки фрагментов круговой керамики. Даже в самом нижнем пласте слоя фрагменты круговой керамики составляют около половины всей найденной здесь керамики.

При обращении к качественному составу найденной в раскопе 1960 г. круговой керамики (рис. 3) становится очевидным (табл. 3), что она представлена здесь ограниченным набором основных типов сосудов. В слое раскопа 1960 г. доминируют находки круговой керамики группы 6, по предлагавшейся ранее классификации [16, с. 7, 8, рис. 4, *1—13, 17, 18*; 17, рис. 14, 15] При этом преобладают поздние типы сосудов этой керамической группы, а ранние типы представлены значительно меньшим количеством фрагментов. Датировка круговой керамики группы 6 по материалам раскопок в Среднем Городе Пскова была определена ранее следующим образом: поздние типы сосу-

Таблица 2

Общее количество керамики, найденной в раскопе 1960 г.

Пласт	Лепная		Круговая	
	количество	%	количество	%
IV *	—	—	37	100,0
V *	—	—	195	100,0
VI	7	0,4	1693	99,6
VII	5	0,1	3771	99,9
VIII	153	2,2	7218	97,8
IX **	430	16,1	2241	83,9
X **	416	54,8	343	45,2

* Пласт частично выбран экскаватором.

** Пласт остался недоследованным.

Таблица 3

Типологически определимые фрагменты керамики в раскопе 1960 г.

Пласт	Лепная	Примитивно-круговая	Круговая, тип						
			1	2	3	4	5	6	7
IV	—	—	3	2	1	—	—	—	—
V	—	—	4	4	11	4	1	—	—
VI	—	1	12	58	118	4	5	10	1
VII	—	1	2	45	140	9	13	12	2
VIII	31	3	1	101	228	12	5	23	3
IX	22	2	—	11	40	—	3	3	2
X	18	—	—	—	34	—	—	—	—

Примечание. Номера типов круговых сосудов соответствуют рис. 3.

дов — XIV — XV вв., ранние типы сосудов — XII — XIII вв. Более поздняя круговая керамика, характеризующая два верхних пласта культурного слоя в раскопе 1960 г. датируется XVI — XVII вв. Сосуды, подобные последним, продолжают бытовать и в XVIII в.

Фрагменты круговой керамики группы 5 псковской керамической шкалы [16, с. 7, 8, рис. 4, *14—16, 19—27*] в слое под насыпью Красной батареи отсутствуют вовсе, примитивно-круговая керамика группы 4 [16, с. 6—8, рис. 3, *1—4*] представлена единичными фрагментами, равномерно распределенными в слое и, вероятно, находящимися в переотложенном состоянии. Лепная керамика групп 1—3 [16, с. 3, 6, рис. 3] тяготеет к нижним пластам слоя и в основном происходит из отложений, залегающих ниже «горизонта камней».

Таким образом, по керамическим материалам в слое раскопа 1960 г. фиксируется та же картина, что и в раскопах 1946—1949 и 1977—1978 гг.

Датирующие вещевые находки в слое раскопа 1960 г. представлены серией предметов, найденных во всех пластах культурного слоя. В слое пласта IV, непосредственно подстилающего насыпь бастиона 1701 г., найдены фрагменты дуговых кирпичей. Они традиционно датируются XVII в. [26] Однако нельзя исключать, что тип печи, устье которой оформлялось с использованием дугового кирпича, появляется уже в XVI в.[5] Доживание же подобных печей до XVIII в. установлено достаточно определенно[6]

Здесь же найден наконечник арбалетной стрелы типа 8-1, по А. Ф. Медведеву. Датировка наконечников подобного типа определяется в пределах от XII до XV в. [21, с. 94, 95]. А. Н. Кирпичников датирует подобные наконечники XIII—XV вв. [19, с. 71, тип V]

В слое пласта V найден железный ключ от нутряного замка, относящийся к типу II, по Б. А. Колчину, и датирующийся временем с конца XI до середины XIV в. [23, с. 162, рис. 3]. Здесь же найдено многобусинное височное кольцо XIII— начала XV в. [27, с. 14, 16, рис. 2, *10, 11*] Из слоя пласта V происходит также свинцовая печать «6933» г. (1-я пара матриц). Печати этого типа употреблялись в делопроизводстве с 1424 по 1468 г. [28, с. 247, 248], но документ, скрепленный печатью, мог храниться значительно дольше[7]

Из слоя пласта VI происходит трапециевидная подвеска, к которой на колечках были привешены аналогичные привески, но меньшего размера. Такие подвески привешивались к «браслетообразным и ромбощитковым височным кольцам как шумящие украшения. Эти украшения распространены в новгородских курганах вплоть до XIII в.» [27, с. 35; 29, с. 134]. Здесь же найден замок типа Е, по Б. А. Колчину; такие замки в новгородских материалах датируются XV—XVI вв. [23, с. 160]. XV веком датируется и арбалетный наконечник типа 12, по А. Ф. Медведеву, также происходящий из слоя пласта VI.

В слое пласта VII найден замок типа Е, по Б. А. Колчину. Отсюда же происходит маленькая бронзовая фибула со свернутыми в трубочку концами В Новгороде, по данным М. В. Седовой, такие фибулы найдены в слоях X—XIII вв. [27, с. 86, рис. 31, *2*]. В том же пласте найдены два железных кресала и железная булавка с перекрученным стержнем. Аналогичные булавки для скрепления кудели найдены в Новгороде в слоях конца XIII— начала XV в. [23, с. 163, рис. 4]. Калачевидное кресало относится, по классификации Б. А. Колчина, к позднему типу (без язычка, с утолщенным лезвием). Такие кресала датируются, по новгородским материалам, временем от конца XI до первой половины XIII в. включительно [23, с. 163, рис. 4]. Кресала в форме укороченного овала в новгородских древностях представлены с XIII до начала XV в. [23, с. 163, рис. 4].

Из слоя пласта VIII происходят две бисерины, относящиеся к группе бусинного бисера. Они датируются в пределах XII— начала XIV в. [23, с. 167, рис. 6]. Здесь же найден черешковый наконечник стрелы типа 29-1, по А. Ф. Медведеву. Для наконечников этого типа А. Ф. Медведев предлагал широкую датировку — с I по начало XV в. [21, с. 62]. При этом массивные наконечники, аналогичные псковскому, появляются не ранее VIII в. [21, с. 62]. Из слоя пласта VIII происходят также монета чеканки дерптского епископства[8] и бронзовая скорлупообразная фибула. По мнению М. В. Седовой, эта фибула связана своим происхождением с карельскими фибулами, но относится к более позднему времени и вряд ли может быть датирована временем ранее XIV в.[9]

В слое пласта IX найдены три бусины: лимоновидная полосатая IX— первой половины XI в. [30, с. 88, 89; 31, с. 174, табл. 10] и две бисерины, относящиеся к группе рубленого бисера. Датировка последних определяется с VIII по начало XII в. [23, с. 168; 30, с. 86—88]. В слое пласта IX найден также обломок шпоры с петлей типа 2, по А. Н. Кирпичникову [32, с. 66]. Горизонтальное расположение петель такого типа характерно для шпор типа I, по классификации А. Н. Кирпичникова; подобные шпоры, по мнению исследователя, употреблялись в IX— первой половине XIII в. [32, с. 66] В том же пласте, в слое непосредственно под плитняковой вымосткой от постройки, найдена серебряная новгородская монета XV в.[10]

Из слоя пласта X происходят две датирующие находки: бисерина, относящаяся к группе рубленого бисера, и многочастная пронизка синего стекла. Датировка последней определяется в пределах от VIII—IX до начала XII в. [33, с. 305, 306]

Графическая схема хронологии культурного слоя в раскопе 1960 г. приведена на рис. 4. Разумеется, определять отдельно хронологию каждого пласта как закрытого комплекса не приходится. Слой в раскопе можно условно разделить на три более или менее самостоятельных слоя. Нижний слой, в который объединены пласты IX и X, относится ко времени до появления «горизонта камней». Средний слой — пласты VI—VIII— относится ко времени функцио-

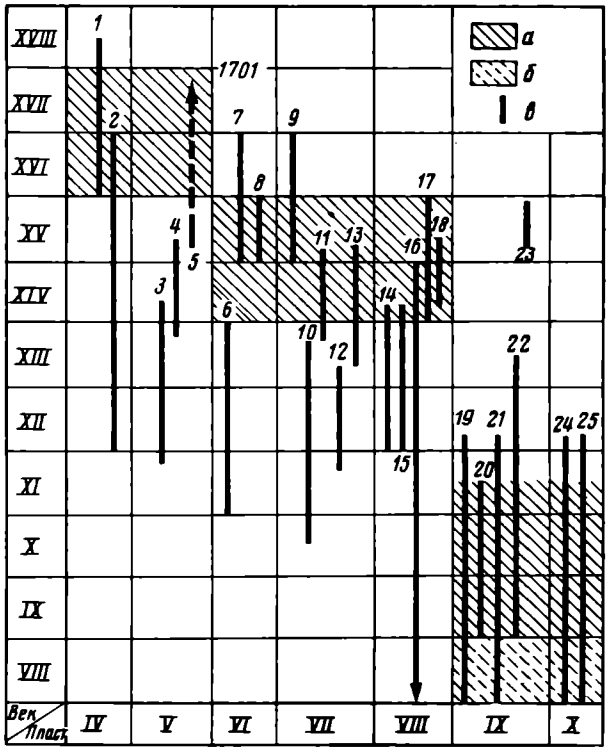


Рис. 4

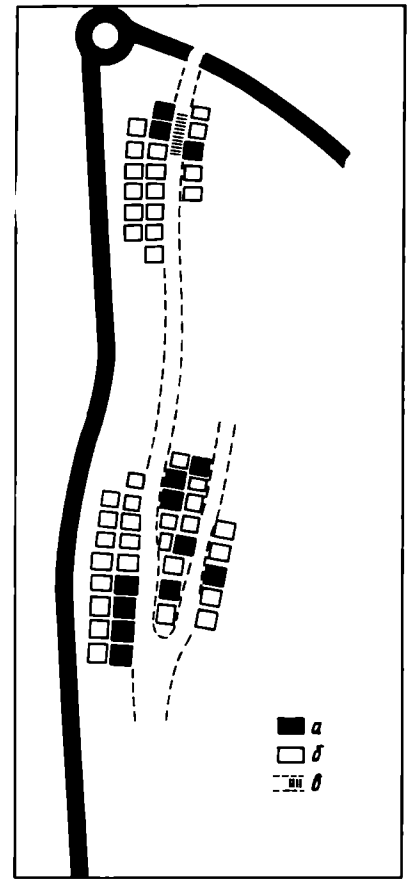


Рис. 5

Рис. 4. Хронология культурного слоя в раскопе 1960 г. *а* — период вероятного сосуществования вещей из слоя; *б* — возможное расширение периода сосуществования вещей из слоя; *в* — хронологический интервал бытования предмета. *1* — дуговые кирпичи; *2* — наконечник арбалетной стрелы типа 8-1; *3* — ключ от нутряного замка типа II; *4* — многобусинное височное кольцо; *5* — печать «6933» г.; *6* — трапециевидная подвеска; *7, 9* — замок типа Е; *8* — наконечник арбалетной стрелы типа 12; *10* — подковообразная фибула; *11* — железная булавка; *12* — калачевидное кресало; *13* — овальное кресало; *14, 15* — бисер бусинный; *16* — наконечник стрелы типа 29-1; *17* — скорлупообразная фибула; *18, 23* — монеты; *19, 21, 24* — бисер рубленый; *20* — лимоновидная полосатая бусина; *22* — шпора; *25* — многочастная пронизка

Рис. 5. Топография застройки западной половины псковского Крома времени «горизонта камней». Реконструкция. *а* — постройки, зафиксированные раскопками; *о* — предполагаемые места построек; *в* — уличные проезды

нирования построек «горизонта камней». Поздний слой — пласты IV и V— относится ко времени после прекращения функционирования «горизонта камней»[11]

Отправным для датировки нижнего слоя являются находки бус, прежде всего — лимоновидной полосатой бусины из пласта IX. Такие бусы не переживают середину XI в., что позволяет датировать и весь нижний слой не позднее этого времени. Остальные находки не противоречат этой датировке. Единственное исключение — серебряная новгородская монета — попала в слой, по всей видимости, случайно, из слоя вышележащего «горизонта камней». В пользу этого предположения свидетельствуют обстоятельства находки — под плитняковым основанием постройки.

Время формирования среднего слоя определяется периодом сосуществования большинства находок — в пределах XIV—XV вв. Противоречат датировке находки калачевидного кресала и подковообразной фибулы из пласта VII,

а также трапециевидной подвески из пласта VI. Эти находки относятся к более раннему времени. Однако, предположив, что хронологический разрыв, намечающийся между «горизонтом камней» и подстилающим его слоем, связан с той же лакуной, которая выявилась при анализе материалов других раскопов, мы считаем возможным сопоставлять перечисленные находки с редкими фрагментами круговой керамики XII—XIII вв. и относить их за счет следов слоя, уничтоженного при нивелировочных работах.

Датировка верхнего слоя, частично уничтоженного при выборке грунта экскаватором, определяется в широких пределах от XIV до XVIII в. Верхняя хронологическая граница здесь надежно определена временем насыпки бастиона Красной батареи —1701 г.: после насыпки бастиона слой на участке, естественно, откладываться перестал. Если же предположить, что большая часть предметов из слоя пластов IV и V связана с нижележащим слоем времени «горизонта камней» (печать, височное кольцо, ключ, наконечник стрелы), либо попала сюда при нарушениях слоя (наконечник стрелы из пласта IV), либо непосредственно относится к слою «горизонта камней» (предметы из пласта V), то нижняя хронологическая граница верхнего слоя определится в пределах XVI в. Перечисленные предметы хронологически вписываются в период формирования среднего слоя. Появление же их в верхнем слое, в основном представленном строительным мусором времени ветшания и разрушения крепостной стены и башни Крома, остается немотивированным.

Если изложенное справедливо, в раскопе 1960 г. фиксируется та же картина, что и в других раскопах на площадке Крома.

Топография раскрытых раскопками построек позволяет в предположительной форме фиксировать равномерную застройку площадки городища сдвоенными рядами построек, между которыми оставались проезды (рис. 5). Ширина проезда в северной части площадки Крома, в площади раскопа 1960 г., достигает 2 м. В площади раскопа 1977—1978 гг. ширина проезда достигает почти 4 м. Объяснение такой значительной ширины проезда в этой части улицы можно, кажется, найти в ориентировке построек из раскопа 1947—1949 гг.: раскрытый здесь ряд построек расположен под углом к ряду построек в раскопе 1977—1978 гг. По-видимому, в непосредственной близости от раскопа 1977—1978 гг., в пределах раскопа 1949 г., находилась развилка двух уличных проездов.

Плотная застройка Крома (по крайней мере его западной половины) однообразными постройками, лишенными отопительных сооружений, дает основание утверждать хозяйственное назначение последних, вероятнее всего,— их складские функции. Однообразие построек, ритмика их размещения, а также установленные при изучении стратиграфии памятника нивелировочные работы, предшествовавшие появлению на Крому «горизонта камней», позволяют предполагать, что строительство складских построек в пределах Крома было единовременным актом. Все вышеизложенное приводит нас к выводу о том, что в рассматриваемых постройках следует видеть кромские клети, известные по письменным источникам.

Ближайшей аналогией системе застройки Псковского Крома клетями можно считать клети-житницы Московского Кремля, изображенные на широко известном плане Москвы начала XVII в. (рис. 6).

Внешний облик кромских клетей Пскова — вопрос дискуссионный. Представляется, что они должны были иметь не менее полутора этажей — основной первый этаж и подвышенный чердак (рис. 7). Основаниями для такой реконструкции служат состав находок и известные по письменным источникам объекты хранения в клетях, взаимно дополняющие друг друга. На первом этаже могли находиться лари с зерном, на втором этаже (чердаке) — сундуки с «рухледью», снаряжением всадника и боевого коня, дорогими вещами (в том числе парадной импортной посудой), документами, казной и проч. Во-вторых, в духовной Акилины начала XV в. упомянуто, что клеть имела не менее двух входов («верх одними дверми на буй» [5, № 33]); это дает основа-

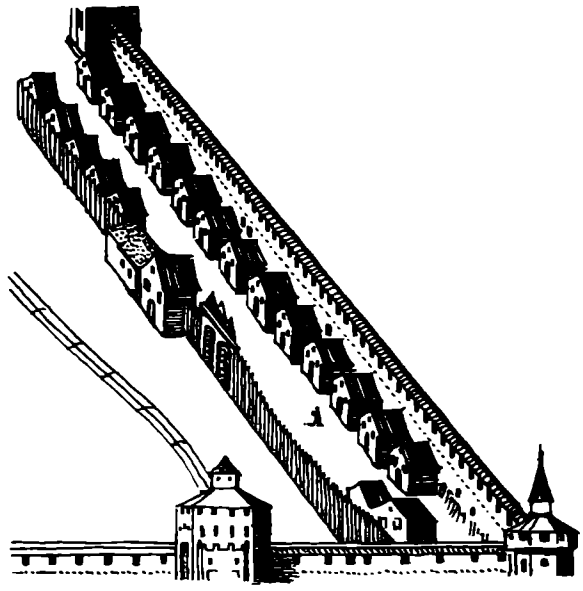


Рис. 6. Клети-житницы Московского Кремля (по плану начала XVII в.)

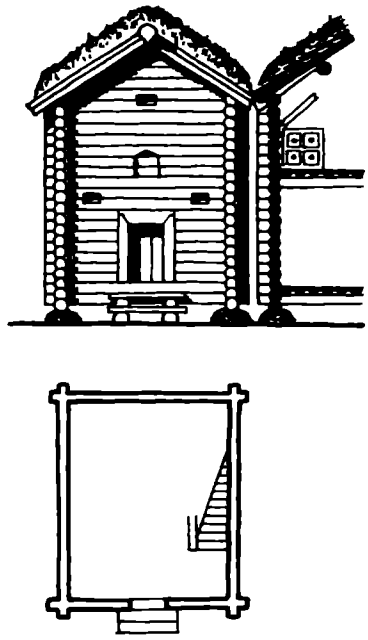


Рис. 7. Клеть Псковского Крома. Реконструкция

ние предполагать наличие дополнительного внешнего входа в верхнее помещение клети (по приставной лестнице?). Вероятность существования подвышенного чердака у клетей Московского Кремля (изображенное на фасадах чердачное окно) позволяет предположить в качестве гипотезы вариант реконструкции внешнего облика участков застройки Псковского Крома в XIV—XV вв. (рис. 8, 9).

Завершая рассмотрение имеющихся материалов по клетям Псковского Крома, коротко остановимся на возможностях социальной интерпретации полученных результатов. Ряд письменных источников сообщает косвенные данные о кромских клетях, в первую очередь о суровом режиме их охраны. Согласно статье 5 Псковской Судной грамоты, кража на Крому являлась одним из наиболее тяжких преступлений, приравнивалась к политической измене (перевету), поджогу и конокрадству и каралась смертной казнью [34, с. 2]. Ю. Г Алексеев, специально рассматривавший вопросы уголовного права в Псковской республике, подчеркивает: «Кромский тать — это не просто вор, а похититель, покушающийся на государственное достояние или государственную тайну. Приравнивание такого преступника к переветнику — перебежчику на сторону врага, государственному изменнику — вполне понятно. Понятно и приравнивание к ним "зажигальника" Здесь, видимо, имеется в виду человек, совершивший умышленный и злостный поджог в самом Пскове, вызвавший своими действиями одно из самых страшных бедствий для средневекового города... Особое внимание к конокрадству, как наиболее тяжелому виду татьбы, свойственно средневековому обществу... (Конокрад) подвергается тягчайшему наказанию, котороое знает Правда Русская» [35, с. 44, 45] Именно к статье 5 Псковской Судной грамоты являются живыми иллюстрациями летописные статьи 1314 г. о грабеже на Крому и расправе псковичей над грабителями и 1496 г. о поджоге клетей и казни «зажигалника».

В летописном сообщении от 1487 г. зафиксирован пожар костра против Лубянского всхода, на Крому, на Радчине всходе. В этом костре находились помещения, в которых держали корм для собак [2, с. 80] По-видимому, в этих собаках следует видеть кромских псов — охрану Крома и кромских клетей.

Об особом статусе Крома в пределах территории средневекового города свидетельствует и широко известное сообщение Жильбера де Ланноа, посетивше-

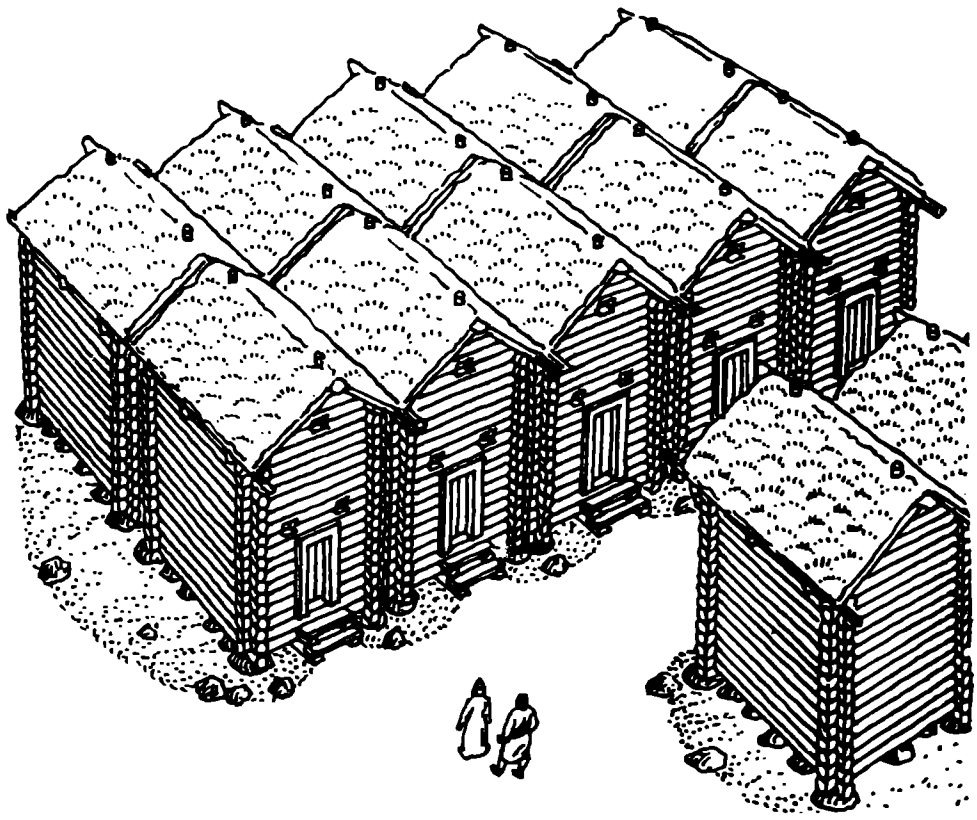


Рис. 8. Застройка кромскими клетями участка раскопа 1977—1978 гг Реконструкция

го Псков в 1413 г. Путешественник отмечает, что любому иностранцу было запрещено под страхом смерти проникать на территорию Кремля: «Псков очень хорошо укреплен каменными стенами, и в нем находится один очень большой замок, куда ни один истинный христианин (католик.— *С. Б., Г М.*) не может войти, не подвергаясь опасности смерти» [36]

Перечисленные сведения фиксируют наличие особых мер, принимавшихся псковичами для охраны Крома, т. е. в первую очередь кромских клетей и хранившегося в них добра. Это неудивительно. Клети, как уже отмечалось, являлись местом хранения республиканских хлебных запасов, что отчетливо зафиксировано летописным сообщением 1421 г [3, с. 38, 39] Источники указывают также на далеко не рядовой социальный уровень владельцев клетей: к правящему классу принадлежала Акилина — жена князя Федора, происходившая, по мнению В. Л. Янина, из псковского посадничьего рода [37, с. 175—178]; Ульяна, владелица клети на Крому, являлась прихожанкой церкви Воздвижения на княжьем дворе, в духовной зафиксирован богатый вклад, оставленный Ульяной священнику этой церкви [5, с. 74]; к классу феодалов принадлежал, безусловно, Никита Хов [5, с. 69—71], вероятно, и Осип [5, с. 75]

Уничтожение по распоряжению Василия III в 1510 г. кромских клетей Пскова, особо отмеченное летописцем,— факт, сам по себе примечательный. Лишение псковичей прав на владение клетью на Крому, поставленное в один ряд с выведением из Пскова 300 семейств, снятием вечевого колокола, ликвидацией «псковской старины», наводит на мысль об определенном символическом значении кромских клетей Пскова как материализованного выражения принадлежности владельцев к правящему классу республики. Не случайно, наверное, клети входили в ту часть «отчины», которая по завещанию передавалась «в одерень» — в полную и безусловную собственность, оставаясь в семье завещателя[12] Не исключено, что право на владение клетью на Крому носило клановый характер, передаваясь в семье из поколения в поколение [13]

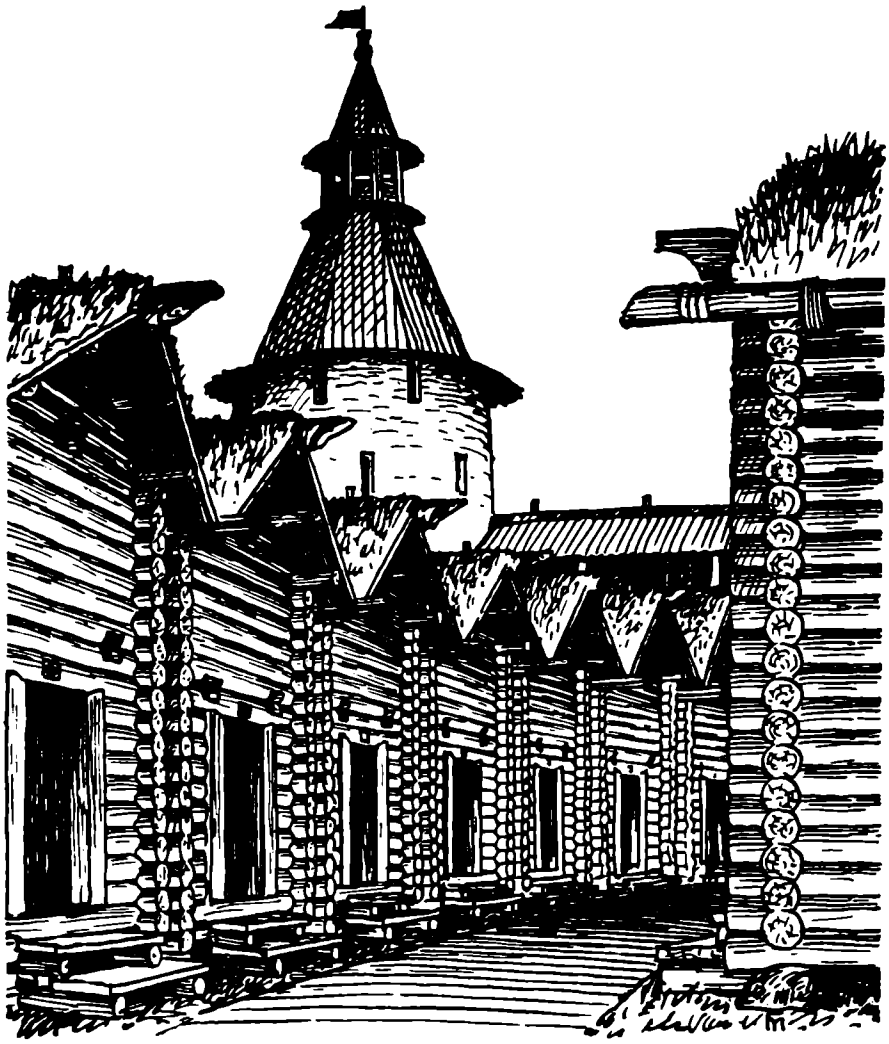


Рис. 9. Застройка клетями мысовой части Крома (район раскопа 1960 г.) Реконструкция

Суммируя вышеизложенное, следует констатировать, что территория Крома (северная половина Псковского Кремля, участок между буевищем Троицкого собора и Кутним костром), по крайней мере в своей западной половине, была на протяжении XIV— начале XVI в. застроена складскими помещениями — кромскими клетями. Застройка Крома клетями явилась единовременным событием, возможно, была совершена по единому плану. Этой застройке предшествовали значительные по объему земляные работы, связанные с нивелировкой дневной поверхности на площадке Крома и понижением ее уровня. В клетях хранились зерно, «рухледь», «броня», «казна», документы. Значительная часть клетей находилась в личном владении псковичей и принадлежала представителям высших слоев населения города. Режим содержания клетей отличался суровостью. Уничтожение клетей в 1510 г. и лишение псковичей права иметь клеть на Крому явились одними из действий московской администрации по ликвидации псковской «старины» в момент окончательного присоединения Пскова к Русскому централизованному государству [14]

[1] В архиве ИА АН СССР хранится только часть беловых чертежей по раскопкам 1946—1949 гг.

[2] Полевые миллиметровки по раскопу 1948 г. сохранились в Древлехранилище Псковского государственного объединенного музея-заповедника благодаря энтузиазму ныне покойного Л. А. Творогова.

[3] В одних случаях сохранились чертежи пласта 1, в других — пласта 2, так что реально мы располагаем лишь фрагментами объектов.

[4] Хранится в фондах ОИРК Гос. Эрмитажа.

[5] Материалы Толокнянского раскопа в Пскове (1983 г.).

[6] Материалы Михайловского раскопа в Пскове (1981—1982 гг.).

[7] «...И в первой половине XVIII в. старинные харатейные земельные акты, скрепленные вислыми свинцовыми печатями... служили подтверждением прав собственности» [5, с. 27]

[8] Сведения о монете и определение приводятся по данным отчета И. К. Лабутиной [7]

[9] Благодарим М. В. Седову за любезную консультацию.

[10] Сведения о монете и определение приводятся по данным отчета И. К. Лабутиной [7]

[11] Нельзя исключить, что и часть слоя пласта V относится ко времени функционирования построек «горизонта камней», но полной уверенности в этом у авторов нет.

[12] Клетью, кстати, могли владеть и «ис половины», но и в этом случае передача своей половины клети происходила внутри семьи «в одерень» [5, с. 57]

[13] Этому противоречит, правда, приписка на обороте духовной Никиты Хова, из которой следует, что клеть могла являться предметом купли-продажи [5, с. 70]. Однако в приписке не указано, кому была продана клеть; возможно, эта сделка была совершена внутри семьи, между представителями «ближнего племени» и дальними родственниками, «племянниками».

[14] После того как работа была доложена на X заседании научного семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли» (февраль 1983 г.) [38, с. 6—8] и сдана в редакцию журнала «Советская археология», в 1985 г. из печати вышла монография И. К. Лабутиной «Историческая топография Пскова XIV—XV вв.» [39]. В этой книге, являющейся доработанным вариантом цитированной выше кандидатской диссертации, И. К. Лабутина соглашается с нами в том, что раскопками 1977—1978 гг. был исследован фрагмент застройки Крома XIV—XV вв. клетями. Исследовательница признает также и то, что «часть построек в раскопе 1960 г. у Кутнего костра является остатками клетей» [39, с. 126], т. е. встает и в этом случае на нашу точку зрения. К сожалению, в хронике семинара, опубликованной в начале 1986 г. [40, с. 313, 314], И. К. Лабутина продолжает настаивать на недостаточной, с ее точки зрения, доказанности хронологических и топографических выкладок по кромским клетям, предлагаемых нами. По-видимому, расхождение в высказываниях, выход из печати которых разделен несколькими месяцами, следовало бы привести к общему знаменателю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего извода. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
2. Псковские летописи. Т. 1. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
3. Псковские летописи. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
4. *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955.
5. *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М.: Изд-во МГУ, 1966.
6. *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова XIV—XV вв.: Дис. канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1971. // Архив ИА АН СССР. Р-2, № 2079.
7. *Гроздилов Г. П.* Раскопки в Пскове в 1960 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 2198.
8. *Чернягин Н. Н.* Отчет о раскопках в Псковском Кремле в 1936 г. // Архив ЛОИА. 1936. Ф. 2. Оп. 1. Д. 208.
9. *Романов К. К.* Разведочная раскопка в Псковском Кремле в 1930 г. // Архив ЛОИА. 1930. Ф. 2. Оп. 1. Д. 125.
10. *Тараканова С. А.* Отчет о работе Псковской археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1946 г. // Архив ИА АН СССР. Р.-1, № 57.
11. *Тараканова С. А.* Отчет о работе Псковской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1947 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 168.
12. *Тараканова С. А.* Отчет Псковской археологической экспедиции ИИМК АН СССР о работе за 1948 г. // Архив ИА АН СССР. Р.-1, № 218.
13. *Тараканова С. А.* Отчет Псковской археологической экспедиции ИИМК АН СССР о работах за 1949 г. // Архив ИА АН СССР. Р.-1, № 411.
14. *Белецкий С. В.* Раскопки Псковского городища // Древнерусские города. М.: Наука, 1981.
15. *Тараканова С. А.* О происхождении и времени возникновения Пскова // КСИИМК. 1950, вып. XXXV.
16. *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города). // КСИА. 1980. Вып. 160.
17. *Белецкий С. В.* Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое

изучение Пскова. М.: Наука, 1983.
18. *Гроздилов Г. П.* К вопросу о топографии древнего Пскова // АСГЭ, 1964. Вып. 6.
19. *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XIV вв. Л.: Наука, 1976.
20. *Медведев А. Ф.* К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА. 1959. № 2.
21. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел // САИ. 1966. Вып. Е1-36.
22. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. // САИ. 1966. Вып. Е1-36.
23. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
24. *Белецкий С. В.* О рейнской керамике в Пскове // СА. 1978. № 2.
25. *Белецкий В. Д.* О печатях псковских посадников // КСИА. 1984. Вып. 179.
26. *Спегальский Ю. П.* О некоторых приемах устройства отопительных печей XVII в. (по находкам в Пскове) // КСИА. 1968. Вып. 113.
27. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.: Наука, 1981.
28. *Янин В. Л.* Вислые печати Пскова // СА. 1960. № 3.
29. *Журжалина Н. П.* Датировка древнерусских привесок-амулетов // СА. 1961. № 2.
30. *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги // АСГЭ. 1968. Вып. 10.
31. *Щапова Ю. Л.* Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА. 1956. № 55.
32. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. // САИ. 1973. Вып. Е1-36.
33. *Белецкий С. В., Лесман Ю. М.* Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии // СА. 1979. № 1.
34. Псковская Судная грамота. СПб., 1914.
35. *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. Л.: Наука, 1980.
36. *Емельянов.* Путешествие Гилльбера де-Ланноа в восточные земли Европы в 1413—14 и 1421 годах // Университетские известия. Киев, 1873.
37 *Янин В. Л.* Сфрагистический комментарий к псковским частным актам // Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М.: Изд-во МГУ, 1966.
38. *Белецкий С. В., Мокеев Г. Я.* Клети Псковского Крома // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 4. Псков, 1984.
39. *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова в XIV—XV вв. М.: Наука, 1985.
40. *Лабутина И. К.* Научный семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли» в 1981—1983 гг. // СА. 1986. № 1.

S. V Beletsky, G. Y Mokeev

STORE-ROOMS OF THE PSKOV KREMLIN

Summary

The existence of store-rooms of the Pskov Kremlin (one of the toponyms of mediaeval Pskov) is known from chronicles, deeds and archaeological data. They were used to store grain, cloths, valuables, weapon, armour, money and documents. They appeared in the northern part of the Kremlin in the early 14th century according to a single plan: two in the row with streets between them. For their major part the store-rooms belonged to the nobility of the Pskov republic, part of them being state grain storage. The store-rooms disappeared in 1510 on order from the Grand Prince Vasily III of Moscow as a measure of the Moscow administration to wipe out the Pskovian order of things when the republic was joined to the Russian centralised state.

Публикации

А. В. КОЛЕСНИК

МУСТЬЕРСКАЯ КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩАЯ МАСТЕРСКАЯ ЗВАНОВКА В ДОНБАССЕ

В публикациях последних лет, касающихся проблем раннего палеолита, все более обосновывается термин «мастерская» [1; 2; 3, с. 7] В этой связи представляют интерес материалы местонахождения Звановка, расположенного в бассейне среднего течения Северского Донца. Оно известно по предварительным данным [4].

Памятник находится на левом коренном берегу р. Бахмутки (правобережный приток р. Донца) напротив ст. Звановка Артемовского р-на Донецкой обл. (рис. 1, *а, б*). Впервые местонахождение было обследовано в 1969—1970 гг. Д. С. Цвейбель, которую С. И. Татаринов информировал о находках обработанных кремней в этом районе. На размытом меловом останце, напротив кладки через реку была собрана коллекция из 119 кремней. Как показала пунктирная траншея по гребню останца, четвертичные отложения полностью размыты, кремневые изделия залегают непосредственно на коре выветривания меловых пород. Площадь распространения находок незначительная — 15×40 м^2 Кремневые изделия залощены до блеска, слегка окатаны, покрыты плотной фарфоровидной патиной. На некоторых предметах встречаются признаки ожелезнения. Сколов 93, из них 13 ретушированы или имеют следы употребления в работе. Техника расщепления, судя по сколам-заготовкам, в основном примитивная. Пластин всего 12, из них 5 истинных. Мало что проясняет один аморфный остаточный нуклеус и два нуклевидных обломка. Основная масса сколов величиной от 3 до 6 см. Площадки преимущественно гладкие. Удачные крупные пластинчатые сколы использовались для получения орудий. Выделяются обушковый нож (рис. 2,*5*), двойное одностороннее продольное скребло, обломок овального скребла (рис. 2,*1*), долотовидное орудие на массивном отщепе (рис. 2,*6*), скобель, шесть зубчатых изделий [1]

В 1976 г. в 150 м вниз по течению реки от кладки в стенках и осыпях глиняных оврагов автором были зафиксированы находки кремневых изделий. На этом участке в 1977, 1978, 1980, 1981 гг. проводились шурфовка, сбор подъемного материала и раскопки. Все шурфы и раскопы приурочены к стенкам оврагов и имеют вид углубленных зачисток. Общая вскрытая площадь 190 м^2 Раскопки затронули участки памятника, которые разрушаются тремя молодыми растущими оврагами. Они дают представление о строении левого коренного берега реки. Левый берег р. Бахмутки у ст. Звановка сложен отложениями мелового возраста, перекрытыми сверху незначительными по мощности четвертичными суглинками и супесями, иногда песком. Мел выклинивается в сторону реки параллельно с нарастанием толщины суглинков. В районе палеолитического местонахождения высота берега достигает 20—25 м. Суглинки и супеси имеют здесь мощность от 1 до 3—4 м, местами на дневную поверхность выходит мел в виде небольших грив. По данным С. С. Соболева, Бахмутка имеет

[1] Приношу благодарность Д. С. Цвейбель за разрешение опубликовать материал.

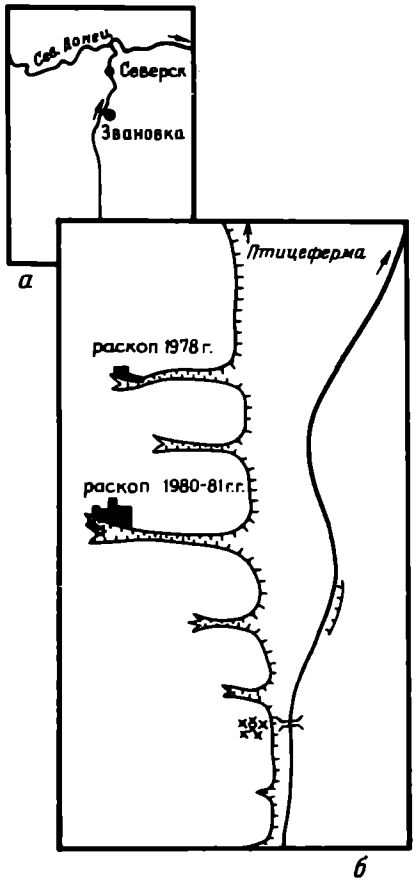


Рис. 1. Звановка. *а* — карта-схема; *б* — план местонахождения.

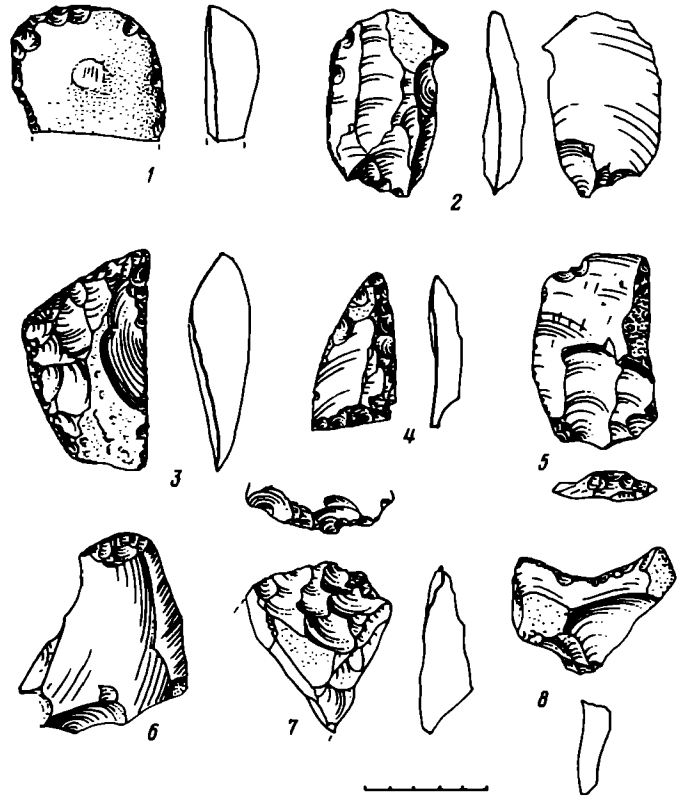


Рис. 2. Орудия труда

третью и четвертую террасы, неодинаково выраженные на разных участках долины реки [5, с. 80].

Расщепленные древним человеком кремни встречаются в истоковой части оврагов в 100—120 м от поймы реки. Судя по подъемному материалу и результатам шурфовок, местонахождение протянулось на 150—200 м вдоль берега реки, занимает относительно выположенный участок между птицефермой и меловым останцем у кладки (рис. 1, *б*). Единичные палеолитические кремни встречаются на размывах суглинков на расстоянии 1—1,5 км от кладки вверх по течению реки.

Кремневые изделия залегают в переотложенном состоянии на контакте меловых и четвертичных отложений. Мастерская располагалась непосредственно на меловой поверхности. Кремни покоятся либо на мелу и его делювии, либо в линзах песка и супеси и перекрыты сверху суглинком. Линзы песка и супеси содержат кремневые желвачки, кусочки мела и другой обломочный материал. Мощность слоя с культурными остатками колеблется от 1—2 до 15—20 см; насыщенность находками редкая. От условий залегания зависит степень сохранности находок: как правило, кремни, происходящие из песка и супеси, имеют плотную фарфоровидную патину, часто окатаны и забиты в отличие от свежих на вид кремней, залегающих на кровле мела. Резкой границы между патинированными и непатинированными изделиями нет. Иногда на одном кремне непатинированные участки соседствуют с участками, покрытыми плотной патиной. Видимо, различия в залегании и степени сохранности кремней объясняются неодинаковой скоростью процесса переотложения слоя на разных участках мастерской. Этому способствовал расчлененный рельеф местности, типичный для меловых выходов Донбасса. По всей вероятности, практически одновре-

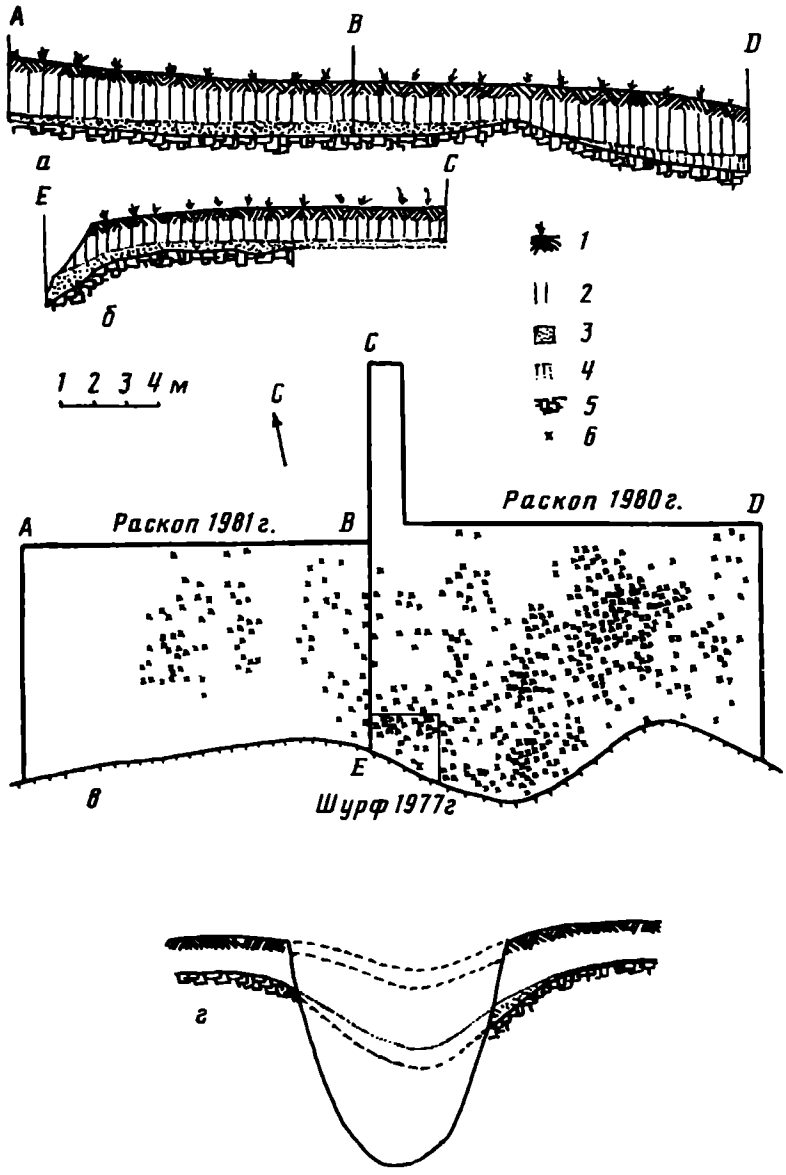


Рис. 3. Звановка. *а, б* — стратиграфия раскопов 1980—1981 гг., *в* — план находок в раскопах 1980—1981 гг.; *г* — реконструкция условий залегания находок *1* — дерн; *2* — суглинок; *3* — песок; *4* — супесь; *5* — мел; *6* — кремень

менно с образованием культурного слоя происходили его размыв и делювиальный снос в промоины, западины в мелу. Рассеянные по всей площади мастерской расколотые кремни смывались вниз и концентрировались в протоках. Наглядно такую картину иллюстрирует стратиграфическая ситуация, запечатленная раскопом 1980—1981 гг. (рис. 3,*а — в*). Основная масса находок залегает на мелу, подковообразно огибая меловую возвышенность. Сохранность кремней хорошая. Очевидно, современный овраг наложился на древний рельеф и вследствие понижения базиса эрозии разрезал аккумулятивное заполнение древней промоины (рис. 3,*г*). Такая же ситуация повторяется в других оврагах.

Несмотря на переотложение, в коллекции присутствует много мелких отщепов и обломков, чешуек.

В качестве исходного сырья использовался исключительно местный меловой кремень темно-серого и черного цвета. Он пластичен, практически без раковин; встречается в виде уплощенных ноздреватых конкреций величиной до 30—40 см. На тонкой известковой корке и в теле желваков часто присутствуют соломко-

Состав кремневых изделий

Наименование изделий	Подъемный материал	Шурфы, раскопы	Итого
Отбойник	—	1	1
Желваки со следами оббивки	4	25	29
Нуклеусы			
примитивные:			
заготовки дисковидные	1	12	13
дисковидные односторонние	5	3	8
дисковидные двусторонние	1	2	3
шаровидные		3	3
протопризматические:			
заготовки	1	5	6
одноплощадочные	2	1	3
двухплощадочные односторонние	—	1	1
обломки нуклеусов	2	—	2
нуклевидные куски	1	28	29
облупень	1	—	1
Отщепы:			
первичные	32	150	182
полупервичные	27	194	221
вторичные	61	247	308
отщепы с ретушью	2	10	12
сколы отделки, чешуйки	15	115	130
Осколки	54	67	121
Орудия:			
скребла	2	—	2
остроконечник	—	1	1
скобель	—	1	1
долото	—		1
ножи	—	4	4
рубящее	—	1	1
Итого	212	872	1084

образные наросты и включения, которые придают звановскому кремню своеобразный вид. Иногда попадаются образцы с красными прожилками. Кремень в изобилии встречается в современных меловых обнажениях в районе памятника и, надо полагать, был так же доступен в древности.

За несколько лет исследования памятника собрано 1084 кремня. В основном они происходят из раскопов и шурфов. Общее представление о кремневых изделиях Звановки дает таблица.

Основа коллекции — первичные и полупервичные отщепы. Они, как правило, массивные, угловатые, размером до 10—12 см. Аморфные очертания имеет и большая часть вторичных отщепов. Эти отщепы, а также желваки кремня со следами нескольких пробных снятий, нуклевидные куски и неудавшиеся заготовки нуклеусов — несомненно, бросовый материал. Обилие кремня на месторождении позволяло выбирать и раскалывать лучшие образцы сырья. Не случайно среди нуклеусов нет образцов, использованных до предела.

Восстанавливается полный цикл первичного расщепления кремня на местонахождении. Большинство желваков со следами предварительной оббивки предназначалось для получения дисковидных ядрищ. Техника их производства проста: она сводится к попеременной двусторонней оббивке плоскоовальных кусков кремня либо к односторонней радиальной оббивке крупных отщепов. Для получения протопризматических нуклеусов использовались массивные удлиненные желваки и куски кремня, у которых в результате сильного поперечного удара образовалась площадка для снятий. Направленность техники первичного расщепления демонстрирует серия выразительных нуклеусов. Среди них преобладают дисковидные (рис. 4, *1—3*). Для улучшения рабочих качеств односторонних дисковидных ядрищ в трех случаях применена подправка, создавшая на тыльной стороне удобную отбивную площадку (рис. 4,*2*).

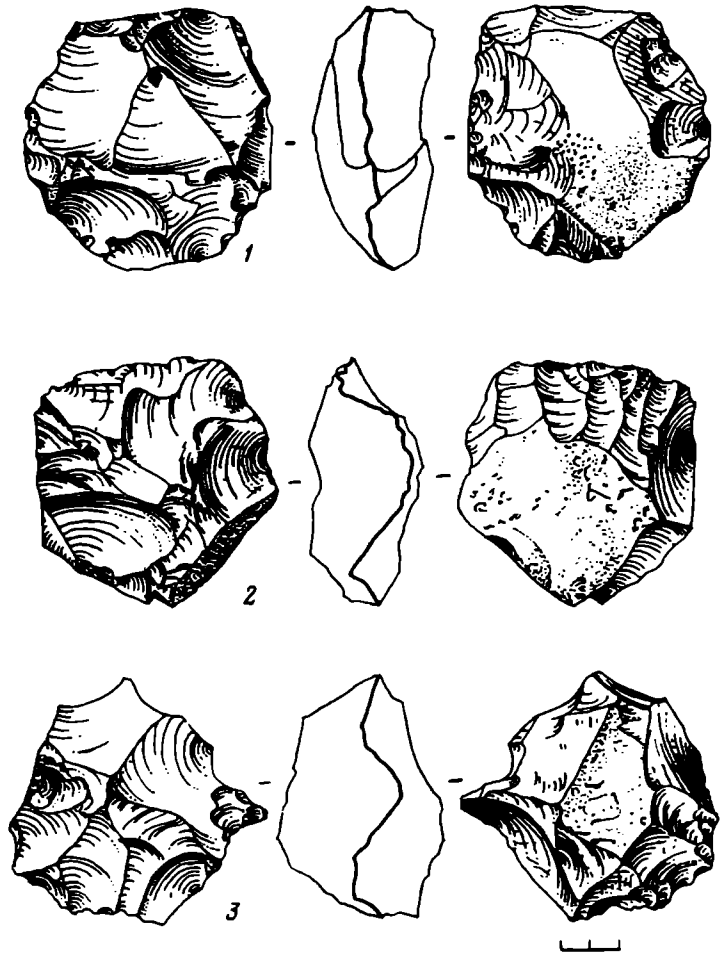


Рис. 4. Дисковидные нуклеусы

Однако этот леваллуазский прием не перерастает в технику. Форма дисковидных нуклеусов в основном правильная.

Все нуклеусы для пластинчатого скалывания типично мустьерские, плоские, с остро наклоненной отбивной площадкой. Выделяются три односторонних одноплощадочных (рис. 5, *1*), односторонний двухплощадочный со встречным скалыванием (рис. 5, *2*) и нуклеус типа Джрабер — двухплощадочный двусторонний со встречным скалыванием (рис. 5, *3*). Очертания протопризматических ядрищ нестрогие, негативы снятий, как правило, не имеют правильных параллельных краев. Площадки фасетированы грубо. Тыльная сторона у односторонних нуклеусов корковая, без подработки.

Расщепление шаровидных нуклеусов (3 экз.) производилось по принципу «перпендикулярных» нуклеусов [6, с. 44], у которых негатив одного скола служит площадкой для другого.

Пропорция примитивных и пластинчатых снятий совпадает с соотношением радиальных и протопризматических нуклеусов: пластины составляют 1/3 определимых сколов-заготовок. Всего их найдено 32 экз. Пластины представлены целыми экземплярами (рис. 6,*2, 6, 9, 12*) и обломками (рис. 6,*7, 10, 11*). Они широкие и массивные, хотя некоторые образцы (рис. 6,*6, 12*) по размерам и форме близки к позднепалеолитическим. Сколы с радиальных нуклеусов (определяются 62 экз.) имеют типичную треугольную или близкую к ней форму и несовпадающие оси. В группу леваллуазских (6 экз.) включены характерный скол с черепаховидного нуклеуса (рис. 6, *4*), острие первого снятия (рис. 6,*1*), а также атипичные целые и обломанные сколы с конвергентной огранкой (рис. 6,*3, 5, 8, 13*), которые могли быть отделены и от дисковидных,

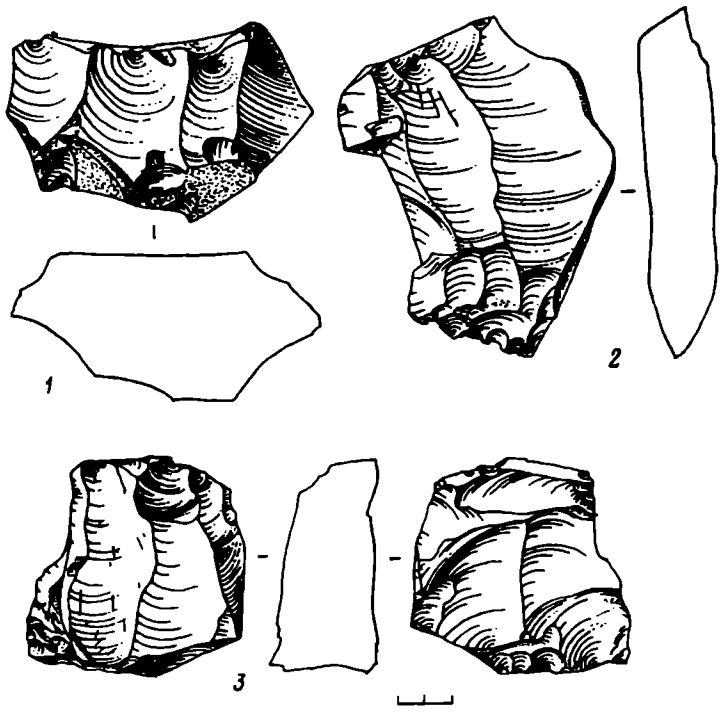


Рис. 5. Протопризматические нуклеусы

и от протопризматических ядрищ. Экземпляр, изображенный на рис. 6,*13*, использовался как обушковый нож.

Обращает на себя внимание большое количество обломанных сколов. Обломки имеют различную форму. Часть сколов, видимо, разбита преднамеренно, например обломок пластины (рис. 6,*11*). На фрагменте рассеченной пластины сделан остроконечник (рис. 2,*4*). Фрагментированы чаще всего сколы правильных очертаний.

Индексация материалов мастерской затруднена ввиду того, что соотношение типов изделий здесь заведомо иное, чем на стоянках, и применение обычных статистических приемов может привести к ошибочным выводам. Все же простое сопоставление показывает значительный удельный вес пластин и небольшое количество леваллуазских (в узком смысле) элементов. Индекс грубого фасетирования для сколов-заготовок составляет 40, тонкого фасетирования — 10. Выделяются двугранные (рис. 6,*1, 4*) и выпуклые площадки. Тонко фасетированы площадки преимущественно у непластинчатых сколов.

Как видно из таблицы, на памятнике найдено всего 10 орудий. Размеры орудий от 4 до 7—8 см. Все они односторонние или частично двусторонние.

Остроконечник имеет неправильно-треугольную форму (рис. 2,*4*); изготовлен из дистальной части крупного пластинчатого скола. Основание орудия уплощено рядом точных ударов по торцу излома заготовки. В отличие от обычного приема уплощения в сторону брюшка [6, с. 169, табл. XVIII; 7, с. 163, рис. 4,*3*; 8, с. 50, рис. 20,*3*; 9, с. 33, рис. 6,*3*] подработка затронула спинку остроконечника.

Скребла — 2 экз. Одно из них поперечное, на массивном полупервичном отщепе. Лезвие этого инструмента образовано крупной отвесной ретушью. Второй экземпляр обработан почти по всему периметру (рис. 2,*3*). Заготовкой для орудия послужил широкий треугольный отщеп с несовпадающими осями, его очертания полностью изменила распространенная моделирующая ретушь. Прямая боковая кромка скребла притуплена мелкой ретушью. Аналогичные по форме скребла с косым лезвием известны в мустье Приазовья [10, с. 80, рис. 4,*7—10*]

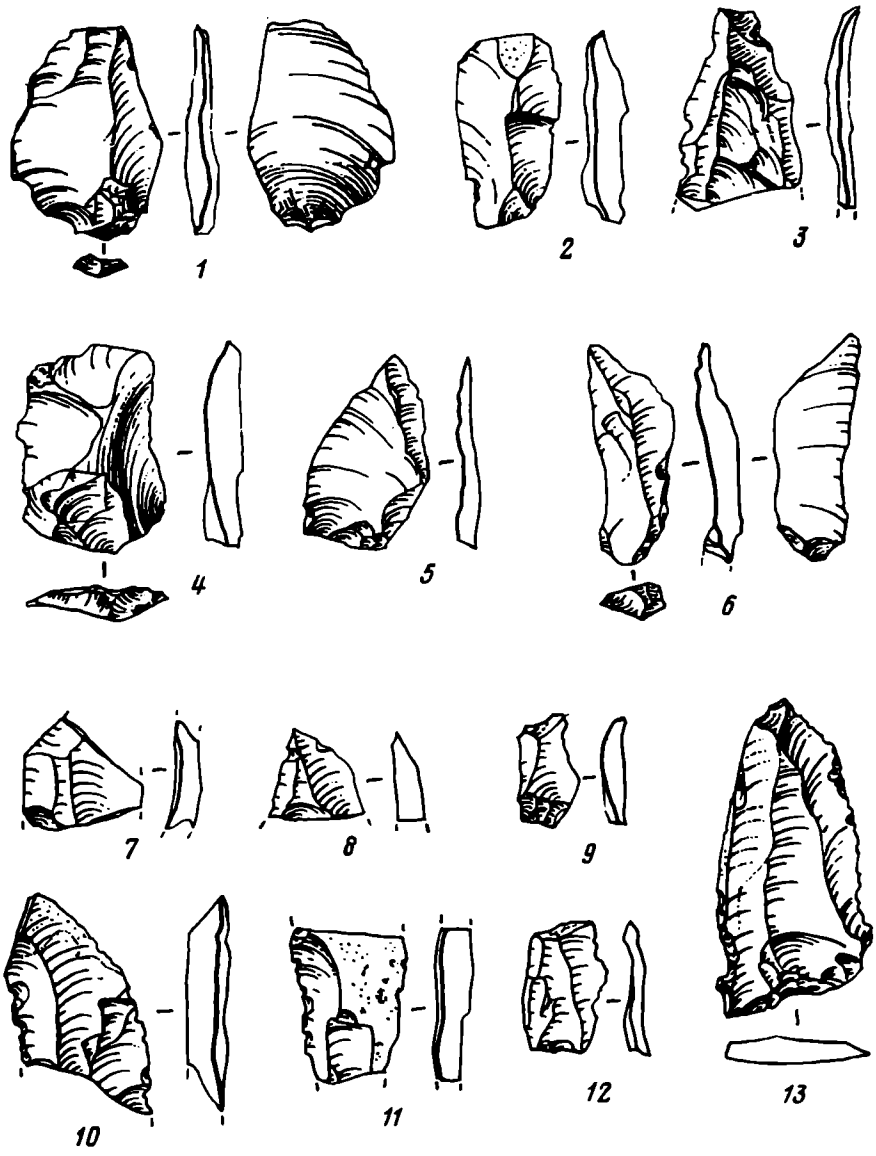


Рис. 6. Сколы-заготовки

Ножи — 4 экз. Два ножа — обушковые на подтреугольных отщепах, один — обушковый на пластине с конвергентной огранкой (рис. 6,*13*). Наиболее выразителен нож подовальных очертаний с частично двусторонней подработкой одного из концов (рис. 2,*2*). По форме и характеру подправки он напоминает так называемые ножи костенковского типа [11, с. 23, рис. 52, *1,2*] Подработка устранила площадку скола и выровняла профиль орудия. Подобным образом отсечена площадка у одной из пластин (рис. 6,*6*).

Кроме того, в коллекции содержатся долотообразное орудие на массивном отщепе, обломок рубящего орудия (рис. 2,*7*) и скобель (рис. 2,*8*).

Аналогией среди мустьерских памятников Донбасса Звановка не имеет. Вырисовывается довольно характерная картина. Орудий, если следовать бордовской традиции и включать в их состав леваллуазские сколы, немногим более 1%. При этом типологически ясных нуклеусов в 2 раза больше — около 2%. Еще больше желваков со следами оббивки, заготовок ядрищ, нуклевидных кусков — до 7%. Массивные первичные и полупервичные отщепы составляют более половины всех отщепов. Таким образом, очевидно доминирование первичной обработки камня на памятнике.

Приведенные данные контрастируют с показателями, характерными для стоянок. В каменном инвентаре стоянок технологический акцент, как правило, смещен в сторону вторичной обработки, так как на стоянках решались производственные задачи, связанные с употреблением орудий. Процентное содержание орудий на стоянках может варьировать в широких пределах, снижаясь до 2—3%, например в мустьерских памятниках Приднестровья [12, 13], но цикл первичного расщепления на них никогда не обособлен. В Звановке отчетливо заметна искусственная сортировка изделий. На 20 нуклеусов и 19 пренуклеусов приходится 101 скол-заготовка, значительная часть которых представлена фрагментами. Еще более полярный случай сортировки комплекса мастерской показывает верхнеашельская мастерская Джрабер в Армении, где на 105 нуклеусов приходится свыше 100 сколов-заготовок [1]. Видимо, лучшие образцы сколов-заготовок уносили на базовые стоянки. Часть сколов намеренно рассекалась на мастерской. На стоянки уносили и нуклеусы. Мастерские часто посещались для пополнения запасов сырья, на них частично осуществлялась хозяйственно-бытовая деятельность, поэтому здесь оставалось некоторое количество орудий. Нужно полагать, месторождения эксплуатировались населением, живущим вблизи источников сырья. Пример кочевания мустьерцев в районе Звановской мастерской можно видеть в пункте, обследованном в 1969—1970 гг. Это самостоятельный памятник, близкий по технико-типологическим показателям к мастерской, но с иным соотношением первичного и вторичного циклов расщепления камня.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Любин В. П.* Верхнеашельская мастерская Джрабер // КСИА. 1961. Вып. 82.
2. *Бугианишвили Т. В.* Палеолитические памятники Цоро-Алазарского бассейна // Труды Кахетинской археологической экспедиции. Вып. 1. Тбилиси: Мецниереба, 1969.
3. *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. М.: Наука, 1972.
4. *Колесник А. В., Привалов А. И.* Мустьерская стоянка Звановка // АО — 1978. М., 1979.
5. *Соболев С. С.* Террасы р. Донца и его притоков // Геологический очерк бассейна реки Донца. Харьков; Киев: Гос. науч.-техн. изд-во Украины, 1936.
6. *Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев: Наук. думка, 1976.
7. *Колосов Ю. Г* Новая мустьерская стоянка в гроте Провал // Исследования палеолита в Крыму. Киев: Наук. думка, 1979.
8. *Колосов Ю. Г* Шайтан-Коба — мустьерська стоянка Криму, Київ: Наук. думка, 1972.
9. *Смирнов С. В.* Палеоліт Дніпровського Надпоріжжя. Київ: Наук. думка, 1973.
10. *Праслов Н. Д.* Мустьерское поселение Носово 1 в Приазовье // МИА. 1972. № 185.
11. *Ефименко П. П.* Костенки 1. М.; Л.: Наука, 1958.
12. *Анисюткин Н. К.* Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М.: Наука, 1981.
13. *Черныш А. П.* Многослойная палеолитическая стоянка Молодова 1 // Молодова 1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. М.: Наука, 1982.

A. V Kolesnik

ZVANOVKA, A MOUSTERIAN FLINT PROCESSING SHOP IN DONBASS

Summary

Zvanovka was discovered in 1969. The 1976-1978 and 1980-1981 investigations have identified the part of the site with Mousterian flints. They were found on the Cretaceous surface and in the loamy-sand layer and are divided by a loam stratum from 1 to 4 metres thick. The collection includes 1084 flints, with the wastes of stone shipping and cores predominating. The implements are few. The correlation between the categories of tool refers the site to the shop category.

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ, А. В. УТКИН

НОВЫЕ РАСКОПКИ ВАШУТИНСКОЙ СТОЯНКИ

Вашутинская стоянка открыта в 1927 г. переславским краеведом М. И. Смирновым [1]. Она привлекла внимание археологов как один из северных памятников волосовской культуры, в связи с раскопками И. К. Цветковой в 1959 г. [2,3]. Эта интересная многослойная стоянка была исследована на небольшой площади. В 1983 г. Верхневолжская экспедиция ИА АН СССР под руководством Д. А. Крайнова возобновила раскопки памятника [1] [4,5]

Стоянка находится в 2 км к юго-востоку от д. Романово Переславского р-на Ярославской обл., на северо-восточном берегу оз. Вашутино. Это сравнительно небольшое (310 га) и неглубокое (не более 3,5 м) озеро послеледникового происхождения. Через р. Вашенка, вытекающую из озера, и Нерль Малую оно связано с р. Клязьма.

Древнее поселение занимало юго-восточную часть песчаного вала, который тянется вдоль озера с северо-запада на юго-восток на 500 м. Береговой вал шириной 30—50 м сильно оплыл, его высота над водой — около 1,5 м. В средней части он задернован, по краям зарос деревьями и кустарником. Поселение сохранилось на площади около 4000 м^2, его юго-западный край частично размыт озером.

И. К. Цветкова заложила на стоянке два раскопа и шесть шурфов. Первый раскоп (60 м^2) находился в центре, второй (96 м^2) — в юго-восточной части поселения (рис. 1). Было открыто волосовское жилище и установлено, что памятник содержал материалы различных эпох, от неолита до раннего железа [3]

Верхневолжская экспедиция, проведя шурфовку в 1981 г. (работал Ю. Б. Цетлин), в 1983—1985 гг. исследовала южную часть стоянки. Вскрытая площадь (548 м^2) расширила раскоп II 1959 г. в северо-восточную и юго-восточную стороны. Исследованы еще два жилища волосовского времени, три погребения, получен интересный разновременный вещевой материал [4,5] Стратиграфия памятника в основном однородна, однако на разных участках раскопа выделенные слои различались как по интенсивности и оттенкам цвета, так и по количеству находок. Не везде одинакова мощность напластований. В дерне, который подстилал серый подзолистый песок (до 10 см), в основном встречались обломки поздней селищенской керамики. Ниже, в светло-сером рыхлом песке (10—20 см), преобладали находки сетчатой керамики и находки эпохи бронзы. В слое темно-серого гумусированного песка (20—70 см) встречались находки разных археологических культур, при этом больше всего было волосовской керамики, особенно в жилищах. На участках стоянки за пределами жилищ культурный слой был коричневатого оттенка, как и в верхней их части. Материк, плотный желтый песок с коричневыми прослойками и мелкой озерной галькой, находок не содержал.

Песчаный грунт определил характер напластований, не разделенных стерильными прослойками. Хронологические горизонты выделены нами условно,

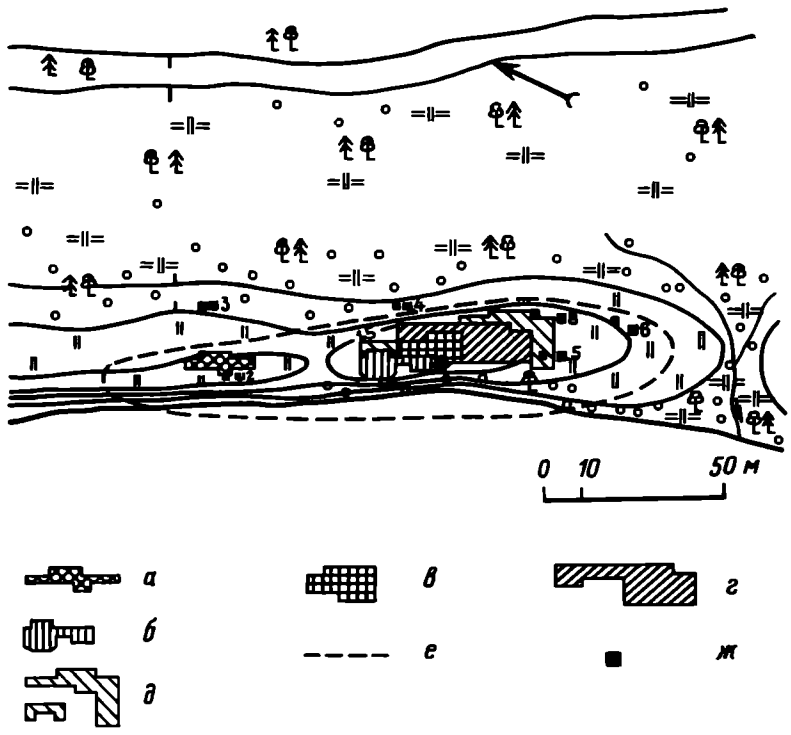


Рис. 1. План Вашутинской стоянки. *а* — раскоп I 1959 г.; *б* — раскоп II 1959 г.; *в* — раскоп II 1983 г.; *г* — раскоп II 1984 г *д* — раскоп II 1985 г.; *е* — условная граница поселения; *ж* — шурфы

по преобладанию находок определенного культурного облика. Стратиграфия осложнена также многочисленными перекопами при постройке жилищ и других бытовых сооружений.

Вашутинская стоянка интересна прежде всего как памятник волосовской культуры с жилищами. На стоянке их раскопано три: первое в 1959 г. и два в 1983 и 1984 гг. Место расположения жилищ было определено по незначительным западинам на поверхности дюны. При раскопках контуры построек проявились только на глубине 0,30 м, а наиболее четкими стали на глубине 0,45 м.

Все жилища располагались вдоль берега озера, на расстоянии 7—8 м друг от друга (рис. 2, *1*). Ориентированы по длинной оси с северо-запада на юго-восток. В плане они имели форму прямоугольника с округлыми углами и близкие размеры: 7×6 м (жилище I, II), 10×6,5 м (жилище III) [2,3] Глубина котлованов около 0,4—0,5 м от древней поверхности. Вероятно, жилища были наземными с углубленным полом, условно их можно назвать полуземлянками. Все они похожи по конструкции, имели выходы шириной 1—1,5 м. У первой постройки такой выход находился с северо-западной стороны и, по заключению И. К. Цветковой, представлял собой короткий пандус [2, 3] У второго жилища было два выхода. Первый, северо-западный, соединял жилое помещение с круглой в плане ямой-хранилищем. Яма имела шалашеобразное ограждение, вокруг нее сохранились следы от столбов и плашек, угли, однако кострищ внутри не было. Диаметр ямы — 2,3 м, ее дно находилось ниже пола жилища на 30 см, в заполнении найдены обломки волосовских сосудов. Второй выход из жилища, юго-восточный, был направлен в сторону озера. Два выхода имело и жилище III. Северо-западный узкий проход вел в широкое помещение неправильной формы, возможно, того же назначения, что и яма у жилища II. Второй выход из жилища, основной, вел к озеру и был частично размыт (рис. 2, *2*).

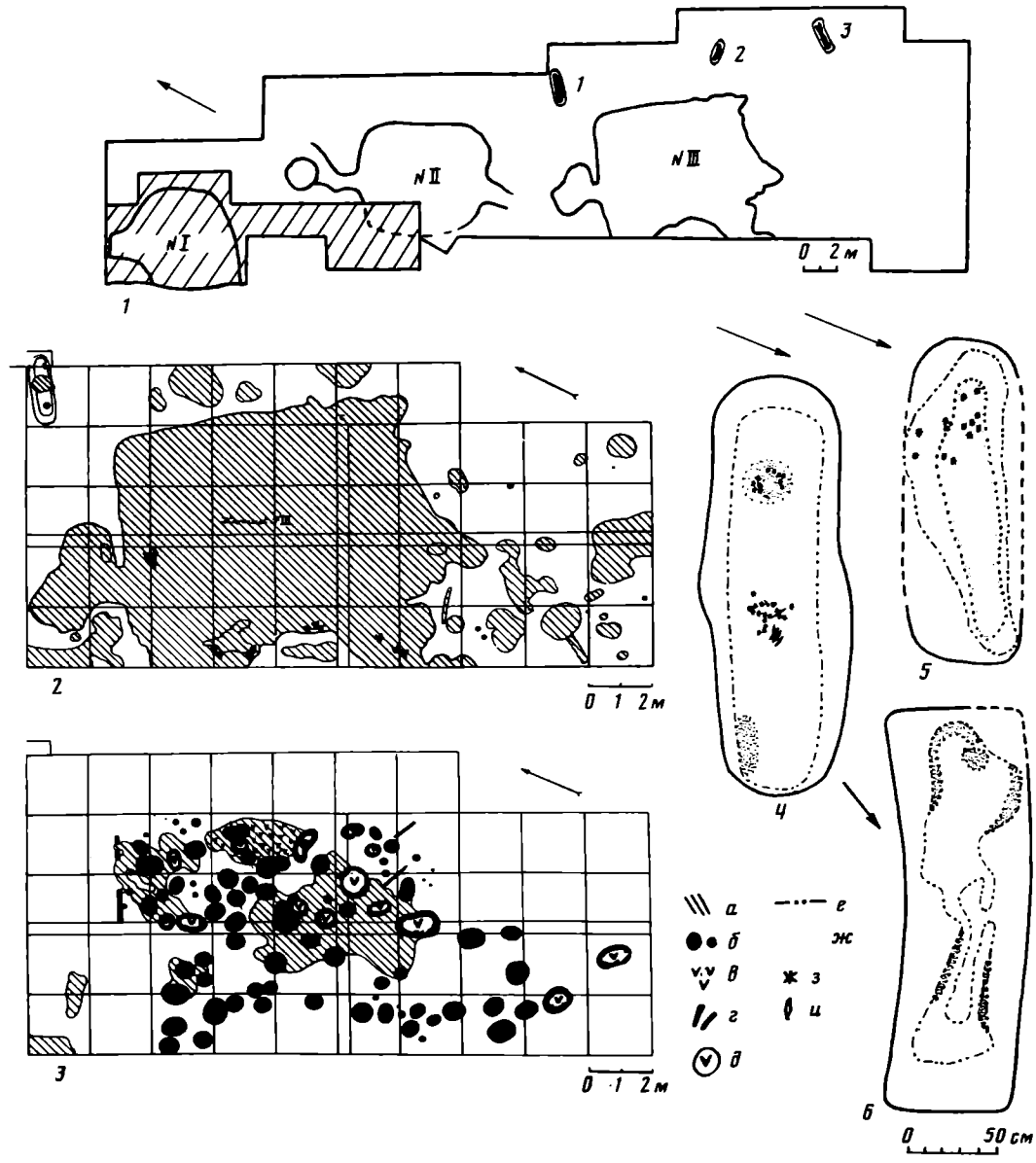


Рис. 2. Жилища и погребения Вашутинской стоянки. *1* — план раскопов 1959 (заштрихован) и 1983—1985 гг. (I—III — жилища, 1—3 — погребения); *2* — план жилища III на глубине 40—50 см; *3* — план основания жилища III на глубине 60—70 см; *4* — погр. 1; *5* — погр. 2; *6* — погр. 3 (*а* — темное заполнение жилища и ям, *б* — ямы и ямки, *в* — углистые пятна, *г* — следы деревянных конструкций, *д* — очажные ямы, *е* — границы красноватого заполнения могил, *ж* — охристые пятна, *з* — янтарные украшения, *и* — орудия)

Жилища были заполнены гумусированным темным песком с большим количеством обломков сосудов, преимущественно волосовских, кремневых и каменных орудий и отходов производства. В основании построек прослежены многочисленные углисто-зольные пятна диаметром 0,4—1 м — остатки кострищ, очажных и отопительных ям (некоторые с подбоями), а также хозяйственные ямы с отдельными находками волосовской керамики и орудий. На площади жилищ и за их пределами было много ямок от столбов, диаметром 10—20 см. Пятна и ямки располагались нерегулярно, часто перекрывали друг друга, что указывает на относительно долгий период функционирования жилищ, на их ремонты и перестройки. Менялись и места кострищ внутри помещений. Воссоздать облик жилищ трудно, так как почти не сохранились следы конструктивных деталей. Лучше других фиксировалась северо-запад-

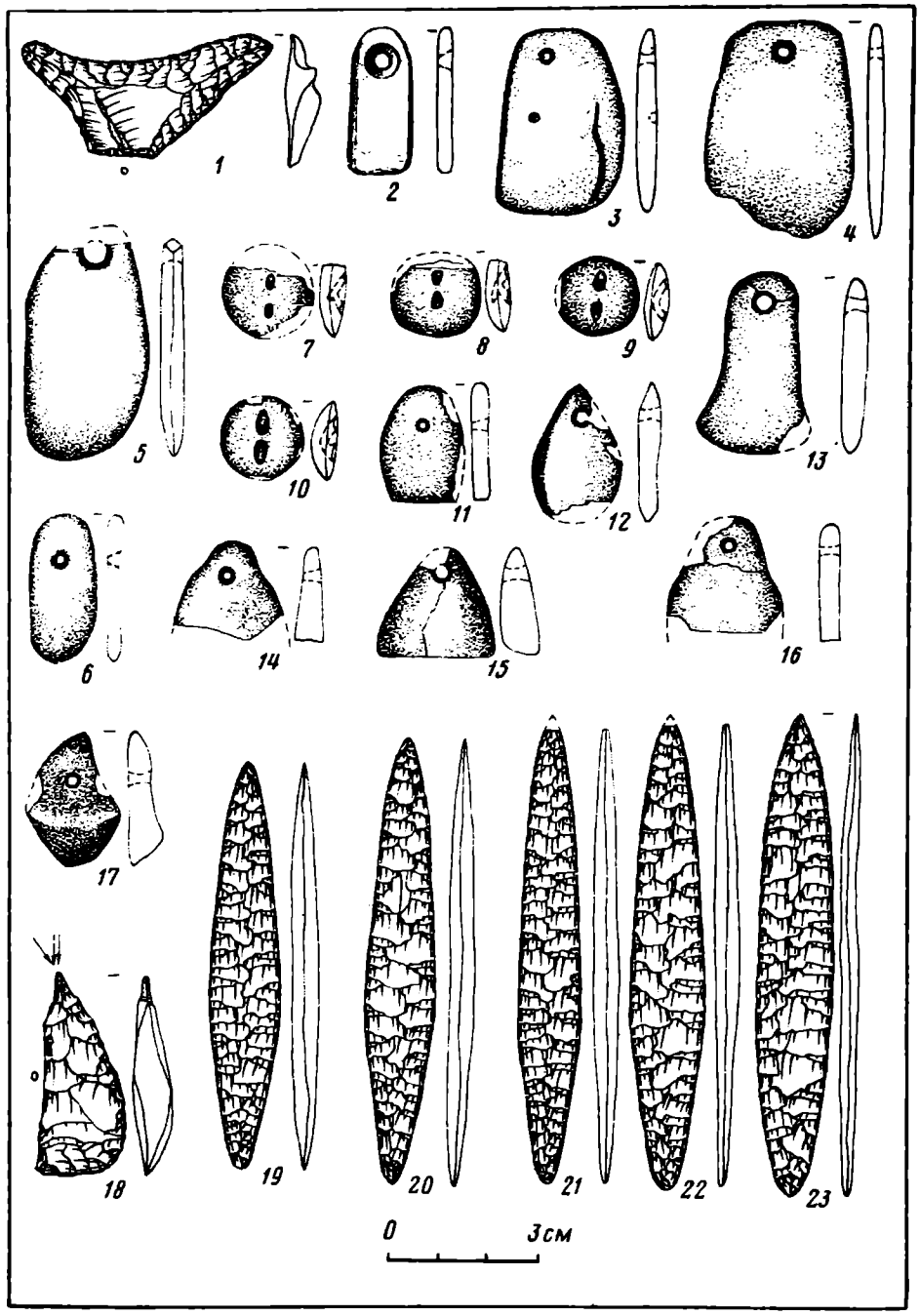


Рис. 3. Предметы из культурного слоя стоянки (*1—6*) и погребений (*7—17* — погр. 2; *18—23* — погр. 1), *1, 18—23* — кремень; *2—6* — сланец; *7—17* — янтарь

ная стенка третьего жилища, в виде темной полосы от бревна длиной 2,8, шириной и толщиной 0,2 м, с ямками от вертикальных столбов по его сторонам. Вероятно, это часть обкладки стен углубленной нижней части жилища или нижний венец сруба. Следы двух параллельных плашек и скопления ямок от столбов сохранились и на восточной границе жилища (рис. 2, *3*). В жилище II на дне сохранился тлен от деревянных ступенек, ведущих к выходу.

Все жилища, исследованные на Вашутинской стоянке, судя по их расположению относительно друг друга и тождественным материалам в заполнении и в ямах на дне построек, существовали одновременно и типологически

относятся к волосовским [2]. Аналогичные жилища изучены и известны в Костромском Заволжье [6], в Мещере, на Масловом болоте [7], в Ивановской обл., на поселениях у оз. Сахтыш [8]. Много подобных жилищ открыто на стоянках Нижней Оки [9, 10] и в Марийском Поволжье [11, 12]

В 1984, 1985 гг. на площади Вашутинского поселения было обнаружено три погребения. Они располагались к северо-востоку от жилища III, по линии северо-запад—юго-восток, на расстоянии 5—7 м друг от друга (рис. 2, *1*). Признаки захоронений в виде охристых вкраплений в культурном слое были зафиксированы на глубине 0,2—0,25 м от современной поверхности, четкие контуры могилы с пестрым заполнением и пятнами охры приобрели на глубине 0,3—0,35 м. С незначительным отклонением все могилы были ориентированы с юго-востока на северо-запад. Две могилы в плане были овальными (рис. 2, *4, 5*), третья — в виде изогнутого прямоугольника (рис. 2, *6*).

Размеры могильных ям и погребений: могила 1—2,40×0,90 и 2,15×0,50 м; могила 2—1,75×0,65 и 1,55×0,55 м; могила 3—2,18×0,68 и 1,83×0,54 м. Глубина захоронений —50 см от поверхности. Кости погребенных в могилах не сохранились, на захоронение указывали украшения, орудия и охристые пятна. Конфигурация и степень насыщенности пятен краской различны. В погр. 1 все дно было красноватого цвета, но особенно выделялись овальное пятно в восточной части могилы и яркое пятно диаметром 0,30 м в его юго-западной части. Здесь, судя по коронкам зубов, находился череп (рис. 2, *4*). Погребение сопровождали янтарные украшения и изделия из кремня. 11 круглых янтарных пуговиц с У-образным отверстием плохой сохранности найдены в вертикальном положении, дырочками к черепу, и были, вероятно, нашиты на головной убор. 17 таких же двояковыпуклых пуговиц диаметром 8—15 мм лежали в центре могилы. Большинство из них было расположено цепочкой, двумя ярусами поперек пятна. Верхние пуговицы — на ребре или в горизонтальном положении отверстиями вниз, нижние — отверстиями вверх. Вероятно, они украшали пояс. Среди пуговиц находились двусторонне ретушированное сверло с двумя резцовыми сколами на рабочем конце (рис. 3, *18*) и наконечник стрелы. Чуть восточнее компактно лежали еще четыре наконечника. Иволистные по форме, они изготовлены из кремня коричневато-желтого цвета, прекрасно обработаны струйчатой ретушью и почти одинаковы по размерам (рис. 3, *19—23*). Сверло, очевидно, было за поясом, рядом находился и колчан со стрелами. Эти находки позволяют полагать, что в могиле был погребен мужчина. Вероятно, он лежал на спине вытянуто, головой на юго-запад, в сторону озера.

Во второй могиле пятно окрашенного охрой песка напоминало контуры спеленутого человека. Внутри выделялось ярко-красное пятно меньших размеров (рис. 2, *5*). Судя по его контурам, погребенный (женщина?) лежал вытянуто, головой на юго-запад. В области головы, груди и с правой стороны погребенной найдено 14 янтарных украшений плохой сохранности: 5 круглых двояковыпуклых пуговиц с У-образным отверстием (рис. 3, *7—10*) и 9 подвесок. 4 подвески сломаны, от них сохранились только верхние части (рис. 3, *14, 16*). Остальные были различной формы: треугольной (рис. 3, *15*), ромбовидной (рис. 3, *17*), каплевидной (рис. 3, *12*), овально-прямоугольной (рис. 3, *11*) и в виде трапеции (рис. 3, *13*). Расположение этих украшений позволяет заключить, что они не входили в состав нагрудного ожерелья, а были нашиты на одежду погребенной.

В третьей могиле пятно темно-красного песка было менее интенсивным и компактным, но в нем хорошо угадывались очертания лежащего вытянуто человека (рис. 2, *6*). Особенно четко выделялись контуры головы, ориентированной на юго-запад, и нижних конечностей. Длина пятна —1,85 м. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Таким образом, для Вашутинского могильника характерны захоронения, расположенные в ряд, с одинаковой ориентировкой покойников головой к

Таблица

Распределение керамики по условным горизонтам

Культурная принадлежность посуды	Глубина, см							Всего	%
	0—20	20—30	30—40	40—50	50—60	60—70	ниже 70, из кострищ и ям		
Русская — XVII—XVIII вв.	30*	3	—	1	—	—	—	34	1,01
Древнерусская	149	42	32	3	2	—	—	228	6,79
Дьяковская	179	115	52	17	3	—	—	366	10,9
Ложнотекстильная	64	79	23	16	5	—	1	188	5,59
Эпоха бронзы	46	132	49	12	9	3	щ	251	Ш,47
Волосовская	188	483	354	302	225	126		1722	51,26
Гребенчато-ямочная	14	6	10	5	—	—	—	35	1,04
Типа льяловской	131 (36)**	157 (47)	107 (33)	65 (23)	25 (11)	12 (4)	3 (2)	500 (156)	14,88
Верхневолжская	—	15	7	4	5	4	—	35	1,04
Итого	801	1032	634	425	274	145	48	3359	100

* Развал сосуда принят за единицу.

** В скобках указано количество керамики с редкоямочным орнаментом.

воде, единый погребальный обряд, янтарные украшения в инвентаре. Изделия из восточнобалтийского янтаря позволяют приблизительно датировать могильник в пределах середины III— рубежа III—II тыс. до н. э. [13, 14] Погребения с янтарем и охрой, во многом близкие вашутинским, исследованы в Кончанском и Каргулинском могильниках [15, 16], на стоянках Репище, Иловец I, Языково I, Сахтыш VIII и Николо-Перевоз II (второе погребение) [17—22] Большая часть этих аналогий позволяет отнести вашутинские захоронения к волосовской культуре.

Новые раскопки Вашутинской стоянки дали значительный и разнообразный материал. Общее количество находок из культурного слоя, включая заполнение жилищ,—4418 экз. Основная масса (3359 экз.) — обломки керамики (76,03% всех находок) [3] Керамика неоднородна, типологически делится на несколько культурно-хронологических комплексов (рис. 4), фиксирующих различные этапы заселения берегов озера (таблица).

Самый поздний керамический комплекс на стоянке — обломки русской посуды XVII—XVIII вв., 34 экз. (1,01% всей керамики) — найден в дерновом слое. Это фрагменты круговых моренных дымом сосудов с серебристым или черным лощением.

Древнерусской керамики значительно больше —228 фрагментов (6,79%). Она в основном находилась в дерне или светло-сером песке. Плоскодонные горшки изготовлены на гончарном круге, некоторые украшены по плечикам линейным или волнистым орнаментом, венчики — с эсовидным профилем. В целом керамика датируется XII—XIII вв., незначительная часть обломков принадлежит, по-видимому, сосудам XIV в.

К этому и более позднему времени относятся остатки железного ножа и девять керамических грузил от рыболовных сетей (пять эллипсоидных, два цилиндрических, столько же дисковидных со смещенным к краю отверстием).

Дьяковская керамика представлена, включая четыре развала сосудов, 366 экз. (10,9%). Она в основном встречалась на самой возвышенной части стоянки на глубине 0—30 см. Сосуды хорошо обожжены, толщина стенок 5—8 мм. В глине примеси измельченной дресвы, крупные зерна часто плохо промешаны. По способу обработки внешней поверхности выделяется гладкостенная и сетчатая посуда. Обе группы практически лишены орнамента. Лишь на единичных фрагментах имеются неглубокие ямчатые вдавления или

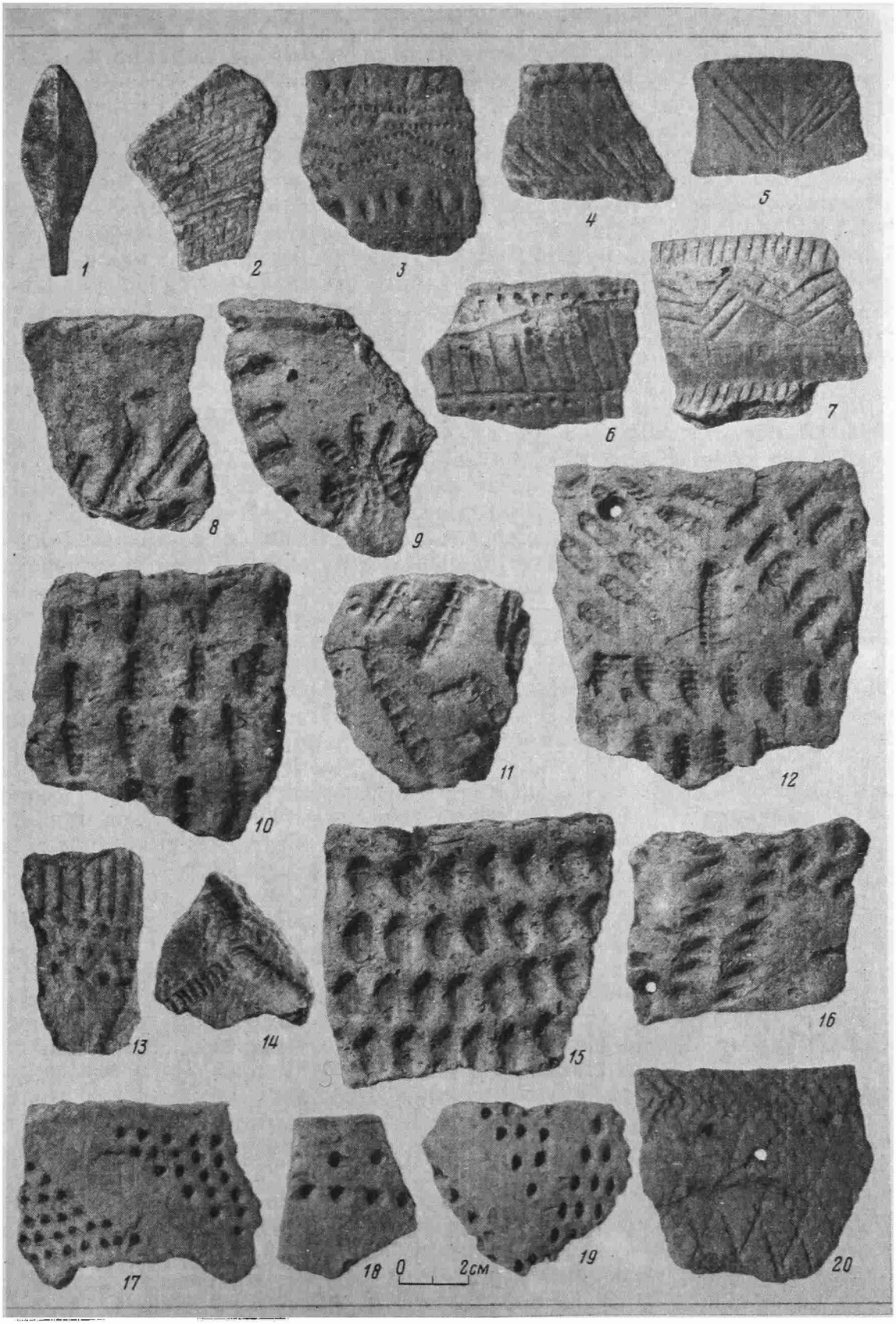


Рис. 4. Металлический наконечник и образцы разновременной керамики. *1* — наконечник дротика; *2—20* — керамика (*2* — сетчатая; *3—7* — эпохи бронзы; *8—16* — волосовская; *17—19* — ямочная; *20* — верхневолжская)

редкие оттиски гребенки. Из четырех развалов три сосуда сетчатые и один гладкостенный. Форма и размеры сетчатых сосудов не реконструируются. Сделаны они грубо, имели слегка закрытое устье, выпуклое тулово и плоское днище с небольшими закраинами, сетчатый фон нанесен небрежно. Восстановлен гладкостенный сосуд вытянутых пропорций, округлобокий, с плоским дном (диаметр устья —18, дна —16, высота сосуда —26 см). В древности для починки сосуда на шейке были просверлены попарно отверстия. Аналогичную посуду на дьяковских городищах (Троицкое, Щербинское и др.) И. Г. Розенфельд датирует IV—VII вв. н. э. [23]. Для вашутинской керамики получена более ранняя дата; по образцу угля из кострища (кв. 77, глубина 20 см, 1984 г.) близ скопления дьяковской керамики она датируется 2280±40 (Ле — 2618) от наших дней. Если эта дата правильна, то следует предположить, что керамика эпохи раннего железа на Вашутинской стоянке накапливалась, начиная с конца IV в. до н. э. до IV—VII вв. н. э. Преобладание обломков и развалов сосудов с сетчатым фоном как будто бы это подтверждает.

Вероятно, именно с сетчатой керамикой можно связывать и железный (?) наконечник дротика или нож (рис. 4, *1*) и грубую каменную мотыжку с перехватом. На стоянке выделяется и «ложнотекстильная» керамика (188 экз., 5,59%). Основная ее масса найдена на глубине 10—30 см, планиграфически на всей площади раскопа. Обломки тонкостенные (4—6 мм), прочные, с примесью мелкой, хорошо промешанной дресвы. Внешняя поверхность имеет сетчатый фон, который в отличие от дьяковского ровный, ячейки неглубокие. На внутренней стороне черепков — следы заглаживания зубчатым штампом. Часть обломков орнаментирована ямчатыми, треугольными и овальными вдавлениями, «жемчужинами» и зубчатыми оттисками. Украшались, как правило, только шейка и плечики сосудов («сетка» иногда на них отсутствовала). Орнаментальные композиции на большинстве фрагментов — один-два ряда разреженных ямчатых вдавлений или простой зигзаг из гребенки. Керамика эпохи бронзы неоднородна по составу. Она составляет около 7,5% всей керамики, распределялась главным образом в слое серой супеси под дерном, на глубине 20—30 см, преимущественно за пределами волосовских жилищ. Вся керамика имеет выделенное горло, верхняя половина сосудов орнаментирована оттисками зубчатого штампа, нарезками, вдавлениями. Состав теста различен, в глине примеси песка, дресвы, органики. Хорошо выделяется фатьяновская и так называемая фатьяноидная керамика, довольно часто встречающаяся на многослойных поселениях Верхнего Поволжья [24, 25]. Найдены обломки нескольких типично фатьяновских сосудов, изготовленных из плотной глины с примесью песка (рис. 4, *4, 5*). Один из них, фрагменты которого были разбросаны на большой площади, частично реконструирован. Сосуд имел расширяющееся горло высотой 3,5—4, диаметром — около 15 см и округлое тулово. Край венчика прямой, орнамент состоит из оттисков веревочки и прочерченных линий (на горле он расположен по горизонтали: тройной зигзаг сверху и снизу ограничен двойными полосами веревочки, на плечиках схема смотрится по вертикали — елочки перемежаются несколькими линиями). Поверхность коричневатого цвета хорошо заглажена, толщина стенок 4—5 мм (рис. 5, *1*). Другой сосуд по размерам и цвету близок описанному, но имеет отогнутый венчик с насечками по краю, на шейке тройной зигзаг. В глине примесь крупного песка (рис. 5, *2*). Небольшой сосуд (диаметр горла —6 см) украшен только двумя рядами вертикальных оттисков по горлу и плечикам (рис. 5, *3*). Горла нескольких сосудов не орнаментированы, на одном из них виден способ формовки из тонких лент, край венчика сильно оттянут (рис. 5, *4, 5*). К фатьяновским можно отнести еще небольшое число фрагментов венчиков и стенок с примесью песка в глине, с прочерченным орнаментом из разнонаклонных линий и косых насечек. Среди них обломки сосуда с примесью песка и дресвы в тесте, украшенного мелкозубчатым орнаментом, с типичным для поздних фатьяновских

Рис. 5. Керамика эпохи бронзы

сосудов разделителем зон — горизонтальной бороздкой (рис. 5, *6*). Фатьяновская керамика Вашутинской стоянки близка посуде из погребальных комплексов поздних могильников Ярославского Поволжья и ориентировочно датируется близко к середине II тыс. до н. э. [26]

Другая группа посуды эпохи бронзы отличается от собственно фатьяновской составом теста, в которое добавлены органические примеси (рис. 4, *7*) Некоторые сосуды почти повторяют фатьяновские, сходен и орнамент (рис. 5, *7*). Особенностью большей части сосудов с органикой являются утолщенное в средней части горло и плоский срез венчика, орнамент прочерченный или зубчатый (рис. 5,*8—10*). Близки к ним и экземпляры с зубчатым узором, покрывающим не только внешнюю, но и внутреннюю поверхность горла. Сосуды эти средних размеров (диаметр горла 11—13 см, высота его — около 4 см), коричневатого цвета, заглажены. Характерен орнамент из горизонтальных линий и зигзагов, выполненный зубчатым штампом (рис. 5, *11—13*)

Обращают на себя внимание два сосуда, по декору напоминающие абашевские, но по примесям песка и форме венчиков значительно от них отли-

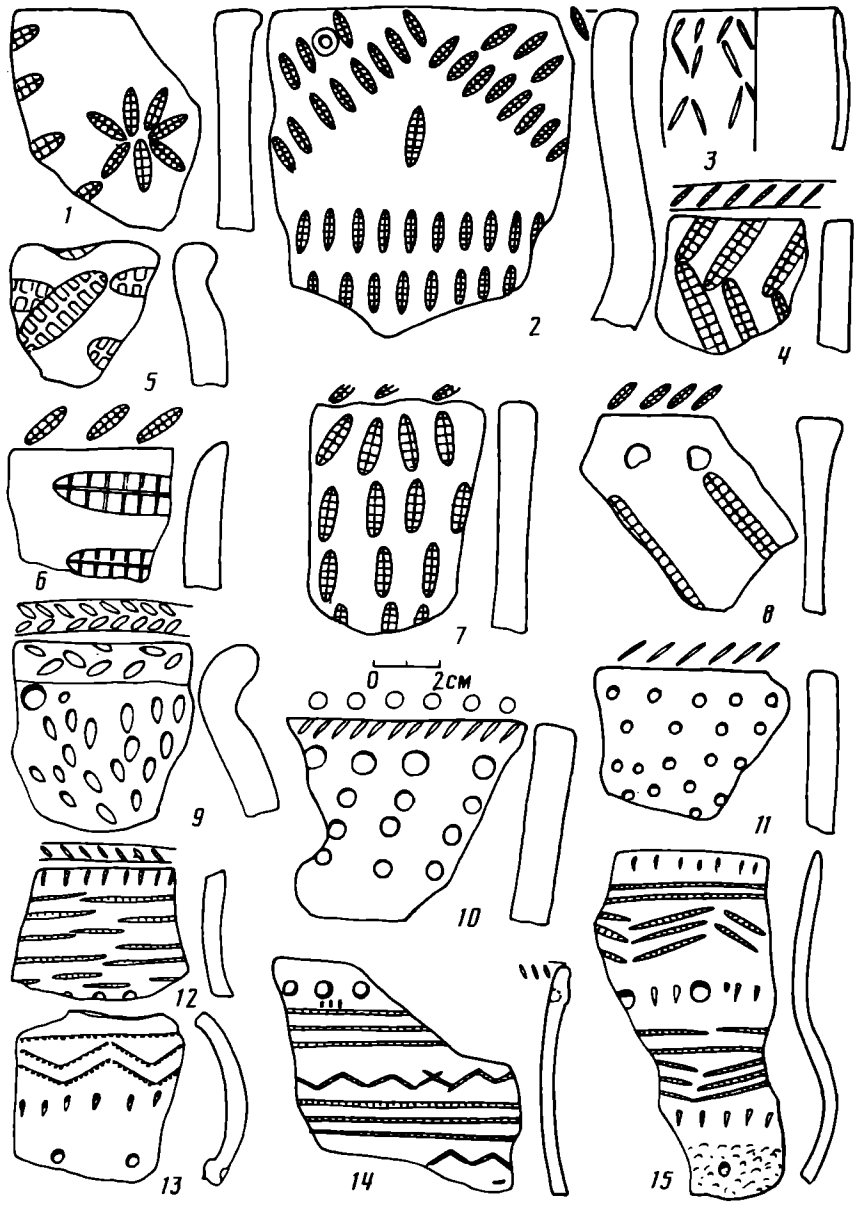


Рис. 6. Керамика Вашутинской стоянки. *1—11* — волосовская; *12—15* — конца эпохи бронзы

чающиеся. Один сосуд, обломки которого найдены на глубине от 10 до 40 см на большой площади, орнаментирован прочерченными линиями. На горле линии вертикальные, на стенках — небрежная горизонтальная лесенка с точечными вдавлениями по краям (рис. 5, *14*). В той же манере украшен и второй, меньший по размерам сосуд (рис. 5, *15*). По времени эта керамика близка собственно фатьяновской, но, вероятно, продолжала существовать и позже. Она имеет гибридный облик. К более позднему периоду можно, вероятно, отнести и часть сравнительно небольших сосудов с выделенным горлом с примесью дресвы в тесте, с зубчатым орнаментом из горизонтальных полос, зигзагов, наклонных линий. У многих сосудов косыми оттисками покрыты и срезы венчиков (рис. 5, *16—20*). Сосуды этого типа по декору напоминают поздняковскую керамику из поздних могильников (Коренецкого, Дикарихи), которые Т. Б. Попова датирует XIII—XII вв. до н. э. Ранее Т. Б. Попова керамику эпохи бронзы Вашутинской стоянки из раскопок И. К. Цвет-

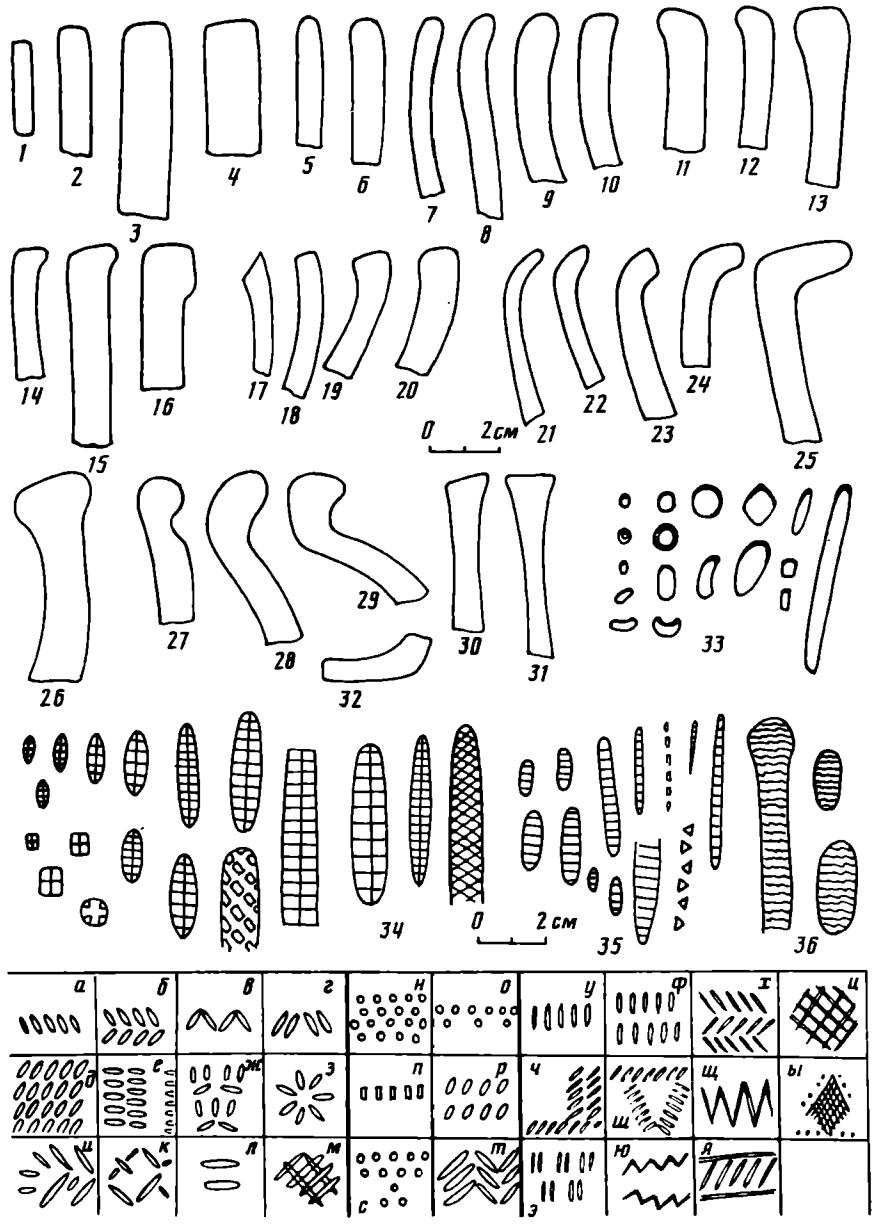


Рис. 7 Волосовская керамика. *1—31* — формы венчиков и донца сосудов; *33—36* — образцы орнаментальных штампов (*33* — гладкие, *34* — рамчатые; *35* — гребенчатые; *36* — перевитая веревочка); *а—м* — элементы орнамента из рамчатых штампов; *н—т* — из гладких вдавлений; *у—я* — из гребенчато-зубчатых оттисков

ковой определила как типичную для поздняковской культуры конца II тыс. до н. э. [27, 28]. Сосуды, сходные с поздняковскими, сопоставимы и с ложнотекстильной сетчатой посудой (рис. 6, *12*). Разновидностью такой керамики, вероятно, являются и высокогорлые горшки с примесью дресвы в тесте, с гребенчатым орнаментом, состоящим из зигзагов и горизонтальных полос в сочетании с жемчужинами (рис. 6, *14*), ямками и рядами вертикальных коротких вдавлений (рис. 6, *15*). Узор расположен на горле и верхней части плечиков, ниже поверхность тулова покрыта смазанными сетчатыми отпечатками.

Таким образом, на Вашутинской стоянке представлена керамика развитого и позднего периодов эпохи бронзы. В небольшом количестве найдена фатьяновская керамика, основная же масса отражает процесс смешения разных культурных традиций. Об этом свидетельствует гибридная керамика

(фатьяновская по форме, но с органической примесью), близкая чирковско-сейминской, керамика поздняковского типа, ложнотекстильная. Эти материалы еще раз свидетельствуют о сложном процессе взаимодействия различных племен накануне формирования культурных образований эпохи железа.

Самая многочисленная группа находок на поселении — керамика волосовского типа. Найдено 1722 экз. (51,26%). Основная ее масса включая развалы сосудов, происходит из жилищ, встречается она и на всей территории стоянки, на глубине 30—50 см, нередко небольшими скоплениями (таблица). Керамика четко выделяется в особый комплекс по целому ряду признаков, характерных для посуды волосовской культуры. Сосуды сформованы из глины с примесью органики, толстостенные (8—15 мм). Внешняя поверхность их в основном серо-желтого цвета, покрыта орнаментом, внутренняя гладкая или покрыта «расчесами» (рис. 4, *8—16*).

Удалось выделить, в основном по оболомкам венчиков и развалам, около 120 сосудов. Можно указать ведущие формы, среди которых преобладали котловидные, большой емкости. Основную группу образуют сосуды, прямые ровные по толщине венчики которых срезаны плоско (рис. 7, *1—4*), в 6 раз меньше сосудов с округлым краем (рис. 7, *5, 6*). Небольшая часть посуды имеет горловину с изгибом (рис. 7, *7—10*). У некоторых экземпляров венчик утолщен, с внутренней или внешней стороны слабо оттянут край его среза (рис. 7, *11—16*), т. е. формируется Г-образный профиль. Хорошо он выделен, однако, лишь у единичных экземпляров, так же как и Т-образный (рис. 7, *21—26, 30, 31*). Кроме котловидной есть и иные формы: сосуды с узкой горловиной и раздутым туловом (рис. 7, *27—29*), а также отрытые приземистые, типа мисок (рис. 7, *17—20*). Встречаются наряду с крупными и небольшие сосудики (рис. 6, *3*). Не совсем ясен вопрос о характере нижней части и донцах вашутинских волосовских сосудов. И. К. Цветкова писала о плоскодонной волосовской керамике на Вашутинской стоянке [4, с. 5], однако в публикуемой коллекции такой посуды нет, за исключением небольшого фрагмента плоского дна с органической примесью (рис. 7, *32*). Можно предположить, что сосуды с плоским дном уже были в употреблении, но не исключено, что бытовали и округлодонные. Все указанные типы волосовских сосудов украшены в единой манере, определенным набором штампов (рис. 7, *33—36, а—я*). В основном узоры покрывают весь сосуд, свободны от него лишь небольшие участки поверхности. Украшены и срезы венчиков, у единичных сосудов горловина орнаментирована также внутри. Для вашутинской керамики характерны прежде всего отпечатки рамчатых штампов (более чем на половине всех сосудов), несколько меньше гладких вдавлений, относительно мало узоров и гребенчатых оттисков.

Особенно разнообразны рамчатые штампы, короткие и длинные, от 0,5 до 5 см длиной, узкие и широкие, в основном округлых очертаний, но почти все с прямоугольными ячейками (рис. 7, *34*). Их отпечатки покрывают большие участки на сосудах, образуя сплошное орнаментальное поле от горловины до дна. Многие сосуды украшены только рамчатым штампом, нередко двух-трех разновидностей. В основном в верхней части сосуда заметен регулярный характер орнамента — это или горизонтальные ряды оттисков, или двойные зигзаги из них (рис. 6, *2*), горизонтальная елочка, сдвоенные вертикальные полосы косых оттисков. Иногда вдавления нанесены с большими интервалами. Особенно интересен фрагмент горловины сосуда с розеткой (рис. 6, *1*) — своеобразный солярный символ, как и крестовидный оттиск на другом сосуде. На единичных экземплярах рамчатые оттиски перекрывают друг друга, образуя косую сетку.

Другая многочисленная группа штампов — гладкие (рис. 7, *33*). Преимущественно это круглые или овальные ямки разных размеров (0,3—0,8 см). Единичны подквадратные и ромбические вдавления. Есть длинные (6 см) широкие вдавления, образующие елочку. На одном фрагменте прочерченными линиями нанесены треугольники. Ямочные вдавления, а также кольцевые

образуют горизонтальные ряды по типу узоров на неолитической ямочно-гребенчатой керамике (рис. 6, *10, 11*). Иногда они так же сочетаются с рамчатыми оттисками (рис. 6, *8*).

Гребенчатые отпечатки, прямые и овальные, широкие и узкие, встречаются значительно реже других (рис. 7, *35*). На некоторых сосудах они образуют косую сетку, елочку, есть единичные фрагменты с орнаментом в виде «шагающей гребенки». Веревочные штампы нехарактерны, лишь один из крупных сосудов орнаментирован оттисками обмотанной палочки (рис. 7, *36*)

Перечисленные орнаменты встречаются на всех разновидностях волосовских сосудов Вашутинской стоянки и как будто не связаны с определенной их формой. На некоторых сосудах отмечается сочетание нескольких видов штампа — гладких и рамчатых, рамчатых и зубчатых.

Общий облик вашутинской керамики не производит впечатление самого позднего среди волосовских комплексов. Несмотря на органические примеси, характер орнаментики (преобладание рамчатых штампов и округлых гладких вдавлений) отличает ее от керамики стоянки Подборица-Щербининская, на которую как на ближайшую аналогию первоначально указывала И. К. Цветкова. Для керамики этой стоянки характерны в орнаменте преимущественно зубчатые оттиски, длинные нарезки, оттиски веревочки и малое количество рамчатых [10, с. 179—181] Все это позволяет отнести вашутинскую керамику к более раннему периоду, чем предлагала И. К. Цветкова (вторая половина II тыс. до н. э.) [3, с. 50] Типологически по керамике волосовский период обитания стоянки можно датировать концом III — началом II тыс. до н. э. Приблизительно к этому же времени относятся и погребения с янтарем на стоянке.

Находки керамики с гребенчато-ямчатым орнаментом (протоволосовской, по Д. А. Крайнову) немногочисленны —1,04% (35 экз. от трех-четырех сосудов). Тонкостенные (5—7 мм) сосуды с примесью дресвы в тесте, украшены короткими овальнозубчатыми глубокими вдавлениями, расположенными зональными поясами или образующими рисунок геометрического характера. На внутренней поверхности черепков «расчесы».

Керамика типа льяловской (500 экз.—14,88%) встречалась главным образом в прибрежной части стоянки, на глубине 10—50 см. Слой ее залегания был сильно нарушен волосовскими жилищами. По технологическим признакам и орнаментальным композициям эта керамика делится на две группы. Первая — фрагменты с редкоямочным орнаментом (156 экз.), тонкие, 4—5 мм, тщательно заглажены и равномерно обожжены [4] Основная примесь — мелкий песок, иногда дресва. Глубокие конические ямки нанесены аккуратно, большинство — под небольшим наклоном к поверхности, и образуют геометрические фигуры (треугольники, ромбы, зигзаги и т. п.) на фоне неорнаментированных полей. Сосуды остродонные, со слегка раздутым, вытянутым (?) туловом, имели небольшой прогиб шейки (рис. 4, *17—19*).

Ко второй группе отнесена типичная керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом (344 экз.). Плотные, с примесью дресвы обломки стенок толщиной 5—8 мм густо покрыты белемнитными ямками. Горизонтальные ряды ямок разграничены поясками из зубчатых оттисков, или лунниц. На некоторых обломках чередуются одиночные пояса ямок и зубчатых оттисков. Сосуды, судя по небольшому количеству фрагментов венчиков и днищ, были митровидной и полуяйцевидной формы. Подобная, а порой и тождественная керамика была широко распространена на позднельяловских поселениях конца IV — первой половины III тыс. до н. э. в центральной части Волго-Окского междуречья, особенно в бассейне верховьев Клязьмы и смежных северных территорий [30, с. 98—100].

Наиболее древний комплекс стоянки — обломки верневолжской керамики (35 экз.—1,04%). Они найдены в разных местах раскопа и на различных глубинах. Стенки сосудов тонкие (5—7 мм), непрочные, слабого обжига,

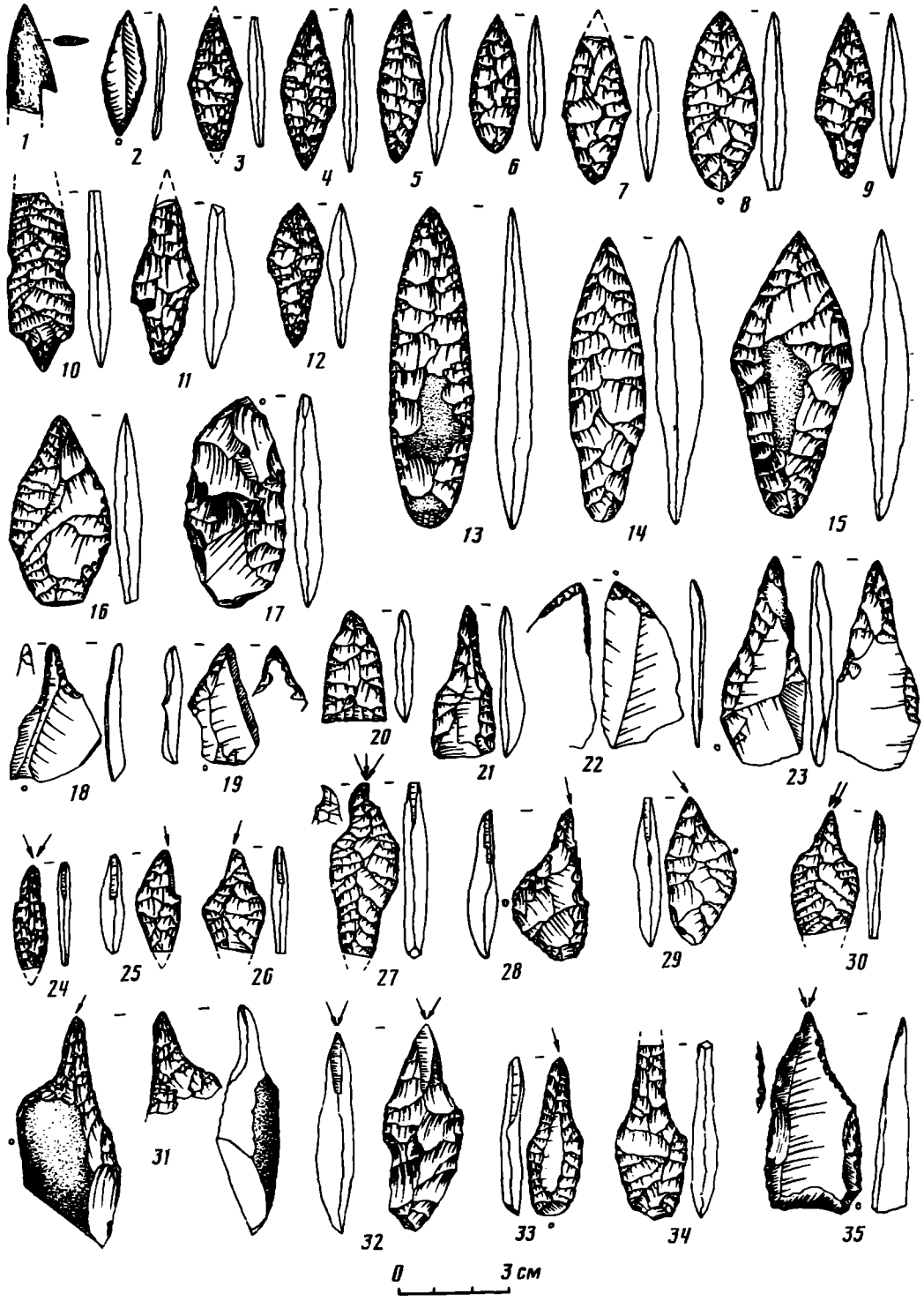


Рис. 8. Орудия из кости (*1*) и кремня (*2—35*). *1* — обломок гарпуна; *2—12* — наконечники стрел; *13—16* — наконечники дротиков; *17* — заготовка; *18—23* — перфораторы; *24—35* — сверла; (*10, 14, 15* — из раскопок 1959 г.)

с примесью органики и шамота, обе поверхности хорошо заглажены. Внешняя поверхность орнаментирована тонкими зубчатыми оттисками, пунктирами и разреженными тычковыми вдавлениями, некоторые — редкими цилиндрическими ямками (рис. 4, *20*). О форме и размерах сосудов судить трудно,

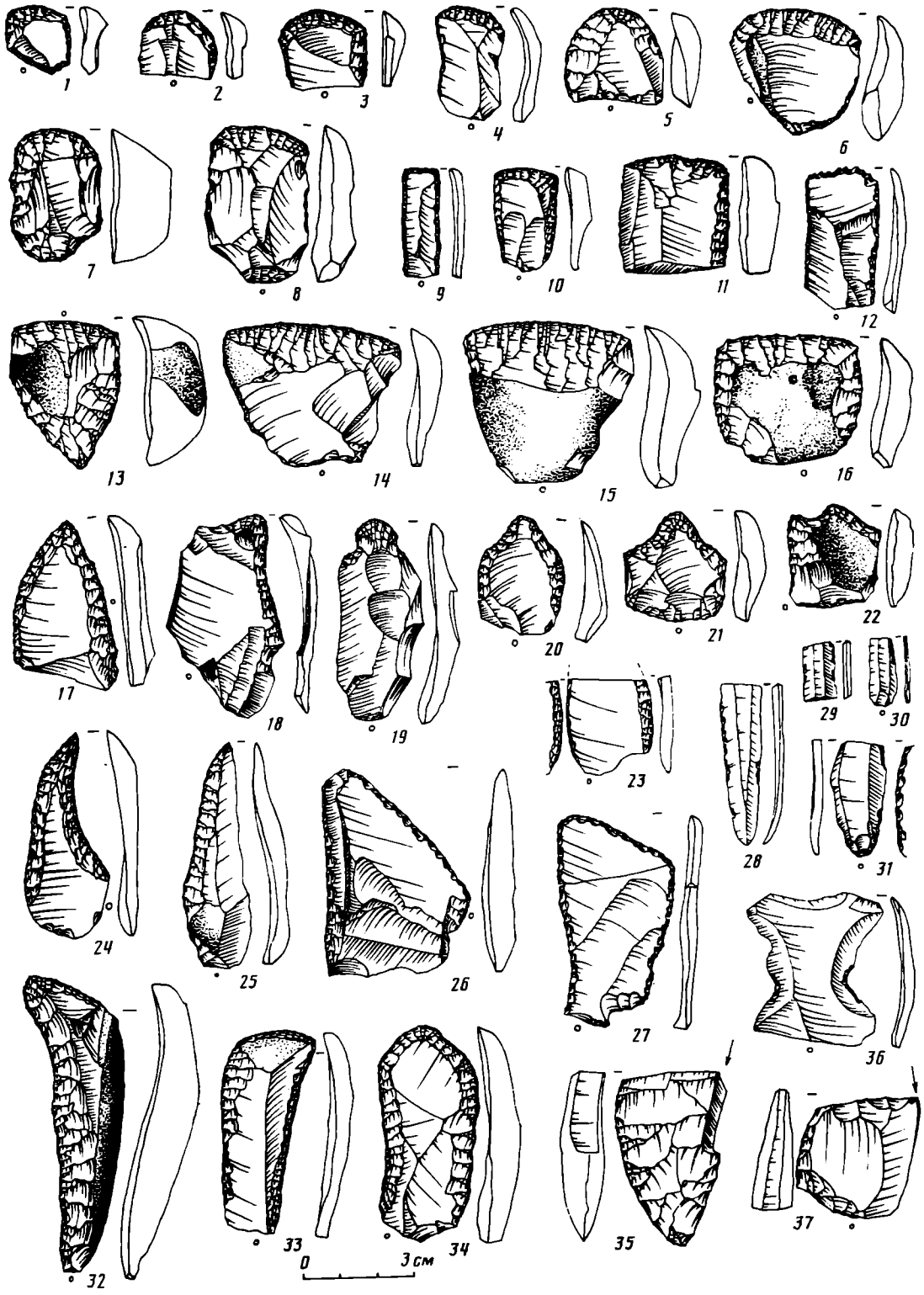


Рис. 9. Кремневые орудия. *1—16* — скребки; *17—21* — «клювовидные» скребки; *22* — скребок-скобель; *24—27* — ножи; *28—31* — пластинки с подработкой; *32—34* — ножи-скребки; *35, 37* — резцы; *36* — скобель

как и синхронизировать эту керамику с определенным этапом верхневолжской культуры. В целом по морфологическим признакам и орнаментации она имеет достаточно ранний облик.

Орудия труда, обломки и заготовки составляют 8,78% общего числа находок. Большинство их (349 из 388) сделано из валунного кремня различ-

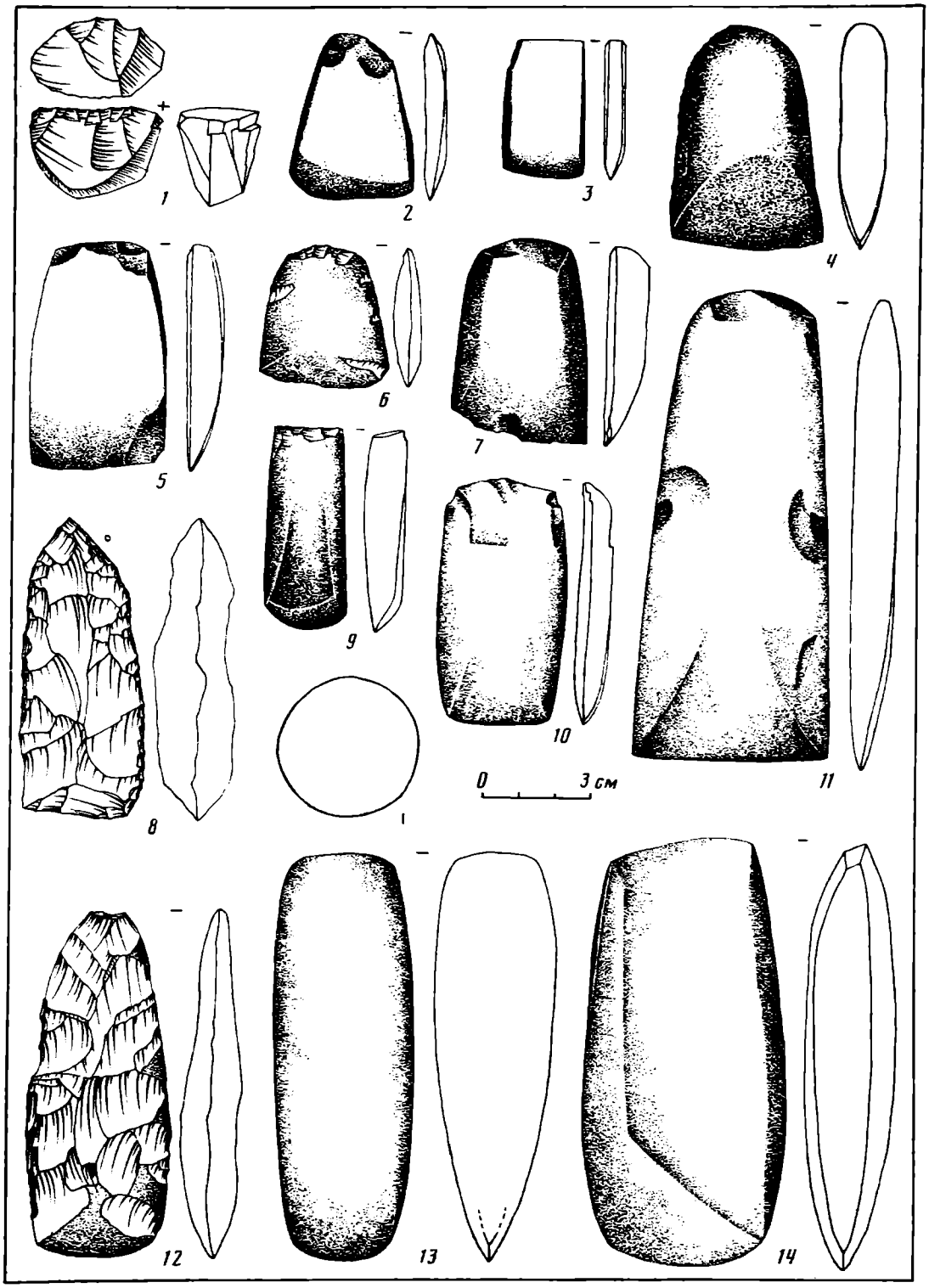


Рис. 10. Предметы из камня. *1* — нуклеус; *2—14* — рубящие орудия; *1, 8, 12* — кремень; *2—7, 9—11, 13—14* — камень (*3* — из раскопок 1959 г.)

ного качества и цвета (преобладают коричневый, желтый и сиреневый тона). Заготовками для орудий служили отщепы, реже — осколки, нуклевидные куски и сломанные орудия. Мало изделий на ножевидных пластинах: это ромбический наконечник стрелы с полукрутой ретушью по краям спинки (рис. 8, *2*) и четыре обломка пластинок с нерегулярной обработкой (рис. 9, *28—31*).

38 предметов изготовлены из камня: розового песчаника, зеленого сланца и некоторых других пород (диорита, гранита). Орудия из кости на стоянке не сохранились, кроме одного кальцинированного обломка гарпуна (рис. 8, *1*).

Кремневые наконечники стрел (из 22 половина в обломках) двусторонне ретушированы. Они различны по форме: ромбические (рис. 8, *3—5, 7*), листовидные (рис. 8, *6, 8*), иволистные черешковые (рис. 8, *9, 11, 12*), т. е. типы, характерные для развитого неолита и энеолита лесной зоны. Наконечники с выделенным черешком, особенно фигурный наконечник (рис. 8, *10*), могут относиться к более позднему времени. Дротики (три целых и девять обломков) повторяют форму наконечников стрел и отличаются только размерами и отсутствием четкой ромбической формы (рис. 8, *13—16*). На стоянке найдены также заготовки трех стрел и четырех дротиков. Они имеют овальные очертания и грубо оббиты с двух сторон (рис. 8, *17*). Группа перфораторов состоит из 17 экз.: это проколки, развертки и сверла. Почти у всех орудий ретуширован только рабочий конец, и, как правило, с двух сторон (рис. 8, *18, 19, 22, 23*), у трех изделий полностью обработаны обе поверхности (рис. 8, *20—21*).

В особую группу выделены 14 сверл (рис. 8, *24—35*). Рабочая часть этих орудий имеет узкий конец, оформленный одним — четырьмя резцовыми сколами; сами орудия, за редким исключением, обработаны с обеих сторон ровной струйчатой ретушью. Для двух заготовками послужили листовидные наконечники стрел (рис. 8, *24—25*). Сверла этого типа совершенны по обработке и форме.

Почти четвертую часть всех орудий составляют скребки (94 экз.). Преобладают крупные и средние орудия, по форме заготовки — прямоугольные, треугольные и трепециевидные, среди них доминируют скребки с дугообразным лезвием (рис. 9, *1—8*) и с почти прямым рабочим краем (рис. 9, *9—16*). Небольшой серией представлены орудия с клювовидным лезвием (рис. 9, *17—21*), единичны — с зубчатым (рис. 9, *12*) и выпукло-вогнутым (рис. 9, *22*). При всем многообразии форм для основной массы скребков характерна единая техника изготовления: правильной формы отщеп, тщательное оформление рабочего края струйчатой ретушью, заходящей на спинку, подработка боковых, смежных с лезвием краев.

Ножи (60 экз., из них целых —35) изготовлены на широких пластинчатых отщепах вытянутых пропорций. Лезвиями служили длинные края (чаще один), обработанные приостряющей ретушью со спинки. По форме режущей части ножи простые (рис. 9, *25—27*), исключая «рыбный нож» с изогнутым лезвием (рис. 9, *24*).

Восемь комбинированных орудий представлены скребками-ножами (рис. 9, *32—34*). Скобели (7 экз.) невыразительны, изготовлены на отщепах случайных форм и выделяются по наличию одной-двух выемок, подправленных полукрутой ретушью (рис. 9, *36*). Немногочисленные резцы (5 экз.) относятся к типу «на углу сломанной заготовки». Три из них представлены нуклевидными кусками (рис. 9, *37*), отщепом и обломком наконечника дротика (рис. 9, *35*).

Рубящих орудий в коллекции 15; пять изготовлены из кремня, остальные — из различных пород камня. Большинство из них шлифованные, особенно тесла (рис. 10, *2, 5—8*) и желобчатые долота (рис. 10, *9—11*). Они, несмотря на разнообразие размеров и форм, типичны для неолита и энеолита лесной зоны северо-востока Европы. Собственно топоров три: сланцевый с симметрично заточенным лезвием и овальным обухом (рис. 10, *4*), кремневый с частичной шлифовкой, линзовидный в сечении (рис. 10, *12*), и валикообразный из диорита, найденный в жилище 3 (рис. 10, *13*). Последний тип топора, спорадически встречающийся на стоянках Волго-Окского междуречья, А. Я. Брюсов считал чуждым для данного региона и связывал с западными областями, датировал концом III тыс. до н. э. [31, с. 75]

Кроме целых рубящих орудий имеются 22 обломка и 7 заготовок, главным образом тесел и долот. Найден на глубине 20 см и обломок лезвийной части серого диоритового топора фатьяновского типа.

Прочие изделия единичны. Это два массивных, круглых в сечении гранитных песта, оселок из сланца, ретушер на крупном куске кремня, четыре небольших шлифовальных плиты и три их обломка. К орудиям отнесены 11 неясных заготовок с первичной обработкой и 70 отщепов и осколков с нерегулярной ретушью, использовавшихся в качестве режущих и скоблящих инструментов.

Основная масса рассмотренных орудий, несомненно, относится к волосовскому комплексу. В этом убеждают их морфологические характеристики, техника обработки, многочисленные аналогии и залегание большинства в жилищных котлованах. Выделение предшествующих и последующих комплексов затруднено сильной нарушенностью стратиграфии стоянки. С определенной долей условности к раннему неолиту можно отнести изделия на ножевидных пластинках, к льяловской культуре — некоторые наконечники стрел, скребки и тесла, а к эпохе бронзы — кроме упомянутого обломка фатьяновского топора кремневый топор (рис. 10, *12*) и, возможно, два-три наконечника (рис. 8, *9—11*), которые близки наконечникам из мужских погребений фатьяновских могильников московско-клязьминской группы [32, с. 69, 70]

Украшения (0,16% всех находок) из слоя представлены подвесками: шесть из них каменные и одна янтарная (в обломках). Они имеют почти прямоугольную форму, хорошо зашлифованы, у края просверлены (рис. 3, *2—5*).

Произведением искусства можно считать кремневую фигурку из заполнения жилища 2 (рис. 3, *1*). Отщеп светло-коричневого цвета обработан с одной стороны ровной полукрутой ретушью и представляет собой схематичное изображение глухаря в профиль [5] Фигурку и подвески можно отнести к комплексу волосовских древностей.

Последняя категория находок — отходы производства (652 экз.—14,76% всех находок). Осколки, чешуйки, отщепы и бесформенные куски кремня насчитывают 644 единицы, по четыре обломка ножевидных пластинок и нуклеусов. Последние от отщепов, полностью сработаны, все одноплощадочные, подконической формы (рис. 10, *1*).

Подведем итоги. Наиболее древние материалы Вашутинского поселения относятся к эпохе неолита. Они немногочисленны, представлены главным образом керамикой и залегали в переотложенном состоянии. Скорее всего, это остатки кратковременных сезонных стоянок неолитических охотников-рыболовов.

В конце III— начале II тыс. до н. э. на берегу озера располагалось волосовское поселение. Оно представляло собой небольшой поселок с могильником и функционировало, вероятно, в пределах развитой фазы волосовской культуры. Позднее, начиная с эпохи бронзы и вплоть до раннерусского средневековья, на том же месте существовали сезонно-промысловые селища.

Приносим глубокую благодарность Д. А. Крайнову за предоставленную возможность публикации материалов со стоянки и И. К. Цветковой — за любезное разрешение продолжить ее работы.

[2] Попытка установить хронологию жилищ с помощью радиоуглеродного анализа образцов угля из кострищ внутри построек не удалась. Были получены даты (от наших дней): жилище 2, кв. 17, гл. 85 см —5040±60 (Ле —2606); там же, кв. 18, гл. 60—70 см —6820±80 (Ле —2607); жилище 3, кв. 3, гл. 65 см —10 600±100 (Ле —2616). Явное удревнение дат и их разброс не позволяют использовать их для абсолютной датировки жилищ.

[3] В отчетах о раскопках Вашутинской стоянки в 1983—1985 гг. приведены другие цифры находок, так как учитывались все обломки керамики, без группировки их по сосудам.

[4] Исключение составляют фрагменты неполного развала сосуда, найденного в 1959 г. в раскопе 1, на которые обратила внимание И. К. Цветкова [2]. Внешняя поверхность сосуда покрыта густой рябью, напоминающей отпечатки грубой ткани, в которой формовался или был завернут сырой сосуд. Подобные отпечатки зафиксированы А. Л. Никитиным и на аналогичной керамике стоянки Плещеево II [29].

[5] Возможно, это изображение глухаря в момент весенней песни: хвост поднят, грудь, шея и голова вытянуты, распушенное оперение нижней части тела закрывает лапы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов М. И.* Материалы для археологической карты Переславль-Залесского уезда // ГИМ. ОПИ. Ф. 191, № 77683.
2. *Цветкова И. К.* Отчет о работе Переславль-Залесской археологической экспедиции 1959 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 1914.
3. *Цветкова И. К.* Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского // Тр. ГИМ. 1960. Вып. 37.
4. *Крайнов . А.* Исследования Верхневолжской экспедиции // АО—1983. М., 1985.
5. *Крайнов Д. А.* Раскопки Вашутинской стоянки // АО—1984. М., 1986.
6. *Гаврилова И. В.* Об особенностях памятников волосовского типа в Костромском Поволжье // КСИА. 1980. Вып. 161.
7. *Сидоров В. В.* Стоянки Маслова болота // АО—1981. М., 1983.
8. *Крайнов Д. А.* Неолитическое жилище на стоянке Сахтыш I // КСИА. 1984. Вып. 177.
9. *Цветкова И. К.* Неолитические жилища стоянки Володары // СА. 1958. № 2.
10. *Цветкова И. К.* Стоянка Подборица-Щербининская // СА. 1961. № 2.
11. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.
12. *Третьяков В. П.* Майданская стоянка волосовской культуры (по раскопкам 1966 г.) // СА. 1970. № 3.
13. *Лозе И. А.* Новый центр обработки янтаря эпохи неолита в Восточной Прибалтике // СА. 1969. № 3.
14. *Лозе И. А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига: Зинатне, 1979.
15. *Зимина М. П.* О работе Северо-Западной экспедиции. АО—1974—1980. М., 1975—1981.
16. *Ошибкина С. В.* Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука, 1978.
17. *Зимина М. П.* Могильник на стоянке «Репище» // КСИА. 1984. Вып. 177.
18. *Урбан Ю. Н.* Поселение и могильник Иловец // КСИА. 1973. Вып. 137.
19. *Сидоров В. В., Урбан Ю. Н.* Раскопки Языковской стоянки // АО—1978. М., 1979.
20. *Сидоров В. В.* Работы неолитического отряда Волго-Окской экспедиции // АО—1983. М., 1985.
21. *Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
22. *Раушенбах В. М.* Стоянка Николо-Перевоз II на р. Дубне в Московской области // Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969.
23. *Розенфельд И. Г.* Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
24. *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье // МИА. 1963. № 110.
25. *Гаврилова И. В.* Некоторые итоги раскопок Федоровского поселения // КСИА. 1983. Вып. 173.
26. *Крайнов Д. А.* Памятники фатьяновской культуры // САИ. 1964. Вып. В1-20.
27. *Попова Т. Б.* Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки памятников поздняковской культуры на Средней Оке // Тр. ГИМ. 1985. Вып. 60.
28. *Попова Т. Б.* Карта памятников поздняковской культуры // Тр. ГИМ. 1970. Вып. 44.
29. *Никитин А. Н.* Неолитическая стоянка Плещеево II // СА. 1976. № 2.
30. *Сидоров В. В.* География неолита Подмосковья // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975.
31. *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Наука, 1952.
32. *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура II тыс. до н. э. М.: Наука, 1972.

O. S. Gadzyatskaya, A. V Utkin

NEW DIGGINGS AT THE VASHUTINO CAMP

Summary

The Vashutino camp is a multilayered site with the materials dating from different periods. It is found on the north-eastern coast of Lake Vashutino, two kilometres from the village of Romanovo (Pereyaslavl District, Yaroslavl Region). It was discovered by M. Smirnov in 1927 and studied in 1959 by I. Tsvetkova and in 1983—1985 by the Upper Volga Expedition of the Institute of Archaeology of the USSR AS, headed by D. Krainov (Fig. 1). In 1959, 156 sq m were opened, another 548 sq m were studied in 1983-1985. Pottery predominated in the cultural layer (dark-coloured sand up to 70 cm thick). In the absence of blank strata the chronological horisons are identified by the finds of definite cultural affiliations.

As a Volosovo site with dwellings and burials the camp is especially interesting. The semi-underground nearly rectangular dwellings with narrow entrances (7×6, 10×6.5) ran along the lake coast (Fig. 2). Broken vessels, flint and stone implements and production waste were found in the dwellings. The multitude of storage pits and fire places speaks of lengthy habitation. A small burial-ground is found nearby. No skeletons survived. The burials yielded amber objects (Fig. 3, *7—17*), flint arrowheads, a drill and large ohre spots. Judging by certain signs the dead were placed in extended positions and oriented towards the lake. The site is dated approximately to the late third and early second millennia B. C.

The site preserved the traces of short habitation of the Early Neolithic, Fatyanovo, the middle and late Bronze, Iron Age and the Russian Middle Ages population.

А. И. ИСАКОВ, Т. М. ПОТЕМКИНА

МОГИЛЬНИК ПЛЕМЕН ЭПОХИ БРОНЗЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Проблемы, связанные с продвижением в Среднюю Азию в эпоху бронзы степных племен и характер их взаимодействия с оседло-земледельческим населением, продолжают оставаться дискуссионными и привлекают внимание многих исследователей. В этом плане значительный интерес представляет могильник Дашти-Козы в верховьях Заравшана — пока единственный стационарно исследованный здесь памятник степной бронзы.

Могильник расположен на левобережье р. Зарафшана, в 50 км к востоку от г. Пенджикента в кишлаке Дашти-Козы, на мысу предгорного, относительно пологого плато, на высоте около 100 м от автодороги Пенджикент — Айни (рис. 1, *1*). Край мыса в отличие от прилегающей территории сложен из лесса, а не галечника, что и послужило одним из обстоятельств сооружения здесь грунтового могильника. В 0,5 км к югу от могильника в расширении гор расположен грот Камар, где пастухи укрывают скот от непогоды. Между гротом и могильником находится сухое русло когда-то бывшего здесь большого родника, где и сейчас проступает влага.

Памятник обнаружен в 1983 г. учителем школы кишлака Дашти-Козы Пенджикентского района Садриддиновым Асладдином, который привез на археологическую базу два поломанных браслета и несколько десятков бронзовых бус, происходящих из разрушенного бульдозером погребения. При осмотре могильника никаких внешних признаков погребений не прослеживалось.

В процессе раскопок выяснилось, что могильник занимает площадь вдоль мыса, протяженностью с севера на юг более 40 м, шириной с запада на восток — 15—30 м. Уклон площадки могильника в сторону долины с перепадом высот 5—6 м (рис. 1, 2).

Памятник исследовался в 1983—1984 гг. под руководством А. И. Исакова, в 1985—1986 гг.— Т. М. Потемкиной [1] Хотя раскопки велись двумя исследователями, в процессе работ 1985—1986 гг. все участки были объединены в один раскоп с единой системой обозначений и исследовались путем сплошного вскрытия одновременно на площади 64—80 м^2 (рис. 1, *2*; 2, *10*). Общая исследованная площадь составляет 400 м^2 на глубину 1,8—2,8 м.

Площадка могильника сложена из следующих напластований: верхний слой мощностью 0,6—1,1 м — рыхлый комковатый лесс, слабо задернованный на поверхности; нижний — плотный пылеватый лесс, выше по склону переходящий в мощный слой галечника. Верхний и нижний слои в местах, где отсутствуют сооружения могильника, разделены прослойкой мелкого галечника толщиной 0,06—0,12 м, фиксирующего уровень древней поверхности (рис. 3). Погребения и связанные с ними культовые ямы находятся в нижнем слое на глубине 1,4—2,6 м от современной поверхности, 0,3—1,2 м — от древней (рис. 1, *4*).

Всего исследовано 27 погребений (одиночных — 21, парных — 4, тройное — 1, коллективное — 1), где обнаружено 39 захоронений.

Поскольку раскопки могильника велись двумя исследователями с применением несколько отличной методики, следует отметить наличие неравнозначных данных об отдельных погребениях. Наиболее полная информация получена о погребениях 12—26.

Суммируя все данные, можно реконструировать погребальные сооружения как сравнительно неглубокие (0,3—0,8 м) входные ямы с катакомбами и подбоями, иногда со спуском, в сторону повышающейся части склона (рис. 1, *3, 5, 6*). Камеры обычно вырывались глубже (на 0,1—0,2 м) входной ямы. После совершения захоронения входная яма засыпалась вынутым грунтом и на уровне древней поверхности вход закрывался камнями. Это очень хорошо фиксируется данными стратиграфии: во многих случаях хорошо заметно, что камни лежат на границе верхнего и нижнего слоя лесса, иногда на прослойке галечника, будучи завалены частично во входную яму (рис. 1, *4—6*). Количество «надгробных» камней не превышает пяти (кроме погребения 25). Чаще всего (35%) встречаются одиночные камни размером 0,8—0,55×0,6—0,35 м или два — три

Рис. 1, *1*. Могильник Дашти-Кози. Вид на памятник с предгорной террасы

Рис. 1, *2*. Могильник Дашти-Кози. Общий вид раскопа

камня меньших размеров (рис. 2). Большинство камней — окатанные плоские валуны, видимо, принесенные из поймы. Но есть плитчатый сланец, оббитый по краям, вероятно, вырубленный в выходах скального грунта выше в горах, ближайшие выходы которого имеются на расстоянии 0,3—0,5 км от могильника. Во всех достоверных случаях (15) камни находились с северной стороны склона по отношению к погребенным. При этом в подавляющем большинстве камни лежали перед погребенными и только в двух случаях — за спиной.

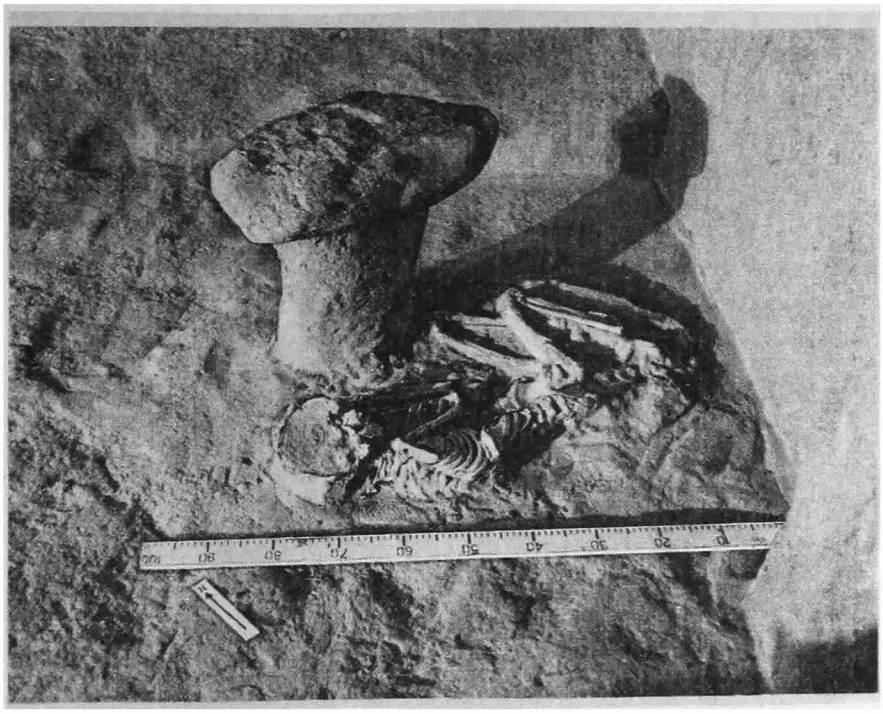


Рис. 1, *3*. Могильник Дашти-Кози. Погребение 17

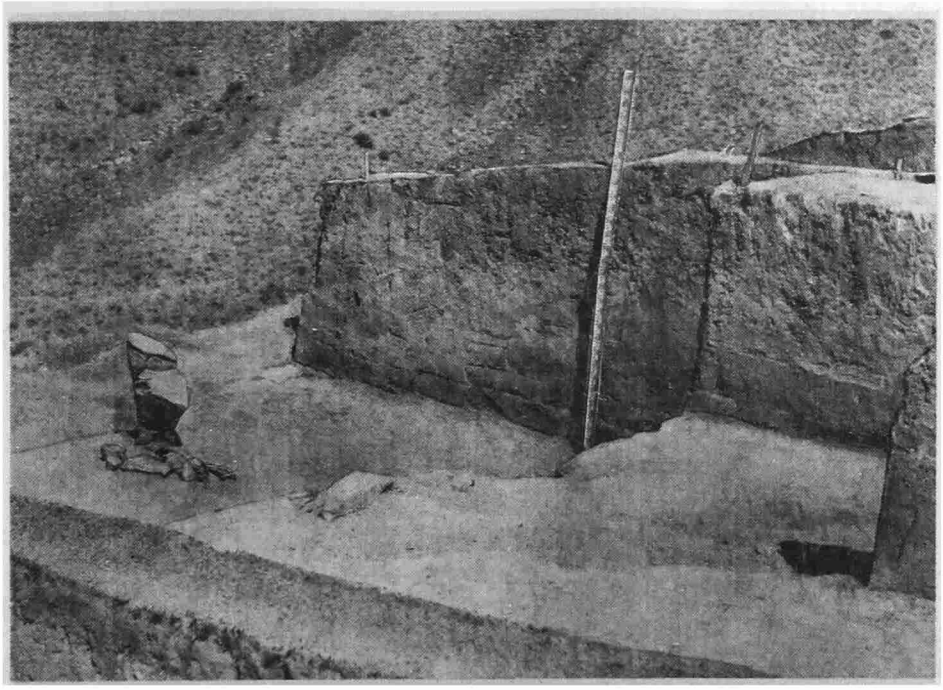


Рис. 1, *4*. Могильник Дашти-Кози. Погребение 22 и разрез восточной стенки раскопа (участки Д-3/13)

Форма и размеры впускных ям и катакомб фиксируются слабо, главным образом по мягкости грунта и реже по слабой его окрашенности органикой в районе костяков. Во всех случаях, где это устанавливается, погребальные камеры имеют овальную форму размером 1,7—1,2×1,6—0,75 м, вытянутую продольной осью по линии ЮЗ—СВ (8 случаев), СЗ — ЮВ (6), З — В (3). Подавляющая часть захоронений находится на глубине 0,3—0,6 м от уровня древней поверхности, реже — на глубине 0,8—1,2 м.

Захоронения [2] независимо от пола и возраста совершались на левом боку (92%), в сильно (70%) или средне (30%) скорченном положении. На правом боку встречено

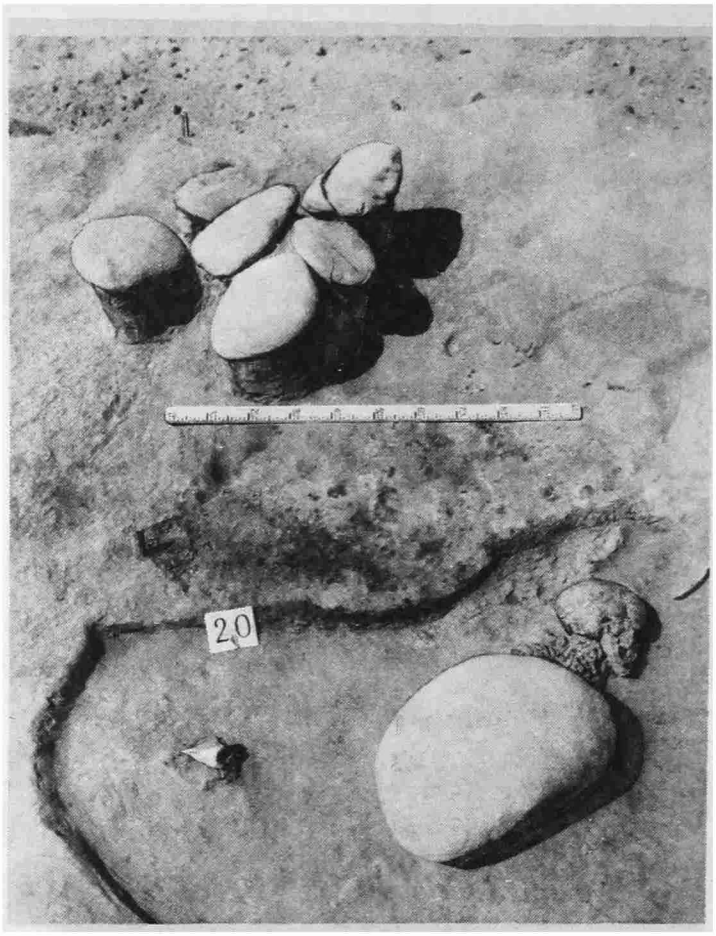


Рис. 1, *5*. Могильник Дашти-Кози. Погребение 20

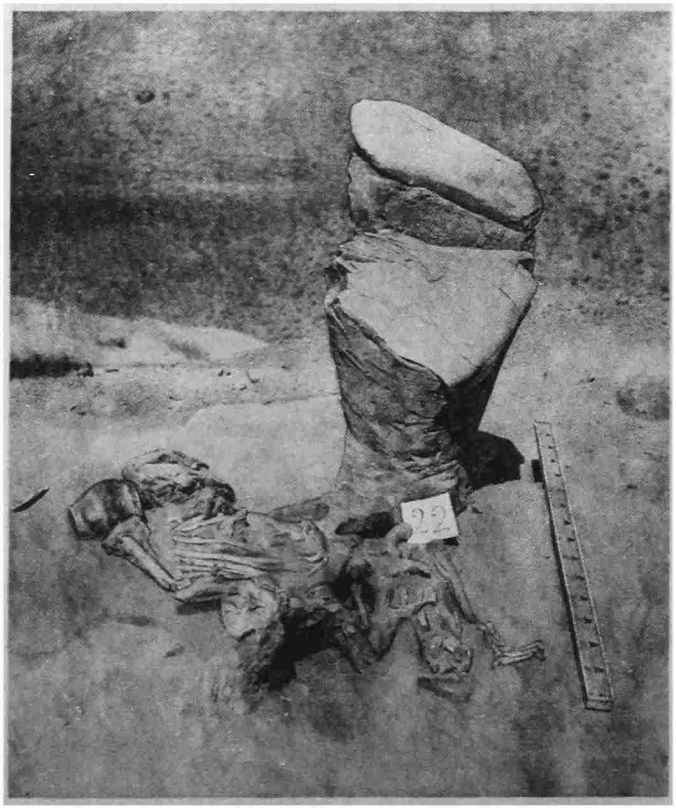


Рис. 1, *6*. Могильник Дашти-Кози. Погребение 22

всего 2 захоронения (№ 4, 7). Руки согнуты, кисти — перед лицом (рис. 4, *1*; 5, *1*). В нескольких случаях (№ 7, 9, 19, 22) отмечается разное положение рук: одна (левая или правая) — перед лицом, другая — вытянута вперед, в области живота или под животом (рис. 6, I).

Преобладающей ориентировкой является западная (5 случаев) с отклонением на север (8) и юг (8). На восток — северо-восток ориентировано только 2 захоронения (скелет № 3 в погребении 12 — женщина зрелого возраста и погребение 20 — пол не определен) (рис. 1, *5*; 6, II). В обоих случаях в области живота погребенных лежало по одному крупному камню, нижняя часть скелетов отсутствовала. Но последнее обстоятельство может объясняться наличием в том и другом случае в области нижней половины туловища больших нор.

Имеются случаи захоронения расчлененных костяков. Наиболее яркий пример — погребение 11 (подросток?), где верхняя часть туловища (череп, кисти рук, ключицы, шейные позвонки и часть ребер) находится в положении антитезы к остальной его части, так что череп оказался в области живота (рис. 6, III). Все кости в анатомическом порядке. Любопытно, что у теменной части черепа был поставлен сосуд в соответствии с традициями — у изголовья. Отличительная черта сосуда — наличие внутри охры, а погребального обряда — следы большого кострища в погребальной камере до совершения захоронения.

Одно из погребений (№ 16) представляет собой захоронение черепа ребенка.

В парных и тройном погребениях только один костяк находится в анатомическом порядке; кости других скелетов потревожены или лежат в беспорядке у стенок камеры, что свидетельствует о более поздних подзахоронениях с различным интервалом во времени (рис. 6, I, II).

В ряде погребений (№ 14, 18, 20, 22) часть скелетов была уничтожена норами (рис. 1, 6), в которых обнаружены и кости самих животных. По определению В. П. Данильченко, это — пищуха малая. В погребении 21 прослеживаются следы более позднего ограбления.

Во многих погребениях (№ 15, 19, 22, 23 и др.) на костях скелетов и под ними, особенно в области черепа, таза и голеностопных суставов, встречены следы охры. В некоторых случаях на дне могильных ям, чаще, всего в области костей ног, прослежен коричневый тлен (остатки обуви?).

Обязательной частью погребального ритуала являлось разведение огня, скорее всего играющего роль очищающего символа. Следы кострищ в виде пятен углистого слоя размером 1,8—1,1 × 1,6—0,4 м, мощностью 0,05—0,25 м отмечены практически во всех погребениях. Местоположение кострищ и глубина залегания по отношению ко дну погребальных камер различно, что, по-видимому, свидетельствует о разных условиях разжигания огня. В ряде случаев остатки кострищ прослеживаются у входа в погребальные камеры напротив захоронений с разницей в глубине 0,1—0,2 м (№ 10, 15, 20) (рис. 1, *5*). Видимо, огонь разжигался на дне впускной ямы или на спуске (ступеньке) в катакомбу или подбой. Костер горел до помещения в камеру умерших, так как скелеты не имеют следов огня.

В других случаях кострища отмечены рядом с захоронениями со стороны головы погребенного (№ 2, 7, 23, 26) или ног (№ 8, 9), а также на некотором расстоянии от погребений (№ 14, 22) с разницей глубин от 0,2 до 0,7 м. Прослежено, что в этих случаях огонь разводился в неглубоких ямах или прямо на поверхности, видимо, уже после совершения захоронения, а может быть, и одновременно.

Во многих кострищах (погребения 13, 15, 20, 23) хорошо фиксируется плотность, вязкость, жирность углистого слоя, а также наличие под ним плотного слоя толщиной 2—3 см, напоминающего растрескавшуюся глиняную обмазку, слегка обожженую (рис. 1, *5*). В углистом слое — спекшиеся комочки глины. Думается, что такой слой мог образоваться в результате попадания в костер воды или другой жидкости.

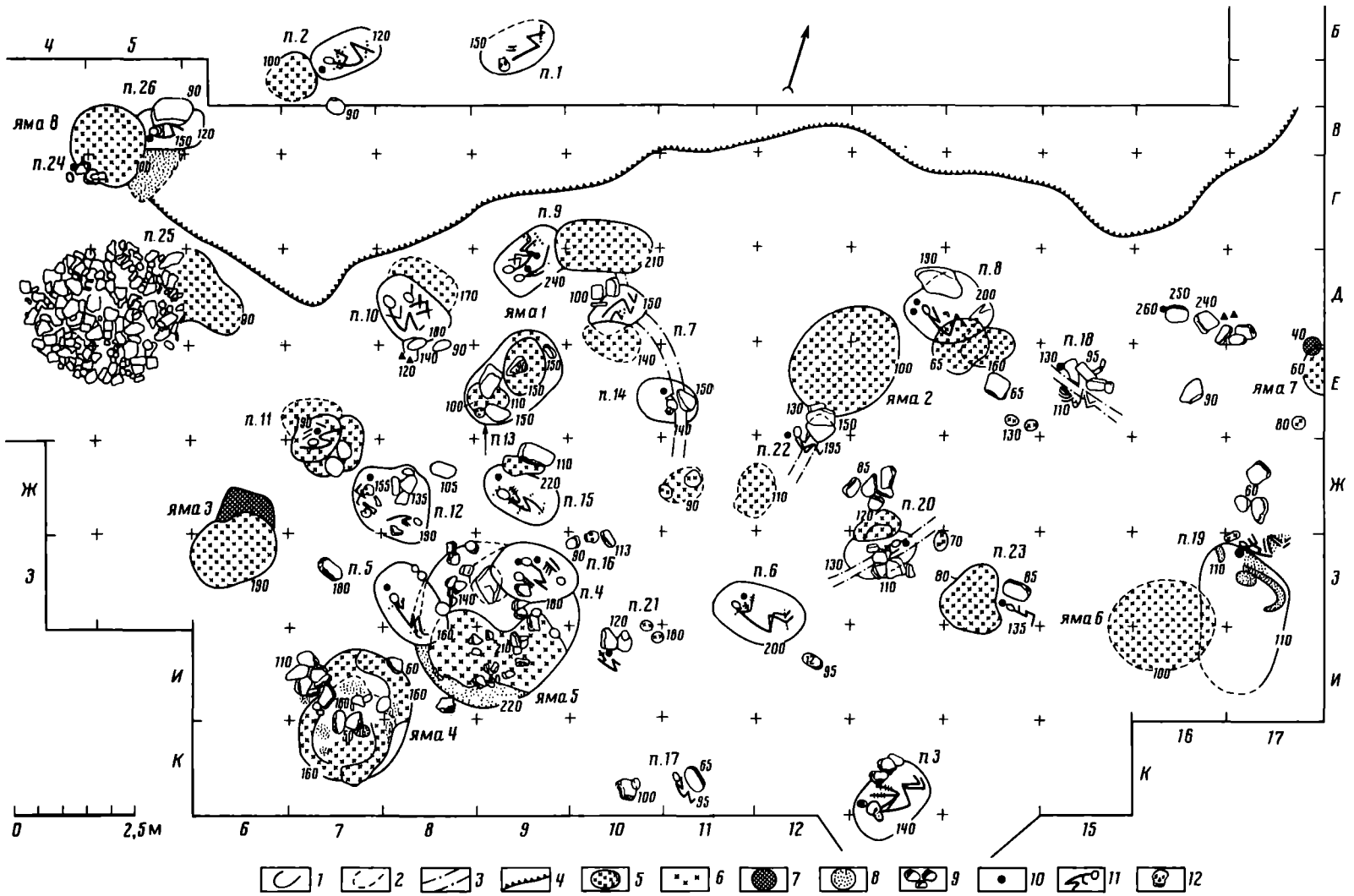


Рис. 2. Могильник Дашти-Кози. План раскопа. *1* — очертания могильных и жертвенных ям с указанием глубины; *2* — нечеткие очертания ям; *3* — следы нор; *4* — граница карьера; *5* — углистые пятна; *6* — отдельные угли; *7* — следы прокала; *8* — пятна и включения охры; *9* — камни с указанием глубины залегания; *10* — сосуд; *11* — скелет человека; *12* — череп человека

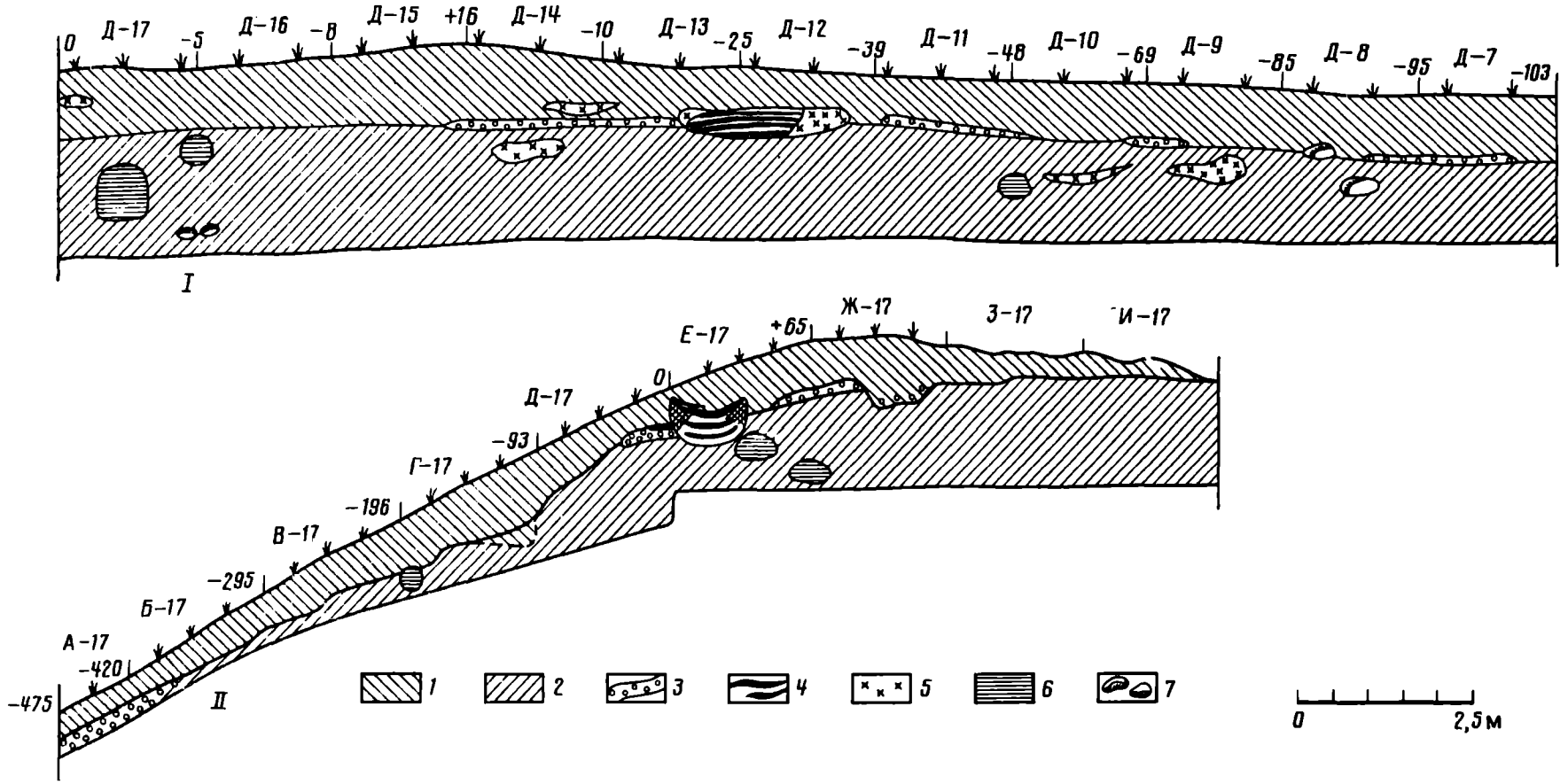


Рис. 3. Могильник Дашти-Кози. Разрезы: I — южной стенки участков Д/7-17; II — восточной стенки участков А-И/17. *1* — желто-серый рыхлый комковатый лёсс; *2* — желто-серый плотный пылеватый лёсс; *3* — гравий; *4* — плотные углистые прослойки (заполнение жертвенных ям); *5* — углистый слой; *6* — нора; *7* — крупные камни

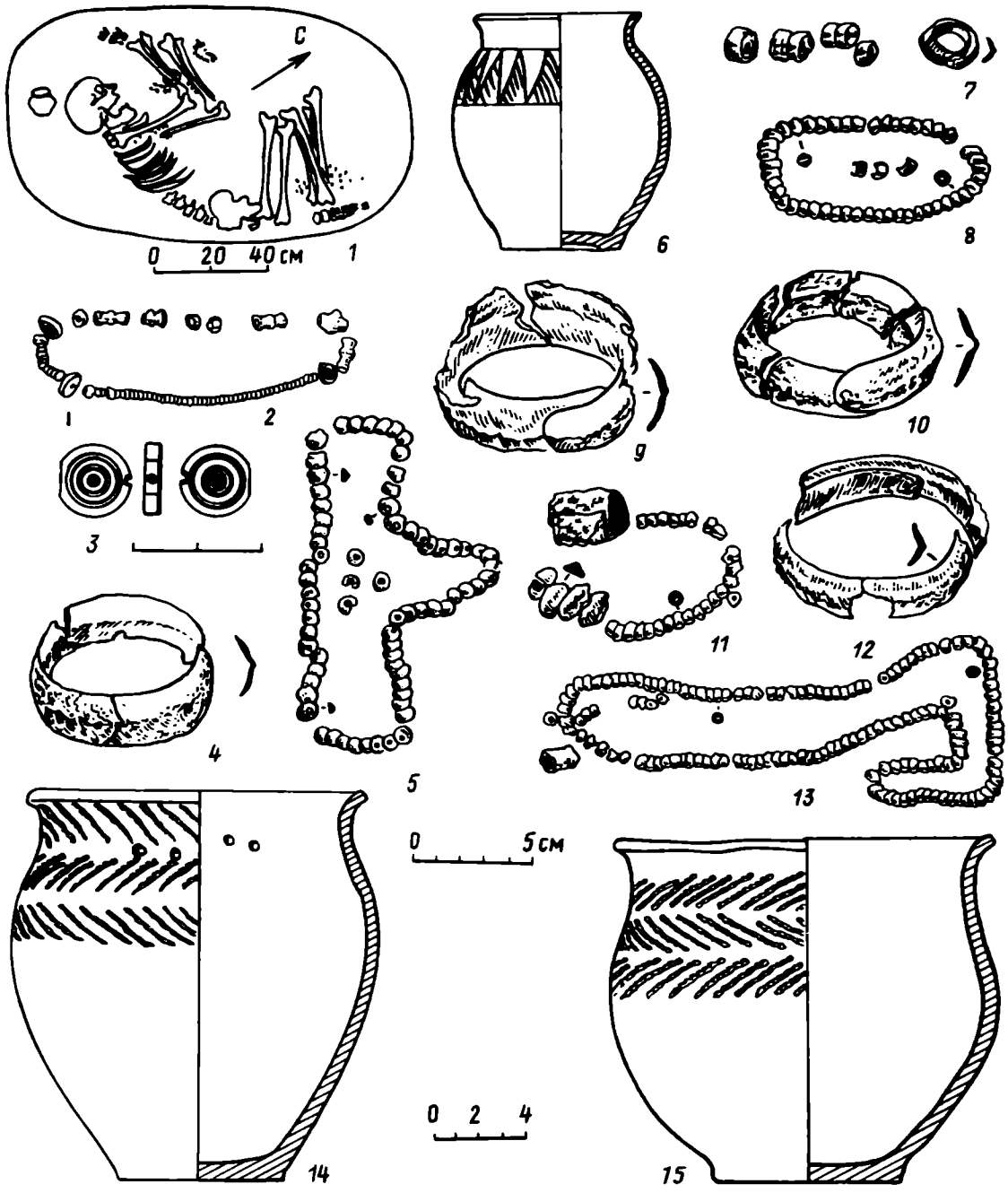


Рис. 4. Могильник Дашти-Кози. *1* — план погр. 2; *2—15* — вещи из погребений: *2—6* — погр. 2; *7—10, 12, 14* — погр. 6; *11, 13, 15* — погр. 5 (*2* — бронза и паста (?); *3* — паста (?); *4, 5, 7—13* — бронза; *6, 14, 15* — глина)

Следы небольших углистых пятен и отдельные угли встречены также на дне и в заполнении многих погребальных камер. Кроме вышеописанных кострищ на площади некрополя выявлены большие ямы со следами многократного разжигания огня, о которых речь пойдет ниже.

Погребальный инвентарь сопровождает все захоронения, кроме двух (№ 17, 25), и состоит из сосудов и украшений или только из сосудов. Сосуды встречены по одному с каждым захоронением. Во всех случаях, где положение костяков не нарушено, горшки стоят у изголовья за затылком или перед лицом, будучи наклонены устьем к черепу.

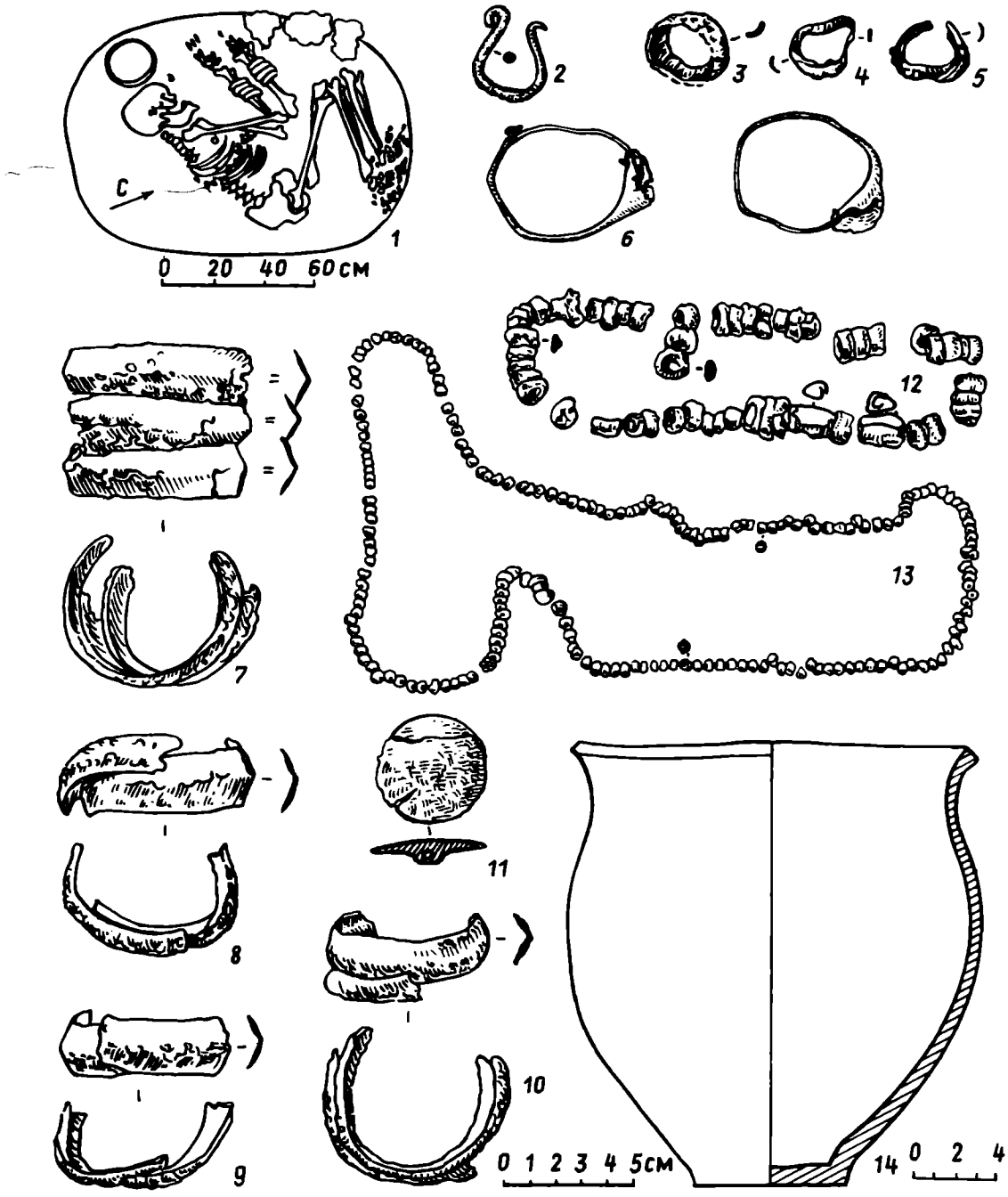


Рис. 5. Могильник Дашти-Кози. Погребение 3. *1* — план; *2—5, 7—13* — украшения из бронзы; *6* — серьги из золота; *14* — керамика

Для более полной информации о погребальном обряде целесообразно остановиться на характеристике отдельных наиболее интересных погребений и ритуальных ям.

Погребение 3. Могильная камера овальной формы (1,4×1 м), врыта до галечной поверхности материка на глубину 1,4 м. Вход в камеру был закрыт тремя крупными валунами. Скелет погребенной — на левом боку, скорчен, головой на юго-запад, руки перед лицом. Данное погребение — одно из наиболее богатых в могильнике (рис. 5). У изголовья — сосуд. В области правого и левого уха найдена пара золотых серег с широким раструбом, у висков — две бронзовые подвески плохой сохранности (рис. 5, *4, 5*), на кистях рук — по четыре бронзовых браслета, в области груди — зеркало с петелькой, рядом с последним — бронзовый крючок и колечко (рис. 5, *2, 3*). Множество бронзового бисера было найдено в области лопаток и ребер; у ступней ног собраны крупные бусы и пронизи (рис. 5, *12, 13*).

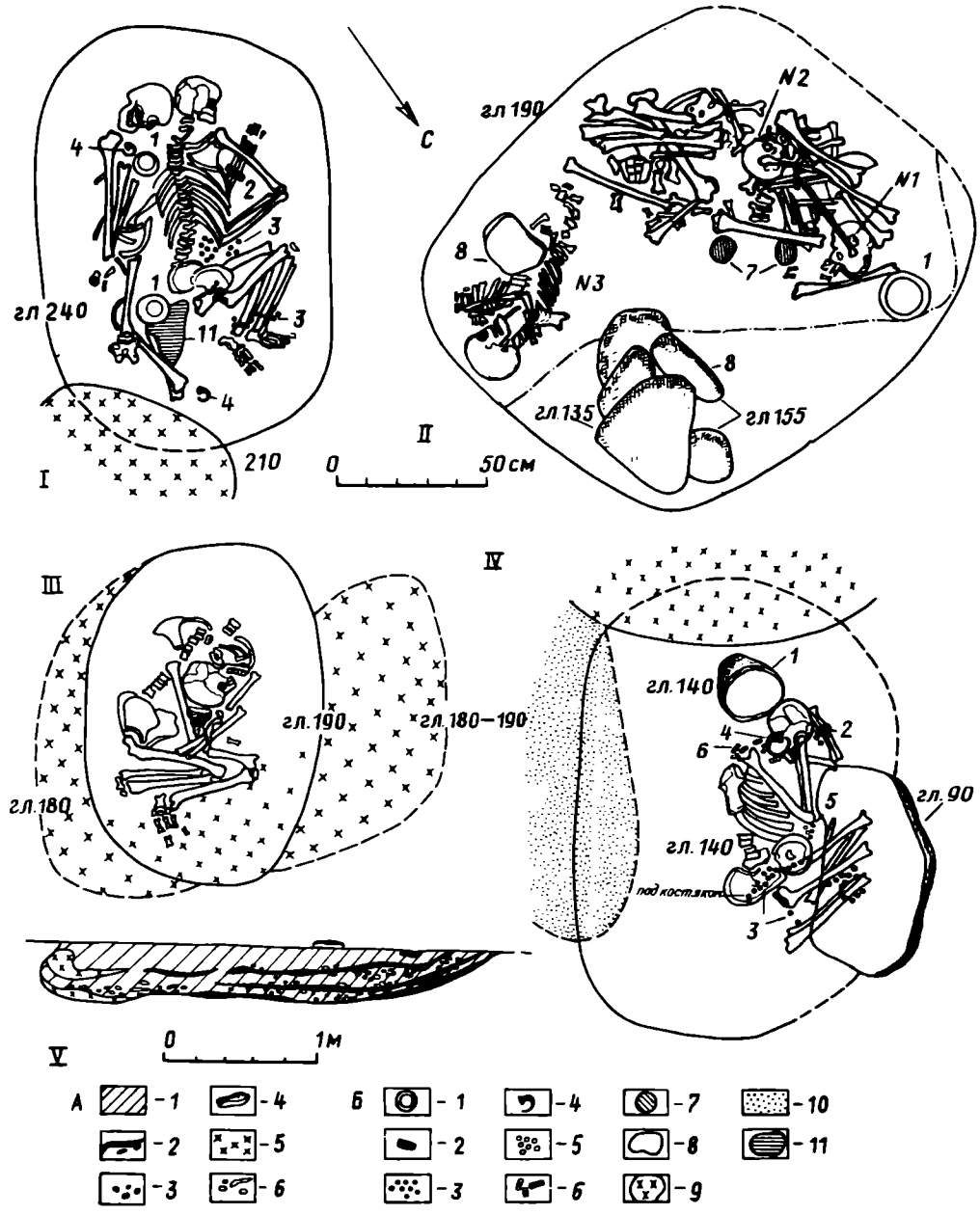


Рис. 6. Могильник Дашти-Кози. Планы погребений: I — погр. 9; II — погр. 12; III — погр. 11; IV — погр. 26; V — разрез жертвенной ямы 4 по линии А—Б. Условные обозначения. А — к разрезу ямы 4: *1* — лёсс; *2* — углистая прослойка; *3* — углистые включения; *4* — камень; *5* — углистый слой с прокалом; *6* — включения охры; Б — к планам: *1* — сосуд; *2* — браслет; *3* — крупные бусы; *4* — височное кольцо; *5* — мелкий бисер; *6* — ребристые пастовые пронизи; *7* — терочник; *8* — камни; *9* — углистый слой; *10* — подсыпка из охры; *11* — коричневый тлен

Погребение 15. Очертания погребальной камеры размером 1,75×0,95 м улавливались слабо, главным образом по мягкости грунта и только у дна, на глубине 2,2 м от современной и 1,1—1,2 м от древней поверхности — по более темной окраске. На уровне древней поверхности вход в камеру со стороны склона был закрыт каменной плитой овальной формы (0,65×0,45×0,18 м), аккуратно оббитой по краям и лежавшей вдоль продольной оси камеры. С увеличением глубины очертания могильного пятна сместились в сторону повышения склона на 0,6—0,7 м. По-видимому, это расстояние указывает на длину входа (спуска? штольни?) в камеру. На краю входа в камеру прослежено углистое пятно, вытянутое вдоль могильной ямы размером 0,9×0,3—0,4×0,25 м. Вероятно, длина пятна соответствует ширине входа. Углистый слой — плотный, жирный. Небольшие углистые пятна и отдельные угольки выявлены в заполнении могильной камеры.

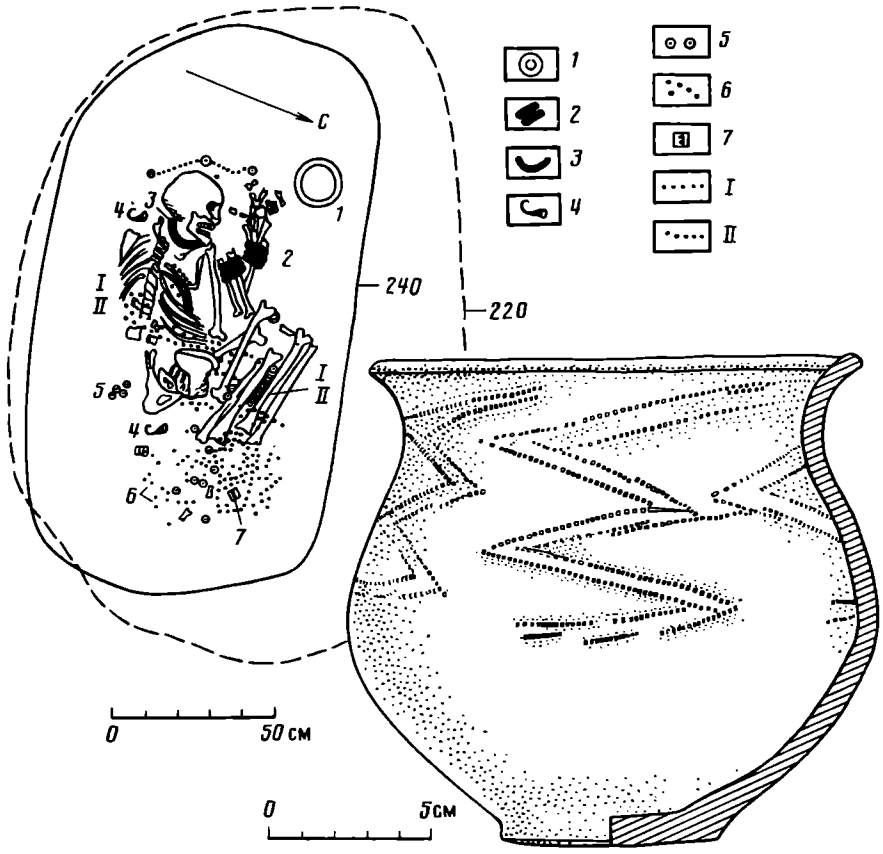


Рис. 7 Могильник Дашти-Кози. Погребение 15, план и сосуд. *1* — сосуд; *2* — браслеты; *3* — гривна; *4* — серьги; *5* — крупные бусы; *6* — мелкий бисер; *7* — пастовые пронизи; I — ряд бус под костями скелета; II — поверх костей

На дне, лицом к входу, находился костяк взрослой женщины средиземноморского типа [3] на левом боку, в сильно скорченном положении, головой на запад — юго-запад, кисти рук перед лицом (рис. 7). Рядом с кистями рук — горшок плотного обжига, с примесью песка и толченого шамота, слегка залощеной внешней поверхностью, орнаментированный гребенчатым штампом. На внешней поверхности по срезу венчика, бокам, на углах донышка — следы охры. На дне сосуда находились 15 крупных бронзовых бусин (рис. 8,7). В области шеи погребенной найдена массивная бронзовая гривна; на каждой руке — по три крупных браслета; у затылочной части — серьга с раструбом, вторая такая же и еще одна крючковидной формы — за тазовыми костями (рис. 8). У черепа — ряд из 16 мелких бусин в виде слабо выраженного зигзага, в середине и по краям которого — по одной крупной бусине, видимо, нашитых на головной убор. В области пояса и ниже таза поверх костей и под ними прослежены четкие ряды мелких бронзовых бусин. Верхний ряд в области пояса длиной 0,4 м состоял из 15 бусин, нижний, длиной 0,45 м,— из 16; отдельные бусинки были нашиты на расстоянии 2—3 см друг от друга. В области расположения этого ряда бус тлен с органическими остатками имеет красную окраску. Надо полагать это остатки пояса или обшивки края кофты. Что касается ряда бус ниже тазовых костей, то, вероятнее всего, бусами был обшит подол юбки или платья. Вдоль больших берцовых костей мжду верхним и нижним рядами бисера найдена низка из 10 крупных бус (украшение края пояса?) (рис. 8, *6*). За тазом — компактно расположенные в 2 ряда 4 бусины (украшение кос?).

Россыпь мелких бус обнаружена в районе голеностопных суставов, где на площади 0,3×0,35 м расчищено пятно коричневого тлена с красноватым оттенком, местами красного цвета (остатки расшитой бусами обуви?). Среди бисера находилось 10 крупных бусин и пастовая трехсекционная пронизь (рис. 8,2). Вокруг пронизи мелкий бисер образует рисунок в форме ромба и ровных коротких рядов. В россыпи бисера прослежено также два параллельных ряда из 3 крупных бусин, первые из которых в каждом ряду находятся у эпифиза большой берцовой кости. Можно пред-

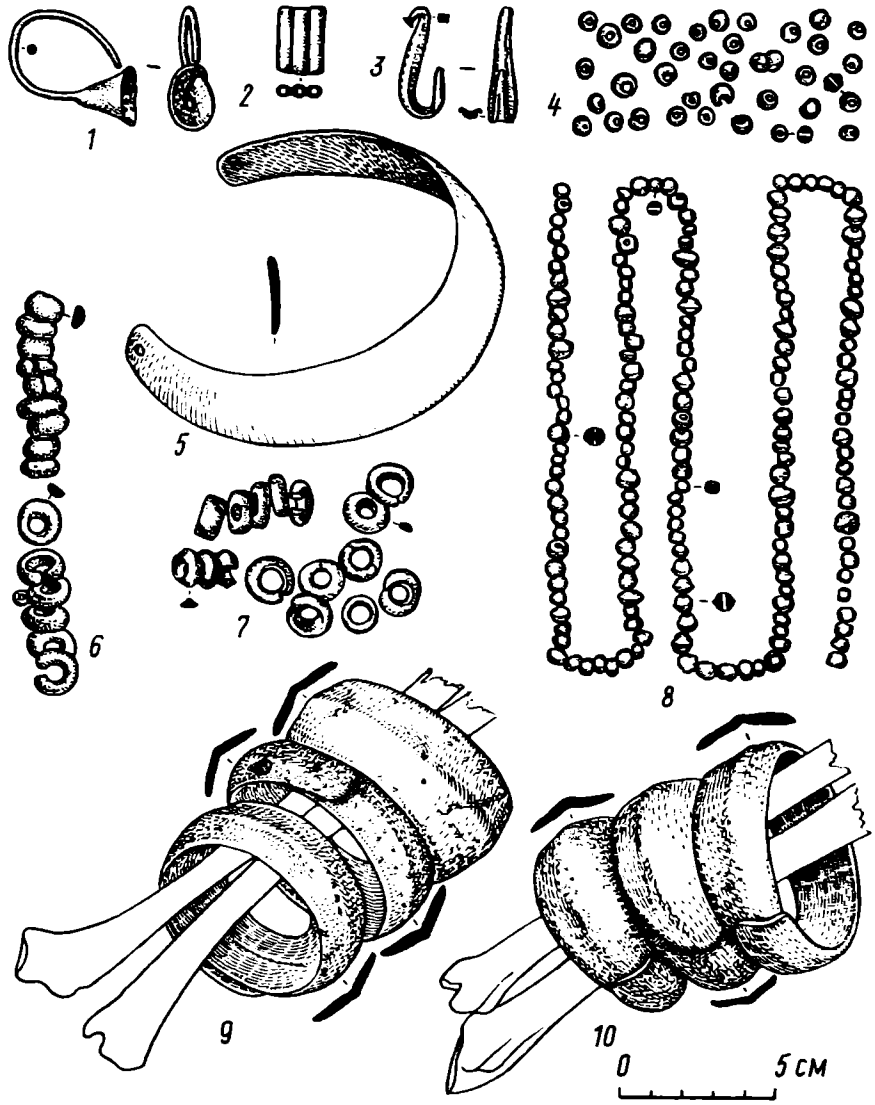


Рис. 8. Могильник Дашти-Кози, погребение 15. Украшения из бронзы: *1* — серьга с раструбом; *2* — пастовая пронизь; *3* — серьга; *4, 8* — бисер; *5* — гривна; *6, 7* — крупные бусы; *9, 10* — браслеты

положить, что в данном случае крупные бусины выполняли функции пуговиц-застежек. Всего в погребении найдено 42 крупных и более 300 мелких бусин.

Погребение 25 отличается от остальных местоположением и погребальным ритуалом. Оно находится на самой открытой в сторону реки и долины площадке могильника, у края высокого и крутого склона. Вокруг могильного сооружения в радиусе 2—4 м — свободное от других погребений место.

На уровне древней поверхности погребение отмечено каменной выкладкой округлой формы диаметром 2,9 м (рис. 9, I). Все камни — окатанные валуны различных размеров (около 200). По окружности камни плотно поставлены в один ряд на торец, образуя оградку. С северной стороны часть оградки была разобрана и забросана камнями. Внутри оградки валуны лежали без определенного порядка в 1—2 слоя.

Под выкладкой обнаружена яма полуовальной формы размером 3,4×2,8 м, очертания которой по мере расчистки смешались к юго-востоку (рис. 9, *II*, *III*). Верхнее ее заполнение в значительной своей части состояло из углистого слоя, а нижнее — из лёсса с включениями углей, мелких комочков мела и охры.

В северо-восточном секторе на 0,3 м ниже каменного наброса выявлена вымостка подквадрат-

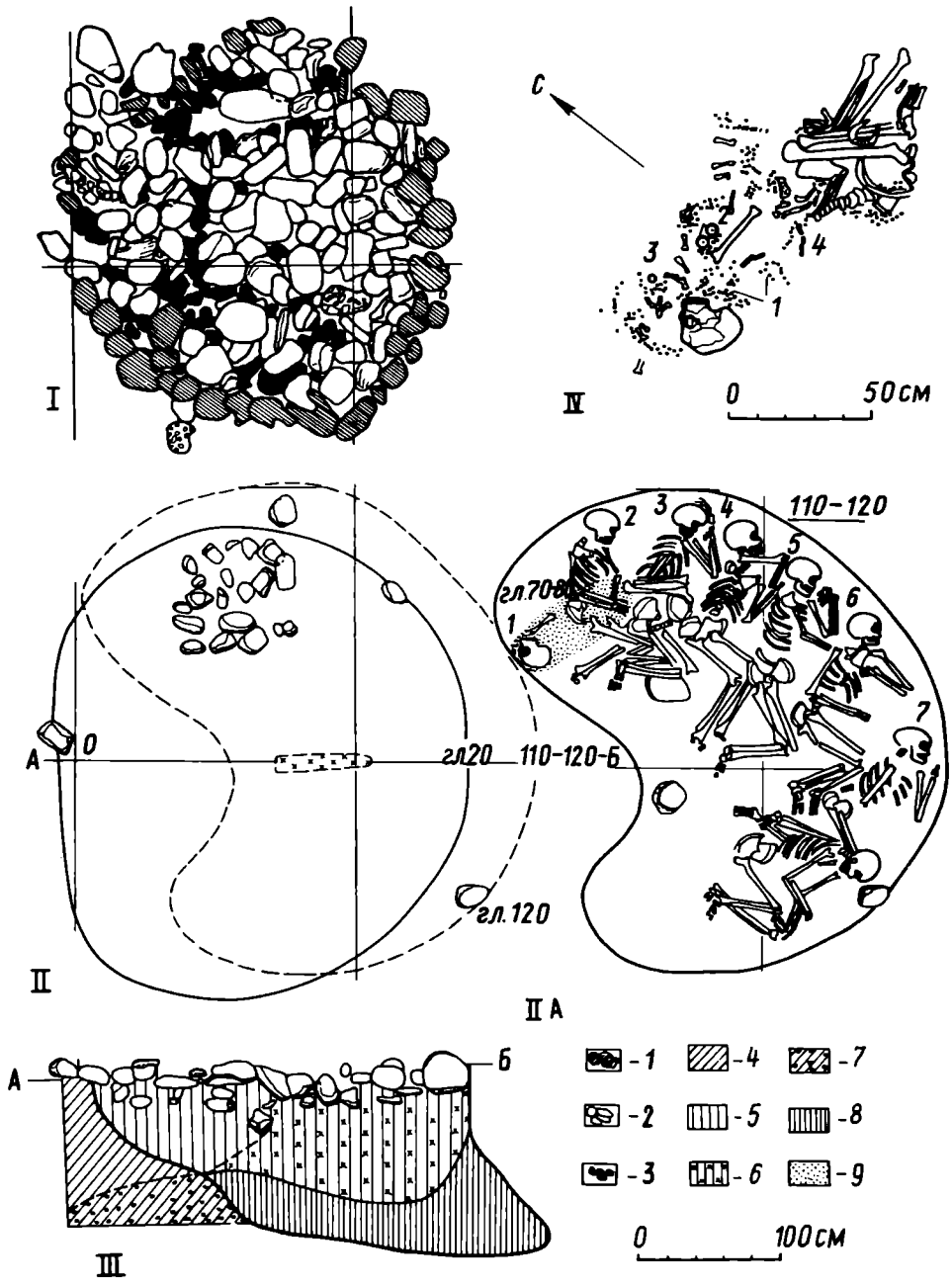


Рис. 9. Могильник Дашти-Кози, погребение 25. I — каменная выкладка над могильной ямой; II — очертания могильной ямы под выкладкой; IIA — ранние погребения на дне могильной ямы; III — разрез могильной ямы; IV — впускное погребение (№ 1). К планам I—III: *1* — камни, поставленные на торец; *2* — камни верхнего яруса, лежащие плашмя; *3* — камни нижнего яруса; *4* — желто-серый плотный лёсс (материк); *5* — темно-серый слой (заполнение могильной ямы); *6* — темно-серый слой с включением углей и мелких кусочков мела; *8* — серый гумусированный слой; *9* — местоположение впускного погребения 1. К плану IV: *1* — мелкий бронзовый бисер; *2* — бронзовые зеркала; *3* — бронзовое кольцо; *4* — пастовые пронизи

ной формы размером 0,9×0,8 м (рис. 9, II), под которой обнаружен скелет взрослой женщины на левом боку в сильно скорченном положении головой на запад (погребение 25—1) (рис. 9, IV). Кости ног погребенной перекрывали часть скелета более раннего погребения (№ 25—2) (рис. 9, IIA). Видимо, именно впускное захоронение 25—1 явилось причиной разрушения части кольцевой оградки.

Кости скелета погребения 25—1 плохой сохранности, анатомическое положение костей рук нарушено. Под скелетом — коричневый тлен, небольшие пятна охры, комочки мела. Особенно насыщена включениями мела почва в области таза и голеностопных костей. Вся одежда погребенной

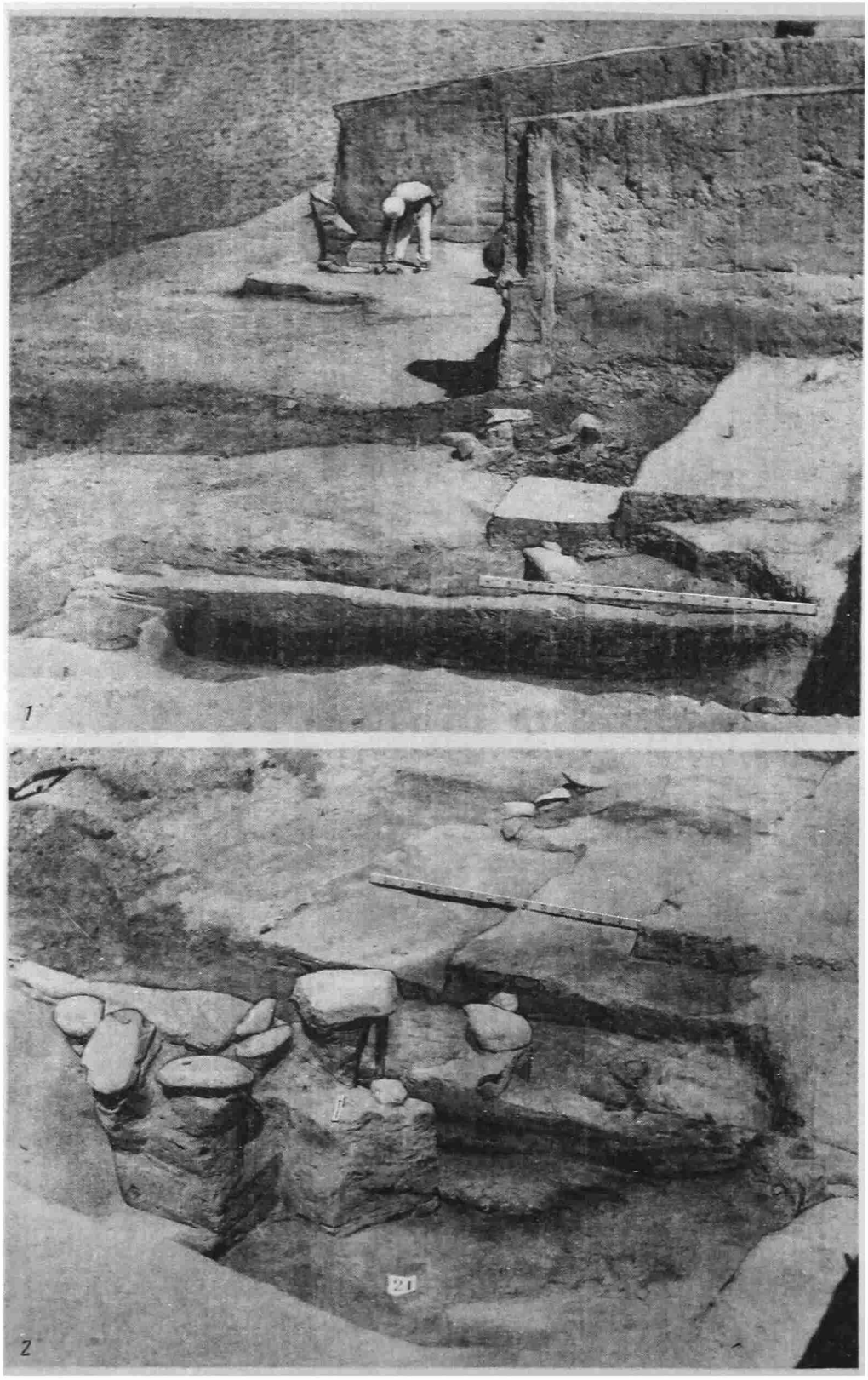


Рис. 10. Могильник Дашти-Кози. *1* — общий вид раскопа с разрезом ямы 4 на переднем плане; *2* — яма 4 в процессе расчистки

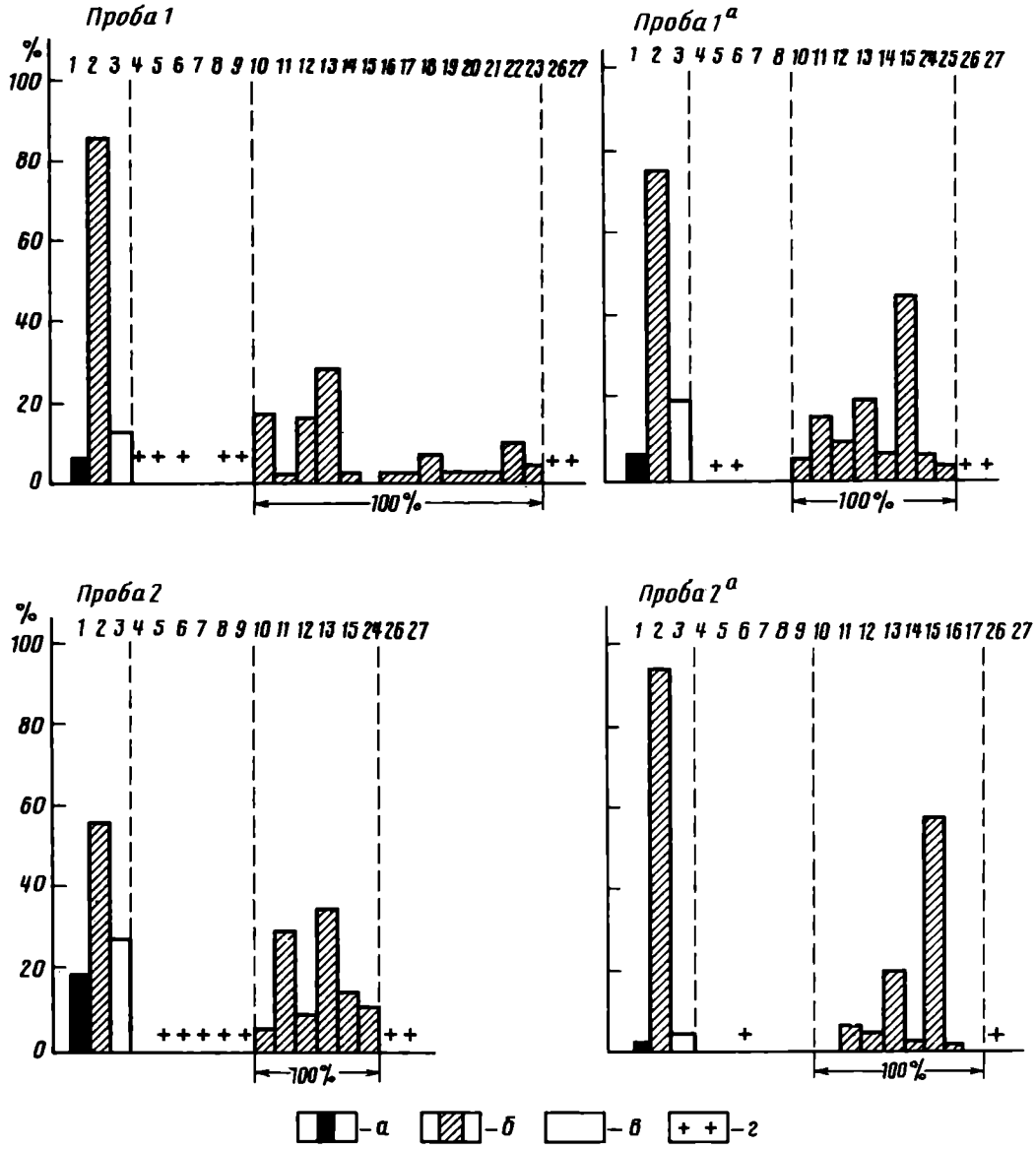


Рис. 11. Гистограммы содержания пыльцы и спор в пробах четвертичных отложений по могильнику Дашти-Кози. *а* — пыльца древесных пород, *б* — пыльца травянистых и кустарниковых растений, *в* — споры, *г* — единичные находки пыльцы и спор. *1—3* — общий состав спорово-пыльцевого спектра; *4* — ель; *5* — сосна; *6* — береза; *7* — ольха; *8* — тамариск; *9* — арча; *10* — хвойник; *11* — злаки; *12* — маревые; *13* — полыни; *14* — цикоривые; *15* — кузиния; *16* — гвоздичные; *17* — молочайные; *18* — бобовые; *19* — лютиковые; *20* — розоцветные; *21* — щавель; *22* — гречиха; *23* — крапива; *24* — крестоцветные; *25* — свинчатковые; *26* — зеленые мхи; *27* — папоротники

была обильно расшита бронзовым бисером, который рядами или скоплениями располагался у черепа, в области шеи, кистей рук, груди, живота, вдоль позвоночника. Перед грудью найдены два бронзовых зеркала с петелькой, рядом с которыми, частично перекрывая, находились плотные скопления диаметром 5—6 см мелкого бисера (?) серой окраски, полностью рассыпавшегося при снятии. В области кистей рук вместе с бисером найдено бронзовое колечко, а вдоль позвоночника — 5 пастовых пронизей.

Расчистка могильной ямы погребения 25 показала, что ее восточная половина на 0,35—0,45 м глубже западной. Наиболее углубленной частью является подбой, расположенный полукругом по восточному и частично южному краю дна могилы в сторону повышения террасы (рис. 9, III). Подбой высотой 0,7 м врыт в стенку на 0,25—0,4 м. На стенках подбоя прослеживается окраска мелом и охрой. На дне могилы в наиболее углубленной ее части обнаружено 7 захоронений: погребенные уложены полукругом вплотную друг к другу головой в восточном направлении. Головы умерших лежали в подбое вплотную к стенке и оказались слегка приподняты. Все костя-

ки — на левом боку, слабо скорчены, что отличает их от других захоронений могильника. Обращает внимание также несколько неестественное положение рук, во всех случаях разное. Правая рука в большинстве случаев согнута в локте и вытянута вперед; левая согнута и положена кистью на лоб (костяк № 3) или загнута к подбородку локтем вперед (№ 5, 6), положена на колено (№ 8), вывернута вдоль туловища (№ 2). Инвентарь отсутствует, только за шейными позвонками захоронения 4 обнаружен округлый камень диаметром 6—7 см со следами сработанности, а у черепа № 8 — валун. Под костяками, особенно в области костей таза, встречены угольки, комочки охры и мела.

Компактное положение захоронений, отсутствие следов каких-либо нарушений свидетельствует об их одновременности. Антропологические определения показывают, что погребены были мужчины и женщины разного возраста и антропологического типа: захоронение № 2 — женщина, взрослая, средиземноморского типа; № 3 — мужчина, зрелый, андроновского типа; № 4 — мужчина, молодой, средиземноморского типа; № 5 — мужчина, зрелый, андроновского типа; № 6 — мужчина, взрослый, средиземноморского типа; № 7 — женщина 30—35 лет, средиземноморского типа; № 8 — женщина 40—45 лет, средиземноморского типа. По определению Т. К. Ходжайова, все костяки массивные, длинные, что говорит о сравнительно высоком росте и крепком телосложении. Все черепа мезо- и долихокранные, с сильно или среднеразвитым надбровьем, большими размерами черепной коробки и лицевого скелета. Из всех выделяются мужские черепа № 3, 5, отличающиеся огромными размерами черепной коробки и лицевого скелета, что несомненно свидетельствует о принадлежности погребенных к андроновскому антропологическому типу. Представляется, что данное коллективное погребение носит ритуальный характер и может быть связано с выбором места («освящением»?) могильника и совершения ритуальных действий. Не исключается также особый случай смерти погребенных, их отличный социальный статус или инородное происхождение.

С погребальным ритуалом тесно связаны специальные ямы для разжигания огня за пределами могильных сооружений, названные нами «жертвенными». На исследованной площади могильника выявлено восемь ям со следами больших кострищ, а также несколько сравнительно небольших углистых пятен на уровне древней поверхности. Ямы довольно больших размеров (3,5—2×$\times$3,3—1,3×0,3—0,45 м), овальной формы, вытянутые продольной осью в большинстве случаев по линии север — юг с некоторым отклонением (рис. 2). Заполнение их состоит либо сплошь из углистого слоя толщиной 0,1—0,35 м (ямы 3, 6, 8), либо из трех—пяти углистых прослоек толщиной 4—6 см, чередующихся с прослойками лесса мощностью 5—15 см (ямы 1, 4, 5, 7) (рис. 3, *1,2*; 6, V; 10). В последнем случае в заполнении ряда ям прослежены также пятна охры, комочки мела и скопления камней. Наличие нескольких углистых и лессовых прослоек свидетельствует о многократном разведении огня в отдельных ямах, который каждый раз засыпался землей. Почти во всех случаях углистый слой очень плотный, жирный, вязкий. В отдельных ямах (3, 4) довольно четко видны следы использования в качестве топлива хвороста, который был засыпан землей до того, как успел полностью прогореть. Интересны ямы со скоплениями камней. В яме 1 под одним из камней на слое углистой прослойки обнаружено погребение младенца (№ 13) в возрасте 1—1,5 года.

Наиболее полная информация получена при расчистке ямы 4, расположенной на южной периферии могильника вплотную к выходу галечного слоя (рис. 10). Размеры ямы 3×2,5 м; выявлена на глубине 1,6 м от дневной поверхности и 0,7 м — от древней. Заполнение ямы неоднородно. В южной половине выявлены три углистые прослойки, плотные и жирные, с затеками в лессовый слой (рис. 6, V). Видимо, костер поливался жиром или вместе с хворостом сжигалось что-то содержащее жир. В углистом слое и прослойках лесса встречаются мелкие комочки и пятна охры. Вероятно, охра бросалась в костер, либо когда он горел, либо вместе с землей, которой засыпался огонь. Таким образом, в южной части ямы огонь разжигался и засыпался трижды. В северной половине ямы, обращенной в сторону расположения погребений, углистые прослойки отсутствуют. Здесь на дне ямы прослежено большое пятно охры, а в верхнем заполнении,

отделенном от нижнего прослойкой лесса,— охра с лессом, углистым слоем, угольками. Интенсивные включения охры встречены также в центре ямы.

В яме на разной глубине (0,6—1,1—1,6 м) обнаружены три скопления камней: два в центре из трех валунов каждое и одно у северо-западного края из девяти камней (рис. 10). Нет сомнения, что каждая группа камней связана с определенной углистой прослойкой в яме, а следовательно, с определенным ритуалом.

Очень близки яме 4 по устройству и характеру заполнения ямы 1, 2, 5. Здесь также огонь разжигался в одной половине ямы и скопления камней соотносятся с отдельными углистыми прослойками.

Сходство многих признаков, характеризующих могильные сооружения и жертвенные ямы (наличие кострищ, скоплений камней, охры, мела), заставляет предполагать и сходные ритуальные действия, совершаемые в том и другом случае. Разжигание огня в жертвенных ямах являлось составной частью погребального обряда и было связано с совершением очередного захоронения или поминальными действиями, повторявшими обряд погребения. В этой связи любопытно отметить, что в полностью исследованных двух группах погребений количество кострищ в могильных камерах и жертвенных ямах совпадает с числом захоронений. Рамки статьи не позволяют более подробно охарактеризовать эти интересные и пока малоизвестные сооружения, которые, несомненно, отражают определенную сторону идеологических представлений населения, оставившего могильник.

Итак, на исследованной территории некрополя выявлено 27 погребений, 8 жертвенных ям и ряд кострищ, концентрирующихся несколькими группами. Полностью исследовано две группы погребений и две намечаются (№ 1, 2, 24, 26; 3, 17).

I группа включает 12 погребений, в числе которых 3 парных и 1 тройное (№ 4, 5, 7, 9, 10, 11—21), 4 жертвенные ямы (№ 1, 3—5) и 2 отдельных кострища. Погребения располагались по кругу. В центре находилась жертвенная яма 1; 3 другие ямы, по-видимому, сооруженные неодновременно, располагались на южной периферии группы. Постепенно круг расширялся за счет сооружения новых погребальных камер с южной стороны, о чем свидетельствуют данные стратиграфии: погребения 4, 5 частично перекрывают одну из ранее сооруженных ям (5). При этом яма 5 могла быть хорошо заметна и даже продолжать функционировать. Сооружение могильных камер частично в яме, скорее со входом из ямы, объясняется вынужденной необходимостью, поскольку выше по склону вплотную подступает мощный слой галечника, в котором сооружение подбойных и катакомбных могил невозможно. Расширение же I группы могил в других направлениях, вероятно, было ограничено наличием специальной площадки с погребением 25 и территориями, занимаемыми группами погребений иных семей.

II группа включает 8 погребений (1 парное) (№ 3, 6, 8, 18—20, 22, 23), 3 жертвенные ямы (№ 2, 6, 7,) и 1 кострище, расположенные по кругу. Площадка внутри круга пустая. Погребения 3, 17, находящиеся на некотором расстоянии от компактных I и II групп могил, мы склонны относить к одной из ещё неисследованных групп, хотя не исключается их принадлежность к I (№ 17) и II (№ 3) группам, но как более поздних захоронений. Время функционирования II группы погребений представляется более кратковременным по сравнению с группой I.

Наиболее ранним сооружением на месте некрополя, на наш взгляд, является коллективное погребение 25, положившее начало функционирования могильника. Представляется, что площадка, где погребение располагалось, являлась своего рода «священной». Исходя из этого заключения, следует предполагать совершение первых захоронений, послуживших основой для концентрации вокруг них погребений ближайших родственников (большой патриархальной

семьи?), поблизости от погребения 25. В таком случае погребения группы I и III являлись относительно более ранними по сравнению с группой II. В дальнейшем захоронения в разных группах могли совершаться одновременно.

Около половины захоронений имеют антропологические определения (погребения 12, 15, 21—25). Из 16 определенных костяков — 8 женщин (2 — молодого и 6 — зрелого возраста), 6 мужчин (2 — молодого, 4 — зрелого возраста) и 2 детских (пол неясен). С учетом погребального инвентаря и полевых определений костных остатков (детских) с достаточной долей достоверности можно предположить следующий состав захоронений могильника: мужчин — 10, женщин — 16, детей и подростков — 9. В парных погребениях предположительно были захоронены: женщина с ребенком (№ 8), мужчина и женщина (№ 9) (рис. 6, I), дети и подростки (№ 4, 10). В тройном погребении (№ 12) (рис. 6, II) — мужчина зрелого возраста и 2 женщины (зрелого и юношеского возраста).

Антропологические данные позволяют заключить, что на месте некрополя, во всяком случае в исследованных группах погребений, были совершены захоронения людей разного пола и возраста в основном по единому обряду — позе, ориентировке, положению в камере. Право- и левостороннее положение костяка в могиле не связано с полом погребенного, как этого довольно строго придерживалось тазабагъябское население [1, с. 213], а также земледельческие [2, с. 41, 51; 3, с. 8; 4, с. 115] и скотоводческие [5, с. 54; 6, с. 174] племена Средней Азии. Отсутствие исчерпывающих половозрастных определений затрудняет объяснения имеющихся нарушений традиционной обрядности (восточная ориентировка, положение на правом боку, спиной к входу — № 4, 7, 12, 20). Вероятнее всего, они являются отражением системы социальных и семейных отношений в обществе, как это убедительно показано на аналогичных материалах в работе ряда исследователей [1, с. 225—227; 4, с. 105—109].

Особо следует подчеркнуть присутствие в могильнике населения различного антропологического типа — андроновского и средиземноморского, представители которых захоронены в одних могилах по единому обряду (№ 12, 25). Из 12 индивидуумов, антропологический тип которых установлен, только 3 — андроновских (все мужские), остальные — средиземноморские (7 — женских, 2 — мужских). Видимо, это соотношение, хотя и по неполным данным, отражает реальную картину состава физического типа населения, оставившего могильник. По мнению Т. К. Ходжайова, краниологический материал могильника Дашти-Кози позволяет определенно говорить о том, что граница между южными и северными европеоидами проходила по Заравшанской долине. Широкое расселение северных скотоводческих племен на юге Средней Азии данными антропологии не подтверждается.

Вещественный материал из могильника представлен керамикой и украшениями. Орудия труда и предметы оружия, за исключением четырех овальных камней со следами сработанности в погребениях 5, 12, 25, а также кости животных в могильнике не обнаружены, что отличает погребальные комплексы Дашти-Кози от могильников эпохи бронзы степной зоны и земледельческого населения Средней Азии.

Как керамика, так и украшения изготовлены в традициях культур степной бронзы. Сосуды (25 экз.) ручной лепки серого и серо-желто-оранжевого цвета, изготовлены из глиняного теста с примесью раковины и шамота, иногда дресвы. Основная часть посуды — горшки с широким устьем, округлыми раздутыми боками, короткой отогнутой шейкой и скошенным наружу венчиком (рис. 4, *14, 15*; 5, *14;* 7). Имеется ряд горшков с раструбовидным горлом, а также кувшинообразные сосуды с узким горлом (рис. 4, *6*). Половина сосудов орнаментирована. Орнамент беден, расположен узкой полосой по плечикам и состоит из ряда заштрихованных треугольников, вертикальной или горизонтальной елочки, насечек, желобков, выполненных прочерчиванием или оттисками гладкого и гребенчатого штампа.

Керамика Дашти-Кози имеет значительное сходство с посудой среднего и

позднего этапа тазабагъябских памятников [1, рис. 21, *2—4*, 23, *3*, 54, *4, 6*; 7], раннего этапа кайрак-кумской культуры [8, табл. 83, 85, *10—12*, 97, *4*, 108, *3—8*, 109, *2, 6*], комплексов поздней бронзы низовьев Заравшана [9, с. 226, 227, табл. XXXI, *18*, XXXVII, *1, 2*, XXXVIII, *12*]. В керамике могильника четко просматриваются также традиции позднеалакульской и алексеевской посуды западных и центральных районов андроновской общности [10, рис. 55, *12, 62*; 11, табл. XII, *1, 4, 5, 6*; XIII *5, 6, 8—12*; 12, рис. 1, *9*; 2, *1*; 13, с. 74, рис. 4, *13—16*; 14, с. 112, табл. VIII, *4*] и сосудов федоровского типа восточных районов [15, табл. XLIII, *3, 4*; XLV, *1*; 16, с. 90—102, рис. 43, *3, 5, 7*, 46, *1*, 47, *5*; 17 с. 36, рис. 17, *3*] Особенно обращает внимание сходство с керамикой из могильников Центрального Казахстана со смешанными алакульско-федоровскими признаками [18, с. 59, табл. III, *3, 4, 6, 7*]. В целом облик посуды Дашти-Кози позволяет говорить о сочетании здесь признаков керамики степных культур эпохи поздней и финальной бронзы.

В коллекции имеются сосуды с влиянием земледельческих керамических традиций: горшок с поддоном, прилепленным к готовой обычной форме сосуда, по краю дна которого нанесен широкий кольцевидный желобок, как бы имитирующий кольцевидную форму поддона; сосуд, изготовленный на гончарном круге с рифленым орнаментом, близкий горшкам молалинского этапа Сапаллитепа [2, с. 86, табл. XIX, *9, 10*, LXI, *9, 10*] и Джаркутана [3, с. 28, рис. LI, *12, 18, 24*] Оба сосуда обнаружены в парных погребениях (№ 8, 9) в комплексе с горшками степного типа.

Украшения в основном из бронзы: гривна (рис. 8, *5*), серьги с раструбом (рис. 8, *1*), массивные браслеты (рис. 4, *4, 9, 10, 12*; 5, *7—10*; 8 ,*9,10*) , зеркала — бляхи с петелькой (рис. 5, *11*), обоймы (рис. 4, *11*; 5, *12*), бусы различных форм и размеров (рис. 4, *6, 7, 8, 11, 13*; 5, *12, 13*; 8, *4, 6—8*). В коллекции имеется пара серег с раструбом из золота (рис. 5, *6*), а также мелкие украшения из пасты — бисер, ребристые пронизи, круглые и прямоугольные плоские бусы (рис. 4, *3*).

Почти все разновидности украшений относятся к числу традиционных, часто встречающихся в том или ином сочетании в комплексах степных культур эпохи бронзы — андроновской, тазабагъябской — на широкой территории [7, с. 78, рис. 25, с. 87, рис. 28; 10, с. 110, рис. 35—38; 12, рис. 80, *1, 2, 9, 10, 17*; 14, с. 125, 138, табл. XII, XIII; 15, табл. LII—LIV; 19, с. 55—59, 62, табл. XXXVII—XXXIX; 20; 21, табл. IV, 5; 22, с. 19, рис. 3, *1*; 9, *1—5*; 23, с. 67—70] В то же время украшения Дашти-Кози имеют свои специфические особенности, характерные для степных комплексов Средней Азии,— массивность бронзовых изделий, особенно браслетов, что чрезвычайно сближает рассматриваемый комплекс с украшениями других могильников этого типа в регионе [9, с. 202—204, табл. XXIII; 20, с. 60, 61, рис. 2]

Наряду со степными в коллекции присутствуют изделия, бытовавшие в основном у земледельческого населения: лазуритовая бусина в составе ожерелья с пастовым бисером и ребристыми пронизями (рис. 4, *2*); дисковидные пастовые (гипсовые?) бусы, украшенные концентрическим орнаментом (рис. 4, *3*), аналогичные бусам из каомина могильника Заманбаба (9, с. 154); крючковидная серьга с шишечкой (рис. 8, *3*), сходная с трехбусинными серьгами из некрополей Сумбар, Пархай Южной Туркмении (4, с. 25—26, рис. 8, *7*; табл. XIV, *12, 13*).

Рамки статьи не позволяют более подробно охарактеризовать погребальный инвентарь могильника, содержащий интересную информацию для различного рода реконструкций. Этому вопросу планируется посвятить специальную публикацию.

Время функционирования могильника устанавливается на основании облика керамики и форм ряда бронзовых украшений. Исходя из дат, предлагаемых для позднеалакульских и тождественных им бишкульских комплексов — конец XIV—XIII, XIII—XII вв. до н. э. [24, с. 287, 292; 25, с. 72—79], позднефедо-

ровских памятников — XVI—X вв. до н. э. [16, с. 116], а также учитывая нижнюю дату комплексов финальной бронзы степной зоны — XII—X вв. до н. э. [12, с. 105; 24, с. 291; 26, с. 97; 27, с. 152], для керамики Дашти-Кози может быть предложена дата XIII—XII вв. до н. э. Последняя хорошо согласуется с хронологией тазабагъябской керамики среднего и позднего этапа — XIV—XIII, XIII—XII вв. до н. э. [1, с. 145], с которой посуда могильника имеет значительное сходство. В указанных пределах (XIV—X вв. до н. э.) датируется и станковая керамика молалинского типа [2, с. 105; 3, с. 44]

Из украшений для датировки могут быть привлечены серьги с раструбом, время бытования которых определяется в пределах последней четверти II тысячелетия до н. э. [28, с. 105, рис. 2]; бронзовые зеркала с петелькой, для которых предлагаются даты — третья четверть II тысячелетия до н. э. [1, с. 132], XII—XI вв. до н. э. [20, с. 62]; бронзовая серьга и височное кольцо, аналогичные подобным украшениям Сумбарского могильника, датируемого XIII — XI вв. до н. э. [4, с. 57, табл. III] В пределах XIII—XI вв. до н. э. датируются также могильники Муминабад, Гуджайли, Кокча 3 [1, с. 146; 9, с. 216; 20, с. 62], где имеется набор украшений тождественных или сходных с могильником Дашти-Кози. Следовательно, датировка рассматриваемого могильника XIII — XII, XIII—XI вв. до н. э. устанавливается как на основании керамики, так и бронзовых изделий.

В итоге анализ полученных данных свидетельствует о степном в своей основе характере памятника: поза и ориентировка погребенных, следы огненных ритуалов, охры, положение и облик керамики, типы украшений, наличие черепов андроновского типа. Пока это единственный из наиболее южных достаточно широко и всесторонне исследованных комплексов степной бронзы. В культурном отношении материалы могильника более всего близки андроновским и тазабагъябским древностям. Особо обращает внимание наличие синтеза признаков различных культурных традиций андроновской общности — алакульской, федоровской (поздних этапов) и алексеевской (раннего периода), что, видимо, свидетельствует не только о времени, но и о длительности и сложности процесса продвижения степных племен в южном направлении. Конкретная культурная принадлежность населения, оставившего могильник, на данном этапе исследований не может быть установлена, поскольку в эпоху поздней бронзы в силу целого ряда причин, которые здесь не могут быть рассмотрены, происходит нивелировка культур степного типа.

Наряду с основными степными в могильнике Дашти-Кози присутствуют элементы, характерные для культуры местного земледельческого населения эпохи бронзы. Это — устройство погребальных сооружений в виде ям катакомбно-подбойного типа, закрываемых одним или несколькими камнями. Совершенно аналогичное устройство могильных камер со входом с северной стороны, открытой в сторону долины, с расположением основной части погребенных лицом к входу прослежено в Сумбарском могильнике [4, с. 74—75] Подобного типа могилы известны в могильнике Джаркутан [2, с. 50—51, рис. 23]. Как уже отмечалось, в комплексе с вещами степного типа были найдены изделия, бытовавшие у земледельческого населения: станковый сосуд молалинского типа, сосуд с поддоном, подражающим местным формам, лазуритовая и дисковидные бусы, серьга, сходная с сумбарскими трехбусинными. Это несомненное свидетельство усвоения пришельцами элементов духовной и материальной культуры аборигенов.

Материалы могильника Дашти-Кози — еще одно убедительное подтверждение существующего мнения [1, с. 232—233; 29, с. 157—158 и др.] о расселении пастушеских племен тазабагъябско-андроновского типа в земледельческих оазисах Средней Азии из северных степных областей. Могильник оставлен населением, появившимся и обосновавшимся на территории Таджикистана в числе первых больших групп степных скотоводов. Судя по имеющимся немногочисленным находкам керамики и украшений алакульского и федоровского типа на юге Средней Азии (Чакка, Сиаб, Сазаган II и др.), инфильтрация

групп северного степного населения происходила и в предшествующее время, но носила эпизодический характер. Более активное проникновение относится к эпохе поздней бронзы, хотя по антропологическим данным (Т. К. Ходжайов) широкое расселение андроновских племен на юге Средней Азии не подтверждается; граница между северными и южными европеоидами устанавливается по Заравшанской долине.

Исходную территорию степняков, если судить по керамике и типам украшений, следует предполагать в Южном Казахстане, хотя не исключается Приаралье, где обнаружены андроновские поселения [1, с. 104—109] Единообразие культур степной бронзы на позднем этапе затрудняет более точное определение. Присутствие в материалах могильника традиций ряда культур степной бронзы, что отмечалось выше, предполагает расселение северных племен в южном направлении постепенно в несколько этапов из разных очагов. Местоположение памятника подтверждает существующее мнение о приуроченности путей движения к древним водным магистралям.

Причины столь широкого и далекого расселения на юг степного населения следует искать в усиленном развитии скотоводства в евразийских степях во второй половине II тысячелетия до н. э. и постепенном переходе от пастушеских форм его ведения к полукочевым и кочевым. Растущие стада и изменение их состава с увеличением доли лошади требовали новых пастбищ и заставляли избыточную часть населения уходить на поиски последних. Природные условия Средней Азии, особенно в предгорных долинах, благоприятствовали этому. Результаты палинологического анализа образцов почв из разных наслоений могильника Дашти-Кози, полученные в лаборатории естественнонаучных методов ИА АН СССР, (рис. 11) характеризуют климат времени функционирования могильника как более прохладный и влажный. Состав спектра из образцов на уровне древней поверхности, соответствующей времени совершения захоронений, свидетельствует о существовании рядом с могильником лугово-степного ландшафта с высоким растительным покровом (см. приложение).

Элементы общего индоиранского ритуала, прежде всего яркие свидетельства возжигания жертвенного огня и особое его почитание, которые находят параллели в древнеиндийском эпосе (Ригведе, Атхарваведе и др.), позволяют нам относить население, оставившее могильник, к ираноязычным народам, а в более широком аспекте связывать их с индоариями. На связь степных племен, пришедших в Южный Таджикистан, с индоариями указывали ряд исследователей [5, с. 140, 141; 29, с. 161, 162]. Наш материал подтверждает это мнение.

Местоположение могильника свидетельствует об обитании пришлых племен рядом с земледельческими поселениями, по крайней мере в первое время, что предполагает в основном мирный характер отношений. Контакты степняков с аборигенами, как показывают данные раскопок, осуществлялись в форме торгового обмена и брачных связей, что приводило к постепенной трансформации культуры пришельцев. В данном конкретном случае это находит отражение в появлении новых черт в обряде погребения, что, видимо, свидетельствует о восприятии новых духовных воззрений. Процесс носил взаимный характер: среднеазиатское население заимствует у пришлого степного культ огня или отдельные его признаки, элементы орнаментальных традиций [2, с. 58; 3, с. 41—42; 5, с. 94; 30, с. 58—63]

Могильник Дашти-Кози, как и другие памятники Южного Таджикистана со степными чертами [5; 6; 31], видимо, отражает процесс продвижения индоиранских племен на их пути в Индию, только на более раннем этапе. Если в других случаях лишь улавливается северная степная струя при преобладании местных среднеазиатских черт, то в Дашти-Кози мы видим степную основу с элементами земледельческих культур, в соприкосновение с которыми вошли пришельцы.

Таким образом, процесс проникновения и расселения степных ираноязыч-

ных племенных групп на юг, несомненно, был длительным и сложным и знаменовал собой появление новых культурных групп, их дальнейшую трансформацию.

Авторы выражают сердечную благодарность принимавшим активное участие в полевых работах на памятнике археологам Нонне Армаисовне Аванесовой, Абдурауфу Рохимовичу Розакову, Айман Медеубаевне Досымбаевой.

[2] Данные без учета коллективного погребения 25, о котором в силу его специфики речь пойдет отдельно.

[3] Все приведенные в статье антропологические определения выполнены Т. К. Ходжайовым, авторы выражают ему искреннюю признательность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья. М.: Наука, 1977.
2. *Аскаров А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977.
3. *Аскаров А. А., Абдуллаев Б. Н.* Джаркутан. Ташкент: Фан, 1983.
4. *Хлопин И. Н.* Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л.: Наука, 1983.
5. *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л.: Наука, 1968.
6. *Пьянкова Л. Т* Могильник эпохи бронзы Тигровая балка // СА. 1974. № 3.
7 *Итина М. А.* Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3 // МХЭ. 1961. Вып. 5.
8. *Литвинский Б. А.* Памятники эпохи бронзы и раннего железного века Кайрак-Кумов // Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайрак-Кумов. (Тр. АН ТаджССР, Ин-т истории. Т. XXXIII). Душанбе, 1962.
9. *Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Заравшана. Ташкент: Фан, 1966.
10. *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. 1947. Вып. 17.
11. Андроновская культура // САИ. 1966. Вып. В3-2.
12. *Потемкина Т. М.* О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье // СА. 1979. № 2.
13. *Евдокимов В. В.* Заключительный этап эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987.
14. *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966.
15. *Максименков Г А.* Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978.
16. *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985.
17 Археологические памятники в зоне затопления Щульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987.
18. *Кадырбаев М. К.* Могильник Сангуыр II // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана: Тр. ИИАЭ АН КазССР. 1961. Т. 12.
19. *Сорокин В. С.* Могильник эпохи бронзы Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. М.; Л.: Наука, 1962.
20. *Аскаров А.* Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // ИМКУз. Ташкент, 1969. Вып. 8.
21. *Оразбаев А. М.* Северный Казахстан в эпоху бронзы // Тр. ИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. V.
22. *Матющенко В. И.* Андроновская культура на Верхней Оби // Из истории Сибири. Вып. XI. Томск, 1973.
23. *Аванесова Н. А.* Серьги и височные подвески андроновской культуры // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975.
24. *Потемкина Т. М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985.
25. *Зданович С. Я.* Происхождение саргаринской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
26. *Черных Е. Н.* Проблемы общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

27. *Кожомбердиев И., Кузьмина Е. Е.* Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА. 1980. № 4.
28. *Аванесова Н. А.* Особенности среднеазиатских украшений эпохи развитой бронзы // Тр. СамГУ Нов. сер. 1972. № 218.
29. *Литвинский Б. А.* Проблемы этнической истории Средней Азии во II тыс. до н. э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.: Наука, 1981.
30. *Рахманов У., Шайдуллаев Ш.* О влиянии культур степной бронзы на керамические комплексы сапаллинской культуры // Общественные науки в Узбекистане. 1985. № 11.
31. *Литвинский Б. А., Соловьев В. С.* Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане // УСА. 1972. Вып. 1.

A. I. Isakov, T. M. Potemkina

A BURIAL GROUND OF A STEPPE TRIBE OF THE BRONZE AGE IN TAJIKISTAN

Summary

The Dashti Kozy on the left bank of the Zeravshan River (50 km from Penjikent) is the southernmost Bronze Age complex of the steppe tribes studied todate. Twenty-six burials, including 3 double, 1 triple, 1 collective and 7 synchronous crouched burials of men and women, placed on the left side oriented to the east, without grave goods were discovered over 400 sq m, at the depth of from 1.6 to 2.8 m. They form several groups. Two burial groups forming circles were studied in detail.

The dead were buried in catacomb-shaft-and-chamber graves. The entrance pits were stopped with one or several boulders. Irrespective of sex and age the dead were placed on the left side in a crouched position, oriented to the west with deviations to the north and the south. Traces of fire can be found on the bottoms of entrance pits. Fires were also built at the graves either on the surface or in specially made pits.

The anthropological type differs: either the Mediterranean or the Andronovo type.

The grave goods (vessels and bronze ornaments) are basically of the steppe type. Their analogies can be found among the Andronovo and Tazabagyar site of the 13th-11th cc. B. C. The collection also includes objects of everyday use among the local agricultural population: azure and disc-shaped paste beads, a hooked ear-ring and a wheeled vessel. Together with the burial construction the collection shows that the local population had close contacts with the newcomers.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Е. А. СПИРИДОНОВА

РЕЗУЛЬТАТЫ ПАЛИНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗЦОВ ИЗ ТОЛЩ ЧЕТВЕРТИЧНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ МОГИЛЬНИКА ДАШТИ-КОЗИ

Т. М. Потемкиной было передано 6 образцов, взятых из толщ четвертичных отложений могильника Дашти-Кози, расположенного на правом берегу р. Зеравшан. Помимо проб были предоставлены фотографии и зарисовки южных и восточных стенок раскопа могильника.

Анализ зарисовок показал, что толщи отложений, в которых находился могильник, представлены лёссовидными отложениями, на восточной стенке отделяющиеся друг от друга линзами мелкогалечного материала (рис. 3, I). Аналогичная закономерность строения прослеживается также на большей части зарисовок южных стенок (рис. 3, II, 10, *1*).

Судя по закономерностям строения вскрытой толщи в генетическом отношении, она должна быть отнесена к пролювию, т. е. к отложениям временных водных потоков, формировавших конус выноса. Однако чрезвычайно резкие различия в фациальном отношении между толщей галечников и толщей лёссовидных суглинков позволяют думать, что последние вложены в более древний пролювиальный шлейф и, таким образом, являются более молодыми.

В отличие от галечников накопление лёссовидных суглинков, в которых обнаружен могильник, происходило в пределах небольшого пролювиального конуса. При этом в его строении выделяются две толщи, накапливавшиеся в несколько различных обстановках. Нижняя из них, представленная лёссовидными суглинками с линзами галечников, характеризует веерную фацию конуса выноса.

В коллекции представленных образцов эту толщу характеризует проба 2а. Процесс накопления этих осадков достаточно медленный, прерывист во времени и в значительной своей части является уже субаэральным. Нередко в этих отложениях имеются следы почвообразования. Описываемые лёссовидные суглинки представлены образцом 2.

В верхнем горизонте лёссовидных суглинков практически нацело отсутствуют линзы галечника. Можно думать, что этот горизонт сформировался в более субаэральных условиях, где значительнее выражены следы почвообразования. В представленной коллекции образцов к этому типу отложений должны быть отнесены пробы 1 и 1а.

Что касается упоминавшейся мощной толщи галечника, то накопление его происходило по крайней мере в центре привершинной части крупного конуса, очень обводненного, отложения которого нашли отражение в образце 3. Таким образом, геологический анализ представленных профилей позволяет утверждать, что нижний и верхний горизонты лёссовидных суглинков накапливались в несколько разной обстановке.

Для нижнего горизонта, к верхам которого приурочена дневная поверхность в момент сооружения могильника, была свойственна большая обводненность окружающей территории по сравнению с верхней толщей. Верхняя толща в целом формировалась в более субаэральной обстановке. Скорости накопления осадков также были различными, поэтому верхний горизонт лёссовидных суглинков мог образоваться в течение более длительного времени, где скорее всего неоднократно менялась климатическая ситуация. Предполагаемые следы почвообразования, определенное расположение кротовин как раз и свидетельствуют об этом.

На палинологический анализ были представлены достаточно редко отобранные образцы. По результатам изучения полученных спорово-пыльцевых спектров единичных проб по каждому литологическому горизонту можно высказать лишь общие суждения о палеогеографических изменениях природной обстановки. Палинологические исследования показали, что в образцах 3 и 3а пыльцы и спор не обнаружено. Все остальные образцы были насыщены пыльцой, спорами, а также органическими остатками. Сохранность пыльцы изученных образцов была различна. Микрофоссилии в пробах 2а и частично в 1а минерализованы, тогда как пыльца в пробах 1 и 2 объемна с нормальным развитием структуры зерен. Не исключено, что минерализация пыльцы была обусловлена более аридными климатическими условиями.

Данные палинологического анализа образцов 1а и 2а по восточной стенке могильника свидетельствуют о том, что состав их спорово-пыльцевых спектров близок, хотя и не идентичен. На гистограмме образца 2а (рис. 11) хорошо видно, что здесь в общем составе безраздельно господствует пыльца трав и кустарников, составляя 94,8%, тогда как значение древесных пород и спор минимально. Из древесных пород определена только пыльца березы, а из споровых обнаружены споры зеленых мхов.

Пыльца травянистых растений и кустарников в основном представлена пыльцой кузинии (56,5 %) и полыней (19,6%), тогда как маревые, злаки, гвоздичные, цикоревые составляют не более 2—6%.

В общем составе палинологического спектра по образцу 1а пыльца травянистых растений составляет 75%, по-прежнему, как и в образце 2а, преобладает пыльца кузинии, пыльца полыней составляет 19,6%, но по сравнению с вышеописанным спектром здесь появляется пыльца хвойника (3,3%) и возрастает участие злаков (13,3%).

Пыльца древесных пород также увеличивается в общем составе (6,2%) и представлена в основном сосной и березой. Споры в спектре также играют большую роль, составляя 18,8%, где присутствуют зеленые мхи и единично папоротники.

При рассмотрении полученных спектров видно, что они отражают пионерные, разреженные, растительные группировки, образованные колючетравьем, полынями и реже маревыми и злаками. Исходя из состава спектров можно предположить, что образец 2а характеризует первый этап заселения растительностью пролювиальных конусов, тогда как второй спектр свидетельствует о более развитых сообществах, в которых несколько возросла роль злаков. Состав палинологических спектров проб 1 и 2, отобранных по южной стенке, иной. В образце 2, характеризующем более древнюю толщу, пыльца древесных пород составляет 16,6% от суммы всей пыльцы в спектре,

преобладает береза, второе место по обилию принадлежит сосне. В меньшем количестве присутствует арча и тамариск, тогда как вяз представлен единичным зерном хорошей сохранности. Необходимо также отметить, что только здесь среди растительных остатков встречаются небольшие кусочки угольков. Среди трав доминируют полыни (35,1%), велика роль злаков (29,8%), в меньшем количестве определена кузиния (14,1%), маревые (7,0%) и хвойник (3,5%). Состав споровых мало разнообразен по составу, присутствуют зеленые мхи и единично папоротники, хотя в общем составе на долю спор приходится 27,5%. Оценивая описанный выше спектр с палеогеографических позиций, можно прийти к выводу, что этот состав спектра характеризует более прохладный и более влажный климат. Большее развитие получили древесные насаждения, а также арчевники. Возможно, их роль особенно возрастала по долине реки, на что могут указывать также находки пыльцы тамариска. Господствующими сообществами в это время были полынно-злаковые группировки с незначительным участием хвойника и маревых. В общем составе палинологического спектра образца 1, который в большей степени отвечает дневной поверхности времени образования могильника, преобладает пыльца травянистых растений (83%), на долю древесных пород и кустарников приходится 5,4 и 11,6% составляют споровые, среди которых определены зеленые мхи и единично папоротники. Состав травянистых и кустарниковых растений в процентном отношении иной по сравнению со спектром образца 2. Здесь также велика роль полыней (28%), но возрастает участие маревых (16,8%), хвойника (13,1%) и особенно мезофильного разнотравья, которое в сумме составляет около 40%. Определена пыльца молочайных, гвоздичных, крестоцветных, бобовых, лютиковых, розоцветных. Кроме того, обнаружена пыльца растений антропохоров, присутствие которых связано с деятельностью человека. Это крапива, щавель, гречиха.

Принимая во внимание количественные соотношения отдельных компонентов, спектра, а также развитость пыльцевых зерен, можно считать, что по сравнению с предыдущим образцом климат во время формирования этого спектра характеризовался более теплым и достаточно влажными условиями. В растительном покрове ведущая роль принадлежала лугово-степным сообществам. Обилие органических остатков в исследованном образце, по-видимому, также косвенно может указывать на высокое проективное покрытие трав и, следовательно, значительную роль биомассы.

С. Н. БРАТЧЕНКО, М. Л. ШВЕЦОВ, О. Р. ДУБОВСКАЯ

КУРГАН IV В. ДО Н. Э. В БАССЕЙНЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

В 1980 г. Донецкой экспедицией ИА АН УССР проводились исследования курганов в низовьях р. Евсуг, левого притока Северского Донца. Захоронения в курганах отражали историю смены населения на данной территории от эпохи энеолита до раннего средневековья [1] К числу наиболее интересных захоронений эпохи раннего железного века можно отнести погребение 3 кургана 2 у пос. Петровка Новоайдарского р-на Ворошиловградской обл.

Курган 2 — самый южный в цепочке курганных насыпей, идущих по водоразделу р. Евсуг и балки Видного вдоль грунтовой дороги из с. Войтово в пос. Петровку (рис. 1, *2*; 2, *1*). Высота кургана 0,80 м, диаметр около 30 м. В стратиграфических разрезах прослежены следующие слои: материковый суглинок с уровня 1,30 м от репера; погребенная почва мощностью до 0,5 м с видимой линией древнего горизонта длиной 11,5 м; гумусированная насыпь мощностью до 0,8 м с кусками мергеля и дерна, сильно распахана.

В кургане исследовано три погребения: основное (№ 3) — раннего железного века и два впускных (№ 1, 2) — позднекочевнических (рис. 1, *1*).

Погребение 3 располагалось в центральной части кургана на древнем горизонте. Могильное сооружение представляло собой одновенцовый сруб квадратной формы 6×6 м, сложенный из четырех бревен длиной 7,5—8 м, диаметром 0,5—0,7 м, концы которых соединены «в замок». Стороны сруба ориентированы по линии СВ—ЮЗ и СЗ—ЮВ (рис. 2, *3*). Сруб перекрывался массивными плахами, уложенными в один ряд в направлении СЗ—ЮВ. Центральная часть перекрытия разрушена позднекочевническим погребением 1, но не исключается и возможность ограбления в древности. Толщина сохранившихся плах перекрытия достигает 0,30 м.

В юго-западной части сруба на уровне древнего горизонта найдено несколько хвостовых позвонков лошади. В южной — остатки деревянной чаши (?) и детали конской узды: подпружная пряжка, ворворки, обоймы (рис. 3, *1*, *17—23*) Одна из бляшек оголовья была найдена в бровке при зачистке восточного угла сруба (рис. 3, *11*).

В северном углу сруба под бревнами обнаружена яма-тайник овальной формы 0,80×0,60 м, с покатыми стенками, ориентированная длинной осью по линии запад — восток, углублена в материк на 0,40 м (рис. 2, *2*). На дне тайника, ближе к восточной стенке, находились остатки уздечных наборов, состоящие из четырех комплектов удил и псалиев, сбруйных украшений оголовья лошади (рис. 2, *2в*). Поверх уздечных наборов лежал колчан со стрелами (рис. 2, *2б*). Колчан не сохранился, но расположение наконечников строго в одну линию острием к западу и остатки древков, лежавших по оси запад — восток, с учетом общей длины тайника позволяют реконструировать его размеры: длина не более 55 см, ширина 20 см.

Параллельно колчану вдоль южной стенки тайника, также поверх узды, лежал меч, острием направленный к востоку (рис. 2, *2а*). Остатки дерева на клинке свидетельствуют о том, что меч находился в деревянных ножнах.

[1] Характеристика погребений, относящихся к эпохе раннего средневековья, была представлена в докладе, посвященном 1300-летию Болгарии (Новые данные по истории древних болгар. Донецк: Изд-во Донецк. ун-та, 1981).

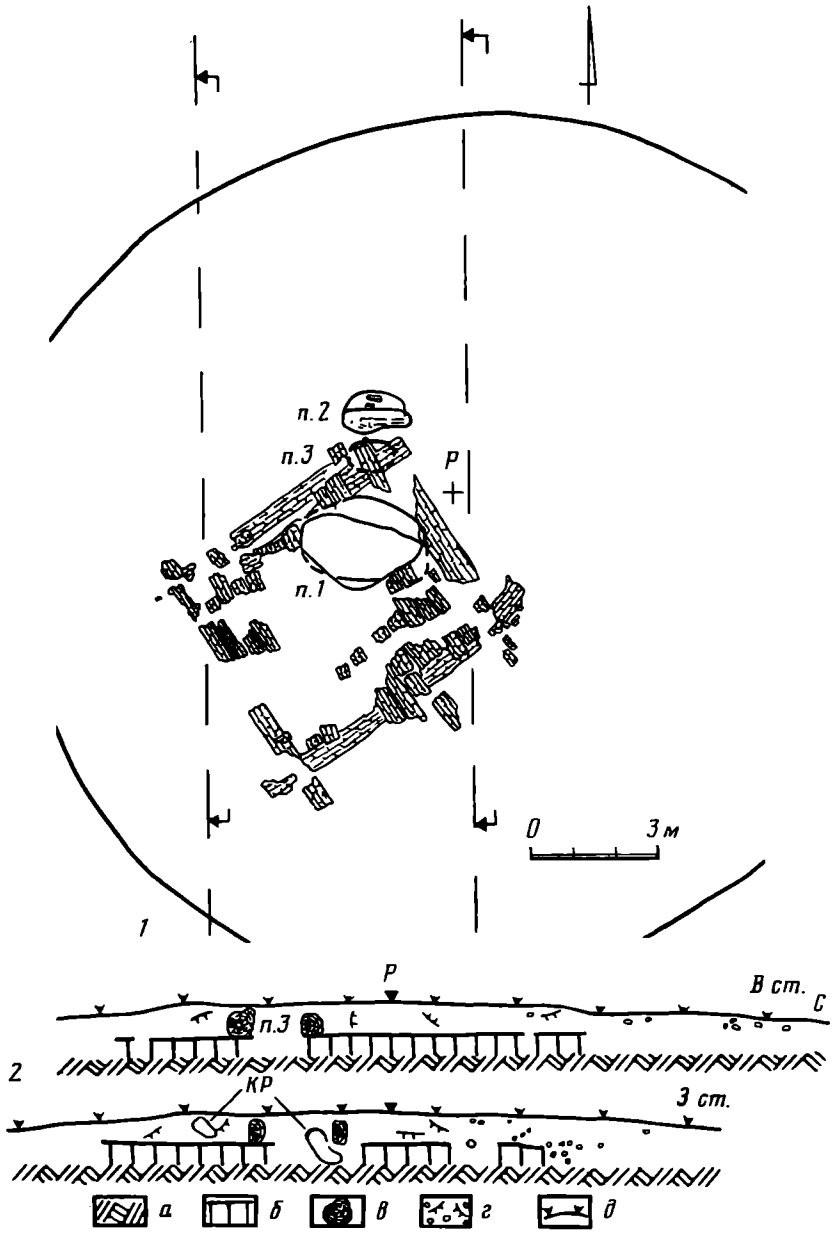


Рис. 1. Курган 2 у пос. Петровка. План (*1*) и стратиграфические разрезы (*2*). *а* — материк; *б* — погребенная почва с линией древнего горизонта; *в* — дерево (углы сруба п. 3); *г* — насыпь с кусками мергеля и дерна; *д* — задернованная поверхность кургана; КР — кротовины

1 Железный меч, по классификации А. И. Мелюковой, относится ко II отделу 2-му типу, так называемым мечам с антенным навершием, трактованным в зверином стиле [1, с. 55—60] Имеет двулезвийный треугольный клинок, линзовидный в сечении, и прямоугольную рукоять с упором в месте соединения с клинком и ажурным зооморфным навершием. Навершие представляет собой стилизованное изображение когтей хищной птицы, соединенных вверху перекладиной, с парой глаз в основании [1, с. 55] Верхняя треть ствола рукояти на одной плоскости имеет прямоугольный выступ по центру, оконтуренный с двух сторон желобками, и рифленые бортики по краям (рис. 4, *1*). На обратной стороне ствола выступ отсутствует, вместо него по центру — широкий желобок, оконтуренный бортиками, причем рифление сохранилось лишь на одном (рис. 4, *2*). Общая длина меча 73 см. Длина клинка 60 см, максимальная ширина 8 см. Ширина ствола рукояти 3 см; навершие 7×3 см. Оформление

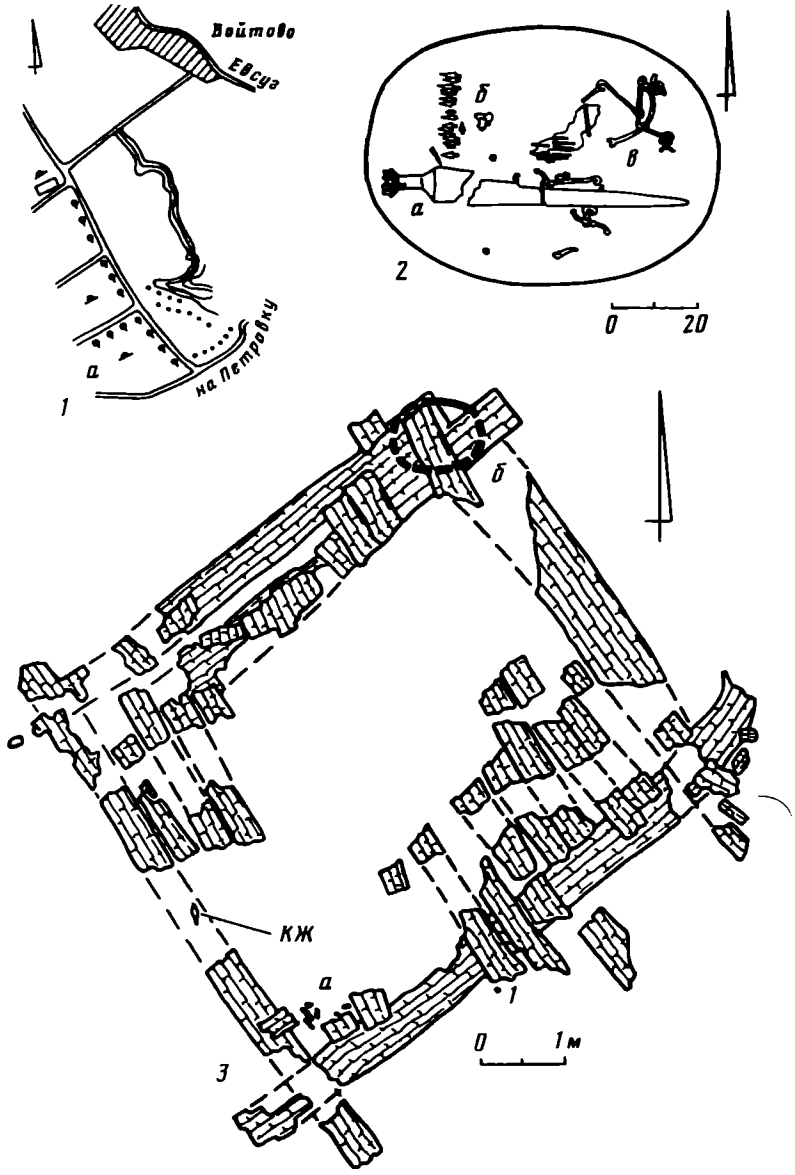


Рис. 2. Курган 2 у пос. Петровка. *1* — план и топография могильника (*а* — курган 2); *2* — план тайника (*а* — меч; *б* — колчан со стрелами; *в* — сбруя); *3* — план погребения 3 (*а* — детали конской узды; *б* — тайник; КЖ — кости животного)

навершия, передающего схему орлиных лап в хватательном движении с двумя глазами в основании, отделка краев рукояти горизонтальным рифлением, форма клинка в виде сильно вытянутого треугольника сближают его с мечами из Солохи (вторая четверть — середина IV в. до н. э.), Аксютинцев, Стайкина Верха (V в. до н. э.), Великой Белозерки (конец IV в. до н. э.), Афанасьевки (V — начало IV в. до н. э.) и Нижнего Побужья (V в. до н. э.) [1, табл. 20, *6*; 2, с. 76, табл. XV, *1*; VII, *18*; 3 с. 123; 4, с. 131, рис. 1, *8*; 5, с. 127, рис. 1]

2. Колчанный набор представлен железными трехлопастными втульчатыми наконечниками стрел — всего 158 экз. (часть — во фрагментах): а) с удлиненным пером свыше 4 см и узкой втулкой длиной 1,2—1,3 см — 18 экз. (рис. 4, 3, *б*); б) с удлиненным пером свыше 3 см и узкой втулкой длиной до 1,1 см — 10 экз. (рис. 4, *3, а, в*); в) с коротким пером свыше 2 см и широкой втулкой длиной до 1,5 см — 60 экз. (рис. 4, *3, г, д*); г) с коротким пером до 2 см и широкой втулкой длиной до 1,5 см — 70 экз. (рис. 4, *3, е, ж*). Подобные наконечники стрел

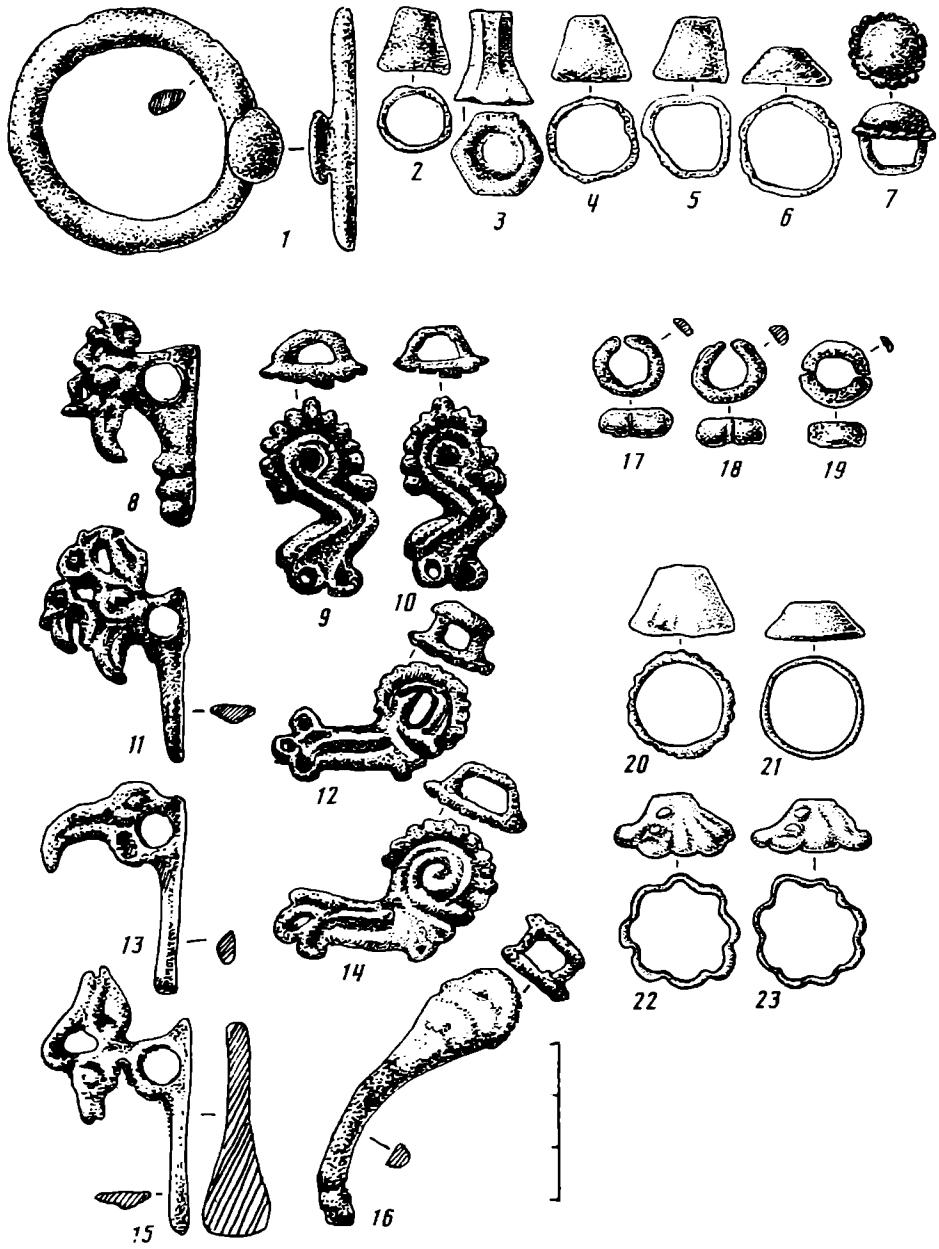


Рис. 3. Сбруйные украшения из погребения 3 кургана 2. *1* — подпружная пряжка; *2—6, 20—23* — ворворки; *7* — бляшка; *8, 11, 13, 15* — наносники; *9, 10, 12, 14, 16* — нащечники (*1—23* — бронза)

наиболее широко использовались в IV—III вв. до н. э. [1, с. 29]. Из числа аналогичных можно назвать наконечники из курганов Журовка А и Мастюгино [1, табл. 8, *С2*; 6, табл. 31, *312*] Особенностью данного набора является наличие только железных наконечников. Наиболее близкое соответствие по материалу и количеству прослеживается в кургане 14 Елизаветинского могильника на Дону, где обнаружено 150 железных наконечников стрел [1, с. 29]

3. Железные двусоставные удила круглого сечения, в наружные петли которых вставлены бронзовые псалии. Псалии S-образной формы, двудырчатые, с восмерковидным расширением у отверстий, округло-коническими шишечками на концах и спиральной нарезкой по стержню (рис. 4, *1*). Длина псалиев 10,0—10,5 см. Псалии со спиральной нарезкой и коническими шишечками на концах происходят из кургана у с. Русская Тростянка на Среднем Дону (IV в. до н. э.), отличаются от петровских прямым стержнем [7, с. 29, 85, табл. 23, *4*].

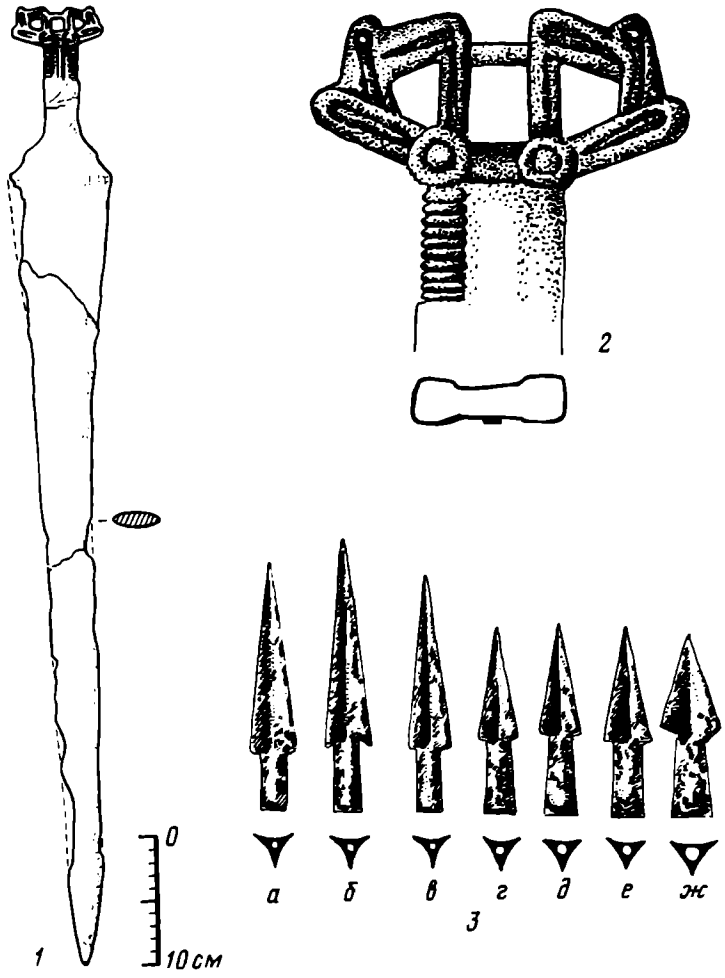


Рис. 4. Оружие из тайника. *1* — меч; *2* — обратная сторона навершия меча в натуральную величину и сечение ствола рукояти; *3* — типы железных наконечников стрел (*а*—*ж*)

4. Звено железных удил с витым стержнем и загнутыми в петли концами. С данными удилами сочетаются фрагментированные железные псалии квадратного сечения, двудырчатые, с восьмерковидным расширением у отверстий и квадратно-коническими шишечками на концах (рис. 5, *2, 3*). Удила с крученым грызлом известны в курганах Старицынской птицефабрики, Воронежской группы и датируются исследователями IV в. до н. э. [7, табл. 23, *33*; 8, с. 44, 45, рис. 1, *2*; 9, с. 39]

5. Фрагмент железных удил — наружное кольцо со вставленным в него коротким железным псалием (обломан посредине) — круглого сечения, с конической шишечкой на конце и спиральной нарезкой под ней, двудырчатый, с восьмерковидным расширением у отверстий (рис. 5, *4*). Псалии подобной формы происходят из кургана 9 Дуровского могильника [9, с. 40]

6. Звено железных удил круглого сечения с кольцом на стержне. В петлю удил вставлен фрагментированный железный псалий, удлиненный, квадратного сечения, с восьмерковидным расширением у отверстий и квадратно-конической шишечкой на конце (рис. 5, *5*). Псалии аналогичного типа в V—IV вв. до н. э. известны на всей территории Евразии [6, табл. 26, *5*; 8, рис. 5, *2*; 10, с. 61, рис. 15, *7*; 11, с. 37, табл. 17, *17*]

7 Два бронзовых литых наносника в виде стилизованной головки хищной птицы (?) с гребнем и ушком, с отверстием у основания (рис. 3, *8*). Высота изделий 4,1 см. Близкие изображения представлены на наносниках из Шолохов-

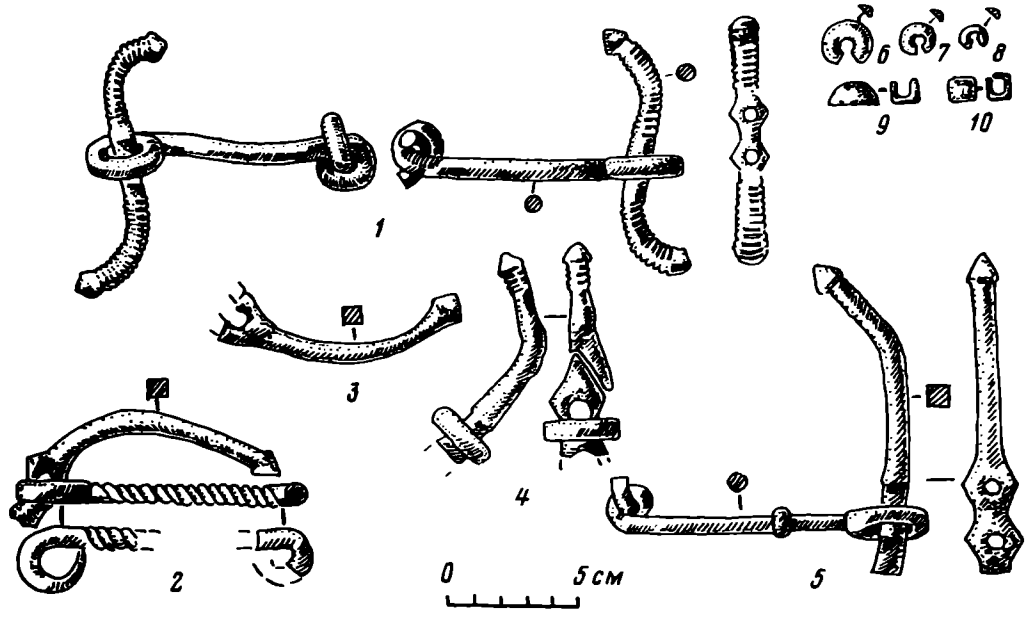


Рис. 5. Предметы конской узды из тайника. *1—5* — удила и псалии; *6—10* — обоймицы

ского кургана конца V — начала IV в. до н. э. в Нижнем Подонье [11, с. 30, 166, рис. 12, *10*] и Гайматовой Могилы IV в. до н. э., где они трактуются исследователями как стилизованное изображение лося [8, с. 55, 57 рис. 8, *4*] Все четыре изделия сближает наличие горизонтального рифления на ножке.

8. Два бронзовых литых наносника со стилизованной головкой грифона или орла с добавлением двух орлиных головок (рис. 3, *11*). Высота изделий 4,6 см. Аналогичный наносник происходит из кургана у с. Кошеватое (рубеж V—IV — начало IV в. до н. э.) на правобережье Среднего Приднепровья [6, с. 94, табл. 29, *8*]

9. Два бронзовых позолоченных наносника в виде головки орла с подчеркнутой восковицей и выпуклым глазом. В основании головки сквозное отверстие (рис. 3, *13*). Высота 4,1 см. Находят себе соответствие в материалах из курганов Днепровской лесостепи V—III вв. до н. э. [2, с. 121, табл. XXXI, *12*; 6, с. 96, табл. 29, *3*].

10. Два бронзовых позолоченных наносника, изображающих головку оленя (?) с ветвистыми рогами (рис. 3, *15*). Высота изделий 5,2 см. Близкие к ним изображения известны в курганах Посулья V—IV вв. до н. э. [2, с. 121, табл. V, *18*].

11. Два бронзовых ажурных нащечника, представляющих собой сильно стилизованные изображения пары ног хищника кошачьей породы, получивших условно наименование блях в виде «петушков» (рис. 3, *9, 10*). На оборотной стороне петля. Длина изделий 3,8, ширина 2 см. Наиболее характерны для уздечных наборов IV в. до н. э. [2, с. 133; 7, рис. 2, *123*] Наличие одной петли (в отличие от двух, обеспечивающих неподвижную фиксацию бляхи) предполагает их крепление на затылочном ремне справа и слева от холки [10, с. 80, 81]

12. Два бронзовых ажурных нащечника в виде стилизованного изображения бедра хищника (рис. 3, *12*), так называемые бляхи в виде «медвежьей лапы», с прямоугольной петлей на обороте и отверстием в центре «головки». Длина 4, ширина до 2 см.

13. Бронзовая нащечная бляха с мотивом «медвежьей лапы» (рис. 3, *14*). На обороте петля трапециевидной формы. Длина 4,5, ширина до 2 см. Прямые аналогии происходят из курганов Солохи, Гайманова Могила, Кошеватое и др. [6, табл. 30, *1, 2*; 8, с. 54, рис. 7, *3*; 12, с. 127; 13, с. 189, рис. 43, *11*]. Наибольшее

распространение получили в конских уборах IV в. до н. э. [2, с. 132, 133]

14. Бронзовая позолоченная нащечная бляха в виде стилизованного изображения рыбы (?) с прямоугольной петлей на обороте. Длина изделия 6 см, максимальная ширина 1,6 см (рис. 3, *16*).

15. Подпружная пряжка, бронзовая, с позолотой, диаметром 4,8 см, с кнопкой-застежкой на одной стороне (рис. 5, *1*). Подобные пряжки появляются не ранее конца V в. до н. э., особенно типичны для IV в. до н. э. [8, с. 61, 62, рис. 12, *4*]

16. Бронзовая полусферическая бляшка, обрамленная шишечками по краю, с петлей на оборотной стороне (рис. 3, *3*). Диаметр 1,5 см. Аналогичные постоянно встречаются в комплексах V—IV вв. до н. э. [2, с. 129, табл. XVII, *13*, XXXI, *1, 3, 5, 7*]

17 Бронзовые ворворки, всего 9: а) гладкие конические высотой 1,3 см, диаметром от 0,8 до 1,5 см — 3 экз. (рис. 3, *2, 4, 5*); б) гладкие уплощенно-конические высотой 0,7 см, диаметром от 0,7 до 2,0 см — 2 экз. (рис. 3, *6, 21*); в) вогнуто-коническая, шестигранная в сечении высотой 1,8 см, диаметром от 0,8 до 1,6 см (рис. 3, *3*); г) литые в виде розетки высотой 1,0—1,2 см, диаметром от 0,7 до 2,3 см — 2 экз. (рис. 3, *22, 23*); д) коническая со слабым вертикальным рифлением у основания, высотой 1,4 см, диаметром от 1,0 до 2,0 см (рис. 3, *20*). Ворворки — одна из наиболее часто встречающихся деталей конской узды, хорошо известны в наборах V—IV вв. до н. э. [2, табл. V, *7—9*; 6, с. 41, 171, табл. 32, *4—7, 21, 22*] Функциональное назначение этих предметов состоит в закреплении концевых узлов различного рода ремней, в частности ремней узды [2, с. 113, 136; 10, с. 78]

18. Обоймы: а) бронзовые в виде несомкнутых колец из плоских пластин диаметром до 1,5 см (рис. 3, *17—19*) — 3 экз.; б) железные полукруглой формы диаметром от 1,0 до 2,0 см — 3 экз. (рис. 5, *6—8*); в) железные квадратной формы с боковой прорезью — 2 экз. (рис. 5, *9, 10*).

Согласно кругу приводимых аналогий, комплекс у пос. Петровка с наибольшей вероятностью может быть датирован IV в. до н. э., а культурная принадлежность определяться как скифская.

Могильное сооружение сочетает в себе два основных элемента: наличие деревянной конструкции в виде сруба и размещение его на древнем горизонте. Каждый из этих элементов в отдельности имеет аналогии в скифских памятниках VII—IV вв. до н. э. Погребальные сооружения в виде сруба обнаружены в курганах на правобережье Среднего Приднепровья — тип 5, по классификации В. Г Петренко [6, с. 15] В кургане 454 у с. Макеевка прослежена такая деталь, как обработка концов сруба «в замок», подобно петровскому [14, с. 22]. Но все эти срубы помещены в грунтовые ямы. В то же время известны сооружения на уровне древнего горизонта — тип 7 у В. Г. Петренко [6, с. 16], «деревянный склеп на поверхности» — у В. Ю. Мурзина [15, с. 48], «погребения в сожженных деревянных склепах на грунте» — у В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина [12, с. 116] Своеобразие петровского сооружения в виде сруба заключается и в отсутствии каких-либо следов огненного ритуала.

Тайник в виде ямы овальной формы известен в скифском погребении VI—V вв. до н. э. у с. Александровка в Самаро-Орельском междуречье. В кургане IV в. до н. э. у с. Великая Белозерка в углу камеры также был устроен тайник. Интересно, что в обоих тайниках, как и в описанном нами, находился меч [3, с. 122; 16, с. 93, 94, рис. 2, *5*]. Еще один тайник, в виде цилиндрического углубления в полу камеры, был обнаружен в катакомбе первой половины IV в. до н. э. на Херсонщине [17, с. 108]

Допуская возможность ограбления погребения 3 (разрушенное перекрытие), следует отметить полное отсутствие каких-либо остатков человеческого скелета на дне могилы или в заполнении ее. Вероятно, данное захоронение представляет собой кенотаф.

Размеры могильного сооружения, наличие тайника, весь комплекс вещей, включающий меч, колчан с редким по количеству набором стрел и несколько

комплектов конской узды свидетельствуют о высоком социальном статусе человека, символическое погребение которого было открыто в петровском кургане.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.
2. *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев: Наук. думка, 1968.
3. *Отрощенко В. В.* Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наук. думка, 1984.
4. *Воронина Р. Ф.* О некоторых кинжалах и акинаках Курской области // МИА. 1962. № 113.
5. *Гребенников Ю. С., Недопако Д. П.* Скифский меч с Нижнего Побужья // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наук. думка, 1984.
6. *Петренко В. Г* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ. 1967. Вып. Д1-4.
7. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. 1965. Вып. Д1-31.
8. *Ильинская В. А.* Скифская узда IV в. до н. э. // Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
9. *Пузікова А. І.* Вуздечкові набори з Воронезьких курганів // Археологія. 1980. Вип. 35.
10. *Мелюкова А. И.* Краснокутский курган. М.: Наука, 1981.
11. *Максименко В. Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1983.
12. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
13. *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н.* Скифский курганный могильник Гайманово поле // Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977.
14. *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья // САИ. 1977 Вып. Д1-33.
15. *Мурзин В. Ю.* Погребальный обряд степных скифов в VII—V вв. до н. э. // Древности степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
16. *Ковалева И. Ф., Мухопад С. Е.* Скифское погребение конца VI—V в. до н. э. у с. Александровка // Древности степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
17. *Полин С. В.* Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наук. думка, 1984.

S. N. Bratchenko, M. L. Shvetsov, O. R. Dubovskaya

A MOUND OF THE 4th CENTURY B. C. IN THE BASIN OF SEVERSKY DONETZ

Summary

The authors publish a complex from a mound at the village of Petrovka (Novoaidar District, Voroshilovgrad Region) in the lower reaches of the Evsug river. In a log construction (6×6 m) which was oriented along the north-east/south-west and north-west/south-east lines and covered with boards, there were no human bones. In the south-western part there were several horse caudal vertebrae, in the south, parts of a bridle and remnants of a wooden bowl. In the northern corner there was a cache with four sets of bridles, a quiver with 158 arrow heads and a sword with the tip in the zoomorphic style. According to analogies, the complex from Petrovka can be dated to the 4th c. B. C. and related to the Scythians.

К. И. ЗАЙЦЕВА

ОЛЬВИЙСКАЯ РАСПИСНАЯ АМФОРА III В. ДО Н. Э.

Среди расписных сосудов местного производства из Ольвии самой интересной является амфора с сюжетными композициями, не характерными для вазовой росписи эллинистического времени, а также с разнообразными растительными узорами (рис. 1, *а, б*) [1] Она была куплена в 1899 г Э. Р Штерном, директором Одесского археологического музея, у Гохмана, известного торговца древностями, жившего в Очакове. Вероятнее всего, Гохман приобрел эту вазу у крестьян с. Парутино, производивших в том году обширные хищнические раскопки на территории некрополя Ольвии [1, с. 3—7] В 1910 и 1911 гг М. В. Фармаковский сделал акварельные рисунки обеих сторон амфоры (рис. 2, *а, б*) [2] С воспроизведением этих рисунков ваза впервые была издана в 1955 г Т Н. Книпович [2, с. 382, 383, 388, рис. 21; 3, с. 184] Дав краткое описание сосуда и определение сюжетных сцен, Т Н. Книпович отметила исключительные художественные достоинства росписи, выдвигающие эту амфору в число выдающихся памятников искусства. Мы вполне согласны с этой оценкой и считаем, что благодаря неординарности этого памятника он заслуживает повторного издания с более подробным, всесторонним его анализом.

Амфора имеет плавные очертания (рис. 3, *а*): овальное, раздутое в средней части тулово переходит в слегка округлые плечики, а затем в узкое горло с массивным, отогнутым наружу венчиком, отделенным валиком-ребром. Ручки верхними концами прикреплены по краем венчика, в месте присоединения их нижних концов к тулову образовались большие вмятины. Дно плоское, слегка выпуклое, неправильно-круглое.

По форме эта ваза не единственная: она относится к чрезвычайно оригинальной и самобытной группе местных ольвийских сосудов — больших амфор с крышками, ставившихся на отдельно сделанные, не прикрепленные к сосудам подставки. Амфоры с плоским дном ставились на подставки с гладкой площадкой сверху, амфоры с закругленным дном — на высокие полые подставки [4, с. 196—202, рис. 15—21] [3] Возможно, рассматриваемой амфоре принадлежала подставка с чуть вогнутой гладкой площадкой сверху, также хранящаяся в Одесском археологическом музее (рис. 3, *б*) [4]

Амфора сделана из типично ольвийской глины [5] Ее поверхность, за исключением четырехугольных полей на обеих сторонах тулова и плоского дна, покрыта черной матовой грунтовкой и расписана растительными узорами (рис. 1—3, *а*) Эта роспись состоит из белых завитков или волны по широкому краю венчика, белых и розовых продолговатых лепестков, расположенных в нижней части венчика, на горле и у дна вазы. Горло отделено от плечиков узким белым пояском, под ним — узкий поясок в цвете черной грунтовки и более широкий пояс с изображением св. Овы и стрелки между ними написаны белой краской, пространство между ними — красной. Возможно, овы были обозначены также голубой краской, от которой остались незначительные следы. К поясу ов примыкает изображение четырехлепестковых розеток, исполненных розовой и красной красками. Под одной из ручек сохранилась темно-красная многолепестковая пальметка.

Сюжетная роспись располагается на обеих сторонах амфоры на специально выделенных больших четырехугольных полях. На эти поля сначала были

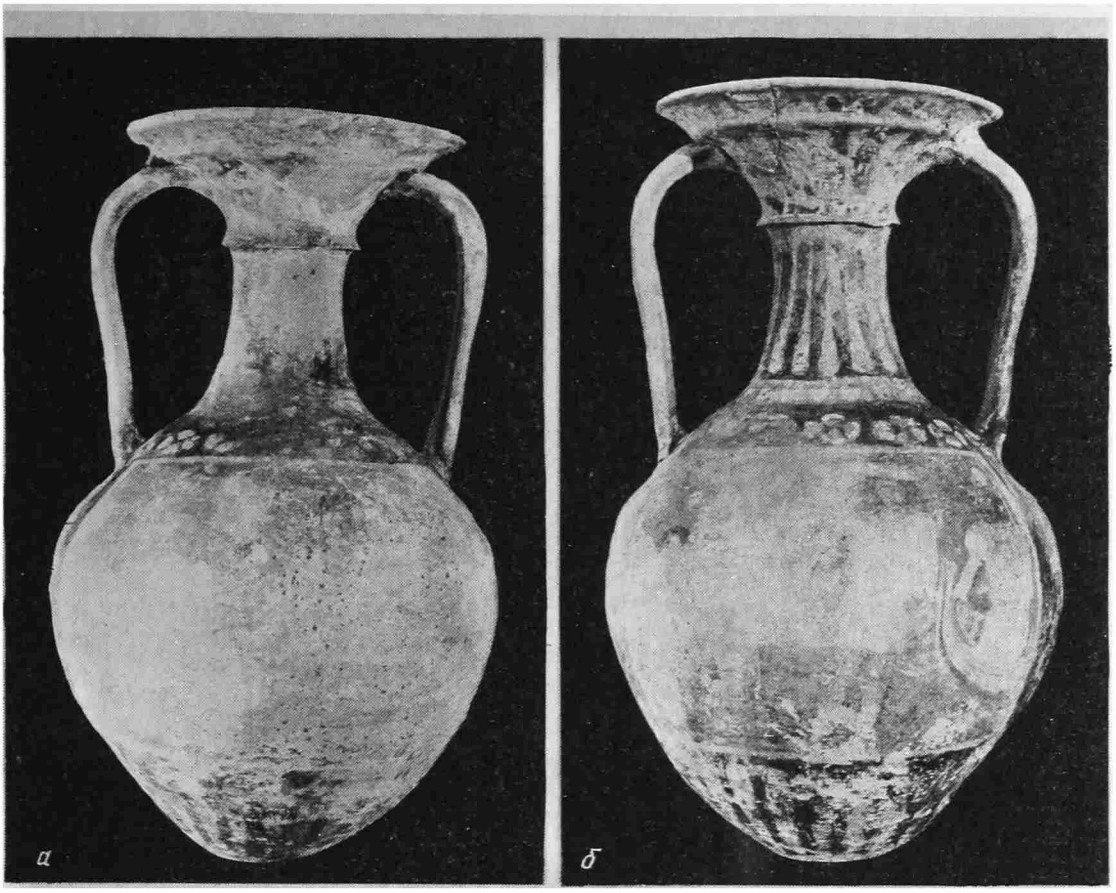


Рис. 1 Ольвийская амфора с росписью (вид в настоящее время) *а* — сторона со сценой прощания матери с ребенком, *б* — со сценой с Хароном

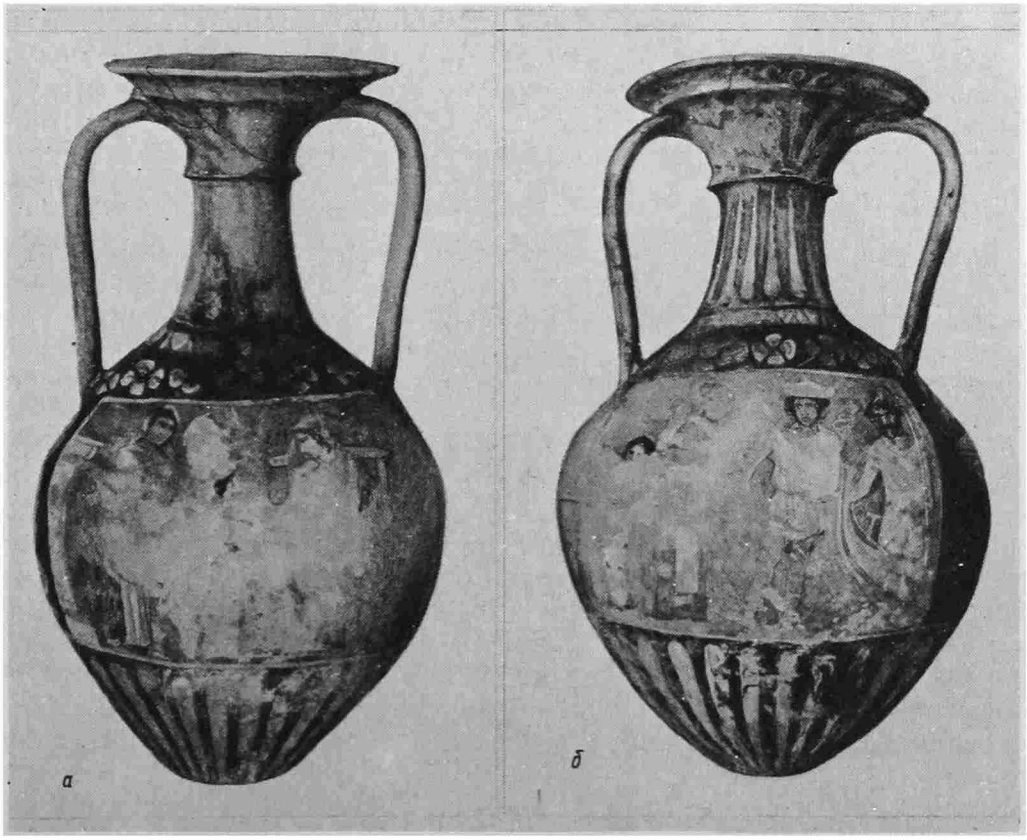


Рис. 2. Ольвийская амфора с росписью (с акварельных рисунков М. В. Фармаковского, 1910, 1911 гг.). *а* — сцена прощания матери с ребенком, *б* — сцена с Хароном

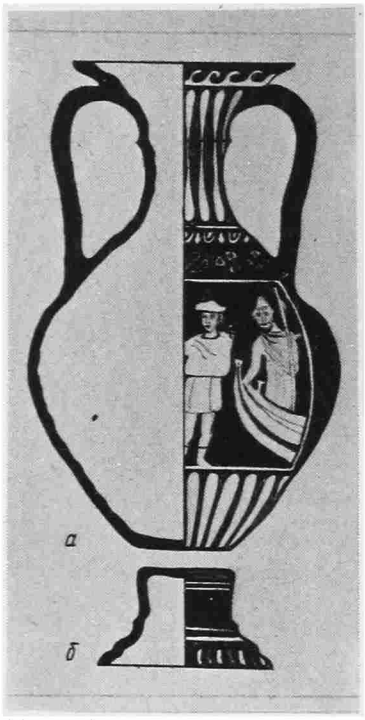


Рис. 3. Профили: *а* — амфоры с Хароном, *б* — подставки

Рис. 4. Роспись амфоры — сцена с Хароном. С акварельного рисунка А. В. Вашкулева (г. Одесса), 1967 г.

нанесены контуры человеческих фигур, пространство между ними покрыто ярко-красной краской, затем написаны все фигуры, и в последнюю очередь поля были обрамлены белой линией шириной 0,4—0,6 см.

Сюжеты росписи определены Т. Н. Книпович, которая писала, что на одной стороне амфоры изображена сцена прощания матери с умершим ребенком, которого привела к ней служанка. На другой стороне амфоры — «та же служанка ведет ребенка к ожидающему его в своей лодке Харону... Между ребенком и Хароном — бог Гермес...» [2, с. 383, рис. 211]. Это определение сюжетов росписи амфоры не вызывает никаких сомнений [4, с. 198, 199, пор. № 4; 5, с. 14; 6, с. 97—99, рис. 1; 7, с. 51, 172, № 86; 8, с. 216, табл. CXII, 5].

Художник, расписавший ольвийскую амфору, очень умело расположил сюжетные изображения на обеих сторонах вазы на ограниченном пространстве четырехугольников, создав строгие и уравновешенные сцены. Обе сцены тесно связаны между собой последовательным развитием действия, и вместе с тем каждая из них в отдельности представляет собой единую замкнутую композицию.

На одной стороне амфоры изображена трехфигурная композиция, центром которой является умершая девочка в длинной одежде (рис. 1, *а*, 2, *а*) [6]. Голова ее, с гладко причесанными волосами, слегка приподнята, взгляд направлен на мать, которая сидит на высоком кресле с широкой спинкой в трехчетвертном повороте к зрителю. Голова матери, изображенная в профиль, склонена на руку; из-под накинутого на голову покрывала видны темные вьющиеся пряди волос. Четко очерчены классически правильные черты лица с прямой линией лба и носа, полными губами, округлым подбородком. Наклоном головы, линией рта с чуть опущенными уголками, напряженным выражением преувеличенно большого глаза передается скорбь матери при разлуке с ребенком.

В левой части сцены, позади девочки, расположена третья фигура — служанки. Она стоит, повернувшись в три четверти к зрителю. Полное широкоскулое лицо служанки, обрамленное длинными прямыми волосами, сильно отличается от несколько идеализированного лика матери. Особую выразительность

ему придают глубоко посаженные глаза, обведенные тенями, на фоне которых ярко выделяется оживленное белым бликом глазное яблоко. Настроение скорби выражено слегка склоненной на левую руку головой, складочками в углах небольшого рта. Стройность фигуры служанки подчеркнута ее одеждой — хитоном с широкой продольной полосой, доходящей до пола, и плащом, который закрывает часть фигуры, опускаясь ниже колен. На голову накинуто покрывало. Из-под одежды видны ступни ног Эта сцена проникнута единым настроением скорбного прощания. Девочка, на которую печально склонив головы смотрят обе женщины, является не только композиционным, но и смысловым центром сцены. Расположенные по обе стороны от нее фигуры матери и служанки уравновешивают друг друга. Это впечатление усилено тем, что позади служанки помещена часть алтаря с выступающими основанием и карнизом, которая противопоставлена массивной спинке кресла в правой части сцены [7]

Сцена на другой стороне вазы состоит из четырех фигур (рис. 1, *б;* 2, *б;* 4). Справа изображен нос лодки со стоящим в ней Хароном и Гермес Психопомп, слева — служанка и девочка. Здесь дан как бы следующий эпизод в развитии действия — уход умершей в подземное царство. В композиционном решении на смену статичности приходит динамика. Кажется, что Харон только что подплыл на своей лодке. Его фигура в хитоне и коротком плаще, немного наклоненная вперед, полна движения. Необычайно выразительно лицо в обрамлении темных, условно переданных кольцами лохматых кудрей, выбившихся из-под остроконечного колпака. У Харона более темный, чем у всех остальных фигур, колорит лица, яркие блики в глазах (белые блики были, очевидно, также на скулах и вдоль длинного носа), редкие пряди бороды и усов. Образ носит зловещий характер.

Стоящий рядом Гермес дан в фас, лишь голова чуть обращена к следующей за ним служанке. В постановке фигуры также ясно выражено движение: левой ногой Гермес только что сделал шаг к лодке, правая отставлена в сторону. На Гермесе — подпоясанный короткий, живописно облегающий тело хитон, высокие сапоги, на голове — петас. Его молодое безбородое лицо обрамлено небрежно выбивающимися из-под петаса вьющимися прядями волос. Выразительность его чертам придают асимметричные брови, пристальный взгляд, направленный в сторону идущих за ним фигур, рот с опущенными углами, широкие крылья носа. За левым плечом Гермеса виден кадуцей.

Следующая за Гермесом служанка изображена в трехчетвертном повороте, склоненная голова была передана в профиль; черты лица не сохранились. Фигура девочки передана в фас. Видны темные волосы, сплошной массой обрамляющие ее высокий лоб, глаза, темнеющие под дугами бровей, и прямая линия носа (нижняя часть лица и изображение левого глаза не сохранились). Девочка одета в такой же длинный хитон с широкой продольной полосой, не доходящий до подола, как и служанка.

Композиционного центра в этой сцене нет. Обе противопоставленные друг другу группы — Харон и Гермес, служанка и девочка — связаны движением руки Гермеса. Фигуры Харона, Гермеса и служанки почти одинаковой высоты [8]

Таким образом, роспись обеих сторон амфоры посвящена двум последовательным эпизодам с одним и тем же персонажем — умершей девочкой. Но композиционное решение и смысловое содержание этих сцен различно. Печальное настроение сцены прощания выражено в статичных образах, плавных движениях, удивительном единстве всех трех фигур, объединенных общим чувством. Сцене ухода в подземное царство придано трагичное звучание. Это достигается контрастом правой и левой групп, контрастом настроения и действия. В позах фигур служанки и девочки чувствуется обреченность; Харон и Гермес даны в движении, за которым угадывается обуревающее их нетерпение.

Мастер ольвийской амфоры обладал незаурядным дарованием рисовальщика [9] Фигуры строятся анатомически правильно, позы разнообразны и выразительны. Силуэты очерчены тонкими контурными линиями; графически обозначены и некоторые детали — брови, линии век, пряди волос, складки одежд [10]

Главная роль принадлежит живописи, исполненной полихромно яркими красками чистых тонов [11] Лица персонажей переданы белой краской с розоватым оттенком (мать, девочка), светло-коричневой (служанка), розовато-коричневатой (Гермес) и красновато-коричневой (Харон) Глаза, брови, носы и волосы обозначены коричневато-черной краской, губы, очевидно, красной (красная краска частично сохранилась на губах служанки). Богата цветовая гамма одежд, сочетания красок здесь гармоничны. Так, хитоны служанки и девочки — темно-серые, с легким фиолетовым оттенком. В первой сцене такой хитон сочетается со светло-коричневыми широкой продольной полосой и плащом, во второй — с серовато-бежеватой продольной полосой и светло-серым плащом. Нежно-розовый хитон Харона гармонирует с серовато-бежеватым плащом, оживленным многочисленными складками. Короткий хитон Гермеса был, вероятно, тоже нежно-розового цвета (сейчас он беловато-розоватый), ниже талии вдоль боков положены серовато-бежеватые полосы, расширяющиеся книзу. Широко применялась белая краска. Этой краской исполнены гладкие покрывала на головах женщин, колпак на голове Харона, петас и сапоги Гермеса, а также нос лодки, шест, кадуцей, алтарь. Спинка кресла была написана желтой краской (сейчас она серая).

Мастер владел приемами передачи светотени. Это чувствуется в трактовке лиц, в передаче одежд Харона и Гермеса. Наложение теней и бликов, передача одного и того же цвета то более темным, то более светлым тоном позволили художнику мастерски передать объемность фигур.

Для выявления специфических особенностей рассматриваемой вазы необходимо сравнить ее не только с другими ольвийскими сосудами, но и с художественной керамикой с полихромно и монохромно исполненной сюжетной росписью из других центров Северного Причерноморья и Средиземноморья

Среди гончарных изделий Ольвии имеется только один сосуд, на котором сохранились незначительные остатки сюжетной росписи. Это большая пелика, отличающаяся от вазы с изображением Харона формой, обработкой поверхности под роспись, расположением росписи на широком поясе в верхней части тулова сосуда и ее сюжетами: на одной стороне пелики от росписи осталась часть фигуры сражающегося воина, переданного в движении; на другой стороне — фигура нападающей пантеры с поднятыми передними лапами (рис. 5, 6) [12] Растительные узоры, украшающие пелику, тоже другие. От них снизу венчика частично сохранилась гирлянда из лавровых листьев и ягод; на одной стороне горла, по-видимому, большие лепестки, плотно примыкающие один к другому. Плечики вазы были украшены гирляндой из разноцветных листьев, к настоящему времени полностью разрушившейся. Роспись исполнена полихромно светло- и темно-коричневой, красной, черной, желтой, серой и розовой красками [5, с. 14, 15; 6, с. 99, 100; 9, с. 11, 12] [13]

Мы предполагаем, что сюжетные изображения, подобные сценам на вазе с Хароном, имелись на высокой сероглиняной амфоре, соединенной с массивной подставкой. На обеих сторонах тулова этого сосуда оставлены в цвете глины такие же большие четырехугольные поля для основной росписи, как и на амфоре с Хароном, на них — остатки кирпично-оранжевой, белой, красной и черной красок; вся остальная наружная поверхность тоже покрыта черной краской. К сожалению, роспись этого сосуда, исполненная полихромно, не сохранилась [6, с. 99, 100, рис. 2, примеч. 9; 10, с. 38—41, рис. 8] (рис. 7) [14] Безусловно, сосудов с сюжетными изображениями было изготовлено в Ольвии значительно больше, но они или утратили свою роспись, или не дошли до нас. Изучение всей местной расписной керамики Ольвии эллинистического времени дает нам основание подчеркнуть, что бо́льшая часть сосудов украшалась не сюжетными сценами, а различными растительными и геометри-

Рис. 5. Ольвийская пелика

ческими узорами [4, с. 184 сл., рис. 1, *6—11, 15, 18—21*; 5, с. 15—17; 6, с. 97, 101 сл., рис. 5, 6; 11, с. 153 сл., рис. 1, 2; 12, с. 109 сл., рис. 1, 2; 13, с. 50 сл., рис. 1—12]

Художественная керамика с сюжетными изображениями или отдельными фигурами людей и животных изготовлялась не только в Ольвии, но и в некоторых других городах Северного Причерноморья и Средиземноморья. Особый интерес для нас представляют полихромные пелики, в большом количестве выпускавшиеся в Пантикапее, Фанагории и других городах Боспорского царства. Возникнув под влиянием краснофигурных пелик, обильно ввозившихся из Афин на Боспор в IV в. до н. э., изготовление местных боспорских пелик продолжалось в течение III — II вв. до н. э.

Лицевые стороны боспорских пелик украшались мифологическими сценами, весьма популярными и на аттических краснофигурных вазах. Чаще всего это сцены сражений пеших или конных амазонок с греками, битва воинов, грифонов с аримаспами или амазонками. Часто изображались просто головы амозонки и коня, большие женские головы, сирены у треножника, Эрот и дельфин. Встречаются типично греческие персонажи — Пан и две менады. Обратные стороны пелик расписывались, как правило, традиционными изображениями двух мужских фигур в плащах. Над этими фигурами обычно помещались пояса волны, ов, розеток, плетенки, точек, крестиков, сетчатых и других узоров; под ручками — пальметки. Роспись исполнялась полихромно по черной грунтовке (на сероглиняных сосудах) или по глине оранжево-красных тонов, а пространство между фигурами покрывалось черной краской. Для исполнения отдельных изображений иногда применялась белая подгрунтовка [2, с. 380—389, рис. 20, 22; 3, с. 130—184; 14, с. 42—51, табл. II, *7,8*; 15, с. 10—12,

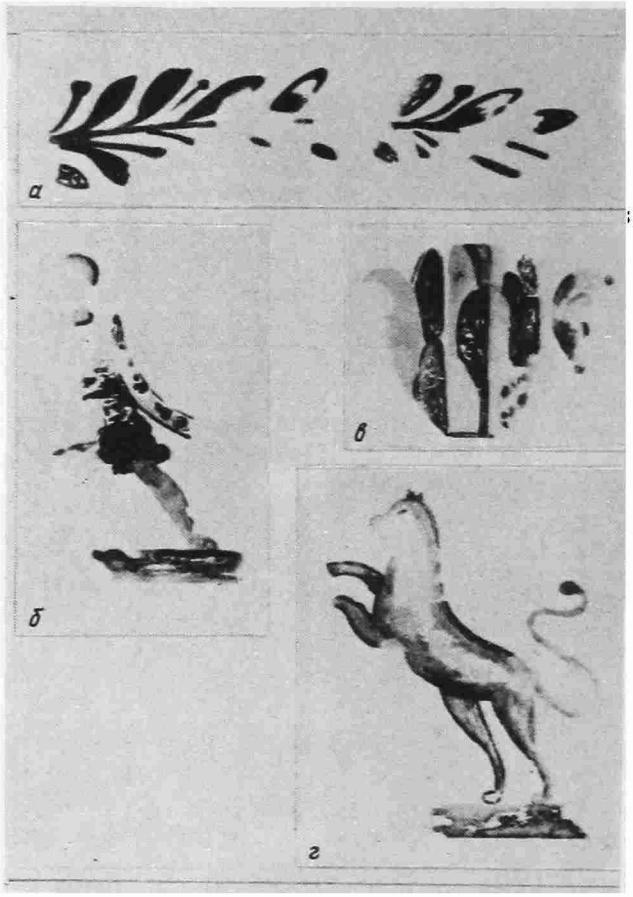


Рис. 6. Фрагменты росписи ольвийской пелики

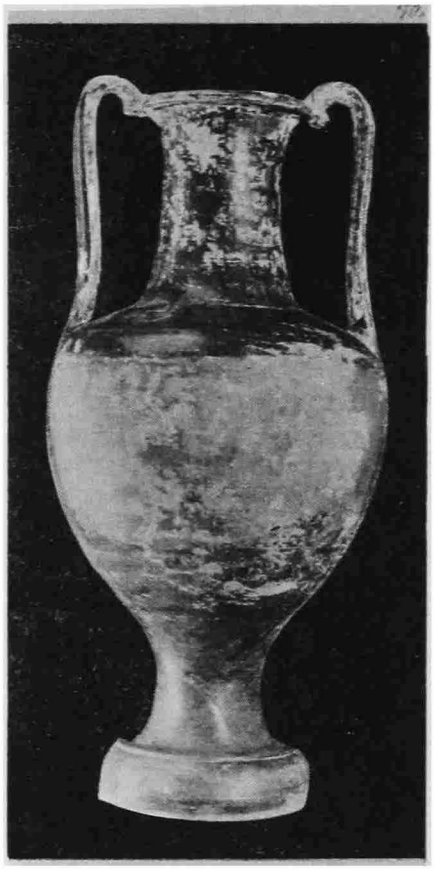


Рис. 7 Ольвийская сероглиняная амфора

табл. 1, *5;* 16, с. 139—142; 17 с. 275, 276; 18, с. 113—116, рис. 29; 19, с. 48—53, рис. 15, 16; 20, с. 129, 134—137, рис. 25, 36—38]

Роспись большинства боспорских пелик с сюжетными сценами поражает яркой многокрасочностью и пестротой, однако по мастерству исполнения она значительно уступает ольвийской амфоре с Хароном. На боспорских вазах часто недостаточно четко построена композиция: фигуры вплотную примыкают к ручкам, иногда изображены не полностью, ноги заходят на пояс, обрамляющий рисунок снизу. Контуры фигур, черты лиц, складки одежды и многие детали грубо очерчены толстыми коричневыми, черными или красными линиями. Сами рисунки поражают небрежностью, крайней схематизацией (особенно в передаче плащей воинов на лицевых сторонах и одежд фигур на обратных сторонах пелик), явными анатомическими погрешностями, проявляющимися главным образом в непропорциональной вытянутости отдельных фигур, в характере движений. При этом боспорские художники, в полной мере владея искусством светотеневой моделировки, удачно передавали объемность фигур, силу движения, ярость и напряженность схваток, в целом достигая экспрессии и выразительности. Боспорские полихромные пелики с сюжетными композициями — это большая оригинальная группа художественной керамики эллинистической эпохи, в которой греческие элементы получили необычное преломление; на Боспоре был выработан свой стиль — «яркий, красочный, сочный, хотя и не лишенный грубоватости и некоторой примитивности» [2, с. 389]

В Херсонесе сосудов с сюжетными композициями пока не найдено, неизвестны такие вазы и из гор дов Западного Причерноморья.

В Средиземноморье крупными центрами по производству сосудов с монохромно и полихромно исполненной сюжетной росписью были Александрия в Египте, Чентурипе в Сицилии, Каноза в Южной Италии, но таких сцен, как на ольвийской амфоре с Хароном, там не имеется.

На александрийских чернофигурных гидриях изображались сцены сражений воинов, охотящихся Эротов, обнаженные мужские фигуры, головы людей и бога Гелиоса, фигуры животных, птиц и фантастических существ. Иногда встречаются также агонистические сюжеты: бегущие гоплиты, Ника между треножниками, атлет и женская фигура. Эти изображения размещались на лицевой стороне ваз на широком поясе, замкнутом с боков узкими вертикальными полосами. Горло и плечики гидрий украшались многочисленными растительными узорами. Роспись исполнялась черновато-коричневым лаком по глине или светлому ангобу [21, с. 35—46, рис. 42, *с, е* — 44, 47—50; 22, табл. I, II А; III В, *12;* В, *29;* В, *31—33* сл.; 23, с. 123—128; 24, с. 153—156, рис. 3; 25, с. 8—10]

Полихромные александрийские гидрии расписывались по белой гипсовой облицовке (реже по светлому ангобу) яркими красками, наносимыми в технике акварели в сочетании с клейкими веществами. Художники свободно размещали свои рисунки не только в центре лицевой стороны, но и около одной из горизонтальных ручек. Изображались надгробные стелы, панафинейские амфоры, отдельные предметы вооружения и воинских доспехов (панцири, щиты, мечи), предметы женского туалета (ларцы, зеркала, веера). Иногда можно видеть башмаки, голову Медузы. Кроме отдельных ваз с сиренами, плачущими у надгробия, сюжетные сцены в росписи полихромных александрийских гидрий неизвестны [21, с. 46—52, рис. 51, 52, 54—57, табл. XVI—XVIII, 23, с. 132—137, рис. 7; 25, с. 11—13; 26, т. I, с. 34, рис. 25, т. II, табл. XXXVIII, XXXIX; 27, т. III, с. 347, 348, рис. 757, 758]

В Чентурипе изготовлялись большие кратеры на высокой ножке с массивной подставкой и куполообразным крышками, чаши с крышками и блюда. Основная роспись сосудов характерна только для этого центра; она обычно состоит из 3—4 фигур, объединенных единым сюжетом. Некоторые исследователи связывают эти сюжеты с дионисийскими или орфическими мистериями. Подобное толкование основывается на том, что на одних сосудах изображен Дионис и женщины, совершающие мистический дионисийский ритуал, Дионис с Ариадной или своей матерью; на других — сцены посвящения. Роспись одного из кратеров с изображением женщины, кормящей ребенка, и четырех других фигур (женщины, Эрота, юноши и мужчины с тимпаном) трактуется как театральная сцена или в женщине с ребенком видят умершую [28, с. 88, 89, № 168] Сюжетные композиции размещались на лицевой стороне сосудов, они обычно обрамлялись растительными и рельефными узорами. Роспись была исполнена полихромно по белой грунтовке яркими красками, нанесенными в технике темперы. На многих сосудах роспись выделяется высоким мастерством исполнения. Одни исследователи датируют чентурипские сосуды III в. до н. э., другие сравнивают их живопись с помпеянскими фресками II — I вв. до н. э. [29, с. 143, сл., табл. XLIV — LXIV; 30, с. 187—205, рис. 1, *12, 14, 15;* 31, с. 45—54, рис. 1, *8;* 32, с. 211]

На асках из Канозы встречаются изображения дельфинов и крылатых гиппокампов, которые помещались между многочисленными рельефными фигурами; на канфарах и ойнохоях головы Диониса Загрея и связанных с его культом фигур, крылатых женских и юношеских фигур, пегасов. Рисунки помещались на лицевой или на обеих сторонах ваз и обрамлялись ветками, поясами ов и волны. Роспись наносилась монохромно и полихромно по белой и кремовой грунтовке поверхности сосудов. Некоторые ученые считают, что плоская трактовка фигур на канозских сосудах напоминает роспись краснофигурных апулийских кратеров, и датируют их поздним IV и III вв. до н. э. [17, с. 244—251; 32, с. 210; 33, с. 366—418, 428—431, 437—439, табл. XL — XLIII, XLVI, TLVIII—L; 34, с. 90 сл., рис. 1, 8, табл. VIII—X].

Итак, сравнение ольвийской амфоры с Хароном с художественной керамикой из других северопричерноморских и средиземноморских центров свидетельствует о том, что их объединяют некоторые общие черты и вместе с тем каждая группа имеет свои специфические особенности. В форме вазы с Хароном (и других подобных ей сосудов), в размещении сюжетных сцен на больших четырехугольных полях и грунтовке остальной поверхности черной краской сказывается влияние аттических чернофигурных панафинейских и малоазийских чернолаковых амфор IV—III вв. до н. э. [35, с. 320 сл., табл. 81—88; 36, с. 210, рис. 600; 37, с. 97, рис. 132; 38, с. 195—199, рис. 4—6] [15] Однако ольвийские гончары подвергли привозные образцы значительной переработке и создали специфически местные типы амфор. Главное отличие их состоит в не прикрепленных к вазам подставках: как отмечалось выше, ольвийские амфоры с плоским дном ставились на подставки с гладкой площадкой сверху, амфоры с закругленным дном — на высокие полые подставки. Среди рассмотренных выше центров только большие чентурипские кратеры ставились на не соединенные с ними подставки [30, с. 193, 200] Значительно отличается от привозных «черный лак» ольвийских ваз. Исследования некоторых красок сосудов из собрания Эрмитажа показали, что в Ольвии черную краску часто получали путем пережигания костей животных [16] Каковы состав черной грунтовки под растительную орнаментацию на вазе с Хароном, а также красок, которыми исполнена роспись, и способы ее нанесения, без исследований определить невозможно.

Техника исполнения сюжетных сцен на амфоре с Хароном сходна с приемами росписи сосудов всех других античных центров: сначала наносились контуры фигур, затем свободное пространство между ними покрывалось какой-либо краской (на ольвийской амфоре — красной, на боспорских пеликах из оранжево-красной глины — черной или темно-серой, на чентурипских сосудах — черной, розовой или красной, на многих канфарах и ойнохоях из Канозы — розовой, красной, синей или фиолетовой) и в последнюю очередь расписывались сами изображения. По мастерству и тонкости живописи ольвийскую амфору с Хароном мы можем сравнить только с росписью сосудов из Чентурипе. Сюжетам же ольвийской амфоры нам не удалось найти ни одной аналогии среди художественной керамики эпохи эллинизма из перечисленных выше центров Северного Причерноморья и Средиземноморья. Ольвийская амфора с Хароном является уникальной.

Сюжетные изображения ольвийской амфоры восходят к аттическим памятникам более раннего времени — лекифам с белой облицовкой, имевшим специальное погребальное назначение, и надгробным стелам V—IV вв. до н. э. Для надгробных стел характерны изображения женщин, прощающихся со своими родными, поэтому к ним особенно близка фигура матери на нашей вазе [41, табл. XVIII, XXII, *2*, XXVII, XXXI, XXXII, LXXXVI] На лекифах с белой облицовкой часто изображались Харон в лодке и приближающийся к нему умерший, которого обычно ведет Гермес, сидящие женщины с детьми, госпожа и рядом с ней служанка, умершие дети, которых живые матери или служанки провожают к лодке Харона [42, с. 2—8 сл., табл. 4—9, 21, 33—35, 38, 39, 41, 45, 50, 66, 75, 79—82; 43, с. 15, № 20, табл. IV; 44, с. 34, табл. 25а; 45, с. 5, 6; 46, с. 126—142] Сходство между росписью ольвийской амфоры и белыми лекифами состоит не только в тематике мифологических сцен, но и в трактовке Харона, которому часто придавали облик старика с некрасивыми и устрашающими чертами лица [42, с. 11—13, табл. 26, 27, 44, 44а, 89; 47, с. 1099, 1100 (Charon), в трактовке фигур, в передаче движений. По цветовому решению и живописной передаче фигур ольвийская амфора больше сходна с белыми лекифами не V, а IV в. до н. э.

Роспись ольвийской вазы с Хароном с ее многокрасочностью и гармоничным колоритом можно сравнить также с монументальной живописью IV—III вв. до н. э. К сожалению, таких памятников сохранилось мало. Одним из них является роспись Казанлыкского склепа конца IV — начала III в. до н. э., откры-

того в Болгарии [48, с. 8 сл., табл. VI—XV, XIX, XXVII—XXXII] Сходство заключается в изображении сцены прощания сидящей на троне женщины с умершим супругом, присутствующих при этом фигур служанок и слуг, в живописной манере, в таких орнаментальных мотивах, как овы и розетки. По трактовке же фигур амфора с Хароном значительно отличается от росписи Казанлыкского склепа. Нам кажется, что композиционное решение обеих сцен и пропорции фигур на вазе из Ольвии гораздо ближе изображениям на лекифах с белой облицовкой, чем живописи Казанлыкского склепа.

Таким образом, сравнение ольвийской амфоры с другими памятниками показывает, что этот сосуд характеризует слияние разных черт: форма и полихромия, присущие эллинистическому времени, соединены с сюжетными сценами, восходящими к памятникам аттического искусства V—IV вв. до н. э. (надгробным стелам и белым лекифам); сходство с аттическими чернофигурными панафинейскими и малоазийскими чернолаковыми амфорами IV—III вв. до н. э. в облицовке вазы черной краской, в выделении четырехугольных полей для основной росписи и в некоторых орнаментальных мотивах сочетается с местными приемами нанесения грунтовки и исполнения этих мотивов, применяемыми ольвийскими мастерами в эпоху эллинизма. Мифологические сцены на амфоре с Хароном отличаются высоким мастерством исполнения, что сближает этот сосуд с лучшими образцами греческой вазописи.

Другой ольвийский сосуд — большая пелика с частично сохранившимися сюжетными изображениями — не является столь своеобразным, как амфора с Хароном. На создание формы и сюжетов росписи пелики оказали влияние аттические краснофигурные и боспорские полихромные пелики IV—III вв. до н. э. Подчеркнем, что сюжетная роспись и этого сосуда была выполнена с большим мастерством. Ольвийские амфора с Хароном и пелика свидетельствуют о том, что в Ольвии работали незаурядных способностей вазописцы, которые были тесно связаны как с греческими, так и с местными традициями.

Ольвийские амфоры на не соединенных с ними подставках изготовлялись для целей погребального культа: они служили для совершения возлияний в честь героизированных умерших и хтонических богов [4, с. 201, 202; 5, с. 19, 20; 6, с. 106] Наполненные водой или вином, они, возможно, предназначались также для снабжения умерших питьем. Роспись амфоры с Хароном соответствует этому назначению: сцены, изображенные на ней, связаны с представлениями греков о переселении умершего в царство Аида. Вероятно, для культа мертвых служили два других упоминаемых сосуда — сероглиняная амфора (в ее дне имеются трещины, через которые жидкость могла медленно стекать в землю) и большая пелика со сценами сражений. В этом отношении ольвийские сосуды сходны с керамикой из других центров, для целей погребального культа предназначались боспорские пелики, александрийские гидрии, кратеры Чентурипе, аски Канозы. По использованию сосудов в погребальном ритуале ольвийские амфоры и пелика наиболее близки к боспорским сосудам.

Амфора с изображением Харона, вероятнее всего, изготовлена в первой половине III в. до н. э.— к тому времени или даже к началу III в. до н. э. относила ее и Т Н. Книпович [2, с. 383, 388]

---

[1] ОАМ АН УССР, инв. № 26691. Высота амфоры 40 см, диаметр венчика 18 см, диаметр дна 7,8—9 см. Приклеено несколько обломков венчика и одна ручка, на поверхности много мелких темных пятен плесени.

[2] ЛОИА АН СССР, рукописный архив, Р. 1, дело № 526, инв. № 4125, 4145.

[3] Сохранилось всего пять амфор с плоским дном, четыре амфоры с закругленным дном, несколько обломков крышек и подставок от не дошедших до нас ваз.

[4] Инв. № 22660. Высота подставки 8,2 см, диаметр гладкой площадки сверху 7,4, диаметр внизу 14,6 см. Глина ольвийская, желтая. Склеена из обломков. Наружная поверхность, за исключением гладкой площадки сверху, покрыта черной краской, по которой произведена роспись, состоящая из трех белых и одного красного горизонтальных поясов, а также из чередующихся белых и красных вертикальных полосок.

[5] Глина пористая, желтовато-оранжевая, с примесью слюды и мелких кварцевых песчин, обожжена слабо. Поверхность вазы оставлена шероховатой, с желобками от гончарного круга и ямками от выпавших примесей.

[6] Т. Н. Книпович писала просто об умершем ребенке.

[7] При сравнении рисунка М. В. Фармаковского с самой амфорой видно, что за эти годы сохранность росписи сильно ухудшилась: исчезло изображение нижней части лица матери и руки, на которую она склонила голову, изображение ее фигуры и верхней горизонтальной планки кресла, на котором она сидит. От хитона матери и длинной одежды умершей девочки остались отдельные белые с розоватым оттенком и серые пятна (ср. рис. 1, *а* и 2,*а*).

[8] При сравнении рисунка М. В. Фармаковского с самой амфорой видно, что за эти годы полустерлось изображение левой руки Харона, в которой он держит шест, краски потускнели.

[9] Следует отметить, что мастер не всегда одинаково успешно справлялся с теми сложными задачами, которые ставил перед собой. Это особенно заметно в передаче рук перевозчика душ умерших через р. Стикс: его правая рука изображена не полностью, левая рука — суммарно.

[10] Контурные линии нанесены то коричневато-черной, четко выделяющейся, то светлой, еле видимой краской. Наблюдаются постепенные переходы от темного цвета к светлому.

[11] К сожалению, краски местами полностью или частично разрушились, потускнели, загрязнились и в какой-то степени изменили свой первоначальный цвет.

[12] Эрмитаж, инв. № 0. 1900. 4. Высота пелики 46,5—47,5 см, диаметр венчика 24—24,5, диаметр подставки 14,2 см. Поверхность пелики покрыта кремовым ангобом, поверх него — белой грунтовкой, плечики выделены черной грунтовкой; ручки и венчик сверху облицованы темно-красной краской. Найдена в Ольвии в 1900 г. в земляном склепе № 4 вместе с привозными и местными изделиями первой половины — середины III в. до н. э.

[13] На этом сосуде имеются также многочисленные синие, серовато-синие и другие красочные пятна — показатель того, что росписью была покрыта вся его поверхность. В химической лаборатории Эрмитажа определено, что белая грунтовка поверхности произведена каолином и мелом, черная краска от грунтовки плечиков и росписи — жженая кость, красная и желтая краски от росписи — охра. Весьма интересен состав синей краски — это фриттовая лазурь, искусственно приготовлявшаяся в Александрии Египетской.

[14] ОАМ АН УССР, инв. № 23036. Высота амфоры с ручками 48,5 см, диаметр венчика 11,8, диаметр подставки 13,6—14 см. Ольвия, найдена в мае 1985 г., обстоятельства находки неизвестны.

[15] Ср. также ольвийские вазы с чернофигурными амфорами из Александрии и некоторых других центров [24, с. 147—150, рис. 1; 38, с. 189—194, рис. 1—3; 39, с. 28 сл., рис. 15, *а, б, в, г*; 40, с. 163, 164, табл. I, *1*, II, *2*].

[16] В химической лаборатории Эрмитажа сделаны анализы черной краски, взятой с восьми ольвийских сосудов. Определено, что только на одном из них черная краска растительного происхождения (она получена путем пережигания виноградной лозы или персикового дерева), а на всех остальных вазах черная краска получена путем пережигания костей животных.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фармаковский Б. В.* Ольвия. М., 1915.
2. *Книпович Т. Н.* Художественная керамика в городах Северного Причерноморья // Античные государства Северного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
3. *Книпович Т. Н.* Основные линии развития искусства городов Северного Причерноморья в античную эпоху // Античные государства Северного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
4. *Зайцева К. И.* Местная керамика Ольвии эллинистического времени (курильницы и амфоры) // Тр. ГЭ. 1962. Т. VII.
5. *Зайцева К. И.* Местная расписная керамика Ольвии эллинистического времени (IV—II вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л.: ЛОИА АН СССР, 1974.
6. *Зайцева К. И.* Ольвийская расписная керамика эллинистической эпохи // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
7. Одесский археологический музей АН УССР. Киев: Наук. думка, 1983.
8. *Кобылина М. М.* Вазопись // Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984.
9. ОАК за 1900 г. СПб., 1902.
10. *Шургая И. Г.* К вопросу об отражении александрийского импорта в керамическом производстве Ольвии // КСИА. 1967. Вып. 109.
11. *Блаватський В. Д.* Поліхромна ойнохоя з Ольвії // Археологія. 1947. Т. I.
12. *Зайцева К. И.* Расписная курильница-урна из Ольвии // СА, 1970. № 3.
13. *Зайцева К. И.* Группа местной расписной керамики с растительным орнаментом из Ольвии III—II вв. до н. э. // Художественные изделия античных мастеров. Л.: Искусство, 1982.
14. ОАК за 1874 г. СПб., 1877.
15. ОАК за 1878 и 1879 гг. СПб., 1881.
16. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1949.
17. *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М., 1953.

18. *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М.: Наука, 1964.
19. *Кобылина М. М.* Фанагория // МИА. 1956. № 57
20. *Капошина С. И.* Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи // МИА. 1959. № 69.
21. *Pagenstecher R.* Die Griechisch-Agyptisch Sammlung E. von Sieglin // Expedition Ernst von Sieglin, Ausgrabungen in Alexandria. B II. Teil 3. LPZ., 1913.
22. *Guerrini L.* Vasi di Hadra // Studi Miscellanei. 1961—1962. № 8.
23. *Шургая И. Г.* Импорт Александрии в Северном Причерноморье // ВДИ. 1965. № 4.
24. *Шургая И. Г* К вопросу о чернофигурной вазовой росписи эпохи эллинизма // КСОГАМ за 1963 год. Одесса, 1965.
25. *Шургая И. Г* Керамическое производство Александрии Египетской эпохи эллинизма (конец IV—I в. до н. э.): Автореф. дис.... канд. ист. наук: 07.00.06. Л.: ЛОИА АН СССР, 1966.
26. *Breccia E.* La Necropoli di Sciatbi .Le Caire, 1912.
27. *Pfuhl E.* Malerei und Zeichnung der Griechen. B. III. München, 1923.
28. Kunstwerke der Antike. Auktion XXVI. 5. Oktober 1963. Münzen und Medaillen A. G. Basel.
29. *Libertini G.* Centuripe. Catania, 1926.
30. *Richter G. M. A.* Polychrome Vases from Centuripe in the Metropolitan Museum // Metropolitan Museum Studies. 1930. V. II. Part 2.
31. *Richter G. M. A.* A Polychrome Vase from Centuripe // Metropolitan Museum Studies. 1932—1933. V. IV.
32. *Cook R. M.* Greek Painted Pottery. L., 1960.
33. *Biardot E. P.* Les Terres-Cuites Grecques Funebres. P., 1872.
34. *Jatta M.* Tombe Canosine del Museo Provinciale di Bari // Mittellungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Romische Abteilung. 1914. V. 29.
35. *Edwards G. R.* Panathenaics of Hellenistic and Roman Times // Hesperia 1957. V XXVI. № 4.
36. ОАК за 1896 г. СПб., 1898.
37. ОАК за 1909 и 1910 гг. СПб., 1913.
38. *Шургая И. Г* Агонистические амфоры в некрополях Северного Причерноморья // СА. 1971. № 3.
39. *Формаковский Б. В.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 году // ИАК. 1903. Вып. 8.
40. *Штерн Э. Р.* К вопросу об эллинистической керамике // ЗООИД. 1910. Т. XXVIII.
41. *Conze A.* Die Attischen Grabreliefs. B. I. B., 1893.
42. *Riezler W* Weissgrundige Attische Lekythen, München, 1914.
43. *Fairbanks A.* Athenian White Lekythoi. V VII. L., 1914.
44. Corpus Vasorum Antiguorum. USA, fasc. 2. Cambridge, 1933.
45. *Beazley J. D.* Attic White Lekythoi. L., 1938.
46. *Buschor E.* Von Griechischer Kunst. München, 1956.
47. *Daremberg Ch., Saglio M.* Dictionnaire des antiquites grecques et romaines, T. I. P. 2. P 1887.
48. *Миков В.* Античната гробница при Казанлък. София, 1954.

K. I. Zaitseva

A 3RD-CENTURY B. C. PAINTED AMPHORAE FROM OLBIA

Summary

Kept in the Odessa Archaeological Museum, an Olbian painted amphorae of the 3rd c. B. C. is an outstanding artistic object. What makes it especially valuable among other Hellenic ware from Northern Pontic and Mediterranean centres is the subject and composition of the mythological scenes which, combined, form a whole story. One side of the vessel is taken by a scene where the mother bids farewell to her deseased daughter whom a servant-woman brought to her. The scene on the other side shows Hermes who brings the girl and the servant-woman to Charon's boat, in which they will brought to Ades' kingdom. The painter skilfully used two large rectangulars painted in red to present his compositions. The rest of the vessel carries floral designs on the black background. The paintings are made in bright colours. Great artistry relates the amphorae to the best samples of Greek vase paintings. The subjects themselves were not typical for the Hellenic period: they go down to the earlier Attica objects (to white lekuthoi and burual stelas of the 5th-4th cc. B. C.) intended for funerary purposes. The Olbian amphorae was made also for this purpose.

В. Д. ГОПАК

КУЗНЕЧНОЕ РЕМЕСЛО ПОСТЗАРУБИНЕЦКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ И ПОДЕСЕНЬЯ

Значительное внимание исследователей раннеславянских древностей привлекают постзарубинецкие селища и могильники, синхронные памятникам черняховской культуры. Ареал их распространения достаточно широк. Он включает в себя так называемые памятники киевского типа Среднего Поднепровья и Черниговского Подесенья [1]: Обухов II [1], Обухов III [2], Казаровичи [3], Глеваху [4], Ульяновку I, Роище, Выбли [5] и др., а также близкие к ним древности северной части бассейна р. Десны: Лавриков Лес, Колодезный Бугор, Киреевка [6] и ряд памятников Южной Белоруссии [7]

Однако до настоящего времени многие аспекты жизни и хозяйственной деятельности населения, оставившего эти памятники, изучены пока недостаточно. Это относится и к такой важной отрасли хозяйства, как железообрабатывающее ремесло, которое, за исключением южнобелорусских памятников [8], практически не исследовано.

Для того, чтобы в какой-то мере заполнить существующий пробел, нами отобраны и подвергнуты металлографическим анализам 53 железных предмета (таблица), найденные на девяти постзарубинецких памятниках Среднего Поднепровья и бассейна р. Десны. Предметы хранятся в фондах Института археологии АН УССР и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР Перечень исследованных предметов приведен в таблице.

В их числе наибольшее количество составляют ножи. Всего подвергнуто анализам 24 ножа, которые по типологическим признакам могут быть разделены на несколько групп.

К первой отнесены черенковые ножи с горбатой спинкой (рис. 1, 502, 504, 619, 632, 1115, 1118, 1120, 1321, 1373), имевшие широкое распространение на зарубинецких памятниках [9] Ширина лезвия «горбатых» ножей колеблется в пределах 10—17,5 мм, толщина спинок 2—4,5, длина полностью сохранившихся экземпляров 91—125 мм, вес 10—16,5 г.

Пять ножей данной группы оказались цельностальными. Они изготовлены из тщательно прокованных стальных заготовок. Почти во всех случаях прослежена неравномерность распределения углерода в металле. Лезвие одного цельностального ножа (рис. 1, 632) закалено в холодной воде. Микроструктура — мартенсит; микротвердость 642—824 кг/мм^2 В двух случаях (рис. 1, 504, 1120) особенности микроструктуры — наличие сорбитообразного перлита с остатками игольчатой ориентации и зернистого перлита — могут свидетельствовать о том, что ножи первоначально были подвергнуты термической обработке. В первую очередь это касается ножа из Казаровичей (ан. 504). Два ножа (рис. 1, 619, 1118) не сохранили остатков термической обработки. Микроструктура металла — феррит и перлит; микротвердость 116—254 кг/мм^2

Прочие ножи с горбатой спинкой изготовлены из слабопрокованного кричного железа с большим количеством остатков шлака в металле. Микроструктура — феррит, иногда следы перлита; микротвердость изменяется в диапазоне 116—297 кг/мм^2 Один из ножей (рис. 1, 502) сохранил в зоне режущей кромки остатки одностороннего науглероживания.

Таблица

№ п.п.	Изделие	Глеваха	Казаровичи	Вишенки	Ульяновка I	Роище	Седнев	Лавриков Лес	Колодезный Бугор	Киреевка	Всего
1	Ножи	3	5	1	5	7	—	2	1	—	24
2	Игла	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
3	Шилья	—	—	—	1	1	—	1	1	—	4
4	Скобели	—	—	—	1	1		—	—	—	2
5	Стамески и долота	1	—	—	1	2	—	—	—	—	4
6	Сверла	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
7	Ложкарь	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
8	Наральник	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
9	Серп	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
10	Наконечники стрел	—	—	—	1	—	1	—	—	—	2
11	Кинжал	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
12	Бритва (?)	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
13	Булавки	—	—	—	—	1	—	1	—	1	3
14	Пряжка	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
15	Фрагменты предметов	—	2	—	1	3	—	—	—	—	6
	Итого:	5	7	1	13	19	1	4	2	1	53

Следует указать, что у цельножелезного ножа из Глевахи (рис. 1, 1373) в области спинки обнаружен участок термообработанной структуры малоуглеродистого мартенсита (рис. 2, *1*). Это может указывать на ошибочную попытку закалки цельножелезного ножа.

Вторая типологическая группа представлена крупными массивными ножами с широким, суживающимся к концу черенком и массивным прямым лезвием. Ширина лезвий «прямых» ножей 11—22, толщина спинки 2,5—5 мм. Наиболее сохранившийся экземпляр (рис. 1,838) даже с обломанным концом достигает 141 мм. Ножи подобного типа более характерны для раннеславянских памятников [10]

Технологические схемы ножей с прямым лезвием более разнообразны. Два изделия (рис. 1, 501, 1375) изготовлены из слабо прокованного кричного железа. Микроструктура — феррит, мало перлита. Содержание углерода в металле не превышает 0,2%. Микротвердость 116 и 206 кг/мм^2 Один нож (рис. 1, 836) откован из заготовки, полученной кузнечной сваркой свернутых пакетом железной и малоуглеродистой стальной полосок. На микрошлифе поперечного сечения лезвия чередуются зоны феррита повышенной твердости (274 кг/мм^2) со слабо травящимися границами зерен и феррит-перлитной структуры с содержанием углерода не более 0,2% и микротвердостью 193—221 кг/мм^2

Два ножа (рис. 1, 631, 1376) цельностальные. Термической обработки они не сохранили, однако в одном случае (ан. 631) можно предположить ее остатки.

Один нож (рис. 1, 620) откован из заготовки, полученной сваркой свернутой пакетом стальной ленты, и закален в холодной воде. Микроструктура металла — мартенсит. Отчетливо прослеживаются светлые полосы сварных швов с включениями остатков сварочного флюса. Микротвердость металла колеблется в пределах 322—642 кг/мм^2 Структура мелкоигольчатая (рис. 2, *2*).

Лезвие другого ножа (рис. 1,838) выполнено в технике продольной сварки стальной и железной полос (рис. 2, *3*). Хотя нож термической обработки не сохранил, наличие в стальной полосе структуры зернистого перлита может свидетельствовать о том, что клинок, возможно, первоначально был закален, однако впоследствии подвергся полному отпуску, скорее всего в результате случайного нагрева (попадание в очаг, пожар и пр.).

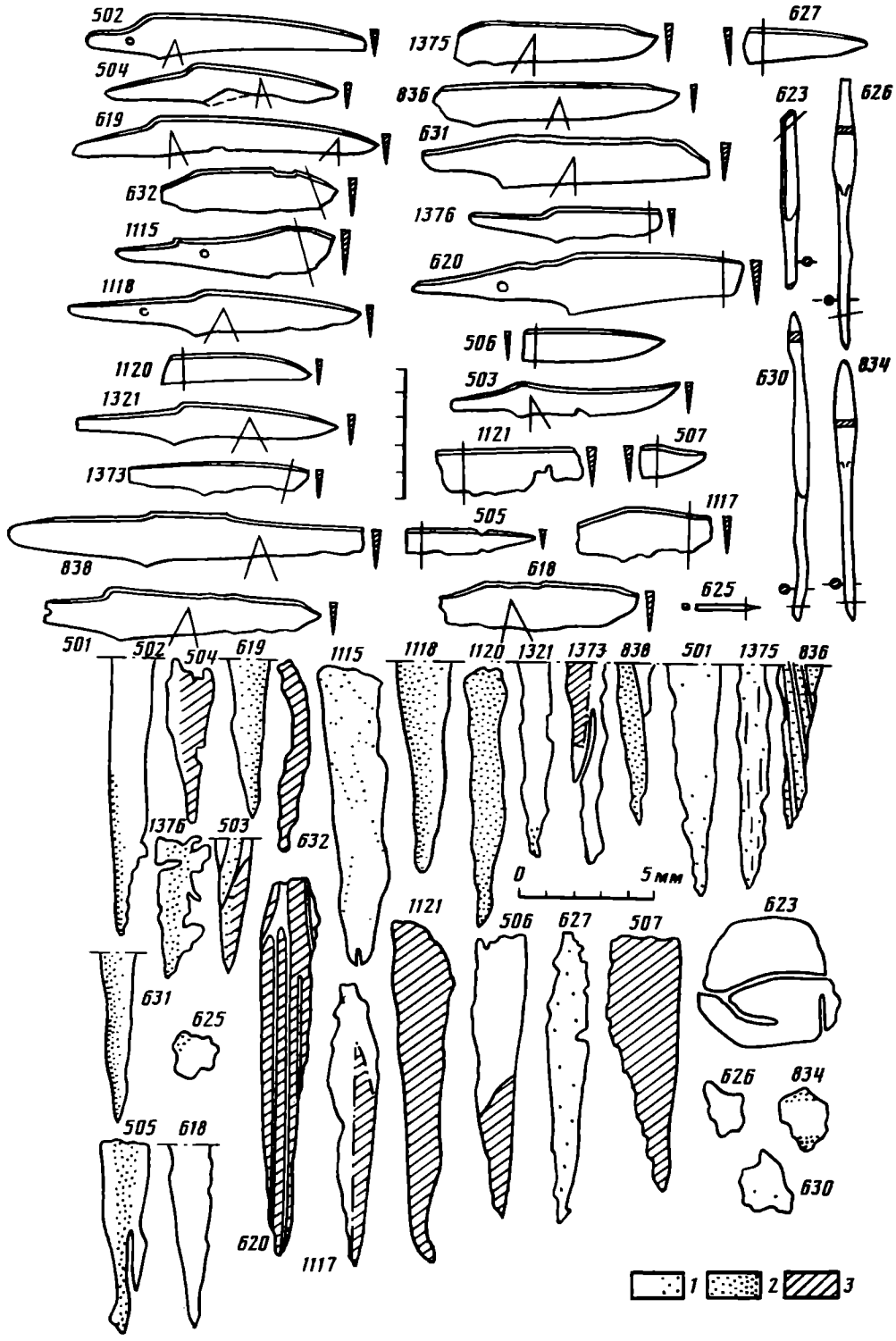


Рис. 1. Исследованные изделия. Глеваха — 1373, 1375, 1376; Казаровичи — 503, 507; Вишенка — 1321; Ульяновка I — 501, 502, 618—620, 623, 625; Роище — 834, 836, 838, 1115, 1117, 1118, 1120, 1121; Лавриков Лес — 630—632; Колодезный Бугор — 626, 627 Цифры на рисунке соответствуют номерам анализов. *1* — железо; *2* — сталь; *3* — сталь, термически обработанная

Нож (рис. 1, 506) изготовлен в технике наварки на железную основу стального лезвия из частично цементованной заготовки. Режущая кромка лезвия подвергнута местной закалке с самоотпуском. Микроструктура зоны лезвия — троостит — сорбит; микротвердость 274—322 кг/мм^2

В черенках ножей обеих типологических групп иногда прошито небольшое отверстие для заклепки, крепившей рукоять.

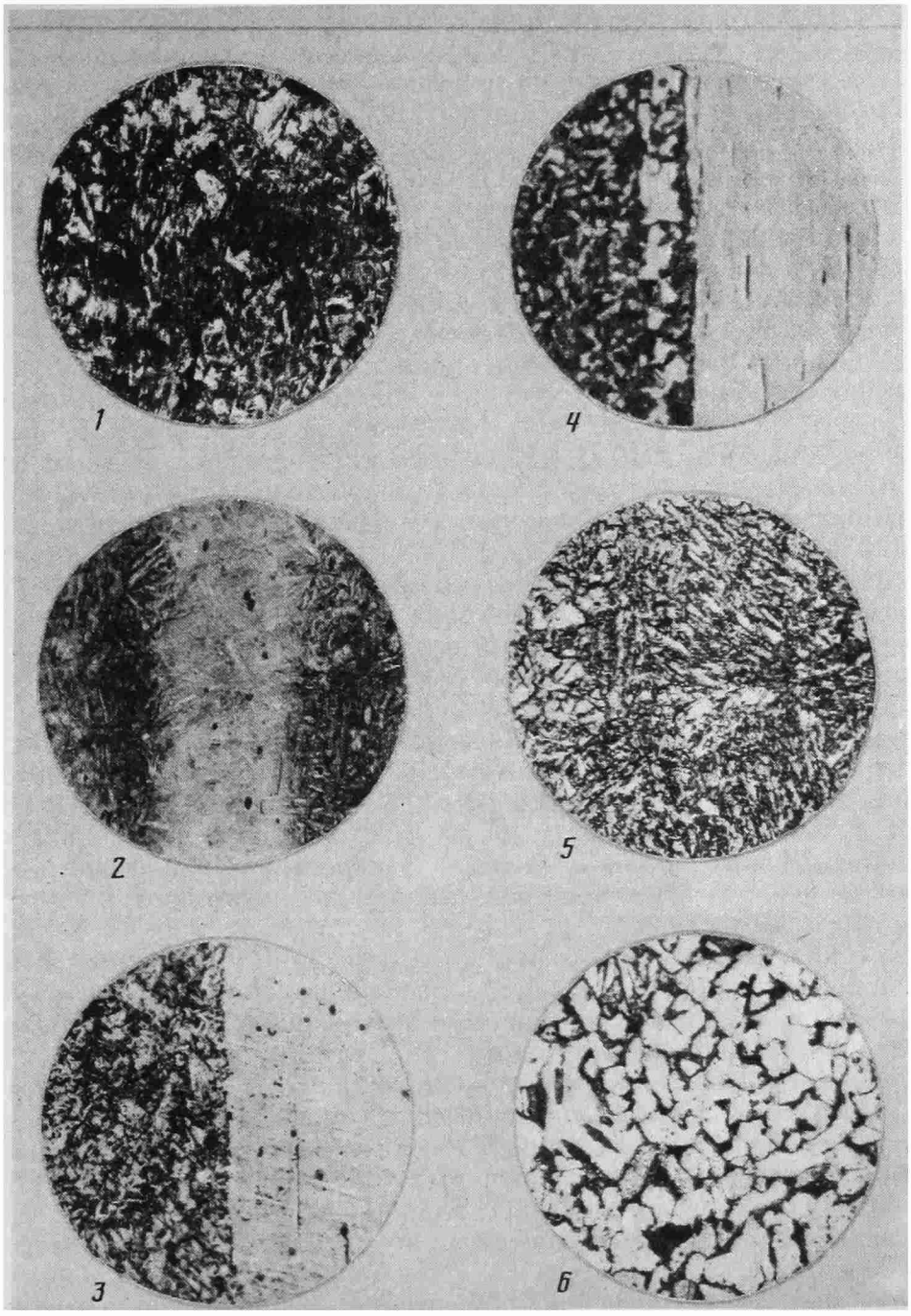


Рис. 2. Фотографии микроструктур. *1* — Глеваха, нож, 1373. Малоуглеродистый мартенсит, ув. 200; *2* — Ульяновка I, нож, 620. Мартенсит, видна светлая полоса сварного шва, ув. 300, *3* — Роище, нож, 838. Зона сварки, ув. 300; *4* — Роище, сверло, 1112. Зона сварки, ув. 200; *5* — Роище, бритва, 837 Феррит и перлит, участок науглероживания, ув. 300; *6* — Роище, предмет, 835. Феррит, мало перлита, ув. 300

К третьей группе нами отнесен своеобразный черенковый нож из Казаровичей (рис. 1, 503) с вогнутой спинкой и оттянутым вверх концом лезвия. Длина ножа 86, максимальная ширина лезвия 13, толщина спинки 3 мм, вес 5 г Он откован из заготовки, полученной сваркой нескольких стальных и железных полосок. Здесь можно предположить применение металла вторичного использования. Режущая кромка ножа подвергнута местной закалке с самоотпуском. Микротвердость термообработанной зоны 350—383 кг/мм^2, остальных — 193 кг/мм^2

В числе шести фрагментов ножей, типологическое определение которых невозможно, 2 экз. (рис. 1, 507, 1121) оказались цельностальными. Лезвия закалены и отпущены. Микроструктура — троостит отпуска; микротвердость 464 и 350 кг/мм^2 Один нож (рис. 1, 1117) откован из частично цементованной заготовки и закален. Микроструктура цементованной зоны — мартенсит, троостит закалки; микротвердость 642—322 кг/мм^2 Три ножа (рис. 1, 505, 618, 627) изготовлены из кричного железа. Микроструктура металла — феррит, местами следы перлита; микротвердость 116—181 кг/мм^2

Найденный в Ульяновке I фрагмент заостренного стерженька, очевидно, является обломком массивной иглы (рис. 1, 625). Длина обломка 26 мм, диаметр около 2,5 мм. Он изготовлен из кричного железа. Микроструктура металла — феррит; средняя микротвердость 160 кг/мм^2

Три полностью сохранившихся шила и обломок более массивного колющего орудия (рис. 1, 623, 626, 630, 834) также оказались цельножелезными. Они откованы из кричного железа с большим количеством остатков шлака в металле. Микроструктура — феррит, местами следы перлита или участки слабого поверхностного науглероживания. Средняя микротвердость в пределах 151—206 кг/мм^2 Длина шильев 100—120, максимальный диаметр острия 5 мм, сечение черенков 6×6 и 4×8 мм, вес 7—9 г.

На памятниках исследуемого региона довольно часты находки деревообрабатывающих инструментов. Нами исследованы две стамески, два долота, полностью сохранившийся двуручный скобель, обломок еще одного скобеля, часть небольшого ложкаря и обломок ложкового сверла.

Стамески из Ульяновки I и Глевахи выполнены в форме прямого (рис. 3, 624) или слегка изогнутого стержня прямоугольного сечения с оттянутым лезвием на рабочем торце. Длина стамесок 60 и 96 мм, ширина лезвия 8 и 26 мм, вес 9 и 36 г В обоих случаях они были изготовлены из слабо прокованного и сильно засоренного шлаком железа. Микроструктура лезвий — феррит; феррит, мало перлита (содержание углерода не превышает 0,2%); микротвердость 193 и 160 кг/мм^2

Хорошо сохранившееся долото из Роища (рис. 3, 1110) относится к так называемому простому типу [11, с. 108] Выполнено оно в форме круглого в сечении стержня с лезвием на конце и высаженной ударной головкой на противоположном торце. Длина долота 172, диаметр стержня 10—12, ширина лезвия 12 мм, вес 102 г Долото изготовлено целиком из железа. Микроструктура — феррит со слабо травящимися границами зерен. Высокая микротвердость ферритной структуры зоны лезвия (236—297 кг/мм^2) может указывать на упрочнение его наклепом. Обломок второго роищенского долота имеет структуру нормализованной малоуглеродистой стали, близкой по качеству к кричному железу. Следов термической обработки он не сохранил, микротвердость металла 193—236 кг/мм^2

Ложкарь из Глевахи (рис. 3,1370) откован из частично цементованной заготовки с выводом на режущую кромку науглероженной зоны. Каких-либо остатков термообработки здесь также не сохранилось. Микроструктура науглероженной части — феррит и перлит, содержание углерода около 0,3%, выше к спинке — феррит. Микротвердость соответственно уменьшается от 236 до 143 кг/мм^2

Хорошо сохранившийся двуручный скобель из Роища (рис. 3, 839) с шириной захвата 85 мм почти не отличается от современных. Ширина лезвия скобеля 28, толщина спинки 4 мм, вес 93 г. Он изготовлен из слабо прокованного кричного железа. Микроструктура рабочей зоны — феррит; микротвердость несколько повышенна — 193—254 кг/мм^2 Обломок второго скобеля, найденный в Ульяновке I, был откован из заготовки, полученной путем сварки трех железных полос.

В числе исследованных инструментов для обработки дерева наиболее интересна найденная в Роище рабочая часть ложкового сверла для высверлива-

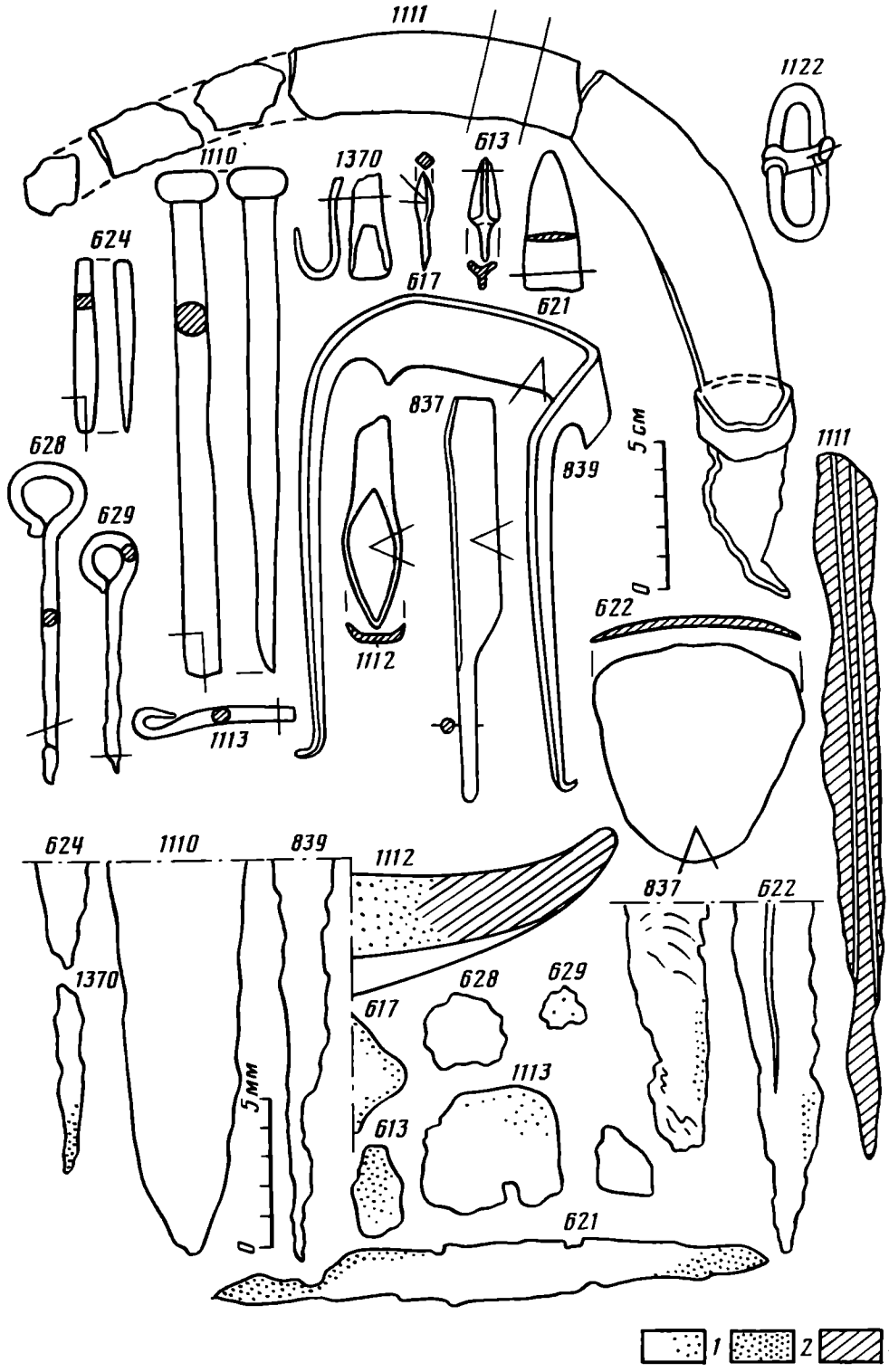


Рис. 3. Исследованные изделия. Глеваха — 1370; Ульяновка I — 617, 621, 622, 624; Роище — 337, 839, 1110—1113, 1122; Седнев — 613; Лавриков Лес — 629; Киреевка — 628. Условные обозначения на рис. 1.

ния отверстий диаметром 18 мм (рис. 3, 1112). Она идентична сверлам черняховской культуры. Аналоги ей известны на черняховских памятниках Рипнев II, Демьянов [12, с. 203, табл. XXVIII, *10*, с. 204, табл. XXIX, *1*], Теремцы [2]

Сверло выполнено в технике продольной сварки стальной и железной полос (рис. 2, *4*) Режущие кромки сверла подвергнуты местной закалке

с самоотпуском. Близкая технология изготовления прослежена нами у черняховского ложкового сверла, найденного в Теремцах. Совокупность типологических и технологических особенностей заставляет видеть здесь изделие черняховских мастеров, оказавшееся на постзарубинецком памятнике в результате обмена, как и прочие найденные здесь предметы черняховского мира (керамика, гребни и пр.).

Сельскохозяйственные орудия представлены фрагментом небольшого наральника и серпом. Наральник из Ульяновки I (рис. 3, 622) откован из грубого кричного железа повышенной твердости. Микроструктура металла — феррит со слабо травящимися границами зерен; микротвердость 254 кг/мм^2

Найденный в Роище серп (рис. 3, 1111) имеет типично черняховский облик. Он сильно поврежден коррозией.

Длина серпа составляла не менее 270—300 мм, максимальная ширина лезвия 35, толщина спинки 4,5 мм, суммарный вес сохранившихся частей 146 г

Близкие ему аналоги известны на многих памятниках черняховской культуры: среди клада сельскохозяйственных орудий в Чернеливе-Русском [13], в Рипневе II, Демьянове, Бовшеве II [12, с. 203, табл. XXVIII, *8*, с. 204, табл. XXIX, *4*, с. 205, табл. XXX, *2*], в Бакоте, где, как и в Роище, на серпе сохранилось кольцо для крепления ручки [3]

Серп откован из заготовки, полученной путем сварки трех тонких стальных полосок. Лезвие серпа закалено. Микроструктура металла — мартенсит, зерна троостита закалки; микротвердость 464—946 кг/мм^2. Сварные технологические схемы обнаружены нами у аналогичных серпов из Чернелива-Русского и Бакоты.

Высокое качество металла, мастерство исполнения, сложность примененной кузнечной технологии заметно выделяют серп из исследованных постзарубинецких изделий. Технологическая и типологическая близость к аналогичным черняховским серпам заставляет нас, как и в случае с ложковидным сверлом, видеть в нем изделие черняховского мира.

Предметы вооружения представлены двумя черенковыми наконечниками стрел и обломком лезвия обоюдоострого кинжала.

Небольшой наконечник из Ульяновки I с расширенным в центральной части четырехгранным жалом и тонким оттянутым черенком (рис. 3, 617) оказался цельножелезным. Микроструктура металла — феррит, наружные зоны слегка науглерожены; микротвердость 128—143 кг/мм^2 Длина наконечника 31 мм, вес 1,85 г. Трехлопастной наконечник из Седнева (рис. 3, 613) цельностальной. Он откован из неравномерно науглероженной заготовки. Содержание углерода в различных зонах изделия уменьшается от 0,7% до следов. Микротвердость металла 151 — 254 кг/мм^2 Термической обработки не было.

Обломок лезвия обоюдоострого кинжала (рис. 3, 621) изготовлен из железной заготовки, наружные зоны которой науглерожены. Закалке кинжал не подвергался. Микротвердость лезвия 160—254 кг/мм^2

Найденное в Роище режущее изделие с круглым оттянутым черенком и вертикально срезанным передним торцом лезвия, очевидно, является бритвой. Его длина 135, ширина лезвия 14, толщина спинки 4,3 мм, вес 23 г. Откована изделие из цельножелезной заготовки. Микроструктура лезвия — феррит, следы перлита, у края — участок поверхностного науглероживания (рис. 2, *5*). Микротвердость железа несколько повышенна — 170—254 кг/мм^2

Три посоховидные булавки и массивная овальная пряжка (рис. 3, 628, 629, 1113, 1122) также оказались цельножелезными. Микроструктура — феррит, следы перлита; микротвердость 135—236 кг/мм^2

В числе шести обломков железных предметов, назначение которых установить невозможно, два были изготовлены из среднеуглеродистой стали с неравномерным распределением углерода и без следов термической обработки. Три фрагмента — цельножелезные, с отдельными зонами слабого науглероживания

(рис. 2, *6*). Один выполнен в технике сварки двух полосок железа.

Таким образом, ассортимент кузнечной продукции постзарубинецких памятников исследуемого региона указывает на достаточно сложный и многообразный характер хозяйственной деятельности их населения. Наряду с орудиями труда универсального назначения — ножами, шильями и пр. — здесь широко представлены деревообрабатывающие инструменты, свидетельствующие о высоком уровне развития деревообработки. На существование ювелирного ремесла указывает находка в Новых Безрадичах миниатюрной типично ювелирной наковаленки [4, с. 72, рис. 3, *10*] Сельскохозяйственный инвентарь подтверждает наличие пашенного земледелия, находки рыболовных крючков [3, с. 18, рис. 6, *5*] и наконечников стрел — рыболовного и охотничьего промыслов.

Местное население обладало и достаточно развитым железообрабатывающим ремеслом. Кузнецы использовали железо и сталь. Они свободно владели всеми приемами свободной ковки металла, техникой кузнечной сварки железа и стали, термической обработкой стальных изделий, в том числе такими сложными ее видами, как местная закалка с самоотпуском.

Местные кузнецы, очевидно, сосредотачивали в своих руках весь комплекс железообработки — от выплавки железа и производства стали до изготовления конечной кузнечной продукции. Металл они расходовали экономно. Вес исследованных изделий обычно не превышает 30 г Лишь единственное изделие — долото, как уже указывалось, весит немногим более 100 г.

Некоторые особенности микроструктуры нетермообработанных стальных изделий (отсутствие в феррито-перлитной структуре ферритных полей и участков с резко выраженным различием концентрации углерода, «плавность» переходов между зонами с различным его содержанием, уменьшение содержания углерода в центральных зонах либо к одной из боковых сторон) свидетельствуют о том, что в большинстве случаев сталь получали путем цементации железных пластин-заготовок. Иногда (например, ан. 619) нельзя исключить также и применения сырцовой стали.

Сталь использовалась главным образом при изготовлении ножей — наиболее массового вида орудий универсального назначения, требующего высоких эксплуатационных качеств. В отдельных случаях подвергались цементации и готовые изделия.

Об удельном весе стали в общем объеме применяемого черного металла некоторое представление могут дать следующие данные: суммарный вес всех исследованных местных орудий труда более или менее удовлетворительной сохранности составляет 613,4 г В их числе вес изделий, выполненных с применением стали или цементированных, равен 163 г, или 26,6% суммарного веса. Если же учитывать лишь цельностальные изделия, то этот показатель уменьшится до 109 г, или 17,8%. При этом максимальный вес цельностального изделия 25,4 г, в остальных случаях — 5—15 г

Наличие среди орудий труда изделий типично черняховского облика указывает на существование связей местного населения с черняховским миром.

Объем профессиональных знаний и производственных навыков, известный местным кузнецам, указывает на то, что они бесспорно являлись ремесленниками-профессионалами, а обработка железа выделилась в самостоятельную отрасль ремесла.

Разнообразие применяемых технологических схем для изготовления однотипных изделий, отсутствие каких-либо элементов их стандартизации, значительное количество низкокачественных цельножелезных орудий труда свидетельствуют о том, что местное железообрабатывающее ремесло не вышло еще из рамок общинного.

Сравнение кузнечных изделий постзарубинецких памятников среднего Поднепровья и бассейна р. Десны с аналогичными предметами, найденными на подобных объектах Южной Белоруссии, показывает, что существенных различий между этими регионами как в технологических традициях, так и в уровне развития железообработки нет.

Судя по данным, опубликованным М. Ф. Гуриным, на памятниках типа Абидня и Таймановo были распространены аналогичные приемы изготовления железных предметов, близки количественные соотношения применяемых технологических схем, формы и размеры изделий. Отмечены, правда, некоторые локальные особенности отдельных памятников. В частности, указано на более широкое распространение в Абидне по сравнению с Таймановым кузнечной сварки, большее число термически обработанных изделий в Таймановe и пр. [8] Однако общей картины это не меняет. Таким образом, напрашивается вывод о единообразии уровня развития и близких технологических традициях железообрабатывающего ремесла на всей территории распространения постзарубинецких памятников первой половины I тыс. н. э.

---

[1] Как и другие авторы (Н. М. Кравченко, Е. В. Максимов, Р. В. Терпиловский), мы применяем здесь несколько условный термин «киевский тип» для постзарубинецких древностей упомянутого региона, предложенный одним из первооткрывателей данных памятников В. Н. Даниленко.
[2] Фонды Института археологии АН СССР. Раскопки В. Д. Барана.
[3] Коллекция Каменец-Подольского педагогического института. Раскопки И. С. Винокура.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Гороховський Е. Л.* Нові пам'ятки I тис. н. е. в Київському Подніпров'ї // Археологія. 1975. № 15.
2. *Абашина Н. С., Гороховський Е. Л.* Кераміка пізньозарубинецького поселения Обухів III // Археологія. 1975. № 18.
3. *Максимов Е. В., Орлов Р. С.* Поселение и могильник второй четверти I тыс. н. э. у с. Казаровичи близ Киева // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука, 1974.
4. *Даниленко В. Н.* Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу // Археологія. 1976. № 19.
5. *Терпиловский Р. В.* Новые памятники III—IV вв. н. э. в Черниговском Подесенье // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наук. думка, 1977.
6. *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981.
7. *Поболь Л. Д.* Основные итоги изучения позднего этапа зарубинецкой культуры в Белорусском Поднепровье // Древности Белоруссии. Минск.: Наука и техника, 1966.
8. *Гурин М. Ф.* Древнее железо Белорусского Поднепровья. Минск: Наука и техника, 1982.
9. *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура // САИ. 1964. Вып. Д1-19.
10. *Гопак В. Д.* Техника кузнечного ремесла у восточных славян во второй половине I тыс. н. э. (Днепровско-Днестровское междуречье) // СА. 1977 № 2.
11. *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. 1953. № 32.
12. *Баран В. Д.* Черняхівська культура. Киев: Наук. думка, 1981.
13. *Герета И. П.* Новые исследования в Чернеливе-Русском // АО — 1977 М., 1978.

V. D. Gopak

SMITHCRAFT ON THE POST-ZARUBINTSY SITES OF THE MIDDLE DNIEPER AND THE DESNA

Summary

The author discusses 53 iron objects obtained at nine post-Zarubintsy sites in the Middle Dnieper and Desna rivers. The results point to the multibranch local economy and to a considerably developed ironworking. Local smiths used iron and steel and knew all methods of forging, forge welding of iron and steel and heat treatment of steel artefacts. By that time iron working had developed into an independent branch but remained within the community framework. The local ironwork closely resembled the Chernyakhov culture's somewhat more developed smithcraft where the distribution of the main technological schemes were concerned. Metalworking in the Middle Dnieper and Desna basins had very much in common with both the late post-Zarubintsy (the 1st-3rd cc. A. D.) and the early Slavic objects (the third quarter of the first millennium A. D.) of the same region. Smithcraft of the post-Zarubintsy sites occupies an intermediate place between them.

В. Н. СЛОНОВ

К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИИ И ЛОКАЛИЗАЦИИ МЕСТА ПРОИЗВОДСТВА ЭМАЛЕВЫХ ПОДВЕСОК-ЛУННИЦ

Вопросы, связанные с временем бытования и местом изготовления вещей с выемчатой эмалью, а также проблема этнической принадлежности их производителей затрагивались многими исследователями [1—8] В частности, И. К. Фролов [7] исследовал многочисленную группу украшений, известную под названием подвесок-лунниц. В настоящей работе проверяются некоторые выводы работы И. К. Фролова, причем выводам этим дается новое обоснование, с использованием элементов математической статистики. Здесь также обсуждаются вопросы, связанные с локализацией места производства лунниц. Кроме того, для сравнения привлекаются результаты работы Е. Л. Гороховского [8], посвященной Т-образным или перекладчатым фибулам.

Подвеска-лунница состоит из тела, обычно с эмалевым полем, двух (в некоторых случаях и большего числа) конечных щитков, также урашенных эмалью и, как правило, снабженных тремя отростками, и ушка, за которое лунница подвешивалась к набору украшений (рис. 1, *а*)

В дальнейшем мы будем основываться на классификации и обозначениях И. К. Фролова. Римской цифрой обозначается тип лунницы, определяемый формой ее тела, русской прописной буквой — вариант, определяемый формой конечных щитков, арабской цифрой — номер экземпляра. Кроме того, если в сумме признаков, характеризующих лунницу, отсутствует какой-либо признак,

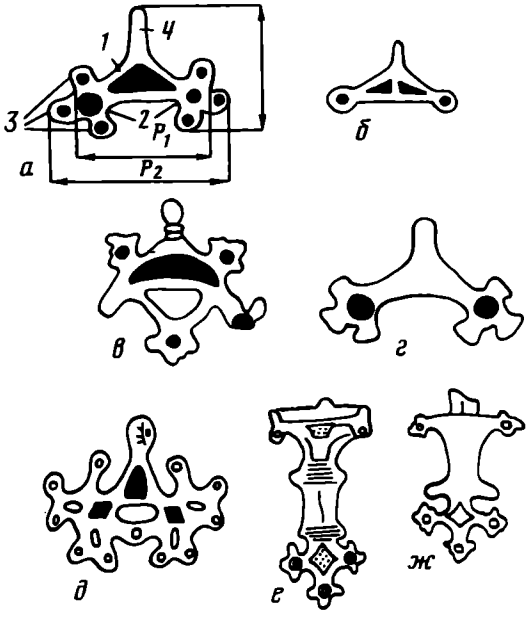


Рис. 1

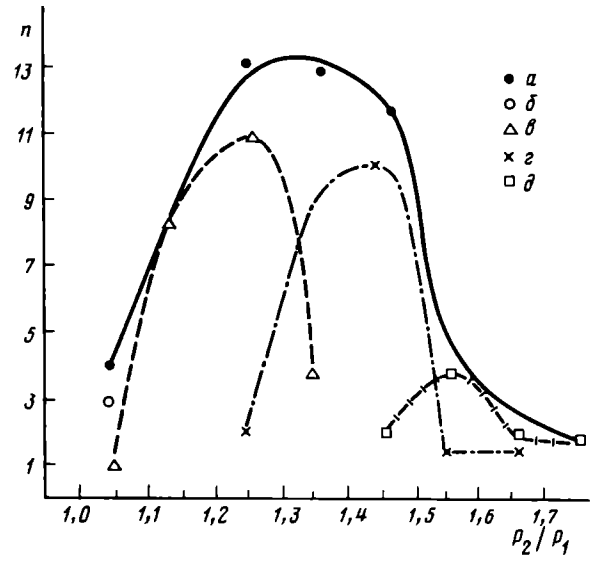


Рис. 2

Рис. 1. Подвески-лунницы и перекладчатые фибулы. *а* — Кисловодск (*1* — тело подвески, *2* — конечные щитки, *3* — отростки, *4* — ушко); *б* — Бабинты; *в* — Дитиничи; *г* — Межонис; *д* — Демидовка; *е* — Головятино; *ж* — Камунта

Рис. 2. График зависимости числа лунниц *n* от величины отношения длины лунницы с орнаментацией к длине лунницы без орнаментации (P_2/P_1). *а* — экземпляры полного набора; *б* — группа 1; *в* — 2; *г* — 3; *д* — 4

характерный для определенного типа или варианта, выделяется подтип или подвариант. Луннице, изображенной на рис. 1, *а*, например, должен быть приписан индекс IIA2.

На основе подробного анализа И. К. Фролов выделил четыре группы лунниц (рис. 1, *б*—*д*). При отнесении экземпляра к той или иной группе важнейшими признаками являются форма эмалевого поля конечных щитков и вид отростков. В первую группу включаются лунницы с конечными щитками без отростков. Во вторую — лунницы с круглым эмалевым полем конечных щитков и круглыми отростками без эмали. В третью — экземпляры, у которых присутствует хотя бы один из следующих признаков: ромбическое поле конечных щитков, круглые отростки с эмалью или подтреугольные отростки. К четвертой группе относятся лунницы с редупликацией.

По мнению И. К. Фролова, каждая группа должна соответствовать определенному хронологическому этапу. Эта мысль нашла свое подтверждение в абсолютных датах. Кроме того, оказалось, что на графике корреляционной зависимости величины отношения P_2/P_1 от P_1/h_i (смысл обозначений см. на рис. 1, *а*) каждой из этих групп соответствует своя определенная область, причем относительное расположение этих областей подтвердило предположение о хронологической последовательности выделенных групп.

Нами при дополнительном анализе обнаружено, что один из выделенных признаков — значение величины P_2/P_1 — может дать новую информацию о подвесках-лунницах.

Исследуем зависимость плотности распределения числа лунниц от величины P_2/P_1. Для этого всю область изменения значений P_2/P_1, откладываемых по оси абсцисс, разобьем на интервалы величиной 0,1 (рис. 2) и для каждого интервала подсчитаем число лунниц, попавших в него. Эти значения и будут являться ординатами точек графика; абсциссами же этих точек будут значения P_2/P_1, соответствующие середине каждого интервала (рис. 2). На рисунке приведены кривые зависимости n от P_2/P_1 как для полного набора, так и для каждой из четырех выделенных И. К. Фроловым групп.

Хорошо видно, что эти кривые сдвинуты друг относительно друга и имеют довольно четко выраженные максимумы.

Для оценки значимости сдвига можно воспользоваться известным из математической статистики критерием Вилькоксона, который в различных руководствах фигурирует как критерий U Мэнн-Уитнея, Уайта [9, с. 14] Порядок применения этого критерия описан, например, в работе Урбаха [10, с. 110—115] Суть его заключается в следующем. Две группы величин $\{x\}$ и $\{y\}$ с числом элементов в них n_x и n_y располагаются в порядке возрастания в ряд (для определенности полагается $n_x < n_y$), и каждому элементу ряда приписывается свой номер R, называемый рангом:

$$\begin{array}{lccccccc} & X_1 & X_2 & X_3 & Y_1 & Y_2 & X_4 & Y_3 \ldots \\ R: & 1 & 2 & 3 & 4 & 5 & 6 & 7 \end{array}$$

В случае равенства нескольких элементов им приписывается средний арифметический номер, например, если элементы 11, 12, 13, 14 имеют одинаковое значение, то им всем приписывается номер $(11+12+13+14)/4=12{,}5$, а следующему за ним элементу — номер 15. После этого находятся суммы рангов для обеих групп:

$$T_x=\sum_i R_{x_i}; \quad T_y=\sum_j R_{y_j}.$$

Если оказывается, что $T_x > T_y$, то ранжирование нужно провести в обратном порядке, т. е. нумеровать элементы с другого конца. Далее вычисляется величина

$$\omega=[n_x(n+1)-2T_x]: \sqrt{n_x n_y(n+1)},$$

где $n = n_x + n_y$ и сравнивается с критическим значением $w_{0.01} = 1{,}49$. Если полученное значение w больше $w_{0.01}$, то с вероятностью, превышающей 99%, средние значения совокупностей $\{x\}$ и $\{y\}$ различны и можно говорить о различиях самих этих совокупностей.

В нашем случае для групп 2 и 3 $w = 3{,}10$, а для групп 3 и 4 $w = 2{,}11$, что значительно превосходит критическое значение 0,01, т. е. мы практически достоверно можем говорить о наличии существенных различий между выделенными группами лунниц. Это означает, что выделенные четыре группы действительно объективно существуют и отражают закономерности процесса производства данных украшений. Попытаемся выявить эти закономерности.

В каждой группе у нас имеется по одной луннице из датированных комплексов (рис. 1, *б—д*). Лунница из Бабинт (IIIA1), имеющая значение P_2/P_1, равное 1,000, датируется концом III — началом IV в. н. э., лунница из Дитиничей (IVA2) ($P_2/P_1 = 1{,}210$) — первой половиной IV в. н. э. [11, с. 94, рис. **4**, *10*], лунница из Межонис (IIГпт5) ($P_2/P_1 = 1{,}360$) — IV—V вв. н. э. [12, с. 189, 190], лунница из Демидовки (VГ1) ($P_2/P_1 = 1{,}950$) — концом V — началом VI в. н. э. [13, с. 69]. Лунница из Сараева (VБ1) А. С. Якубовским была датирована концом V — началом VI в. н. э. [14, с. 151—162] Однако мы не можем принять дату этой лунницы в качестве опорной, поскольку датировка установлена на основе типологического построения, сама же лунница найдена вне датирующего комплекса.

Исходя из того, что каждая из четырех датированных лунниц представляет свою группу, естественно предположить, как это и сделал И. К. Фролов [7, с. 111], что четырем выявленным группам соответствуют четыре последовательных хронологических этапа. При обращении к значениям P_2/P_1 этих четырех экземпляров обнаруживается, что большее значение P_2/P_1 соответствует более позднему времени изготовления подвески.

Рассмотрим теперь более внимательно кривые распределения, изображенные на рис. 2, имея в виду, что по оси абцисс могут быть отложены не значения P_2/P_1, а значения t — времени изготовления подвески. Тогда обращает на себя внимание тот факт, что «появление» экземпляров новой группы совпадает с максимумом лунниц предыдущей группы. То есть производство подвесок-лунниц новой формы начинается тогда, когда производство подвесок старой формы достигает своего максимального расцвета. При производстве лунниц новой группы мастер руководствуется уже имеющимися эстетическими критериями, и поэтому параметры новых лунниц совпадают с параметрами старых. Далее увеличение производства экземпляров вновь возникшей группы приводит к уменьшению, а затем и к прекращению производства лунниц старой группы. Все эти рассуждения могут служить дополнительным аргументом в пользу отождествления выделенных групп с последовательными хронологическими этапами.

Таким образом, величина отношения P_2/P_1 для подвесок-лунниц является датирующим признаком и может служить для уточнения места того или иного экземпляра в хронологической схеме.

Укажем также, что величина отношения P_1/R_1 не является датирующим признаком и такой яркой картины, как P_2/P_1, не дает.

Однако форма конечных щитков с отростками не является специфической принадлежностью одних только лунниц. Вид ножек некоторых Т-образных фибул напоминает форму конечного щитка с отростками определенных лунниц (рис. 1, *е—ж*). Поскольку форма эта гораздо более характерна для подвесок-лунниц и крестчатых подвесок, чем для фибул, среди которых экземпляры с подобной ножкой весьма немногочисленны, можно заключить, что такая форма ножки возникла у фибул в результате влияния подвесок.

Обе фибулы, изображенные на рис. 1, *е—ж*, Е. Л. Гороховский датирует серединой — второй половиной IV в. н. э. [8, с. 141—142] Отростки ножки фибулы из Головятино имеют ту же форму, что и отростки конечных щитков лунниц второй группы, датированной IV в. н. э. Эта дата не противоречит дате Е. Л. Гороховского. У фибулы из Камунты отростки ножки имеют подтреуголь-

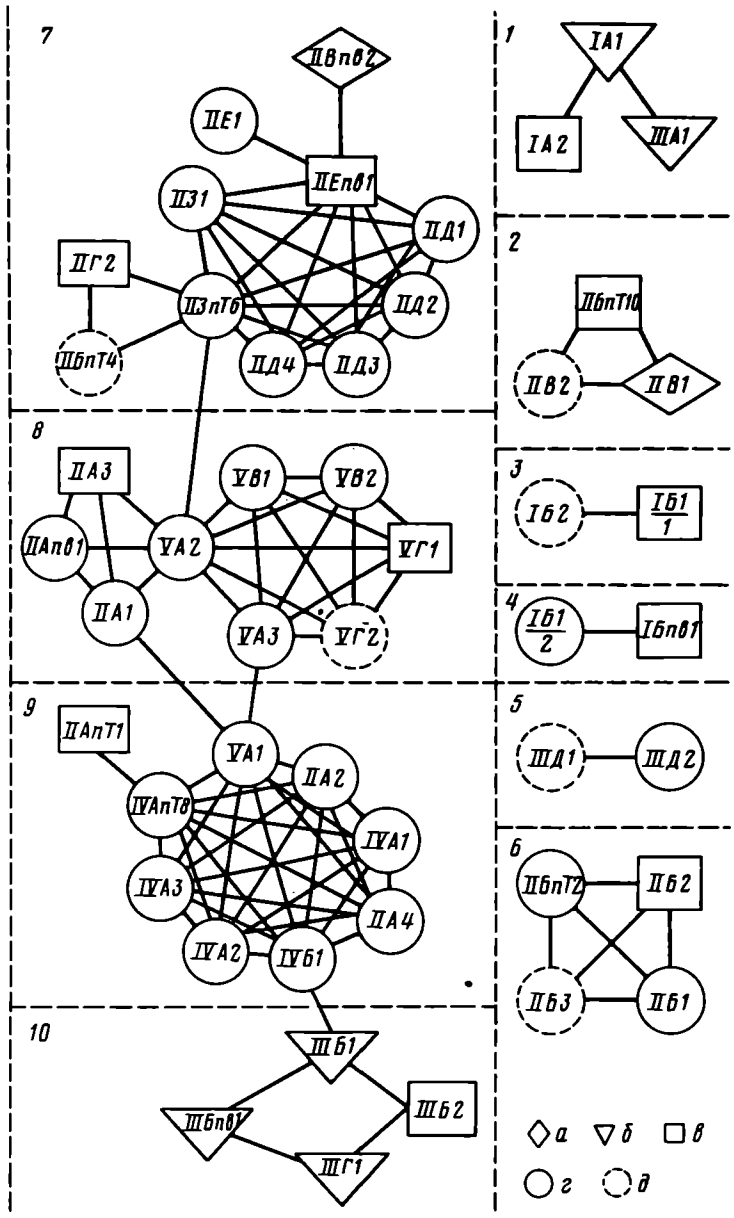


Рис. 3. Группы лунниц, выделенных по «сильной» связи. *а* — Кавказ; *б* — Прибалтика; *в* — Волго-Окский регион; *г* — Среднее Поднепровье; *д* — бассейн Днепра (вне пределов Среднего Поднепровья)

ную форму. Лунницы с такой формой отростков, как следует из нашего анализа, появились позднее лунниц второй группы. То есть фибуле из Камунты должна быть приписана более поздняя дата, чем фибуле из Головятино, а именно конец IV — первая половина V в. н. э.

В этой связи следует отметить, что Е. Л. Гороховским была высказана мысль о прекращении производства вещей с выемчатой эмалью в конце IV в. н. э. Однако этой точке зрения противоречит целый ряд фактов, например находка лунницы на городище Демидовка, которое по комплексу находок датируется V—VII вв. н. э. [13, с. 67—69] Эти факты, а также проведенный выше анализ говорят о том, что верхняя граница бытования вещей с выемчатой эмалью должна быть отнесена значительно дальше конца IV в. н. э., возможно, до VI в. н. э.

Обсудим теперь вопрос о месте производства подвесок-лунниц. Воспользуемся табл. 3 из работы И. К. Фролова [7, с. 119] В этой таблице представлен

Таблица

Признаки лунниц среднеднепровского региона

№ группы	Экз.	Место находки	Круглые щитки	Отростки			Разделенное эмалевое поле	Треугольное тело	Ромбические щитки	Кольцеобразные отростки	Дугообразно-треугольное тело	Дополнительная дужка	Редупликация
				шарообразные	лопасти	круглые с эмалью							
	IIВпв2	Чми			+	+?		+					
	IIГ2	Боровское городище	+		+			+					
	IIБпт4	Гута Комаровская	+		+			+					
	IIЕпв1	Мощины			+	+		+	+				
	IIЕ1	Переяслав Хмельницкий				+		+	+				
	IIЗ1	Казаровичи			+			+	+				
7	IIЗпт6	Горица	+		+		+	+	+				
	IIД1	Среднее Поднепровье			+			+	+				
	IIД2	Киевская обл.			+			+	+				
	IIД3	Среднее Поднепровье			+			+	+				
	IIД4	Адаменка			+			+	+				
	VA2	Бабичи	+	+				+	+				+
	VB1	Новые Безрадичи						+	+	+			+
	VB2	Среднее Поднепровье						+	+	+			+
	VГ1	Сареево						+	+				+
8	VГ2	Демидовка						+	+	+			+
	VA3	Колоберда		+				+	+				+
	IIA1	Среднее Поднепровье	+	+				+					
	IIA3	Мощины	+	+				+					
	IIАпв1	Черняхов	+?	+				+					
	VA1	Букрин	+	+					+		+		+
	IIA2	Среднее Поднепровье	+	+							+		
	IIA4	Могитин	+	+							+		
9	IVБ1	Среднее Поднепровье	+	+	+						+	+	
	IVA1	Гута Комаровская	+	+							+	+	
	IVA2	Дитиничи	+	+							+	+	
	IVA3	Вишенки	+	+							+	+	
	IVАпт8	Черняхов	+	+			+				+	+	
	IIАпт1	Мощины	+	+			+						

ряд формальных признаков и для каждого экземпляра указано, какими признаками он обладает.

Разобьем все лунницы на группы по «сильной» связи. Сильной будем называть связь между двумя лунницами в том случае, если они обладают тремя или более общими признаками. Учет связи по меньшему числу признаков сильно усложняет картину, так как тогда едва ли не все лунницы оказываются связанными друг с другом (по этой причине здесь мы такие связи рассматривать не будем)

Такое рассмотрение позволяет выделить 10 групп (рис. 3). При этом обнаруживается, что можно говорить о некоторых особенностях, характерных только для прибалтийских лунниц, так как прибалтийские экземпляры попали только в две группы — 1 и 10. И. К. Фроловым отмечено, что наиболее характерным признаком для прибалтийских лунниц является рамочный корпус.

В то же время волго-окские экземпляры своих групп не образуют. Так что при настоящем уровне знаний говорить о существовании Волго-Окского центра производства эмалевых вещей нет достаточных оснований. Правда, и исключать эту возможность также пока не следует.

Отчетливо выделяются три большие группы (7, 8, 9), куда входят почти исключительно среднеднепровские экземпляры. Это является еще одним подтверждением существования особого среднеднепровского центра производства вещей с выемчатой эмалью.

Признаки, характеризующие группы 7, 8, 9, сведены в таблице. Для подвесок группы 7 характерны треугольное тело, ромбические щитки и отростки в виде лопастей, причем последний признак характерен только для этой группы. Для лунниц группы 8 характерны треугольное тело, ромбические щитки и наличие редупликации. Характерными признаками группы 9 являются дугообразно-треугольное тело, сочетание круглых щитков с шарообразными отростками и наличие дополнительной дужки.

Возможно, эти группы соответствуют разным мастерским уже внутри самого среднеднепровского региона. Можно предположить, что экземпляры групп 7 и 8 произведены в одном месте, но в разное время, так как группу 8 отличает от группы 7 в основном отсутствие лопастевидных отростков и наличие редупликации. В то же время группа 9 должна быть выделена отдельно, так как ее характеризуют признаки, практически совсем отсутствующие у лунниц групп 7 и 8.

О существовании особого среднеднепровского центра эмальерного производства говорит и карта находок украшений с выемчатой эмалью, приводимая Е. Л. Гороховским [8, с. 118] Наибольшая плотность находок (отметим, что это относится не только к одним Т-образным фибулам, но также к лунницам и другим украшениям) приходится на Среднее Поднепровье. Хотя подавляющее большинство эмалевых вещей найдено вне комплексов, ареал их в Среднем Поднепровье совпадает в целом с регионом памятников культуры киевского типа [15, с. 61] В этой связи упомянем, например, находку лунницы у с. Казаровичи на поселении, бесспорно, принадлежащем к культуре киевского типа [16, с. 11—21] Все это позволяет высказать предположение о том, что изготовителями украшений с выемчатой эмалью в Среднем Поднепровье были носители культуры киевского типа, от которых некоторые характерные для этого региона типы украшений распространились в области Верхнего Поднепровья и Волго-Окского бассейна, где они могли бытовать еще какое-то время и после того, как культура киевского типа перестала существовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
2. *Корзухина Г. Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмалями V — первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье // САИ. 1978. Вып. Е1-43.
3. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. 1970. № 163.
4. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. Л.: Наука, 1966.
5. *Махно Е. В.* К вопросу о памятниках черняховского типа и прорезных выемчатых эмалях // КСИИМК 1956. Вып. 62.
6. *Даниленко В. М.* Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу // Археологія. 1976. Вып. 19.
7. *Фролов И. К.* Лунницы с выемчатой эмалью // Из древнейшей истории балтских народов. Рига, 1980.
8. *Гороховский Е. Л.* О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев: Наук. думка, 1982.
9. *Ашмарин И. П., Васильев Н. Н., Амбросов В. А.* Быстрые методы статистической обработки и планирование экспериментов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975.
10. *Урбах В. Ю.* Математическая статистика для биологов и медиков. М., 1963.
11. *Смішко М. Ю., Свешніков І. К.* Могильник III—IV століття н. э. у с. Дитиничи Ровеньскої області // Материали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 1961. Вип. 3.
12. *Покровский Ф. В.* К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы. М., 1897
13. *Шмидт Е. А.* О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины // Древние славяне и их соседи. М.: Наука, 1970.
14. *Якубовский А. С.* Новый тип подвески-лунницы с городища Ножа-Вар // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958—1961 гг. Чебоксары, 1964.
15. *Кравченко Н. М., Гороховский Е. Л.* О некоторых особенностях развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. // СА. 1979. № 2.
16. *Максимов Е. В., Орлов Р. С.* Поселение и могильник второй чтверти I тыс. н. э. у с. Казаровичи близ Киева // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука, 1974.

V N. Slonov

ON CLASSIFICATION OF ENAMELLED PENDANTS

Summary

The author takes as his subject enamelled pendants of the second quarter of the first millennium A. D. He has identified the ratio between the length of the pendant's foundation, including the ornaments on the tip plates (P_2) and the length of the foundation without such ornaments (P_1) as a dating feature. An analysis of similar features has shown that there were several centres in the Baltic and the middle Dnieper areas. The tentative dates for the pendants of this type are the early 4th c. A. D. (late 3rd c. A. D.) -early 6th c. A. D. The major part of them were made in the area where they were most common, in the middle Dnieper, by the Kiev culture tribes.

Ю. Ю. МОРГУНОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ЛЕТОПИСНОГО ГОРОДА РИМОВА

На территории древней Переяславской земли известно несколько летописных пунктов, местоположение которых, вероятно, не будет выяснено достаточно достоверно никогда. Это связано с краткостью летописных упоминаний, слабой обследованностью территории, большим количеством созвучных топонимов, а также с исчезновением памятников под воздействием сил природы и в результате деятельности человека.

И все же в результате сплошных археологических исследований последних лет появилась возможность пересмотреть устоявшиеся представления и зашедшие в тупик локализации.

В этом отношении типичным примером являются продолжавшиеся более 200 лет поиски «города» Рима из «Слова о полку Игореве», или Римова русских летописей; в этих поисках отражается процесс развития исторической географии, ее становления как науки.

Впервые имя Римова появилось в «Поучении» Мономаха [1, стб. 249], но особую известность летописный пункт получил в связи с подробным описанием его осады Кончаком в 1185 г. [1, стб. 399; 2, стб. 646—649]. По контексту местоположение Римова определяется близостью к русской границе и кратчайшей дорогой от Переяславля к половецким кочевьям.

На первом этапе развития исторической географии вопрос о поисках Римова решался путем подбора созвучных топонимов на огромном пространстве русского пограничья левобережья Днепра.

В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, а затем Н. С. Арцыбашев считали, что Римов располагался на месте г. Ромны, на средней Суле [3, с. 305; 4, с. 245] Однако уже в 1850 г. М. П. Погодин заметил, что в источниках встречаются и Римов, и Ромен, следовательно, это два разных пункта [5, с. 266] (рис. 1).

В той же работе М. П. Погодин привел мнение своих оппонентов и критиков Н. А. Надеждина и К. А. Неволина о возможности поисков летописного пункта на месте хут. Рим (водораздел Сулы и Удая) [5, с. 267]. Это мнение 30 годами ранее было высказано З. Доленгой-Ходаковским в неопубликованном «Историко-географическом словаре», который в 1836 г. стал собственностью М. П. Погодина [6, с. 113] Последователями второй гипотезы стали И. Д. Беляев, П. В. Голубовский, С. М. Соловьев, М. С. Грушевский и другие известные историки, а поскольку Ходаковским было определенно указано наличие замка, эта гипотеза была поддержана и Ф. Я. Приймой [6, с. 123]

Третья гипотеза была выдвинута в 1885 г. Н. П. Барсовым, предложившим сосредоточить поиски на с. Римовке (Римаревке) на р. Груни [7, с. 163].

На втором этапе развития исторической географии возникает интерес к микротопонимике и археологическим памятникам, расположенным вблизи населенного пункта, с которым отождествляется летописный город. Однако обращение к археологии еще не было подкреплено разработкой хронологии городищ.

В конце XIX в. городища Посулья обследовались В. Г Ляскоронским, который изучал планировку древних укреплений, легенды о них, случайные находки на памятниках, а также направление половецких дорог на Русь. В с. Великая Буримка исследователь обнаружил два небольших «круглых» городища и укрепление большой площади, которое счел возможным отождествить с Римовым [8, с. 446] К подобному заключению его привело в первую

очередь созвучие названий Римов — Буримка. Современники отметили сопоставление летописного города с городищем как несомненную удачу, но выразили сомнение в возможности построения необходимого фонетического ряда [9, с. 607].

А. С. Орлов, не конкретизируя своей мысли, предложил сосредоточить поиски Римова в нижнем течении Сулы [10, с. 123].

Итоги многолетней дискуссии были подведены в 1948 г. К. В. Кудряшовым [11, с. 74—76] Выяснение принципиального направления половецких дорог, наличие на местности болота, упомянутого источниками, и городища привели историка к безусловной поддержке гипотезы В. Г. Ляскоронского.

Современный этап развития историко-географических исследований предполагает, что предложенные варианты локализаций должны неукоснительно проверяться археологическими методами.

Однако такая проверка проведена не была. Небольшой интерес вызвала лишь Великая Буримка: в 1905 г. Л. В. Падалкой была издана подробная схема ее укреплений [12, с. 188, рис. 5] Посещение памятников археологом Ф. Б. Копыловым в 1946 г. результатов не принесло, а в 1954—1966 гг. местными древностями интересовался учитель великобуримской средней школы Л. Г Брудзь; в его отчетах содержится немало ценных наблюдений [13]

Отсутствие серьезного археологического обследования населенных пунктов, отождествляемых с Римовом, вызвало новые, краеведческие локализации, для которых характерны отрыв от первоисточников и слабое знание литературы.

В 1966—1971 гг. появилась серия работ Ю. А. Александрова-Липкинга, отождествившего с Римовом знаменитый Гочевский комплекс городищ и курганов. Исследователь принципиальное значение придает трем основным тезисам: а) через Гочево водоразделами идет кратчайший, наиболее удобный и безопасный для кочевников путь от Переяславля в степь; б) Римов не мог находиться на Суле, так как в Великой Буримке не найдено следов крупного города; в) все города на Суле были сожжены Кончаком еще по дороге к Переяславлю [14, с. 19, 20; 15; 16] Особенно убеждает автора новой гипотезы наличие вблизи Гочева топонимов «Римов лог», «Римово болото» [14, с. 21; 17, с. 65]

Созвучные Римову топонимы найдены также М. Т. Соколом на правом берегу Нижнего Днепра (в черте современного г. Верхнеднепровска), а подтверждения еще одной локализации им якобы обнаружены и в Ипатьевской летописи, и в «Слове о полку Игореве», и в археологическом материале [18]

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, следует систематизировать поиски. Местоположение Римова следует выяснять путем получения ответов на три вопроса: а) направление половецкой дороги; б) наличие топонимической преемственности; в) наличие синхронного летописным датам городища. При этом первостепенное значение имеет выяснение направления движения половцев в 1185 г.

Вновь обратимся к источникам. Первое упоминание о Римове в «Поучении» Мономаха («и идохом на вои их за Римов, и бог ны поможе, избиша и, а другия поимаша») помещено между событиями 24 июля 1094 г. (изгнание Мономаха из Чернигова) и начала 1095 г. (избиение «итларевой чади»). Судя по хронологическому расположению эпизода, Мономах в это время княжил в Переяславле, а контекст указывает, что Римов — пограничная крепость. Такое указание направления движения к крайним пограничным пунктам — «за Кснятин», «к Лубну», «ко Ромну» — характерно для всех летописных текстов и особенно для четкой, почти телеграфной фразеологии «Поучения».

Осада Римова Кончаком в 1185 г. отражена в Ипатьевской летописи: «Святослав же с Рюриком и со онеми помочьми влегоша во Днепр противоу половцем, а Давыд возвратился опять со смолняны. То слышавше полоци и возвратишась от Переяславля. Идоущи же мимо, пристоупиша к Римови. Римовичи затворишася в городе и возлезше на забороле и тако божиим соудом летеста две городници с людми. Тако к ратным и на прочая гражаны

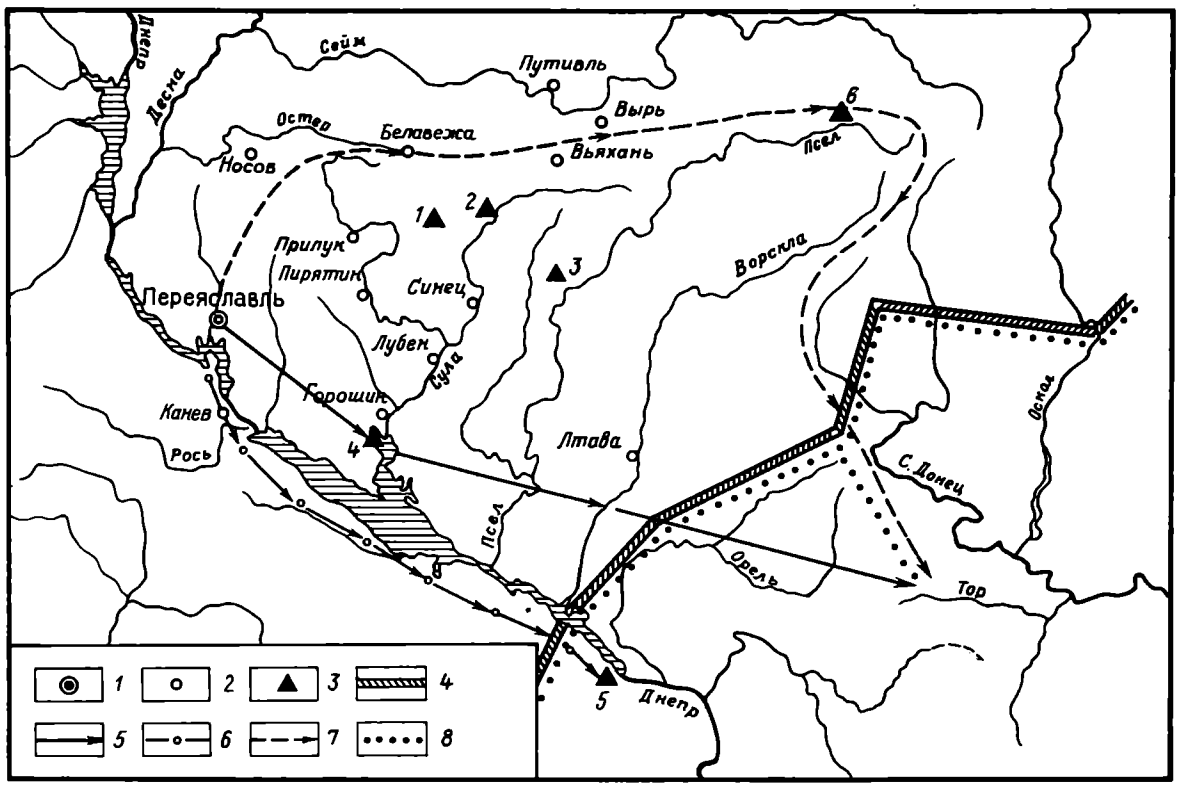


Рис. 1. Ареал поисков Римова. *1* — столица княжества; *2* — летописные города; *3* — пункты, отождествлявшиеся с Римовом; *4* — граница Половецкой степи (по С. А. Плетневой); *5* — путь Кончака (по В. Г Ляскоронскому); *6* — путь Кончака (по М. Т. Соколу); *7* — путь Кончака (по Ю. А. Липкингу); *8* — пределы половецких объединений (по С. А. Плетневой). Отождествляемы пункты: *1* — хут. Рим; *2* — г. Ромны; *3* — с. Римовка; *4* — Великая Буримка; *5* — г. Верхнеднепровск; *6* — Гочево

наиде страх; две котореи же гражане выидоша из града и бьяхоуся, ходяще по римьскому болоту, то теи избыша (вариант: избежаша) плена, а кто ся остал в городе, а те вси взяти быша...». Далее вклинилось краткое описание распри князей на правом берегу Днепра, а затем следует окончание рассказа: «...Половци же вземше город Римов и ополонишася полона и поидоша во свояси». [2, стб. 647, 648]

Очевидно, крепость, стоявшая на границе, закрывала Кончаку путь к возвращению, а направление движения должно было быть кратчайшим, поскольку русские князья «с помочьми», находившиеся у Канева, были готовы форсировать Днепр и «заступить» обратную дорогу отягощенным полоном половцам.

В литературе давно рассматривался вопрос о направлении путей в степи; основных было три: через междуречье Сейма и Сулы, через среднюю Сулу и через нижнюю. Локализация кратчайшего пути от Переяславля через нижнюю Сулу общепринята [11, 19—21] В результате изучения распространения половецких каменных изваяний С. А. Плетнева показала, что бассейн р. Тор, откуда начал свой побег из плена Игорь Святославич, являлся центром донецкого половецкого союза, во главе которого стоял Кончак [22, с. 22]

Таким образом, направление кратчайшего движения Кончака в степь обобщенно решается нанесением прямой линии от Переяславля к среднему течению Северского Донца (рис. 1). тсюда следует, чго хут. Рим [1] и с. Римовка как варианты локализации отпадают. По этой же причине и Гочево не может быть летописным Римовом: дорога через него почти в 2 раза длиннее кратчайшей (исследователь спутал дорогу Кончака с поздними татарскими сакмами). Кроме того, приведенный аргумент Ю. А. Липкинга о необходимости захода Кончака на верхний Псел для соединения с Гзаком — всего лишь предположение, не находящее подтверждения в источниках.

Гипотеза М. Т. Сокола также может быть смело отвергнута, поскольку половцы на этот раз не были на правом берегу Днепра. Автор ошибочно истолковал две цитаты из источников. Первая, о том, что половцы «по Рси и по Сули грады поделиша», взята из «Слова о полку Игореве» [24, с. 23] Однако известно, что водный поток с именем Рось (Розань) протекает также и на левом берегу Днепра, близ Переяславля [23, с. 58]

Вторая цитата взята из того места Ипатьевской летописи, где речь идет о движении войск Гзака: «... а дроузии половце идоша по онои стороне к Путивлю ...». Противопоставление «по онои стороне», по мнению М. Т Сокола, свидетельствует о том, что половецкие военачальники вели боевые действия на разных берегах Днепра. Отсюда: если Гзак воевал на левобережье у Путивля, то Кончак соответственно был на правом берегу Днепра [18, с. 72]

Как известно, дошедшие до нас летописные тексты являются сводами разновременных сведений, неоднократно дополнявшимися. В данном случае, читая Ипатьевскую летопись, мы видим сначала первый из цитированных выше отрывков об осаде Римова, взятый, вероятно, из Переяславского летописца. Рассказ прерван описанием распри князей, происходившей на правом берегу Днепра. Затем как вывод, как итог распри следует схематический редакторский оборот о гибели Римова и возвращении Кончака (второй цитировавшийся отрывок). Следующая часть — риторическая вставка о половцах как об орудии божьего гнева — принадлежала, вероятно, редактору Моисею [25, с. 62] И, наконец, следует киевская запись о злодеяниях Гзака у Путивля.

Если вычленить более поздние вставки и редакторские обороты, первоначальные текстовые составляющие выявляются в следующем виде: остается незаконченный переяславский рассказ о взятии Римова, дополненный киевской записью о распре князей, как бы поясняющей, почему не было погони за Кончаком. Затем автор первоначального свода переходит к путивльским событиям. Поскольку свод формировался в Киеве для киевского читателя, а распря также происходит на правом берегу Днепра, сводчику и понадобилось уточнение — сшивка, которая ввела в заблуждение М. Т Сокола. В первоначальном виде стык выглядел, вероятно, следующим образом: «... и тако князе роуские опоздишася и не заехаша их. А дроузии половце, идоша на онои стороне к Поутивлю ...».

Таким образом, уточнение «на онои стороне» относится к противопоставлению местонахождения князей и Гзака, поэтому искать Римов на правом берегу Днепра нецелесообразно.

Второй важный для отождествления вопрос — наличие созвучной имени крепости топонимики. «Римские» топонимы встречаются от Гочева до низовий Днепра [2]. Несколько сложнее обстоит дело с Великой Буримкой, для которой со времен М. С. Грушевского исключается возможность получения путем фонетической трансформации из Римова современного названия села через Боромлю (XVII в.) и Бурумлю (XVIII в.) [6, с. 123] Правда, в последние годы в связи с выявлением дунайско-восточноукраинских ономастических взаимосвязей лингвисты пересматривают свое отношение ко всему мощному пласту «римских» топонимов и склоняются к возможности поисков Римова на Суле [27, с. 111, 112] Кроме того, в литературе имеются сведения о хут. Супромы, якобы располагавшемся напротив Великой Буримки, на левом берегу Сулы [28, с. 418]; название хутора может служить дополнительным топонимическим аргументом для отождествления Великой Буримки с Римовом. Среди картографического материала и в «Списках населенных мест» сведений о хуторе найти не удалось, а сейчас на его месте располагается залив Кременчугского водохранилища. В 1981 г. Посульской разведочной группой ИА АН СССР под руководством автора была предпринята попытка собрать сведения о населенном пункте среди жителей окрестных сел, не подвергшихся затоплению водохранилищем. Опрос показал, что такой населенный пункт существовал (после коллективизации его чаще называли Супрунами) и к нему выходил

твердый брод через заболоченную пойму Сулы, начинавшийся в Великой Буримке [29].

И, наконец, третий принципиальный вопрос для отождествления — наличие синхронного летописным данным археологического памятника.

Сразу отпадает гипотеза З. Доленги-Ходаковского: «Местность, имеющая название Рим, известна группой курганов и целым рядом укреплений, построенных по системе поздних литовских военных укреплений» [30, с. 614].

На схематическом плане М. Т. Сокола также отмечены прямолинейные отрезки оборонительных валов, нехарактерные для древнерусской фортификации; керамика, обнаруженная на памятнике, также отношения к Римову не имеет. Кроме того, в XII в. на месте г. Верхнеднепровска простиралась половецкая территория (рис. 1). Таким образом, вариант М. Т. Сокола отпадает окончательно.

Рассмотрим археологические аргументы в пользу Гочева. Городня — это элемент срубной конструкции оборонительной стены, поэтому «две городници с людми» не могут быть двумя гочевскими городищами, двумя кремлями, о которых пишет Ю. А. Липкинг [14, с. 20, 21] Далее, чтобы показать, какой это был крупный город, исследователем привлекается количество насыпей знаменитого гочевского курганного могильника (3 648 насыпей). Но большинство курганов было насыпано раньше, чем упомянут в источниках Римов, а современное археологическое обследование гочевских укреплений показало, что к древнерусскому времени относится только одно небольшое по площади городище. Второе имеет культурные напластования раннего железного века и роменской культуры [31]

И, наконец, последняя группа аргументов Ю. А. Липкинга в пользу Гочева состоит в том, что города на Суле были уничтожены якобы Кончаком еще по дороге к Переяславлю, поэтому на обратном пути в степи осаждать уже было нечего, да и следов древнерусского города в Великой Буримке не найдено.

Вопрос об уничтожении «городов» по Суле Кончаком пока не может решаться однозначно и требует рассмотрения в специальном исследовании. Сейчас достаточно ограничиться постановкой проблемы и выделить две группы источников, по-разному осветивших этот вопрос [32]

О разрушении «городов» упоминается в Лаврентьевской летописи и в статье 1201 г Ипатьевской. Лаврентьевские записи о событиях 1185 г. отличаются географическими ошибками, большим количеством противоречий и недостоверных сведений о южнорусских событиях, что характерно для владимиро-суздальского летописания. Отрывок Ипатьевской статьи 1201 г. («... от него родившюся Концаку, иже снесе Сулу, пешь ходя, котел нося плечеву ...» [2, стб. 716]) насыщен легендарными сведениями и облечен в поэтическую форму, что дает возможность предположить привнесение его из половецких эпических песен [33, с. 101]

Во второй группе источников нет и намека на трагедию. В Ипатьевской статье 1185 г., опирающейся на киевское и переяславское летописание и насыщенной живыми подробностями событий, о разрушении крепостей (кроме Римова) нет ни слова. Отсутствует упоминание о подобных событиях и в «Слове о полку Игореве», написанном в Южной Руси по свежим следам похода.

Археологическое обследование посульских городищ зафиксировало отсутствие массовых следов пожаров, датируемых концом XII в. [34]

Таким образом, отпадает и последний аргумент Ю. А. Липкинга: Гочево не удовлетворяет требованиям, предъявляемым летописными источниками и археологией к памятнику летописного Римова.

Согласно этим требованиям, отождествить с летописной крепостью можно только одно из городищ в с. Великая Буримка: они расположены на кратчайшей дороге от Переяславля к кочевьям Кончака; этот вариант локализации имеет достаточное топонимическое обоснование. Эту точку зрения разделяет и современный исследователь М. П. Кунера [35, с. 123, 134].

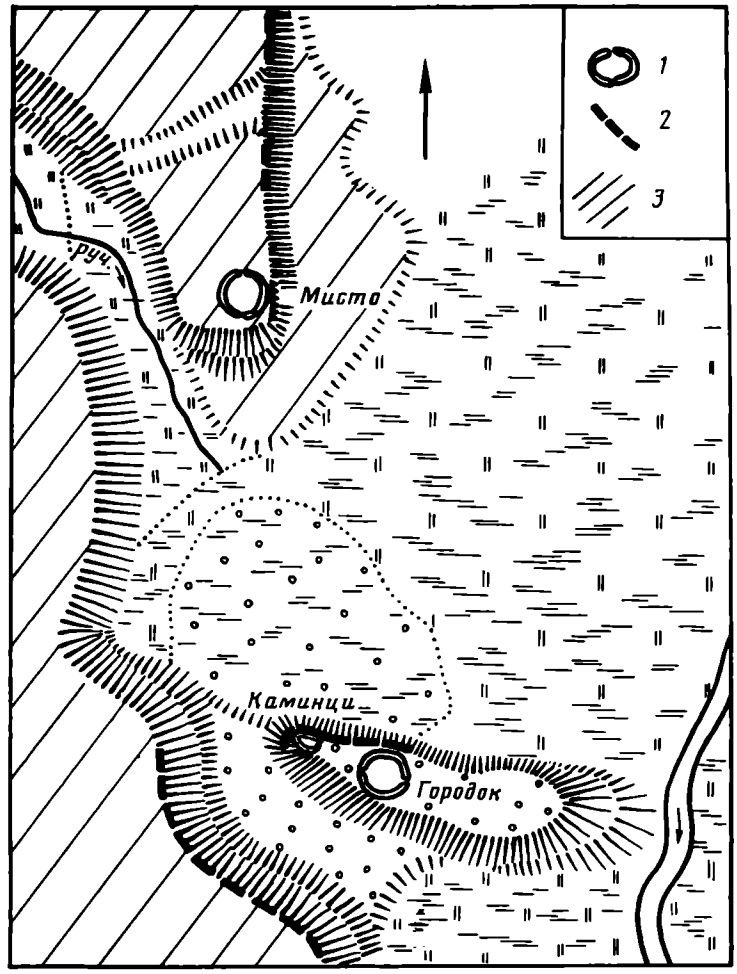


Рис. 2. Схематический план укреплений в с. Великая Буримка. *1* — городища; *2* — «змиевые» валы; *3* — территория села

Три древнерусских городища и два синхронных им селища, расположенные в юго-восточной части села, на мысах третьей надпойменной террасы правого берега Сулы, обследовались автором в 1979 и 1981 гг и М. П. Кучерой в 1979 г [36]

Северный мыс высотой 22 м вытянут в меридиональном направлении и образован крутыми склонами к пойме Сулы и к долине впадающего в нее справа ручья Буримка. Подпрямоугольная в плане стрелка мыса, отделенная от основания оврагом, полностью застроена, имеет размеры 900×300 м (площадь 13 га) По В. Г Ляскоронскому, вся эта громадная площадь по периметру была обнесена валом, поэтому именно эти укрепления исследователь относил к остаткам Римова.

Но скорее всего именно здесь располагался город XVII в. Буромля, известный по «Книге Большому чертежу» [37, с. 108] На это указывают форма укреплений, слишком большая для древнерусской крепости площадь и обилие среди подъемного материала XI—XIII вв. поздних находок. Древнерусское городище Мисто, обнесенное кольцевидным в плане валом и рвом, расположено на южном краю стрелки (рис. 2).

В 0,9 км к югу от Миста, за обширным участком заболоченной поймы, от края плато к востоку уходит удлиненный останец, отделенный от коренного берега глубоким оврагом. Высота останца достигает 15 м, размеры его 700×120—170 м (площадь — около 10 га), поверхность поросла лесом. С трех сторон останец защищен крутыми склонами к болоту, а мысовая (восточная) часть полого спус-

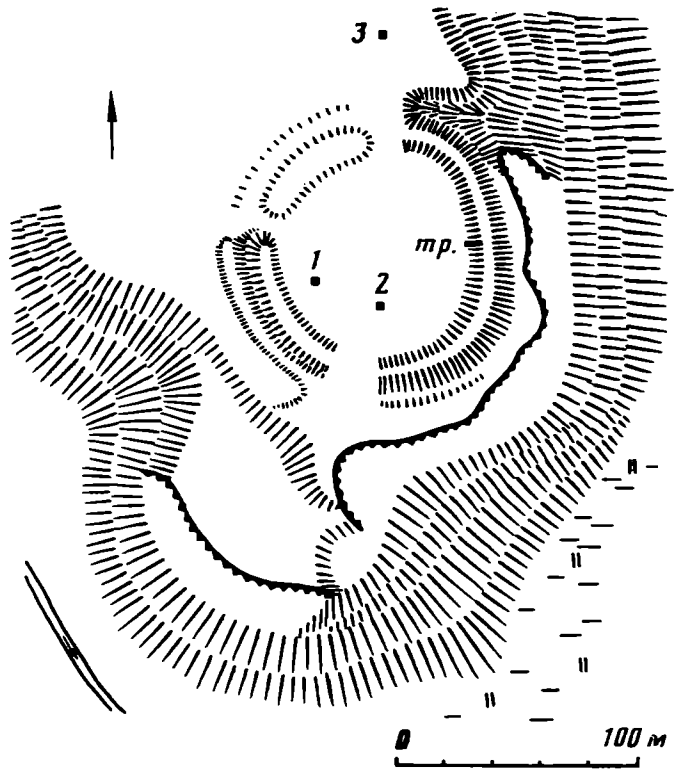


Рис. 3. План городища Мисто

кается к пойме Сулы и упирается в древний брод через реку и обширную заболоченную пойму, функционировавший в XVI—XVII вв.[3] и позже, вплоть до недавнего времени.

Среди местного населения останец именуется Городком; не так давно все плато останца было укреплено по периметру валом [8, с. 418; 12, с. 187]. Вся поверхность Городка занята селищем X—XIII вв. (оно заходит и на ближайший край плато коренного берега); в верхней части культурного слоя встречается также керамика XVII—XVIII вв.

В западном углу останца, при въезде на него со стороны плато, расположено полукруглое в плане городище, имеющее два названия: традиционное — Городок и новое — Каминци, образовавшееся после 1905 г. (в честь валунов, завезенных сюда местной помещицей для памятника сыну, погибшему в русско-японской войне).

В 40 м от полукруглого располагается другое — круглое в плане городище, рассеченное пополам грунтовой дорогой к броду; оно также называется Городком.

Вдоль края плато, по краю мыса и вдоль северного края останца прослеживаются остатки «змиевого вала», имеющего вид эскарпа, высотой 3—6 м, с валообразным всхолмлением по внешнему краю его «ступеньки» (рис. 2).

Заканчивая общий обзор обследованных в селе памятников, следует упомянуть о случайно обнаруженном несколько лет назад на плато (напротив Миста) погребения с серебряным загнутоконечным височным кольцом (рис. 4, *15*), пятью сердоликовыми шарообразными бусинками X—XI вв. [39, с. 105; 40, с. 152, 157] и пятью хрустальными шарообразными бусинками X—XIII вв.

Переходим к подробной характеристике укреплений. Городище Мисто размещено на ровной поверхности окончания стрелки северного мыса; восточным краем укрепление опирается на высокий обрыв. Высота над уровнем поймы — 22 м (рис. 3). Площадка округлой в плане формы (90×85 м, площадь — 0,7 га) ныне поросла густым кустарником. Поверхность сильно перерыта кладоискателями, а также имеет следы располагавшейся в восточной половине церкви. Северо-

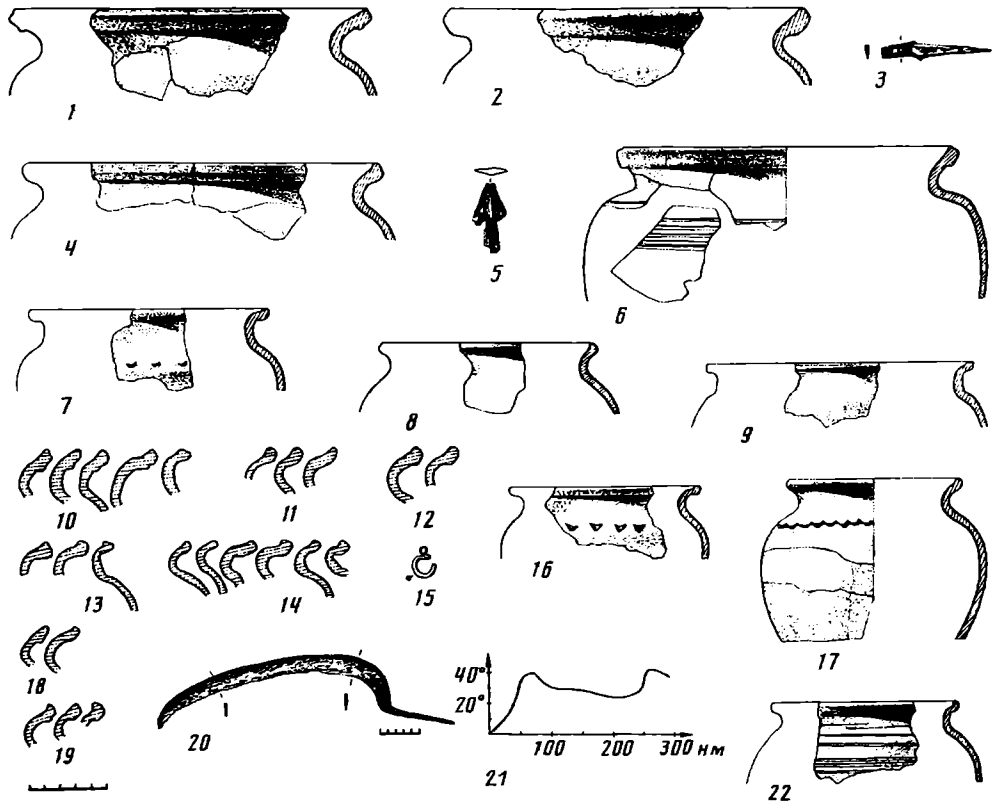


Рис. 4. Материалы городищ: *1, 2, 10, 19* — Мисто; *4, 7, 13, 18, 20, 21* — Каминци; *3, 5, 6, 8, 9, 11, 12, 14, 16, 17, 22* — Городок; *15* — погребение в районе Миста

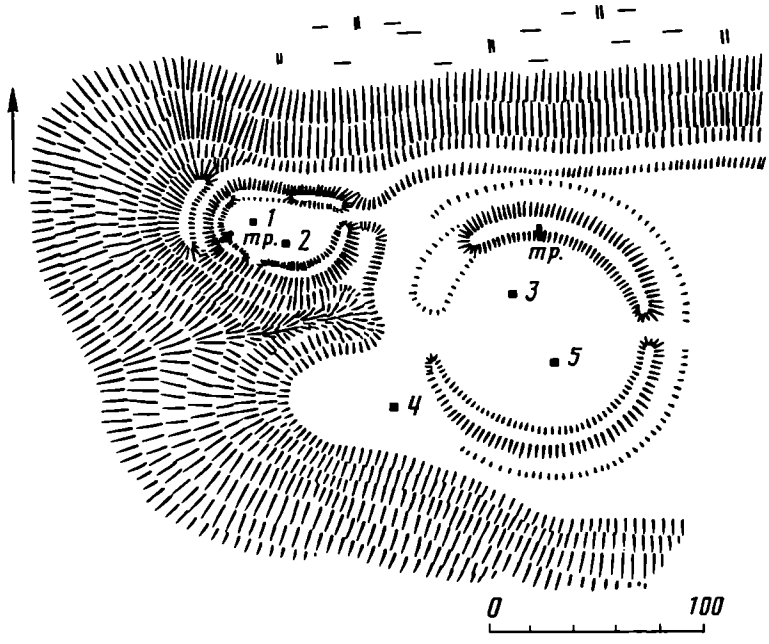


Рис. 5. План городищ Каминци и Городок

западные отрезки кольцевидного вала и рва ныне уничтожены. Вал лучше сохранился на востоке (высота его здесь достигает 3 м), а ров — на юге, где ширина его 15 м при глубине 1—1,5 м. Вдоль оси север — юг укрепление насквозь разрезано проездами шириной 16—18 м, зафиксированными еще В. Г Ляскоронским.

Шурфовкой площадки выявлен культурный слой мощностью до 1,2 м, сильно перемешанный и насыщенный керамикой XVII—XVIII вв., обломками кирпича и изразцов. Древнерусский материал сильно измельчен, его подавляющее большинство датируется общерусскими типами керамики XII—XIII вв. Незначительное количество гончарных венчиков, залегающих в нижней части слоя, также хорошо известно и относится к XI в. (рис. 4, *2*).

В траншее, заложенной на внутреннем склоне восточной части вала, где в осыпях его наружного склона Л. Г Брудзем зафиксированы остатки дубовых городней, прослежена конструкция вала, насыпанного не ранее начала XII в. на поверхности раннего культурного слоя, содержавшего керамику, изготовлявшуюся с рубежа X—XI и до конца XI в. (рис. 4,*1, 19*).

На селище, занимавшем всю поверхность останца, кроме поздних остатков среди подъемного материала найдено несколько позднескифских венчиков, а древнерусская керамика датируется периодом от рубежа X—XI до середины XIII в. (рис. 4, *10*). Шурфовка выявила сильно перемешанный культурный слой слабой насыщенности и мощностью до 1 м, в целом отражающий хронологическую картину, прослеженную по подъемному материалу.

Площадка городища Каминци имеет в плане полукруглую форму, связанную с рельефом местности, размеры ее 55×35 м, площадь — 0,16 га, поверхность поросла лесом. По периметру она защищена валом высотой 1 м. На севере и юге площадка опирается на крутые склоны; на западе склон более пологий: здесь он укреплен дополнительным валом, лежащим на 6 м ниже уровня площадки. К этому валу выходит эскарп «змиевого вала», идущий вдоль северного склона останца (рис. 5).

На южном краю площадки устроен один из въездов, от него тропа серпантином опускается к подножию останца. Основной въезд устроен с восточной, напольной стороны. Мощность вала здесь увеличивается до 2,5 м, за валом расположен ров шириной 15—16 при глубине до 3 м.

Шурфовка площадки вскрыла культурный слой мощностью от 1 до 1,6 м. До глубины 0,6 м встречалась поздняя керамика, ниже — только древнерусский материал. Среди находок — керамика XII—XIII вв. (рис. 4, *7, 13*), сильно коррозированное шило и фрагмент витого из трех проволок медного перстня XII—XIII вв. В первом шурфе на глубине 88 см от дневной поверхности найден большой железный серп с сильно отогнутой рукояткой (рис. 4, *20*). Ширина клинка — 2,5 см, длина основания дуги, образуемой лезвием,— 29 см. По сравнению с известными типами этот серп ближе к киевскому (днепровскому), что выражается в расположении вершины изгиба (она приходится против 1/4 длины основания), разнице углов изгиба начальной и конечной частей клинка (70—38°) и особой близости углов резания [41, с. 72]. Ломаная линия графика этих углов также характерна для киевского типа серпов (рис. 4, *21*). Особенностью данного орудия является общая уплощенность фигуры: высота дуги лезвия составляет всего 1/5 длины основания этой дуги.

Траншеей вскрыта внутренняя половина вала в западной части площадки. Под насыпью стратиграфически выделился массив культурного слоя с керамикой XI в. Поверх него, на рубеже XI—XII вв., сооружена основа вала из глины, культурного слоя и дерева (рис. 4, *4, 18*). В XVII—XVIII вв. гребень вала был снивелирован, а затем досыпан поздним культурным слоем.

Городище Городок раскинулось в 40 м к востоку от полукруглого укрепления, занимает всю ровную поверхность западной части залесенного останца от северного до южного склона и разрезается грунтовой дорогой к древнему броду (рис. 5).

Площадка слегка поката к югу, имеет округлую форму; размеры ее — 95×85 м (площадь — 0,8 га). Она защищена кольцевидным в плане валом высотой до 2,5 м при ширине основания 14—16 м. Сильно заплывший ров в лучше сохранившихся местах достигает глубины 1,5 м и ширины 10—15 м. Сохранность вала и рва хорошая, за исключением северо-западной части, где 40-метровый участок вала снивелирован, а ров засыпан. На плане В. Г Ляскоронского на этом месте также отмечены повреждения. Есть на этом плане и два въезда, ныне расширенные дорогой до 15—18 м. За пределами древних кольцевидных укреплений прослеживаются бессистемные отрезки более поздних валов.

Два шурфа, заложенные на площадке, выявили культурный слой толщиной 0,6 м. В нижней части слоя в небольших количествах встречаются маловыразительная лепная и ранняя круговая керамика, выше слой слабо насыщен фрагментами, датируемыми XI — первой половиной XII в. (рис. 4, *12*). В обоих шурфах на глубине 0,4 м прослежены следы сильного пожара.

В северной части укрепления на врутренней половине вала заложена траншея, выявившая следующую конструкцию насыпи вала. Он был возведен на раннем культурном слое, имеющем толщину 0,8 м и содержащем керамику эпохи бронзы и отдельные круговые стенки из хорошо отмученной глины ровного горнового обжига, характерные для посуды «курганного типа». На горизонтальной поверхности слоя прослежена ориентированная вдоль оси будущего вала цепочка ямок от вбитых в грунт вертикальных заостренных бревен толщиной от 20 до 30 см. Глубина ямок с тленом — 30 см, промежутки между бревнами насчитывали от 10 до 15 см, поэтому конструкцию нельзя назвать частоколом.

Поверх горизонтальной поверхности раннего культурного слоя насыпана подушка из плотного чернозема, а поверх нее — мощный массив материковой глины; общая толщина этих субструкций достигает 2 м, находок не содержит, но среди прослоек строительного мусора выделяется линза из золистого чернозема, по составу похожая на грунт заполнения жилища. В этой линзе содержались фрагменты верхней части кругового сосуда рубежа X—XI вв. с «манжетом» по внешнему краю венчика (рис. 4, *6*). По составу теста и характеру обжига сосуд аналогичен круговой керамике, обнаруженной под валом; в небольших количествах она встречается в культурном слое всей данной серии памятников. В этой же линзе найден двушипный втульчатый наконечник стрелы второго типа (по А. Ф. Медведеву); ближайшие аналогии ему известны среди находок из Гнездова (X в.) и Новгорода (XI в.) [42, с. 56, табл. 15, *1*, 18, *1—2*] (рис. 4, *5*).

Со стороны площадки эти субструкции перекрыты культурным слоем с керамикой начала — середины XII в. (рис. 4, *8, 11*), т. е. вал возведен не позже конца XI в.

На втором этапе, выше слабых следов пожара, была использована срубная конструкция с забутовкой клетей материковой глиной. Это сооружение уничтожено сильным пожаром, следы которого наблюдались и в шурфах.

Остатки пожарища перекрываются прослойкой, по составу напоминающей строительный мусор. Может быть, это следы новой реконструкции сооружения после грандиозного пожара, уничтожившего крепость.

Как было сказано выше, весь останец Городок, площадью 10 га, в древности был защищен валом и занят древнерусским поселением, что позволяет считать его укрепленным посадом. Шурфовка и сборы подъемного материала показали, что в основании культурного слоя на западной половине останца встречено незначительное количество керамики рубежа X—XI вв. В конце XI в. этот участок уже был плотно заселен, а керамика середины — конца XII в. встречается на всей площади останца (рис. 4, *3, 9, 14, 16, 17*) Следы пожара на глубине 0,4 м от дневной поверхности прослежены только на западной половине площади, а керамика, заходящая в XIII в., чаще встречается на востоке (рис. 4, *22*), где общая мощность культурного слоя доходит до 1,4 м.

На краю восточной половины останца, вблизи начала пологого склона к броду, имеется округлая площадка высотой 1,5 м и диаметром 12—14 м. По рассказам старожилов, раньше это был высокий земляной холм с небольшой площадкой на вершине. С вершины хорошо был виден левый берег Сулы, а вдоль обширной поймы видимость достигала 30 км: на север в хорошую погоду просматривался мыс, на котором раскинулось с. Лукомье (с городищем летописного г Лукомля), а на юге можно было увидеть последние сульские высоты на их стыке с днепровской долиной, где располагались остатки летописного г Желни. Возвышение было срезано при закладке здесь парка.

Из трех описанных укреплений остаткам летописного пункта наиболее соответствует круглое городище Городок: площадь его укреплений (0,8 га) равна размерам крепостей той категории, часть названий которых попали на страницы летописей [43] Городище Мисто почти такой же площади, но через Городок следует древняя дорога к броду [4] В культурном слое Городка резко выделяется слой пожарища конца XII в., отсутствующий среди напластований Миста. Горелый слой более интенсивен на площадке Городища, он хорошо прослежен среди субструкций вала; пожар меньшей интенсивности оставил следы на всей западной половине территории посада.

Интересное наблюдение получено в результате инструментальной съемки плана городища: в северо-западной части укрепления, как раз на пути движения половцев, 40-метровый участок мощного вала снивелирован, ров засыпан (рис. 5). Сравнение поперечного сечения соседних сохранившегося и уничтоженного участков вала указывает на близость кубатуры до разрушений. Не исключено, что перед нами остатки именно того отрезка стены, где «летеста две городници с людми» и через образовавшийся пролом прошло войско Кончака вместе с груженными полоном обозами, размесив колесами и копытами остатки вала почти до основания.

В Ипатьевской летописи упомянуто также «римское болото». Наличие заболоченной поймы у подножья Городка служит дополнительным аргументом в пользу отождествления, а взаимное расположение городищ конкретизирует неясную фразу: «... да котореи же гражане выидоша из града и бьяхоуся, ходяще по болоту, то теи избыша плена». Прямое расстояние между синхронными укреплениями около километра, и «ходившие по болоту» осажденные имели вполне конкретную цель — укрыться в крепости, ныне именуемой Мисто, стоявшей в стороне от половецкой дороги; она не имеет следов пожара этого времени.

---

[1] Хутор Рим получил свое название от имени придорожного трактира [23, с. 59].

[2] На верхнем Посулье есть еще одно село Буримка на р. Буримка, впадающей в р. Удай. Известно с XVII в.; не обследовалось [26, с. 77].

[3] В XVI—XVII вв. здесь проходил «злодейский шлях» из степей [38, с. 150, 154].

[4] Дорога могла пересекать укрепление, огибать его по верху останца или обходить последний вдоль его северного подножия, где над болотом вьется уступ шириной 5—6 м. Сейчас этим путем прогоняют скот, а раньше, по словам старожилов, к броду чаще ездили здесь, а не через городище.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1962. Т. 1.
2. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. 1908. Т. II.
3. *Татищев В. Н.* История государства Российского. Т. IV. М.; Л.: Наука, 1964.
4. *Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. Кн. II. М., 1838.
5. *Погодин М. П.* Исследования, замечания, лекции о русской истории. Т. IV. М., 1850.
6. *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л.: Наука, 1980.
7. *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885.
8. *Ляскоронский В. Г* Городища, курганы и длинные (змиевые) валы в бассейне р. Сулы // Тр. XI АС. Т. 1. М., 1901.
9. *Грушевский М. С.* Історія України — Руси. Т. II. Львов, 1905.
10. *Орлов А. С.* Слово о полку Игореве. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
11. *Кудряшов К. В.* Половецкая степь. М.: Географгиз, 1948.
12. *Падалка Л. В.* О древних городках, городищах и насыпных валах на территории Полтавской губернии // Тр. ПУАК. 1905. Вып. 1
13. *Брудзь Л. Г.* Отчеты о краеведческой работе в с. В. Буримка за 1954—1966 гг. // Архив ИА АН УССР, ф. э. № 2227, 2493, 2739, 2901, 3171, 3352, 3500, 3711, 4599.
14. *Александров Ю. А.* Поиски древнего Рима // Знание — сила. 1968. № 8.
15. *Липкинг Ю. А.* Порубежные роменские городища Курского «княжения» // Уч. зап. Курского ГПИ. 1969. Т. 60.
16. *Александров-Липкинг Ю. А.* Далекое прошлое соловьиного края. Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1971.
17. *Липкинг Ю. А.* О чем рассказывают курганы. Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1966.
18. *Сокол М. Т.* Римов — давньоруське місто-застава // Археологія. 1977. № 21.
19. *Аристов Н.* О земле половецкой. Киев, 1877.
20. *Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях до нашествия татар. Киев, 1884.
21. *Ляскоронский В. Г* Русские походы в степь в удельно-вечевое время и поход князя Витовта на татар в 1399 г. СПб., 1907
22. *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния // САИ. 1974. Вып. Е4-2.
23. *Стрижак О. С.* Назви річок Полтавщини, похідні від прізвищ і прізвиськ // Питання ономастики. Киев: Наук. думка, 1965.
24. Слово о полку Игореве. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
25. *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.: Наука, 1972.
26. Словник гідронімів України / Сост. Железняк И. М., Корепанова А. П., Масенко Л. Т. и др. Киев: Наук. думка, 1979.
27. *Железняк І. М., Корепанова А. П., Масенко Л. Т и др.* Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках. Київ: Наук. думка, 1981.
28. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. VII. (Малороссия). СПб., 1903.
29. *Моргунов Ю. Ю.* Отчет о работе Посульской разведочной группы ИА АН СССР в 1981 г. на территории Сумской, Полтавской, Черкасской областей УССР / Архив ИА АН СССР. Р-1. № 8442.
30. *Завитневич В.* Научное значение археологических раскопок, произведенных в системе р. Сулы, в Роменском у. Полтавской губ. // Тр. Киевской духовной академии. 1887. № 8.
31. *Кашкин А. В.* Ответ о работе Центрально-Черноземного отряда ИА АН СССР в 1975 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5875.
32. *Корінний М. М., Моргунов Ю. Ю.* До питання про руйнування Кончаком переяславського Посулля в 1185 р. // УІЖ. 1984. № 7.
33. *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М.: Наука, 1971.
34. *Моргунов Ю. Ю.* Отчеты о работе Посульской разведочной группы ИА АН СССР в 1979 г., 1980 г. и 1981 г. // Архив ИА АН СССР, Р-1. № 7684, 7685, 8442.
35. *Кучера М. П.* Переяславское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв. М.: Наука, 1975.
36. *Кучера М. П.* Отчет о работе экспедиции по исследованию змиевых валов в 1979 г. // Архив ИА АН УССР, ф. э. № 9747
37. Книга Большому чертежу. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
38. *Ляскоронский В. Г* История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст. Киев, 1903.
39. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 2.
40. *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Тр. ГИМ. 1959. Вып. 33. Т. 2.
41. *Левашева В. П.* Сельское хозяйство // Тр. ГИМ. 1956. Вып. 32.
42. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие // САИ. 1966. Е1-36.
43. *Моргунов Ю. Ю.* Круглые городища Левобережья Днепра // СА. 1986. № 2.

Y Y Morgunov

ON THE STUDIES OF THE TOWN OF RIMOV MENTIONED IN CHRONICLES

Summary

More than two centuries ago historians tried to locate Rimov, a Russian borderline fortress mentioned in chronicles of the late 11th and late 12th cc. Many opinions have been voiced. The recent archaeological studies and systematisation of evidence collected todate favour an old hypothesis of V. Lyaskoronsky.

A set of Old Russian fortifications in the village of Velikaya Burimka on the lower Sula River suits the chronicle descriptions. All the three of them lie on the shortest road from Pereyaslavl to the Cuman lands on the Seversky Donets River. This hypothesis finds its substantiation in the toponimy and archaeology of the region.

The Misto settlement with its round fortifications covered the space of 0.6 hectares, the defensive rampart appeared in the early 12th c. The high butte (0.9 km to the south) was totally populated in the 11th — 13th cc. A small semicircular settlement of Kamintsi was erected on its flat summit at the turn of the 12th c. There is a fortified settlement of Gorodok, protected by the rampart 2.5 m high (it dates to the late 11th c.) nearby.

In all probability Gorodok is Rimov from the chronicles: the archaeological materials are synchronous with the chronicle dates, there are traces of a large-scale fire in the late 12th c. the fortification is the lock on the old road to the ford through the river's marshed flood-plain. Besides, the mutual location of Misto and Gorodok is the key to an enigmatic place in the Ipatiev chronicle describing the siege of Rimov.

Т. Д. ПАНОВА

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ НА ТЕРРИТОРИИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

На территории исторического центра Москвы располагались очень разные по своему характеру погребальные комплексы. Среди них — рядовые грунтовые могильники и пышные усыпальницы Архангельского и Успенского соборов, Чудова, Вознесенского монастырей. О кладбищах в Кремле упоминают письменные источники, и в отдельных случаях эти известия летописей и других документов подтверждаются при исследованиях последних лет. Некоторые же из них были впервые выявлены только при археологических работах.

Труды дореволюционных авторов, посвященные в основном храмам-усыпальницам Кремля, хотя довольно многочисленны, но малоинтересны, так как чаще всего ограничиваются перечислением погребений и описанием праведной жизни усопших [1—4].

В советской научной литературе погребальные комплексы Кремля рассматривались редко. Только в последние годы в связи с археологическими наблюдениями на его территории и вскрытиями нескольких гробниц в Архангельском соборе опубликованы некоторые данные [5—8]

Рамки статьи не позволяют рассмотреть все материалы по данной теме. Так, захоронениям из усыпальниц великокняжеской, впоследствии царской семьи в Архангельском соборе (рис. 1,*1*) и церкви Вознесения (рис. 1,*2*) будут посвящены отдельные статьи. Лишь кратко будет охарактеризован самый ранний в Кремле могильник второй половины XII— начала XIV в., так как его материалы уже введены в научный оборот [9, 10]

В работе опущены исторические сведения о монастырях и храмах, с которыми связаны те или иные некрополи.

Первые находки отдельных погребений и целых кладбищ были зафиксированы в Московском Кремле еще в XIX в. Так, в 40-х годах отмечены «забытые кладбища» возле ц. Иоанна Предтечи на Бору [11, с. 105], «каменные гробы и груды оставов человеческих» близ Спаса на Бору и теремов [11, с. 125] В 1836 г в ц. Спаса на Бору были найдены два захоронения в белокаменных саркофагах [11, с. 128, 129] Это единственный случай, когда сохранились описания погребений, рисунки гробницы и найденных в ней вещей. В 70-е годы XIX в. при реставрации Малого Николаевского дворца было обнаружено сильно нарушенное древнее кладбище [12, с. 47—49] В 1894 г на площади между зданием Суда и Арсеналом найдены деревянный гроб и несколько надгробных плит XVI в. [13, с. 215, 216] Остатки кладбища были обнаружены при строительстве в Кремле в 1898 г. памятника Александру II [14, с. 586] К сожалению, все эти сведения очень кратки, а привязки находок на местности столь приблизительны, что могут быть использованы лишь в качестве общей информации.

Самое раннее кладбище на территории Московского Кремля было обнаружено только при археологических наблюдениях, письменные источники не дают о нем никаких сведений. Оно располагалось в северной части Соборной площади и занимало территорию Успенского собора и комплекса построек Патриаршего дома (рис. 1,*3*). Наблюдения разных лет показали, что этот могильник существовал со второй половины XII и до первой четверти XIV в. В общей сложности здесь было зафиксировано более 60 захоронений.

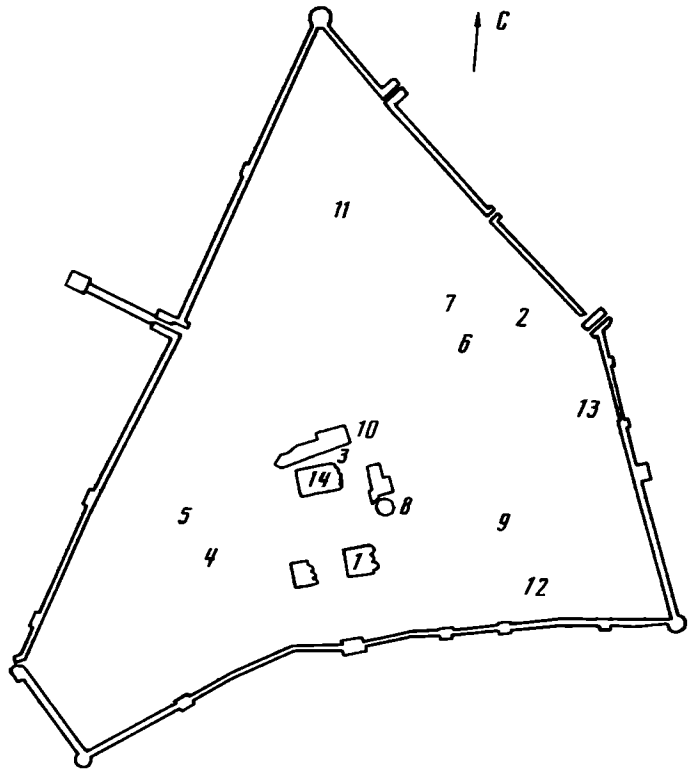


Рис. 1. Схема расположения кладбищ на территории Кремля

В некрополе представлено несколько типов погребений. Причем наиболее ранние из них (вторая половина XII — начало XIII в.) несут в себе черты языческого погребального ритуала. Так, в четырех погребениях, совершенных без гробов, отмечен типичный для вятичей инвентарь, в трех зафиксированы следы обертывания костяков берестой, что также имеет аналогии в курганном материале [15, с. 108]. Столь же характерно для курганного обряда использование деревянных долбленых колод, в которых костяки были обернуты берестой. Таких захоронений 12. Случаи применения бересты для обертывания самой колоды или покойника известны в могильниках и других древнерусских городов, например Новгорода, в XII — XIII вв. [16, с. 101; 17, с. 72] В некрополе исследованы также погребения этого времени в дубовых гробах, со слабыми следами деревянных погребальных сооружений. В 1913 г. при ремонтных работах возле Успенского собора был обнаружен белокаменный склеп. К сожалению, о находке сохранилось только краткое упоминание в записках С. С. Закатова. Часть древнего склепа была зафиксирована на расстоянии 2,58 м от северной стены и в 4 м от северного портала существующего Успенского собора, на глубине 2,54 м. В склепе находился ящик с несколькими беспорядочно сложенными скелетами. Он был выложен из белого известняка и нарушен, очевидно, в 1855 г. проложенной около него трубой отопления [18] Комментировать столь неопределенное сообщение трудно. Склепы хорошо известны в материалах Новгорода, Киева, Полоцка, где они датируются XII — XIII вв.

Из других захоронений необходимо отметить два массовых, обнаруженных при наблюдениях в Успенском соборе в 1966 г. В яме возле его южной стены, устроенной одновременно с траншеей фундамента храма 1326 г., находилось семь черепов без нижних челюстей [19, с. 158]. В северо-западном углу существующего храма были зафиксированы следы второй ямы, заполненной человеческими костями, среди которых обнаружена ритуальная поливная чашечка (рис. 2,*б*). Это также перезахоронение останков из нарушенных уже при строительстве собора Кривцовым и Мышкиным в 1472—1474 гг. древних погребений [19, с. 158, 159]

Рис. 2. Ритуальные сосуды из погребений XIV—XVI вв.

Рис. 3. Белокаменная плита захоронения митрополита Киприана (1406 г.)

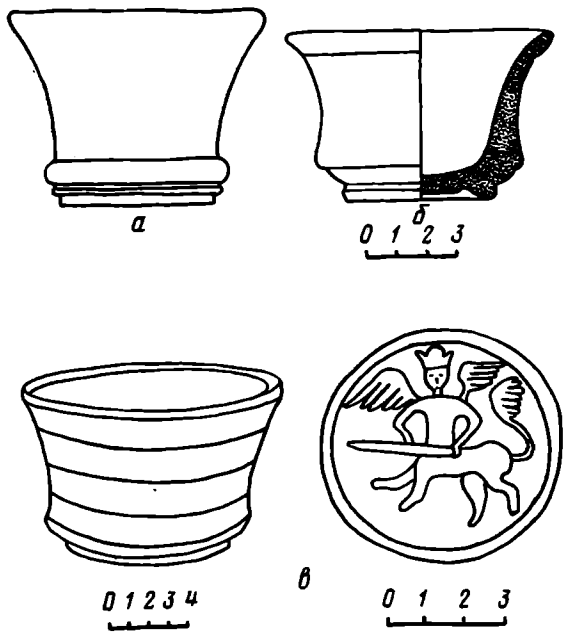


Рис. 2

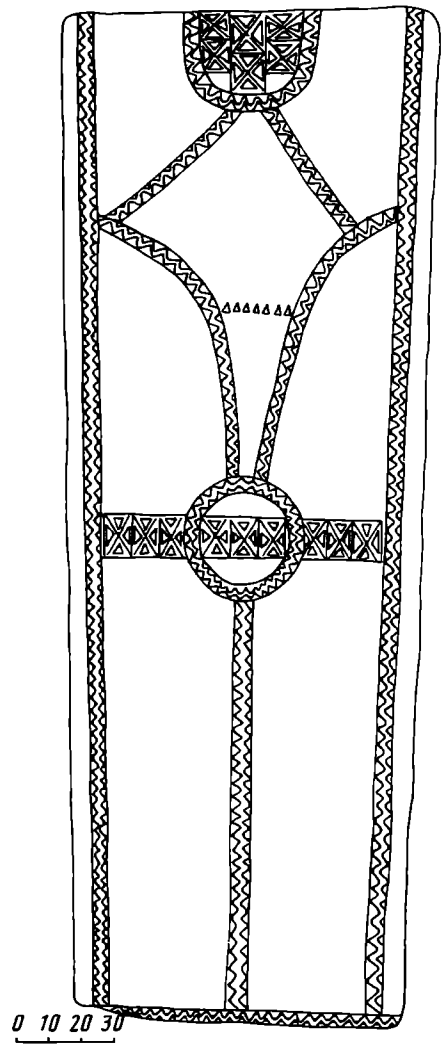


Рис. 3

Интересен тот факт, что именно на территории древнего центра столицы, возле Успенского собора, были зафиксированы самые ранние белокаменные намогильные сооружения в Москве. Впервые две плиты обнаружил в этом районе в 1913 г С. С. Закатов, оставивший не очень подробные их описания. Скелеты находились в деревянных гробах, скрепленных гвоздями и опущенных, видимо, в материк. Поверх гробов, на песчаной насыпи высотой около 50 см лежали плиты, украшенные орнаментом из крупных врезных треугольников. Из описания явствует, что рисунок на плитах был разный, хотя выполнен в одной технике. Погребения безынвентарные. В 60-х годах XX в. были найдены фрагменты еще 13 таких же намогильных сооружений, потревоженных во время строительных работ на этом участке. Пять из них — гладкие, остальные украшены рисунком из перемежающихся треугольников. Почти все плиты обнаружены к северу от современного здания Успенского собора. Только одна находилась под его полом, в межстолпном пространстве, и еще одна — в забутовке белокаменной кладки конца XIV в. возле его западного портала. Эти находки уже введены в научный оборот [9] Заполнение могильных ям под намогильными плитами прослеживалось редко, чаще всего эти памятники были смещены и разбиты. Средняя длина плит 2 м, ширина 60 см, толщина 8—10 см. Одна из наиболее ранних — неорнаментированная датируется первой половиной XIII в., остальные — второй половиной XIII — началом XIV в.

До последнего времени для Москвы и Подмосковья не были известны аналогичные вещи этого периода. Но в 1979 г при раскопках в Коломенском

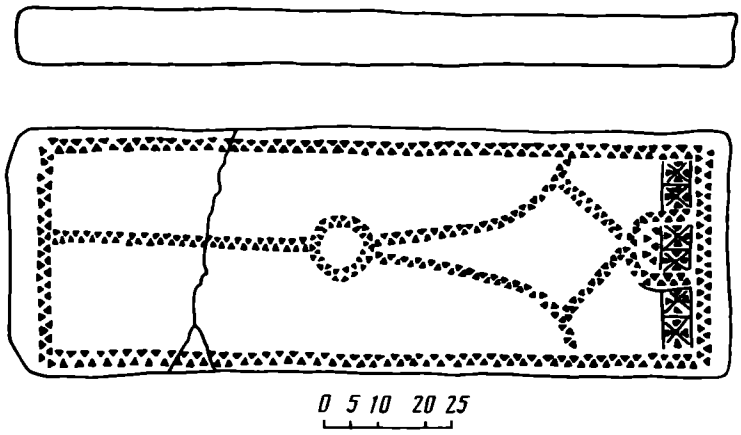


Рис. 4. Белокаменная плита из с. Коломенское (XV в.)

найдена белокаменная плита, являющаяся прямой аналогией кремлевским. Орнамент ее выполнен из врезных треугольников. Плита окаймлена лентой этого рисунка. На торцовой и боковых сторонах к этим лентам «приставлены» полукруглые клейма, ничем не заполненные. Плита сохранилась фрагментарно, но рисунок читается четко [20, с. 22, 23]

Плиты из белого камня с несколько усложненным рисунком из «волчьего зуба» были зафиксированы при исследовании погребений митрополитов Киприана (1406 г.) и Фотия (1431 г.) в Успенском соборе [7, рис. 3, *а,б*] Эти изделия (рис. 3) служили единственным связующим звеном между группой ранних намогильных памятников XIII—XIV вв. из древнего могильника и большим числом найденных в Москве и Подмосковье плит со схожим принципом орнаментации, но более поздних [7, с. 227] Но в комплексе захоронений из с. Коломенское были обнаружены две плиты из белого камня, которые являются самой близкой аналогией плите погребения митрополита Киприана (рис. 4). Их сближает техника исполнения, характер рисунка и отсутствие надписей. Датируются они первой половиной XV в. [20, с. 23—24; 21, с. 32]

На сегодняшний день эти находки представляют нам самые ранние намогильные памятники для территории Москвы. Намогильные плиты, претерпев изменения в орнаментации, остаются на протяжении нескольких столетий основным типом надгробных сооружений для данного региона.

Одним из первых летописных упоминаний о захоронениях в Кремле связаны с ц. Спаса на Бору Спасопреображенского монастыря (рис. 1,*4*). Именно этот храм в XIV в. служил усыпальницей членов княжеской семьи. В 1332 г. здесь была погребена кн. Елена, жена Ивана Калиты, в 1345 г — Анастасия, вторая жена Симеона Гордого, в 1364 г. — Александра, мать Дмитрия Донского, в 1399 г — Иван, его сын, и кн. Мария, третья жена Симеона Гордого. Отмечено в летописи погребение в храме и духовного лица — епископа Стефана Пермского. В 1473 г при каких-то ремонтных работах, возможно, после одного из многочисленных пожаров второй половины XV в., «обретоша во церкви Спаса княиню Марию великого князя Семена Ивановича наречённую во мнишеском чину Фетинию, в теле небрежену, ничим же, только риза истле; и посла князь велики по игумению Олексеевскую и повеле ея облещи во все ризы мнишеские, и облече ея» [22, с. 198]

Новые данные о погребениях в ц. Спаса на Бору были получены в 1836 г., когда под полом обнаружили два белокаменных саркофага с крышками. Эти материалы опубликованы достаточно подробно и позволяют представить характер захоронений членов великокняжеской фамилии (находки не сохранились). Одно из погребений располагалось к югу, другое — к северу от входа в притвор. Форма саркофагов и погребальный обряд сходны в общих чертах. Один из гробов содержал костяк с сохранившимися монашескими атрибутами — кожаным

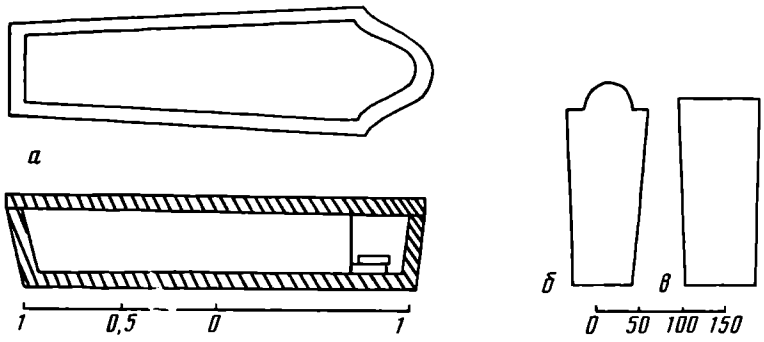


Рис. 5. Белокаменные саркофаги XIV—XVII вв.

парамандом и поясом. В ногах погребенного находилась глиняная чашечка, покрытая поливой желтого цвета (рис. 2,*а*); фрагментарно сохранились кожаные сандалии [11, с. 162]

Саркофаг, судя по рисунку, вытесан из монолита белого камня. Он имел выступающее полукруглое оголовье, слабо выраженные плечики и слегка сужался к ногам, по форме человеческого тела (рис. 5,*а*). Второй гроб аналогичен первому. В нем находился женский скелет в широком шелковом платье, в ногах которой стояла чашечка, покрытая поливой зеленого цвета. В саркофагах отмечена интересная особенность — под головы захороненных были положены кирпичи (?). Подобные каменные подушки — распространенная деталь обряда погребения, встречающаяся в захоронениях разного типа, в том числе и в каменных саркофагах, например, в Новгороде, в одном из гробов XIV в. Софийского собора [17, с. 99] К сожалению, установить принадлежность погребений в саркофагах определенным лицам, сведения о захоронениях которых в ц. Спаса на Бору в XIV в. есть в летописях, невозможно.

В Спасском монастыре существовало также обширное кладбище с рядовыми погребениями. Об этом говорит тот факт, что при сооружении в 40-х годах XIX в. фундаментов Большого Кремлевского дворца было встречено большое число человеческих скелетов и гробниц как возле церкви, так и в направлении здания Теремов [11, с. 125] В 60-х годах XX в. при земляных работах во дворе того же дворца зафиксировано захоронение в истлевшей деревянной колоде. Датировка находки затруднена, но наличие в заполнении могильной ямы красной и курганной керамики указывает на XIII—XV вв. [23, с. 35] С упразднением монастыря кладбище при ц. Спаса было закрыто в конце XV в. В это время в Кремле уже существовали другие некрополи для членов великокняжеской семьи и церковных иерархов (Архангельский и Успенский соборы, Чудов и Вознесенский монастыри). К тому же возле Боровицких ворот находился великокняжеский дворцовый комплекс, постепенно вытеснявший монастырь, дворы знати, другую застройку в юго-западной части Кремля. В письменных источниках уже с конца XIV в. нет упоминаний о погребениях каких-либо лиц в храме Спаса на Бору.

О существовании некрополя в ц. Рождества Богородицы говорит единственное летописное известие (рис. 1,*5*). В 1399 г «преставися княгини Марья Семенова Лугвенева в Литве во Мстиславле, дщи великого князя Дмитрия и привезше ю на Москву положиша в новой церкви каменной в Рожестве богородицы» [24, с. 229] Наличие в этом храме некрополя было подтверждено при ремонтных работах XIX в., когда под престолом и вдоль его северной стены обнаружили остатки захоронений. Остается сетовать на краткость сообщения об этой находке [11, с. 221]

Крупные кладбища существовали, как правило, в монастырях, не составляли исключения и два кремлевских — Чудов и Вознесенский.

Рис. 6. Белокаменная плита кн. К. Д. Зьялова (1526 г.)

Чудов монастырь служил усыпальницей для священнослужителей высших рангов. Наиболее ранний период формирования этого погребального комплекса, как и всю его историю, можно восстановить в основном по данным письменных источников и литературы XIX — XX в. (рис. 1,*б*). Первым в соборе Чуда архистратига Михаила иже в Хонех был погребен в 1378 г. создатель обители митрополит Алексий, затем бывший епископ тверской Евфимей Вислень (1392 г.), смоленский владыка Данилей (1397 г.). Однако уже в конце XIV в. из этого правила было сделано исключение, и в 1392 г. в монастыре похоронили племянника митрополита Алексия: «... преставися Данило Фофанович, а в мнишеском чину Давыд, бе истины боярин, служил великому князю в Орде и на Руси и положен бысть в монастыри близ дяди своего Алексея митрополита» [25, с. 279]. В том же году здесь был погребен Матвей — «митрополит Гречин андреянпольскы». Однако в XV в. нет ни одного летописного свидетельства о захоронениях в Чудовом монастыре, в то же время неоднократно зафиксированы упоминания о заключении в обители под стражу представителей высшего

духовенства — митрополита Исидора (1440 г.), архиепископа новгородского Феофила (1480 г.). В 1504 г. после заключения здесь скончался архиепископ Новгорода и Пскова Геннадий. Монастырь становится крупной духовной тюрьмой.

В XVI в. Чудов монастырь перестает быть местом захоронения только высших духовных лиц и монашествующей братии; все чаще в нем хоронят представителей московской знати. На территории обители обнаружена плита с погребения князя К. Д. Зьялова, умершего в 1526 г. Белокаменная плита прямоугольной формы украшена орнаментом «волчий зуб» и пятистрочной надписью (рис. 6). В 1565 г. в монастыре был захоронен казанский царь Едигер, в святом крещении Симеон.

Отдельные находки говорят о наличии в Чудовом монастыре и рядовых погребений. В 1874 г близ ц. Чуда арх. Михаила обнаружена плита с надписью «Схимник Ульян» и другая с текстом: «... в день преставися раб божий Емельян сын служилый пушкарь, во иноцех Васиан». В те же годы (1874—1878) при реставрации Малого Николаевского дворца на глубине около 2,5 м было найдено много человеческих скелетов и каменных надгробий, дубовый гробик. В литературе эти находки освещены слабо, сохранились только краткие упоминания о них. Отмечается, что после окончания реставрационных работ возле ц. Чуда арх. Михаила были перезахоронены около 2 тыс. скелетов в специальной яме, которую перекрыли сверху намогильными плитами [26, с. 156] Монастырское кладбище существовало долгое время, что привело к большой скученности погребений и нарушенности одних другими.

Постепенно Чудов монастырь превращается в усыпальницу представителей знатных московских фамилий. В церкви и на прилегающей к ней территории в XVII—XVIII вв. захоронены князья Трубецкие, Куракины, Хованские, Шербатовы, Оболенские, Троекуровы, бояре Стрешневы, Морозовы, Собакины, Бутурлины и члены их семей, включая и женщин. В стены ц. Чуда арх. Михаила были вмурованы памятные доски, отмечающие места захоронений у стен.

Священнослужителей вплоть до середины XVII в. хоронили в основном в подвальной части ц. Чуда арх. Михаила, в приделе Благовещения богоматери. В письменных источниках нет упоминаний о каких-либо погребениях на территории монастыря в конце XVIII—XIX в. Интересно, что последнее захоронение в нем было совершено в 1906 г В подклете ц. Алексея, в специально устроенном приделе преподобного Сергия, похоронен дядя Николая II, убитый в Кремле в 1905 г. эсером И. В. Каляевым.

В северной части Кремля, возле комплекса построек Чудова монастыря, находилось кладбище при ц. Кузьмы и Демьяна, построенной в 1476 г (рис. 1,7). Сведения о нем есть в письменных материалах, но выявлено оно было впервые в 1981 г.; детально исследовать кладбище не удалось. При раскопках зафиксировано 15 погребений в деревянных гробах из досок на пазах, с плоскими крышками. Захоронения впущены в ранние слои XII—XIV вв., некоторые из них заглублены ниже отметки материка. Все они безынвентарные, ориентировка их обычна. Отдельные погребения нарушены, что говорит о долгой истории этого кладбища.

Интересна находка на этом участке фрагмента белокаменной намогильной плиты с орнаментом из врезных треугольников, без надписи. Характер рисунка позволяет отнести ее к XV в. Треугольники довольно крупные, равнобедренные, со стороной 1,5 см в окаймляющих полосах и 0,9 см в тягах. Толщина плиты 11 см (рис. 7). Погребения обнаружены в нижней зоне культурного слоя на глубине 3—5 м и относятся к наиболее ранним на данном кладбище (конец XV—XVI в.). Закрыто оно было в 1657 г Церковь Кузьмы и Демьяна снесена в конце XVIII в. при расчистке места для здания Судебных установлений (ныне здание Совета Министров СССР)

В 1960 г. к востоку от колокольни Ивана Великого было обнаружено три погребения конца XV—XVI в. (рис. 1,8). Они совершены в деревянных гробах, плохая сохранность которых не позволила точно определить их форму. Возмож-

Рис. 7 Белокаменная плита XV в. (кладбище при церкви Кузьмы и Демьяна)

но, это были долбленые колоды. Ориентация их обычная, головой на запад. Могильные ямы впущены в материк с уровня горизонта конца XV—XIV в. В публикациях неоднократно приводилась найденная в одном из захоронений ритуальная поливная глиняная чашечка на кольцевом поддоне (рис. 2,*в*). Внутри, на ее днище, помещено рельефное изображение идущего влево крылатого китоврасса в короне с мечом в руках [27, с. 262] В письменных источниках нет данных о кладбище возле ц. Иоанна Лествичника, стоявшей прежде на месте колокольни; оно прослежено только археологически.

В конце XIX в. в Кремле были зафиксированы следы еще одного кладбища. При сооружении памятника Александру II под вскрытыми при земляных работах фундаментами здания приказов XVII в., стоявшего над склоном к Подолу Кремля, найдено большое число нарушенных погребений (рис. 1,*9*). Гробы оказались насквозь пробитыми дубовыми сваями, укреплявшими фундамент здания приказов. Судя по краткому описанию, в этом районе кроме регулярных одиночных погребений вскрыты также массовые захоронения людей. Конструкция гробов не описана, но есть упоминание о деревянной колоде. Сведений

о кладбище в этой части Кремля в письменных источниках нет. Археологические наблюдения 1976 г. позволили зафиксировать его еще раз. Были вскрыты шесть погребений в дощатых гробах с плоскими крышками. Ширина сосновых досок 20—30 см, толщина от 5 до 9 см. Доски соединены без гвоздей, при помощи врубок в паз. Подобная конструкция хорошо датируется аналогичными находками XVI в. в Зарядье. Это кладбище можно отнести к ц. Афанасия и Кирилла, существовавшей до 1605 г у двора Мстиславских. Возле ц. Двенадцати апостолов были зафиксированы три захоронения в гробах ящичного типа с плоскими крышками, датирующиеся второй половиной XVI—XVII в. (рис. 1,*10*). Именно об этом кладбище упоминается в «Строельной книге церковных земель» XVII в.: «Церковь святого апостола Филиппа. Под церковью земли и кладбища по нынешней мере в длину 16 сажень с полусаженью, попереч 9 сажен... кладбище тесно, порозжие земли нет» [28, с. 164]

В конце XIX в. были обнаружены следы кладбища на площади между зданиями Судебных установлений и Арсенала (рис. 1,*11*). На небольшой глубине здесь отмечены находки деревянного гроба и нескольких намогильных каменных плит XVI в. Одна из них украшена орнаментом из мелких выемчатых треугольников и надписью: «Лета 7089 (1581) мая 16 преставися раб божий инок схимник Иев Олексеев сын» [29, с. 40] На обломке второй белокаменной плиты частично сохранилась эпитафия: «Лета 7101 (1593) декабря в 16 день, на память святого пророка Аггея, преставися раба божия Анастасия...» [29, с. 43] Все эти находки связаны, видимо, с кладбищем при ц. Входа в Иерусалим, располагавшейся возле Никольских ворот на Житницкой улице Кремля. Оно было закрыто указом 1657 г. по причине недостатка свободных мест для погребения. Храм снесен в начале XVIII в., когда освобождали место для строительства Арсенала. Крупные строительные работы нарушили слой кладбища. Об этом свидетельствуют недавние неоднократные находки возле центрального входа в здание Арсенала разрозненных костей человеческих скелетов.

Единственное кладбище на Подоле Кремля находилось при ц. Константина и Елены, недалеко от Петровской башни (рис. 1,*12*). О ее существовании в этой части крепости известно с 1470 г В более поздних материалах упоминается и церковное кладбище. В 1969 г рядом с остатками кладок церкви зафиксированы и его следы. Были найдены несколько обломков белокаменных плит XVII—XVIII вв. На одном фрагментарно читается надпись: «В лето 1764. На память святого мученика Назария и Герасима преставись раб божий... ключарь... 45 лет. Тезоименитство его было января 27 дня. Погребено тело его под камнем сим» [23, с. 35] В 1976 г зафиксированы остатки кладбища возле Спасской башни Московского Кремля (рис. 1,*13*). На небольшой глубине (до 1,5 м) были обнаружены четыре белокаменных саркофага с безынвентарными захоронениями XVII в. Сохранность гробов и костяков хорошая. Один из них простой, трапециевидной формы (рис. 5, *в*), остальные — с выступающими полукруглыми оголовьями и четкими плечиками (рис. 5,*б*). Крышка саркофага № 2 украшена надписью, остальные гладкие, без эпитафий. Надпись расположена в верхней части крышки, разбитой на три куска, под плечиками и содержит 7 строк текста о погребении Марии Шереметьевой (1635 г.) Саркофаг массивный, длиной 2,15 м. Его ширина в изголовье 95 см, в ножной части — 80 см, высота вместе с крышкой 90 см. Территориально обнаруженные захоронения можно связать с подворьем Кириллова монастыря, располагавшимся через дорогу от Вознесенской обители возле Спасских ворот. Небольшое кладбище находилось при храмах, стоявших на подворье и разобранных вместе с ним в конце XVIII в. Существовало оно, судя по всему, недолгое время, так как погребения размещены на одном уровне, свободно, не нарушая друг друга. Захоронение № 2 интересно тем, что непосредственно на нем было совершено еще одно. Скелет располагался на крышке саркофага, сверху его перекрывал кирпичный свод. Ни в письменных, ни в графических материалах нет данных о некрополе в этой части Кремля — он прослежен только археологически.

Уникален комплекс погребений Успенского собора Московского Кремля. На сегодняшний день погребальный обряд глав русской церкви практически неизвестен, так как ни одно из захоронений специально для детального изучения не вскрывалось. Находящиеся в интерьере собора погребения в раках, несомненно, утратили черты древнего обряда в результате вскрытий и поновлений, о которых известно из данных письменных источников.

В Успенском соборе находится 19 захоронений русских митрополитов и патриархов. Они расположены в основном вдоль южной, западной и северной его стен. Лишь одно погребение помещено на солее у южных дверей, и два — в жертвеннике. Погребения митрополитов Петра, Феогноста, Ионы, Филиппа II и патриарха Гермогена находятся в раках, в интерьере собора; над ними сооружены сени. Над погребениями митрополитов Киприана и Фотия устроен металлический чехол, на верхней крышке которого (деревянной) помещены их надгробные изображения. Сами они устроены чуть ниже уровня современного пола храма.

Над остальными захоронениями сооружены кирпичные надгробия, заключенные в начале XX в. в металлические остекленные чехлы, позволяющие видеть установленные на боковых гранях надгробных памятников патриархов плиты с надписями, выполненными резьбой. Эти надписи опубликованы в работе И. М. Снегирева [30, с. 139, 140] Надгробные сооружения над захоронениями митрополитов полностью закрыты металлическими чехлами.

О форме погребальных сооружений данного комплекса судить очень трудно. Самые ранние из них — Петра, Феогноста и Алексия — окончательно утрачены, так как останки этих митрополитов XIV в. были со временем помещены в раки.

На сегодняшний день исследованы только намогильные плиты захоронений митрополитов Киприана (1406 г.) и Фотия (1431 г.). Сами погребения не вскрывались. Плиты представляют собой прямоугольники, очень слабо расширяющиеся к головной части, украшенные орнаментом из крупных врезных треугольников [7, с. 227] Трудно сказать, какой характер носят погребальные сооружения, в которых помещены останки митрополитов. В 1472 г они уже были потревожены и вынесены из собора на время строительства нового храма в ц. Иоанна Лествичника «под колоколы». Под 1479 г при описании перенесения захоронений митрополитов Киприана и Фотия в новый Успенский собор упомянута каменная река и сооруженные над погребениями «гробницы камены» [31, с. 196] Надгробных памятников, вопреки сведениям летописей, над ними нет. Наличие намогильных белокаменных плит, по известным на сегодня материалам, исключает использование саркофагов, что возможно выяснить только при натурных исследованиях. Место погребения митрополитов Киприана и Фотия было отмечено также с наружной стороны храма памятным белокаменным резным крестом на постаменте возле юго-западного угла собора. Это сооружение не сохранилось. Аналогичный памятный знак расположен у северо-западного угла храма снаружи и связан с захоронением митрополита Ионы (1461 г.), которое находится внутри, в его северо-западном углу. Эта интересная и малоизученная деталь обряда погребения XV в. уже отмечена в научной литературе [7, с. 233].

Об изменениях в ритуале захоронения глав русской церкви говорит находка в одном из раскопов у северной стены внутри собора белокаменного саркофага. Характер работ не позволил выявить его форму и размеры полностью, так как для изучения была доступна только боковая стенка гроба и незначительная часть крышки; захоронение не вскрывалось. Саркофаг представлял собой белокаменный ящик трапециевидной формы с выступающим оголовьем и слегка опущенными плечиками. Общая его длина 2,05 м, высота 0,45 м, толщина крышки 0,12 м. Почти всю поверхность плиты занимает надпись, выполненная глубокой резьбой. Прочесть ее не удалось, поскольку бо́льшая часть крышки была скрыта под кладкой. Надпись содержит 12 строк текста.

Казалось бы, что определить принадлежность этого саркофага не представляется сложным. Стоит только соотнести место его расположения с находящимися в интерьере собора у северной стены надгробными памятниками. Визуальные наблюдения показали, что это третье от раки митрополита Ионы захоронение. На верхней грани металлического кожуха значится имя митрополита Макария.

Но, судя по летописным данным, Макарий был последним митрополитом, похороненным у северной стены Успенского собора (останки митрополита Филиппа II были перенесены сюда только в 1652 г. и находятся на солее). Между тем следом за надгробием Макария находится еще один памятник, принадлежащий, как явствует из надписи на чехле, митрополиту Афанасию. Этот деятель церкви после очень краткого пребывания на митрополичьем месте (1564—1566 гг.) удалился на жительство «в монастырь к Михаилову Чюду» [32, с. 401]. Как известно, митрополиты, оставившие по разным причинам кафедру, уже не имели права быть похороненными в Успенском соборе. Исключение составляют митрополиты Филипп II и патриарх Иов, останки которых были перенесены в собор при Никоне. Объяснить появление погребения митрополита Афанасия в Успенском соборе трудно. В письменных материалах, в частности в летописях и в описях Успенского собора XVII в., никаких данных о его захоронении нет.

Но при внимательном рассмотрении всех надгробных памятников, расположенных вдоль северной стены храма, выясняется, что в этом ряду нет погребения митрополита Филиппа I, умершего в 1473 г. Это тем более странно, что летописи очень подробно описывают место его захоронения: «... а гроб его бе близ врат церковных северных, идеже бе гроб... митрополита Ионы, входя в северные двери церковные на правой стране» [33, с. 153]. Таким образом, Филипп I, подвижнической жизни которого уделено много места в летописях, был положен рядом с митрополитом Ионой. По письменным материалам весь северный ряд захоронений Успенского собора восстанавливается очень точно. Первым в северо-западном углу «против... митрополитов Киприана и Фотия» [32, с. 114] был погребен Иона, следом — Филипп I, затем, «на северной стране»,— митрополит Геронтий [33, с. 221]. Митрополиты Симон и Макарий, судя по описям собора XVII в., также похоронены у его северной стены. Все эти лица в прослеженном по летописям порядке упоминаются и в описях собора начала XVII в. [34, с. 347]. В этом источнике не могло упоминаться погребение Филиппа II, перенесенного в Успенский собор только в середине века. Нет сомнений, что речь здесь идет именно о митрополите Филиппе I. Отсутствие этого захоронения было отмечено Н. А. Скворцовым [26, с. 219].

В настоящее время в северном ряду находятся, как гласят надписи на металлических чехлах, погребения Ионы, Гермогена, Симона, Макария и Афанасия. Если учесть все вышеизложенное, то тогда обнаруженный и частично обследованный у северной стены собора саркофаг должен принадлежать митрополиту Симону, занимавшему престол в 1496—1511 гг. Но надпись на крышке совершенно не характерна для этого времени. Несомненно, что решение загадки об исчезновении погребения Филиппа I возможно только при натурном изучении саркофагов, находящихся под полом собора. Заканчивая описание некрополя Успенского собора, перечислим все расположенные в нем погребения.

В жертвеннике храма в рамках находятся останки митрополитов Петра (1326 г.) и Феогноста (1353 г.) (рис. 8, *1,2*). В юго-западном углу собора лежат Киприан (1406 г.) и Фотий (1431 г.) (рис. 8, *3, 4*). Вдоль северной стены захоронены митрополиты Иона (1461 г.), Геронтий (1490 г.), Симон (1511 г.), Макарий (1564 г.) и Афанасий (1566 г.) (рис. 8, *5—9*). У южной двери на солее — Филипп II Колычев (1570 г., в соборе с 1652 г.) (рис. 8, *10*). Вдоль южной стены погребены патриархи Иов (1607 г., в соборе с 1652 г.), Филарет (1633 г.), Иоасаф (1642 г.) и Иосиф (1652 г.) (рис. 8, *11,13—15*). Вдоль западной,

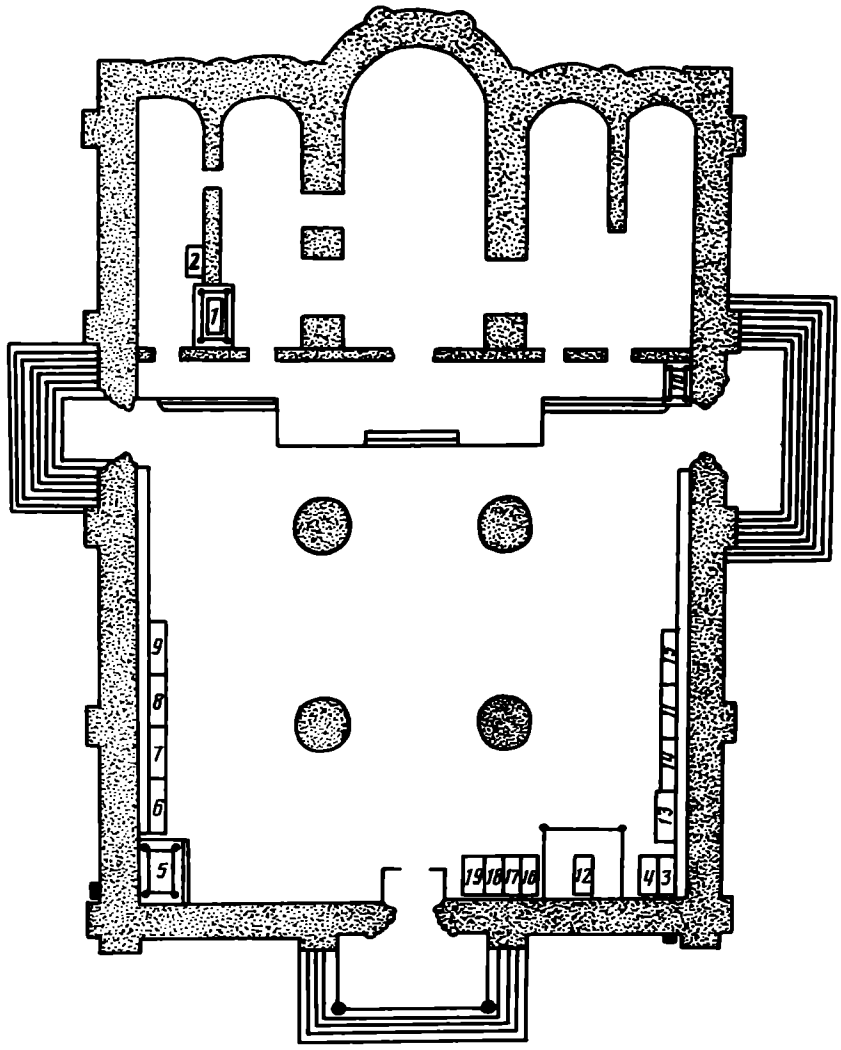


Рис. 8. Схема расположения захоронений в Успенском соборе

справа от дверей — патриархи Гермоген (1612 г.), Иоасаф (1672 г.), Питирим (1673 г.), Иоаким (1690 г.) и Адриан (1701) (рис. 8, *12, 16—19*). В Успенском соборе нет захоронения митрополита Алексия (1354—1378 гг.). Оно находилось в Чудовом монастыре Кремля, откуда в XX в. было перенесено в ц. Богоявления. Единственное погребение в Успенском соборе светского лица — князя Юрия Даниловича, внука Александра Невского, находившееся в Дмитровском приделе, не сохранилось. Последнее упоминание о нем относится к концу XV в. [35, с. 203]

Таким образом, для восстановления обряда погребения высших церковных иерархов данных немного. Но даже эти незначительные материалы позволяют проследить несомненные его изменения на протяжении веков.

Исследования некрополя Успенского собора помогут реконструировать погребальный обряд в полной мере, во всех его деталях и решить некоторые спорные вопросы, которые возникают даже при простом визуальном наблюдении над надгробными памятниками, стоящими у северной его стены.

На территории Московского Кремля выявлены и изучены разновременные и разнохарактерные погребальные комплексы. Наиболее интересны особенности обряда захоронения древних москвичей. Самый ранний грунтовый могильник второй половины XII — начала XIV в. дает несколько типов погребений, среди которых выделяются некоторые с типично вятическим курганным инвентарем. Это свидетельствует о пережитках язычества в погребальном обряде населе-

ния ранней Москвы, даже в городе не утратившего характерных черт племенного наряда. Находки вятических вещей в погребениях древнейшего некрополя Москвы, пусть и немногочисленные,— явление достаточно редкое для городских кладбищ земли вятичей. Племенные наряды обычно встречаются только в сельских курганных захоронениях. Сохранение отдельных черт языческого погребального обряда в городском могильнике вполне объяснимо для вятической территории, процесс христианизации которой был очень длительным и сложным.

Материалы древнейшего кладбища Московского Кремля могут быть привлечены также к решению важного вопроса о ранней дате Москвы, столь бурно обсуждавшегося в начале 60-х годов [36—38] Самые древние захоронения, как отмечают все исследователи этого комплекса [9, с. 147; 19, с. 162], датируются серединой — второй половиной XII в. Как нам кажется, это очень важное свидетельство того, что заселение Боровицкого холма началось не ранее первой четверти XII в. Мысль о более ранней дате освоения этой территории (к XI в.) неизбежно приходит в противоречие с фактом отсутствия погребений этого времени (получается, что на протяжении минимум 50—80 лет жизни раннемосковского поселения здесь вообще не хоронили умерших).

На материале древнейшего могильника выявляется начальный период использования белокаменных намогильных сооружений в Москве и Подмосковье. Гладкие, орнаментированные выемчатыми треугольниками плиты появляются в захоронениях XIII — начала XIV в. и превращаются в дальнейшем в широко распространенную форму намогильных сооружений, используемых высшими и средними слоями населения средневековой Москвы. В XIV—XV вв. несложный по характеру орнамент наносился крупными равнобедренными треугольниками, эпитафии отсутствовали. В конце XV—XVI в. рисунок на плитах усложняется, треугольники приобретают вытянутую форму и становятся мелкими, появляются надписи. Причем надписи в это время носят подчиненный характер, так как сделаны после нанесения рисунка и часто находят на орнамент, втиснуты между его элементами (тягами, розетками) или разорваны ими. К 80-м годам XVI в. расположение рисунка на плите меняется, что позволяет делать четкие эпитафии. Это вполне подтверждают находки с территории Кремля. Так, например, на трапециевидной плите 1526 г. князя К. Д. Зьялова надпись помещена в верхней ее части до дуговых тягов, причем верхнее клеймо орнамента заставило мастера-резчика разделить первую строку на две части. Аналогично расположена надпись на надгробии 1516 г приведенном в работе В. Б. Гиршберга [29, с. 119] В этой же публикации приведены данные о плитах середины XVI в. с орнаментом, элементы которого перекрыты строками надписей [29, т. IV (2,3)] Во второй половине XVI в. в расположении на плитах орнамента и эпитафии наблюдается большее равновесие. Это подтверждает плита схимника Иева 1581 г на б. Сенатской площади Кремля и другие изделия.

Таким образом, по материалам Москвы можно четко определить время наибольшего распространения самого древнего типа намогильных памятников в виде плит прямоугольной формы с орнаментом «волчий зуб». Это вторая половина XIII—XVI в. Хорошо прослеживается и эволюция этого орнамента на протяжении трех веков.

На территории Московского Кремля найдены сооружения, представляющие совсем иную традицию в погребальном обряде средневековой Москвы, развивавшуюся параллельно описанной выше. Захоронения в некоторых некрополях были совершены в белокаменных саркофагах трапециевидной формы с выступающим округлым оголовьем. Особенностью усыпальниц, где встречены такие сооружения, является их престижный характер. Все они служили для погребения членов великокняжеской, впоследствии царской фамилии. Один из саркофагов зафиксирован в некрополе глав русской церкви в Успенском соборе, но ввиду слабой изученности этого комплекса пока трудно говорить, насколько широко они здесь представлены.

Самые древние саркофаги антропоидной формы на территории Кремля датируются второй половиной XIV в. и найдены в ц. Спаса на Бору. Для них характерны плавные очертания оголовья и плечиков. Даже по приведенным в данной работе материалам можно частично проследить эволюцию этого типа погребального сооружения, коснувшуюся в основном оформления головной части саркофага. Выступающие оголовья постепенно теряют свои плавные очертания и приобретают во второй половине XVI в. четкие, резко очерченные плечики. Исследователями уже отмечалось, что тип саркофага антропоидной формы был заимствован из Владимиро-Суздальской земли, где он известен с конца XII в. Кремлевские материалы позволяют говорить о довольно долгом периоде использования такого типа саркофага, вплоть до середины XVII в., и об изменениях его формы со временем. В отличие от намогильных плит белокаменные саркофаги оформлены очень просто. Их крышки украшали только надписи, выполненные в различной технике и появляющиеся на рубеже XV—XVI вв. В XVII в. гробы антропоидной формы стали использоваться в Кремле более широко, не только в царских усыпальницах.

На кладбищах с территории Московского Кремля зафиксированы погребения в простых деревянных гробах. Их типы изучены слабо, причиной чему плохая сохранность дерева и сложные условия наблюдений. Отмечены в основном гробы ящичного типа с плоскими крышками на пазах, хорошо известные по материалам раскопок в Зарядье.

Интересной особенностью захоронений на территории Москвы является наличие в них ритуальных сосудов. Это было замечено еще в XIX в. Впервые глиняные поливные чашечки обнаружили в двух погребениях XIV в. из ц. Спаса на Бору. В середине XIX в. подобный сосуд найден при вскрытии захоронения Дмитрия Донского в Архангельском соборе. Один из этой серии ритуальных предметов в XV в. был помещен в яму, содержавшую массовое перезахоронение человеческих останков и обнаруженную под Успенским собором [19, с. 158]. Пять поливных сосудов найдены при исследовании рядовых погребений в деревянных гробах на кладбищах Чудова и Вознесенского монастырей. Этот обычай прослеживается по данным кремлевских некрополей вплоть до второй половины XVII в. Со временем меняется только характер этих сосудов. В XIV—XV вв. в погребения ставили простые глиняные поливные чашечки. В первой половине XVI в. в захоронениях появляются сосуды из других материалов (стекло, металл). Наиболее разнообразную коллекцию ритуальных сосудов составили находки в некрополях царской фамилии из Архангельского собора и ц. Вознесения. В письменных источниках сохранились указания по совершению обряда захоронения, где упоминаются эти ритуальные предметы [39, стб. 245] Но интересно, что известные на сегодняшний день усыпальницы других русских средневековых городов подобного материала не содержат. Есть находки глиняных горшков в захоронениях начала XIII в. в Юрьевом монастыре [40, с. 207] и XIV в. в ц. Спаса на Ковалеве [41, с. 24] в Новгороде. Но в данном случае мы имеем дело с пережитками тризны, так как во всех этих погребениях рядом с сосудами зафиксированы остатки поминальной еды (яичная скорлупа, кости и чешуя рыб). В некрополях же с территории Московского Кремля эти сосуды носили иную смысловую нагрузку — в них помещали оставшийся после соборования елей.

Топография кладбищ в Кремле может служить также подтверждением тех тенденций в развитии общей застройки древнего центра Москвы, которые прослеживаются по другим данным. Постепенное превращение Кремля в пышную резиденцию главы русского государства влекло за собой вытеснение с его территории не только рядовых построек, но и дворов знати, монастырей и т. д. Это же касалось и погребальных комплексов. В XV в. перестают функционировать некрополи ц. Спаса на Бору и Рождества богородицы, в XVII в. царским указом закрываются все кладбища при кремлевских церквях. Исключение составляют только усыпальницы членов царствующего дома (Архангельский собор, ц. Вознесения), глав русской церкви (Успенский собор) и знати (Чудов

монастырь). Именно в этих некрополях зафиксированы находки большой серии дорогостоящих белокаменных саркофагов и намогильных плит, что позволяет четко проследить социальную принадлежность того или иного погребального комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пшеничников А.* Краткое историческое описание первоклассного Вознесенского монастыря в Москве. М., 1894.
2. *Ратшин А.* Полное собрание исторических сведений о монастырях и церквях в России. М., 1852.
3. *Лебедев А.* Московский кафедральный Архангельский собор. М., 1880.
4. *Левшин А.* Историческое описание... Московского Большого Успенского собора... М., 1783.
5. *Кучкин В. А.* Захоронение Ивана Грозного и русский средневековый погребальный обряд // СА. 1967 № 1.
6. *Шеляпина Н. С.* Надгробия XIII—XIV вв. из раскопок в Московском Кремле // СА. 1971. № 3.
7. *Шеляпина Н. С.* Надгробия Киприана и Фотия в Успенском соборе Московского Кремля // СА. 1973. № 4.
8. *Векслер А. Г., Рабинович М. Г Шеляпина Н. С.* М. М. Герасимов и история Москвы // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М.: Наука, 1973.
9. *Шеляпина Н. С.* Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963—1965 гг // МИА. 1971 г. № 167.
10. *Шеляпина Н. С.* Археологические исследования в Успенском соборе // МИ ГММК. 1973. Вып. 1.
11. *Снегирев И. М.* Памятники Московской древности. М., 1842—1845.
12. Вестник общества древнерусского искусства. Кн. 6—10, раздел IV. М., 1875.
13. АИЗ. 1894. № 6—7
14. Памятник императору Александру II в Кремле Московском // Строитель. 1898. № 15—18.
15. *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.
16. *Строков А. А.* Раскопки в Новгороде в 1940 г. // КСИИМК. 1945. Вып. XI.
17. *Монгайт А. Л.* Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде // КСИИМК. 1949. Вып. XXIV
18. *Закатов С. С.* Раскопки в Московском Кремле // Архив ИА АН СССР Рукопись.
19. *Беленькая Д. А.* Археологические наблюдения в Успенском соборе в 1966 г. // МИА. 1971. № 167
20. *Беляев Л. А.* Музей-усадьба Коломенское. Археологические исследования 1979 г // Архив ИА АН СССР Р-1. № 7724.
21. *Беляев Л. А.* Музей-усадьба Коломенское. Археологические исследования 1978 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1 № 7034.
22. Софийские летописи // ПСРЛ. 1853. Т VI.
23. *Шеляпина Н. С.* Отчет об археологических наблюдениях в Московском Кремле 1967—1969 гг. // Архив ГММК. Ф. 20. № 23.
24. Симеоновская летопись // ПСРЛ. 1903. Т. 18.
25. Московский летописный свод XV в.//ПСРЛ. 1949. Т. XXV
26. *Скворцов Н. А.* Археология и топография Москвы. М., 1913.
27. *Воронин Н. Н., Рабинович М. Г* Археологические работы в Московском Кремле // СА. 1963. № 1.
28. *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. Ч. 2. М., 1891.
29. *Гиршберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. // НЭ. 1960. Вып. 1.
30. *Снегирев И. М.* Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. М., 1873.
31. Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. 1965. Т 11. 12.
32. Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. 1903. Т 13. Ч. 1.
33. Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. 1897 Т. 11.
34. РИБ. 1876. Т 3.
35. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. 1859. Т. 8.
36. *Розенфельдт Р Л.* К вопросу о начале Москвы // СА. 1957 № 4.
37. *Равдина Т В.* Еще раз о датировке древнего слоя Москвы // СА. 1963. № 1.
38. *Векслер А. Г* К вопросу о древнейшей дате Московского Кремля // СА. 1963. № 1.
39. РИБ. 1880. Т 6.
40. *Каргер М. К.* Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // СА. 1946. Т. VIII.
41. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг М.; Л.. Изд-во АН СССР, 1941.

T D. Panova

BURIAL COMPLEXES IN THE MOSCOW KREMLIN

Summary

The burial complexes in the Moscow Kremlin are extremely varied: there are cemeteries with simple burial constructions and mass burials, synchronous to them sumptuous burials of the Grand Prince family and the necropolice of the top Russian clergy. The earliest of them, which exhibits many survivals of the mound burial rite, dates between the latter half of the 12th and early 14th cc. There are the earliest in Moscow white-stone tombs ornamented with carved triangles. Later such grave stones became extremely popular. We know practically nothing of the rites with which the higher chruch nobility was buried in the Assumption Cathedral. The most evident feature is the use of both grave-stones and white-stone sarcophagi. Gradually, cemeteries of the common people disappeared from the Kremlin. By the late 17th century the Kremlin had become the burial place of the tsar family (The Archangel Cathedral and the Ascention Church), of the top clergy (the Assumption Cathedral) and of the nobility (The Chudov Monastery).

Дискуссии

ОТ РЕДАКЦИИ

Публикуя две рецензии советских авторов на сборник «Марксистские перспективы в археологии», изданный в Кембридже в 1984 г редакция журнала «Советская археология» надеется, что в порядке дискуссии на эту тему откликнутся и другие читатели журнала. Напоминаем также, что указанная работа была рассмотрена на специальном заседании методсеминара ИА АН СССР, результатом чего и явился критический обзор В. И. Гуляева и Е. Н. Черных, а также рецензия Ю. Н. Захарука на этот сборник.

В. И. ГУЛЯЕВ, Е. Н. ЧЕРНЫХ

ПЕРСПЕКТИВЫ МАРКСИЗМА В ЗАПАДНОЙ АРХЕОЛОГИИ
(Marxist perspectives in archaeology / Ed. Spriggs M. Cambridge, 1984. 158 p.)

Эта книга представляет собой как бы своеобразный итог размышлений группы археологов из разных стран Старого и Нового Света о настоящем и будущем своей науки. Авторский коллектив сборника состоит из 12 видных ученых (археологов, историков, этнографов, социологов) США, Англии, Дании, Италии и Мексики. Редактором и составителем книги является профессор Гавайского университета (Маноа) Мэтью Сприггс.

Работа привлекает внимание и тем, что ей присуща достаточно четкая внутренняя структура: все статьи-главы распределены по трем основным разделам, охватывающим проблемы древней экономики, идеологии и социальных изменений.

Сам М. Сприггс, статьей которого открывается рецензируемый сборник, подчеркивает, что цель этой коллективной монографии — представить научной общественности ряд марксистских идей, приложенных к археологическим материалам. «Идеи марксизма в археологии,— пишет он,— должны помочь в практическом осуществлении нашей работы и в повышении ее интерпретационного уровня» (с. 6). В то же время редактор-составитель предупреждает читателей, что книгу не следует рассматривать как попытку изложить и представить концепции какой-то единой марксистской «школы» в археологии. «Выбор статей, представленных здесь, сделан намеренно эклектичным и призван показать все разнообразие марксистских течений (в западной археологии.— *В. Г* и *Е. Ч.*) по вопросам, имеющим интерес для археологов. Авторы рассматривают несколько крупных проблем и нередко делают это с далеко отстоящих друг от друга позиций...» (с. 3, 4). Однако они, даже при различном толковании исследуемого вопроса, дискуссий, как правило, между собой не ведут. В книге представлены скорее лишь исходные материалы для будущей широкой дискуссии, в которой, как нам кажется, непременно должны принять участие и советские археологи. Именно поэтому сам сборник, несмотря на единый (хотя бы на словах) концептуальный подход и структурную упорядоченность, отражает лишь первые, во многом еще спорные поиски и разработки наших западных коллег по применению идей марксизма в археологии.

«Марксистские перспективы в археологии» — не первая публикация подобного рода в странах Запада [1], но зато самая полная и разнообразная. Именно

это дает нам хорошую возможность внимательно рассмотреть и оценить столь новое и необычное явление в западной (прежде всего англо-американской) археологической науке, как марксистское направление или, точнее, разного рода марксистские течения.

В 1986 г содержание кембриджского сборника было подробно обсуждено на специальном заседании Методологического философского семинара Института археологии АН СССР И хотя в большинстве выступлений критические ноты в оценках явно преобладали над позитивным началом, нам кажется, что было бы явной ошибкой как «с порога» отрицать значимость этих марксистских тенденций в западной археологии (под предлогом их отклонений от теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма), так и «петь им хвалу», умиляясь по поводу самого факта появления «марксистов» в рядах буржуазных археологов. Марксистские течения в общественных науках на Западе (включая и археологию) — явление сложное, противоречивое и неоднозначное. Мы за открытый, прямой диалог с нашими западными коллегами по вопросу о значении марксизма-ленинизма для развития современной археологической науки. Марксизм — не догма, не застывший свод схоластических заповедей, и советские ученые всегда выступали за творческое развитие теоретического наследия Маркса, Энгельса и Ленина. Однако вместе с тем следует проводить четкое различие между искренним желанием дальнейшего развития идей марксизма и их ревизией («улучшением» и «дополнением»), какими бы красочными одеждами она ни прикрывалась.

Мы считаем полезным для того, чтобы лучше понять взгляды авторов кембриджского сборника, предпослать их анализу краткий экскурс в историю развития марксистских направлений в археологии и этнографии США и Западной Европы [2] Марксизм как философское учение в среде западных ученых-обществоведов имеет достаточно длительную и прочную традицию. Однако марксистская методология по преимуществу развивалась в сфере таких наук, как экономика, история, культурология, социальная и культурная антропология. В гораздо меньшей степени отразились марксистские концепции в археологии стран Запада. Практически с конца 30-х и до середины 50-х годов единственной крупной фигурой, в целом придерживающейся марксистских идей в археологических исследованиях, был выдающийся английский археолог Вир Гордон Чайлд (1892—1957). Ученый совершенно исключительной эрудиции и продуктивности (им опубликованы 22 монографии и свыше 220 статей), он открыто провозглашал в качестве основы для своих научных изысканий исторический материализм. «...Средства производства и производственные отношения,— писал Г Чайлд,— взаимозависимы в том смысле, что каждая технология может функционировать только в рамках соответствующей экономической системы или же системы распределения производимого продукта и что производственные отношения в свою очередь в долгосрочном плане определяют идеологическую надстройку... Или, если сказать кратко, все, что мы называем материальной культурой, определяет культуру духовную...» [1, с. 53]

Руководствуясь этими воззрениями, ученый сумел наметить в ранней истории человечества два важных рубежа. Первый из них, названный «неолитической революцией», был связан с решительными изменениями в стратегии добывания пищи — переход от присваивающего хозяйства (охота, рыболовство и собирательство) к производящему (земледелие и скотоводство). Второй, более поздний (так называемая «городская революция») привел к возникновению древнейших на земле раннеклассовых городских цивилизаций (Месопотамия, Египет, Индия и т. д.) [2, с. 29—32; 3, с. 193—227] Отнюдь не все в работах Г Чайлда устраивало советских археологов: его справедливо критиковали за слабое внимание к социальным отношениям в раннеклассовых обществах, за преувеличение роли диффузионизма в развитии древних культур и т. д. Однако в целом значение его трудов и принципиальная материалистическая позиция оцени-

вались нашей критикой весьма высоко [4, с. 5—16; 5, с. 3—18; 6, с. 44, 46] И хотя после смерти Г Чайлда в 1957 г. выяснилось, что у него нет на Западе прямых учеников и продолжателей, воздействие его работ и его идей на практическую деятельность ряда крупнейших археологов США и Западной Европы вряд ли приходится отрицать (можно сослаться здесь на труды Роберта Брейдвуда, Гордона Уилли, Роберта Мак Адамса и др.) [7—13] Все значение теоретического наследия выдающегося английского археолога его коллеги стали осознавать и изучать лишь в последнее время. Не случайно, что только за 1980—1981 гг. на Западе появилось сразу три монографии, посвященные различным аспектам научной деятельности Г Чайлда [14—16]

Тем не менее основную часть своих теоретических концепций западная археология черпала и черпает из социальной (культурной) антропологии, т. е. из этнографии в нашем понимании этого слова. И когда в США и Западной Европе в 60—70-е годы в общественных науках резко возросло влияние идей марксизма, это не могло не отразиться со временем и на концептуальной базе западных археологов. Процесс успешного распространения марксизма в буржуазной антропологии за последние полтора десятилетия связан, по мнению ряда советских и зарубежных исследователей, с общим глубоким теоретическим кризисом, охватившим в 50—60-е годы западное обществоведение. «Рост интереса к марксизму в буржуазном обществоведении — явление многозначительное. Оно обусловлено всем ходом послевоенной истории: созданием мировой системы социализма, крахом колониальных империй, развитием национально-освободительного движения, ускорением темпов и изменением характера этнических процессов в развитых и развивающихся странах...» [17, с. 52] Суть проблемы состоит в том, что с распадом колониальной системы буржуазная социальная антропология (этнография) — эта «служанка колониализма» лишилась основного объекта исследований. С другой стороны, изучение социальных институтов традиционных обществ выявило глубокую противоречивость их природы, и в поисках объяснения противоречий современного мира многие этнографы и обществоведы Запада вынуждены были обратиться к марксизму.

Марксизм становится настолько популярным, что его противникам часто приходится теперь прибегать к различным формам маскировки под марксизм в виде разного рода течений «неомарксизма». Предпринимаются попытки доказать, что буржуазные социологические теории по существу не отличаются от марксистских, что «в науке Запада и Востока идет процесс идейной конвергенции и что поэтому нет нужды в идеологической борьбе» [18, с. 272] Что касается этнографии, то там данный тезис пытаются подкрепить ссылками на преобладание материалистических взглядов среди большинства западных исследователей. Однако «материалисты» тоже бывают разные. Очень часто у буржуазных ученых материализм носит вульгарный, метафизический характер. «Одни из них,— пишет Ю. П. Аверкиева,— не связывают свои материалистические выводы с идеей развития общества или, признавая лишь развитие в сфере материального производства, не распространяют его на область общественных отношений и духовной культуры, механически отрывая общественные институты от их экономического базиса. Материализм в трактовке развития экономической жизни сочетается у многих западных этнографов с идеализмом и волюнтаризмом в области социальных отношений...» [18, с. 272]

Подробный анализ различных форм «материализма» в западном обществоведении («культурный материализм» М. Харриса, «экономический материализм» С. Кука, «экологический материализм» Дж. Стюарда и др.) приводит в одной из своих работ и автор рецензируемого сборника — Филип Кол [19, с. 89—118]

Как показывают факты, идеи классиков марксизма-ленинизма изучаются сейчас этнографами Запада довольно широко. Но, к сожалению, не всегда это делается по первоисточникам. Часто свои познания о марксизме ученые получают из работ разного рода «специалистов-марксоведов», настроенных

не только антисоветски, но и антикоммунистически. Так, основатель «культурного материализма» в этнографии США Марвин Харрис «учился» марксизму не по трудам Маркса, Энгельса, Ленина, а у ревизионистов К. Витфогеля, М. Вебера и др. Естественно, что следствием такого «изучения» марксизма является ложное представление о взглядах его основоположников.

Но многие западные исследователи постигают марксизм по первоисточникам, хотя цели, которые они при этом преследуют, различны, а значит, различны и оценки значения теоретического наследия марксизма. «Одни читают труды Маркса, Энгельса, Ленина и знакомятся с работами их последователей для того, чтобы трактовать марксизм как технологический детерминизм... или как догматизм. Другие ищут в произведениях классиков марксизма ответы на волнующие их вопросы научного понимания истории общества...» [18, с. 276]

Некоторые зарубежные авторы отрицают применимость Марксова понимания истории к докапиталистическим обществам, и особенно к первобытности (К. Полани, Дж. Дальтон, Э. Террей) [20, с. 61, 65; 21] Однако преобладающим является сейчас все-таки противоположное мнение (Э. Вольф, М. Харрис, А. Бергер) [22]

Нередко буржуазные этнографы отрицают марксизм как общую и целостную научную теорию и стремятся рассматривать его как одно из многих направлений в научных исследованиях, как систему идей и предложений, требующих «дополнения», «улучшения» и «проверки» со стороны специалистов. Под маркой «проверок» и «улучшений» западные марксоведы пытаются отрицать значимость диалектического метода в марксистской философии, отбросить как «устаревшее» понятие классов и классовой борьбы, социальных конфликтов как движущей силы в развитии антагонистических обществ.

То же происходит зачастую и с такими важнейшими понятиями марксистско-ленинской исторической науки, как «способ производства», «производительные силы», «производственные отношения», «базис и надстройка», «общественно-экономическая формация». Все они ныне широко используются в работах зарубежных исследователей. Но, как показывает практика, в эти марксистские понятия нередко вкладывается чуждое им содержание. «Под способом производства часто понимается направление хозяйства данного общества (охота, рыболовство, земледелие и т. д.), и каждое племя трактуется, например, как общественная формация. Производительные силы обычно отождествляются с технологией, а производственными отношениями называют формы распределения и организации труда в процессе производства. Следствием этого являются и различные трактовки базиса и надстройки, в которых сохраняются лишь марксистские термины... Подобного рода искажения сущности марксистских понятий являются, несомненно, следствием целенаправленной буржуазной ревизии марксизма, попыток облечь в марксистские одежды концепции буржуазной социологии...» [18, с. 278]

Убедительную критику подобных приемов улучшения основополагающих категорий марксизма приводит на примере книги французского этнографа Э. Террея «Марксизм и „примитивные" общества» Ю. И. Семенов [23, с. 154—161]

Очень широко распространено среди обществоведов Запада и убеждение в том, что нет и не может быть одного монолитного учения марксизма: речь должна идти о нескольких его версиях, и чем их будет больше, тем лучше. Один из приверженцев этой точки зрения — Д. Каплан, говоря о плюрализме сегодняшнего марксизма, различные его версии объясняет разным толкованием и развитием идей Маркса современными марксоведами. Эти марксоведы и называют себя марксистами, пытаясь подвести под марксизм чуждые ему идеи и обрести авторитет своим псевдоприближением к марксизму. На деле же это различные варианты псевдомарксизма, представляющие собой правые или левые отклонения от марксистского учения или же чисто буржуазные идейные течения, спекулирующие на авторитете идей Маркса и Ленина.

Однако наряду с людьми, «заимствующими из марксизма лишь отдельные его идеи и положения и использующими их во вред не только марксизму, но и своей научной мысли, в этнографии... складывается крыло прогрессивных ученых, с уважением относящихся к... наследию классиков марксизма-ленинизма и стремящихся вести свои исследования с позиций исторического материализма...» [18, с. 279, 280]

В какой же мере все отмеченные выше в западной социальной антропологии тенденции нашли свое отражение в археологической науке Запада вообще и в содержании рецензируемой работы в частности?

Для общей оценки теоретической направленности кембриджского сборника большое значение имеет рассмотрение взглядов редактора-составителя М. Спригтса, поскольку именно благодаря его энтузиазму и упорному труду книга вообще появилась на свет.

Уже на первой странице своей статьи М. Спригтс отмечает, что его интерес к марксизму в археологии и этнографии начался с чтения случайно забытой кем-то в публичной библиотеке книжки Э. Террея «Марксизм и примитивные общества». Как уже отмечалось, подробный разбор взглядов французского этнографа Э. Террея читатель может найти в рецензии Ю. И. Семенова, опубликованной в журнале «Советская этнография» в 1975 г [23, с. 154—161] Здесь же достаточно напомнить, что французский ученый не признавал применимость идей марксизма к первобытной эпохе и вкладывал совершенно чуждое марксизму содержание в такие основополагающие понятия, как «способ производства» и «общественно-экономическая формация».

Мэтью Спригтс считает, что интерес к философии марксизма у археологов и этнографов Запада «явился результатом общего кризиса в общественных науках, широкого признания несостоятельности (теоретической, политической и практической) существующих методов вследствие крупных экономических и политических перемен, произошедших в мире после середины 50-х годов» (с. 1). Видимо, именно поэтому своеобразным эпиграфом к данной книге могли бы послужить цитируемые в ней М. Спригтсом слова французского социолога М. Годелье о необходимости «совершить теоретическую революцию в науках о человеке, революцию, которая с каждым днем становится все более необходимой, если мы хотим вывести эти науки из тупика функционалистского эмпиризма и спасти их от беспомощности структурализма перед лицом истории... Сегодня такая революция должна произойти путем перестройки этих наук на основе марксизма, радикально очищенного от всех следов вульгарного материализма и догматизма» [24, с. XII—XIII]

Таким образом, М. Спригтс, как и М. Годелье, за широкое внедрение марксизма в общественные науки, за коренную их перестройку на основе принципов марксизма. Только вот какого именно марксизма? «Марксизм,— считает М. Спригтс,— означает многие понятия для многих людей, и сегодня это отнюдь не какая-то монолитная система взглядов, как ее часто пытаются представить... В современной ситуации не может быть никакого „чистого" марксизма...» (с. 2). И далее, следуя другому своему теоретическому наставнику — А. Гидденсу [25, с. 150—153], он выделяет внутри марксизма семь направлений («функциональный марксизм», «структуралистский», «культурный материализм» и др.), каждое из которых имеет право на существование. Кто виноват в этой разноголосице? «Эта пестрота взглядов,— утверждает М. Спригтс,— зачастую отражает неясные и противоречивые описания материалистической интерпретации истории в собственных работах Маркса...» (с. 2).

Таким образом, сам редактор-составитель сборника явно придерживается плюралистского подхода к марксизму.

С другой стороны, М. Спригтс подчеркивает и то общее, что объединяет все эти разнообразные направления марксистского толка в этнографии и археологии Запада. Представители всех названных направлений «считают

Маркса своим главным духовным отцом, а свои взгляды,— как происходящие в конечном счете от развитых им идей. Однако все они также подчеркивают, что в работах Маркса есть много „устарелого" и его противоречивая и не доведенная до конца теория нуждается в критическом пересмотре, так как марксизм не может существовать... без постоянного заимствования идей из новых тенденций в общественных науках» (с. 3). Как мы уже видели, тенденции эти тоже бывают разными, и зачастую под видом «творческой доработки» концепций классиков марксизма-ленинизма происходит беспардонная ревизия самих основ марксистского учения.

М. Сприггс, ссылаясь на работы А. Хилмана, П. Гэтеркоула, К. Грегори, М. Пирсона и Дж. Гледхилла (в этом томе), подчеркивает большое значение марксистского тезиса о роли противоречий и конфликтов в развитии человеческого общества (особенно о противоречии между производительными силами и производственными отношениями), признает его применимость не только к капиталистической, но и к более ранним общественно-экономическим формациям. Что касается таких важных понятий исторического материализма, как способ производства, базис и надстройка, общественно-экономическая формация, то М. Сприггс не высказывает здесь прямо своих взглядов, отмечая лишь расхождения и споры по некоторым аспектам этих понятий, существующие в марксистских течениях обществоведов Запада (с. 4—5), например недавнее появление наряду со способами производства, выделенными еще Марксом, таких «экзотических» творений, как «африканский», «линиджный», «домашний» и «фуражный» способы производства, так и не получившие, впрочем, сколько-нибудь широкого признания (с. 5).

В заключение своей статьи М. Сприггс подчеркивает, что идеи, изложенные в данном сборнике, являются во многих отношениях предварительными и «их следует рассматривать не более чем определенный шаг в развитии марксистских направлений в археологии...» (с. 5).

Однако предварительный характер представленных в сборнике теоретических положений отнюдь не исключает необходимости хотя бы краткого критического анализа содержащихся там статей.

Попытку слияния марксизма со структурализмом представляет собой статья К. Грегори «Экономика и кровное родство: критический анализ некоторых идей Маркса и Леви-Стросса». Автор полагает, что центральной проблемой марксистской «экономической антропологии» является проблема роли кровного родства в первобытном обществе: является ли такое родство частью экономического базиса или же это идеологическая надстройка? В статье утверждается, что у Маркса, в его теории воспроизводства, совершенно не учитывается тот обмен людьми, который совершенно необходим для чисто биологического воспроизводства общества; в концепции же структурализма Леви-Стросса упор делается лишь на людской обмен. К. Грегори полагает также, что современные интерпретаторы марксизма постоянно игнорируют различие у Маркса между «производством и производительным потреблением», с одной стороны, и между «производством и потребительским производством» — с другой. «Именно эта дифференциация соответствует различиям между воспроизводством вещей и воспроизводством людей, именно здесь и кроется корень интересующей нас проблемы»,— пишет он (с. 12). Автор строит теоретические модели стадиальных соответствий, во-первых, между техническим уровнем производства пищи; во-вторых, между распределением средств производства, где в довольно странном и эклектичном смешении выступает сочетание различных элементов организации общества (род — старейшина, конфедерация — король, раб — хозяин, наемный рабочий — капиталист и т. д.); и наконец, в-третьих, между формами обмена. К. Грегори заключает свою статью словами о том, что наиболее строгий критерий превосходства одного концептуального подхода над другим — это способность его создавать наиболее убедительные теории. Однако при чтении данной работы вопросов и

недоумений остается намного больше, нежели убедительных и ясных ответов.

Если теории, выдвинутые тем или иным исследователем, не апробированы им на конкретных материалах, то сила воздействия таких идей намного снижается. Это можно сказать не только по поводу статьи К. Грегори, но и относительно Л. Бате, когда тот дает рекомендации по количественной оценке производительных сил в археологической практике. Правда, сам автор тут же замечает, что «при современном состоянии археологической науки мысль об осуществимости определения количественного уровня развития производительных сил представляется пока что не более чем плодом археологического воображения...» (с. 56). И тем не менее он же предлагает конкретные формулы таких расчетов, где исключительно «для примера» пользуется «гипотетическими числовыми величинами». Мысль о желательности подобных оценок, бесспорно, плодотворна. Однако в настоящее время совершенно невозможно оценить не только эффективность, но и простую реальность приложения данного метода к археологии.

Английский археолог Майкл П. Пирсон в статье «Социальные изменения, идеология и археологический материал» ставит важный вопрос о соотношении идеологии с материальной действительностью, с экономикой, используя для иллюстрации своих рассуждений данные по археологии железного века Дании. В принципе автор вроде бы разделяет марксистское положение о надстроечном характере идеологии. Однако он считает в то же время, что эта тема в трудах классиков как бы отходила на второй план в угоду экономике. Соответственно М. Пирсон старательно подчеркивает сравнительно независимый характер идеологии. «Идеология,— пишет он,— активная часть человеческой деятельности, и она не является чем-то внешним по отношению к тому, что люди действительно делают. Ясно, что идеология — это не только нечто духовное, противопоставленное материальной действительности, она присутствует во всей материальной деятельности...» (с. 60). Одновременно автор пытается внушить читателю мысль о том, что Маркс и Энгельс были якобы сторонниками «материального детерминизма» идеологии (с. 60).

В этих упреках нет ни грана объективности. Ф. Энгельс неоднократно подчеркивал в своих работах относительно самостоятельный и независимый характер надстроечных институтов и идеологических представлений в обществе. Идеология, говорил соратник Маркса, «в свою очередь, оказывает обратное воздействие на экономический базис и может его в известной степени модифицировать,— это мне кажется само собой разумеющимся» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 34. С. 417).

Проблема сложного взаимодействия материального и духовного начал в жизни общества, бесспорно, требует еще дальнейшей разработки, более углубленного исследования со стороны специалистов. Но попытки самого М. Пирсона приложить свои теоретические рассуждения к конкретному археологическому материалу вряд ли можно назвать удачными. Используя материалы раннежелезного века и средневековья с территории Ютландии (Дания), он стремится проследить социальное и идеологическое развитие древних обществ в этом регионе с 400 г. до н. э. по X—XI вв. н. э. Здесь бросается в глаза источниковедческая и особенно географическая узость исследуемой области, явно недостаточной для широких теоретических обобщений и выводов. Ни анализ изменений в погребальном обряде, ни изучение эволюции характера поселений на данной территории не дали автору практически никаких серьезных оснований судить о социальной трансформации местного общества на протяжении 1500 лет. Общефилософские рассуждения и теоретические модели М. Пирсона оказались слабо сопряженными с конкретным археологическим материалом. Да и сами эти теоретические постулаты автора выглядят подчас довольно противоречиво и странно. Вот как, например, подходит он к теоретическому наследию классиков марксизма. «Социальные и политические изменения в Европе после 60-х годов,— пишет он,— включали в себя возрождение и критическую переоценку

трудов Маркса в качестве основы для понимания социальных перемен и политической активности. Некоторые исповедовали «чистейшую» ортодоксальную доктрину, тогда как другие развивали более гибкие ревизионистские концепции. Последние благоприятствовали развитию разнообразных направлений, которые позволяют отделить все «устарелое» и «отжившее» в учении Маркса и исследовать вопросы, ранее не рассматриваемые марксистскими учеными сколько-нибудь глубоко. Автор настоящей статьи считает, что некоторые аспекты наследия Маркса нуждаются в пересмотре. Это касается следующих вопросов: до какой степени марксистский анализ должен использовать методологию естественных и общественных наук; детерминирована ли идеология экономикой или между ними существует гибкая взаимосвязь; пригодна ли теория противоречий и классовой борьбы для понимания социальных перемен, особенно в бесклассовых, «эгалитарных» обществах...» (с. 59). Относительно идеологии и материального производства речь уже шла выше. Что же касается теории классовой борьбы как главного объяснения развития общества, то ни Маркс, ни советские («ортодоксальные», по выражению автора) ученые никогда не пытались применять ее к доклассовому периоду: она действует лишь в антагонистических общественно-экономических формациях. Но М. Пирсон предлагает вдруг оставить эту теорию и для первобытно-общинного периода и вообще для всех докапиталистических обществ, заменив лишь термин «класс» термином «группа по интересам» и указав, что не всегда трения между такими «группами» выливаются в открытые конфликты (с. 61).

Далее он, правильно отметив, что у К. Маркса и Ф. Энгельса главное противоречие в развитии общества — это противоречие между производительными силами и производственными отношениями, вдруг заявляет: данное противоречие имеет силу лишь при капитализме (с. 62). Но в таком случае что же является главным в развитии первобытного общества, где классов (и классовой борьбы) нет, а противоречие производительных сил и производственных отношений там недействительно?

Большой интерес для читателя представляет статья датского археолога К. Кристиансена «Идеология и материальная культура: археологическая перспектива». Критически рассмотрев все теоретические концепции, существовавшие в этнографии и археологии с конца XIX в. по настоящее время, автор приходит к обоснованному выводу о том, что «марксистский метод в археологии предлагает убедительную теоретическую альтернативу по сравнению с другими современными методами...» (с. 72). При этом главное, что волнует К. Кристиансена,— это взаимосвязь идеологии, с одной стороны, и материальной культуры и бщества — с другой. Однако, как считает автор, и классическое марксистское учение само по себе не может до конца объяснить развитие докапиталистических (особенно первобытных) обществ — оно применимо только к капиталистической формации. Для выхода из данной тупиковой ситуации, по его мнению, необходимо использовать так называемый «структуралистский марксизм» — некий гибрид из идей Леви-Строса и К. Маркса (с. 74, 75), поскольку один структурализм хорош лишь при объяснении этнографических материалов (вернее — традиционных обществ) в узколокальном масштабе.

Автор справедливо считает «идеологию не пассивным отражением данного общества, а, напротив, достаточно активным фактором, который может быть использован соперничающими индивидами и социальными группами для того, чтобы установить и узаконить свое господство с помощью идеологии, связанной с обществом в целом и выражаемой в символах, социальных нормах, правилах и ритуалах» (с. 77).

Далее, он дает (с помощью этнографических аналогий) весьма убедительную социологическую интерпретацию таких типов археологических памятников, как курганы и мегалиты (дольмены, «большие дольмены» и «проходные гробницы»), и таких археологических находок, как клады, ритуальные приноше-

ния и погребальный инвентарь (с. 77—81) в Дании эпохи неолита (4000—2400 гг. до н. э.). Выводы автора выглядят вполне убедительно как в отношении социальной значимости мегалитов (святилища, связанные с культом предков, и т. д.), так и о связи их с «линиджной» организацией местных племен. Но причем здесь марксизм? Аналогичные выводы получают и те исследователи менгиров Европы, которые никогда себя марксистами не считали (например, К. Ренфрю из Англии).

К. Кристиансен рассматривает как крайне важное для марксистского подхода в археологии исследование социально-экономических процессов в древних обществах с большим хронологическим и территориальным охватом материала (с. 75). Он же подчеркивает необходимость широко использовать при интерпретации археологических данных этнографические параллели (с. 81) Нам представляется, что от подобного подхода к проблеме не откажутся и многие другие современные исследователи, а не только марксисты (см., например, работы Г Р. Уилли в Перу, Белизе и Гватемале; Р Мак Адамса в Ираке, Р Мак Нейша в Мексике и др.). Наблюдается явный разрыв между теоретическими постулатами автора и его практическими исследованиями археологических памятников.

На наш взгляд, совершенно неверно переносить категории исторического материализма непосредственно на археологический материал. Это ничего не дает ни для теории, ни для практики археологической науки. Любопытно, что автор повторяет в данном случае ошибки ряда молодых советских археологов 20—30-х годов [26, с. 100, 111], также пытавшихся, иногда весьма упрощенно, связать теорию марксизма с вещественными находками прошлых эпох. И поэтому вдвойне обидно, что К. Кристиансен не только не ознакомился с соответствующей советской литературой (частично он объясняет это незнанием русского языка), но и принципиально отказывается делать подобный шаг и в будущем, поскольку де у нас «так называемые марксистские объяснения обычно состоят из нескольких механических заявлений в конце традиционно археологического анализа» (с. 96).

Волнует западных археологов-марксистов и проблема социальных трансформаций в древности. Возможно, пример Г Чайлда подвигнул А. Гилмана наметить еще одну «революцию» в области производительных сил, связанную, однако, с гораздо более ранним периодом — переходом от среднего палеолита к верхнему (около 40—35 тыс. лет назад), когда на смену архантропу приходит новый антропологический вид — Homo sapiens.

Нередко авторы сборника выходят далеко за рамки собственно археологии и анализа археологических источников. Особенно наглядно это видно на примере статьи Дж. Гледхилла, попытавшегося приложить марксистское понятие «азиатский способ производства» к обществам доколумбовой Мезоамерики и средневекового Китая. При этом автор пытается обосновать, как пишет он сам, «сенсационную идею относительно полезности сопоставления ацтекской Мезоамерики и синхронной с ней цивилизации Китая» (с. 144).

Поводом для написания статьи послужило то, что Дж. Гледхилл считает неубедительным существующие ныне в археологии и этнографии США теоретические объяснения культурных процессов в поздней доколумбовой Мезоамерике. Изменения связываются здесь обычно с демографо-технолого-экологическими детерминистскими факторами (с. 135). Автор в противовес этим господствующим воззрениям предлагает обратиться за ответом к трудам К. Маркса, и в частности взять на вооружение его концепцию «азиатского способа производства». «Эта статья,— пишет он,— о мезоамериканской доистории (и средневековой китайской истории.— *В. Г* и *Е. Ч.*) и об общих теоретических проблемах анализа докапиталистических общественных формаций, а не упражнение в марксологии...» (с. 135).

Главная «находка» автора состоит в том, что он объявляет ацтекское общество XV—XVI вв. н. э. в Мезоамерике принадлежащим к «азиатскому

способу производства» (хотя и подвергнувшемуся уже известной трансформации) и по основным своим параметрам близким маньчжурскому Китаю XVII в.

Другое важное направление, развиваемое в статье,— разбор различных теоретических проблем, касающихся докапиталистических формаций. Автор считает себя марксистом, но марксистом «западного толка», свободным от предубеждений и полным творческих исканий. Всю советскую историографию и историографию социалистических стран Дж. Гледхилл относит к ортодоксальному, догматическому направлению в марксизме. В статье утверждается также, что «до того как Маркс прочитал Моргана, он включал государства Нового Света в число тех формаций, которые характеризуются „азиатским способом производства" (АСП). Как известно, ортодоксальный марксизм отвергает АСП» (с. 136).

Дальнейшая творческая разработка марксистской теории докапиталистических формаций выливается у автора в отрицание роли классов и классовой борьбы в древних обществах, перешедших рамки первобытно-общинного строя, в противоречие с тезисом о зависимости надстройки от базиса, и в странное толкование краеугольного марксистского понятия общественно-экономической формации (Дж. Гледхилл понимает его как полный эквивалент конкретной национальной модели той или иной формации).

И хотя в статье есть отдельные интересные рассуждения, в целом ее иначе, как попытку ревизии основных, принципиально важных положений марксизма, не назовешь. Здесь нет нужды подробно разбирать конкретные высказывания автора по поводу особенностей структуры ацтекского государства, хотя со многими его выводами вряд ли можно согласиться [27] Гораздо важнее другое. Вот уже в который раз приходится видеть высокомерно-снисходительное отношение з а п а д н о г о историка-марксиста к своим «ортодоксальным» в о с т о ч н ы м коллегам, т. е. к советской историографии. Возможно, Дж. Гледхилл не знает, что обе крупные дискуссии об «азиатском способе производства» были организованы и проведены именно в Советском Союзе (в 30-е и 60-е годы), что именно советские ученые внесли наибольший вклад в разработку этой проблемы. И если данная концепция до сих пор не получила в нашей науке всеобщего признания, то отнюдь не из-за «догматизма» и «ортодоксии», которые нам пытаются безосновательно приписать, а совсем по иным, во многом чисто научным причинам [28] В подтверждение сошлемся на слова одного из сторонников АСП, советского историка-китаиста Л. С. Васильева. Дискуссия об АСП в 60—70-х годах, пишет он, «вновь обратила внимание специалистов на многие слабости существующей в марксистской историографии жесткой однолинейной пятичленной схемы формаций, в частности на то, что подавляющее большинство не столько даже азиатских, сколько неевропейских докапиталистических обществ весьма резко, начиная с фундаментальных параметров структуры, не соответствует тем эталонам «рабовладельческого» и «феодального» способов производства, которые вот уже свыше полувека считаются у нас основой для интерпретации фактов из истории докапиталистической эпохи. Неудовлетворительность этих эталонов в ходе дискуссии стала очевидной для всех, как противников, так и сторонников пятичленной схемы. Разница была лишь в том, что первые пытались ее отвергнуть, заменив новым вариантом, тогда как последние стремились как-то подправить прежние построения — прежде всего за счет максимального расширения их внутренней емкости. Существенно поколебав пятичленную схему, дискуссия пока не привела к замене ее новой, более предпочтительной *с точки зрения удовлетворительной интерпретации фактов...*» (курсив наш.— *В. Г* и *Е. Ч.*) [29, с. 3, 4]

Вот ведь в чем дело! После серьезного рассмотрения *всех* имеющихся на сегодняшний день фактов участники дискуссии не смогли принять в качестве полноправной общественно-экономической формации общество с «азиатским способом производства».

Весьма интересна по содержанию статья археолога из США Филипа Кола

«Насилие, история и эволюционистская система взглядов». Автор приводит в ней одну примечательную мысль: археологам необходимо учитывать в своих исследованиях преднамеренные, волевые акты как общества в целом, так и различных социальных (особенно руководящих) групп в процессах завоеваний, миграций и колонизации. «Роль преднамеренности в этих процессах обычно недооценивается или же игнорируется»,— отмечает он, а все внимание сосредоточивается только на экологических, демографических или же чисто экономических факторах (с. 130). Автор выступает как решительный противник школы «экологического детерминизма», получившей недавно столь широкое распространение в западной, особенно в англо-американской археологии: «...господствующая экологическая парадигма слишком настойчиво подчеркивает пассивные, неосознанные черты процесса эволюции и провоцирует неправдоподобные или совершенно банальные реконструкции прошлого» [19, с. 112]

Для нас крайне примечательно и то, что Ф. Кол (и другие исследователи — авторы данного сборника, например П. Гэтеркоул) отстаивает активную роль археологии и археологов в жизни современного общества. Политическая, идеологическая направленность археологии становится особенно очевидной во время вспышек национализма или шовинизма в той или иной стране. Пожалуй, одним из самых ярких примеров подобного рода является использование работ известного немецкого археолога Густава Коссины (1858—1931) для обоснования расовых бредней и территориальной экспансии гитлеровского фашизма. Ф. Кол справедливо отмечает, что крайний диффузионизм (когда все культурные открытия приписываются лишь народам-избранникам), равно как и гипертрофированный автохтонизм или изоляционизм (когда все достижения объявляются лишь результатом усилий местного гения), почти неизбежно ведет к национализму и шовинизму.

Нельзя не согласиться и с одним из выводов статьи П. Гэтеркоула, который пишет: «Если ранее археология не значилась идеологической дисциплиной, то ныне она должна стать таковой. Археологи не могут больше игнорировать общественные интересы, а напротив, должны находиться в самом центре жизни, обязаны нести перед обществом ответственность в той или иной форме и более ясно видеть идеологическое содержание предмета своих исследований» (с. 150).

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что широкое распространение идей марксизма в общественных науках Запада (в том числе и в археологии) стало непреложным фактом, о чем достаточно красноречиво свидетельствует и весьма представительная библиография из рецензируемого сборника. А это в свою очередь ставит перед советской археологией ряд серьезных проблем. Во-первых, нам следует внимательно следить за работами подобного рода и давать на них своевременный отклик, принимая все полезное, дискутируя со спорными положениями и критикуя неприемлемые концепции и взгляды. Во-вторых, нам следует навести более строгий порядок и в своем собственном теоретическом «хозяйстве» — активнее и целенаправленнее разрабатывать проблемы теории и методики советской археологической науки, творчески развивать бесценное наследие классиков марксизма-ленинизма. И наконец, в-третьих, необходимо использовать все доступные и наиболее эффективные способы ознакомления зарубежных специалистов с итогами важнейших исследований советских археологов в области теории и методики нашей науки.

---

[1] Подробная библиография работ западных исследователей, использующих марксизм в общественных науках, приведена в конце статьи М. Сприггса в рецензируемом сборнике, она насчитывает уже несколько десятков статей и монографий.

[2] В Англии, США и Канаде традиционно археологию и этнографию («культурную антропологию», «социальную антропологию») вместе с физической антропологией, лингвистикой и др. объединяют обычно в одну «науку о человеке» — «антропологию».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Childe V. G.* Piecing Together the Past: the interpretation of archaeological data. L., 1956.
2. *Чайлд Г. В.* Прогресс и археология. М.: Изд-во иностр. лит., 1949.
3. *Чайлд Г. В.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Изд-во вост. лит., 1956.
4. *Арциховский А. В.* Предисловие // Чайлд В. Г. Прогресс и археология. М.: Изд-во иностр. лит., 1949.
5. *Монгайт А. Л.* Предисловие // Чайлд В. Г. У истоков европейской цивилизации. М.: Изд-во иностр. лит., 1952.
6. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Т. 1. М.: Наука, 1973.
7. *Braidwood R. J.* Prehistoric Man. Glenview, 1974.
8. *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan // Studies in Ancient Oriental Civilization. 1960. № 31.
9. Courses toward Urban Life / Ed. Braidwood R. J. // Viking Fund Publications in Anthropology. 1962. № 32.
10. Prehistoric Settlement Patterns in the New World / Ed. Willey G. R. // Viking Found Publications in Anthropology. 1956. № 23.
11. *Willey G. R.* Introduction to American Archaeology. V. 1. Englewood Cliffs, 1966.
12. *Willey G. R.* The Early Great Styles and the Rise of the Pre-Columbian Civilizations // Amer. Anthropol. 1962. V. 64. № 1.
13. *Adams R. McC.* The Evolution of Urban Society. Chicago, 1966.
14. *Trigger B.* Gordon Childe: revolution in archaeology. L., 1980.
15. *Mc Nairn B.* The Method and Theory of V. Gordon Childe. Edinburgh, 1980.
16. *Green S.* Prehistorian: a biography of V. Gordon Childe. Wiltshire, 1981.
17. *Веселкин Е. А.* Критики марксизма в англо-американской социокультурной антропологии // Пути развития зарубежной этнологии. М.: Наука, 1983.
18. *Аверкиева Ю. П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М.: Наука, 1979.
19. *Kohl P. L.* Materialist Approaches in Prehistory // Ann. Rev. Anthropol. 1981. V. 10.
20. *Polany K.* Primitive, Archaic and Modern Economies. N. Y., 1968.
21. *Terrey E.* Marxism and «Primitive» Societies. N. Y., 1972.
22. *Berger A. H.* Structural and Eclectic Revisions of Marxist Strategy: a cultural materialist critique // Current Anthropology. 1976. № 2.
23. *Семенов Ю. И.* Марксизм и первобытность // СЭ. 1975. № 4.
24. *Godelier M.* Rationality and Irrationality in Economics. L., 1972.
25. *Giddens A.* Central Problems in Social Theory: action, structure and contradiction in social analysis. L., 1979.
26. *Генинг В. Ф.* Очерки по истории советской археологии. Киев: Наук. думка, 1982.
27. *Гуляев В. И.* Город и общество в Центральной Мексике накануне конкисты // Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1982.
28. *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М.: Наука, 1977.
29. *Васильев Л. С.* Проблема генезиса китайского государства. М.: Наука, 1977

V. I. Gulyaev, E. N. Chernykh

SURVEY OF THE BOOK: M. SPRIGGS (ED.), MARXIST PERSPECTIVES IN ARCHAEOLOGY, CAMBRIDGE. 1984

Summary

The authors offer their opinion of the works of 12 Western archaeologists who use Marxist ideas to interpret archaeological evidence. They favourably assess the book as a whole, though some of the propositions evoke their constructive criticism.

Ю. Н. ЗАХАРУК

О МАРКСИСТСКИХ ПОЗИЦИЯХ В РАБОТАХ ЗАПАДНЫХ АРХЕОЛОГОВ

(Marxist perspectives in archaeology / Ed. Spriggs M. Cambridge, 1984. 158 p.)

Кембриджский сборник «Марксистские перспективы в археологии» во многих отношениях примечательное явление в зарубежной археологии. Его авторами являются археологи и антропологи ряда американских и английских колледжей, университетов, археологических учреждений, а также сотрудники музеев Мексики, Италии и Гавайских островов. Сборник состоит из пяти разделов, включая введение и заключение. Во введении его автор Мэтью Сприггс дает общую характеристику нового для зарубежной археологии марксистского подхода в археологии. Второй раздел содержит три статьи, посвященные различным проблемам палеоэкономики в свете марксистской теории. Раздел третий включает четыре статьи, в которых рассматриваются проблемы представлений и идеологии, приложения марксистских концепций к археологическим исследованиям. Три статьи четвертого раздела посвящены проблемам социальных трансформаций, в частности, в эпоху верхнего палеолита, а также в Центральной Америке накануне испанского завоевания. Пятая часть — заключение «Рассмотрение идеологии» — написана Питером Гэтеркоулом.

В рецензируемом сборнике прежде всего хочется отметить безусловный интерес его авторов к марксизму как передовой научной теории, оказывающей определяющее влияние на современное развитие всего комплекса общественных наук. Наверное, было бы ошибочным считать, что несомненный интерес зарубежных археологов к марксистской теории явление случайное, возникшее под влиянием каких-то внешних причин, не имеющих прямого отношения к внутреннему развитию самой науки и собственно мировоззренческим позициям ее исследователей. В чем же загадка марксистского феномена в зарубежной науке? Вот что говорят по этому поводу сами авторы сборника. Растущий интерес к марксистской теории в общественных науках в 60-е и 70-е годы, по мнению составителя сборника М. Сприггса, «является результатом общего кризиса в общественных науках, широкого признания несостоятельности (теоретической, политической и практической) существующих методов вследствие крупных экономических и политических перемен в мире после 50-х годов» (с. 1). Нетрудно догадаться, что в данном случае речь идет о тех радикальных и важных переменах в мире, которые произошли в результате второй мировой войны. Широко распространенное среди ученых на Западе настроение хорошо выразил автор работ по «структурному марксизму» М. Годелье, слова которого цитируются в рецензируемом сборнике: «Существует необходимость совершить теоретическую революцию в науках о человеке — революцию, которая с каждым днем становится настоятельно необходимой, если мы хотим вывести эти науки из тупика функционалистического эмпиризма и спасти их от беспомощности структурализма перед лицом истории. Мне кажется, что сегодня,— продолжает далее М. Годелье,— такая революция должна произойти путем перестройки этих наук на основе марксизма, радикально очищенного от всех следов вульгарного материализма

и догматизма» (с. 2). Как отмечается в сборнике, западная археология также оказалась затронутой кризисом. В США и Великобритании так называемая новая археология пыталась преодолеть этот кризис исходя из позитивистских и функционалистических концепций.

Пробудившийся интерес западных археологов к марксистской теории был уже связан с преодолением позитивистского тупика, вызванного отрицанием методологического значения философских теорий в научном исследовании, а также беспомощностью методов структурализма и функционализма. Определенное влияние в этом плане оказали тенденции «социокультурной антропологии». Позитивную роль, как отмечается в сборнике, сыграла упомянутая «новая археология», отстаивающая положение о том, что археологию следует рассматривать как более широкую общественную науку, которая не должна ограничиваться чисто источниковедческими, аналитическими проблемами. По мнению М. Сприггса, речь шла о создании единой науки о человеке и обществе в истории, а следовательно, о расширении самой предметной области археологических исследований и внедрении в археологию принципа научного историзма.

К середине 70-х годов значительное число западных археологов, как говорится в сборнике, стало все настойчивее проявлять интерес к марксистской теории. «Марксизм,— заявляет М. Сприггс,— не догма, и критическая установка обычна для тех, кто разрабатывает марксистские направления в общественных науках. Одной из важнейших тем данной книги является изучение пределов применения марксистских концепций, чтобы отделить живые идеи в трудах Маркса от устаревших» (с. 4). Какие же марксистские концепции привлекли внимание авторов сборника? Это прежде всего марксистские концепции материалистической интерпретации истории, вопросы и проблемы методологии исторического анализа. Особый интерес проявили авторы сборника — и это естественно — к проблемам закономерностей исторического процесса, его динамики, рассмотрению противоречий и столкновений как его основы. В качестве главных противоречий социального развития рассматриваются противоречия между производительными силами и производительными отношениями. В сборнике, в частности, справедливо критикуется точка зрения А. Гидденса, согласно которой противоречие между производительными силами и производственными отношениями характерно только для эпохи капитализма. В ряде статей рассматриваются вопросы противоречий между присвоением, потреблением и социальной организацией общества; проблемы идеологии и законности власти, соотношение идеологии и материальной культуры; проблемы, связанные с такими основополагающими категориями исторического материализма, как базис и надстройка, способ производства, место классовой борьбы в марксистской теории. Большое внимание в сборнике уделено проблемам культурной экологии, так называемого культурного материализма и эволюционализма, особо пропагандируемым сторонниками «новой археологии».

Оценивая сборник в целом, следует иметь в виду то важное обстоятельство, что его авторы вкладывают в понятие «марксизм» разный смысл, считая плюрализм, множество течений внутри марксизма положительной чертой. Отсюда в сборнике мы встречаемся с различного рода «марксизмами» — функционалистическим, структуралистическим, альтюсерианским, ортодоксальным, феноменологическим. В то же время в сборнике можно прочесть о том, что Ф. Энгельс упрощал К. Маркса, а Г. В. Плеханов и В. И. Ленин являются представителями вульгарного, механистического материализма и что в современных условиях не существует «чистого марксизма». Никак нельзя согласиться с утверждением М. Сприггса, что «такое разнообразие взглядов является отражением нередко неясного и противоречивого изложения „материалистической интерпретации истории" в трудах Маркса» (с. 2). Однако это разнообразие «марксизма», его направлений обусловлено тем об-

стоятельством, что западные последователи марксизма, стараясь «отделить живые идеи в трудах Маркса от устаревших», опираются на какую-либо импонирующую им идею, метод или принцип Маркса, рассматривая их как определяющие в марксизме. Показательно, что в одной из своих последних работ М. Спригтс пытался провозгласить «структурный марксизм» как потенциально объединяющее направление марксизма. Однако он сам вынужден был признать, что это его утверждение встретилось «со значительными трудностями».

Такой подход к марксизму неизбежно приводил к тому, что «марксистские», по терминологии авторов сборника, направления приходили в противоречие друг с другом и не согласовывались между собой. Абсолютизация какой-либо идеи или метода в марксизме неизбежно приводит к искажению сущности марксистского метода и его теории. Это не могло не сказаться на применении авторами сборника в их исследованиях категорий диалектического и исторического материализма. В марксистской концепции исторического процесса важное место занимает проблема соотношения общего (универсального) и конкретного (уникального). Абсолютизация общего или конкретного, их противопоставление друг другу неизбежно приводит к искажению их диалектической взаимосвязи и к искажению сущности марксистского метода. Не избежала этого и «новая археология», уделившая главное внимание исследованию универсальных «законов человеческого поведения», поиск которых, как отмечено в сборнике, «еще не дал существенных результатов». Исследователь, действительно руководствующийся марксистской методологией при изучении закономерностей исторического процесса, должен «видеть и лес и деревья», ибо только в результате диалектического синтеза универсального и уникального речь может идти о марксистском решении проблем. Следует отметить, что некоторые из авторов сборника проявили стремление к преодолению указанных крайностей абсолютизации универсального или уникального. Цитируемый в сборнике Ф. Кол заметил по этому поводу, «что попытка проведения сравнения различных обществ является законной и уместной, но эти усилия не должны затмевать и превратно толковать фундаментальные различия между обществами, которые должны объясняться с точки зрения конкретного исторического развития каждого общества» (с. 5). Проблема приложения в археологических исследованиях философских категорий общего и конкретного является одной из актуальнейших проблем марксистской археологии. Классическим образцом приложения этих категорий к историко-этнографическим исследованиям в этом плане остается труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В нем дано, с одной стороны, теоретическое обоснование структурной единицы первобытнообщинного строя — родовой организации, а с другой — показана конкретная история родового общества в Греции, Риме и у германцев.

С проблемой соотношения категорий общего и конкретного в историко-археологическом исследовании тесно связана проблема приложения других категорий исторического материализма, в частности категории способа производства. Заявляя, что существующие расхождения во взглядах среди значительной части антропологов-марксистов не касаются «самого понятия способа производства», составитель сборника отмечает, что в последние годы кроме классических марксовых определений формационных способов производства были предложены также и другие, в том числе «африканский», «родовой», «домашний», а совсем недавно и «фуражный способ производства» (с. 4, 5). Один из авторов сборника, например, поддерживает деление способов производства на «ориентированные на сбор дани» и «определяемые родственными отношениями». Такое расширительное понимание и толкование формационной категории способа производства приводит к его размыванию, точнее говоря, к ревизии. В связи с обсуждением в сборнике вопроса обоснованности выделения того или иного «способа производства» некоторыми авторами был поставлен вопрос о возможной увязке способов производства

с соответствующими пространственными единицами анализа. Является ли одно конкретное общество, изучаемое антропологами, этнографами в нашем понимании, достаточной единицей для анализа более крупных социально-экономических систем. Как видим, и в этом случае речь идет о той же проблеме соотношения общего (универсального) и конкретного (уникального) в историческом исследовании.

Как заметил составитель сборника, статьи в нем подобраны «эклектически», что преследует цель лишь дать представление о марксистском толковании вопросов, представляющих интерес для археологов. В сборнике поднимаются принципиально важные проблемы философского, гносеологического и методологического характера. Показательна в этом отношении статья М. Роулендса «Объективное и субъективное в археологии». Трудно дать обстоятельный анализ и оценку этой сложной и многоаспектной темы в изложении М. Роулендса. Поднятые в статье вопросы образуют сложный узел проблем, который связан с исследованием и толкованием категорий субъективного и объективного как в социальной действительности, так и в научном познании, в том числе и археологическом. Укажу лишь на те вопросы и проблемы, которые так или иначе рассматриваются в статье: диалектика прошлого и настоящего в историческом познании; дихотомия между реальностью и мыслью, объективными структурами и социальными действиями; роль интуиции и воображения в постижении прошлого; различие между наукой и идеологией, или, как считает М. Роулендс, объективным и субъективным знанием; проблема взаимоотношения между культурой и историей в археологическом исследовании. Что же касается непосредственного понимания М. Роулендсом субъективного и объективного, то, как нетрудно убедиться, он отождествляет последние с объективизмом и субъективизмом. Объективизм и субъективизм представляют собой две противоположные мировоззренческие и гносеологические концепции в теории познания. Нельзя согласиться с М. Роулендсом, когда он заключает: «...археология не может вырваться из крепких объятий двух четко очерченных интеллектуальных концепций, которые можно охарактеризовать как либо/либо» (с. 112) То есть либо объективизм, либо субъективизм. Напротив, археология вполне может вырваться «из крепких объятий» объективизма и субъективизма, и путь к этому указывает марксистская теория. Последняя отвергает объективизм и субъективизм как концепции теории познания. Вместе с тем марксизм признает различие объективного и субъективного, всячески подчеркивая диалектику объективного и субъективного, как в жизни общества, так и в научном познании. При этом следует особо подчеркнуть, что категории «объективное» и «субъективное» не являются категориями, с помощью которых проводится грань между материализмом и идеализмом. Субъективизм начинается, когда желаемое выдается за действительное, когда субъективное отрывается от объективного. Неприемлема в свою очередь и трактовка марксизма как разновидности объективизма.

Растущий интерес к философским, марксистским проблемам частных наук — явление закономерное, обусловленное внутренней логикой развития научного познания. В свое время на рубеже XIX и XX вв. кризис в естествознании закономерно вызвал необходимость его философского, теоретического осмысления. Как известно, выход из этого тупика был указан марксизмом в классической работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Возможно, было бы преждевременным утверждать, что кризис современной буржуазной общественной науки, который отмечает большинство зарубежных исследователей, аналогичен кризису в естествознании рубежа XIX и XX вв. Бесспорно одно, что этот кризис налицо, что касается он философских основ научного познания и что зарубежные ученые ищут выход из создавшегося методологического тупика в марксистской философии. Естественно и неудивительно, что этот поиск не всегда и не во всех случаях является марксистским. Важно, что сами зарубежные ученые возлагают на марк-

сизм большие надежды. Задача советских ученых, марксистов — максимально способствовать развитию этой тенденции в зарубежной науке. В связи с этим любопытно узнать, а как же авторы рецензируемого сборника оценивают роль советской науки в формировании марксизма за рубежом. Об этом в обзорной статье М. Сприггса сказано буквально следующее: «...археологи социалистических стран в течение многих лет проявляют интерес к марксистским идеям, а советская археология оказала значительное влияние на формирование у Чайлда марксистских взглядов. Однако после Чайлда советская археологическая наука не оказала большого влияния на западных археологов, за исключением тех из них, кто работает в странах Азии» (с. 2). В последнем случае имеются в виду китайские археологи, в частности работы К. Чена, на которые ссылаются в сборнике. Можно соглашаться и не соглашаться с данной оценкой М. Сприггса вопроса о влиянии советской археологии на археологию западную. Можно было бы заметить, что, как сказано в сборнике, «сильная революционная марксистская традиция» в Центральной и Южной Америке формировалась не только под влиянием трудов Гордона Чайлда, но, несомненно, под влиянием и советской археологии. Но важно другое, что влияние нашей советской археологии пока еще не соответствует той роли, которую она должна сыграть в пропаганде и распространении за рубежом марксистской теории вообще и в археологии в частности.

Оценивая рецензируемый сборник, следует иметь в виду, что «...исследования, помещенные в данной книге, во многих случаях являются предварительными проработками и в большей степени могут рассматриваться как шаг к выработке марксистских взглядов в археологии» (с. 5). Оспаривать или игнорировать искреннее стремление зарубежных коллег к марксизму было бы грубой ошибкой. Чтобы оценить в каждом конкретном случае этот «шаг к выработке марксистских взглядов в археологии», необходимо осуществить специальный анализ и оценку каждой из опубликованных в сборнике работ. Для всесторонней и объективной оценки действительных марксистских тенденций в зарубежной археологии не следует игнорировать и другие публикации. В сборнике, в частности, упоминается более четырех десятков таких опубликованных работ.

Заслуживает особого внимания важное в методологическом отношении положение о том, что «марксистские взгляды в археологии должны помочь подвергнуть сомнению практику нашего ремесла, а также его объясняющие основы» (с. 6). Чрезвычайно важным в этом отношении является опыт становления советской марксистской археологической науки, когда в качестве единственного метода археологии провозглашался метод диалектического материализма, а философские категории исторического материализма прямо накладывались на археологический источник без учета специфики последнего и его научно-познавательных возможностей. Современная марксистская теория и методология убедительно показали, что наряду с философской общенаучной методологией важное значение имеет творческая разработка на их основе частнонаучной методологии конкретных наук. Не случайно последние десятилетия развития советской археологической науки ознаменовались особым вниманием к исследованию и разработке методологических проблем своей науки.

Прежде чем ставить вопрос о приложении марксизма к той или иной конкретной науке, необходимо его глубокое творческое усвоение. Эта задача, между прочим, представляется актуальной не только для зарубежных коллег, которые проявляют серьезный интерес к марксизму, но прежде всего для советской археологической науки, которая не может не быть марксистской. Не секрет, что нередко в наших исследованиях подлинное творческое знание теории марксизма подменяется цитатничеством, на что справедливо обращалось внимание в нашей методологической литературе. Кому как не нам, советским ученым, марксистам, должна принадлежать честь и обязанность

глубокого знания и разработки марксистских идей, принципов, теории и методов. Этого требует от нас современный этап развития как нашей советской, так и мировой археологической науки.

Y. N. Zakharuk

REVIEW OF THE BOOK: M. SPRIGGS (ed.). MARXIST PERSPECTIVES IN ARCHAEOLOGY. CAMBRIDGE, 1984

Summary

The author offers his positive assessment (mainly from the philosophical point of view) of this complex book written by archaeologists, historians, sociologists and ethnographers from Western Europe and America.

Заметки

Ю. Б. СЕРИКОВ

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ РЕКИ БАРАНЧИ (СРЕДНЕЕ ЗАУРАЛЬЕ)

Река Баранча, самый крупный левый приток р. Тагил, протекает по предгорьям Среднего Зауралья почти параллельно Главному хребту, в направлении с северо-запада на юго-восток (рис. 1). Сплошное обследование р. Баранчи от р. Журавлик до впадения в р. Тагил привело к открытию 10 памятников, из них 4 относятся к эпохе мезолита.

Поселение Баранча II. Открыто в 1977 г Нижнетагильским отрядом экспедиции Уральского государственного университета под руководством автора. В 1979 г. на поселении вскрыта площадь 175 м^2 [1]

Памятник находится на одном из мысов правого берега р. Баранчи, в 5,5 км к северо-западу от пос. Евстюниха, в черте г Нижний Тагил (рис. 1, *3*). Он занимает выступающий в пойму мыс высотой до 6 м, образованный поворотом реки. Общая площадь поселения — 500 м^2

Культурные остатки залегают в слое светло-серого супесчаного суглинка. Его мощность на разных участках памятника неодинакова — от 20 до 40 см. Подстилается он плотным буроватым суглинком с большой примесью камней. Раскопки показали наличие на памятнике культурных остатков двух эпох — ранней бронзы и мезолита. В эпоху ранней бронзы на этом месте была кратковременная стоянка-мастерская, на которой выделывали ножи и наконечники стрел из плиток серого кварцита и халцедона. К тому же материалы раннебронзового века были сосредоточены в западной части раскопа. Эти два момента значительно упростили выделение мезолитического комплекса.

В процессе раскопок было выявлено три очага мезолитического времени. Очаг № 1 был полностью выложен камнями (рис. 2). Его размеры 1×0,85 м. Расчистка очага показала, что сразу под камнями находилась углистая прослойка мощностью всего 1—1,5 см. Прокала не зафиксировано.

В 4,8 м к юго-западу от очага № 1 находилось пятно прокала сердцевидной формы, диаметром около 50 см (очаг № 2). Ближе к материку прокал сменился углями, пятно увеличилось в размерах. При прокапывании пятна были обнаружены микропластинки. Пятно закончилось на глубине 90 см (от условного ноля).

В 5,7 м к юго-западу от очага № 2 обнаружены остатки размытого очага № 3 в виде пятен прокала и углей. Мощность пятен незначительна — 10—12 см. В районе очага зафиксированы четыре камня, возможно остатки обкладки. При прокапывании пятна также было найдено несколько микропластинок. Интересно отметить, что все три очага начинаются практически на одинаковой глубине — 60, 50 см от условного ноля.

Анализируя расположение находок на плане раскопа, можно выделить два их скопления вокруг очагов № 1 и 2. Первое скопление имеет диаметр ~4,5, второе ~4 м. Оба скопления практически примыкают друг к другу. Несмотря на то что вокруг очагов столбовых ямок не обнаружено, можно предположить,

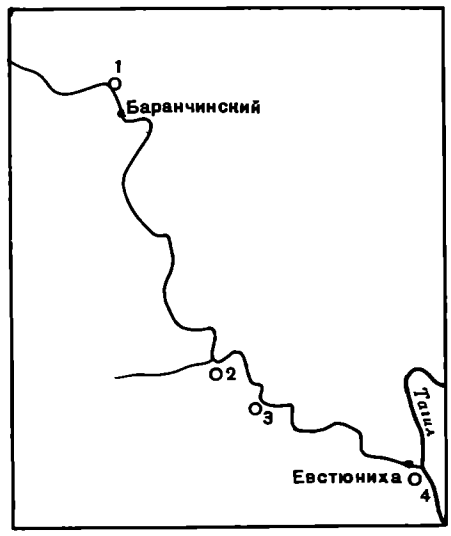


Рис. 1. Расположение мезолитических памятников на р. Баранче. *1* — Баранча V; *2* — местонахождение на р. Гаревая, *3* — Баранча II, *4* — Евстюниха III

что хотя бы одно скопление находок с каменным очагом в центре является остатками небольшого недолговременного наземного жилища. Подобные жилища хорошо изучены на мезолитическом поселении Выйка II [2]

Коллекция находок поселения состоит из 897 предметов. Распределяются они следующим образом: нуклеусы — 19, расколотые нуклеусы — 7, нуклевидные куски — 13, поперечные сколы с нуклеусов — 14, ребристые пластинки — 11, пластинки без ретуши — 351, пластинки с ретушью — 44, резцы — 20, резцы-резчики — 6, резчики — 24, острия — 8, скребки — 16, геометрический микролит — 1, отщепы с краевой ретушью — 9, заготовки орудий — 4, ретушеры — 2, отбойники — 3, галька — 1, расщепленная галька — 28, отщепы и чешуйки — 316.

Нуклеусы представлены всеми тремя типами: призматические, конические и торцовые (рис. 3, *1—10*). Преобладают торцовые нуклеусы. Шесть нуклеусов односторонние, из них четыре одноплощадочные и два двухплощадочные. Последние два нуклеуса интересны тем, что скалывание пластин с них производилось не с узкой стороны плитки, как во всех других случаях, а с широкой (рис. 3, *1*). Скалывание пластин по двум плоскостям производилось у трех нуклеусов. В двух случаях это — нуклеусы торцовые двухсторонние двухплощадочные, в одном — двухсторонний смежный одноплощадочный. Шесть нуклеусов — трехсторонние, скалывание пластин у них производилось с трех плоскостей. У половины этих нуклеусов было по две ударных площадки. В коллекции четыре полностью сработанных нуклеуса, два их них конические, два призматические (одно- и двухплощадочные). Все нуклеусы имеют высоту от 2,1 до 4,9 см, 16 нуклеусов (84,2%) имеют высоту до 3 см включительно. Изготовлены нуклеусы из различных видов окремнелого сланца. Только два нуклеуса изготовлены из другого сырья: один — из халцедона, второй — из голокаменского алевротуфа.

Ножевидные пластинки Баранчи II имеют микролитоидный характер. 71,84% пластинок имеют ширину до 0,8, а 87,11% — до 1,0 см. Только восемь пластинок имеют ширину свыше 1,5 см. Все пластинки имеют правильное гранение, двух- или трехгранную спинку и соответственно треугольное или трапециевидное сечение. В коллекции содержится 351 пластинка без ретуши (рис. 4, *47—60*). Из них 23 пластинки изготовлены из халцедона, 1 — из сургучной яшмы, 18 — из светло-серой яшмы, 32 — из голокаменского алевротуфа. Остальные пластинки изготовлены из кремнистых сланцев.

Все пластинки с ретушью со спинки (8 экз.) имеют ретушь по одному краю (рис. 4, *1—3*). Только у одной пластинки край отретуширован по всей длине. Одна пластинка имеет частично ретушированный край. У остальных ретушь покрывает от 1/3 до 2/3 длины края. Из светлой яшмы и голокаменского материала

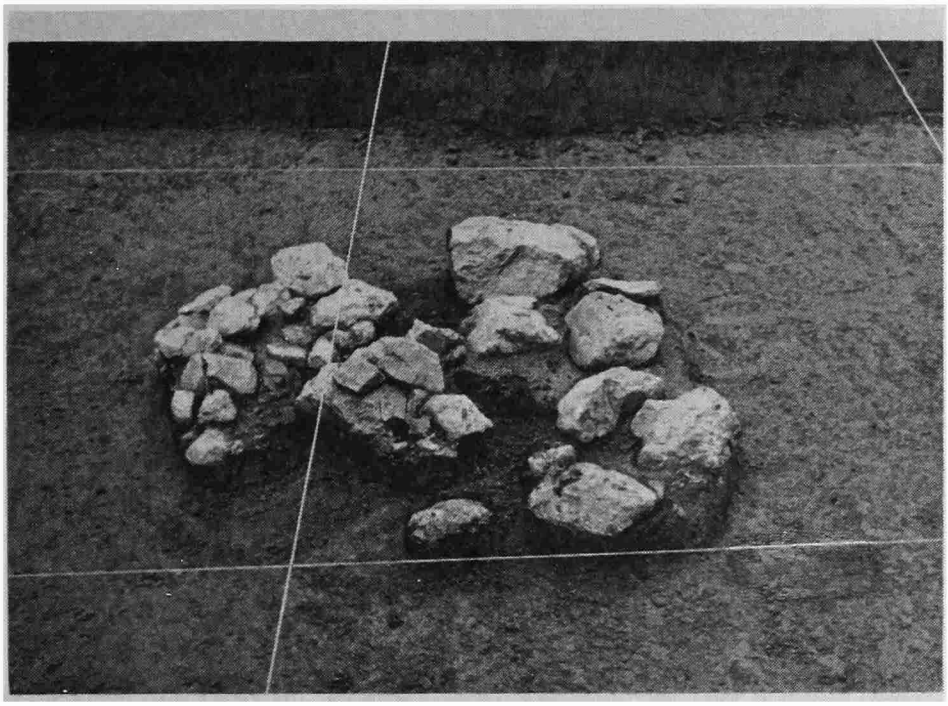


Рис. 2. Баранча II. Очаг № 1 с каменной выкладкой

изготовлено по одной пластинке. Пластинки с ретушью с брюшка (6 экз.) также имеют ретушь по одному краю (рис. 4, *4, 5*). У двух пластинок край обработан по всей длине. Две пластинки имеют ретушь как со стороны спинки, так и со стороны брюшка. Одна из них изготовлена из светло-серой яшмы. Еще две пластинки изготовлены из светло-серой яшмы, одна — из голокаменского материала. Семь пластинок имеют по краю отретушированные выемки. Ретушью со спинки образовано пять выемок, с брюшка — две. У 21 пластинки ретушью обработан конец, 14 из них имеют притупленный ретушью конец (рис. 4, *11—14*), 2 — скошенный (рис. 4, *7*), 2 — вогнуто-отретушированный и 3 — скругленный (рис. 4, *9, 10*). Все концы пластинок обработаны мелкой крутой ретушью со стороны спинки. Только четыре пластинки имеют прямой профиль, остальные изогнуты. У одной пластинки с притупленным концом ретушью со спинки обработан и край. Из числа пластинок с обработанным концом четыре изготовлены из светло-серой яшмы, одна — из голокаменского материала, одна — из халцедона, остальные — из кремнистых сланцев.

Все резцы изготовлены на углу сломанной пластинки (рис. 4, *31—41*). Три резца двойные, имеют по два резцовых скола (рис. 4, *35, 40, 41*). У четырех резцов длина резцового скола не превышает 2 мм, еще у четырех резцовый скол проходит по всей длине пластинки,одна пластинка с резцовым сколом имеет притупленный ретушью конец. Из светлой яшмы и голокаменского материала изготовлено по одному резцу. Шесть резцов скомбинированы с резчиками (рис. 4, *28—30*). Эти орудия дают следующие комбинации: одинарный резец-резчик, резец — двойной резчик, резец — тройной резчик. Резчиков с клювовидным рабочим краем — два, с прямым — пять, со скошенным — три. Отмечена обработка рабочей кромки, как со стороны спинки (16), так и со стороны брюшка (4)

Собственно резчиков в коллекции 24 (рис. 4, *15—27*) Из них девять двойных. Среди одинарных резчиков у 11 клювовидный рабочий край, у одного — прямой, у трех — скошенный. Ретушью со спинки оформлено восемь рабочих лезвий, ретушью с брюшка — семь. Среди двойных резчиков девять рабочих лезвий имеют клювовидную форму, восемь — прямую и один — скошенную. Половина лезвий обработана ретушью со спинки. Из светло-серой яшмы изготовлено три

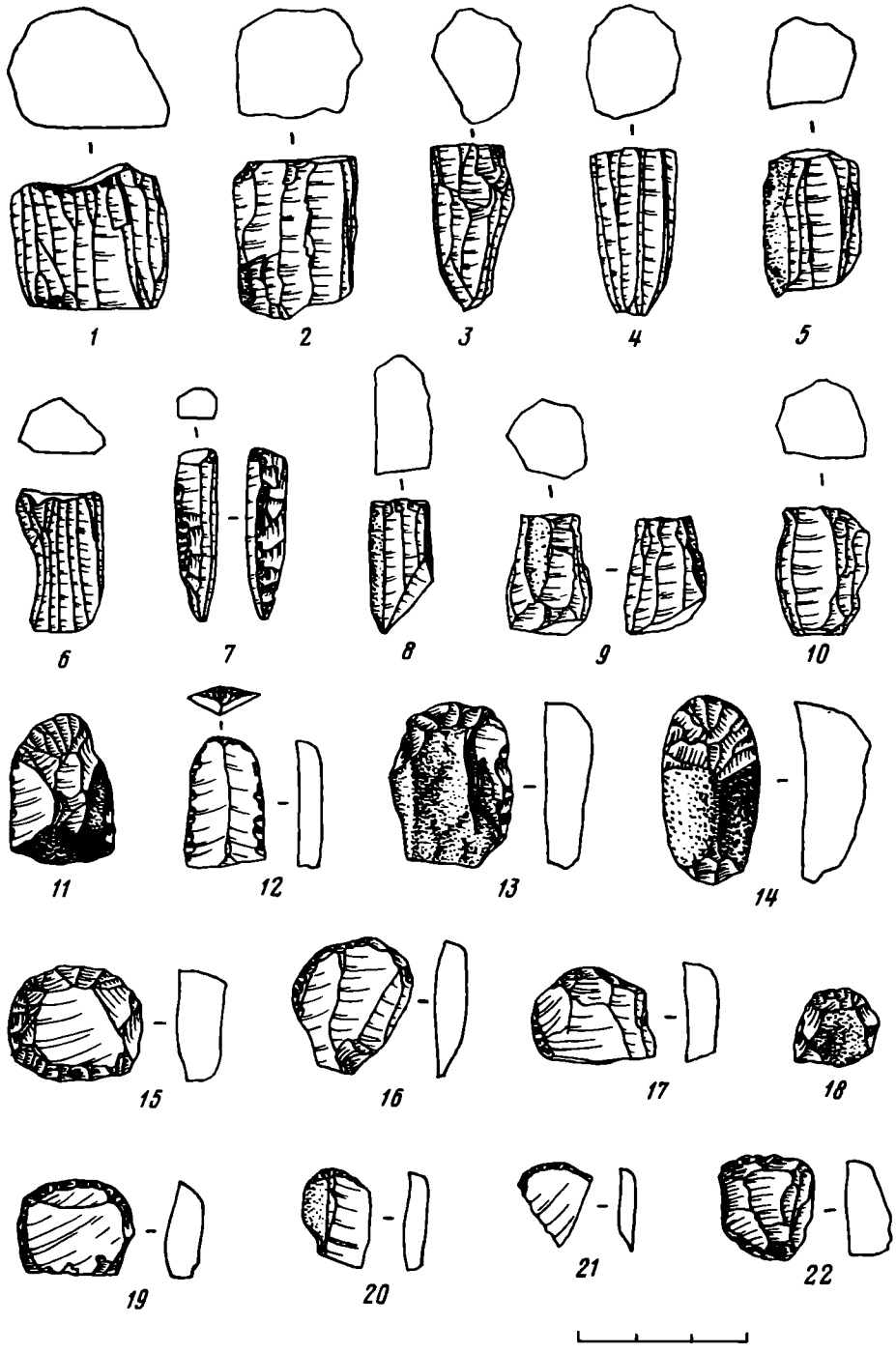


Рис. 3. Баранча II. Каменные изделия. *1—10* — нуклеусы; *11—22* — скребки

резчика и по одному из сургучной, халцедона и голокаменского материала. Остальные резчики изготовлены из окремнелого сланца.

Скребки в коллекции представлены 16 экз., 10 из них изготовлены на отщепах (рис. 3, *11, 13—18, 21, 22*), пять скребков на отщепах имеют по два рабочих лезвия, три скребка изготовлены прямо из плиток кремнистого сланца (рис. 3, *19*). Концевых скребков на пластинах в коллекции два (рис. 3, *12, 20*). Оба скребка изготовлены на коротких пластинах шириной 1,4 и 1,9 см; 11 скребков из 16 имеют длину свыше 2 см. Рабочие лезвия скребков оформлены крутой ретушью. У 12 скребков (75%) угол заострения лезвий превышает 80° Два скребка

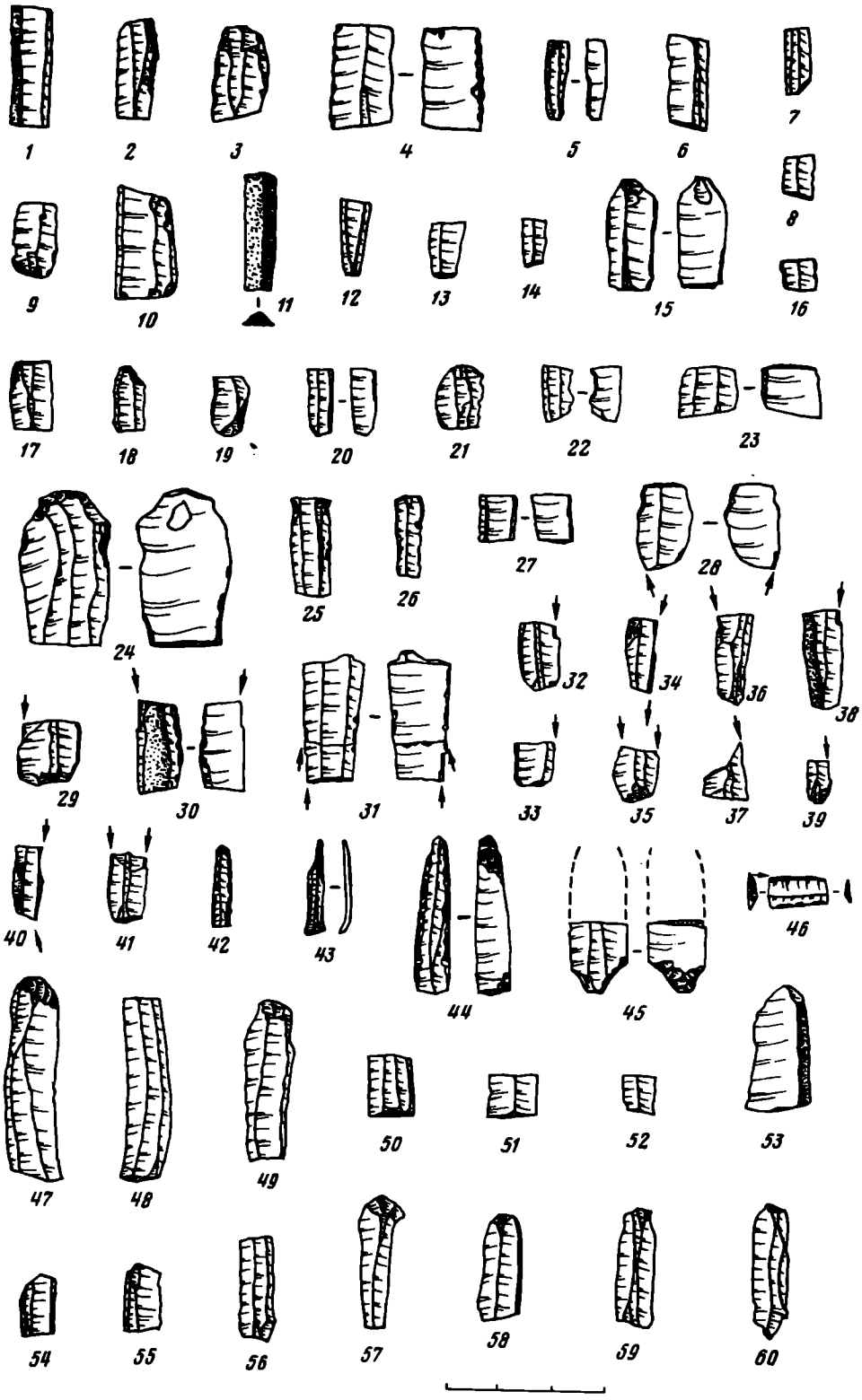


Рис. 4. Баранча II. Каменные изделия. *1—14* — пластинки с ретушью; *15—27* — резчики; *28—30* — резцы-резчики; *31—41* — резцы; *42—45* — острия, *46* — геометрический микролит, *47—60* — пластинки без ретуши

на отщепах изготовлены из голокаменского материала, один на пластине — из светло-серой яшмы, все остальные — из кремнистых сланцев.

В коллекции восемь острий. Одно изготовлено на отщепе треугольной формы, три имеют намеченные плечики и еще три — вытянутой листовидной формы (рис. 4, *42—44*) Все острия обработаны мелкой крутой ретушью со стороны

спинки. Одно острие имеет четко выраженные плечики, оформленные ретушью со спинки и брюшка (рис. 4, *45*). Изготовлено оно из светло-серой яшмы. Кончик острия как бы скруглен, напоминая по форме насад черешкового наконечника стрелы.

В коллекции имеется и геометрический микролит (рис. 4, *46*) в форме прямоугольника, боковые его края обработаны мелкой, почти перпендикулярной ретушью со стороны спинки. Размеры прямоугольника небольшие: длина 1,1, ширина 0,6 см. С одной стороны у него резцовый скол.

Орудия на отщепах кроме скребков представлены: ретушерами (2), заготовками орудий (4) и отщепами с краевой ретушью (9). Обращают на себя внимание небольшие размеры изделий — большая часть изготовлена на отщепах длиной до 2 см. По сравнению с другими мезолитическими памятниками Среднего Зауралья процент орудий на отщепах на Баранче II сравнительно высок и равен 5,6%.

На поселении найдено 316 отщепов, 89 из них (28,17%) имеют размеры до 1 см и являются чешуйками. Еще 144 отщепа (45, 57%) имеют размеры до 2 см. Они также не являлись заготовками для изготовления орудий. Длину до 3 см имеют 54 отщепа (17,09%). Всего 29 отщепов (9,17%) имеют размеры более 3 см. Процент пластинчатости на Баранче II равен 80,31. Это достаточно высокий показатель. Практически все отщепы изготовлены из окремнелых сланцев. Из голокаменского материала изготовлено всего четыре отщепа из светлой яшмы — три, из сургучной яшмы — два.

Стоянка Баранча V Открыта в 1977 г. Нижнетагильским отрядом экспедиции Уральского университета под руководством автора.

Памятник находится на скалистом мысу (до 6 м высоты) левого берега Баранчинского пруда, в 300 м к северо-западу от пос. Баранчинский Кушвинского р-на Свердловской обл. (рис. 1, *1*). Площадь стоянки ~ 200 м^2. Культурные остатки в виде только кремневых изделий залегают сразу под дерном, в слое светло-коричневого суглинка мощностью 10—20 см. Материком является серая супесь с большой примесью камней или скала.

Коллекция находок представлена всего 11 предметами. Она содержит: нуклеус торцовый односторонний одноплощадочный (рис. 5, *54*), расколотый нуклеус, ребристую пластинку (рис. 5, *55*), пять ножевидных пластинок без ретуши (рис. 5, *56—59*) и три отщепа.

Комплекс очень незначительный, но представляет определенный интерес, так как керамики на памятнике не обнаружено. Возможно, Баранча V является однослойным памятником.

Местонахождение на р. Гаревой. Немного ниже устья р. Гаревой (правый приток р. Баранчи), на склоне мыса (рис. 1, *2*), найден одноплощадочный нуклеус из серого кремнистого сланца (рис. 5, *53*). Шурфовка мыса наличие культурного слоя не показала.

Стоянка Евстюниха III. Памятник открыт в 1977 г. и исследовался в 1978 г. Нижнетагильским отрядом экспедиции Уральского университета под руководством автора [3].

Стоянка находится на восточной окраине пос. Евстюниха, в черте г. Нижний Тагил (рис. 1, *4*). Она расположена на останце террасы правого берега р. Баранчи, в 250 м от места впадения ее в р. Тагил. Высота останца достигает 5 м. С запада останец размывается одной из стариц Баранчи. Площадь сохранившейся части стоянки не превышает 100 м^2, вскрыто 52 м^2 Раскопки показали наличие на стоянке трех культурных слоев. В нижней части гумуса и на контакте гумуса и подстилающего суглинка залегали остатки слоя русского средневековья. В сером пылевидном суглинке мощностью от 18 до 30 см встречены вещи раннего железного века. Находки нижнего, мезолитического, слоя были сосредоточены в центральной, возвышенной, части останца. Залегали они в слое, который на других памятниках обычно является материковым,— буро-коричневого комковатого суглинка. Культурные остатки были обнаружены при зачистке предполагаемого материка. Прокапывание этого слоя не выявило резких отличий с лежащим ниже суглинком. Отмечено лишь, что ниже 40—45 см слой из

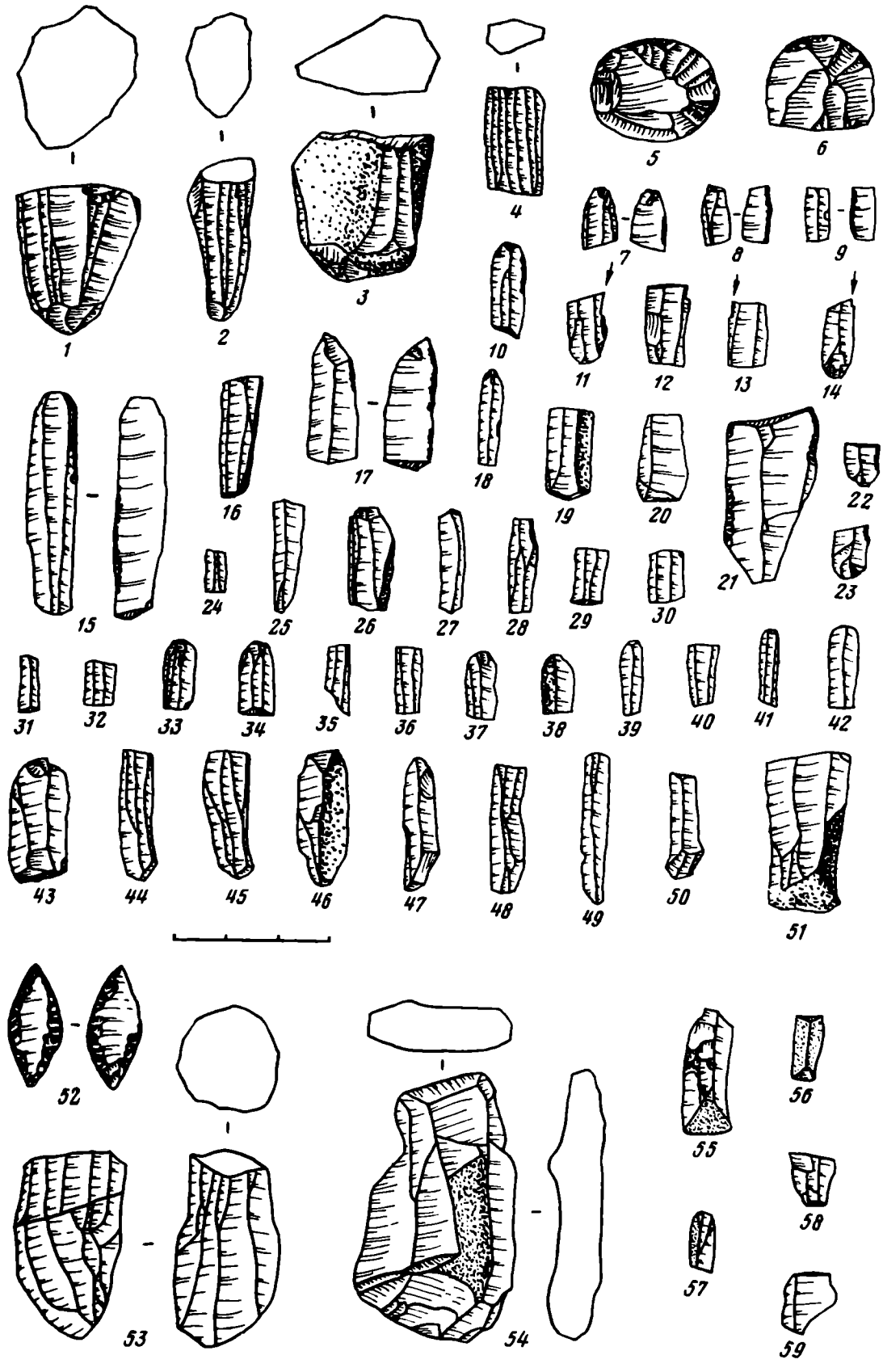


Рис. 5. Каменные изделия. *1—52* — Евстюниха III, *53* — местонахождение на р. Гаревая, *54—59* — Баранча V (*1—4, 53—54* — нуклеусы, *5, 6* — скребки, *7—10, 15—20* — пластинки с ретушью, *11—14* — резцы, *21—23* — резчики, *24—51, 56—59* — пластинки без ретуши, *52* — наконечник стрелы, *55* — ребристая пластинка)

комковатого при срезе превращается в довольно гладкий.

Коллекция содержит 391 каменное изделие. Распределяются они следующим образом: нуклеусы — 5, расколотые нуклеусы — 1, нуклевидные куски — 1, поперечные сколы с нуклеусов — 10, ребристые сколы — 3, ребристые пластинки — 4, пластинки без ретуши — 158, пластинки с ретушью — 18, резцы — 6, резчики — 10, наконечник стрелы — 1, скребки — 6, отщепы с краевой ретушью — 3, отбойник — 1, отщепы и чешуйки — 164.

Нуклеусы представлены торцовым односторонним одноплощадочным, призматическим и тремя коническими (рис. 5, *1—4*). Один конический нуклеус является редкой разновидностью — он имеет две ударные площадки. Высота всех нуклеусов — от 2,0 до 3,2 см.

Пластинки без ретуши обычно имеют правильное гранение (рис. 5, *24—51*). Весь пластинчатый комплекс стоянки достаточно микролитоиден: 73,47% пластинок имеют ширину до 0,8, 90,31% — до 1 см; длину — до 2,5 см включительно имеют 97,44% пластинок.

Одна пластинка обработана ретушью со спинки (рис. 5, *10*); шесть — имеют отретушированные края со стороны брюшка (рис. 5, *7—9*). Только у двух пластинок ретушь нанесена по всей длине края, две пластинки имеют края, отретушированные частью со спинки, частью с брюшка (рис. 5, *15, 17*). Все выемки на краях пластин обработаны ретушью со стороны спинки (рис. 5, *18*). Притупленный ретушью конец имеют шесть пластинок (рис. 5, *16, 19, 20*). В пяти случаях он отретуширован со стороны спинки, в одном — со стороны брюшка. Во всех случаях ретушь мелкая, краевая, крутая.

Все резцы изготовлены на углу сломанной пластинки (рис. 5, *11—14*); 10 резчиков представлены поровну одинарными (рис. 5, *22, 23*) и двойными (рис. 5, *21*). Рабочие края одинарных резчиков — клювовидные (2), прямые (5), скошенный (1) — обработаны ретушью со стороны спинки. У двойных резчиков в восьми случаях рабочие лезвия обработаны со спинки, в двух — с брюшка.

Все скребки обработаны ретушью, заостряющей рабочие лезвия от 55 до 88°, только два скребка имеют угол заострения свыше 80° Все они изготовлены на отщепах (рис. 5, *5, 6*), имеют округлую форму и скругленное лезвие.

В коллекции есть три отщепа с краевой ретушью и комбинированное орудие, которое служило одновременно отбойником и ретушером, а также наконечник стрелы (рис. 5, *52*) Наконечник изготовлен на пластинчатом отщепе или ножевидной пластинке, имеет иволистную форму, размеры его небольшие: длина 2,2, ширина 1 см. Со стороны спинки наконечник обработан не очень крутой краевой ретушью. Ретушь со стороны брюшка более плоская и не покрывает всю поверхность наконечника. Вопрос о датировке его достаточно сложен. Наконечники подобной формы, но более вытянутые и полностью обработанные двусторонней ретушью, известны в Среднем Зауралье в позднем неолите — ранней бронзе. Но на стоянке присутствует керамика только раннего железного века. Для этого времени характерны наконечники стрел треугольной формы с ровным или слегка вогнутым основанием. К тому же краевая и частичная обработка поверхности наконечников стрел ни для одной из вышеуказанных эпох не характерна. Все это дает возможность пока предположительно датировать данный наконечник стрелы эпохой мезолита.

Сырье, из которого изготовлены каменные изделия Евстюнихи III, достаточно однообразно — кремнистые сланцы и халцедоны. Обращает на себя внимание тот факт, что на стоянке нет ни одного изделия из светло-серой яшмы и голокаменского материала. В настоящее время Евстюниха III является единственным мезолитическим памятником, расположенным вблизи Голокаменской мастерской, на котором отсутствует голокаменское сырье. Поскольку Голокаменская мастерская датируется поздним мезолитом, то, возможно, комплекс Евстюнихи III следует датировать более ранним временем. Об этом же косвенным образом свидетельствует и стратиграфия памятника.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сериков Ю. Б.* Работы Нижнетагильского отряда // АО — 1979. М., 1980.
2. *Сериков Ю. Б.* Использование метода «связей» на мезолитической стоянке Выйка II (Среднее Зауралье) // СА. 1983. № 1.
3. *Сериков Ю. Б.* Работы Нижнетагильского отряда // АО — 1978. М., 1979.

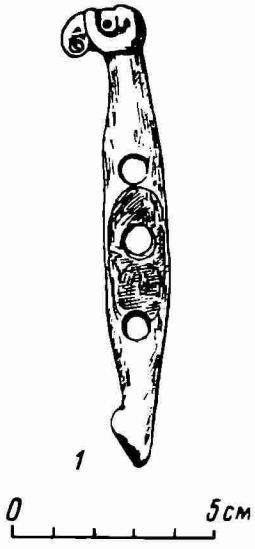
Е. Ф. ЧЕЖИНА

УНИКАЛЬНАЯ НАДПИСЬ НА РАННЕСКИФСКОМ ПСАЛИИ ИЗ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

В собрании Государственного Эрмитажа имеется роговой трехдырчатый псалий, верхний конец которого украшен резной головкой барано-грифона, а нижний — изображением копыта (рис. 1, *1*). Лицевая сторона четко выделена более тщательной проработкой изображения, а оборотная сильно стерта и залощена, что свидетельствует о длительном использовании вещи [1] На спинке псалия нанесена надпись (рис. 1, *2*; 2).

Псалий был найден в 1932 г. крестьянами в кургане у с. Рысайкино близ г Бугуруслана. К. Ф. Смирнов, признавая рысайкинский псалий практически тождественным аналогичным вещам из Приднепровья, считал, что такая форма псалиев попала в Приуральский регион в результате связей с населением лесостепной Скифии через будинов. Допуская возможность неместного производства рысайкинского псалия и проникновения его из Приднепровья, К. Ф. Смирнов все же включил его в круг предметов савроматского искусства и склонялся к мысли о заимствовании сюжета савроматами [2, с. 243]

Костяные и роговые псалии такого типа характерны для скифской узды VII—VI вв. до н. э., и их основным ареалом были районы Кавказа и Среднего Поднепровья. Образ барано-грифона характерен для скифского искусства и не известен ни в сакском, ни в савроматском зверином стиле. На территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья он представлен лишь на двух псалиях (включая рысайкинский), являющихся случайными находками [3, рис. 9] Находки аналогичных псалиев или их наверший с изображением головок барано-грифона в Передней Азии (Хайкаберд, Зивие, Кармир-Блур) и Прикубанье



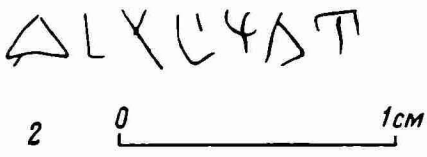


Рис. 1. Псалий из Южного Приуралья (*1*), прорисовки надписи на псалии (*2*)

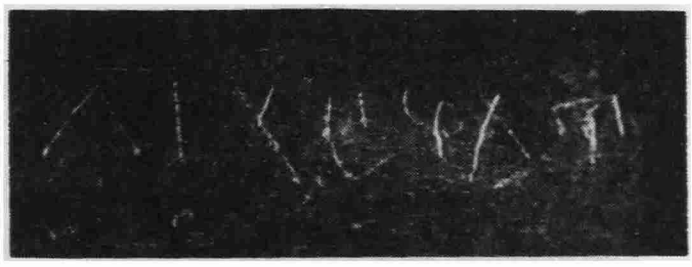


Рис. 2. Фотография надписи на псалии

(Келермес) позволяют предположить центром возникновения этого мотива районы Передней Азии и Кавказа, а временем оформления иконографии этого образа — период пребывания там скифов [4, табл. XVIII, *5*; 5, с. 132, рис. 73; 6, с. 96, рис. 64; 7, с. 142, рис. 1; 8, с. 37—46, табл. 8]. Ближайшие же аналогии псалию из Южного Приуралья происходят из скифских архаических погребений в лесостепном Поднепровье (Репяховатая Могила, курган у с. Мельниковка, кург № 407 у с. Журовка, кург. № 2 у с. Аксютинцы), причем материалы правобережного Поднепровья представляют более ранние образцы, ближе стоящие к южным прототипам, чем посульские изображения [9, с. 35, рис. 4, *13, 14*; 10, табл. XI, *16*; 11, рис. 76; 12, табл. XX, *16*] Таким образом, рысайкинский псалий можно признать скифским, и нет оснований рассматривать его в рамках савроматского искусства [1]

Псалий имеет уникальную особенность: чуть ниже затылка барано-грифона на спинке псалия острым предметом нанесена ровная надпись, ранее остававшаяся не замеченной исследователями (рис. 1, *2*; 2). Надпись состоит из семи знаков, имеющих приблизительно одинаковую высоту (от 1,8 до 2,5 мм); она столь миниатюрна (ее длина 13 мм), что, несомненно, могла быть сделана лишь твердой рукой, привычной к письму. Первые знаки выглядят несколько более аккуратно, и расстояние между ними чуть больше, чем между последними, что объясняется, очевидно, необходимостью уместить надпись на поверхности до рельефно выступающего округлого затылка барано-грифона.

Надписанные изделия такого типа не известны. Но интересно, что в первом Келермесском кургане на некоторых костяных или роговых навершиях псалиев в виде головок баранов и барано-грифонов и окончаниях в виде копыта имеются процарапанные треугольники и крестики, которые, возможно, имеют неслучайный характер. Вообще достоверные надписи на архаических варварских изделиях скифского времени представляют чрезвычайную редкость. Известен сосуд из материалов Немировского городища с греческим граффито, датирующимся концом VII в. до н. э. Надпись легко читается и не вызывает сомнения: «получи меня по жребию» или, что менее вероятно, просто «получи меня» [13, с. 259, рис. 3] По мнению Б. Н. Гракова, надпись не могла быть сделана местными варварами.

На малой серебряной чаше из кургана Иссык, который К. А. Акишев датирует V—IV вв. до н. э., сделана надпись ранее неизвестным алфавитом, арамейское происхождение которого не исключено. Знаков, совпадающих с буквами рысайкинского псалия, на чаше нет [14, с. 59, 60, рис. 71]

Г Ф. Турчанинов, рассматривавший значки на бронзовом наконечнике стрелы конца VII — начала VI в. до н. э., найденном в Саратовской губ., как надпись, сделанную на основе арамейского письма, приспособленного к иранской речи, читал ее как «судзиа», т. е. «жгучая» [15, с. 48, 49, табл. XIV, рис. 1, 2] Однако подобные черточки-насечки встречаются и на других скифских наконечниках стрел, например среди случайных находок в Поднепровье [16, табл. 32, 39, 40] Возможность трактовки таких черточек как надписи вызывает сомнение, вряд ли они имеют смысловое содержание.

Для предварительной атрибуции надписи на рысайкинском псалии следовало дифференцировать возможности отнесения ее к греческому или иному алфавиту. Вероятность просто варварской имитации надписи следует, видимо, исключить, учитывая, что знаки, несмотря на свою четкость, сделаны очень «деликатно» и не бросаются в глаза, благодаря чему они и оставались не замеченными исследователями прежде. Характер нанесения надписи говорит в пользу осмысленности ее содержания. С прорисовкой и фотографией надписи ознакомились специалисты по греческой эпиграфике Ю. Г Виноградов (ИИ АН СССР) и Н. В. Шебалин (ЛГУ), которых я благодарю за устные консультации. По мнению Н. В. Шебалина, надпись не является греческой. Ю. Г Виноградов, видевший не только фотографию, но и псалий, считает, что надпись на нем можно было бы прочитать с древнегреческого языка, если допустить, что некоторые штрихи «пропали», а ряд элементов знаков считать случайными трещинками на

поверхности. В таком случае надпись читалась бы слева направо δέχου με т. е. «держи меня», и псалий можно было бы рассматривать в серии «говорящих вещей» (рис. 1, 2). Существование надписи подобного содержания достаточно характерно для греческого мира в эпоху, к которой относится псалий. Но исправленный вариант написания маловероятен, так как, несмотря на небольшую глубину штрихов, они достаточно четко выделяются, поэтому вряд ли можно предполагать утрату некоторых деталей надписи из-за стертости поверхности предмета. Таким образом, как мне представляется, надпись следует считать все же не греческой.

По заключению В. А. Лившица (ЛОИВ АН СССР), надпись представляет арамейское письмо (рис. 1, 2) [1]

Это первая арамейская надпись, обнаруженная на предмете, найденном в Южном Приуралье, и датированная таким ранним временем. Наличие этой надписи на псалии подтверждает тезис о его неместном происхождении и дает возможность рассматривать предмет в историческом контексте. Аналогичные псалии, найденные на Кавказе и в Прикубанье, происходят из памятников, безусловно связанных с возвращением скифов после их вторжения в Переднюю Азию. Особый интерес в этой связи представляют рассказ Диодора Сицилийского о переселении савроматов из Мидии к Танаису, непосредственно увязанном с переднеазиатскими походами скифов [17, с. 251], и легенды об амазонках (в свете попыток многих исследователей отождествить с савроматами амазонок, вернувшихся из Фемиксиры в Малой Азии на территорию степей к северу от Кавказа) [18, с. 20—22]. Общепризнано мнение о вероятном участии савроматов и других родственных скифам племен в походах в Переднюю Азию, косвенно подтверждающемся данными античных письменных источников. Рысайкинский псалий, скифский по типу, мог быть занесен в Южное Приуралье с волной кочевников, вернувшихся из переднеазиатских походов.

Я надеюсь, что надпись вызовет интерес историков и лингвистов, которые смогут предложить ее убедительную интерпретацию. Эта надпись, обнаруженная на предмете, который давно хранится в музее, давно опубликован и неоднократно был в руках специалистов, и тем не менее оставшаяся незамеченной, дает надежду, что это не последняя находка надписей на варварских вещах. Она свидетельствует о том, что отсутствие памятников письменности такого раннего времени для варварской среды не абсолютно.

---

[1] Я приношу искреннюю благодарность В. А. Лившицу за консультацию и привожу его письменное заключение полностью: «Костяное изделие с арамейской надписью, найденное в районе Бугуруслана, по археологическим данным датируется примерно VI в. до н. э. Палеографические признаки надписи, насколько я могу судить, не препятствуют такой датировке. Надпись выполнена арамейским письмом; начертания букв близки арамейским текстам ахеменидского периода (VI—V вв. до н. э.). Исключения составляют формы конечного =' (*алеф*) и =*m* (*мим*), которые кажутся более архаичными; их начертания связаны, вероятно, с техникой нанесения надписи.

В надписи 7 букв, наиболее вероятное чтение: *šwghmš'* (возможны также варианты *šwghmš'*, *šwghtš'*, *šwlhtš'*). Вся надпись не может быть арамейским именем собственным лица, она не похожа и на древнеиранское имя собственное, а также на известные имена собственные других языков данного периода. При попытках членения надписи, написанной без словоразделов, на отдельные слова следует учитывать, что в VI—V вв. до н. э. арамейский алфавит для фиксации других языков (кроме арамейского) еще не применялся. Как арамейская надпись может членится на *swgh ms* „скребок (? или другой сходный предмет) Маша" Здесь *šwgh* — „скребок", слово это известно только в гораздо более поздней сирийской форме (указано Е. Н. Мещерской), но оно могло существовать и в ранних арамейских диалектах. *Mš'* — семитское имя собственное, засвидетельствованное в древнееврейском. Возможно, что *Mš'* (или, менее вероятно, *Mt'*) является несемитским именем, однако из других языков мне его не удалось интерпретировать. В. Лившиц. 26. 05. 86 г.».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чежина Е. Ф.* Раннескифские зооморфные псалии из Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. // СГЭ. 1987. Вып. 52.
2. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
3. *Tallgren A. M.* Varia // ESA. 1938. XII.
4. *Есаян С. А., Погребова М. Н.* Скифские памятники Закавказья. М.: Наука, 1985.
5. *Porada E.* The Art of Ancient Iran. L.; N. Y., 1965.
6. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур. Т. 1. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1950.
7. *Пиотровский Б. Б.* Скифы и Передний Восток // СА. 1954. Т. XIV.
8. *Галанина Л. К.* Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. 1983. Вып. 24.
9. *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
10. *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ Смелы. Т. I. СПб., 1887.
11. *Бобринский А. А.* Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии // ИАК. 1905. Вып. 14.
12. *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев: Наук. думка, 1968.
13. *Граков Б. Н.* Греческое граффито из Немировского городища // СА. 1959. № 1.
14. *Акишев К. А.* Курган Иссык. М.: Искусство, 1978.
15. *Турчанинов Г. Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.: Наука, 1971.
16. *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья // САИ. 1977. Вып. Д1-33.
17. *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 4.
18. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV вв. до н. э.). Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972.

В. М. КОСЯНЕНКО, В. Е. МАКСИМЕНКО

КОМПЛЕКС ВЕЩЕЙ ИЗ САРМАТСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ У ХУТОРА ВИНОГРАДНЫЙ НА НИЖНЕМ ДОНУ

В 1978 г. севернее хутора Виноградный (Усть-Донецкий р-н Ростовской обл.) на глубине 1,8 м от современной поверхности были случайно обнаружены следующие предметы: бронзовые котел и кружка, зеркало из белого металла, сероглиняный сосудик, обломки красноглиняной миски, золотые украшения и бусы (рис. 1). Все вещи поступили в Ростовский областной музей краеведения.

При обследовании места находки было обнаружено несколько обломков черепа человека. По всей вероятности, вещи происходят из разрушенного сарматского погребения. Определить положение погребенного и размещение вещей в могиле не удалось, однако наличие разнообразных, хорошо датируемых предметов, в том числе восточного и западного происхождения, делает этот комплекс весьма интересным не только для уточнения датировок отдельных сарматских погребений, но и для выяснения характера торговых связей сарматов Подонья.

Сохранность большинства вещей из комплекса вполне удовлетворительная, что позволяет составить их более или менее подробное описание.

Маленький бронзовый котел имеет отогнутый край, округлое тулово, полую ножку, прикрепленную двумя литыми заклепками изнутри (рис. 1, *1*). Ручки не сохранились. Тулово котла порвано. Высота его — 14 см. Подобной формы маленькие котлы не редкость в сарматских погребениях и по типу входят в хронологическую группу I в. до н.э.— I в. н.э. [1, с. 199]

Западный импорт представлен бронзовой литой кружкой (рис. 1, *2*). Она имеет широкий плоский отогнутый венчик, расширяющиеся книзу тулово и плоское широкое дно. Петлеобразная фигурная ручка, двумя продолговатыми отростками охватывающая кружку под венчиком, украшена вертикально стоящим плоским диском. Нижний атташ ручки сердцевидно-вытянутой формы крепится к средней части тулова. Высота кружки —8,6 см.

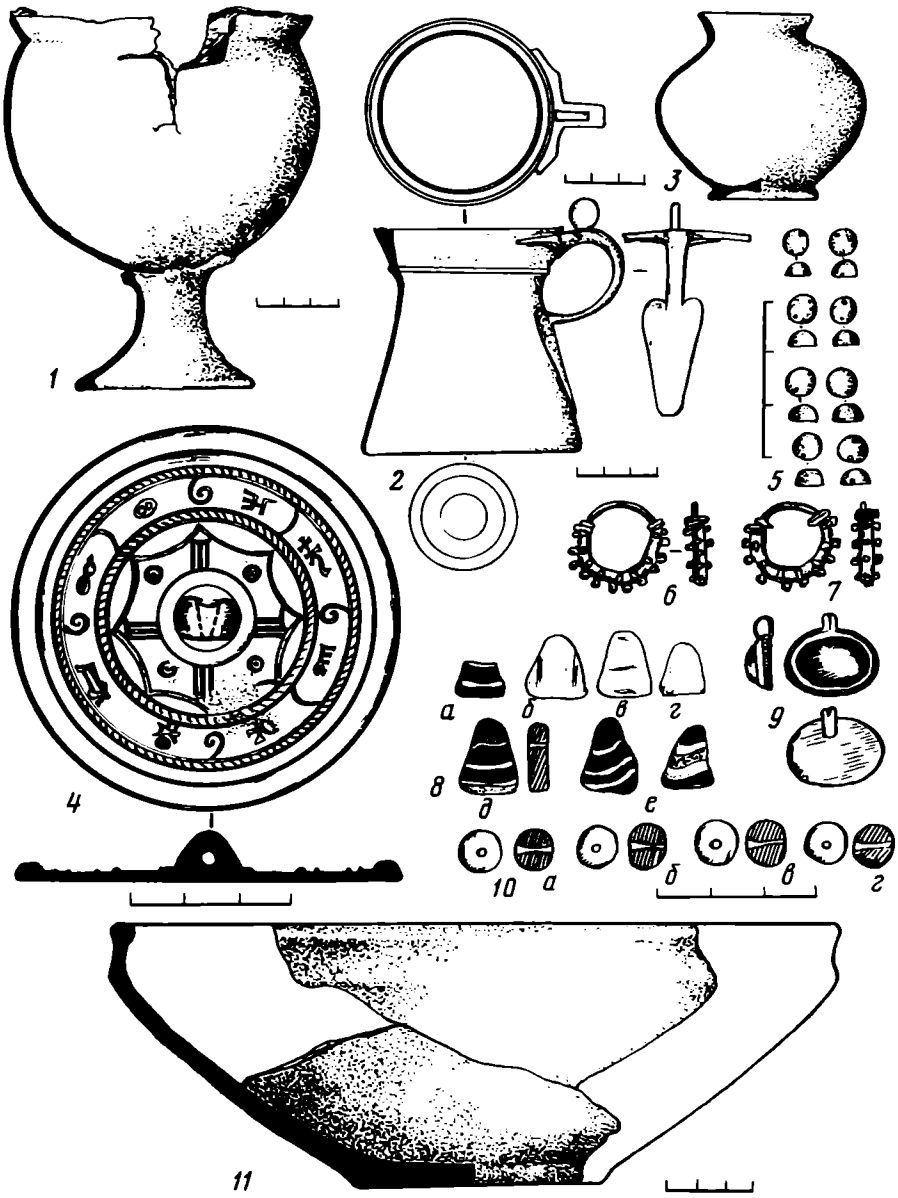


Рис. 1. Комплекс вещей из хут. Виноградный. *1* — котел; *2* — кружка; *3* — сосуд; *4* — зеркало; *5* — бляшки; *6, 7* — серьги; *8, 10* — бусы; *9* — подвеска; *11* — миска (*1, 2* — бронза; *3, 11* — глина; *4* — белый сплав; *5—7* — золото; *8* — сердолик, халцедон; *9* — золото, стекло, 10 — стеклянная паста)

Подобные кружки достаточно известны по находкам в Западной Европе. В каталоге Вернера учтено 28 экз. аналогичных сосудов. Почти все они найдены в могильниках Северной Италии и Адриатики. По Вернеру, это тип «Д». Дата — конец II — первая половина I в. до н. э. [2, с. 52] Не исключено, что часть сосудов бытует еще и во второй половине I в. до н. э. [3, с. 245]

Идентичная кружка происходит из кургана I у хут. Зубовского на Кубани, датируемого I в. до н.э.— I в.н.э. [4, с. 96, рис. 11]

Восточный импорт представлен великолепной сохранности китайским зеркалом из белого металла. Оно лишь слегка покрыто патиной (рис. 1,*4*; рис. 2). Зеркало круглое с массивной шишечкой-петлей в центре. Орнамент на тыльной стороне сложный, арочный, состоит из ряда чередующихся полос декора, арок и иероглифов. Исполнение четкое и тщательное. Диаметр зеркала —7,4 см.

По определению Е. И. Лубо-Лесниченко, надпись на зеркале читается так: «... смотря на сияние солнца, никогда не забудем друг друга». Дата зеркала

Рис. 2. Китайское зеркало

II—I вв. до н. э.[1] Пока это первая находка подлинного китайского зеркала на территории Дона. До этого были известны только средневековые копии древних китайских зеркал.

На территории нашей страны наиболее близкой аналогией является зеркало, происходящее из кургана Е 25 погр. 19 близ с. Старая Полтавка в Поволжье [5, с. 76, рис. 26]

Из гончарной посуды в комплексе сохранились маленький сероглиняный сосудик (высота —7 см) с узким горлом, округлым туловом на кольцевом поддоне (рис. 1, *3*) и фрагменты красноглиняной миски с вертикальным, слегка утолщенным краем, наклонными стенками и плоским дном (рис. 1, *11*). Диаметр миски —27,5 см; высота —10 см. Коричнево-охристый цвет, пачкающаяся поверхность, слоистое однородное тесто свидетельствуют о кубанском происхождении миски, где подобная керамика встречается в комплексах II в. до н. э.—I в. н. э. [6, с. 174]

Миниатюрные сероглиняные сосудики, подобные сосуду из хут. Виноградный,— обычная находка в погребениях среднесарматского времени на обширной территории Северного Причерноморья.

Нередки в сарматских погребениях I в. до н. э.—I в.н.э. и золотые украшения, подобные серьгам, подвескам и бляшкам из хут. Виноградный (рис. 1, *5—7*). Серьги подковообразной формы, с напаянными колечками-шишечками (рис. 1, *6, 7*). Одна из них отремонтирована в древности. У нее напаяно новое ушко.

Очень близкие по форме серьги найдены в 1982 г в сарматском погребении 3 кургана 3 у с. Михайловка Саратского р-на Одесской обл., в междуречье Дуная и Днестра [2] В этом же погребении найдено ожерелье, где подвески по технике изготовления и форме аналогичны подвеске из хут. Виноградный.

Овальная золотая подвеска длиной 1,7 см (со стеклянной вставкой сиреневого цвета) имеет ушко-петельку для подвешивания (рис. 1, *9*), полусферической формы золотые бляшки диаметром 0,5 см (10 штук) по два

[1] Авторы выражают глубокую благодарность сотруднику Государственного Эрмитажа Е. И. Лубо-Лесниченко за определение этой уникальной находки.

[2] Любезное сообщение И. Т. Червякова.

отверстия для пришивания (рис. 1, *5*). Золотая подвеска по форме аналогична серебряному медальону со стеклянной вставкой, обнаруженному И. И. Ляпушкиным в погр. 2 кургана 43 могильника у Карнауховского поселения [7, с. 321, рис. 7, *а*]

В комплекс из хут. Виноградный входят также разнообразные бусы, среди которых две сердоликовые, округлой формы, темно-красного цвета (рис. 1, *10а, б*), две халцедоновые молочного цвета (рис. 1, *10в, г*), пять треугольных подвесок цветного стекла с поперечно-полосчатым орнаментом, тип 193, по Е. М. Алексеевой (рис. 1,*8*) [8, табл. 27, *60—65*], четыре из них с основой полупрозрачного стекла темно-фиолетового цвета с белыми и коричневыми прожилками (рис. 1, *8а, д, е*); одна из стеклянной пасты песочного цвета с красными прожилками (рис. 1, *8в*). Кроме того, еще одна бусина (рис. 1, *8б*) подобного оттенка имеет продольно-полосчатый орнамент (тип 184, по Е. М. Алексеевой) [8, табл. 27, *66—68*] и одна — без орнамента (рис. 1, *8г*).

Такой набор бус не дает узкой даты, так как отдельные типы бус существовали как в позднеэллинистическое, так и в римское время. Однако наибольшее их распространение приходится на время II в. до н.э.—I в. н.э.

Исходя из датировок отдельных вещей, входящих в рассматриваемый комплекс, можно предположить и время захоронения. Если говорить о широкой датировке, то дата в пределах I в. до н.э.— I в.н.э. не может вызвать возражений. Однако предпочтительнее говорить, на наш взгляд, о I в. до н. э., поскольку из четко датируемых предметов (зеркало, бронзовый сосуд) ни один не относится к более позднему времени.

По всей вероятности, перед нами остатки богатого погребального комплекса, оставленного сарматами-аорсами. Именно аорсы, являясь участниками караванной торговли по Великому шелковому пути от Ханьского Китая на востоке до Римской империи на западе [9], вполне могли обладать одновременно предметами как западного, так и восточного происхождения. О богатстве и склонности аорсов к посреднической торговле писал Страбон, отмечая, что они «живут по течению Танаиса» (Strabo. XI, V,8)

ЛИТЕРАТУРА

1. *Косяненко В. М., Флеров В. С.* Бронзовые литые котлы Нижнего Подонья (к вопросу о типологии и хронологии) // СА. 1978. № 1.
2. *Werner J* Die Bronzekanne von Kelheim-Baycrische // Vorgeschichtsblüter 1954. B. 20.
3. *Grane J* Die Gräberfelder von Ornavasso // Hamburgen Beiträge zur Archeologie. 1974.
4. ИАК. 1901. Вып.1.
5. *Синицын И. В.* К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья // СА. 1946. Т VIII.
6. *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23.
7. *Ляпушкин И. И.* Курганный могильник близ Карнауховского поселения // МИА. 1958. № 62.
8. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12.
9. *Шилов В. П.* Аорсы (историко-археологический очерк) // История и культура сарматов. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983.

Э. В. ШАВКУНОВ

БРОНЗОВАЯ ВЕРИТЕЛЬНАЯ БИРКА В ВИДЕ РЫБКИ ИЗ НИКОЛАЕВСКОГО ГОРОДИЩА

Несколько лет назад после очередной пропашки поля на территории Николаевского городища в Партизанском р-не Приморского края местными школьниками была обнаружена отлитая из бронзы верительная бирка в виде односторонне-выпуклой фигурки рыбки (см. рисунок), которую они передали скульптору из г. Партизанска С. Н. Горпенко. Впоследствии бирку удалось приобрести для сектора археологии средневековых государств Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР (г Владивосток), где она хранится по настоящее время.

Рыбка-бирка из Николаевского городища

Бирка прекрасной сохранности, со слегка патинизированной поверхностью и без каких-либо следов коррозии на ней. Длина бирки 5,6, наибольшая ширина 1,8 и толщина 0,5 см. Одна ее сторона овально-выпуклая, и на ней выгравированы глаз, жаберные щели, чешуя и плавники, включая хвостовой. Вблизи уголка губастого рта насквозь просверлено небольшое отверстие. В нижней части головы и посреди брюха рыбки-бирки прочерчены левые половинки двух вертикально рассеченных иероглифов 合同 читаемых на китайском как «хэ тун» — «при соединении совпадает». Противоположная сторона рыбки-бирки плоская, и на ней чуть ниже головы и почти во всю ширину туловища глубоко выгравирован иероглиф 同 «тун» — «совпадает», «идентичный». Под этим иероглифом на правой со стороны зрителя половине рыбки-бирки помещена надпись из пяти расположенных столбцом иероглифов 左驍衛將軍 «цзо сяовэй цзянцзюнь» — «левой доблестной охраны командующий». На левой половине также столбцом прочерчено еще три иероглифа 最利計 «не ли цзи». Последние являются иероглифической транскрипцией собственного имени. В целом же надпись можно перевести как «командующий левой доблестной охраной Нелицзи».

Касаясь вопроса о назначении обнаруженной на Николаевском городище бирки в виде односторонне-выпуклой фигурки рыбки, нельзя не вспомнить опубликованные К. А. Виттфогелем и Фэн Цзяшэном аналогичные бирки, когда-то использовавшиеся в киданьской империи Ляо [1, с. 169, рис. 3] Бирки этого типа состояли из двух половинок, и при наложении одной на другую они образовывали объемную скульптурку рыбки, при этом все имеющиеся на одной из половинок скульптурки штрихи и детали должны были в точности совместиться с аналогичными штрихами и деталями другой ее половинки. Судя по наличию на брюшке рыбки-бирки из Николаевского городища левой части рассеченной иероглифической надписи, это была левая половинка бирки, которая выдавалась находящимся в приграничной зоне военачальникам, тогда как правая сдавалась на хранение в казну. В случае необходимости передачи особо секретного поручения или приказа военачальнику к нему посылался курьер с правой половинкой бирки. По прибытии курьера к месту назначения он предъявлял военачальнику правую половинку бирки, и, если она полностью совпадала

с имевшейся у того левой половинкой бирки, это означало, что последний должен был выполнить переданный ему курьером приказ [2, «хай» 28, «инь» 87; 3, с. 129].

В Китае при династиях Суй и Тан для этой цели использовались рыбки-бирки, вырезанные из дерева или отлитые из бронзы [2, с. «хай» 28] У киданей рыбки-бирки отливались из золота и использовались они для объявления начала войны, причем войска приходили в движение лишь после того, как становилось очевидным, что присланная с курьером половинка рыбки-бирки полностью совпадала с имеющейся у военачальника [1, с. 120, 520, 560, 561]. Отлитые из бронзы рыбки-бирки были введены в 1215 г и у чжурчжэней, у которых они использовались 宣撫司 «Сюаньфусы» — «Управлением пограничных дел» [4, с. 433(5)]. Были ли подобные верительные бирки в Бохае, в состав которого входила часть современного Приморского края, сказать трудно, так как на этот счет в письменных источниках нет никаких свидетельств. Но, учитывая тот факт, что время существования государства Бохай (698—926) практически совпадает со временем существования в Китае династии Тан (618—907), можно все же допустить, что бохайцы могли ввести у себя по примеру танского Китая использование подобных верительных бирок в виде фигурок рыбок.

Как видно из изложенного выше, верительные бирки в виде односторонневыпуклых фигурок рыбок получают в ряде средневековых государств Восточной Азии широкое распространение, в связи с чем вопрос о датировке и определении принадлежности обнаруженной на Николаевском городище рыбки-бирки приобретает особый интерес. Однако решение этого вопроса осложняется отсутствием сравнительного материала, а также тем обстоятельством, что Николаевское городище является многослойным памятником, на котором люди стали селиться еще с эпохи каменного века. Судя по всему, крепостные стены здесь были возведены во времена существования государства Бохай, а затем реконструированы и значительно надстроены при чжурчжэнях в XII в. Нетрудно понять, что при сложившейся ситуации ответ на поставленный вопрос можно будет получить лишь на основе тщательного анализа самой рыбки-бирки.

Для начала отметим, что интересующая нас рыбка-бирка не может быть киданьской, поскольку она отлита не из золота, как это было принято у киданей, а из бронзы. Похоже также, что эта бирка не может быть и чжурчжэньской, так как при сравнении ее с обнаруженными на датируемом чжурчжэньским временем Шайгинском городище бронзовыми фигурками подвесных рыбок [5, с. 264—270, рис. 1, *2—4*] обнаруживается почти полное их иконографическое несовпадение.

Остается, таким образом, предположить, что интересующая нас рыбка-бирка из Николаевского городища была изготовлена либо в танском Китае, либо же в Бохае где-то в VIII—IX вв. В пользу названной датировки николаевской рыбки-бирки свидетельствует выгравированное на ней звание «цзо сяовэй цзянцзюнь» — «командующего левой доблестной охраной» в моем переводе или «левого военачальника охранного отряда смелых всадников» в переводе В. С. Таскина — звание, бывшее в употреблении в танском Китае [6, с. 145, 427] и в Бохае [7, цзюань I, с. 36*а*, 41*б*, 44*а*], но отсутствующее у чжурчжэней. Что касается вопроса о принадлежности данной рыбки-бирки, то его решение кроется в выгравированном на ней имени военачальника. И действительно, в этом имени обращает на себя внимание конечный иероглиф 計 «цзи», которым в письменных источниках оформлен конечный слог ряда собственных имен предводителей некоторых подвластных Бохаю мукрийских (мохэских) племен, живших в VIII в., а именно: 可婁計 Кэлоцзи из племени тели, 勃施計 Бошицзи из племени юеси, а также бохайцы 味勃計 Вэйбоцзи, 菸夫須計 Юйфусюйцзи, 公伯計 Гунбоцзи и 聿棄計 Юйцицзи [7, цзюань I, с. 23*б*, 24*б*, 25*а*]

На подобные же группы, каждую из которых объединяет общность конечного иероглифа в их транскрипции, распадается большинство известных к настоящему времени мукрийских и бохайских антропонимов. Последнее обстоятельство лишь подтверждает правомерность отнесения имени Нелицзи в китайской иероглифической транскрипции к мукрийско-бохайским антропонимам, тем более что пока так и не удалось отыскать антропонима иноплеменного происхождения с аналогичным конечным иероглифом.

Наконец, если применить к антропониму Нелицзи, иероглифы транскрипции которого можно перевести примерно как «нашептывать удачный, остроумный замысел», метод фонетико-семантического анализа [8, с. 52—70], то ближайшим ему эквивалентом будет маньчжурское «нэрги» — «остроумный, понятливый не по летам». Вполне поэтому допустимо, что имя бохайского военачальника, запечатленное на рыбке-бирке из Николаевского городища, звучало приблизительно так же, как маньчжурское слово «нэрги».

В заключение остается отметить, что находка на Николаевском городище, самом восточном на юго-востоке Приморского края памятнике бохайской культуры, верительной бирки в виде фигурки рыбки, выдаваемой военачальникам приграничных районов, может свидетельствовать о том, что здесь в VIII в. проходил восточный форпост Бохая, за которым далее на восток до самого морского побережья простирались земли враждебных Бохаю племен.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wittfogel K. A., Fêng Chia-shêng.* History of Chinese Society Liao (907—1125) // Transactions of the American Philosophical Society. N. S. V. XXXVI. Philadelphia, 1949.
2. Цы юань (Энциклопедический словарь: происхождение слов) / Сост и ред. Фан И. Шанхай. 1947
3. *Шавкунов Э. В., Певнов А. М., Ивлиев А. Л.* Серебряная верительная пластина чжурчжэней с Шайгинского городища // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1978.
4. Цзинь ши (История Цзинь) Т. 1. Тайбэй, 1970.
5. *Шавкунов Э. В.* О назначении подвесных бронзовых рыбок и оленьего рога с Шайгинского городища // СА. 1973. № 1.
6. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984.
7. *Цзинь Юйфу.* Бохай го чжи чанпянь (Полное собрание известий о государстве Бохай). Ляоян, 1934.
8. *Шавкунов Э. В.* Опыт реконструкции древних этнонимов в иероглифической записи // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1976.

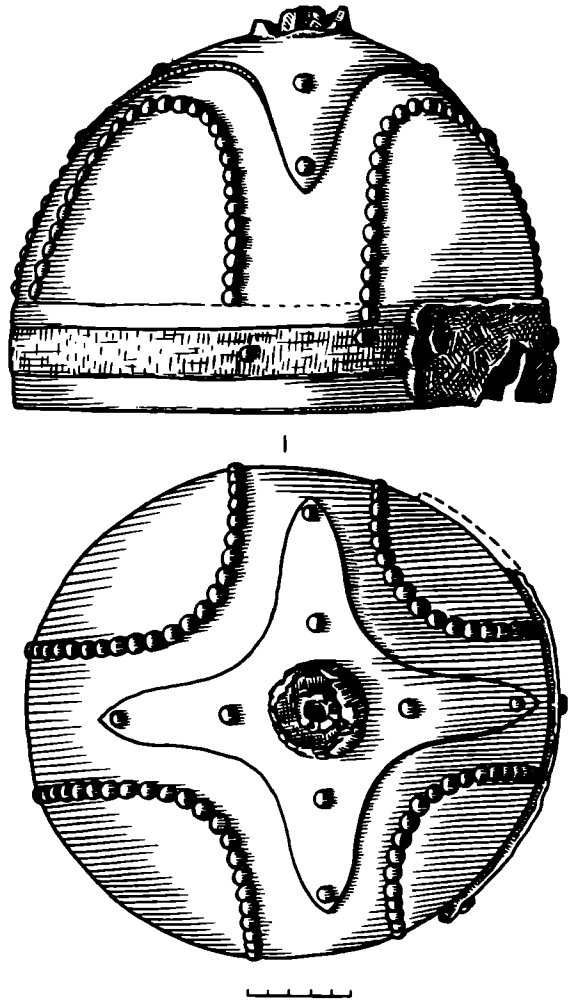
Е. А. СМАГУЛОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ШЛЕМ ИЗ МЕРКЕ

Шлем, представленный на рисунке, был обнаружен при случайных обстоятельствах в окрестностях г Мерке, районного центра Джамбулской обл. Казахской ССР Об условиях находки и сопровождающих ее вещах, к сожалению, ничего не известно [1]

Железо, из которого выкованы все детали шлема, сильно корродировано; на тулье и ободе имеются трещины; утрачены шпиль навершия и небольшая часть налобной пластины. Однако общая сохранность этого изделия позволяет проследить основные элементы конструкции.

Сохранившаяся общая высота без утраченного навершия — 16,5 см. Размер обода по основанию 21×22,5 см. Тулья полусферической формы (радиус — 11 см) В основе ее конструкции — крестовидная пластина (длина «лучей» ~ 10 см), которой придана полусферическая форма. В арочные промежутки между «лучами» основной пластины вставлены четыре пластины полуовальной формы, соединенные с основной плотным рядом заклепок по шву, так что дугообразные ряды, образованные выпуклинами шляпок заклепок, рельефно выделялись на гладком фоне тульи.



Шлем из окрестностей г. Мерке

При внимательном рассмотрении внутренней стороны шлема обнаруживается, что полуовальные пластины накладывались на основную с внутренней стороны.

Нижний край полусферы тульи прикреплен к ободу. На обод шириной 5 см наложен более узкий обруч — шириной 2,2 см. На нижнем крае затылочной и височных частей обода различим на снимке в рентгеновских лучах ряд небольших отверстий, служивших, очевидно, для крепления кольчужной бармицы. Промежутки между отверстиями не превышают 0,5 см. Поверх налобной части обода тремя заклепками прикреплена еще одна железная пластина — шириной 4,2—4,3 и длиной 24,5 см. Небольшая часть ее нижнего центрального края утрачена, так что остается только предполагать существование наносника, который мог быть одним целым с налобной пластиной. На купол тульи приклепано навершие, имевшее четырехконечное основание. Концы этого основания направлены по осям «лучей» основной пластины тульи. С его помощью крепилась трубка — втулка навершия, венчавшая всю конструкцию этого шлема [2], проходившая сквозь центр небольшой полусферы (радиус — 1,7 см), также прикрепленная к четырехконечному основанию навершия. Технология соединения деталей навершия неясна. Навершие установлено не строго над вершиной полусферы тульи, а чуть сдвинуто ко лбу.

Среди опубликованных средневековых шлемов Евразии нам неизвестны изделия подобной конструкции. По форме его можно отнести к полусферическим шлемам, широко распространенным в вооружении кочевников, а также русских воинов на всем протяжении средневековья. На Руси этот тип формы защитных

наголовий широко распространяется с XIV в. под заимствованным «восточным» термином «шишак». Он отличается от синхронно бытовавших сфероконических «шеломов» более приземистыми пропорциями; тулья их склепывается обычно из четырёх сегментовидных частей, скрепляющихся ободом; обычно навершие — с втулкой для плюмажа.

Анализ наголовий половецких изваяний показал, что у кочевых соседей Руси в X—XIII вв. полусферические шлемы были так же широко распространены, как сфероконические [1, с. 25 и сл.] На изображениях половецких шлемов дуговидные линии на тулье, опирающиеся концами на обод, отмечены в целом ряде случаев, причем шлемы эти, а точнее — их изображения, относятся к полусферическому типу [1, табл. 5, *13,* 6, *23;* 20, *134,* 27, *250,* 44, *648,* 50, *900,* 63, *1146*] [3] Шлем из Мерке позволяет предположить, что эти дуговидные линии являются основой конструкции шлемов этой формы. В связи с этой находкой становится ясно, что типология «половецких» шлемов, не учитывающая их конструкций, есть типология лишь изображений, требующая уточнений по мере накопления сведений о реальных предметах этой категории доспеха.

Иконографические данные раннесредневековых росписей Средней Азии [2, с. 15; 3, с. 238, рис. 6, с. 247, рис. 15] и средневековых миниатюр [4, с. 113, 115, 173; 5, илл. 9, 10, 43, 46, 133, 144; 6, илл. 40, 41, 57, 58, 71] свидетельствуют о том, что здесь в эпоху средневековья получили распространение различные варианты шлемов, тулья которых собрана из узких пластин, соединенных внизу ободом, или же без обода [7, табл. LVIII], а вверху — навершием с круглым основанием и трубкой. Они по типу формы и конструкции, видимо, близки так называемым чжурчженским шлемам [8, с. 173 и сл.] Можно предположить, что шлемы подобного пластинчатого полусферического типа были занесены в Среднюю Азию тюрками еще в эпоху раннего средневековья и продолжали существовать в экипировке степных рыцарей Старого Света и в более позднее время [9, с. 128—130]

По бокам шлема нет следов от крепления наушников, изображения которых обычны на шлемах среднеазиатских миниатюр XV—XVII вв. Но здесь же есть изображение отдельно лежащих шлемов поверженных в бою воинов. В некоторых случаях эти шлемы показаны с наушниками [10, илл. с. 369, илл. с. 335; 11, табл. 19] Вероятно, существовали разные способы соединения наушников со шлемом: 1) прикрепление наушников непосредственно к ободу; 2) когда наушники составляли одно целое с нижним войлочным (или матерчатым) головным убором, одевавшимся под шлем [4]

Полусферический тип шлемов («шишак») был распространен в вооружении обширного Евразийского региона продолжительное время. В доспехе русских воинов, например, они бытовали с XIV по XVII в; в Средней Азии дожили вплоть до XIX в. [15, илл. 77] [5]

Сузить датировку данного шлема можно исходя из того, что такая конструкция тульи зафиксирована на половецких изваяниях X— первой половины XIII в., а в более ранних и поздних изображениях она не отмечена; четырехконечное основание навершия имеется на черниговском шлеме, датированном по сопровождающему материалу IX— началом X в. [16, с. 254], и еще на одном шлеме X—XIII вв. [17, с. 24]; четырехлепестковое основание имел яловец шлема Ярослава Всеволодовича, брошенный им на поле Липецкой битвы 1216 г [18, с. 233, рис. 48]; прием декорировки выпуклинами, имитирующими головки заклепок (?), отмечен на ободе шлема VIII—X вв. из Сибири [19, с. 32] Соединение всех этих признаков в одном изделии, вероятнее всего, могло произойти где-то в X—XII вв. Этим временем и следует, на наш взгляд, датировать интересный своей конструкцией шлем — временем, когда кипчакские племена распространили пределы своих южных владений вплоть до г Тараза (современный г Джамбул), вблизи которого, по свидетельству Махмуда Кашгарского, находилась пограничная крепость кипчаков «Кенджак Сангир» [20, с. 444]

[1] Шлем был найден школьниками, отдавшими его местному краеведу А. Печерскому, последний передал его в музей археологии ИИАЭ АН КазССР.

[2] Эта деталь утрачена. Сохранилось лишь основание полусферы (диаметр —3,5 см) и внутренней втулки (диаметр —1,2 см).

[3] В каталоге половецких изваяний шлемы эти, видимо, по ошибке отнесены к I, т. е. сфероконическому, типу. Если использовать при дифференциации этих двух типов такой признак, как показатель H/D, то для сфероконического типа величина этого показателя, очевидно, будет $\geqslant 1$, а для полусферических $\geqslant 0{,}5 < 1$. Это подтверждается анализом пропорции шлемов на половецких изваяниях. Для публикуемого шлема этот показатель равен 0,77.

[4] Один такой подшеломник с наушниками (XVII в.) хранится в Оружейной палате Кремля [12, с. 22]. Интересно отметить, что он прострочен «чешуйками». Чешуйчатая конструкция головного убора показана на изображении воина одной из сцен росписей Пенджикента [13, табл. XXXVIII]. В. И. Распопова интерпретирует этот рисунок как изображение «чешуйчатой конструкции» шлема [14, с. 84]. На всех остальных известных изображениях этой части доспеха в Средней Азии показана иная, пластинчатая, конструкция. Может быть, коленопреклоненный воин в этой сцене изображен не в шлеме, а в простеганном матерчатом подшлемнике?

[5] Два богато декорированных шлема иранской работы XIX в. хранятся в собрании Государственного музея истории культуры и искусства Узбекской ССР им. А. Икрамова (г. Самарканд). Они выкованы из единого металлического листа, полусферические по форме, на месте обода, по нижнему краю, декоративная полоса, навершие с круглым основанием крепится тремя заклепками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния // САИ. 1974. Вып. Е4-2.
2. *Аржанцева И. А.* Раннесредневековый доспех Средней Азии // Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии: Тез. докл. Ташкент, 1985.
3. *Негматов Н. Н.* Живопись Шахристана // Культурное наследие Востока. Л.: Наука, 1985.
4. *Пугаченкова Г А., Галеркина О. И.* Миниатюры Средней Азии в избранных образцах. М.: Изобраз. искусство, 1979.
5. Миниатюры к «Хамсе» Низами. Ташкент: Фан, 1985.
6. Миниатюры к произведениям Амира Хосрова Дехлеви. Ташкент: Фан, 1983.
7. *Альбаум Л. И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975.
8. *Медведев В. Е.* О шлеме средневекового амурского воина // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981.
9. *Худяков Ю. С.* Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв. Новосибирск: Наука, 1980.
10. *Пугаченкова Г А., Ремпель Л. И.* История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М.: Искусство, 1965.
11. Среднеазиатские миниатюры XVI—XVIII вв. М.: Наука, 1964.
12. Оружейная палата. М.: Моск. рабочий, 1964.
13. Живопись древнего Пянджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
14. *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980.
15. *Нурмухаммедов Н. Б.* Искусство Казахстана. М.: Искусство, 1970.
16. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. // Археология СССР. М.: Наука, 1982.
17. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3 // САИ. 1971. Вып. Е1-32.
18. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
19. *Чиндина Л. А.* Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977
20. *Махмуд Кашгарий.* Девону луготи Турк. Т. 1. Ташкент, 1960.

Критика и библиография

Р. Д. Голдина. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1985. 280 с., 18 рис., 55 табл.

Не будет преувеличением сказать, что выход в свет монографии Р. Д. Голдиной знаменует собой определенный этап в изучении средневековых древностей Прикамья. По насыщенности материалом, масштабу охваченной территории, глубине поднимаемых проблем данная книга вполне может быть поставлена в один ряд с фундаментальными исследованиями А. В. Збруевой по ананьинской культуре этого региона или В. Ф. Генинга — по пьяноборской [1, 2].

Памятники ломоватовской культуры, открытые еще в конце прошлого столетия, долгое время были известны исследователям по публикациям отдельных памятников (могильники Бродовский, Деменковский, Телячий Брод, Агафоновский I или в виде кратких предварительных характеристик ломоватовской культуры в контексте обобщающих работ по древней и средневековой истории и археологии Прикамья.

Уже первичный анализ имеющегося материала обнаружил отнюдь не ординарное место ломоватовских памятников в средневековой археологии Прикамья и Приуралья в целом. Так, большое количество выразительных и хорошо сохранившихся погребальных комплексов (среди них с монетами) выдвинуло ломоватовские могильники в ряд эталонных для хронологии средневековых памятников Прикамья и прилегающих к этому региону территорий [3, 4]. Элементы ломоватовской материальной культуры и погребального обряда, проявившиеся в памятниках соседних территорий, поставили на повестку дня вопрос об участии носителей ломоватовской культуры в формировании этнокультурной карты Прикамья и Приуралья в I тыс. н. э. [5, с. 94—153; 6, с. 64—93]. В свою очередь это обстоятельство заставляет по-новому взглянуть на некоторые аспекты этнических процессов в регионе в это время.

Более чем 10-летние активные полевые исследования Р. Д. Голдиной, ее учеников и сотрудников дали материал, окончательно определивший круг задач, сформулированных во вводной части рассматриваемой монографии: составление археологической карты ломоватовской культуры (с. 9), более дробное хронологическое членение культуры, определение специфических особенностей, более детальная характеристика хозяйства и общественных отношений ее носителей (с. 10).

В целом структура монографии вполне традиционна и в соответствии с поставленными задачами — логична. Первые три главы составляют источниковедческую часть всего исследования и посвящены характеристике и классификации ломоватовского погребального обряда и инвентаря (глава 1), характеристике поселений и типологии керамики (глава 2), описанию костищ, кладов и случайных находок (глава 3). В главе 4 приводятся датировка и периодизация ломоватовской культуры, рассматривается вопрос о типологической преемственности памятников всех хронологических стадий ломоватовской культуры.

Заключительная глава 5 посвящена реконструкции на основании имеющихся археологических данных хозяйства и общественного строя носителей указанной культуры.

Книга снабжена богатым справочным материалом в виде рисунков, графических таблиц и указателей к ним (приложения 2 и 3), списка и алфавитного указателя памятников ломоватовской культуры, исследованных или выявленных в настоящее время (приложения 1 и 4). Все это, вместе взятое, формирует у читателя обширное, а в ряде аспектов законченное представление о культуре населения лесного Прикамья второй половины I тыс. н. э.

Из данных карты расположения памятников ломоватовской культуры (рис. 1) и таблицы 12 (с. 65) следует, что внутри территории распространения указанной культуры выделяются девять локальных групп, среди которых наиболее крупные: туйско-гаревская (81 памятник), иньвенская (45 памятников) и верхо-камская (40 памятников), объединяющие в общей сложности 50,6% всех известных ломоватовских памятников. Однако таблица, составленная нами по данным табл. 1—3 рассматриваемой монографии (с. 11—13), показывает, что в данном случае количество выявлен-

Таблица 1

Количество исследованных памятников ломоватовской культуры по локальным группам

Группа	Захоронения под курганами	Захоронения в грунтовых могильниках	Поселения
Туйско-Гаревская	133	—	6
Обвинская	?	202	—
Косьвинская	—	17	2
Чусовская	—	4	1
Иньвенская	—	36	—
Вишерская	—	—	—
Гайнинская	90	391	—
Косинская	73	56	—
Верхо-Камская	—	351	5
Всего	296	1057	14

Таблица 2

Соотношение основных признаков погребального обряда ломоватовских курганов

Признак обряда	Косинская группа	Туйско-гаревская группа
Трупоположение	95,2±5,2%	90,1±5,0%
Трупосожжение в могильной яме	—	7,5±4,4%
Трупосожжение на древней поверхности	4,7±5,2%	2,3±2,5%
Ориентировка погребенных:		
ССЗ	11,1±9,1%	—
ССВ	6,6±7,3%	—
СЗ	71,1±13,7%	—
СВ	—	8,5±5,0%
ЗСЗ	11,1±9,1%	—
ВСВ	—	7,6±4,7%
В	—	73,7±7,9%
Всего погребений	63	132

ных и изученных в локальных группах памятников и объем полученной с них информации не адекватны (табл. 1).

И хотя эти данные в целом непринципиальны, но, коль скоро в книге неоднократно идет речь о локальных особенностях исследованных памятников, есть смысл сразу же дать читателю представление о степени изученности каждой из выделенных территориальных групп.

Характеристику погребального обряда ломоватовской культуры автор совершенно логично дает по типам известных могильников, среди которых наиболее ранними являются курганы туйско-гаревской, обвинской, гайнинской и косинской территориальных групп. Но поскольку конкретных данных о курганах гайнинской группы (раскопки В. А. Борисова, 1900—1902 гг.) не сохранилось, а погребения обвинской группы оказались разрушенными, описание погребального обряда ломоватовских подкурганных захоронений дается в основном по материалам косинской (могильники Митино, Чазево I, II, Пеклаыб I) и туйско-гаревской (Бурково) групп. Суммарно описывая топографию курганных могильников, размеры и конструкцию курганных насыпей и могильных ям, Р. Д. Голдина отмечает особенности, характерные для каждой из территориальных групп: трупосожжения в могильных ямах и восточная ориентировка трупоположений — в туйско-гаревских курганах; преобладание западной и северо-западной ориентировки — в косинских (табл. 5 и 7).

Количественные данные о признаках погребального обряда курганных могильников представлены в книге в абсолютных цифрах. Думается, их процентное выражение, дополненное соответствующим коэффициентом вероятности (в статистических исследованиях наиболее часто применяется коэффициент вероятности, равный 0,95 или 95%) [7, с. 170], не только дало бы более точный для имеющихся выборок комплекс характерных признаков, но и позволило бы составить более выразительную картину локального своеобразия рассматриваемых памятников. В качестве примера можно привести таблицу соотношения курганов косинской и туйско-гаревской групп по харак-

теру захоронений и ориентировке погребенных, составленную по данным табл. 5 и 7 рассматриваемой монографии (табл. 2).

Из приведенной таблицы следует, что характерным для курганов обеих рассматриваемых групп является только обряд трупоположения; трупосожжения в могилах — локальный признак туйско-гаревской группы, для которой также характерна восточная ориентировка, тогда как для косинской — северо-западная ориентировка трупоположений. Все остальные признаки обряда для имеющихся выборок непредставительны, а потому в данном случае в сравнительном анализе они использованы быть не могут.

Несколько в ином ключе построена в книге характеристика погребального обряда бескурганных могильников ломоватовской культуры (с. 26—34). Здесь большинство признаков представлено в относительных показателях, что заметно усиливает наглядность рассматриваемого материала. Правда, справедливости ради следует заметить, что иногда в этих показателях встречаются или разночтения (см., например, данные о видовом составе жертвенных животных в погребениях Аверинского II могильника на с. 30 и в табл. 11 на с. 32), или их оценка не соответствует реальному значению данных показателей в комплексе погребального обряда ломоватовской культуры [1]. Но главное: данные суммарной характеристики ломоватовского погребального обряда также со всей очевидностью указывают на необходимость выявления локальных особенностей рассматриваемых могильников. Пример тому — соотношение двух обрядов (кремации и ингумации) на Аверинском II, Щукинском и Русиновском могильниках верхо-камской группы и Агафоновском 2 — гайнинской группы (с. 30).

Большую часть главы 1 занимает классификация вещевого материала из ломоватовских погребений (с. 34—62). В основу ее положены классификационные схемы, опубликованные в предшествующих работах автора. Следует отметить, что в истории изучения средневековых древностей Прикамья это первая и пока единственная наиболее полная и подробная классификация, чем и определяется ее значимость.

Непосредственное описание материала предваряется кратким изложением и обоснованием структуры классификации, в которой все имеющиеся вещи разделены на категории (по их назначению), группы (по материалу или технике изготовления), отделы, типы и подтипы (по форме вещи и ее отдельным деталям) (с. 34), т. е. по сравнению с опубликованной ранее схемой [3, с. 67—87] автор вводит новое классификационное звено (группу), передавая ему значение прежней категории. Однако в полном объеме предлагаемая автором схема использована при классификации только отдельных категорий вещей: подвесок (с. 43—47), наконечников стрел и топоров (с. 55—58). Во всех остальных случаях классификация проводится на уровне отделов, типов и подтипов. Правда, автор специально оговаривает те случаи, когда классификация вещей проводится по сокращенной схеме: «...в тех случаях, когда категории немногочисленны и однообразны» (с. 34); но при ближайшем рассмотрении выделяется еще ряд предметов, классификация которых по полной схеме вполне возможна. Например: если исходить из предлагаемой схемы, то типология браслетов, очевидно, должна выглядеть следующим образом. Группа 1 — цельнолитые; отдел А — круглопроволочные; тип 1 — гладкие; тип 2 — с утолщением в середине; тип 3 — с орнаментированными концами; тип 4 — с расплющенными концами. Отдел Б — цельнолитые граненые; тип 1 — четырехгранные с утолщением на концах; тип 2 — шести- или восьмигранные; подтип а — гладкие, подтип б — украшенные точечным орнаментом. Группа 2 — пластинчатые; отдел А — с плоскими концами; отдел Б — с отогнутыми Г-образными концами; отдел В — с заостренными концами. Группа 3 — витые; отдел А — крученые из двух проволок; отдел Б — из проволоки, свернутой в спираль. Внутри отделов групп 2 и 3 также выделяются типы и подтипы, которые в целях экономии места мы опускаем.

То же самое относится и к такой категории вещей, как пряжки, среди которых можно выделить как минимум две группы (трехсоставные и цельнолитые), а внутри них — несколько отделов (с треугольными, полуовальными, трапециевидными, геральдическими, ажурными щитками, бесщитковые и т. д.).

Некоторая нечеткость наблюдается в классификации поясных накладок (с. 40—42), где в отдел «А. Прямоугольные» включены все известные типы накладок, в том числе калачевидные

[1] По Р. Д. Голдиной, особенностью ломоватовских могильников является то, что в засыпи б о л ь ш и н с т в а (разрядка моя.— *В. И.*) могил встречались угли или углистые пятна. Это говорит о значительной роли культа огня при обряде захоронения» (с. 30). По нашим подсчетам на материале 604 погребений Агафоновского, Аверинского, Щукинского, Варнинского и других могильников угли встречены только в $11{,}9 \pm 2{,}1\%$ могил.

(тип 8, по Р. Д. Голдиной), круглые (типы 9—11), розеткоподобные (тип 12), якорьковидные (типы 13, 16, 19), Ж-образные (тип 17) и др. В этом плане типология поясных накладок, предложенная автором в 1970 г., где отсутствует объединение в какие-либо отделы [3, с. 73—77], выглядит более логичной и четкой.

Наконец, с точки зрения источниковедения, при описании типов вещей полезным было бы указание количества погребений, где тот или иной тип найден (кроме приведенного в книге общего количества найденных вещей).

Глава 2, как уже отмечалось выше, посвящена характеристике ломоватовских поселений и керамики, собранной на них. Что касается поселений, то здесь к пространному и обстоятельному описанию топографии, типов городищ, систем их укреплений, может быть, следовало добавить описание конструкций оборонительных сооружений (если конечно, такие исследования проводились).

Характеристика керамики ломоватовских поселений дается автором по материалу памятников двух территориальных групп: туйско-гаревской (Опутятское городище, Коновлятское и Зародятское селища) и верхо-камской (городища Шудьякар и Ором). В книге приведены показательные таблицы соотношения керамики на поселениях по примесям в тесте (табл. 14), степени и технике орнаментации (табл. 16—18). По форме верхней части сосудов и общим пропорциям автор делит всю ломоватовскую посуду на три типа: высокие сосуды с высокой прямой или несколько отогнутой шейкой, плавно переходящей в тулово (тип 1); сосуды с короткой шейкой и ребром при переходе шейки в тулово (тип 2); низкие открытые чаши без шейки (тип 3) (с. 95). Однако данная типология не совсем полно отражает весь ассортимент форм ломоватовской керамики. Из приведенных в книге иллюстраций (табл. XLV—XLVII) видно, что керамика с поселений по форме делится, как минимум, на четыре типа: с прямыми (вертикальными) шейками (табл. XLVI, *13, 17;* XLVII, *3, 9*); с шейками, отогнутыми наружу (табл. XLV, *1, 3;* XLVI, *2, 4, 10, 14, 16;* XLVII, *1, 4, 6, 9, 11, 12*); закрытые сосуды (табл. XLV, *2, 6, 7, 12, 13, 17;* XLVI, *5, 12, 17, 19;* XLVII, *8, 19*); открытые чаши без шеек. Внутри этих типов, естественно, по параметрам и общим пропорциям выделяются варианты.

По справедливому замечанию Р. Д. Голдиной, ломоватовские сосуды своими формами продолжают гончарные традиции Прикамья эпохи раннего железа. Вместе с тем наблюдается известная хронологическая динамика керамических форм, что наглядно представлено в табл. 15. Из этой таблицы следует, что существуют определенные различия и в распространении керамических типов по территориальным группам. Так, на городищах Шудьякар и Ором (верхо-камская группа) абсолютно преобладают сосуды 2-го типа (по Р. Д. Голдиной) при весьма незначительном присутствии сосудов 3-го типа, хотя по всем остальным показателям керамики такой локализации и не прослеживается.

Глава 4 «Датировка, периодизация и культурная самостоятельность памятников» является по сути своей ключевой для всей монографии. Глава состоит из двух частей, из которых первая посвящена хронологии и периодизации ломоватовской культуры в целом. И хотя автор не раскрывает перед читателем всей «кухни» своей хронологизации, но из ее предшествующих работ мы знаем, что в основе полученных результатов лежит тщательный анализ материала как традиционным методом взаимокорреляции типов вещей, так и с применением математической статистики [3, с. 94—101].

В целом предлагаемые Р. Д. Голдиной хронологические стадии ломоватовской культуры, подтверждаемые многочисленными аналогиями из памятников юга Евразии, ставших, как известно, своеобразным репером в вопросах средневековой археологии, и находками монет (в 18 погребениях ломоватовской культуры) вызывают полное доверие. Более того, учитывая то обстоятельство, что автором впервые разработана хронология специфических прикамских вещевых комплексов, соответствующих, в частности, деменковской и урьинской стадиям ломоватовской культуры, сейчас есть все основания рассматривать эти комплексы как репер для уточнения и перепроверки датировки памятников VI—IX вв. с соседних территорий Прикамья и Приуралья.

Наряду с выделением вещевых комплексов, соответствующих каждой из хронологических стадий ломоватовской культуры, автор намечает и динамику ломоватовского погребального обряда во времени. Данная работа вполне логична и оправдана, поскольку сама ломоватовская хронология строится на материале погребений. Другое дело, что на этом фоне несколько декларативно выглядит отнесение отдельных поселений к той или иной хронологической стадии. Заявляя об их хронологической связи с соответствующими могильниками, автор ни в тексте книги, ни в хронологической таблице на рис. 16 не приводит фактов, подтверждающих эту связь. Вопрос же представляет-

ся достаточно важным, прежде всего в плане уяснения генезиса ломоватовской керамики. Из приведенных в книге данных процесс этот представить практически невозможно, поскольку в хронологической таблице на рис. 16 поселенческий материал представлен только образцами сосудов с Опутятского городища (графа «Харинская стадия», рис. 16, 30, 32, 35, 36), а керамика всех остальных стадий представлена сосудами из Аверинского, Агафоновского, Каневского и Деменковского могильников. Мало помогают здесь и статистические данные о технике орнаментации ломоватовских сосудов (табл. 21, 22), поскольку использованный при их построении поселенческий материал относится, как считает Р. Д. Голдина, в основном к ранней, харинской стадии ломоватовской культуры (селища Опутята, Коновлята, Русиново II, городище Шудьякар).

Второй раздел рассматриваемой главы, озаглавленный «О культурном единстве памятников», практически посвящен дискуссии Р Д. Голдиной с Ю. А. Поляковым относительно культурной принадлежности памятников харинского времени (V—VI вв.) в туйско-гаревском и обвинском районах, отнесенных Ю. А. Поляковым к среднему и позднему этапам гляденовской культуры. Автор книги приводит многочисленные свидетельства преемственности погребального обряда и керамики харинской и более поздних стадий ломоватовской культуры. На конкретных примерах доказывает отсутствие таковой между гляденовскими и ломоватовскими комплексами и поселениями (с. 137—139).

Трудно не согласиться с утверждением автора о формировании ломоватовской культуры в Прикамье при решающем влиянии внешнего импульса в лице пришлых групп населения. И безусловно права Р Д. Голдина, предполагая (вслед за В. Ф. Генингом) [8, с. 185—187] истоки этого пришлого населения в раннесредневековых культурах Западной Сибири (с. 144). Автору этих строк представляется, в частности, что это могли быть племена, родственные оставившим памятники VI—IX вв. на Оби, типа могильников Релка, Тимирязевского, Архирейской заимки и др.

Таким образом, замечания, возникающие при чтении монографии Р. Д. Голдиной, не затрагивают основных выводов автора относительно хронологии и генезиса ломоватовской культуры в Прикамье, а касаются преимущественно формы подачи материала. Такая «придирчивость» рецензента неслучайна, поскольку данная книга, как уже отмечалось выше, является и еще долго будет оставаться наиболее полным сводом материалов по этой культуре, обращаясь к которому, каждый исследователь будет стремиться получить максимальную информацию по интересующим его вопросам.

В целом же книга Р. Д. Голдиной является заметным вкладом в развитие археологии Урала — Поволжья эпохи средневековья. Ее появление существенно дополняет археологическую карту Приуралья и в значительной степени меняет наши представления о месте и роли лесных племен Прикамья в формировании этнической карты региона во второй половине — конце I тыс. н. э.

В. А. Иванов

ЛИТЕРАТУРА

1. *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.
2. *Генинг В. Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. 1970. № 10.
3. *Голдина Р. Д.* Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме // ВАУ. 1969. № 9.
4. *Голдина Р. Д.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. 1979. Вып. 158.
5. *Казаков Е. П.* Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюрко-язычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
6. *Халикова Е. А.* Погребальный обряд Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
7. *Рычков Н. А.* Оценка представительности и характера распределения признаков погребальных памятников // Методологические и методические вопросы археологии. Киев: Наук. думка, 1982.
8. *Генинг В. Ф.* Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. Казан. фил. АН СССР. Сер. гуманит. наук. 1959. Вып. 2.

В. К. Михеев. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. 147 с.

Советская, в том числе и украинская, библиография по салтово-маяцкой культуре не изобилует монографическими исследованиями, и появление книги харьковского археолога В. К. Михеева не могло остаться не замеченным. Привлекает книга и тем, что она посвящена наименее разработанным в салтово-маяцкой культуре проблемам — экономике оседлого и полуоседлого населения. Не секрет, что реконструкция экономики древних обществ по данным археологии — самое слабое место в нашей науке.

Прежде чем переходить к конкретному разбору труда В. К. Михеева, необходимо сделать следующую оговорку. Обещанный в заголовке географический охват (Подонье) никак не соответствует содержанию книги. Она построена на материалах только Северского Донца, причем преимущественно северной половины его бассейна. Об этом свидетельствует и карта «Основные поселения и могильники салтово-маяцкой культуры VIII—X вв. в Подонье и Северном Приазовье» (рис. 1). Принцип отбора памятников для карты неясен, а бóльшую часть из 97 нанесенных на нее памятников никак не назовешь основными. Приазовье представлено 5 памятниками, Верхний Дон — 4, Нижний Дон — 14, остальные же 74 лежат в бассейне Северского Донца. Сказанное полностью подтверждается содержанием первой главы книги.

Глава I «Археологические источники» посвящена обзору группы памятников Северского Донца, большинство из которых исследовалось самим автором и публикуется впервые. Именно это делает главу, несмотря на конспективность изложения, весьма ценной. Читателю предлагается краткая информация по следующим памятникам: Старосалтовское городище и его катакомбный могильник, Сухогомольшанский комплекс (городище и могильник), могильники у сел Пятницкое и Красная Горка, комплекс у с. Маяки (городище, селища, могильники), городище и могильник у с. Сидорово, городища Теплинское, Святогорское и у с. Татьяновка, Кировское городище и его могильник. Упоминается ряд менее значительных памятников. Не останавливаясь на каждом в отдельности, отметим, что автор вводит в научный оборот совершенно новые и ценные данные по крепостному строительству, жилищам, погребальному обряду, в том числе по малоизвестным могильникам с трупосожжениями. Описательный характер главы не требует ее специального разбора, за исключением следующих замечаний. Указав на чрезвычайно интересный факт находки в четырех из семи жилищ Сухогомольшанского селища керамики пеньковского типа и на наличие во всех жилищах печей-каменок, автор никак это не комментирует (с. 8), хотя присутствие на салтовском селище пеньковских элементов представляет чрезвычайный интерес, тем более что еще в одном жилище (№ 6) с печью-каменкой «найдено большое количество раздавленных салтовских сосудов». Остается надеяться, что это открытие получит истолкование в последующих работах автора.

Если отсутствие мнения автора по пеньковским материалам простительно, то отсутствие обоснований предлагаемых датировок могильников у городища Маяки — серьезный пробел в монографии. Могильник № 1 (грунтовые ямы) с очень бедным инвентарем автор относит к середине VIII — началу IX в., могильник № 2 (трупосожжения) — к первой трети IX в., могильник № 3 (грунтовые ямы) — к IX в. (с. 16, 17). Бедный иллюстративный материал по могильникам не позволяет читателю ни проверить предлагаемые датировки, ни поверить в них. К сожалению, это не единственный случай в монографии, когда автор, указывая конкретные даты, не обосновывает их.

Приходится также принимать на веру предположение Михеева о принадлежности Сухогомольшанского и ему подобных могильников тюрко-уграм, а городища Маяки и его могильника с трупосожжением — тюрко-болгарам (с. 23). Ни объяснения весьма неудачных терминов «тюрко-угры» и «тюрко-болгры», ни сравнения приписываемых им могильников в книге мы не найдем. Оба предложенных термина неисторичны и никак не содействуют прояснению и без того плохо поддающейся реконструкции этнической ситуации в Хазарском каганате.

Глава II посвящена основным отраслям «салтовской» экономики и потому заслуживает более подробного разбора, тем более что скотоводство и земледелие в Хазарском каганате освещены в литературе недостаточно. В шести разделах главы последовательно рассматриваются виды разводимых салтовцами важнейших сельскохозяйственных животных, их содержание и использование, орудия и способы заготовки кормов, почвообрабатывающие орудия, состав сельскохозяйственных культур и системы земледелия, уборка урожая, орудия и способы переработки продуктов земледелия.

В центре внимания находятся, естественно, археологические материалы: рабочие наконечники пахотных орудий, мотыги, серпы, жернова, косы, предметы упряжи и т. п. Весьма ценно, что значительная часть таких находок впервые вводится в научный оборот. Для наиболее многочисленных категорий сельскохозяйственного инвентаря автором предложена собственная классификация. Интерпретируя назначение тех или иных орудий и выясняя способы работы ими, автор привлекает этнографические данные, впрочем, без особого обоснования правомерности приводимых параллелей. Используются также письменные источники и некоторые данные лингвистики. Анализ археологических данных о земледелии, которому посвящена бóльшая часть главы, проводится не только для определения уровня развития этой сферы хозяйственной деятельности, но и с целью выяснить истоки сложения земледельческого хозяйства у населения Северо-Западной Хазарии.

В конце главы приведены основные выводы, которые сводятся к следующему. По мнению автора, на рубеже VIII—IX вв. в рассматриваемом регионе складывается комплексное хозяйство, в котором земледелие сочеталось с «экстенсивными формами животноводства», практиковавшимся наиболее зажиточной группой населения. Земледелие распространилось здесь в процессе оседания кочевников на землю и заимствования земледельческих орудий и навыков у оседлого населения, прежде всего славянского. Значительную роль в этом плане сыграли, как полагает В. К. Михеев, культурные связи с районами Дунайского бассейна и в меньшей мере — Кавказа.

В IX—X вв. в связи с усилением оседлости преимущественное развитие получает земледелие, которое, несомненно, было пашенным, причем, по мнению автора, применялись не только рала, в том числе и усовершенствованные (с отвальными приспособлениями и череслами), но плуги — небольшие однорукояточные и более тяжелые двухрукояточные. Имела место залежная система земледелия, но преобладала переложная, постепенно эволюционизировавшая в паровую с двухпольным севооборотом. Животноводство в этих условиях было пастушеским или отгонно-пастбищным со стойловым содержанием скота и заготовкой на зиму большого количества кормов. Наряду с этим фиксируются «полуоседлая форма хозяйства с отхожими полями и сезонные откочевки меньшей части населения» (с. 52).

С большинством приведенных выше выводов следует согласиться. Но положения эти не новы. Главная задача автора состояла, очевидно, в прочном их обосновании фактическим материалом. Однако выполнена эта задача, на наш взгляд, лишь частично.

Существенным недостатком главы представляется то обстоятельство, что за рамками исследования фактически остались два очень важных момента: соотношение в хозяйстве оседлого и подвижного (кочевого и полукочевого) элементов, а также динамика развития сельскохозяйственного производства. Об этих вопросах автор, конечно, говорит и в тексте главы, и в выводах, но в основном без подведения прочной источниковедческой базы, в значительной мере декларативно. Так, оказались не подтвержденными фактическим материалом тезисы об изменении состава стада при переходе к оседлости (с. 25), о появлении у салтовцев полужесткого хомута (с. 26), об эволюции серпов в направлении сложения орудий современного типа (с. 46), о путях эволюции пахотных орудий (с. 37, 38) и систем земледелия (с. 43, 44) и др. Уже отмечалось, что бóльшая часть рассматриваемой главы посвящена вопросам земледелия. Животноводству же в главе уделено непропорционально малое внимание, что не соответствует его месту в хозяйстве Хазарского каганата. Источниковедческая база для исследования животноводства узка и неполноценна. Нет данных о составе стада ни на одном поселении, имеется лишь выборка по восьми памятникам о проценте крупного рогатого скота и по четырем памятникам — лошадей. Какие-либо данные о мелком рогатом скоте, свиньях и других домашних животных вообще отсутствуют. В итоге все рассуждения автора о роли того или иного животного оказались бездоказательными. Цифровые данные о составе стада Правобережного Цимлянского городища, Дмитриевского селища, Карнауховского поселения, приводимые В. К. Михеевым, ранее успешно анализировались С. А. Плетневой, из книги которой [1, с. 147] они и почерпнуты. Неполнота статистических данных в конечном итоге не позволила автору дать полноценную картину животноводства. Удивляет, почему автор не использовал (за исключением городища Маяки) остеологический материал из собственных многолетних раскопок.

Сельскохозяйственное производство представлено в целом статично и односторонне — с креном к недооценке роли животноводства. Во многом это объясняется характером использованных источников, относящихся в своем большинстве к оседлому населению, к тому же к последнему периоду в истории Хазарского каганата.

Нельзя не отметить, что специфические черты сельскохозяйственного производства салтовского

населения могли бы лучше выявиться при сравнении характеризующих его источников, происходящих с рассматриваемой территории, с одной стороны, и памятников соседних районов — с другой. Такого сравнения автор, к сожалению, не провел.

Не все имеющиеся археологические материалы, характеризующие земледелие и животноводство, проанализированы в книге с достаточной полнотой. В главе II мы не найдем ни перечня памятников, палеоботанический и остеологический материал которых исследовался специалистами, ни данных о составе обнаруженных на этих памятниках остатков культурных растений и сельскохозяйственных животных. В главе, специально посвященной животноводству и земледелию, такое игнорирование весьма важных источников кажется совершенно неправомерным. В результате соображения автора о роли тех или иных животных и растений в хозяйстве салтовского населения в разные периоды его истории по существу повисают в воздухе.

Еще один пример. Выдвигая принципиально важный тезис о стойловом содержании скота в зимний период (с. 25), автор для его обоснования посчитал возможным ограничиться тремя ссылками на труды К. И. Красильникова, А. З. Винникова и И. И. Ляпушкина. Рассмотрим их. К. И. Красильников лишь упоминает «зимнее стойло для скота» не указывая на их число, ни памятники, где они обнаружены [2, с. 122]. На Маяцком поселении среди 32 построек А. З. Винников лишь одну счел возможным интерпретировать как помещение для молодняка [3, с. 122], но возможны и другие предположения. Сработала лишь ссылка на Карнауховское поселение [4], где, действительно И. И. Ляпушкин убедительно выделил большие помещения для скота, правда постройка II, изображенная на указанной Михеевым с. 269, к ним не относится. Ясно, что при такой ограниченности источников невозможно решить важнейший вопрос: какая часть стада оказывалась в стойлах, а какая оставалась на подножном корму. Заметим в этой связи, что наличие на салтовских памятниках значительного количества кос вряд ли можно расценить как убедительное подтверждение широкого распространения стойлового содержания домашних животных (с. 29): из этнографии известно, что косы широко использовались полукочевниками и даже кочевниками.

В главе затронут принципиально важный вопрос о времени появления плуга в Восточной Европе. По мнению автора, часть рабочих наконечников пахотных орудий из памятников салтовской культуры (типа 1Б4 и 1Б5, по классификации автора) принадлежала небольшим однорукояточным плугам. Аргументируется это положение указанием на преднамеренную асимметрию лопасти и втулки у таких наконечников (с. 35—37). Значение асимметричности втулки для интерпретации наконечников по принадлежности к ралам или плугам в работе не раскрыто, а критерии, позволяющие отличать непреднамеренную асимметрию лопасти, которая встречается и у наральников, от преднамеренной, не указаны. Отмечая несомненный интерес сделанных автором наблюдений, нужно напомнить тем не менее, что небольшая асимметричность лопасти наконечников пахотных орудий может объясняться не только применением у таких орудий одностороннего отвала, но и рядом других обстоятельств, на что уже неоднократно указывалось в литературе [5]. Поэтому отнесение к легким плугам наконечников типов 1Б4 и 1Б5, по существу не отличающихся от наральников ни размерами, ни формой, пока нельзя признать достаточно убедительным. Иное дело — наконечник, найденный на поселении у с. Красное в Донецкой обл. (рис. 23,*2*), бесспорно принадлежащий крупному двухрукояточному плугу. Настораживает, однако, что аналогии ему имеются только среди восточноевропейских древностей послемонгольского периода [6, 7]. В этих условиях очень важно было бы указать условия находки рассматриваемого наконечника, о чем в книге ничего не говорится. Между тем не исключена возможность, что он мог попасть на площадь салтовского поселения спустя несколько столетий, при каких-то случайных обстоятельствах, например при вспашке его площади. Учитывая, что рассматриваемая находка пока единственная не только на салтовских, но и на других синхронных им памятниках, от положительного решения вопроса о существовании плуга у населения Подонья VIII—X вв., по-видимому, следует пока воздержаться.

Требует серьезной аргументации тезис автора о том, что рала с дополнительными ральниками появились в Подонье в хазарское время в результате этнокультурных контактов с населением, проживавшим на территории современной Болгарии (с. 33). Подобные пахотные орудия с копьевидными или лопатковидными наральниками широко применялись в античных поселениях Северного Причерноморья вплоть до первых веков н. э., а также в Прикубанье. Их появление на Дону можно объяснить также этнокультурными контактами с населением этих территорий.

Как уже отмечалось, значительная часть сельскохозяйственного инвентаря, рассматриваемого

в главе, вводится в научный оборот впервые. К сожалению, делается это нередко очень небрежно. Приведем несколько примеров, касающихся описания наконечников пахотных орудий. Автор, описывая наконечники того или иного типа, обычно указывает их общую длину (L) и пропорции в отношении к общей длине. Здесь имеется немало путаницы. Так, наконечник типа IA1, по данным автора (с. 34), имеет общую длину (L) 18 см, длину втулки (l), равную 1/3, т. е. 6 см. Здесь же указывается, что ширина втулки (d_1) составляет 1/2, т. е. 3 см, что невероятно и противоречит рис. 22, *1*. О длине втулки наконечников типа IБ2 на той же странице говорится, что у них «$l=3{,}7-4{,}6L$». Этого не может быть: длина втулки (l), т. е. части наконечника, не может быть больше длины всего наконечника (L). О наконечнике типа IБ3 на с. 35 сообщается, что отношение общей длины к длине втулки (L/l) составляет у него 1,6. При общей длине наконечника 25,5 см длина втулки должна составлять, таким образом, 16 см, что явно противоречит рис. 22, *9*. К сожалению, подобные примеры, относящиеся и к некоторым другим категориям публикуемых в работе вещей, можно умножить.

Очень общи и далеко не точны многие аналогии. Ограничимся одним примером: наконечники типа IБ2, имеющие общую длину 20—24 см и лопасть, значительно превышающую по ширине ширину втулки, никак нельзя сопоставить с маленькими наральниками из Волжской Болгарии, опубликованными А. Штукенбергом и А. В. Кирьяновым (с. 34). Приведенные в качестве аналогии наральники не только почти вдвое меньше салтовских, но и имеют совсем иные особенности формы и пропорции. Неточность и приблизительность аналогий делают сомнительным и другие сопоставления автора.

Нельзя пройти мимо многочисленных примеров небрежности и непродуманности терминов, относящихся к сельскохозяйственному производству. Так, нельзя говорить «производственные силы» (с. 25), общепринятый в марксистской науке термин — «производительные силы». Вряд ли имеет смысл вводить термин «однопольное земледелие» для обозначения земледелия, ведущегося по залежной и переложной системам (с. 44). Не следует вырубку кустарника на землях, заброшенных в залежь или перелог, называть «мелиоративным способом обработки земли» (с. 44, 98): вырубка кустарника не является обработкой почвы. Нельзя называть комплекс выращиваемых растений «агрикультурами» (с. 40): этот термин, применяемый обычно в единственном числе, имеет совсем иное значение. Нельзя называть тесла-мотыжки пахотными орудиями (с. 38): в лучшем случае это почвообрабатывающие или землекопные орудия. И уж, конечно, не тесламотыжки, как пишет автор, «использовались как инструмент для управления тягловыми животными» (с. 39). Крайне неудачны выражения «двубочный способ косьбы» (с. 30), «отхожие поля» (с. 43, 52), «ямки-дырки» (с. 42) и т. д. Для обозначения деревянной части косы лучше применять принятый в этнографии термин «косьевище», а не «косовище» (с. 30 и др.). Подобных примеров в рассматриваемой главе, к сожалению, слишком много.

Следующие две главы посвящены промыслам (глава III) и ремеслам (глава IV). К первым автор относит рыболовство, охоту, обработку кости, дерева, камня. К ремеслам отнесены гончарство, черная металлургия и металлообработка, обработка цветных металлов. Как следует из этого перечня, впервые воедино собрана весьма значительная информация по различным отраслям производства населения Хазарского каганата, что весьма важно. Текст обеих глав иллюстрируется многочисленными изображениями орудий и готовой продукции. Естественно, наибольший интерес у читателя вызывают разделы, основанные непосредственно на археологическом материале, в том числе публикуемом впервые. К сожалению, нередко вполне понятное отсутствие археологического материала автор пытается подменить введением общеизвестных данных этнографии, а с другой стороны, не использует все возможности археологических источников.

С учетом «экономической» направленности всего исследования мы вправе были ожидать от автора не только описания отраслей производства, но прежде всего выяснения их стадиального положения, в частности соотношения домашнего производства и ремесленного. Однако весь теоретический раздел обеих глав автор ограничил следующим общим замечанием: «Появление отдельных ремесел в Подонье было связано с процессом оседания кочевников, усугублением социально-экономической дифференциации населения салтовской культуры и формированием Хазарского раннефеодального государства» (с. 80). Столь расплывчатая формулировка может быть отнесена к любому обществу оседающих кочевников, но никак не углубляет наших представлений ни о социально-экономической дифференциации, ни о феодализации в конкретно рассматриваемом Хазарском каганате. В этом плане автор не продвинул наши знания об экономике Хазарского каганата ни на шаг.

Второе общее замечание — относительно социально-экономической стороны темы. Подразделяя производство на «промыслы» и «ремесло», автор оставляет в стороне вопрос о критериях такого подразделения, однако если под первым мы условно будем понимать подсобное производство «для себя» (при этом основа хозяйства социальной единицы, например семьи, — земледелие и скотоводство), а под вторым — производство на рынок (при этом производитель не занимается сельским хозяйством либо оно в свою очередь носит лишь подсобный характер), то все встанет на свои места. Другими словами, для анализа экономического состояния общества важно подразделение промыслов и ремесел не по отраслям (охота, ткачество, гончарство и т. д.), а по степени их выделения в профессиональное производство. Так, гончарство может быть домашним — подсобным и профессиональным — «ремесленным», причем оба вида могут сосуществовать. То же касается не только обработки дерева, кости, камня и других видов сырья, но даже железа и цветных металлов.

Обратимся непосредственно к главе III — «Промыслы». В ней автор подробно описывает имеющийся в его распоряжении археологический материал. По рыболовству дана типология крючков, описаны блесны, пешни, багорчики, остроги, челноки для плетения сетей, грузила для сетей. При характеристике охоты описаны изображения диких животных на предметах материальной культуры, луки и стрелы, топоры. Небольшой раздел посвящен орудиям косторезного и кожевенного производства. Особо следует выделить в данной главе публикацию разнообразного инструментария для деревообработки, происходящего из раскопок самого автора: топоры, тесла, долота, стамески, сверла, токарные и ручные резцы, ложкари, напильники. В такой полноте инструменты деревообработки салтовцев предстают перед нами впервые. Главу завершает небольшой обзор «Обработка камня». При общей высокой оценке описаний и типологических выкладок автора напрашиваются некоторые замечания.

На с. 54 автор пишет, что «рыбная ловля служила основной причиной приречного местонахождения... стойбищ». С этим согласиться нельзя. Причина в другом: река прежде всего выступала как источник водопоя, а приречные долины давали лучшие кормовые травы. Эта ошибка В. К. Михеева проистекает из другой, а именно — из абсолютно не обоснованного преувеличения роли рыболовства в экономике Хазарского каганата, вплоть до того, что, указывая на факт находки на Правобережном Цимлянском городище тяжелых рыболовных грузил, он делает вывод, что «в отдельных местах (Подонья — *Ю. К., В. Ф.*) было развито профессиональное рыболовство, указывающее на наличие общественного разделения труда и существование определенных повинностей по доставке продуктов рыбной ловли» (с. 79). В связи со столь категоричным утверждением следует напомнить, что на Дону и в Приазовье рыболовство никогда, вплоть до начала XIX в., не было профессиональным занятием и носило сезонный характер. Оно относилось к так называемым отхожим промыслам. Во-вторых, придавая столь большое значение рыболовству, автор должен был доказать это анализом археологического материала (количественные показатели находок, их пропорциональный состав на каждом отдельном памятнике, картография всех данных). Этого в книге нет. Что касается вопроса о существовании общественного разделения труда и повинностей по доставке рыбы, то на имеющемся археологическом материале эти вопросы не только не разрешимы, но и не могут быть поставлены.

Несколько частных замечаний. В разделе «Охота» отсутствуют остеологические определения, без чего невозможно сравнить значение охоты в разных регионах каганата и определить ее место в целом. Весь раздел, как и последующий — «Переработка продуктов животноводства и растительного волокнистого сырья», перегружен общими описаниями и не всегда уместными аналогиями (от фресок киевской Софии до данных по охоте в войске Тимура в конце XIV в.). Вряд ли следовало повторять надуманную версию о том, что Мадарский всадник — заблудившийся охотник (с. 61).

Наиболее удачным нам представляется раздел «Обработка дерева» с подробным анализом и описанием многочисленного инструментария. Однако описав громадный и разнообразный материал, автор упускает из виду, что едва ли не важнейшим направлением в деревообработке было домостроительство, причем не юрт, на что сделан упор (с. 73), а землянок и полуземлянок с их разнообразными деревянными конструкциями и производственных помещений (вспомним гончарные мастерские). Второе направление — использование дерева в крепостном строительстве. Именно развитость деревянного домостроительства, т. е. стационарного, вкупе с сооружением крепостей с учетом широкого распространения и дифференциации деревообрабатывающих орудий как нельзя лучше подтверждает неоднократно высказывавшееся самим же автором положение об общей тенденции перехода «салтово-маяцкого» общества к оседлости.

Отказ от решения (или хотя бы постановки) социально-экономических вопросов привел к тому, что, начав главу «Промыслы» следующим: «Имеющиеся археологические материалы свидетельствуют о существовании у населения салтовской культуры Подонья различных промыслов. Одни из них были связаны с присвоением готовых продуктов природы, а другие — с необходимостью обработки шерсти, кожи, древесины, растительного волокнистого сырья и камня» (с. 53), — автор завершает ее выводом: «Изучение материалов, относящихся к использованию и переработке продуктов животноводческого хозяйства и естественного сырья, указывает на развитие у салтовского населения Подонья кожевенного дела, прядения и ткачества, обработки кости, рога, дерева и камня» (с. 79).

Глава IV — «Ремесла» посвящена трем наиболее важным отраслям производства: гончарному, черной и цветной металлообработке. Естественно, на 16 страницах, составляющих объем главы, автор смог дать лишь общий обзор фактического материала. Глава содержит много метких наблюдений, читается с интересом, хотя, стесненный объемом книги, автор не смог дать общую картину развития этих производств.

В конспективном «Заключении» (с. 97—100) излагаются общие положения о раннефеодальных кочевых или полукочевых обществах и делается попытка проецировать их на Хазарский каганат. Последнее не всегда удачно, часто спорно. Для некоторых выводов археология просто не дает данных. Так, мы не имеем никаких оснований преувеличивать процесс стирания этнических различий внутри каганата (с. 97). Разнообразие форм и деталей погребального обряда и погребальных сооружений в каганате этому явно противоречит. Нет оснований, опять-таки без анализа данных могильников и сравнительного анализа жилищ внутри отдельных поселений (этого в книге нет), поднимать вопрос об «имущественном расслоении и обнищании части кочевников» салтово-маяцкой культуры (с. 97), а тем более делать категоричный вывод: «Археологические материалы с памятников салтово-маяцкой культуры свидетельствуют об и н т е н с и в н о м (разрядка наша. — *Ю. К., В. Ф.*) социальном разложении» (с. 99). На этой же странице автор идет еще дальше: «Исследования археологических памятников салтово-маяцкой культуры подтверждают наличие социального расслоения и образования различных категорий населения: зависимых скотоводов и земледельцев — рядовых общинников, ремесленников, социально привилегированных и зажиточных слоев». Безусловно, определенное социальное расслоение в каганате не могло не существовать (это все-таки государство), но как далеко оно зашло, какова степень формы зависимости «зависимого» населения? На эти вопросы в книге В. К. Михеева ответа мы не найдем. Археологические источники слишком спицифичны, чтобы на их основе делать столь категоричные выводы.

С вопросом о структуре общества непосредственно связан и вопрос о семье и общине. Мы полностью согласны с мнением В. К. Михеева, что «их формы у населения Подонья в VIII—X вв. нам неизвестны» (с. 99). Однако поставив точку в конце цитированной фразы, он тут же на неясном для читателя основании высказывает предположение, «что в указанный период общины были основаны на принципах территориальных, а не кровнородственных связей». За этим предположением следует уже утверждение (!): «В таких общинах семьи являлись самостоятельными хозяйственными единицами».

Абсолютно нельзя согласиться со знаком равенства, который автор ставит между «синкретизмом» салтово-маяцкой культуры и «синкретизмом» культуры Золотой Орды (с. 99). Это тема особая, требующая специального рассмотрения.

Завершая разбор книги В. К. Михеева, мы не считаем возможным давать ей однозначную положительную или отрицательную оценку. В тех случаях, когда автор строго следовал археологическим источникам, достижения его оказались плодотворными и интересными. Но в то же время в книге излишне много места отведено популярному изложению общеизвестных данных, она изобилует многочисленными этнографическими экскурсами (например, в разделе «Керамическое производство»), не углубляющими выводы. Очевидно, мы не вправе безоговорочно порицать за это автора, если учесть, что книга вышла в специализированном издательстве «Высшая школа» и рассчитана не только на профессиональных археологов и историков, но и на студентов младших курсов. Само же издательство следует упрекнуть за низкое качество воспроизведения рисунков. В археологическом издании рисунок — это не простая иллюстрация к тексту, а документ, первоисточник.

Ю. А. Краснов, В. С. Флёров

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967
2. *Красильников К. И.* Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья//СА. 1981. № 4.
3. *Винников А. З.* Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища//Маяцкое городище. М.: Наука, 1984.
4. *Ляпушкин И. И.* Карнауховское поселение//МИА. 1958. № 62.
5. *Краснов Ю. А.* К вопросу о существовании плуга у племен черняховской культуры//КСИА. 1971. Вып. 128.
6. *Чернецов А. В.* О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий//СА. 1972. № 3.
7 *Чернецов А. В.* Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий //КСИА. 1976. Вып. 146.

Проблемы средневековой аграрной археологии Чехословакии в сборнике «Archaeologia historica». N 10. Brno; Nitra, 1985. 524 S.

Средневековая деревня стала объектом пристального внимания чехословацких археологов с конца 50-х — первой половины 60-х годов, благодаря трудам прежде всего З. Сметанки (Чехия), В. Некуды (Моравия) и А. Габовштяка (Словакия) [1—3]. С 1969 г. аграрная проблематика широко представлена на ежегодных конференциях по исторической археологии ЧССР (изучающей эпоху X—XVI вв.). С 1976 г. материалы этих конференций регулярно публикуются в ежегоднике «Archaeologia historica», который издается совместно музейным и краеведческим обществом в Брно и организациями, проводящими очередные конференции. Юбилейный, 10-й сборник включил материалы XVI конференции по исторической археологии ЧССР (с главной темой «Хозяйственная история чехословацких земель в средние века на основе результатов археологических исследований и интердисциплинарных экспертиз»), проводившейся совместно с Археологическим институтом Словацкой Академии наук в Нитре. Целью конференции, как отмечается во введении к сборнику, являются преодоление традиционно узких рамок археологических исследований, особенно в краеведческо-музейных работах, переход на более высокий уровень социально-экономических выводов путем сотрудничества с широкими кругами специалистов разных направлений, помогающих в интерпретации археологических материалов (с. 6) В частности, привлечены природоведы, металлурги, архитекторы, искусствоведы. В соответствии с представленными докладами (62 реферата) в сборнике выделены следующие главы: A. Хозяйственная история средневековой деревни; B. Города и изучение их хозяйственной истории; C. Ремесло; D. Феодальные резиденции и изучение их хозяйственной истории; E. Церковная организация и ее роль в хозяйственной истории; F. Архитектура и ее отражение в хозяйственной истории.

Интересующая нас проблематика отражена в главах A и D. Главу «Хозяйственная история средневековой деревни» открывает статья Д. Чапловича, Е. Гайналовой, М. Гануляка и А. Руттки «Средневековая деревня Словакии как основной феномен феодальной экономики» (с. 11—25). Эта статья обобщает достижения словацкой археологии последнего 25-летия. Внимание археологов к деревне аргументируется тем, что она является основной формой поселений средневековья. Археологические исследования позволяют не только уяснять вопросы развития материальной культуры, но и подводят источниковедческую базу для исторической географии, истории, этнографии и для интердисциплинарных связей между ними. В начале статьи на основе картографирования всех деревень Словакии от эпохи распада Великой Моравии до середины XIII в рассматривается характер расселения (Д. Чаплович, А. Руттки). Преобладающее число сельских поселений размещено вблизи водоемов, в долинах, на высоте до 300 м над ур. м. Возвышенности практически не заселены. Географическая обусловленность расселения здесь очевидна. О размерах деревень данные еще неполные, но отмечено преобладание небольших поселков, хотя известны и крупные, до 50 домов. В XIII—XV вв. происходит рост населения и деревень в условиях дробления поселений и освоения незаселенных земель. Если принять, что в доме проживала одна семья из 5—6 человек, то в конце XIII в. в деревнях жило по 100—150 жителей. Всего же в Словакии в конце IX в. могло насчитываться, по мнению авторов, около 120 тыс. жителей, а в первой половине XIII в.— примерно 240—250 тыс. В старых деревнях преобладала нерегулярная застройка с усадьбами, разбросанными среди обрабатываемых земель. С XIII в. появляются ре-

гулярные формы планировки. Особо рассмотрены в статье типы жилищ. Наиболее древние — заглубленные жилища (землянки и полуземлянки), чаще квадратные или прямоугольные в плане, со столбовыми или срубными стенами — датируются X—XIII вв. В XI—XII вв. в сельском домостроительстве появляются наземные столбовые жилища с каменными фундаментами. Они чаще встречаются в низких местах, а на более возвышенных до XIII в. преобладают заглубленные. Внутреннее членение в наземных срубных жилищах отмечено с XIV—XV вв. и характерно для высших слоев сельского населения. Основным же крестьянским жилищем, подчеркивают авторы, остается в средние века нерасчлененный дом. В этом же разделе статьи отмечены и этнические аспекты расселения. С X в., но особенно в XI—XII вв. в южной Словакии появляются очаги земледельческо-пастушеского венгерского населения, которые, однако, не нарушили преемственность местного словацкого этноса. Внимательно проанализированы основные свидетельства о земледелии и животноводстве (Д. Чаплович, Е. Гайналова). Отмечено использование рала, применение легкого плуга не выяснено. Тяжелый плуг начинает постепенно распространяться с XIII в., с развитием трехполья, хотя рало преобладало в крестьянском хозяйстве вплоть до нового времени. Описаны также бороны, косы (в частности, короткая коса рубежа X—XI вв.) и серпы. Приводятся свидетельства о средневековых полях — длинных полосах (ланах). В земледелии, отмечают авторы, использовалась и подсечно-огневая техника, преобладавшая в Северной Словакии до конца средневековья. В начале II тыс., как отмечалось, земледелие было характерно для долин. Но на рубеже XIV—XV вв. оно отмечено и на высоте 920 м над ур. м. Из транспортных средств выделены повозки, остатки которых датируются XIII—XV вв. Анализ материалов из 45 поселений показывает, что культивировались пшеница, ячмень, рожь, овес, просо, стручковые (горох, чечевица), конопля, лен. Хранили зерно в специальных ямах («обильницах»). Пользовались ручными мельницами, о водяных археологических свидетельств нет. Составной частью земледелия было овощеводство и садоводство. Употребляли кизил, лесные орехи, бузину, ежевику, малину и другие лесные ягоды, терновик, черешни. В Юго-Западной Словакии XIV в. известны яблони, груши, сливы, персики, грецкие орехи, виноград. Меньше данных приведено о животноводстве. Констатируется его тесная связь с земледелием. Как свидетельство о разведении домашних животных приведены находки овечьих ножниц и подобных орудий. Но для более полной характеристики этой отрасли крестьянского хозяйства еще, очевидно, мало данных. Авторы говорят о наличии охоты, рыболовства, бортничества, но, вероятно, по косвенным свидетельствам. Завершает статью анализ сельского ремесла и торговли до середины XIII в. (Д. Чаплович, А. Рутткаи). Отмечено, что специалисты-ремесленники в тогдашней деревне — исключение и концентрировались они обычно в особых ремесленных поселках, расположенных вблизи залежей сырья и административных центров. Констатируется развитие обработки дерева, добычи дегтя, металлургии. С XIII в. ремесло перемещается в города. Местная торговля характеризуется в основном по косвенным признакам. В итоге читатель получает довольно четкое представление о степени археологической изученности облика средневековой словацкой деревни и хозяйственной деятельности основных ее жителей — крестьян. Вместе с тем рассмотрение тогдашней деревни именно как феномена феодальной экономики требует уделить внимание тем социальным элементам, которые могли быть отражены в археологическом материале. Однако авторы отметили лишь зависимость типов жилищ от имущественного положения. Очевидно, данных о социальных отношениях еще недостаточно для обобщений, и дальнейшие поиски археологических свидетельств общественных изменений в деревне — важная задача исследователей.

В следующей статье «Заметки о начале средневековой деревни в Словакии в свете погребений» (с. 27—31) Т Штефановичова отмечает появление с середины X в. в Юго-Западной Словакии рядового венгерского населения, что подтверждает выводы предыдущей статьи.

Сельское хозяйство в моравской деревне XI—XV вв.— тема статьи В. Некуды «Сельское хозяйство Моравии периода феодализма в свете археологии» (с. 33—46). Автор отмечает, что обобщающих работ о земледельческом производстве средневековой Моравии еще нет. Для создания целостной картины средневекового земледелия надо археологические материалы о земледельческой технике и системах полей (работы Э. Черного) сопоставить с письменными свидетельствами о ренте, ценах, торговых отношениях с городом. В данной статье автор рассматривает материальную культуру земледелия. Вначале анализируется период XI—XIII вв. Для этого времени еще нет полностью раскопанных поселений, неясны планировка и структура деревни, а также отдельной усадьбы и организация системы полей. Среди хозяйственных объектов в раскопанных деревнях чаще встречаются зерновые ямы, обычно окружавшие жилища и даже находившиеся внутри них. Обработка земли ведется ралом с железным наральником, известным с VIII в.

В XI—XII вв. культивируются рожь, пшеница, просо, горох; найдены следы ручных и водяных мельниц. Среди домашних животных преобладают свиньи, крупный рогатый скот, затем козы, овцы, кони, птица, найдены кости собак и кошек. В этот период по материалам лучше изученного поселения Мстенице автор предполагает общинный характер земледелия, но скот, как и зерно (по обилию зерновых ям-хранилищ), находился в частной собственности. Комплексы индивидуальных усадеб выявлены на селище Пфаффеншлаг. Как отмечает автор, революционная смена в хозяйстве и социальном положении крестьян происходит в XIII в. Период XIII—XV вв. рассмотрен на материалах полностью (или большей частью) исследованных поселений (Пфаффеншлаг, Мстенице, Конувки, Быстржец). В них выявлены закрытые индивидуальные дворы. Запустение этих поселений к концу рассмотренного периода и зарастание лесом их угодий позволили изучить и поля. Жители Пфаффеншлага имели парцеллы, разделенные на полосы. Каждая (?) усадьба имела парцеллу примерно в 10 га. По материалам Драганской возвышенности (Моравия), на усадьбу этого времени приходилось 3,5—18 га пашни [4, с. 98] С XIII в. можно говорить о распространении трехполья. Об этом же свидетельствует и использование плуга (в Пфаффеншлаге с XIV в.). Но применение рала сохраняется. Появляются новые типы серпов, косы для низкого кошения, в том числе и зерновых. В Пфаффеншлаге высевали рожь, пшеницу, ячмень, гречиху. В животноводстве преобладал крупный рогатый скот. Автор предполагает различия в составе стада у феодалов и крестьян. Есть свидетельства садоводства и огородничества. Заканчивая, автор справедливо отмечает, что сельское хозяйство — ключевая проблема феодализма, так как на нем основывалось развитие экономики и общества в целом. Изучить эту проблему можно путем сочетания обобщенного в статье археологического материала с письменными и иконографическими данными, а при новых археологических работах необходимы палеоботанические исследования, в том числе на прилегающих к деревням полях, как это было сделано в Пфаффеншлаге, одной из немногих полностью исследованных средневековых деревень в Центральной Европе [5].

В статье П. Хотебора и З. Сметанки «Господские дворы в чешской средневековой деревне» (с. 47—56) обращено внимание на еще мало исследованную проблему, хотя указанные дворы сыграли значительную роль в экономике феодальной деревни. Авторы, исходя из имеющихся незначительных материалов, останавливаются на внешнем виде этих дворов. Выделяется две основные группы: дворы-резиденции и так называемые предпринимательские дворы. В резиденциях жили владельцы, обычно мелкие феодалы (часто не в самом дворе, а рядом — в замке). «Предпринимательские» дворы — не резиденции, а места, где велось хозяйство феодала и выполнялись повинности. Среди держателей таких дворов помимо светских и духовных феодалов бывали и богатые горожане. Археологически труднее выделять именно «предпринимательские» дворы, которые характеризуются как «огороженные места» с производственными навесами и сооружениями. Авторы призывают при изучении сельских поселений внимательно относиться к такого рода объектам.

Статья Ф. Кашички «Хозяйственная основа мелких феодальных резиденций Средней Чехии» (с. 57—65) по тематике, на наш взгляд, ближе к иной главе сборника (о феодальных замках). Но рассмотрим ее там, где она помещена,— среди материалов о хозяйстве средневековой деревни. Для резиденций мелких феодалов, подчеркивает автор, характерна прямая связь с земельным владением и теми, кто землю обрабатывает. С XIII в. среди владельцев таких резиденций появляются и богатые мещане, предприниматели, особенно владельцы горнодобывающих предприятий. Мелкие шляхтичи, не имевшие средств для сооружения замка, жили обычно рядом со «своей» деревней или внутри нее, выделяясь более крупными усадьбами и бóльшим разнообразием хозяйственных построек. При укрепленных усадьбах — замках существовали вспомогательные хозяйственные дворы трех типов: непосредственно за оградой замка в качестве предградья; рядом с замком, как отдельный двор; реже усадьба или замок находились внутри хозяйственного двора, иногда двор такого типа тоже был укреплен. Часто в хозяйственных дворах были и небольшие костелы романского типа (так называемые трибуновые). Хозяйственные и социальные перемены XIII в., которые подчеркиваются почти во всех статьях сборника, отразились на рассматриваемом материале постепенным исчезновением хозяйственных дворов и костелов. При сооружении новых замков с этого времени определяющей стала не близость к хозяйственным угодьям, а естественная защищенность места. Подавляющее большинство замков теперь каменные. В XVI в. появились замки ренессансного типа, для которых характерно большее внимание к бытовым удобствам и архитектурным украшениям. Прервала процесс развития чешских замков Тридцатилетняя война. Таким образом, авто-

ром представлен обзор развития мелких феодальных резиденций от их появления в раннем средневековье до XVII в. Такой обзор стал возможен благодаря серьезному вниманию чешских археологов и краеведов к истории замковой архитектуры, проявившемуся с середины 50-х годов.

Две последние статьи рассматриваемой главы сборника посвящены вопросам расселения в отдельных регионах. Я. Фролик в статье «К началу средневекового расселения Глинецка» (с. 67—73) пишет о Чешско-Моравской возвышенности, где до XIII в. произрастали обширные буковые леса. Письменные материалы свидетельствуют о начале заселения этого района в XIII в. (более интенсивно — с середины XIV в). Автор сопоставляет письменные данные с археологическими, что позволяет ему предположить наличие редкого населения там и до начала внутренней колонизации в XIII в.

П. Харват в статье «Заметки о немецкой колонизации Восточной Чехии» (с. 75—81) на основе анализа лингвистического и археологического материала рассматривает ход этого процесса в XIII в. Автор выделяет три направления колонизации: в центр области, на не культивировавшиеся ранее земли, в старые чешские деревни. Из материалов статьи можно наметить две формы немецкого расселения. Отдельные колонисты, чаще мужчины, иногда семьи, приходят с различных немецких земель и приспосабливаются к чешскому окружению. В археологических материалах это отражается отдельными импортными находками в чешских деревнях. Другой формой расселения было массовое заселение отдельных территорий, первоначально без языковых контактов с местным населением (лишь постепенно общение с чешским окружением выработало своеобразные диалекты). Археологические проявления этой формы колонизации более разнообразны и прежде всего состоят в особенностях географического положения таких новых поселений в отличие от старых чешских деревень. Археологические данные в двух последних статьях привлекаются в качестве вспомогательных, и авторы показывают их значение для выяснения региональных исторических особенностей.

Следующая группа интересующих нас материалов представлена в главе «Феодальные резиденции и изучение их хозяйственной истории». Открывается глава обобщающей статьей словацких археологов Д. Чапловича, Я. Грубеца, А. Рутткаи, А. Валлашека «Средневековые феодальные резиденции Словакии и их хозяйственные основы» (с. 241—254). В начале статьи А. Рутткаи определяет цели и методы исследования. Опираясь на интенсивные археологические работы середины 70-х — начала 80-х годов, с учетом пожеланий историков (в условиях ограниченности письменных материалов) он обращает внимание на генезис, типологию и функциональность феодальных резиденций в рамках истории хозяйства. При этом, подчеркивает А. Рутткаи, целью исследования этого типа памятников должен быть объект в его отношении к окружающему расселению. Это поможет выявить функцию памятника. Далее раскрывается значение археологических терминов, применяющихся для обозначения рассматриваемых памятников. Термин «hradisko» (близкий русскому «городище») слишком аморфен, ибо покрывает различные типы средневековых укрепленных объектов. Точнее термин «феодальная резиденция», обозначающий владельческие, военные, административные, хозяйственные центры государства и светской шляхты разного имущественного уровня, а также укрепленные центры церковных владельцев. Эти резиденции как в средневековой терминологии, так и здесь делятся на две группы. Одна из них — «грады» (близкие «замкам»): королевские (княжеские), земских чиновников, укрепленные резиденции аристократов (словацких, венгерских), замки мелкой шляхты и сторожевые крепости. Другая группа — дворцы разных категорий собственников и различных функций. Автор замечает, что представление о том, что замки выполняли преимущественно военно-административную функцию, а дворцы — организационно-хозяйственную, новейшими исследованиями не подтверждается. В особую группу выделяются укрепленные поселки, возведенные в связи с кратковременными военными задачами и не связанные с сетью феодальных владельческих поселений (они возникли, например, в ходе гуситских войн и не связаны с рассматриваемой темой). Письменные источники свидетельствуют о появлении феодальных резиденций с XII в. Далее Д. Чаплович и А. Рутткаи рассматривают возникновение довенгерских и венгерских административных центров и укрепленных усадеб. Административные центры на местах существовали в X в. как развитие великоморавского наследия. В XI—XIII вв. возникают и феодальные резиденции. При этом новые владельцы используют и старые объекты, т. е. речь идет о дисконтинуитете при сохранении преемственности самих поселений. В условиях распространения на Словакию власти венгерского государства словацкий феодальный класс сохранил свои резиденции, существовавшие с великоморавской эпохи. Старые славянские укрепленные пункты использовали в X—XIII вв. и венгры

для создания своих комитатных (окружных) центров, отмечает, рассматривая «грады», А. Валлашек. При этом использовались обычно акрополи великоморавских городищ, которые заново укрепляли, а внутри сооружали каменные дворцы и церковные базилики. Создавали и новые укрепления, обычно меньшие по площади, но в стратегически наиболее выгодных местах. Кроме этих административных центров с XI в. сооружали в наиболее важных местах и крепости — опорные пункты королевской власти. Для них характерны небольшие размеры. Поначалу такие пункты состояли обычно из башен срубной конструкции с небольшим числом вспомогательных объектов и валов. Затем стали сооружать каменные круглые и четырехугольные башни-донжоны. Развитие феодализма привело в XI в. к дроблению прежних королевских поместий, переходу их в руки шляхты и церкви, что породило сначала спорадически, затем в массовом масштабе распространение мелких феодальных резиденций. Первоначально это были деревянные срубные постройки, чаще башни, иногда с каменными укреплениями. Решительный количественный и качественный поворот в создании таких резиденций-замков наступил после монгольского вторжения. Это был период крупных хозяйственных и общественных изменений, замечает автор. Произошло перераспределение земельной собственности, и место старой аристократии занимает новая шляхта, что отразилось и на замковом строительстве. В течение второй половины XIII—XIV в. возникает масса шляхетских укрепленных резиденций — от малых деревянных замков до могучих замковых комплексов с палатами, башнями, хозяйственными объектами, окруженными каменными укреплениями. Часто, однако, отсутствие средств для сооружения мощного замка низшая шляхта компенсирует выбором труднодоступных мест для своих «гнезд». Для более подробной классификации таких «градов» данных еще недостаточно, и А. Валлашек отмечает настоятельную необходимость активизации изучения феодальных резиденций. Статья завершается рассмотрением хозяйства светских феодалов по археологическим материалам Грубец. Так как достаточно полно археологически исследованных замков очень мало, автор ограничился описанием характера застройки нескольких исследованных памятников и констатирует, что, по материалам замка Потлар, земледелие дополнялось там керамическим производством, развивавшимся с XIII в. практически до современности. Как видно, в отличие от обобщающей статьи по экономике средневековой словацкой деревни уровень исследований феодальных резиденций еще не позволяет подробно рассмотреть хозяйство феодалов. Предстоит значительная работа по изучению и классификации феодальных замков, накопление фактического материала для анализа их экономики.

Последующие статьи посвящены хозяйству отдельных феодальных замков Чехословакии. В статье «Экономические основы замка Визмбурк у Гавловице, округ Трутнов» (с. 255—260) один из старейших исследователей чешских «градов» А. Гейна в поисках хозяйственного комплекса замка XIII — середины XV в. последовал за местными названиями его окрестностей. В ходе археологических разведок были выявлены следы нескольких местонахождений, исчезнувших вместе с замком, которые и были, вероятно, его хозяйственным «предградьем». Память об этом «предградье» сохранилась в виде названия урочища, и автор обращает внимание археологов на необходимость внимательно относиться к местным легендам при изучении замков.

М. Плачек в статье «Замки Ославы, экономические условия их возникновения и существования» (с. 261—271) рассматривает создание замков в ходе внутренней колонизации. В начале этого процесса — во второй половине XII — первой половине XIII в.— замки в основном сооружались деревянные, что отражало нехватку специалистов-строителей и еще слабый экономический потенциал шляхты, ибо для сооружения полноценного замка требовались средства, источником которых не в последнюю очередь были деревни, принадлежавшие феодалу. Владельцы же одной деревни или даже ее части (что характерно для тогдашней шляхты) строили лишь несложные укрепления («tvrz») либо практически не укрепленную усадьбу. Улучшение хозяйственной конъюнктуры чешского королевства в XIV в. позволило строить замки и владельцам одной деревни (или же с помощью займа сеньора). В результате — расцвет замкового строительства, продлившийся до гуситских войн. Последние, а также другие военные столкновения XV в. привели к разрушению ряда замков, многие из которых так и не были восстановлены. Эти интересные выводы автор сделал на основе совместного рассмотрения письменных и археологических материалов.

В. Догнал в статье «Возникновение замка в Оломоуце и его древнейшая каменная архитектура» (с. 273—282) рассмотрел развитие его построек в IX—XIV вв. Реконструкцию застройки замка, известного с середины XIII в., представил в статье «К возникновению и средневековой застройке замка в Блатне» (с. 283—295) Т. Дурдик. В. Грумл в статье «Средневековые укрепления в Праге 8, Чимицах» (с. 296—302) с помощью археологических и письменных данных проследил историю существования сельской укрепленной резиденции мелкого феодала конца

XIII — первой четверти XV в., которая сменилась затем неукрепленным поместьем, находившимся на территории деревни и просуществовавшим до XVI в. Этот небольшой материал интересен именно как пример изучения развития конкретного феодального владения. Процесс формирования феодальных замков в ходе внутренней колонизации рассмотрел В. Гош в статье «Замок Усов — его положение и значение при колонизации Северной Моравии в XIII в.» (с. 303—307). История замка, возникшего в XIII в. и расположенного на пути из Оломоуца в Венгрию, проследил на основе письменных и археологических материалов Й. Когоутек в статье «Замок Луков — современное состояние исследований» (с. 309—321). Судьба замка увязана с конкретными историческими событиями.

Завершает главу статья Й. Унгера «Материальная культура средневековой шляхты в археологических источниках Моравии» (с. 323—329). Автор указывает, что уже стали общим местом жалобы на недостаточность исследований, неполную обработку археологических находок и их публикации в работах тех, кто опирается на археологические материалы. Это целиком относится и к использованию археологических источников в изучении материальной культуры шляхты. Но так как нет надежды, что в ближайшее время ситуация резко изменится, автор предпринял попытку на имеющемся материале изучить отражение хозяйственного и социального положения шляхты в археологическом материале Моравии XIII—XV вв. Легко укрепленные или просто огражденные шляхетские резиденции до середины XIII в. археологически слабо изучены. Много больше материалов о последующих эпохах, со времени массового возникновения укрепленных резиденций высшей и низшей шляхты. В целом дворянство жило как в укрепленных, так и в неукрепленных усадьбах. Первоначально оборонительные сооружения возводили крупные землевладельцы, церковные иерархи, затем шляхта и богатые представители третьего сословия — городские мещане. Резиденции мелких феодалов отличались от усадеб крестьян мощением дворов, отделкой печей кафелем (со второй половины XIII в.), наличием стекол в окнах, керамическими импортами, более разнообразным набором посуды, различием в наборе железных предметов, украшений, оружия, наличием печатей. В отличие от крестьян шляхта широко употребляла в пищу дичь и конину (что четко наблюдается в остеологическом материале). Игральные кости и камни выявлены только на феодальных усадьбах. Но при сравнении феодальных резиденций с усадьбами горожан и монастырями различия проявляются лишь в укреплениях и архитектуре. Материальная культура горожан в целом была выше, заключает автор.

Статьи, рассмотренные в обзоре, отразили современный уровень и достижения чехословацких археологов в исследовании сельских, крестьянских и феодальных, поселений. За рамками рассмотренных статей остались достаточно полно изученные в ЧССР проблемы сельского расселения феодальной эпохи. В феодальных резиденциях более полно исследована архитектура, уделено внимание вопросам застройки деревни, а также земледелию и животноводству. Но переход от конкретно-археологических работ к обобщениям общеисторического порядка требует анализа археологического материала с точки зрения экономического развития. Поэтому тематика, отраженная в приведенных статьях сборника, представляется весьма актуальной и означает определенный поворот в исследовании средневековых сельских поселений. Как отмечалось в материалах конференции, многолетние исследования в ЧССР позволили перейти к широкому использованию археологических данных в изучении истории хозяйства (с. 5). Первые результаты такого использования рассмотрены в представленном сборнике. Остается пожелать на этом пути новых открытий, которые помогут составить более целостный образ феодальной деревни Чехословакии.

Я. Г Риер

ЛИТЕРАТУРА

1. *Smetánka Z.* Die Archäologie und das mittelalterliche Dorf in Böhmen. Rückblick, Gegenwart, Perspektive // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. 1974. Jg. 2.
2. *Nekuda V* Zanikle osady na Moravě v obdobi feudalismu. Brno, 1961
3. *Habovštiak A.* Prispevok k poznaniu našej nižinnej dediny v XI.—XIII. storoci // SIA. 1961. № 9.
4. *Černy E.* Zaniklé středověké osady a jejich plužiny. Praha, 1979.
5. *Nekuda V* Pfaffenschlag. Zaniklá středověká ves u Slavonic. Brno, 1975.

Хроника

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ КОЛЛОКВИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИИ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ БАКТРИИ И СОГДА

25—30 августа 1986 г. на базе Института археологии АН УзССР в г Самарканде (Узбекистан) был проведен I советско-французский коллоквиум по проблеме «Городская среда и культура в Бактрии-Тохаристана и Согда эпохи античности и раннего средневековья (IV в. до н. э.— VIII в. н. э.)».

В коллоквиуме приняли участие 84 специалиста, в том числе девять ученых во главе с проф. П. Бернаром из Франции и один из США, представители научных учреждений Москвы, Ленинграда, Кемерова и республик Средней Азии, представившие 52 доклада. В этих сообщениях, а также в оживленной научной дискуссии проведен анализ накопленных обеими сторонами данных по широкому кругу проблем истории Бактрии и Согда, выявлены подходы и методы работ, намечены пути дальнейших совместных исследований.

Блестящая культура античных урбанизированных регионов Востока, каковыми были Бактрия, охватывавшая южные районы Средней Азии и Северный Афганистан, и Согд, включавший оазисы междуречья Сырдарьи и Амударьи, служила объектом исследований ученых многих стран, но наиболее значителен вклад в науку французских и советских археологов и востоковедов.

С 1922 г. на территории Афганистана работает Французская археологическая экспедиция, сделавшая ряд важных открытий и положившая начало фундаментальному исследованию первого эллинистического города на севере Афганистана — Айханум. Интенсивное его изучение велось с 1965 по 1978 г. под руководством П. Бернара.

В Северной Бактрии, на советской территории, работают Бактрийская экспедиция Института археологии АН УзССР (руководитель — А. А. Аскаров), Узбекистанская искусствоведческая экспедиция Института искусствознания Министерства культуры УзССР (руководитель — Г А. Пугаченкова), Южнотаджикская археологическая экспедиция Института истории АН ТаджССР (руководитель — Б. А. Литвинский), Каратепинская экспедиция ВНИИР (руководитель — Б. Я. Ставиский), а также ряд эпизодически действующих отрядов. В Согде исследования ведутся Согдийской экспедицией Института археологии АН УзССР (руководители — А. Р. Мухамеджанов и Р. Х. Сулейманов), Согдийско-Таджикской экспедицией АН ТаджССР (руководитель — А. М. Беленицкий). Широкие раскопки проводятся на прилегающих территориях Уструшаны, Ферганы, Чача и Семиречья. Эти исследования всесторонне осветили историю Бактрии-Тохаристана как страны «тысячи городов» эллинистической эпохи, раскрыли один из этапов синтеза ряда культур (кушанский), позволили охарактеризовать этапы урбанизации и культуры Согдианы, ядром которой являлась долина Зарафшана. Как выяснилось, наиболее тесно связанными с ними оказались регионы бассейна Средней Сырдарьи.

Основными темами обсуждения в работе коллоквиума стали пути и особенности формирования городов и городской культуры, вопросы типологии и структуры городов, различные аспекты городской среды (архитектура, фортификация и вооружение, ремесло и торговля, культура, различные стороны быта, костюм), идеология, культы, культовые сооружения и погребальный обряд, этнические процессы этих регионов, взаимоотношения и связи Бактрии и Согда с сопредельными земледельческими регионами и миром кочевников.

Один из главных вопросов коллоквиума: эллинизм в Средней Азии, взаимоотношение традиций в сложении античной культуры Бактрии и Согда — восточной (изначальной) и греческой (привнесенной).

Многолетние комплексные исследования французской экспедицией городища Айханум — Александрии Оксианы позволили французским исследователям всесторонне рассмотреть эти проблемы на различных материалах единого центра.

Анализ фортификации Айханум проведен в докладе П. Л е р и ш а, наметившего периоды ее развития от исходного прототипа массивных монолитных стен, возведение которых практиковалось в Месопотамии.

В докладе П. Б е р н а р а, посвященном анализу раскрытого на городище Айханум здания гимнасия, пережившего ряд этапов, четко прослежены конкретные проявления столкновения традиций в архитектуре самой греческой колонии-полиса на Оксе. Чисто греческий институт гимнасий получил на бактрийской земле под влиянием местных строительных традиций своеобразное архитектурно-планировочное воплощение. Дворцовая сокровищница, как прозвучало в докладе Кл. Р а п э н а, — в противовес гимнасию порождение восточной цивилизации — совмещала и функции, обязательные с точки зрения эллинской культуры, например библиотеки философских папирусов, а в архитектуре и планировке также демонстрировала ряд приемов греческого градостроительства.

Как явствует из доклада Г Лекюйе, происхождение планировки жилых домов Айханум также имеет свои корни в местной бактрийской архитектуре. Выделяя два типа городских жилищ: престижную резиденцию с передним двором и просто дом (постройки последнего типа группируются вокруг центрального двора), автор убедительно показал их отличие от традиционного греческого дома, связь с которым прослеживается лишь в применении архитектурного ордера.

В докладах советских исследователей проблемы Бактрии рассмотрены на более широком материале. Один их ключевых вопросов истории Бактрии — вопрос хронологии и периодизации исторического процесса — поднят в докладе Г А. Пугаченковой, вновь вернувшейся к дискуссии о проблеме абсолютной хронологии кушан. Сопоставляя данные археологической стратиграфии и нумизматических находок, докладчица показала последовательность чекана варварского Гелиокла, Герая, Сотера Мегаса, являющихся отправными точками раннекушанской истории.

Проблемы этнокультурного развития Бактрии-Тохаристана поставлены в докладе Б. А. Литвинского, подчеркнувшего, что достижения бактрийской цивилизации стали возможны лишь как творческий синтез традиций и связей народов этого региона с народами районов древних цивилизаций от Средиземноморья до Индии, а также Южной Сибири. Синтез культурных традиций в эллинистической Бактрии представлен также на материалах храма Окса в Тахти Сангине И. Р. Пичикяном, рассмотревшим в своем докладе многообразие путей этого процесса.

В докладах Г А. Кошеленко и З. В. Сердитых, Э. В. Ртвеладзе рассмотрены вопросы расселения, типологии и структуры города Бактрии. Авторы первого доклада впервые сделали попытку выделить типы расселения в Бактрии в эллинистический период. Во втором докладе представлены этапы урбанизации от поздней бронзы до раннего средневековья с выделением четырехчастной структуры раннего города и усложнением его в античную эпоху. Раннесредневековому Тохаристану посвятил свое сообщение В. С. Соловьев. На сравнительном примере изучения столичного и провинциального городов района Вахша он поставил вопрос о том, что Тохаристан в своем культурном развитии в это время не отставал от соседних областей, как это считают другие исследователи.

В докладе Г В. Шишкиной рассмотрен путь урбанизации, характерный для Центрального Согда, где один город-лидер с обширной сложившейся вокруг него округой определял характерные черты этого процесса. Выступивший затем А. С. Сагдуллаев, однако, предполагает наличие в регионе двух столиц, одну из которых он размещает в Южном Согде, на городище Еркурган. Различные этапы формирования и развития городской культуры Западного и Восточного Согда были раскрыты А. Р. Мухамеджановым, Ш. Адыловым, Г. Я. Дресвянской.

Высокий профессионализм искусства как отражение сложившейся городской культурной среды раннефеодального Согда по материалам живописи жилых комплексов Пенджикента представлен в докладе Б. И. Маршака.

Сложной проблеме преемственности согдийского города посвящен доклад В. И. Распоповой. Генетические моменты планировки и архитектуры, творчески переработанные в согдийском городе на примере Пенджикента, были показаны в докладе Л. Л. Гуревича.

В ряде сообщений нашли отражение отдельные моменты становления городов в Бактрии и Согде, были подняты вопросы развития ремесла, художественной культуры, письменности, морального кодекса двух областей (доклады Б. А. Тургунова, В. А. Мешкерис, В. П. Яйленко, С. Б. Лунниной и З. И. Усмановой, О. А. Лелекова, В. В. Вертоградовой).

В. П. Никаноров в докладе о вооружении и военном деле Кушанской Бактрии, построенном на археологических материалах, иконографии и анализе письменных источников, раскрывает синкретический характер защитного доспеха, наступательного оружия и тактики боя. Цивилизация Бактрии и Согда развивалась в окружении других центров, культурные контакты с которыми определяли сущность исторического процесса в Средней Азии. Для некоторых регионов бактрийско-согдийская культура стала одним из источников импульсов урбанизации, как это было показано в докладе Ю. Ф. Бурякова в отношении района заяксартских саков бассейна Средней Сырдарьи и отмечено Н. Н. Негматовым для Уструшаны и В. Д. Горячевой для Семиречья.

В докладе Ю. А. Заднепровского был предложен опыт синхронизации культур Бактрии, Согда и Ферганы. Интересный комплекс богатого сарматского погребения I в. н. э., дающий представление о характере торговых связей южных регионов с периферией и связанном с ним смешении культур в евразийских степях, был представлен в докладе Г А. Федорова-Давыдова.

В докладе В. Н. Пилипко нашло отражение представление о том, что в раннеантичную пору Бактрия, Маргиана и Согд являли определенное культурное единство; в Парфии же эллинистическое влияние было ослаблено и опосредовано общими изменениями в культуре Северного Ирана.

Значительное место в работе коллоквиума было уделено обсуждению такого малоразработанного, несмотря на обилие фактического материала, вопроса, как характер религиозной идеологии и культов доисламской Средней Азии. Этой теме посвятили свои сообщения Р. Х. Сулейманов, Б. Я. Ставиский, Ф. Грене, Ю. Я. Якубов, Х. Ахунбабаев, М. И. Филанович, Н. И. Крашенинникова и Г И. Богомолов. Храмы и культово-погребальные сооружения, их типология, интерпретация изображений на оссуариях, обряд и ритуал. На конкретном рассмотрении этих материалов поставлен вопрос о культе огня и формах среднеазиатского зороастризма, путях проникновения и значения буддизма, что показало настоятельную необходимость выработки единых критериев и методического подхода к проблеме.

Из отдельных вопросов истории культуры интерес представляет исследование истоков и развития форм иранского костюма — кандиза — в сообщении В. Шильц, которая проследила его распространение в древности в широком ареале — от Греции до окраин евразийских степей. Автору удалось показать, что значение исследования шире, чем это определяется названием. Оно включает сумму вопросов об этнокультурных взаимоотношениях в Центральной Азии и прилегающих степях, решить которые можно лишь объединенными усилиями археологов, лингвистов, антропологов, этнографов и других специалистов.

В коллоквиуме нашли отражение результаты исследований смежных наук: антропологии (Т. К. Ходжайов), палеозоологии (Б. Х. Батыров, А. Р. Батыров), химической реставрации (А. А. Абдуразаков, Г Ахадова). В аспекте изучения этнокультурных явлений Бактрии и Согда П. Шювеном проанализированы произведения греческих поэтов императорской эпохи, в результате выявился ряд интересных историко-этнографических параллелей в жизни и быте древних народов этих областей.

В дискуссии были подвергнуты анализу вопросы кушанской хронологии (Б. И. Маршак, Э. В. Ртвеладзе, Б. А. Литвинский), топонимический анализ пунктов (Н. Н. Негматов), идеи градообразования (Л. Л. Гуревич). С широким обзором докладов выступили Ф. Грене, Ю. А. Заднепровский, В. П. Яйленко.

В ходе обсуждения ключевых вопросов коллоквиума был обобщен уровень разработки проблем античной и раннесредневековой истории и культуры Бактрии и Согда и намечены основные линии будущих совместных исследований, что нашло отражение в заключительных выступлениях П. Бернара, Б. А. Литвинского, Ф. Грене, Г А. Пугаченковой. Было предложено составить археологическую карту эллинистического ядра Средней Азии с целью выявления основной зоны формирования эллинистической городской культуры с исследованием эталонных городских памятников и вытекающим отсюда кругом вопросов. По-прежнему в центре внимания исследователей остается проблема датировки и синхронизации культурных комплексов с учетом кушанской хронологии. Перспективны и совместные исследования в области идеологии. Вопросы историко-культурных связей Бактрии и Согда с сопредельными регионами и более удаленными странами остаются важной составной частью изучения раннеурбанистической культуры. На ранних этапах это главным образом взаимоотношения с Парфянским государством, на более поздних — характер связей с Индией и Китаем. Подчеркнуто, что для раскрытия этих вопросов немаловажно усилить комплексность исследований, привлекая специалистов смежных наук: этнографов, эпиграфистов и лингвистов.

Участики коллоквиума совершили экскурсии на городище Афрасиаб в Самарканде, в Пенджикент и на поселение Саразм в Западном Таджикистане. Гости побывали также на раскопках памятников и в музеях Ташкента.

Проведением данного коллоквиума началось практическое претворение в жизнь прямого научного договора Академии наук и Министерства культуры Узбекистана и Национального центра научных исследований Франции об изучении городской среды и культуры Бактрии, Тохаристана и Согда поры античности и раннего средневековья, включающего обмен полевыми материалами экспедиций обеих сторон, стажировки специалистов, участие в экспедициях и в проведении совместных коллоквиумов.

Ю. Ф. Буряков, М. И. Филонович

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ АРХЕОЛОГОВ И ИСТОРИКОВ СТЕКЛА В ТОРУНИ

В октябре 1986 г. состоялся второй Международный симпозиум археологов и историков стекла (первый проходил в 1983 г. тоже в Польше, в г. Сосновец, на базе Музея современного стекла). Организаторы этого симпозиума: Лаборатория по истории стекла, созданная по инициативе известного специалиста Е. Ольчака в 1981 г. при Институте археологии и этнографии Университета им. Николая Коперника (УМК) в Торуни; Комитет музеев стекла и отделов стекла Международного объединения музеев (ИКОМ) при Польском национальном объединении ИКОМ и Музей современного стекла в Сосновце. В симпозиуме принимали участие более 50 человек, в основном польские специалисты, а также гости из ЧССР (Н. Венцлова, Ф. Фрыда, З. Химмелова и Э. Черна) и СССР (З. А. Львова и Ю. Л. Щапова).

Главная тема симпозиума — состояние и перспективы изучения истории стекла в Польше. По мысли организаторов, эта тема лучше всего может быть раскрыта путем сравнения и сопоставления с состоянием и перспективами изучения стекла других регионов и эпох

Научную программу симпозиума открыл Е. Ольчак, отметивший, что 1986 год — уже 20-й год работ над историей стекла в Польше, которые организовала и долгое время направляла проф. З. Каменская. Тесные связи с Международной ассоциацией по истории стекла и соответствующей комиссией ИКОМ немало способствовали успеху работ: широкому охвату конкретных материалов — от гальштата до нового времени, привлечению методов естественных наук, классификации, иконографии, топонимики и т. д. При этом, по мнению Е. Ольчака, на фоне широкого обмена открытиями и идеями остро ощущаются и становятся очевидными недостатки методологии и отсутствие про-

педевтики стекла. Под пропедевтикой понимается вводный курс в науку о стекле, обучение, предваряющее самостоятельную разработку проблем из истории стекла.

За вступительным словом последовали доклады. Первый доклад — Б. Стольпяк (Познань, ПНР) — о состоянии и перспективах изучения древнейшего стекла в Польше, т. е. от эпохи бронзы до позднего латена. Стекло этого времени изучается чаще в контексте памятника или археологической культуры. Специально оно стало изучаться недавно. Составлены каталоги находок и хронологически последовательная серия карт находок, которые позволили найти главный путь проникновения стекла и поставить вопрос — имело ли древнейшее стекло выход на рынок. По мнению докладчика, оно было предметом дарения — даром и не было товаром. Б. Стольпяк высказалась за химические анализы стекла, полагая их важной составляющей общего направления работ.

Н. Венцлова (Прага, ЧССР) рассказала о новых работах над кельтским стеклом. Интересны новые находки фаянсовых изделий, стеклянных бус и сосудов, которые автор считает местными изделиями мастерских бродячих ремесленников. Эта версия базируется на особенностях форм и сходстве химического состава (свинцово-кремнеземное стекло) изделий, имеющих малые районы распространения. Открыв местное кельтское стеклоделие, автор полагает тем не менее, что большая часть стекла на территорию Чехословакии привезена из Галлии или Италии. Следует заметить, что отнесение изделий к местной школе требует, на мой взгляд, того, чтобы новые данные о составе были вписаны в большой массив древних стекол с учетом культурно-исторического фона.

Т. Малиновский (Слупск, ПНР) продолжил тему Н. Венцловой, посвятив свой доклад изучению стеклянных предметов (бус и привесок), происходящих из памятников лужницкой и поморской культур. По его мнению, наши знания о технике, составе и морфологии этих изделий недостаточны. Т. Малиновский считает, что без специальных анализов нельзя понять происходивших тогда процессов. Исследованые стекла по составу принадлежат к трем разным классам. Стекла класса Na—Ca—Si широко известны в древнем мире, стекла класса Pb—Si, может быть, знали ассирийцы, стекла класса K—Pb—Si традиционно считаются характерными для стеклоделия Древней Руси. Не отрицая специфики древнерусских стекол, нельзя не отметить принципиальной новизны и важности результатов для более правильного понимания отдельных этапов всеобщей истории стекла. Высказанное предположение о местном происхождении стекол класса Pb—Si нуждается, как мне прдставляется, в дополнительном подкреплении фактическим материалом.

Т. Ставярская (ИХКМ, Варшава) в своем докладе рассказала о состоянии и перспективах изучения стекла римского времени и эпохи Великого переселения народов. Осветив основной сюжет, автор затронула вопросы, одинаково важные для всех исследователей: способ публикации (речь шла о рисунках), неполнота данных, нужда в новой типологии, в полных каталогах, которые включали бы сведения не только о форме, но и о технологии и химическом составе. Т. Ставярская отметила, что римское стекло трудно изучать, замыкаясь в современных государственных границах, нужны работы международного характера, которые можно было бы вести в более широком масштабе. Обилие римского стекла выдвигает далеко вперед проблемы, связанные с компьютеризацией археологии.

А. Коковский (Люблин, ПНР) выступил с двумя докладами. Один был посвящен изучению истории римского стекла в пределах Люблинского воеводства. Автор провел подробную каталогизацию стеклянных находок, относящихся к римскому времени: на 29 поселениях найдено 1500 бус, около 100 сосудов (целых и во фрагментах). Второй доклад касался распространения кубков с шлифованными овалами, и, в свете материалов из Комарова на Днестре, вызвал дискуссию. Автор связал воедино научные проблемы и ответственность ученого перед наукой. Речь шла о том, что открытия в Комарове опубликованы и истолкованы советскими учеными предварительно; частичная публикация оставляет многие вопросы открытыми, что, замечу от себя, плодит необоснованные версии и надежду, что полная публикация позволит их обосновать. Более всего исследователей интересует место изготовления кубков с овалами. И. Г. Рау, К. Годловскому, Е. Веловейскому, Т. Ставярской, А. Коковскому, Э. А. Сымоновичу, В. В. Кропоткину, Э. А. Рикману и др. кажется, что остатки стекольной мастерской и обломки сосудов с овалами, найденные в Комарове,— бесспорное свидетельство и доказательство местного производства последних. Эта хрестоматийная версия более известна, чем специальные исследования, проведенные и опубликованные позднее Ю. Л. Щаповой. В дискуссии она коротко изложила свою версию, согласно которой мастерская и сосуды с овалами связаны лишь внешне, местом находки; внутренней связи между ними нет, более того, их разделяет большой отрезок времени — от 50 до 100 лет, а также организационно-экономическая структура производства.

Заключая первый день заседаний, Е. Ольчак сказал, что стеклоделие — это производство такого порядка, до которого общество должно дорасти; версия «бродячих» ремесленников не решает проблемы «местного» происхождения некоторых изделий, бус прежде всего.

Заседания второго дня были посвящены средневековью. Е. Ольчак выступил с докладом о состоянии и перспективах исследования средневекового стекла в Польше, в котором затронул концептуальные вопросы: связь стеклоделия с изменениями в структуре ремесел и хозяйства, а также с политикой церкви и государства; вопросы организации работ и методологические проблемы, работа над комплексами и отдельными категориями, над техникой и технологией, экономикой и социальными факторами. Последние определяют место стекла в хозяйстве и жизни (предметы роскоши и культа, предметы повседневного быта и украшения). Отметив, что нет внешних критериев для различения стекла местного и привозного, автор считает, что возникновение стеклоделия в Польше нужно рассматривать с акцентом на технологию и разыскивать источники необходимых технических знаний.

Докладчик отметил, что все расширяющееся поле наблюдений влечет уточнение основ интерпретации и изменение подходов к теме, и предложил сочетание прогрессивного и ретроспективного

подходов. В заключение докладчик сформулировал программу изучения польского стекла, включающую в себя пять пунктов: первые два — уточнение классификации и хронологии, далее — связь между районами Польши, удовлетворение местных и внешних потребностей, причинно-следственные связи разных этапов средневекового стеклоделия, роль традиции и т. д.

Доклад Ю. Л. Щаповой (СССР) о состоянии и перспективах изучения стеклоделия в Древней Руси касался методологических проблем и опасности, которую таит в себе прямой перенос алгоритмов изучения археологических находок из разных материалов на древнее стекло. В связи с этим обозначена роль химии и технологии в определении места и времени изготовления изделий из стекла; кроме того, были рассмотрены условия возникновения стеклоделия в Древней Руси.

Доклад З. Химмеловой (Брно, ЧССР) был посвящен стеклу и стеклоделию раннесредневековой (VI—XII вв.) Чехословакии. На памятниках этой эпохи встречаются бусы и сосуды. Морфологический критерий позволил автору отделить друг от друга импорты восточные, черноморские и рейнские. Средневековое стеклоделие можно было бы характеризовать, опираясь на остатки мастерской, открытой в Нитре более 10 лет назад Б. Храповским, но материалы раскопок не изданы. Сам факт привоза стеклянного боя, который автор рассматривает как дополнительный аргумент местного стеклоделия, требует изучения. Сосуды на изучаемой территории встречаются нечасто и известны в виде обломков.

Доклад Э. Черны (Прага, ЧССР), тематически посвященный стеклу XIII—XVI вв. в Чехословакии, вызвал огромный интерес. Э. Черна рассказала о крупномасштабных и плановых работах в Молдаве, на пограничье Чехии и Саксонии, где открыто скопление наземных круглых и овальных стекловаренных печей. Открытию печей предшествовали геофизические работы. Вскрыто несколько комплексов. Один включал в себя три печи, другой, у Волчьей горы (Vlčí Hora),— поды печей с воздуходувными каналами. Все это залегает прямо под дерном на большой площади. Вокруг печей найдены стекловаренные горшки, тигли с сохранившимися красителями, формы для выдувания ребристых сосудов, стеклодувная трубка, обломки сосудов, полная форма которых восстанавливается с учетом иконографии. Среди бытовых вещей, из которых одни относятся к XII—XIII вв., а другие — к XV в., найдена женская фигурка (высокий рельеф на кости). Э. Черна назвала ее богиней-покровительницей стеклоделов. Полная интерпретация открытых материалов — дело будущего. В ней примут участие чешские и немецкие археологи, физики, химики и минералоги; открытие и изучение этих замечательных комплексов — пример взаимодействия наук и научных школ.

М. Муха (Познань, ПНР) представила доклад о состоянии и перспективах работ над позднесредневековым и новым гутным стеклоделием в Польше. Отмечая заслуги своих предшественников, автор специально подчеркнула роль национального комитета Международной Ассоциации по истории стекла, который придал международное звучание польским работам по истории, археологии и технологии стекла (советского национального комитета в этой организации нет). Гутное стеклоделие в Польше развивалось равномерно в течение XIV— первой половины XVII в., различия были скорее региональными. Во второй половине XVII в. появляются фабрики, принадлежащие аристократам. Продукция и история самих фабрик оказались в поле зрения современных исследователей, а история тут отошла далеко на задний план. Восстановление этой ветви польского стеклоделия — важная исследовательская задача. Ее решение возможно при условии разведок и раскопок гут, детальной ревизии письменных источников. Необходимы уточнение сырьевой базы, выявление продукции, разработка надежной хронологии и т. д.

Огромный интерес вызвал доклад о состоянии и перспективах изучения венецианского стеклоделия, который прочитала Э. Табачинская (ИХКМ, ПНР). Острова венецианской лагуны (среди них самый известный — Мурано) были удобным местом, где стекольные мастерские существовали традиционно с VII в., начиная с мастерской на о-ве Торчелло, которую в течение многих лет раскапывала польско-итальянская экспедиция. Результаты этих работ публиковались постепенно, а в 1985 г. в Риме опубликованы отчеты о раскопках, подробные исследования и комментарии добытых материалов. Рассказ о раскопках в Торчелло был вписан в историю венецианского стекла, возрождение которого, сопровождавшееся организацией музея и школы, приходится на 80-е годы XIX в.

И. Савицкая (ПНР) в своем докладе представила состояние и перспективы работ над проблемой импортов стекла в римскую эпоху и в раннем средневековье на территорию современной Польши. Открытие мастерских (Волин, Щецын, Крушвица, Ополе и т. д.) дало новые основания для рассмотрения проблемы и положило конец представлениям об импорте стекла как единственном его источнике. Перспективы работ в этом направлении докладчица ставит в зависимость от количества материалов, масштабов работ и использования технических данных.

Ф. Фрыда (Пльзень, ЧССР) представил типологию чешского стекла XIII—XVI вв. Поиски новых форм и декоративных приемов отличают чешское стеклоделие этой эпохи. Прекрасные рисунки — реконструкции форм, выстроенные в ясный типологический ряд, дополнили четкое изложение темы.

Для древнего польского стекла XIII век — своего рода рубеж, где археологический источник перестает быть если не единственным, то главным; начиная с XIV в. сохраняются сами вещи, их описания или изображения. С. Чепеля Кубальская (ПНР) представила материалы, которые красноречиво характеризуют XV в. как время широкого потребления стекла, посудного и оконного. В XV в. складывается производство стекла «на каждый день», употребление которого очень ярко, по ее мнению, характеризует уровень материальной культуры. Автор показала, сколь велико было значение археологии для восстановления облика позднего повседневного стекла (XVIII в.). Вне археологии не были бы известны ни рюмки, ни бутылки, ни стаканы, ни флаконы, которыми поль-

зовались городской люд, ремесленники и торговцы, которым продукция магнатских фабрик, естественно, была недоступна.

Художественному польскому стеклу XVII—XVIII вв. посвятили свой доклад Г. Хойнацкая и П. Хшановская (ПНР). Изучение его началось с коллекционирования, регистрации имен владельцев фабрик, а затем и названий сосудов. Государственная коллекция стекла включила в себя национализированное имущество магнатских фамилий: Радзивиллов, Сангурских, Самборских и др. Во второй половине XVII в. формируется производство посуды, которую отличало особое качество, зависевшее от профессионального уровня изготовителей, материальных возможностей и художественного вкуса потребителей. Особая роль в развитии польской художественной посуды, зеркал и подсвечников отводится ужецко-налибокской мануфактуре Радзивиллов, которая сейчас находится на территории БССР. Авторы доклада отрицательно относятся к работам М. М. Яницкой, характеризующей продукцией этой мануфактуры художественное стекло Белоруссии XVIII в. Оценки ужецко-налибокской мануфактуры, как представляется, должны быть академическими, а не амбициозными, амбициозность делает изложение истории и польского, и белорусского стекла неадекватным.

Два доклада касались общих проблем древнего стекла: один — консервации (Б. Сольдендорф из Торуни, ПНР), другой — типологизации изделий из стекла по технологическому основанию (З. А. Львова, СССР).

А. Гирдвойнь (Варшава, ИХКМ), оценивая состояние работы над технологией древних стекол в Польше, обратила внимание, что успех в этом деле приносят не только методы, но и профессиональная подготовка специалистов, особенно археологов, обращающихся к новым для себя сюжетам, входящим в компетенцию иных научных специальностей. Автор полагает, что самые лучшие результаты приносит кооперация специалистов, подобно той, которая работала над «Каталогом анализов древнего стекла Восточной Европы и Закавказья с древнейших времен до XIII в.».

Е. Мачеевский (ПНР), филолог из Университета в Торуни, в свете названий мест и поселений рассмотрел размещение гут на Поморье. Он отметил, что название «гута» и все производные от этого корня связаны на Поморье со стеклоделием, а не с кузнечным или иным делом, несмотря на значение исходного немецкого — «мастерская, хижина, фабричное здание».

Топография новых гут на Поморье, о которой говорил М. Рубникович (Торунь, ПНР), первоначально восстанавливалась по названиям мест и поселений. В настоящее время существует большая программа по истории новых гут, которая предполагает верификацию топонимики, проведение разведок и раскопок на месте гут, разведку сырья и т. д. Т. Бородзей (Люблин, ПНР) рассказала об исследованиях в Великой Воле неизвестной ранее гуты XVI в.

Программу симпозиума завершал доклад М. Маркевич (Торунь, ПНР) о стекле в иконографии, т. е. в изобразительном искусстве.

Сверх программы Я. Яблковский (Варшава) по поручению проф. Тушевского рассказал о компьютерной программе PPGM, основные принципы и конкретные разработки которой можно распространить на древнее стекло.

В ходе дискуссий высказывались разные мнения, давались оценки докладам и вносились предложения. Отмечу одно из них — об ответственности ученых и их обязанности нести людям достижения науки и культуры, в частности те, о которых шла речь на симпозиуме.

Прочитанные доклады будут опубликованы в Трудах Университета им. Николая Коперника — «Acta Universitatis Nicolai Copernici», под специальной рубрикой «Arceologia szkła». Следующий симпозиум предполагается провести через 3 года.

Ю. Л. Щапова

ВСЕМИРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

С 1 по 7 сентября 1986 г. в Саутгемптоне (Англия) состоялся Всемирный археологический конгресс. Этот форум действительно принял широкие международные масштабы — среди участников, число которых превышало 1100 человек, были представители более 100 различных стран, включая такие, которые ранее почти не были представлены на подобных симпозиумах и совещаниях (Папуа-Новая Гвинея, Филиппины и др.). В ходе подготовки конгресса его оргкомитет столкнулся с вопросами, носящими острый политический характер. В конце 1985 г. муниципалитет Саутгемптона, где к этому времени победили лейбористы, студенческая ассоциация университета Саутгемптона и ассоциация преподавателей того же университета категорически выступили против участия в работе конгресса делегации от ЮАР. После некоторых колебаний большинство оргкомитета отказало этой делегации в приезде. Это вызвало негативную реакцию Международного союза доисториков и протоисториков, который в целом высказался против этого решения, отказал конгрессу в финансовой поддержке и попытался снять гриф с титула конгресса. Оргкомитет подвергся резким нападкам и оскорблениям как в самой Англии, так и в ряде западных стран, в том числе в США, Франции и ФРГ. Кризисная ситуация подробно освещалась средствами массовой информации. Статья «Апартеид разделил археологов» была опубликована в «Обсервер» прямо накануне конгресса — 24 августа, а в «Таймс» высказывалось мнение, что сам конгресс будет жалким и непредставительным.

В этих условиях поддержка линии оргкомитета археологами СССР и лично академиком Б. А. Рыбаковым как вице-президентом Международного союза доисториков и протоисториков

имела большое политическое значение, была положительно оценена прогрессивной частью археологов Западной Европы и делегациями неприсоединившихся стран, способствовала определению линии поведения ряда делегаций. Такое же значение имело и участие в работе конгресса советской делегации, включавшей в свой состав ученых Москвы (В. П. Шилов — глава делегации, В. П. Алексеев, М. А. Итина, Х. А. Амирханов), Ленинграда (В. М. Массон, В. П. Любин, В. И. Денисова), Грузии (К. Н. Пицхелаури, Т. В. Кигурадзе), Армении (Б. Г Ерицян) и Латвии (Э. С. Мугуревич). Кроме того, целый ряд сообщений советских исследователей был представлен в письменной форме и опубликован в материалах, изданных к конгрессу.

Работа конгресса в целом отразила современное состояние и тенденции археологической науки. Наиболее примечательными являются два обстоятельства: особое внимание к разработкам, носящим методологический и теоретический характер, и к проблемам культурного наследия в современном мире. Такой подход был в значительной мере намечен и организаторами конгресса, подчеркивавшими эту направленность в предварительно разосланных документах. На конгрессе работали 18 секций, на которых было заслушано более 1000 докладов. Среди них имелись секции с традиционной тематикой и наименованиями: неолит Европы, неолит Африки, медный и бронзовый век Старого Света, племена железного века Африки южнее Сахары, проблемы средневековой археологии (400—1400 гг.), палеометалл Южной Азии. Однако они не были особенно насыщены докладами и освещали главным образом накопление новой информации и некоторые аспекты ее специальных разработок. Генеральной тенденцией в археологии становится особое внимание к обобщающим, реконструктивным и общеметодологическим разработкам. Поэтому особым успехом пользовались насыщенные докладами и проходившие при значительной аудитории секции «Археологический объективизм в интерпретации», «Сравнительное изучение развития комплексных обществ», «Социальный и экономический контекст технологических изменений».

Интерес к методологическим и теоретическим аспектам весьма показателен и охватывает самые разнообразные национальные археологические школы. Так, канадский ученый А. У и л и выступил с докладом «Природа факта и природа личностного отношения исследователя», нигерийский ученый О. Е л у е м и предложил доклад «Субъективность объективности в археологии на примере Нигерии», аргентинская исследовательница М. М е н д о с а сделала доклад «Социокультурные и экономические элементы адаптационных систем аргентинской Тобы». Доклады и сообщения, проходившие на секции, посвященной так называемым комплексным (т. е. по существу в основном классовым) обществам, были сгруппированы по темам: становление комплексности; типы господства; государство и общество; отношения центр — периферия; европейская экспансия и археология капитализма. В докладах и выступлениях налицо тенденция к использованию ряда базовых положений исторического материализма, оказывающего (при такой нацеленности тематики) прямое или косвенное воздействие на исследователей. Так, археолог из Саутгемптона С. М е й с представил доклад «Марксизм и социальная организация в Центральной Европе в эпоху ранней бронзы».

Выдвижение уже на этой секции темы «Европейская экспансия и археология эпохи капитализма» отражает вторую тенденцию в работе конгресса и в мировой археологии в целом — упор на актуальные вопросы современности, в той или иной форме связанные с изучением проблемы культурного наследия. По названной теме был сделан целый ряд интересных докладов: П. Роуландса (Лондон) — «Колониализм, археология и конституализация африканского крестьянства», М. Д. Замора (Манила) — «Колониализм, аккультурация и языковые изменения на примере Филиппин» и др. Тематика культурного наследия широко была представлена и на секции «Археологический объективизм в интерпретации». Здесь специальные заседания были посвящены таким темам, как «Политика в отношении прошлого», «Прошлое и просвещение», «Молодежь и прошлое», «Местное восприятие прошлого», с подтемой о местных историях и археологических данных. На этих заседаниях в качестве докладчиков и участников обсуждения заинтересованно выступили как ученые из Западной Европы (в основном из Англии) и США, так и представители развивающихся стран, в первую очередь Африканских. В течение одного дня на конгрессе работала специальная секция «Материальная культура и формирование современных Соединенных Штатов: взгляд местных индейцев». Здесь следует отметить доклады двух ученых из США, индейцев по происхождению: Ж. Хэммил — «Американские индейцы против унижения» и С. М у р — «Индейские захоронения и закон». В специальную секцию была выделена тема «Массовая археология и использование культурных ресурсов». Все это ярко демонстрирует возрастание политико-воспитательной и мировоззренческой функции исторических наук, и в частности археологии.

В целом деятельность секций конгресса была очень насыщенной и широкомасштабной. Достаточно сказать, что перечень и расписание докладов по программе конгресса заняли целую книгу. Естественно, что небольшая советская делегация, в состав которой входило 11 человек, не смогла посещать все заседания и принимать участие в обсуждении докладов на всех секциях, тем более что они заседали параллельно. Можно отметить, что, например, польская делегация состояла из 23 человек, американская — из 25, индийская — из 50.

Остановимся кратко на характеристике работы секций, в которых принимали участие советские исследователи. Такова секция, получившая общее название «Перспективы изучения плейстоцена». Доклады здесь группировались по трем крупным проблемно-тематическим направлениям: палеоантропология и эволюция человека; палеоантропология, поведение человека и экология; культурная адаптация человека в позднем плейстоцене и раннем голоцене.

В работе этой секции приняли участие четверо советских ученых: В. П. Алексеев, В. П. Любин, Х. А. Амирханов и Б. Г Ерицян. Фактически на этой секции обсуждались три кардинальные проблемы, вызвавшие наибольший интерес участников и наиболее оживленный обмен мнениями. 1. Палеоантропология древнейших гоминид Азии. Здесь китайские специалисты продемонстрировали новые находки гоминид — древнейших (рамапитеков и гигантопитеков) и древних (неандер-

тальцев), сделанные на территории Китая. Датировка рамапитеков в Китае синхронна примерно индийским, обнаруженным на Сиваликских холмах. В результате этих находок резко расширяется ареал этой группы гоминид, ранее казавшийся узко замкнутым. А это меняет наши представления и об экологии этой группы, и о ее роли на начальных этапах антропогенеза. Находки же неандертальца в Китае имеют особое значение в связи с существовавшей и иногда повторяющейся и сейчас идеей о существовании разрыва между древнейшим нижнепалеолитическим населением на территории Китая и верхнепалеолитическим. Китай якобы заселялся дважды, поскольку древнейшие гоминиды вымерли в Юго-Восточной Азии.

2. Палеоантропология и археология древнейших гоминид Африки. Находки древнейших людей в Восточной Африке и в других ее областях постоянно увеличиваются, и сейчас основная задача состоит в том, чтобы их правильно систематизировать, а это требует их тщательного и подробного описания. К сожалению, эта работа запаздывает — возможно, в связи с ажиотажем вокруг новых находок. Об этом говорил на заседании проф. В. П. Алексеев, с чем согласились все участники секции. Во всяком случае, все делегаты этой секции обогатились новой информацией по данному вопросу.

3. Локальные варианты в эпоху палеолита. Особенно представительные материалы, полученные при раскопках новых памятников, были продемонстрированы археологами Индии. Чересполосица в распространении памятников с различными индустриями показала, что существующая типология кремневых изделий Борда далеко не достаточна и требует серьезных доработок. Был поставлен вопрос о создании новой типологии кремневых изделий.

На этой секции следует отметить три доклада советских исследователей: обобщающий доклад В. П. Любина «Раннепалеолитические индустрии Восточной Европы и Кавказа», где дано широкое полотно связей древних племен в эпоху палеолита Восточной Европы и Кавказа. Не менее важным явился доклад Х. А. Амирханова, который исследовал в Южном Йемене древнейшую стоянку человека со стратиграфически расчлененным слоем с остатками фауны и древесного угля, синхронную памятникам, открытым супругами Лики в Кении, так называемой олдувайской культуры. Видимо, со временем и в Южном Йемене будут выявлены остатки древнейшего человека, как в Кении. Любопытно, что только на этой секции была получена информация, что американские археологи обнаружили следы той же культуры в Саудовской Аравии, но не в слое.

Доклад Б. Г Ерицяна был посвящен палеолитическим культурам Армении и системе их изучения. В докладе была дана информация о новых материалах и приведены теоретические выводы, вытекающие из системного анализа этих материалов, а также поставлен вопрос о выявлении критериев различия комплекса и индустрии.

Три доклада были хорошо иллюстрированы и подверглись доброжелательному обсуждению.

Среди других докладов, прозвучавших на секции, следует отметить по первой проблеме доклады М. А. Дея «О гоминидах Кооби фора», С. С. Махапатца «О начале гоминизации в западных предгорьях Гималаев», Хуан Кунхо «О биокультурной эволюции в Китае», Аллсфорта Джона «Селет: главные тенденции, новые данные, проблемы» и др. По второй проблеме — доклады Вей Ки «Археологические остатки в раннем плейстоцене Китая», М. Салим «Палеолит Пакистана», М. Храмис «Ашивская культура на Ближнем Востоке: сравнительное изучение», Н. Пулианос «Нижний палеолит восточного Средиземноморья и Балкан». По третьей проблеме — доклады Й. Козловского «Периодизация гравета в южной Польше», Т Мадейра «О распространении человеческих поселений в Старом Свете в период 24—15 000 лет до наших дней», Гэй Пей «Успехи в изучении древнего палеолита Китая», М. А. Совинми «Влияние последнего ледникового максимума на среду в Экваториальной Африке», Н. Валкера «Жизнь в Зимбабве в 18 000 г. до наших дней и др.». Эти доклады вызвали большой интерес у исследователей каменного века Восточной Азии и Европы.

Особенно следует отметить в этой секции доклады ученых Индии, Китая, Арабского Востока и Африки. По существу, в Индии впервые были исследованы памятники палеолита. Вместе с тем следует также указать на работы школы С. Козловского в Южной Польше.

Секция проблемы объективности археологических процедур. Эта секция возглавлялась проф. П. Ако (Саутгемптонский ун-т), и ее основная задача — наметить объективные критерии при интерпретации археологических материалов, изучение возможностей археологических источников для воссоздания различных исторических процессов. Особенно привлекала здесь внимание проблема «объективность, этнические и культурные варианты в археологической интерпретации». По этой проблеме было зачитано несколько докладов, а затем проводился оживленный обмен мнениями.

Здесь в первую очередь следует отметить доклад на этой секции В. М. Массона «Изучение культурных процессов в древних обществах в советской археологии». В нем рассматривалось базовое значение понятия «культура» для трактовки археологических материалов, имеющих объективный характер именно в силу восхождения к древним реально существовавшим культурным комплексам. Таким образом, фундаментальное понятие «археологический тип» является материализованным выражением такого явления культурного процесса, как стереотипизация. Большое внимание в докладе на конкретных примерах было уделено взаимодействию традиций и инноваций как внутреннему механизму динамики культурного процесса, диалектической сложности культурного прогресса, а также эпохальным, региональным и локальным типам культур.

Следует также отметить доклады, посвященные проблемам этноархеологии, которые были прочитаны археологами из Ганы и Нигерии. Они интересны и теоретическим рассмотрением вопроса, и практической его стороной. Во многих докладах на самых разных хронологических уровнях рассматривалась возможность этнической атрибуции культурных признаков. Специальное заседание было посвящено ритуалу и погребениям, причем здесь в значительной мере в основу были положены

этнографические материалы. В докладе Н. Эгентера (Цюрих) была высказана мысль, что если в этнографической экспозиции материальная культура выявляется наиболее полно, то в археологической ее «обкрадывает история», и вообще археология и этнография противопоставлялись друг другу. Против этой точки зрения выступила в дискуссии М. А. Итина. В том же ключе говорили и индийские археологи, всячески подчеркивающие необходимость контакта этих двух дисциплин.

Несколько заседаний секции были посвящены проблемам отображения прошлого в организации музейного дела, в учебном процессе, в периодических изданиях и художественной литературе. Надо сказать, что в выступлениях представителей африканских государств звучал протест против вывоза предметов их национальной культуры, в том числе полученных во время раскопок, западными археологами. Интересное сообщение было сделано Дж. Геро и Д. Рут (США) об освещении вопросов археологии в журнале «National Geographic Magazin», который издается уже около 100 лет и по публикациям которого широкая публика знакомится с археологическими исследованиями. Авторы резко осудили ложно сенсационную и кладоискательскую манеру подачи материала, выразили возмущение тем, что во всех случаях в комментарии речь идет не о научной ценности открытий, а об их практическом утилитарном использовании. Такой подход заставляет их считать археологию на Западе обусловленной экономической и социальной системами капитализма и империализма и отражающей, следовательно, их идеологическую основу.

Два доклада (А. Банк и Б. Макканн, Немецкое отделение Саутгемптонского ун-та) были посвящены фальсификации прошлого в послевоенных западных изданиях, особенно ФРГ, публицистических и художественных произведениях, описывающих вторую мировую войну и зверства фашистов на Восточном фронте. Отразить полно многоплановость этой секции, так же как и других, трудно, нужно время для изучения ее материалов. На этой же секции прочитал интересный доклад В. П. Алексеев—«Локальные группы населения Средней и Передней Азии в эпохи энеолита и бронзы». Он, в отличие от установившейся в науке точки зрения, на основании глубокого изучения антропологических материалов показал связи древних популяций эпохи энеолита и бронзы Передней Азии со Средней Азией и Кавказом. По докладу развернулись прения, во время которых выступающие поддержали основную идею автора.

Секция «Сравнительное изучение развития комплексных обществ» тоже охватила огромный круг проблем, а хронологические рамки ее были необъятны — от первобытности до современности.

Среди теоретических докладов, посвященных анализу формирования и развития докапиталистических формаций, произвел хорошее впечатление доклад Г Эмигвале (Нигерия) «Марксистская докапиталистическая модель и раннее общество». В нем на очень четком анализе работ Маркса и Энгельса сделан вывод о возможной вариабельности перехода от одной системы к другой в отдельных конкретных случаях. Докладчица очень хорошо отвечала на вопросы, а кроме того, активно участвовала в дискуссиях, в частности в одной из них, возникшей в связи с вопросом о том, как формируется прибавочный продукт, на каком уровне развития общества он возникает, как оценивать его роль в развитии социального расслоения общества и т. д.

Заинтересованное обсуждение вызвала проблема роли ирригационного земледелия в экономическом и социальном развитии общества и перехода его на ступень протогородской и городской цивилизации. Проблемы социального неравенства рассматривались на примерах анализа погребального обряда, иерархическая структура общества разных периодов тоже являлась предметом обсуждения.

Доклад М. А. Итиной «Связи Переднеазиатских цивилизаций со Средней Азией» был прочитан на заседании, посвященном проблемам взаимоотношения центра и периферии. После демонстрации материалов раскопок в Хорезме особый интерес вызвали мавзолеи Тагискена, а также возникновение ирригационного земледелия в Хорезме. Сходной теме, но на более поздних материалах посвящен доклад Т. Синкевича (ПНР) «Сношения номадов Центральной Азии и Китая в средние века». Один из его основополагающих выводов: экономическая необходимость таких контактов, проявляющаяся во все времена между более развитыми цивилизациями и их кочевой периферией. Автор использовал в докладе и выводы советских исследователей.

На секции неолита Европы были заслушаны два доклада советских археологов: К. П. Пицхелаури — «Курганная культура центральной части Южного Кавказа», где дана новая периодизация памятников Закавказья; Т. В. Кигурадзе — «Южный Кавказ в системе раннеземледельческих культур Ближнего Востока». Т. В. Кигурадзе, говоря об истории древних племен Закавказья, впервые поставил вопрос о связях культур шулавери и куро-аракской, распространенной на территории современной Турции и всего Кавказа. Оба доклада получили высокую оценку на секции за широту постановки вопроса и тщательность анализа источников. В этой же секции заслушан интересный доклад С. Козловского (ПНР) о раскопках памятников докерамического неолита на территории Ирака.

На секции «Культурное использование животных» был заслушан доклад В. П. Шилова «Происхождение кочевого скотоводства». Докладчик стремился показать возникновение кочевого скотоводства эпохи ранней бронзы (ямной культуры) в Восточной Европе. Он наметил локальные зоны кочевого скотоводства степей Восточной Европы, связанные с бедным почвенным покровом и недостатком воды, и сосуществование регионов кочевых и оседлых укладов. По докладу развернулись прения.

Секция общественной археологии и культурных ресурсов (проблемная). Секцией руководил Г Клир — вице-председатель Международного комитета по охране и использованию археологических памятников.

Всего на секции заслушано около 40 докладов по следующим проблемам: 1) создание и развитие в ряде государств специальных учреждений и служб по охране культурного наследия (СССР, Австрия, Англия, Филиппины, Шри Ланка); 2) развитие законодательства в целях охраны археологи-

ческих памятников (СССР, Англия, Гана, Испания, Канада, США, Швеция); 3) необходимость введения в учебные курсы по подготовке археологов специального раздела по охране и культурному использованию археологических объектов (СССР, Англия, Италия).

По предложению оргкомитета конгресса В. П. Шилов сделал второй доклад —«Об организации археологической науки в СССР». В докладе была охарактеризована организация археологической науки в СССР, роль и значение головного учреждения — Института археологии АН СССР. Из работ, ведущихся этим институтом, было отмечено многотомное издание «Археология СССР». Перспективное планирование научных исследований в АН СССР вызвало особенно большой интерес. В докладе также освещались вопросы организации и финансирования археологических работ на новостройках.

На той же секции был заслушан доклад В. И. Денисовой «Об опыте организации археологических музеев в СССР», которая показала, как на базе узловых археологических памятников в СССР создаются новые музеи. В. М. Массон сделал доклад «Об охране археологических памятников в СССР», вызвавший оживленную дискуссию на секции.

Интересные вопросы были подняты в докладах К. Майла (Гана) «Законодательные и административные меры по регистрации, исследованию, защите, консервации и музеефикации древних памятников и археологических объектов Ганы»; Р Пеасе (Канада)—«Охрана культурного наследия на федеральном, региональном, муниципальном и общественном уровнях в Южном Онтарио»; Р Левери (Англия) «Общественная политика и охрана культурного наследия: стратегия по отношению к стене Адриана».

На секции средневековой археологии заслушано 24 доклада. Докладчики представляли следующие страны: ПНР, ЧССР, ВНР, СФРЮ, Великобританию, ФРГ, Швецию, Данию и Кению.

В докладах рассматривались такие вопросы, как возникновение замков и городов (ПНР, ЧССР, Великобритания), развитие ремесел и денежного обращения (Великобритания, Швеция), переселение народов и их взаимные контакты (ВНР, Скандинавия), роль взаимосвязей в развитии поселений и общественных отношений (ЧССР, СФРЮ, Великобритания). Некоторые доклады были посвящены антропологическим и одонтологическим проблемам (ПНР, ЧССР, Дания).

Из более успешных докладов надо отметить выступления З. Кобылинского (ПНР) о возникновении польских средневековых замков и Г. Феринга (ФРГ) о развитии средневекового Любека на месте западнославянского города Любеце. Доклад Э. С. Мугуревича (СССР) «Связи между местными и западными культурами Ливонии в XIII—XVI вв. н. э.» был посвящен вопросу взаимоотношений местной (восточноприбалтийской) и германской культурами в средневековой Ливонии. Интерес вызвал главный тезис доклада о существовании двух культур в Ливонии в XIII—XVI вв. Вопреки утверждениям прибалтийско-немецкой и западной историографии, подчеркивающей германско-немецкую миссию в развитии латышской культуры, в докладе было показано, что последняя в XIII—XVI вв. создавалась на базе наследия местных народностей. В прениях было отмечено, что подобные исследования необходимы и в других странах Европы.

Во время конгресса участники посетили два выдающихся памятника Южной Англии — комплекс Стоунхендж, истоки формирования которого сейчас относятся к 2800 г. до н. э., и укрепленное городище Мейди Кастл, расположенное на естественной возвышенности, обживавшейся начиная с 3000 г. до н. э., и усиленное фортификационными сооружениями в античную эпоху. Здесь можно было ознакомиться с методикой раскопок английских археологов.

Уже после окончания работы конгресса его участники посетили в Лондоне в Британском музее выставку «Археология в Британии», специально открытую к Всемирному археологическому конгрессу. Здесь были представлены наиболее выдающиеся открытия британских археологов за послевоенные годы, охватывающие все эпохи, начиная с поры палеолита и вплоть до XVII в.

Итогом деятельности конгресса явилось пленарное заседание, подтвердившее научный и политический успех этого ответственного международного форума. В выступлениях представителей СССР, Англии, Дании, США, КНР, Индии, Панафриканского союза археологов была поддержана линия оргкомитета. Это нашло отражение и в приветственной телеграмме конгрессу от генерального секретаря Британского содружества наций. Несмотря на попытки процедурного противодействия со стороны некоторых археологов Западной Европы и США, на пленарном заседании подавляющим большинством голосов была принята резолюция, одобряющая работу конгресса и создан временный рабочий комитет для переговоров с Международным союзом историков и протоисториков с целью улучшения его структуры и более полного отражения интересов археологов всех стран мира. В состав комитета были включены не представители отдельных стран, а представители регионов: Африки, Восточной Азии, Южной Азии, Западной Европы, Восточной Европы, Австралии и Тихого океана, Северной Америки, Южной Америки. От региона Восточной Европы в состав оргкомитета был включен В. П. Шилов. Эти решения, как и голосование по ним, были встречены с большим энтузиазмом как победа прогрессивной линии в организации международного сотрудничества в сфере науки.

Опыт работы позволяет предложить некоторые рекомендации и для совершенствования советской археологии. Совершенно ясно, что необходимо усиление исследований методологического характера, решающих на конкретных материалах актуальные проблемы древней истории с позиций современной марксистско-ленинской философии. Необходимо уделить особое внимание пропаганде достижений советской археологии и практики культурного строительства в СССР с органическим использованием культурного наследия. Вероятно, следует поставить вопрос и о публикации ряда итоговых работы советских археологов в издательстве «Наука» на английском языке.

В. П. Шилов, В. М. Массон

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ И АВТОРАМ

Товарищи и коллеги!

Впервые за 30 лет существования журнала «Советская археология» его работа публично обсуждалась на объединенном (московском и ленинградском) Ученом совете Института археологии АН СССР в июне 1988 г. Естественно, что журнал подвергся довольно резкой критике (накопившейся за три десятилетия), с которой во многом старому составу Редколлегии пришлось согласиться. Наряду с критической оценкой работы журнала были сделаны вполне здравые и интересные предложения, направленные на частичное изменение и совершенствование журнала. Эти предложения, а также свои собственные соображения, возникшие в процессе обсуждения, новая Редакционная коллегия журнала «Советская археология» восприняла вполне творчески и активно приступила к выполнению тех решений, которые она приняла на последующем после Ученого совета своем заседании.

Прежде всего, очевидная польза публичного обсуждения привела Редколлегию к выводу о необходимости организовать помимо читательско-авторских конференций, которые можно будет проводить во время наших Пленумов и Сессий, постоянно действующий «круглый стол» на страницах журнала. Надеемся на ваше участие в его работе, ждем ваших конкретных предложений по возможному улучшению работы журнала, по улучшению качества публикуемых в нем статей, предложений о том, по какой именно тематике статьи вы хотели бы прочитать или опубликовать в нем. Думается, что журнал сможет выделить небольшой раздел для публикации авторско-читательских писем (с условием их максимальной краткости).

Все вы знаете, конечно, что «Советская археология» единственный пока археологический журнал в Советском Союзе. Публикационные возможности журнала крайне ограничены — всего 76 п. л. в год, а количество авторов-археологов, присылающих нам статьи, неизменно растет с каждым годом. Эти обстоятельства приводят к чрезвычайной переполненности редакционного портфеля, а это, в свою очередь, ведет к невероятно длительным срокам «прохождения» статьи с момента ее регистрации до выхода в свет, достигающим иногда 5 лет. Особенно долго ждут своей очереди работы публикационного характера, поскольку, как правило, они поступают в наибольшем количестве и редко бывают компактными и хорошо в авторском варианте отредактированными. Это заставляет Редколлегию принять самые суровые решения относительно статей-публикаций. Отныне будут приниматься к печати публикации только исключительно ярких, интересных материалов, дающих принципиально новые данные, позволяющие осветить до сих пор мало или совсем неизвестные страницы культуры или истории. Те же требования будут предъявляться и к заметкам, размеры которых ни в коем случае не должны превышать пяти страниц.

Иные требования будет предъявлять Редколлегия и к работам, входящим в статейный отдел. Желательно получать от вас, товарищи, статьи обзорные и обобщающие, статьи, в которых ставились бы и по возможности решались проблемы, имеющиеся на всех направлениях нашей науки. Статьи, в которых поднимаются спорные вопросы, будут печататься в специальном отделе дискуссий. В нем же будут помещаться и ваши отклики на эти статьи (ответные статьи, письма и пр.).

В связи с тем, что в наш журнал, очевидно, по ошибке и незнанию авторы нередко присылают статьи, выводы которых не опираются на археологический источник, следует подчеркнуть, что журнал будет принимать статьи преимущественно археологические, т. е. основанные на археологических данных.

Уникальность журнала и незначительность его годового объема не позволяют печатать не археологические статьи. Однако, в наше время нельзя работать, не учитывая достижений и даже методики других наук, как смежных, так и относительно далеких, начиная с этнографии и лингвистики и кончая биологией и математикой. Поэтому статьи, синтезирующие материалы, наблюдения, методику и выводы ряда наук для обработки и осмысления своего материала, естественно, будут особенно приветствоваться Редколлегией.

На ближайшие пять лет Редколлегия наметила примерный перспективный тематический план работы журнала, касающийся практически тех проблем, которые сейчас можно считать наиболее актуальными и дискуссионными в нашей науке:

1. Проблемы нижнего палеолита — хронология, происхождение, принадлежность к культурным ареалам.

2. Хронология, периодизация, культуры и культурные общности эпохи бронзы евразийских степей.
3. Этнокультурные отношения в евразийских степях I тыс. до н. э.
4. Археологические источники и историческая социология.
5. Проблемы генезиса феодализма в восточноевропейском и азиатском средневековье (по археологическим данным).
6. Проблемы этногенеза и взаимоотношений этносов в археологии.
7. Византия и Восточная Европа (по археологическим данным).
8. Проблемы прибалтийской археологии.

Редколлегия попытается организовать на страницах журнала обсуждение ряда весьма злободневных проблем, касающихся взаимодействия археологии с другими науками: лингвистикой, этнографией, антропологией, исторической психологией, а также ряда вопросов, относящихся к теории нашей науки.

Просим вас давать конкретные темы статей по предложенной проблематике. Что бы вы хотели видеть и обсудить на страницах журнала? Ваши предложения будут обсуждены и учтены при создании планов на следующее пятилетие. Кроме того, поскольку тематический план журнала не должен быть неподвижной махиной, сковывающей работу, мы всегда сможем, в соответствии с вашими пожеланиями и предложениями, менять его, исключать одни, запланированные, но не получившие должного отклика темы, и включать другие — более перспективные и значительные.

Редколлегия уведомляет, что, помимо уже начавшего свои первые шаги отдела дискуссий, в журнале будет открыт отдел истории нашей науки. В него будут включаться статьи, очерки, эссе о русских, советских, зарубежных археологах, об истории идей и концепций, о крупных экспедициях, об открытиях отдельных памятников, ставших краеугольными в науке.

Перечисленные выше проблемы тематического плана должны в известной степени определить и наши пожелания относительно рецензий. Хотелось бы, чтобы ваши рецензии были направлены на обсуждение книг (советских и зарубежных), которые в той или иной мере касаются проблем, поднимаемых в статьях.

Таким в дальнейшем представляется журнал «Советская археология». Следует сказать, что изменение его лица всецело зависит от вас, товарищи! До сих пор, как вы знаете, журнал печатал (хоть и с огромным запозданием) все, что поступало в его портфель и соответствовало квалификационным требованиям. Сейчас Редколлегия пытается дать основные направления журналу и надеется, что он будет информативнее, содержательнее, интереснее, будет больше отвечать современному уровню развития науки. Итак, ждем ваших новых статей, публикаций, заметок, рецензий, которые сделают возможным осуществление перестройки журнала.

Главный редактор журнала
«Советская археология» С. А. Плетнева

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ — Античная древность и средние века. Свердловск
АИЗ — Археологические известия и заметки Московского археологического общества
АИМ — Археологические исследования в Молдавии
АО — археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АРТ — Археологические работы в Таджикистане
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВАСК — Всесоюзная археологическая студенческая конференция
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск; Ижевск
ВДИ — Вестник древней истории
ВКФ АН УзССР — Вестник Каракалпакского филиала Академии наук УзССР
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры
ГИМ — Гос. Исторический музей
ГЭ — Гос. ордена Ленина Эрмитаж
ЗКВ — Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии Наук
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии СПб.
ИИАЭ АН КазССР — Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ИМКУз — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИЭ — Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК.— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КСОГАМ — Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского археологического музея
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МДАПВ — Матеріали і дослиджения з археології Прикарпаття і Волині. Київ
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИ ГММК — Материалы и исследования гос. музеев Московского Кремля
МХЭ — Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОАМ — Одесский гос. археологический музей
ОИРК — Отдел истории русской культуры Гос. Эрмитажа
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПУАК — Полтавская ученая архивная комиссия
РАЖ — Русский антропологический журнал
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры

РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва; Ленинград
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СЭ — Советская этнография
ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
УІЖ — Украïнський історічний журнал. Киïв
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете
AAH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
BAR — British Archaeological Reports. Oxford
CAn — Current Anthropology
CISPP — Congres international des sciencés préhistoriques et proto historiques
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
SIA — Slovenská Archeologia

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией Е. В. Бубнова

Технический редактор *Синицына Е. В.*

Сдано в набор 14.07.89. Подписано к печати 12.12.88. Формат бумаги $70\times100^{1}/_{16}$
Офсетная печать. Усл. печ. л. 24,7. Усл. кр.-отт. 89,5 тыс. Уч.-изд. л. 31,0. Бум. л. 9,5
Тираж 3601 экз. Зак. 2134

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6